

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

АРКАДИЙ ХАЙТ

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

1. Паровозы Двор
Бureau up
2. Дворы Кухни
в сбер. Т

-
- Just an exchange. En
 - The - Dvor, per K
 - Dvor, per K
 - Can you?
 - One up to 1
 - a see by
 - He type me to
 - see me: in
 - Section per D
 - A small one, in
 - see me per
 - The one can. Ch
 - no to, a per
 - There to take
 - 21!
 - Working. The best
 - y to up was
 - There Bureau
 - The he up to

не Синодального
Татари
стат Татари
Татарии.

не только один
семья?
и его род.

не только один
не только
бы. и ему в семье
родной и при нем
родной.

бы, не то только
и только и только
родной и только
родной и только
род.

родной и только, и
родной. Только
и только и только
родной и только.

1. Паровозы Двор
Билдинг

2. Дворы Кинне
в сф. т

Just an saying. &

- The - Dvor, per K

- Dvor, per K

- Can you?

- One up to 1

- he up to 1

also up to 1

5000 per D

- A small one, per

also up to 1

- The one, per

no more, a per

- Dvor to Dvor

- 211

- Dvor, The Dvor

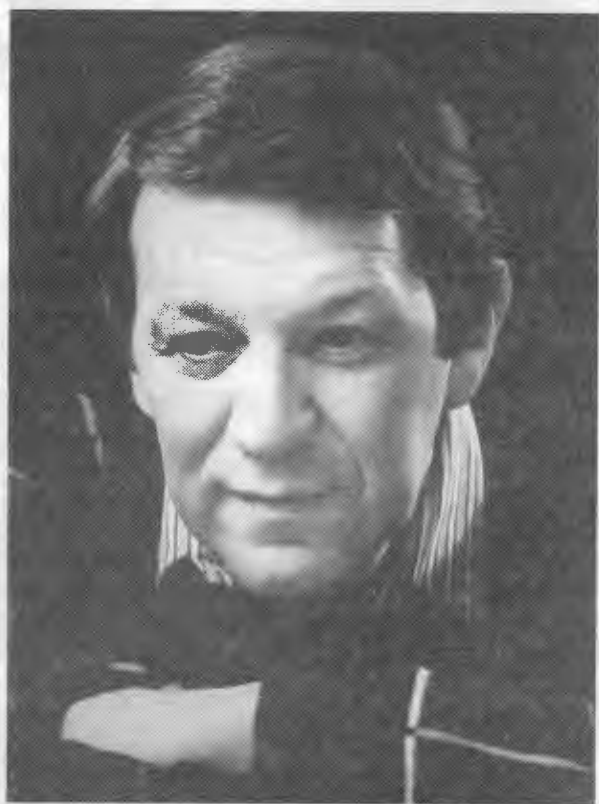
4 per up to 1

also up to 1

- The one, per

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Аркадий Хайт

«ЭКСМО» 2004

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-7
X 12

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Аркадий Хайт

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остан»

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта Юрий Кушак

Дизайн обложки Лев Яковлев

В книге использованы материалы из семейного фотоальбома.
Редколлегия благодарит Александра Иосифовича Хайта, брата
Аркадия Хайта, за огромную помощь в создании этого тома.

Хайт А.

X 12 Антология Сатиры и Юмора России XX века.
Том 35. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 672 с., ил.

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-7

- © Александр Иосифович Хайт, наследники, 2004
- © Александр Иосифович Хайт, вступительная статья, составление, 2004
- © ООО «Издательство «Эксмо», 2004
- © А. С. Левенгук, вступительная статья, 2004
- © Ю. Н. Кушак, составление, 2004

ISBN 5-699-08446-0 (т. 35)
ISBN 5-04-003950-6

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Левенбук. ...И заменить его нельзя, или Писатель, похожий на кота Леопольда	8
Александр Хайт. Кто такой Аркадий Хайт?	13

Интермедии, монологи, рассказы

Шестое чувство	19
Аксиома	24
С авторучкой в глубь веков	27
Мечта	31
Друг природы	33
Полный покой	36
У нас все равны	39
Дурак	41
Дефективный	43
Лифт	45
Мелочь	48
Тараканы	50
Попугай	53
Сказки для взрослых	55
Кирпич на голову	60
Маленький «Гранд-отель»	63
Люди добрые	71
Наши Соседушки	74
Не понимаю...	80
Завешание	83
Инопланетянин	94
Что дают?	99

Пугало	102
Театр одного актера	105
Когда я смотрюсь в зеркало	110
Однофамилец	115
Школьные годы	119
Внутренний голос	121
С добрым утречком	126
Международная панорама	130
Рекомендация	133
Перестройка на семейном фронте	137
Не в названии дело	140
Письмо из 2000 года	147
Моя предвыборная программа	150

Зарубежные гастроли

Прямо с одесского Привоза	155
Еврейские мужья	161
Еврейские жены	166
Одесский трамвай	171
Коммерсанты	177
Тбилисо	182
У самовара...	188
Соломон Маркович рассказывает	194
Тетя Миня — всемирная сваха	222
Врачи советуют смеяться	227
Телефонный разговор (Нью-Йорк — Бобруйск)	233
Брайтон-Бич	236
Боря — аид ашикер	240
А идише мама	246
Театральный разъезд	251
Русский язык	257
«Еврейские песни периода перестройки»	261

Пьесы и сценарии

Поезд за счастьем	277
Шлягер, шлягер, только шлягер	322
Месть кота Леопольда	359
День рождения кота Леопольда	397
Паспорт	429
Моя кошерная леди	473

«Радионяня» и рассказы для детей

Веселая грамматика «Радионяни»	525
Рассказы для детей	602

Мои друзья — актеры

Мои друзья — актеры	615
Рыцарь веселого образа	624
Райкин и Утесов	631

Притчи

Три медведя	639
Свадьба, или Сплошной обман	641
Супружеская пара	643
Человек с гитарой	645
Игроки в карты	647
Пара на фоне весеннего пейзажа	649

Друзья вспоминают

Геннадий Хазанов. Встречи — первая и последняя	653
Александр Курляндский. Мы начинали вместе	655
Эдуард Успенский. Он умел рассмешить	657
Игорь Кваша. Подарок судьбы	658
Евгений Петросян. Юморист от бога	660

...И заменить его нельзя,

или Писатель, похожий
на кота Леопольда

Где-то в начале 60-х в Харькове

во Дворце спорта вечер московских юмористов. Такие праздники смеха организовывал тогда и вел Алексей Леонидович Полевой. Помните, в «Карнавальной ночи» фокусник в чалме? Это он. Идет концерт, Полевой объявил уже всех именитых, популярных, а скромного, почти неизвестного Аркашу Хайта забыл. Ну, что делать, извинился, попросил публику о снисхождении к молодому писателю, объявил. Хайт вышел и говорит:

— Вам уже читали, рассказывали, пели. Ну что я буду еще вам рассказы читать, давайте я лучше станцюю. Кто-нибудь мне поможет?

Поднимается девушка на сцену, включается музыка, Хайт танцевать умел здорово, так что у вечера юмора получилась эффектная танцевальная концовка.

Хайт вообще многое умел. А чего не умел — старался научиться. Поэтому он любил браться за работу, которой до этого не делал. Посмотрите, нет жанра, где бы он себя не попробовал. И успешно. Монологи для Хазанова, диалоги для Лившица — Левенбука, сценки для Винокура или Петросяна с партнерами, песенки для «Радионяни» и мультфильмов, пьесы для детей и для взрослых, кино от короткометражного в «Фитиле» до полнометражного «Паспорта». К этому добавим его музыкальность, прекрасный английский, немецкий, на которых он объяснялся и шутил, понимал идиш, чешский, польский, эстонский, очень много читал, знал живопись, много лет изучал мюзикл, прекрасно знал мультипликацию... Несколько раз Аркаша писал обзоры советского искусства для одного крупного американского журнала, о литературе, театре, кино, живо-

писи. Писал под псевдонимом или без подписи. Наверное, писал хорошо, если у него опять заказывали. Конечно, он это делал скорее всего из спортивного интереса.

Жванецкий однажды в компании авторов-юмористов, которые о чем-то спорили, сказал:

— Что вы спорите? Вам дай задание, разведи по разным комнатам, через пять минут Хайт всех обыграет.

Он уважал Хайта, приглашал на свои концерты. Когда они за кулисами разговаривали — это был праздник для всех, кто слышал этот поток остроумия. Хайт скажет — Жванецкий смеется, Жванецкий скажет — Хайт заливается.

Хайт замечательно смеялся. И над своими шутками, и над чужими. Коллегам не завидовал и ни о ком плохо не говорил. Но любил немногих. Григорий Минников. Очень способный был автор. Когда его не стало, Аркадий собрал его книжку, отредактировал и помог издать. Анатолий Трушкин. Хайт считал его настоящим самобытным писателем. Семен Альтов — прирожденный рассказчик. И, конечно, Михаил Жванецкий выше всех. Особый дар. Поэт юмора. В России со времен Зощенко такого не было. У всех нас один способ юмора, говорил Хайт, а у Жванецкого другой, свой. «Кто «Мерседеса» не видел, для того «Запорожец» — во машина!», — эту фразу Жванецкого Хайт очень любил повторять.

В девять утра Аркаша уже сидел за письменным столом. Писал он мало и быстро, а большая часть времени уходила на обдумывание, прицеливание, сомнения. Работать любил и работал с наслаждением, поэтому написал так много. Случалось, что он забывал об отдыхе, перерабатывал и уставал. Однажды доработался до сосудистых спазмов. Жена Люся забила тревогу, стали звонить профессору Коновалову, но он был в отъезде. Я сказал:

— Аркаша, давай сделаем, как меня мама учила: пойди к доктору, который каждый день этим занимается. Приша Долгопятов — кандидат медицинских наук, зав. отделением, у него и диссертация о головных болях — ты же его знаешь, иди к нему.

Аркаша пошел. Входит в кабинет, видит: сидит доктор, держится за голову, глаза вылезают из орбит... Хайт спрашивает:

— Гриша, что с тобой?

— Ой, Аркаша, не спрашивай. А у тебя что?

— По сравнению с тобой — ничего.

— Ну, тогда иди домой.

Хайт ушел счастливый. А нам сказал:

— Все-таки юмор полезней любого лечения.

Когда у Хайта что-нибудь заказывали, номер, телепередачу или эстрадную программу, первое, что он делал, — отказывался. Всегда отказывался. Даже про деньги не спрашивал. Он не ломался, не кокетничал. Он боялся не справиться с работой. С его-то профессионализмом он сомневался, сможет ли написать хорошо. Даже непонятно, как ему удалось столько всего насочинять, стольким актерам дать репертуар. Произведения Аркадия Хайта исполняли Аркадий Райкин, Лев Мирон и Марк Новицкий (ТВ), Геннадий Хазанов, Евгений Петросян, Владимир Винокур, Лившиц—Левенбук, Левенбук—Шимелов, Андрей Миронов, Ширвиндт—Державин, Алексей Полевой, Даниил Сагал, Никулин—Вицин—Моргунов (грамзапись), Юрий Григорьев, Инна Чурикова, Валентин Гафт, Ольга Аросева (ТВ), Тонков—Владимиров, Тонков—Гриневич, Казаков—Олейников, Марина Голуб, Ефим Шифрин, Вячеслав Невинный, Анатолий Паланов (радио), Евгений Заболотнов, Леонид Каневский, Геннадий Сайфулин, Владимир Пилевич, Иосиф Кобзон, Слава Зайцев (радио), Юрий Николаев, Эйно Баскин (целый вечер на эстонском), Владимир Халемский, Николай Тамразов, Вероника Станкевич, Борис Брунов, Ирина Роднина (радио) и даже Григорий Гурин.

Мы еще не раз вспомним Хайта, а сейчас скажем только одно. Его работа для театра «Шалом» — это поступок. Благородный и талантливый поступок. Писать пьесу для маленького театра на окраине Москвы, не зная, сыграет ли он ее пристойно, но зная, что денег это не принесет. Писать пьесу конкретно на актеров этого театра и знать, что в других театрах она не пой-

дет. И, наконец, писать еврейскую пьесу так, чтобы она была интересна не только для евреев. Все это риск. Аркаша пошел на него и победил. Как всегда. У него практически не было неудач. Нет, они, конечно, были, но мы о них не знали. На публику они не выходили. Он их выбрасывал в корзину или еще раньше, на уровне замысла. Черновики никогда не хранил.

Мы шли по Большому Каменному мосту. В этот день Хайт стал первым эстрадным автором, получившим Государственную премию СССР. Премия за мультфильм «Приключения Кота Леопольда». Я спросил:

— Как себя чувствуешь в звании лауреата?

Он ответил:

— Как Пугачева. Ведь она не спела ни одной партийной песни, а стала Народной артисткой СССР. Приятно, что я получил Госпремию не за кантату о БАМе, а за детский мультфильм. И знаешь, мне рассказали, что комиссия проголосовала единогласно. Один, правда, заикнулся: «А почему надо давать премию коту с таким нерусским именем?» Но это только подстегнуло решение комиссии.

По поводу премии «Ника» за фильм «Паспорт» был фуршет в Доме кино. Хайта знакомят с молодым атташе по культуре посольства Израиля. Тот стоит с тарелкой и виновато улыбается. Хайт, взглянув на тарелку:

— Ребе, а не слишком много поросеночка для первого дня Хануки?

Атташе стал оправдываться, что он светский... Но, как говорится, поезд уже ушел.

Хайт рассказывал.

Он выходит из «Литературной газеты» с какими-то листками в руках, садится в такси. Таксист спрашивает:

— Писатель?

Хайт отвечает:

— Пожалуй, нет.

— Что ж, критик, что ль?

— Скорее, да.

— Ну, это уж вообще вошь на вше.

Нет, не в области балета, а в области юмора мы впереди планеты всей!

Игорь Кваша подарил театру «Шалом» портрет Хайта своей работы. Хайт на картине серьезный и задумчивый. Таким его могли видеть только близкие. Кваша дружил с Хайтом всю жизнь. Аркаша сказал мне:

— Не вздумай вешать портрет в фойе, а то Кваша подумает, что он художник.

Висит портрет в моем кабинете над моим столом.

Пьесы Хайта идут. Песни звучат. С большим успехом идет «Моя кошерная леди», премьеры которой он уже не увидел.

И, наконец, эта книга, в которой собраны его лучшие работы в разных жанрах.

Аркадий Хайт с нами.

Кто такой Аркадий Хайт?

Раз вы уже купили книжку, то вы

или кое-что знаете о нем, или хотите узнать. А так ли уж важно и интересно читающим, слушающим и смотрящим знать о писателе: КТО, ЧТО, ОТКУДА?

Аркадий родился 25 декабря 1938 года в Москве в знаменитом роддоме им. Грауэрмана на Арбате. Как его принесли в нашу комнату в Гранатном переулке, помню смутно. Мне тогда было 6,5 лет, и у меня были свои интересы. Во всяком случае, воспоминаний о том, что я с криком радости бросился к «кульке» с будущей знаменитостью, в семье не сохранилось.

Дальше всё как у всех, вплоть до 22 июня 1941 года. Мама сильно испугалась бомбежек, и мы вместе с какими-то музыкантами из консерватории оказались в эвакуации в Уфе. Помню точно, что с консерваторцами, так как мамина подруга — преподаватель — обещала, что, несмотря ни на что, она будет продолжать со мной заниматься игрой на пианино. «Грозила» этим же Аркаше, так как он имел неосторожность заинтересованно вертеть головкой на издаваемые мной звуки. В дальнейшем получилось так: я забыл, с какого бока подходить к инструменту, а Аркадий прекрасно играл «по слуху». Врожденный музыкальный слух очень помогал ему в овладении иностранными языками. Усваивал он их и «по слуху», в том числе. Знал немало.

Из воспоминаний детства сохранились какие-то разрозненные куски. То суровое наказание нас в Уфе за утерю нашей кормилицы козы. То обидки за наше с приятелями нежелание принимать его в игру. То его радость от участия в футбольных «битвах» 13—14-лет-

них мальчишек. Мы хотели быть только нападающими, а вратарем ставили Аркашу. Он рано научился играть в шахматы. И когда проигрывал старшим по возрасту, то очень огорчался и не успокаивался, пока не отыгрывался. Он вообще всегда хотел быть первым. Был очень азартен, но не безрассуден. Уже в достаточно зрелом возрасте ходил на бега и говаривал, что одна из колонн у входа на Московский ипподром на Беговой построена на его деньги.

Еще в школе он проявлял тягу к сочинительству. Как рассказывали его одноклассники, ни одна стенгазета не обходилась без его участия. А стихотворение, написанное по вдохновению на смерть вождя в марте 1953 года, было рекомендовано к печати в «Пионерской правде». Это были искренние стихи.

Он вообще был человек искренний, порывистый, эмоциональный. Это очень помогало в творчестве, но, очевидно, мешало в жизни.

Активное стремление к «писательству» проявилось у Аркадия в студенческие годы. Постоянное участие в КВНах и «капустниках» МИСИ (Московский инженерно-строительный институт) уже в юные годы снискали ему известность в определенных кругах. Еще будучи студентом, он стал вместе со старшекурсником Александром Курляндским сотрудничать с различными изданиями, писать интермедии для очень популярного в те годы эстрадного дуэта А.Лившиц — А.Левенбук, писал сценарии для киножурналов «Фитиль» и «Ералаш». Известность росла, а с ней и желание полностью посвятить себя сочинительству, так как после окончания института совмещать ежедневную работу оператора котельных установок и писателя становилось все труднее. Он долго не мог определить для себя: сочинительство — это призвание или увлечение? И тогда он пришел к нашим родителям с просьбой поддержать его материально в течение года, чтобы дать возможность понять — кто он?

Конечно, родители поддержали его. Через год он принял решение: писательство — профессия. «Хочу писать и могу содержать себя и семью». Так появился Аркадий Хайт.

Дальше достаточно известно. Работа для Аркадия Райкина, многолетнее творческое сотрудничество с Геннадием Хазановым, эстрадные программы для Евгения Петросяна и Владимира Винокура, самая популярная программа на радио — «Радионяня», сценарий в соавторстве с Ф. Камовым и А. Курляндским мультсериала «Ну, погоди!» и самостоятельно «Кот Леопольд», девиз которого, придуманный Аркадием: «Ребята, давайте жить дружно!», популярен и сегодня. За мультфильм «Кот Леопольд» он был удостоен Государственной премии СССР и звания «Папа кота Леопольда». Так его представляли на концертах и выступлениях. Участие в работе над сценарием (в соавторстве с Данелией и Габриадзе) фильма «Паспорт» принесло Аркадию премию «Ника» за 1991 год.

Писал он и пьесы для кукольного театра С. Образцова и театра «Шалом». Его последняя пьеса «Моя кошечка леди» поставлена в 2003 году и с успехом идет по сей день.

Наши родители — мама Раиса Ильинична и папа Иосиф Наумович — были родом из Одессы. И только в 1933 году переехали в Москву. Дом был небогат, но открыт и гостеприимен. Мама, прекрасный кулинар и доброжелательная хозяйка, и папа, улыбчивый балагур, привлекали в дом много людей. Все застолья протекали в дружеских «пикировках» и подкалывании. Надо признать, что шутки не всегда были безобидными, но это никогда не нарушало доброго духа семьи. Гости, не обладавшие чувством юмора в должной мере, зачастую чувствовали себя не вполне уютно. Но дом всегда посещали охотно. Герои всех Аркашиных произведений не выдуманы. Это в основном люди, которые приходили в наш дом, приятельствовали с родителями. Обобщенный образ — Соломон Маркович, от лица которого написаны и сыграны многие монологи. Так не за столом ли 30-метровой комнаты в коммуналке близ Никитских ворот родился сочинитель с генетическим чувством видения смешного даже там, где, казалось бы, его и быть не могло?!

Выступать со своими рассказами он начал очень поздно. Стеснялся. «Мое дело писать, пусть выступают

артисты», — говорил он. Но когда эстраду заполнили многочисленные авторы-исполнители, решился. Успех был ошеломляющий! Гастроли в США, Германии, Австралии, везде, где были «наши люди», всегда проходили с аншлагом. Многие помнили его еще по советским временам. Он всегда вносил в свои монологи местный колорит, и это очень импонировало зрителям. К сожалению, сохранилось очень мало записей с его выступлениями. Но те, что остались, ярко показывают его артистичность, пластику, а главное — доброту юмора. Он очень серьезно занимался исследованиями природы юмора. Изучал работы многих авторов, работавших в этом жанре, начиная с древнейших времен. Он вообще много знал. Его знания в области философии, истории, искусства поражали. Беседы с ним были не только познавательны, но и доставляли большое удовольствие. А уж какой спорщик был Аркаша! Особенно споры с Игорем Квашой, его большим приятелем, просто незабываемы!

Аркадий — человек, искрящийся юмором, очень смешливый по натуре. Он ценил и понимал шутки других. Легко «включался». Это всё от папы. Многие эстрадники обожали приглашать папу на свои концерты. Он так заливисто смеялся, причем буквально за несколько секунд до момента произнесения шутки, как бы предчувствуя ее, что зал грохотал за ним. Аркаша в этом очень похож на папу.

Каким он был мужем и отцом, судить могут только его жена Людмила Петровна Климова и дети — Екатерина и Алексей.

Каким товарищем — друзья.

Каким сыном — покойные родители, которые очень любили его при жизни и очень им гордились.

Каким писателем — Вы, читатели этой книги.

От себя скажу: «Братом он был хорошим».

Александр Хайт

Интермедии, монологи, рассказы

Шестое чувство

Петр Семенович Блинов начал

воспринимать абцилохордию окружающего мира. Еще вчера, как и всякий нормальный человек, он обладал только пятью органами чувств. Сегодня же к ним прибавилось еще и шестое — абцилохордия. И все предметы, знакомые ему с детства: столы, стулья, тапочки, троллейбусы — стали обладать каким-то новым, незнакомым ему ранее качеством. Трудно сказать, что это было. Может, электромагнитные волны или какое-нибудь особое, неизвестное науке излучение, но факт остается фактом: у Петра Семеновича появилось чувство абцилохордии.

Об этой удивительной новости первой узнала жена.

— Абцилохордия, — спросила она, — это что такое?

— Не знаю, — сказал Петр Семенович. — Ничего не знаю. Только чувствую все время что-то такое...

— Как же так, — сказала жена, — чувствуешь и не знаешь что?

— Нет, я-то знаю, но объяснить не могу.

— Значит, не чувствуешь.

— Да ты пойми, — сказал Петр Семенович. — Вот стул, например. Что он: мягкий, серый... Ну, что еще?

— Деревянный.

— Правильно, деревянный. А я еще чувствую, что у него большая абцилохордия. Мне даже сидеть на нем противно.

— Ну и не сиди, — сказала жена и, обидевшись, ушла на кухню.

Жена никогда не понимала Петра Семеновича, и в таких случаях он шел к своим приятелям. Так он сделал и на этот раз.

— Вот лавочка... Что она? Мокрая, грязная. Это все видят. А я вот еще чувствую, что у нее абцилохордия.

Приятеля переглянулись.

— Ну да, абцилохордия. И у лавочки, и у воздуха, и у деревьев...

— И у собачки?

— Да, и у собачки.

— И у кошечки?

— И у нее. У всех есть.

— Ты бы, Петя, шел домой, — сказали приятели. — Отдохнул бы, проспался.

— Да нет же... Ну, как вы не понимаете. Абцилохордия — это... Ну, это...

— Ну, ну?

— Нет, это нельзя объяснить.

— Ну, что она, твоя абцилохордия: горячая, холодная или пахнет как?

— Нет, все не то.

— А что?

— Другое.

Приятеля засмеялись.

— Ну что вы смеетесь? Я же чувствую.

— Интересное дело, — сказали приятели. — Он чувствует, а мы, стало быть, дураки.

— Нет, вы не дураки. Просто вы не чувствуете.

— Ну и не надо, — сказали приятели. — Нам и так хорошо.

Одним словом, приятели тоже ему не поверили. А Петр Семенович действительно чувствовал... Ну, как бы вам объяснить, что это за абцилохордия, которую чувствовал Петр Семенович. Абцилохордия — это... Это... Нет, это невозможно объяснить. Нельзя объяснить другому то, что он никогда не чувствовал. Это все равно, что рассказывать глухому, как поют птицы, или слепому, какого цвета закат. Вот так и все люди по отношению к Петру Семеновичу были слепыми и глухими в области абцилохордии.

Скоро это понял и сам Петр Семенович. И он перестал рассказывать людям, что он чувствует, глядя на простую пепельницу или прислушиваясь к выключенному радиоприемнику. Потому что Петр Семенович

Блинов пришел к выводу, что обладает таким чувством, которое людям на данном этапе еще недоступно.

И тогда он ушел в себя. Мир, в котором он жил отныне, был не только цветным, звуковым и объемным — он стал еще и абцилохордическим. Он наслаждался абцилохордическими снами, улыбался абцилохордическим прохожим и по-детски радовался обыкновенному листу бумаги, если от него исходила хорошая абцилохордия. Правда, ему трудно было находиться в комнате с чересчур абцилохордическими стенами или выходить на улицу во время абцилохордически плохой погоды, но предложи ему кто-нибудь избавиться от этого чувства, он бы ни за что не согласился. Потому что благодаря ему жизнь Петра Семеновича стала совершенно необыкновенной и увлекательной.

Однажды Петр Семенович сидел в столовой. Теперь он редко обедал дома, потому что приготовленная женой еда, обычно вкусная и питательная, не всегда отличалась нужной абцилохордией.

Он грустно смотрел в тарелку с пельменями, не замечая окружающих, не слыша звона ножей и грохота подносов. Ему было тоскливо и холодно. Он уже выпил компот и собирался уходить, как вдруг почувствовал, как что-то приятное и радостное обволакивает его с ног до головы. Он поднял глаза. К его столику протискивался пожилой человек. В руках он держал пластмассовый поднос, на котором стояли удивительно правильно подобранные абцилохордические блюда.

— Разрешите? — спросил человек.

— Пожалуйста, — сказал Петр Семенович.

Человек сел за стол. На нем был приятный абцилохордический костюм, серый абцилохордический галстук, а из нагрудного кармана торчал слегка надушенный абцилохордический платок. Человек внимательно посмотрел на Петра Семеновича. Петр Семенович улыбнулся. Человек — тоже.

— Хорошо здесь, — сказал человек.

В душе у Петра Семеновича все запело. Потому что было здесь неуютно и тесно и кормили не бог весть как, а только была по-настоящему хорошая абцилохордия.

— Конечно, хорошо, — сказал Петр Семенович, — просто замечательно. То есть вообще-то не очень. Но уж больно приятно... с этой точки зрения.

— Вы про что? — спросил незнакомец.

— Я? Про это.

— Неужели про это?!

— Да, про это!

— Значит, вы чувствуете?

— Конечно. Еще как чувствую.

— И я чувствую, — сказал незнакомец. — Вот уже двадцать лет.

— Милый вы мой! — воскликнул Петр Семенович. — Значит, есть она. Есть абцилохордия чувств.

— Есть, дорогой! Конечно, есть!

Они заговорили наперебой. Каждый рассказывал о том, как трудно ему было, как плохо, когда тебя никто не понимает, и как это прекрасно — воспринимать абцилохордию окружающего мира.

— Нет, — сказал незнакомец, — это событие нельзя не отметить. Хоть это и банально, но я предлагаю по рюмочке.

— С удовольствием, — сказал Петр Семенович. Он побежал к буфету и принес бутылку портвейна. — Давайте, — сказал Петр Семенович, разливая вино в стаканы, — за нее!

Незнакомец удивленно посмотрел на вино.

— Как, — спросил он, — вы собираетесь пить это?

— А что? — испугался Петр Семенович.

— Но ведь у него же липотатия.

— Какая липотатия?

— Пониженная.

— Что-то я не понимаю, — сказал Петр Семенович. —

О чем это вы?

— О липотатии. Вы же знаете. Ну, эта, которая...

— Абцилохордия?

— Нет, абцилохордия — это ясно. А то липотатия.

— Не понимаю я, — сказал Петр Семенович. — Что это еще за липотатия?

— Но как же... ведь вы...

— Что я?

— Ведь вы же чувствуете.

— Нет, — сказал Петр Семенович. — Вы уж меня извините. Зрение, слух, абцилохордия — это пожалуй-ста. А липотапия? Как говорится, не доросли.

Незнакомец растерялся.

— Но ведь она же есть.

— Не думаю, — сухо сказал Петр Семенович.

— Но я же чувствую.

— Тогда объясните.

— Ну, это... как бы сказать... Нет, это невозможно!

— Знаете что, гражданин, — сказал Петр Семенович, — я думал, вы действительно... А вы... Я теперь сомневаюсь, что даже абцилохордию чувствуете.

— Как вам не стыдно!

— Нечего, нечего. Ишь какой нашелся. Он один чувствует, а все, значит, нет.

Незнакомец поднялся.

— Прощайте. Нам не о чем больше говорить.

— Привет, — сказал Петр Семенович. — Кланяйтесь липотапам.

Он проводил взглядом незнакомца, затем взял стакан с вином и блаженно зажмурился. Все в порядке. Абцилохордия была нормальной.

Учитель.

— А теперь запишите: через точку, лежащую на плоскости, можно провести прямую, параллельную данной, причем только одну. (*Ученики склоняются над тетрадами.*) Параллельную данной... причем... только... одну... Сидоров, а ты почему не записываешь?

— Я думаю.

— О чем ты думаешь?

— Почему только одну.

— Потому что все другие пересекутся. А две параллельные — нет!

— А почему они не пересекутся?

— Как — почему? Я же объяснил: потому что они параллельные.

— Значит, если их продолжить на километр, они тоже не пересекутся?

— Конечно.

— А если на два?

— Также нет.

— А если на пять тысяч километров продолжить, они пересекутся?

— Нет.

— А это кто-нибудь проверял?

— Это не надо проверять. Это и так ясно. Потому что это аксиома. Семенов, скажи нам, что такое аксиома?

— Аксиома — это истина, не требующая доказательств.

— Правильно, садись... Ну что, Сидоров, теперь понял?

— Это я знаю, только я не пойму, почему они не пересекутся.

— Потому что это и есть аксиома. Истина, которую не надо доказывать.

— Так это любую теорему можно назвать аксиомой и не доказывать.

— Любую нельзя.

— А почему эту можно?

— Фу, какой ты упрямый... Ну вот послушай, Сидоров. Тебе сколько лет?

— Одиннадцать.

— А на следующий год сколько будет?

— Двенадцать.

— А еще через год?

— Тринадцать.

— Вот видишь, с каждым годом человек становится на год старше. Это тоже аксиома.

— А если человек умрет?

— Ну и что?

— Он же тогда не станет на год старше.

— Это исключение. Ты меня на слове не лови. Я могу тебе и другой пример привести. Я мог бы тысячу примеров привести. И доказать. Только это не нужно. Потому что аксиому не надо доказывать.

— А если это не аксиома?

— А что?

— Теорема. Тогда ее надо доказывать?

— Тогда надо. Но это аксиома.

— Почему?

— Потому что это Евклид сказал.

— А если он ошибся?

— Ты что, может, думаешь, что Евклид глупей тебя?

— Нет, я так не думаю.

— Так что же ты споришь?

— Я не спорю. Я просто думаю, почему они не пересекутся.

— Потому что не пересекутся. Не могут они пересечься. На этом вся геометрия построена.

— Значит, если они пересекутся, то вся геометрия неправильная?

— Тогда да. Но ведь они не пересекаются... Вот видишь, я по доске веду... Ну что, пересекаются?

— Пока нет.

— Хорошо, смотри, вот я по стене веду... Пересекаются?

— Нет.

— Что тебе еще надо?

— А дальше, за стеной?

— Теперь я понял. Ты просто хулиган. Ты все прекрасно понимаешь. Ты назло мне не хочешь согласиться.

— Но я правда не понимаю.

— Ну, хорошо, Евклиду ты не веришь. Его ты не знаешь. Но меня ты знаешь? Так вот, это я тебе говорю, что они не пересекутся... Ну, что ты молчишь?

— Думаю.

— Ну вот что, Сидоров. Или ты сию минуту признаешь, что они пересекутся, или я тебя выгоню вон из класса. Ну?

— Не могу я этого понять.

— Вон! Собирай портфель и — за родителями!

Сидоров, всхлипывая, собирает портфель и выходит из класса.

Учитель (*успокаиваясь*). Ну, хорошо, продолжим урок. Запишите следующую аксиому: через две точки можно провести прямую, и притом только одну.

С авторучкой в глубь веков

О общеизвестно, что чем больший

промежуток времени проходит со дня какого-нибудь события или факта, тем объективнее наше суждение о нем. Следуя этой логике, мы решили, что современные недостатки наиболее правильно смогут раскритиковать сатирики будущего. Оттуда им виднее. А мы в свою очередь должны гневно обрушиться на отрицательные моменты из жизни наших далеких предков. Тем более, что нас отделяет от них почтительное расстояние.

Переходя от слов к делу, мы решили выступить инициаторами нового сатирического движения под условным названием «С авторучкой в глубь веков».

Надеемся, что наш почин не будет подхвачен.

Гороскоп (I тысячелетие до н.э.)

Накануне похода полководец вызвал к себе звездочета.

— Готов гороскоп? — спросил он, поднимая глаза от карты.

— Готов, о храбрейший.

— Ну и?..

— Расположение звезд на небе в настоящее время не благоприятствует походу.

— Что?! — вскипел полководец. — Воинам пошиты мундиры, лошадям выдан фураж, все только и ждут сигнала, а ты... Может, ты не веришь в нашу победу?

— Но ведь гороскоп...

— Какой там еще гороскоп. Мы не можем ждать милостей от природы. Бери перо, бумагу. Сейчас мы с тобой мигом все звезды перетасуем... Значит, так, —

начал полководец, меряя комнату огромными шагами. — Пиши: звезды зовут нас в бой! Созвездие Лега-вых Псов...

— Гончих, о мудрейший.

— Хорошо. Созвездие Гончих Псов никогда еще не светило так ярко. О чем говорит нам его яркость? Она говорит, что выступать надо завтра на рассвете. Говорит или не говорит? Я тебя спрашиваю?

— Говорит.

— То-то. Все учить надо. Никто работать не хочет... Какая там у нас звезда дорогу на север показывает?

— Полярная.

— Видишь ее?

— Нет.

— А ты получше посмотри.

— Не вижу.

— Да, — вздохнул полководец, — стареть начал. Пора, видно, уступить дорогу тем, кто позорче.

— Вижу, — встрепенулся звездочет, — ей-богу, вижу.

— Так и быть, поверим на слово, — улыбнулся полководец. — Ну, а какое созвездие победу означает?

— Малая Медведица. Только она сейчас за горизонтом.

— Опять?

— Э-э... Была за горизонтом, а вот уже и показалась.

— Ну, пиши, раз показалась. Нашу блистательную победу предсказывает Малая... да что там Малая, пиши уж Большая Медведица. Понял?

— Понял.

— Вот и молодец. Теперь подпись, число... Что ты мне бумагу суешь? Твоя подпись. Ты же гороскоп составлял.

На следующее утро войско выступило в поход и в первом же сражении было наголову разбито. По приказу полководца звездочета казнили, как не справившегося с порученной работой.

Дневник гречанки (III—II века до н.э.)

...Вчера, наконец, приезжий скифский вождь сделал мне предложение. У него масса достоинств. Он

знатен, богат и, главное, стар. Думаю, ждать недолго.

...Покидаю милую Грецию. У причала стоял Гектор, а в глазах его стояли слезы. Милый мальчик, будь он хоть чуточку богаче...

...Третьи сутки в море. Старичок выглядит уставшим. Жалуеться на боли в сердце. Это уже что-то.

...Вот мы и дома. С мужем я не ошиблась. Даже едим на золоте.

...Вчера ездили собирать дань. Муж, кажется, слегка простудился.

...Все обошлось. Он по-прежнему здоров. Спрашивал, почему у меня плохое настроение.

...Объезжали стада. Боже, какое богатство! Неужели все это станет моим? Старичок что-то давно не жалуеться на сердце.

...Вот уже три месяца, как я здесь, а сдвигов никаких.

...У мужа боли в сердце. Я уже думала, начинается, но врач дал ему каких-то травок, и все обошлось. Дикие люди!

...Мой отличился. Подарил табун коней соседнему вождю. Так он меня по миру пустит. Новый Ротшильд нашелся.

...Ура! Свершилось. У мужа сердечный приступ. Но... возьмем себя в руки. Подождем, что скажет кардиограмма.

...Мужу все хуже и хуже. Плачу. Наверное, это от счастья.

...Врач сказал, что надеяться не на что. Интересно, почем сейчас лошади?

...Мой старичок совсем плох. Считаю минуты и драгоценности.

...Все. Финита ля комедия. Прощай, моя любовь. Прощай навсегда. Я — владелица крупнейшего состояния. Все мое. Двенадцать табунов лошадей, триста рабов, сто килограммов золота, двадцать семь...

На этом записи обрываются. Согласно обычаю древних скифов, вместе с умершим вождем похоронили и его законную супругу.

Дровосек (очень средние века)

По профессии он был дровосек. Аккуратный, исполнительный и трудолюбивый работник. Поднимался он **чуть** свет и, поцеловав спящую жену, уходил в лес. А когда возвращался домой, по черепичной кровле его хижины уже скатывались первые капли росы.

Он часто благодарил бога за свое хорошее место, **за то**, что семья живет в достатке, жена ходит в чистом белом передничке, а с розовых лиц ребятишек не сходят улыбки.

Правда, он не особенно разбирался в сортах древесины и никогда не задумывался, что находится дальше опушки леса, но зато мог с одного удара свалить самое крупное дерево, а его вязанки хвороста напоминали букеты цветов — такими они были изящными и красивыми.

Он выходил на работу в любую погоду. Даже сегодня, несмотря на холодный дождь и пронизывающий ветер, он, как всегда, точно в назначенное время доставил на церковный двор аккуратные вязанки хвороста.

И благодаря его исполнительности ровно в восемь часов утра на городской площади был сожжен **известный** еретик **Джордано Бруно**.

У каждого человека в жизни

мечта есть. Один хочет машину купить, другой — на гитаре играть научиться, третий — в начальники выбиться. А вот у меня мечта особая, ни на кого не похожая. Мечтаю... мечтаю я... в метро прокатиться. Вы только погодите, не хмыкайте. Мечта эта вроде простая, но для меня как бы неосуществимая. Метро-то у нас в городе на каждом углу, а внутрь меня не пускают. Придумал какой-то бюрократ дурацкое правило: чтоб, значит, человека в нетрезвом виде туда не пускали. А если человек всегда в таком виде? Что ему делать? Ну, сами посудите, не глупость, а? В троллейбус — можно, в трамвай — можно, на работу — добро пожаловать! А в метро — нельзя.

Так что с этим метро у меня целая трагедия. Когда я веселый, меня туда не пускают, а когда просплюсь, в себя приду — у меня пяточка нет на проезд. А просить совестно. На выпивку — еще туда-сюда, а на мечту — язык не поворачивается.

Иной раз смотрю по телику «Клуб кинопутешествий». А там Северный полюс показывают или какую-нибудь Южную Бразилию. А я гляжу и думаю: ну зачем это мне, на кой черт? Ведь это все неизвестно где, за тридевять земель. Показали бы лучше метро. Как там, что там? Ведь сколько людей интересуются.

Вот у меня дружок есть, Серега. Так он, верите—нет, два раза в метро был. Рассказывает — прямо чудеса. Кругом мрамор, люстры хрустальные, каждую минуту поезда ходят. И лестница такая специальная, забыл название. Ты на ней стоишь, а она тебя везет. Прямо не верится.

Другой раз идешь вечером и видишь это здание: красивое, современное, в темном небе над ним буква «М» горит. Метро, значит. А ты стоишь и думаешь: «Ну почему? Другим можно, а мне нельзя? Неужто я хуже всех?»

Ведь за всю жизнь только один раз внутри был. И то не дали на поезде прокатиться. Я этот день как сейчас помню. Шел я тогда, как всегда, веселый. От Петрухи возвращался. Какая-то у него радость была. То ли он в отпуск ушел, то ли от него жена ушла. Не помню. Но не в этом суть. Подошел я к этому зданию с буквой «М», и то ли они не разобрали, что я хорош, то ли контролер куда-то отлучился, но, в общем, проскочил я. Удалось. Ну, скажу вам, внутри этой «М» действительно картинка. Кругом зеркала, кафель белый, полотенца чистые висят. И что интересно: пассажиры — одни мужики. Женщины — ни одной. Может, на переход пошли. Ну, я, чтоб не застучали, кинулся в какую-то кабинку, дверь на задвижку закрыл. Сажу, жду поезда. Полчас жду, час жду — нету. А пассажиры — они же склочники — в дверь начали барабанить:

— Гражданин! Выходите! Вы здесь не один!

Я дверь открыл и говорю:

— Куда выходить? Я ж поезда жду. Хочешь вместе ждать — садись, я подвинусь.

Да разве они понимают? Слово за слово, крик, скандал, кому-то я рубашку порвал... Выкинули меня на улицу, не дали на поезде прокатиться.

Мне дружки иной раз говорят: «Толяныч, ты бы завязал на время. Сходил в метро, прокатился, раз у тебя мечта такая». А я боюсь. Нет, завязать я не боюсь. Денек-то я выдержу. Я другого боюсь: а вдруг в этом метро не так хорошо, как я думаю? Вдруг там в люстрах хрусталь не настоящий? А колонны не из мрамора, а из кирпича крашеного? Выходит, я столько лет мечтал, и все зря?

Нет, ребята, пусть мечта так мечтой и останется. Вот помру я, опустят меня под землю. А рядом метро будет ходить. И так мне будет хорошо, так сладостно... Выходит, не зря столько лет мечтал, не зря человек на свете жил. Потому что не может человек жить без мечты.

Друг природы

Сейчас повсюду только и слышишь:

«Давайте защищать природу! Давайте охранять природу!» От кого? Это человека надо от нее охранять. Ты посмотри, что в лесу творится! Сколько зверья развелось! Они уже в лесу не помещаются, на шоссе выскакивают воздухом дышать.

Видал, на шоссе знаки стоят: «Осторожно, олени!» Почему осторожно? Потому что эти олени совсем озверели: на автомобили кидаются. Наш начальник поехал к себе на дачу на служебной машине. На шоссе выскочил олень — и на таран! Машина в гармошку, стекло — вдребезги, у оленя рога отвалились, а у начальника, наоборот, выросли. Совсем от этого зверья жизни не стало.

Я уже в лес специально с транзистором хожу, чтоб хоть человеческий голос слышать. Все-таки не так страшно. Но это тоже не выход. Вон недавно иду по лесу со своим транзистором, слышу — кукушка кукует. Я говорю:

— Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? А она мне отвечает: «Шесть часов пятьдесят две минуты!» Ну, правда, это не кукушка сказала, а радиостанция «Маяк», но все равно страшно. Неужели так мало жить осталось?

А еще говорят, с ружьем охотиться негуманно. Надо охотиться с фотоаппаратом. Вон мой шурин устроил фотоохоту. Фотоохотник! Увидал в лесу медведя и как шарахнет его фотоаппаратом между глаз! Медведь его сграбастал и давай мять! Убить не убил, а фотокарточку ему испортил. Теперь у моего шурина голова — шесть на девять. Как на паспорте.

Таблички еще повешали: «Охота запрещена», «Берегите оленей», «Кабан — твой друг!». Ну хорошо, я знаю, что кабан мой друг, а кабан об этом знает? Это же страхдон! От него пули отскакивают, как от броне-вика! Это редко кто может кабана домой притащить. Правда, у меня был случай. Однажды чуть с диким кабаном домой не пришел. Случайно получилось. Я даже не очень хотел. Швырнул в него камушком — и прямо в глаз. Думал, наповал.

Так нет! Хорошо хоть я перед самым его носом успел дверь лифта захлопнуть. Представляешь, сколько он за мной гнался?! Главное, не устал, собака! Я в лифт, а он за мной по лестнице. Я в квартиру забежал, отдышаться не успел — он уже в дверь барабанит. Аж дверь прогибается. Ну, думаю, что-то надо делать, он же мне всю квартиру разнесет. Схватил чугунную сковородку, дверь распахнул и — шарах по башке!..

Оказывается, это жена с базара пришла. У нее в руках сумки с картошкой, вот она ногой и стучала. Ну, я ее водичкой побрызгал, в чувство привел и говорю:

— Маш, Маш, Маша! Извини, я думал, ты — дикий кабан.

А она мне говорит:

— Это не я — дикий кабан. Это ты — домашняя свинья!

А ты говоришь — охота!.. Думаешь, рыбалка лучше? Что ты, иной раз такое бывает, вспоминать не хочется. Как-то на рыбалке забросил удочку, а крючок — раз, и за корягу зацепился. Ну, что делать? Разделся догола — и в воду. Вылезаю, а вещей нет! Из всей одежды один проездной остался. Ну, я в лесочек забежал, листьев нарвал, сделал себе набедренный пояс и, как папуас, — на станцию. В электричке народ косится, но виду не подает.. Может, думают, артист какой или иностранец. Или вообще... Миклухо-Маклай... А тут, на мое несчастье, в этой электричке какая-то старуха козу везла... А коза голодная оказалась, как волк! Пока я в окошко глядел, эта козья рожа с меня все листья обглодала. Оставила в чем мать родила.

Я из электрички выскочил, проездным прикрылся и — короткими перебежками домой...

Жена дверь открывает:

— Откуда ты в таком виде?

— С рыбалки...

— Знаю, говорит, твою рыбалку! Небось, опять у своей крали был?

— Не было там никакой крали, там коза была... Послушай, как получилось: крючок зацепился, я только раздеться успел...

— Ну да, а в это время муж вернулся.

— Я рыбу ловил, можешь ты это понять?!

— Понимаю. Только я твоей щуке жабры все равно поотрываю!

Понял, какая история? А ты говоришь — природу беречь. Нет уж, дудки! Правильно этот ботаник сказал: «Мы не можем ждать милости от природы, но и она от нас ее не дождется!»

Полный покой

Обещали солнце, а идет дождь.

Ну и что? Мало ли нам кто чего обещал. Что ж теперь, кричать, нервничать, писать жалобы?.. А на кого жаловаться? На бога? Так его нет. На бюро прогнозов?.. Оно, конечно, есть. Но бога на них, к сожалению, нет.

Так что спокойно надо жить, без напряжения. Это правда, что у человека от рождения два миллиона нервных клеток. Но это только на первый взгляд много. Ну, давай разберемся. В магазин зашел — клетки как не бывало, с женой поговорил — еще сто клеток долой. Ремонт сделал — тысяча. Пятьсот рублей — пятьсот клеток. А, между прочим, нервные клетки не восстанавливаются. Даже за деньги. Которых у тебя, кстати сказать, тоже нет. Поэтому выход один: полный покой. Каждый вечер — десять капель валерьянки, а по утрам — стаканчик обезжиренного кефира. Очень успокаивает.

Ты пойми: у человека в жизни одна задача — дожить до пенсии. Поэтому ничего не надо принимать близко к сердцу. Ну, тебя плохо покормили в столовой. Ну и что? Жив остался — и слава богу! Зачем сердиться на повара? Повар не виноват. Нельзя приготовить хорошую еду из плохих продуктов. А хороших продуктов у него нет. Он их давно домой унес. Потому что повар — тоже человек. Он не может есть то, что нам с тобой приготовил. Он тоже хочет дожить до пенсии.

Или на тебя кричит твой начальник. Ну и что? Он кричит, а ты себе считай. Раз, два, три... Он кричит — а ты спокоен, у него сердечный приступ — а ты считаешь. Досчитаешь до миллиона — у тебя уже другой начальник.

Так что в любой, даже самой безнадежной, ситуации всегда есть минимум два выхода. Надо только найти правильный. В этом все дело. Объясню на конкретном примере. Ты после работы с пачкойпельменей заходишь в автобус. Ну, обстановку в автобусе в час пик ты знаешь: люди слиплись, как пельмени в пачке. Ты берешь за пять копеек билет, автобус трогается, и ты случайно, не нарочно, наступаешь кому-то на ногу. И не то чтоб на левую, и не то чтоб на правую — на обе сразу. Ну, тот, кому ты ножки отдал, говорит тебе, что ты дурак. Вот у тебя уже два выхода: сразу сойти или схватить дальше. Я бы, например, сразу сошел, но ты богатый, тебе нервных клеток не жалко, поэтому ты едешь дальше. Уже как дурак. Но у тебя опять два выхода: смолчать или сказать ему в ответ что-нибудь более интеллигентное. Например, что он сам дегенерат. Дегенерат — то же самое, что дурак, только с высшим образованием. Молчать ты не можешь, говоришь, что он дегенерат. Теперь уже у него два выхода: дать тебе по морде или съездить по физиономии. Выбор небогатый. Но, как говорится, чем богаты, тем и бьем. Теперь уже у тебя в последний раз два выхода: потерпеть и сойти на следующей или стукнуть его чем-нибудь тяжелым. Например, пельменями. Терпеть ты не можешь, бьешь. Поднимается крик, шум, приходит милиция. И вот уже за драку в общественном месте с тебя берут штраф двадцать пять рублей

Теперь вспомни, с чего все началось. С того, что тебя называли дураком. Если б ты меня послушался и сразу сошел, это бы тебе стоило пять копеек. Теперь это стоит двадцать пять рублей. Так что ты обижаешься? Тебя правильно дураком называли. Умный давно сидит дома и кушает пельмени.

Так что не надо, не надо биться головой об стенку. Наши стенки на это не рассчитаны. Будешь биться головой о стену — разбудишь соседа в другом подъезде. То есть ты можешь со мной не соглашаться. И спорить, и жаловаться, и туда ходить, и сюда. Я ведь не возражаю: правду ты найдешь. Но не одну, а с нагрузкой. С таким маленьким обширным инфарктом. А хочешь жить спокойно — рецепт простой: на ночь десять

капель валерьянки, а по утрам стаканчик обезжиренного кефира.

И все. Будешь как я: сидеть на лавочке, наслаждаться жизнью. Ты посмотри, как вокруг хорошо, если ни на что не обращать внимания. Травка зеленеет, солнышко блестит, ласточка... (*Замечает, что птичка капнула ему на голову.*) Ну и что? Подумаешь, какое дело. Слава богу, птичка — не корова. Можно и потерпеть. Главное, что я спокоен и в полном... порядке!

У нас все равны

-Простите, вы директор магазина?

— Да. А что вы хотите?

— Видите ли, я недавно квартиру получил. Вот я и хотел узнать, нельзя ли мне гарнитур приобрести, в порядке исключения...

— А почему мы для вас должны делать исключение? У нас, дорогой товарищ, все равны. Возьмите открытку, запишитесь и ждите в порядке общей очереди.

— Это я знаю... Но Сергей Андреевич говорил, что вы можете помочь.

— Так вы от Сергея Андреевича?.. Что ж вы сразу не сказали?.. Ладно, что-нибудь придумаем... Румынский вам подойдет?

— Я бы хотел югославский.

— Нет, это никак нельзя. У нас, кто от Сергея Андреевича, все равны. Только румынский.

— Странно... Серафима Юрьевна ясно намекала, что у вас есть югославские.

— Серафима Юрьевна, говорите?.. Это другое дело. Серафима Юрьевна это не Сергей Андреевич. Сделаем вам югославский, в порядке исключения. Полированный, со светлой обивкой.

— Видите ли, мы с женой хотели неполированный. И с темной обивкой.

— Ничего не могу сделать. У нас, кто от Серафимы Юрьевны, все равны. Все со светлой. И полированные.

— Вы меня просто удивляете. Иван Кузьмич же твердо обещал, что будет неполированный.

— Сам Иван Кузьмич?.. Голубчик, ну что же вы все ходите вокруг да около? Раз Иван Кузьмич — тогда ко-

нечно. Неполированный, с темной обивкой. У нас, кто от Ивана Кузьмича, все равны. Вот вам квитанция, идите в кассу. Ну, что вы на меня смотрите?.. Оплачивайте!

— Эх вы... «Все равны». И не стыдно вам?

— Что?.. Не понимаю.

— А что тут понимать?.. Безобразие. Самое обыкновенное безобразие.

— Слушайте, не морочьте голову. Вы берете гарнитур или нет?

— Не нужен мне никакой гарнитур.

— А зачем же вы тогда пришли?

— Познакомиться. Статью я пишу о продаже мебели в магазинах.

— Постойте, вы что же, журналист?

— Вот именно, журналист. Из областной газеты.

— Так вы, значит, из газеты? От Петра Петровича?! Что же вы сразу не сказали?.. Тогда вам еще полагается столик под телевизор.

— Не нужен мне никакой столик!

— Нет-нет, голубчик, и не спорьте. Гарнитур и столик. У нас, кто от Петра Петровича, все равны!

Дурак

(Из пародийного обозрения
«Золотой ключик»)

(В образе одного из райкинских

персонажей.)

Ой, было, было... Вкалывал я на одном ящике. Электромонтером. Ой вкалывал! Ну, однажды дал не то напряжение. Но я же дал. Я же ничего не взял. Ну, немножко напряжение завысил. Но я же план перевыполнял. У меня по плану — двести двадцать вольт, а я им дал тыщу! Думаешь, кто-нибудь спасибо сказал?.. Как же, дожدهшься!.. Кричат только:

— Ты что, дурак? Ты что с нашим ящиком сделал?! Пол-ящика без крыши оставил, пол-ящика — без премии. Иди отсюда! По собственному желанию.

Ну и что, я с голоду помер?.. Как же! Да я на такую работку устроился — послаще, чем в ящике. На кондитерской фабрике. Меня на торты поставили. Крем давить! Знаешь торт «Сказка»? Вот я на этих тортах надпись кремом делал.

Ну, возможно, я не писатель, возможно. Но я же писал, что думал. За что же меня оскорблять? Мастер бежит, орет нечеловеческим голосом:

— Ты что, дурак?! Тебя этому в школе учили? Ты что, не знаешь, что «сказка» через «з» пишется?

Ну, я ему показал, какой я дурак! Я на остальных тортах такое написал, что ни в сказке сказать, ни вслух произнести. А если произнести, можно на пятнадцать суток сесть.

Ну, выгнали меня. Опять, конечно, по собственному. И что я, на улице замерз? Что ты! Я себе такую работу подыскал! Я на этой работе впервые в жизни себя гомо сапиенсом почувствовал. В зоопарке это было. Там тоже однажды случилось. Забыл запереть

клетку у льва. Ой, вырвался лев! Стал приставать к одной женщине. А я при чем? Это что, я приставал? Да меня там вообще не было. Я наперегонки с бегемотом плывал.

А то, что он из клетки вырвался, — так он же хичник!.. А то, что он за этой дамочкой погнался, — может, она сама виновата?.. Зачем она пальто из антилопы надела? Надела бы, как все нормальные люди, телогрейку. Лев бы со страху помер! А они мне говорят:

— Ты что, дурак? На тебе твою характеристику и иди от нас подальше...

И пойду, пойду, пойду. Подумаешь! У меня же в характеристике не написано, что я дурак. У меня написано — морально устойчив.

Так что вы за меня не переживайте. В голову не берите. Лично я без работы никогда не останусь. Это же про нас народ говорит: «Работа дураков любит!»

Дефективный

— Скажите, это вы инспектор Сысоев?

— Н-ну я, а что?

— Безобразие! Сколько это может продолжаться?!
И уже восемь лет стою в очереди на квартиру!

— Н-не м-может быть! В-восемь лет ст-тоите? Т-тогда садитесь.

— Я не хочу садиться. Я хочу квартиру. Что у меня, документы не в порядке?

— Док-кументы в-в порядке. Н-но кое-чего не хватает.

— Чего не хватает? Скажите, я донесу.

— П-правильно. И чем скорей, т-тем лучше.

— А что я должен принести?

— Вы что, п-правда, не п-понимаете?

— Нет.

— Тог-гда я понимаю, п-почему вы восемь лет мучаетесь. В-вот скажите, у вас д-дома есть конверт?

— Какой конверт? С маркой?

— Н-неважно! В-важно, что внутри.

— А что внутри?

— Н-ну, вот с-скажите, вы не х-хотели бы меня п-поздравить с праздником?

— А разве сегодня праздник?

— Еще к-какой! Ровно полторы т-тыщи... лет, как на Руси стали печатать д-денежные знаки.

— А какое вы к этому празднику имеете отношение?

— К-к сожалению, пока н-никакого. Н-но вы поймите: если ч-человек хочет к-квартиру, значит, он должен иметь де-де...

— Дедушку?

— Пусть д-дедушку. Лишь бы этот д-дедушка был бо-бо...

— Больной?

— Вам не н-нужен б-больной дедушка. Вы с-сами н-не очень здоровый.

— А как я могу быть здоровым? Все в одной комнате: и жена, и дети, и бабушка...

— Б-бабушка? П-прекрасно! В-вот вспомните, ч-что ваша бабушка х-хранит в чулке?

— Носки.

— А в н-носках что?

— Мозоли.

— Оп-пять двадцать пять!

— Двадцать пять чего?

— Да д-двадцать пять это в-вообще ничего! Ос-особенно для ч-человека, к-который живет н-на одну зарплату.

— Ну и что? Я тоже живу на зарплату.

— Д-да, н-но вы на чью зарплату ж-живете?

— На свою.

— Вот и я бы х-хотел жить н-на вашу.

— А я на что буду жить?

— А вы б-будете жить н-на новой кв-квартире. Н-но для этого вы должны дать вз-вз... Ну, взз...

— А-а, я понял! Дать взаймы!

— В-вы в своем уме? Я з-здесь не затем сижу, ч-чтобы брать взаймы! Вы же к-квартиру насовсем х-хотите, а мне вз-займы предлагаете?

— Простите, я не хотел вас оскорбить.

— Ч-чего уж там, ос-скорбляйте. Я п-привык. Как оч-чередник входит, т-только и жду от н-него оскорблений. И п-покрупнее.

— Вы извините, может, я лучше пойду?

— П-правильно, идите. И п-подумайте о м-моих словах. (Провожает его взглядом.) Вот баран, а? Есть же такие на свете. Я тут целый час заикой прикидываюсь, намеки ему делаю. А как иначе? Сейчас такие строгости, десять лет могут дать. Так что, если хотите чего-нибудь добиться, сами должны понимать: со мной шагу нельзя сделать без вз-вз... Ну?.. Правильно, без взаимопонимания!

Та-ак, что это там написано?..

«Лифт не работает». Ясно. Не работает — и не надо. Без него даже лучше. Мы сейчас мигом на двенадцатый этаж взлетим. Не такие высоты брали. (Идет.) Это даже хорошо, что не работает. Пройдемся, жирок разгоним. Время ведь сейчас какое — не двигаемся совсем. Дома сидим, в гостях сидим, на работе сидим.

Во! Уже и второй этаж. Хорошо! А то есть у нас еще скептики разные, сатирики, понимаешь, юмарики. По каждому поводу готовы шум поднимать: «Ах, лифт не работает! Ах, газ отключили! Ах, воды горячей нет!» Ну, нет. Ты что, холодной не можешь помыться?.. Если разобратся, холодная вода все равно что горячая. Только она остывшая. А эти не понимают. Им лишь бы шум поднять. А мне нравится. Я человек простой. Могу вообще не мыться.

Гляди, за разговорами еще два этажа проскочили. Четвертый уже. Главное — спокойствие. Не надо шум поднимать. Задачи у нас большие, можно сказать, огромные. Если мы на каждый лифт будем внимание обращать, у нас на главное сил не останется. А этим нытикам — лишь бы побрюзжать. Забыли, как за керосином сутками в очереди стояли. Заелись! Что дом двенадцатизэтажный построили, они молчат. А что лифт паршивый не работает, на весь свет готовы шум поднять.

Фу... Какой там этаж?.. Пятый. Уже недолго осталось. Всего семь. Не так уж и много. А что это на стенке написано, не разберу... Вот хулиганство! Кто ж такие вещи на стенках пишет? «Петька-дурак!» Главное дело, Петька! Почему это Петька? Что у меня, отчества нет?..

Вот она, современная молодежь! Мы их грамоте учим, а они что хотят, то и пишут. А родители... Нет, чтобы всыпать ему по одному месту. Нет, они в другие места жалобы пишут, что лифт не работает.

А зачем нам лифт, когда вон уж восьмой этаж. Или это седьмой?.. Фу, что-то дышится тяжело. Видно, годы свое берут. Сколько сил в молодости было — вспомнить страшно. По сто килограмм мешки поднимал — и ничего. А сейчас сто грамм поднимаю — руки дрожат. Ничего, доберемся. Лестницы у нас широкие, перила крепкие — выдержат!

Какой там этаж?.. Опять восьмой?.. Восьмой же вроде был... Ну и строить стали: два восьмых этажа в одном доме. Вообще, конечно, это непорядок. Я же квартплату вовремя плачу. Чего ж тогда лифт не работает?.. То лифт не работает, то газ отключат, то воду перекроют. А мыться чем?.. Кефиром, что ли?..

Где это я?.. Кажется, между девятым и десятым. Что-то голова кружится, передохнуть надо. Сядем на ступенечку, поглядим «Вечерочку». Та-ак... Это неинтересно... Это я уже по радио слышал. Во! Видали? Электростанцию новую пустили на полмиллиона киловатт! Интересно, куда эти киловатты деваются, если на простой лифт току не хватает. Все энергетика, кибернетика, новая эра! А я как был двести рублей должен, так и должен.

Ну что, тронемся потихоньку... Какой там этаж: десятый или одиннадцатый? Черт, и лампочка, как назло, не горит. Безобразие! Простую лампочку вернуть не могут. Конечно, для них это мелочь. А если кто в темноте сорвется, ногу сломает? Тоже мелочь?.. Кто это вообще может определить, где мелочь, а где крупное? Для меня, например, лучше сто рублей мелочью, чем червонец крупными.

Ой, не могу, как сердце колотится... Вот беда: лифт стоит, а давление поднимается. Так в любую минуту кондрашка может хватить. (*Перегибается через перила.*) Эй! На первом этаже есть кто?.. «Скорую» вызови на одиннадцатый!.. Нет никого... А все лифтерша, мымра старая. Никогда ее на месте нет. Вместо того чтобы за порядком смотреть, она в замочные скважи-

ны смотрит. Вот про кого надо на стенках писать. Это не Петька дурак, это лифтерша дура. И не постесняюсь, напишу. Прямо здесь. *(Пишет на стене.)* Лифтерша ду... Стой, кажись, кто-то идет. Это же лифт идет. Точно, лифт! *(Сразу преображается.)*

Пустили! А что я с самого начала говорил? Главное, надежду не терять. Сознание я могу потерять, а сознательность — никогда! Да что лифт! Если надо, я могу и без лестницы обойтись. Вверх буду подниматься по водосточной трубе, а спускаться — по мусоропроводу. *(Становится в дверях подошедшей кабины лифта.)* Ждать надо уметь! Ждать и надеяться. И если все у нас будут такие, как я, — все будет в порядке. *(Дверцы лифта захлопываются, зажимая ему шею.)* В полном порядке!

Операционная. Современное оборудование, яркие рефлекторы, блестящие инструменты. На операционном столе — Больной. У стола — Профессор с Ассистентом. Чуть поодаль — двое студентов в белых халатах, с блокнотами и карандашами.

ПРОФЕССОР. Еще раз повторяю: в нашем деле нет никаких мелочей. Казалось бы, несложная операция — удаление аппендикса, а все должно быть проверено заранее: исправность оборудования, стерильность инструментов, наличие перевязочных средств. Одним словом, порядок и...

СТУДЕНТЫ (хором). Никаких мелочей!

ПРОФЕССОР. Правильно. Тогда приступим. (Ассистенту.) Дайте наркоз. (Нагибается к больному.) А вы, голубчик, посчитайте.

БОЛЬНОЙ. До скольких?

ПРОФЕССОР. До десяти. Больше не потребуется.

БОЛЬНОЙ (начинает считать). Один, два, три, четыре, пять...

ПРОФЕССОР (студентам). Всего несколько секунд — и больной заснет.

БОЛЬНОЙ. Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять...

Студенты переглядываются.

ПРОФЕССОР (Ассистенту). Прибавьте дозу.

БОЛЬНОЙ. Сорок девять, пятьдесят, пятьдесят один, пятьдесят два...

ПРОФЕССОР. Не понимаю. Может, аппарат неисправен?

АССИСТЕНТ (проверяет). Все в порядке.

БОЛЬНОЙ. Сто тридцать восемь, сто тридцать девять, сто сорок...

ПРОФЕССОР. Прибавьте еще.

Ассистент прибавляет.

БОЛЬНОЙ. Четыреста сорок два, четыреста сорок три, четыреста сорок четыре...

ПРОФЕССОР. Не понимаю, какой-то особый случай.

(Больному.) Послушайте, голубчик, вас ничего не беспокоит, а? Может, вам что-нибудь нужно?

БОЛЬНОЙ (слабым голосом). Молоток.

ПРОФЕССОР. Что?!

БОЛЬНОЙ. Молоток.

ПРОФЕССОР (Ассистенту). Дайте больному молоток, и побыстрее.

Ассистент подает молоток.

Больной встает со стола — из стола торчит большой гвоздь, который не давал ему уснуть. Больной двумя сильными ударами забивает гвоздь, ложится на стол, произносит:

«Девятьсот девяносто девять, тысяча», —

и с храпом засыпает.

(Растерянно.) Порядок.

СТУДЕНТЫ (хором). И никаких гвоздей!

Тараканы

Монолог учащегося
кулинарного техникума

Вот считается, что мы с мамой

живем в отдельной квартире. Но это только считается. Кроме нас там еще много кого живет. И все без прописки. Они к нам каждый вечер в гости приходят. От соседей. Кто по трубе, кто под дверью. Рыжие такие, небритые, с усами. Да вы их знаете. Они тараканами называются.

Что мы только с ними ни делали — ничего не помогает. Наоборот, их с каждым днем все больше и больше, а нас с мамой все меньше и меньше.

Но один официант — мы еще с ним в кулинарном техникуме учились — мне посоветовал:

— Ты пойди на санэпидемстанцию и дай на лапу.

Я говорю:

— Кому дать, тараканам?

Он говорит:

— Если тараканам на лапу давать, они к тебе со всего города сбегутся. Начальнику надо дать. Он тебе такое средство импортное выдаст — пальчики оближешь.

— А что ж на эту лапу давать-то?

— Как — что?.. Бабки.

— У меня бабки нет. Один дедка остался.

— Да другие бабки. Деньги так называются у культурных людей.

— А сколько надо давать? Рубля три хватит?

Он говорит:

— Что?.. Да за трешник они тебе еще клопов подбросят. Двадцать пять рублей надо дать. Две красненькие и одну синенькую.

Ой, ну что делать?.. Взял я эти бабки и пошел на санэпидемстанцию. Вхожу в кабинет, а там сидит та-

кой дядька: толстый, рыжий и тоже с усами. Я стою и думаю: «А вдруг он не берет?» А он говорит:

— Ну, выкладывай, с чем пришел.

Я говорю:

— Как, прямо сразу выкладывать?

— А чего тянуть? Вон очередь какая.

— И что, все сразу выкладывают?

— Конечно. Кому охота с тараканами жить!

— Ладно, сейчас выложу. Они у меня в кармане.

Он говорит:

— Стой! Ты мне что, тараканов сюда принес?

Я говорю:

— Не-ет... У меня там бабки.

А он смеется:

— Мы здесь бабок не выводим. Тебе в собес надо идти.

— Вы меня не так поняли. У меня другие бабки. Две бабки красненькие и одна синенькая.

— Что, совсем синенькая?

— Ага, с двух сторон.

— А что ж ты от меня хочешь?

— Чтобы вы ее у меня поскорее забрали.

— Зачем мне твоя синенькая бабка? Я от своей не знаю, как избавиться.

— Это же другая бабка! Мне ее в получку выдали.

И кладу ему на стол пять рублей.

Он как закричит:

— Это что такое?!

Я говорю:

— Это она... Деньга.

Тут он еще сильнее закричал:

— Ты что?! Мы здесь взятки не берем!

А потом шепотом говорит:

— Правда, если хочешь, чтобы побыстрее сделали, надо дать. Только не мне, а дяде Васе.

Я говорю:

— Кто это — дядя Вася?

Он говорит:

— Тсс... Давай мне, а я ему передам.

Ой, ну что там говорить... Конечно, я нехорошо сделал, что деньги дал. Но я же не один такой. Другие тоже дают... А что вы так притихли, будто первый раз

об этом слышите? Дают-дают. И не только за тараканов.

Но я вот что думаю: может, они берут, потому что мы все время даем?.. А если мы договоримся и вот им дадим?.. Давайте хоть попробуем. Я знаю, многие же хотят, только некоторые боятся, что тараканы замучают.

Не бойтесь! Я такое средство знаю. Наше, отечественное. Лучше любого импортного. Вот послушайте. Надо в столовой, где я работаю, взять полпорции суточных щей. На ночь разбрызгать по всей квартире, и к утру от вас не то что тараканы, все соседи уползут. Честное кулинарное слово!

Здравствуйте! Здравствуйте!

Вы меня узнали?.. Кто сказал — попка дурак?.. Неправильно. Я не дурак. Я — кретин. Идиот! А знаете, почему? Потому что разговаривать умею. Вот рыбу кто-нибудь называет дурой? Никогда. Потому что молчит всегда. Ее ловят — она молчит, ее жарят — она молчит. Рыбный день ей сделали — все равно молчит. А я всегда болтаю. Причем не то, что нужно. Режу правду-матку, когда меня не просят.

Триста лет живу на свете, нигде больше двух недель не задерживаюсь. Сколько я хозяев сменил — пересчитать невозможно.

Помню, жил в одной семье. Обстановка царская: ковры финские, мебель арабская, от хрусталя звон, как в церкви. Кормили пять раз в день. Миндалем в шоколаде. Казалось бы, чего еще желать? Сиди — молчи. Так нет, не удержался. Пришла к ним в гости одна пара. Милейшие люди. Профессор с женой.

Усадили их за стол, а меня такое зло взяло — миндаль в горло не лезет. Я как заору:

— Вы чего пришли?! Вас сейчас охмурять будут. Чтобы дочку свою мордастую в институт устроить!

Что тут поднялось... Хозяйка кричит:

— Не верьте ему! Он провокатор!

Гости пальто в охапку — и бежать! А хозяин ко мне подошел:

— Петух ты, — говорит, — крашенный. Если б ты двести рублей не стоил, я бы из тебя суп сварил!

Двести-двести, а сам, между прочим, продал за триста. Правда, в очень приличную семью. Отец — врач, мать — учительница, сын — оболтус. Пятнадцать лет

парню, а уже полный обалдуй. Но мне-то что? Не мой же сын. Так нет, не выдержал. Два дня молчал, а на третий говорю:

— Папаша, вот вы врач, а сынок у вас, между прочим, курит!

Он говорит:

— Та-ак. И часто?

— Нет, — говорю, — не часто. Только когда выпьет.

Мамаша как закричит:

— Как? Разве он пьет?

— Иногда, — говорю. — Когда в карты много проигрывает.

Ну, тут мама с папой забыли, что они интеллигентные люди, взяли ремень и всыпали ему по первое число. Двадцать восьмого начали — первого кончили. А второго он меня взял в охапку — и на птичий рынок. Продам какому-то забулдыге за червонец. Тот обрадовался:

— Скажу жене, что сотню уплатил, а остальные пропью.

Рано обрадовался. Я его жене все раньше успел рассказать. Так что там я тоже не задержался. Я нигде не задерживаюсь. Кому охота про себя правду знать да еще платить за это двести рублей?

Про меня уже по городу слух пошел, что я несчастье приношу. До того дошло — задаром никто брать не хочет. Последний хозяин со мной мыкался-мыкался, да и сдал сюда. В зоопарк.

Теперь сижу один. Чтоб ничего не видел, ничего не слышал, ничего про людей сказать не мог. Но я и здесь молчать не буду:

— Товарищи! В зоопарке тигру не докладывают мяса! Пока не поздно, спасайте хищника!

Если спросят — откуда знаете, ссылайтесь на меня. Я ничего не боюсь. Потому что я попка-дурак, попка-кретин, попка — полный идиот!

Сказки для взрослых

Обыкновенное чудо

Однажды вечером, когда некто

Петров возвращался домой, он заметил у подъезда маленькую бездомную собачонку. Шерсть ее свалялась от грязи, глаза слезились на ветру, лапы дрожали от холода. Петров был добрый человек. Взял он эту собачку в дом, накормил, обогрел и спать уложил. Да не куда-нибудь, а в чистую постель. Рядом с собой.

А утром, когда Петров открыл глаза, рядом с ним лежала женщина такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И хотя Петров был человек холостой, он все равно задрожал от страха.

— Не бойся, — нежным голосом сказала красавица. — Это злой волшебник заколдовал меня в собаку. Но твоя любовь превратила меня опять в женщину.

И стали вместе жить-поживать да добра наживать. Узнал об этом сосед Петрова Сидоров, и в душе его поселилась зависть:

— Неужто я хуже Петрова? И я найду себе красавицу!

С этого дня Сидоров лишился покоя. Каждый день он приводил с улицы какую-нибудь бездомную собаку. Кормил, поил, расчесывал гребнем, клал в теплую постель — все напрасно. Утром рядом с ним на подушке лежала та же дворняга, которую он привел накануне.

Отчаялся Сидоров и понял, что не каждому человеку дано в жизни испытать чудо. И поступил он, как все обыкновенные люди. Познакомился с хорошей женщиной, сделал ей предложение, и сыграли они свадьбу. Как водится на свадьбах, пошумели, поскакали.

А утром, когда он открыл глаза, рядом с ним на подушке лежала лохматая дворняга.

— Не бойся, — хриплым голосом сказала дворняга. — Злой волшебник заколдовал меня в женщину. Но твоё отношение превратило меня опять в собаку.

Вот какие чудеса происходят на белом свете. Так что, если вы услышите, что Сидоров лается со своей женой, знайте — это не сказка!

Верный конь

У одного инженера закапризничал его верный конь по кличке «Жигули». То мотор не заведется, то зажигание откажет, то скорости не переключатся. Что поделаешь: конь о четырех ногах и то спотыкается, а уж машина тем более.

Одним словом, решил инженер чинить своего верного коня. Встал он ни свет ни заря, приехал на станцию техобслуживания, занял очередь, ждет. Час ждет, другой ждет, а очередь все не движется.

Смотрит он — удивительное дело: с этой стороны очередь стоит, а с черного хода все время какие-то машины на станцию заезжают. А в тех машинах царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной и завбазой овощной.

Не выдержал инженер такой несправедливости и пошел прямо к начальнику станции. Топнул ногой об пол и говорит:

— Что же это такое? Я тут с шести утра стою, как в землю врос, а с черного хода к вам все время клиенты заезжают. Как вы это объясните?

А начальник ему ласково отвечает:

— Так вы, дорогой товарищ, невнимательно нашу вывеску прочитали. У нас ведь на ней что написано? Станция техобслуживания. Это значит, что тех мы обслуживаем, а этих в очереди держим.

— Как? — говорит инженер. — Но это же непорядок!

— Нет уж, извините, — отвечает начальник. — У нас как раз все в порядке: и вы, и мы. Только вы в порядке живой очереди, а мы в таком порядке, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Волшебный камень

В день получки вышел слесарь Мурзиков с родного завода, смотрит, а прямо перед ним лежит огромный камень. А на камне том крупными буквами написано:

«Налево пойдешь — всю получку пропьешь. Направо зашагаешь — всю получку прогуляешь. Пойдешь дорогой прямой — принесешь всю получку домой».

Обрадовался Мурзиков, даже запрыгал от удовольствия.

— Как хорошо, что все так понятно написано. Тут уж никакой ошибки не сделаешь. Сразу ясно: надо идти прямо.

Пошел он прямо домой и отдал получку своей законной жене. Всю до последней копеечки.

Но это, конечно, сказка. На самом деле никакого камня возле завода, где работает Мурзиков, нет. А у проходной стоит, как каменная, его жена. Уж кто-кто, а она твердо знает, что слесарь Мурзиков в день получки прямо ходить не может.

Три загадки

Один директор искал себе заместителя. Объявили об этом гонцы по всему городу, и в урочный час набилось в приемной претендентов видимо-невидимо. Вышел к ним директор, важный такой, надутый и говорит:

— Поскольку должность эта ответственная, все-таки моя правая рука, желаю я вам устроить проверку. Хочу я вам три загадки загадать, или, по-научному, провести систему тестирования. Кто на мои загадки правильно ответит, тому и быть заместителем.

Затихли претенденты, затаились, ждут директорских вопросов.

— Значит, так, — говорит директор, — что это такое: зимой и летом одним цветом?

Встает первый претендент и так уверенно отвечает:

— Это елка.

— К сожалению, — говорит директор, — вы нам не подойдете. Банально мыслите, для руководящей работы не годитесь.

Пошушукались претенденты, посовещались, встает второй и говорит:

— Зимой и летом одним цветом — это цветное телевидение.

— И вы нам не подойдете. Очень уж оригинальничаете, в руководящей работе это большой минус.

Совсем растерялись претенденты, не знают, что и сказать. Тут встает один мужичонка, серенький такой, невзрачный...

— Разрешите, — говорит, — слово молвить.

— Разрешаю.

— Зимой и летом одним цветом — это вы, товарищ директор.

— Так, — говорит тот, — а почему?

— А потому, что вы как настоящий руководитель умеете сдерживать свои чувства. От гнева не краснеете, от страха не бледнеете, а всегда сохраняете свой естественный цвет.

Улыбнулся директор довольно.

— На первую загадку ты верно ответил. Вот тебе вторая: кто над нами вверх ногами?

— Да тут и думать нечего, — говорит мужичонка. — Это опять вы, дорогой товарищ директор. Над нами вы по должности, а чтобы выполнить план, и на голове стоите, и на пупе крутитесь, не жалея своего драгоценного здоровья.

Директор еще пуще прежнего заулыбался.

— Ну и последний вопрос: красна девица по небу ходит. Это кто?

— Что хотите со мной делайте, — отвечает мужичонка, — но это опять-таки вы. Ходите вы по небу, озаряя своих подчиненных ярким, теплым светом. А мы вас любим от всей души, как самую прекрасную девицу.

— Понятно, — говорит директор. — Ну что ж, с завтрашнего дня можете выходить на работу. Всех остальных не задерживаю.

Вот такая история. А если вы думаете, что это сказка, попробуйте на вопрос своего директора правду-матку сказать. Тогда, будь вы хоть сам Иван-царевич, он на вас начнет глядеть серым волком.

Терем-теремок

Надоело кротам под землей жить. Без света сидеть. И решили они построить себе кооперативный домик — «Терем-теремок». С удобными комнатами, высокими потолками, просторными кухнями. Чтобы все было не как у людей.

Три года кроты работали, как звери. И наконец построили свой звериный кооператив. То есть кооператив-то был нормальный, просто первый взнос за него был зверский. Зато дом получился на славу. В самом центре, со всеми удобствами, с детским садиком внизу. И с магазином напротив.

Стоит в центре теремок-теремок,
Он построен точно в срок, точно в срок.
Подошли к нему кроты, все кроты,
Как разинут дружно рты: «Ух ты!..»
Кто-кто в теремочке живет?
Кто-кто в кооперативном живет?

Я, мышка-норушка.
Я, лягушка-квакушка, одного футболиста подружка.
Я, лисичка, кой-кого родная сестричка.
Я, треска, член правления ЖСК.
Я, пума, завсекцией ГУМа.
Я, лошадь, с правом на дополнительную площадь.

А вы кто?
А мы кроты. Три года ждали этой красоты.
Вы ждали, а мы дождались.
Так что, давай, крот.
Ползи обратно в свой подземный переход.

Вот, дружок, такая грустная история. И то, что она произошла с кротами, это понятно. Ведь кроты плохо видят. Но ты-то, дружок, видишь хорошо. Вот и смотри сам, какой зверь хочет пролезть в твой кооператив. Чтобы потом никто и нигде не рассказывал тебе сказки.

Кирпич на голову

З а сценой раздается глухой удар.

затем, потирая голову, выходит человек с кирпичом в руках.

— Простите, вы не скажете, который час?.. Спасибо. А число?.. Ясно. А месяц?.. Понятно. Все отшибло, ничего не помню. Помню только, что вышел из дома в магазин, кирпич сверху упал, прямо по темечку — и все. Где я? Кто я? Ни имени, ни фамилии — ничего не помню. И документов никаких. Из всех документов — один кирпич.

Ну, подскажите, люди добрые, что делать? Как свой дом найти?..

Как? По справочной? А кого спрашивать? Я же ничего не помню. *(Ищет по карманам)*. Хоть бы справочка какая-нибудь завалящая... пропуск куда-нибудь. Во! Есть! Записка какая-то... *(Читает.)* «Мусик! Жду тебя вечером на том же месте. Твой Пусик». Так, понятно. Непонятно только одно, кто я: Мусик или Пусик. Вопросик! Надо еще поискать. *(Шарит по другим карманам)*. О! Нашел! *(Разглядывает.)* Справка. Тут все данные, все подробности. Имя... Ну и почерк! Как курица лапой. Имя... имя... во — Анализ! Это еще что за имя? Анализ. Может, я грек? А фамилия?.. Анализ... Ого! Ну и фамилии себе эти греки придумывают! Что хотят, то и делают. Может, дальше что-нибудь сказано?.. Белков нет, сахара нет, жиров нет... *(Грустно.)* Бедный я, бедный! Ничего у меня нет, кроме справки... из какой-то поликлиники... А-а! Это же анализ. Диспансеризация!.. Нет, по анализу справочный стол адресов не дает. До этого техника еще не дошла.

Вот положеньице! Потерялся среди бела дня, как маленький ребенок. Хуже! Сейчас любой ребенок свой адрес знает. А у меня-то есть ребенок или нет?.. Есть, как же! Это меня хоть балконом ударь — я помню. Маленький такой, смышленный... Ему только скажешь: «А ну-ка, сынок...» Или дочка?.. Дочка, точно! Кругленькая такая, курносая. Уже читает, считает. Институт недавно закончила.

Минуточку! Если у меня есть ребенок, значит, и жена должна быть! Наверняка! Дети без мамы не родятся. Без папы — пожалуйста. А без мамы — никак. Точно-точно, жена у меня есть. Кто-то на кухне все время крутится. Стирает, моет, готовит... Или это домработница?.. Точно, домработница. Я ж ей деньги плачу. Каждый месяц. Нет, все-таки жена. Какая домработница за такие деньги станет ишачить?.. Жена, жена! Как же ее зовут-то? Как я ее называю?.. Мать! Во — мать! «Мать, давай пожрать!» А она меня как? Она меня как-то уважительно... По имени-отчеству... А-а! Гребуковое!.. Нет, это какое-то интимное имя, ласковое. А официальное? Знать бы официальное, я бы сразу адрес нашел. О! На работе знают. Там отдел кадров, имя, фамилия... А вот где я работаю? И кем?.. Точно помню, что работа у меня не физическая. И не умственная... Может, я начальник? Нет, тогда бы у меня кабинет был, секретарша... Секретаршу я бы не забыл... Где же я работаю?.. Помню только, что работа у меня все время на три буквы. Да-да-да! Вот! Работаю я в АХО, на какой-то ЭВМ, на должности ИТР, в НИИ на базе ЦСУ напротив ПТУ. А вот чем мы там занимаемся, этого я и до кирпича понять не мог.

Слушайте, что же делать-то? Может, обо мне по радио объявить, вместо сводки погоды? Чтоб жена услышала. Пропал мужчина, средних лет, склонный к полноте. Спина сутулая, грудь впалая, волосы черные, редкие... Зубы хорошие, новые... М-да! На такого красавца охотников не найдется.

Вот беда. Хоть плачь. Ау! Найдите меня. Я хороший. Это я точно помню. Мне всю жизнь говорили, что я хороший. И мама говорила, и бабушка... И жена говорит, что я хороший. Как придешь после получки, она дверь

откроет и говорит: «Хорош, нечего сказать!» Вот ведь как получается: хорош — хорош, а никому не нужен... Нет, извините, такого быть не может. Нужен, очень даже нужен. Только не помню кому... А-а, друзьям нужен, вот кому! Что у меня, друзей нет? Ого-го! Еще сколько!

Вот этот, например... Ну, как его... Или этот — Саша. Или Паша... Забыл. Сосед мой по прежней квартире. Тихий такой, скромный, а когда надо — всегда рядом. Этот меня сразу найдет... Хотя нет, не найдет. Помню, обиделся он, что я его на новоселье не позвал. Чудак, ей-богу! Квартира же не резиновая. Я только самых близких собирал. Соседа, напротив из «Гастронома», Семена из «Янтаря» и Зину из «Кулинарии». А он обиделся. Ни слуху ни духу...

Значит, что же это получается? Нет у меня никаких друзей?.. Вот так живешь-живешь, ни о чем не думаешь, а потом в один прекрасный день как тебя бабахнет по башке кирпичом — и сразу начинаешь задумываться: кто ты, что ты, так ли живешь, то ли делаешь? Кто тебе друг, а кто просто так... Жалко. Жалко, что мне этот кирпич лет десять назад на голову не свалился. Я б еще тогда спохватился, по-новому жить начал... Да и сейчас еще не поздно. Я еще мужчина в соку. На меня такой кирпич упал, а мне хоть бы что. Просто не помню ничего...

Слушайте, а может, меня еще разок кирпичом стукнуть? Чтоб память вернулась. Клин клином вышибает. А что? Надо попробовать. (*Подбрасывает в руке кирпич.*) Была не была! Все равно, терять нечего.

Подкидывает кирпич вверх, тот падает ему на голову с глухим стуком.

Пауза.

Ну, что я говорил? Порядок! Все вспомнил. Теперь я нормальный человек, как все. С именем и фамилией. Колобашкина я, Маргарита Степановна. Ищу пропавшего мужа, стукнутого кирпичом. Если кто найдет, оставьте его себе!

Маленький «Гранд-отель»

Короткометражная комедия

Обычный номер гостиницы на одного проживающего. Узкая кровать, тумбочка с телефоном, стол, стулья. Вот только у стены отсутствует шкаф. На том месте, где он стоял, виднеется кусок невыцветших обоев.

Входит человек в плаще и кепке. Это Командированный. Он снимает плащ, хочет его повесить, но замечает, что шкафа в комнате нет, а на кровати в беспорядке разбросаны его вещи.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Ну, дела! Шкаф забрали, вещи раскидали. Обслуживание, называется! *(Бросает плащ на стул, садится на кровать, складывает вещи.)*

Резкий телефонный звонок.

Алло!.. Кто вызывает?.. Тюмень?.. Жду... Маш, это ты?.. Это я. Здорово!.. Чего не звоню?.. Да некогда, понимаешь. И денег нет... Де-нег. Дмитрия, Елены, Николая, опять Елены... Да нет, какая Елена? Ты что?.. Нету меня здесь никакой Елены! Какая может быть Елена, если денег нет... Де-нег. Дмитрия, Евгения, Николая, Евдокима, Галины... То есть, нет, не Галины, Григория. Григория нет, понимаешь? Ни копейки Григория... Вот. Сама знаешь, вторую неделю здесь сижу... Да никак дела! То фондов у них нет, то документацию спутали... Да ни с кем я не спутался. Что тебе все одно чудится?.. Да... Да... Откуда я знаю?.. Не дают они моторов, волынят все. Тут меня с одним познакомили, помочь обещал... Надо бы его угостить, а денег нет... Ага, Григория. Нету Григория. С Григорием — зарез!.. Да ничего я не странный!.. Нормальный я... Один... Один я в номе-

ре. Честное слово!.. Маш, алло, Маш! *(Дует в трубку.)*
Алло!.. Разъединили.

Стук в дверь. Не дожидаясь ответа, входит дежурная.

ДЕЖУРНАЯ. Добрый вечер! Вас приветствует коллектив второго этажа гостиницы «Гранд-отель».

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Здравствуйте.

ДЕЖУРНАЯ. Хочу вам сообщить, что коллектив второго этажа гостиницы включился в борьбу за звание первого.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Этажа?

ДЕЖУРНАЯ. Я думаю, юмор здесь неуместен. *(Подозрительно.)* С кем это вы разговаривали?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Когда?

ДЕЖУРНАЯ. Только что.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. С женой.

ДЕЖУРНАЯ. Пребывание в номере после двадцати трех часов посторонним лицам строго запрещено.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Я по телефону.

ДЕЖУРНАЯ. По талону, в кредит?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Это мне звонили.

ДЕЖУРНАЯ. Хорошо, я проверю. Извините за беспокойство. *(Поворачивается к двери, и тут ее взгляд застывает на невыцветших обоях.)* Где?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Что?

ДЕЖУРНАЯ. Где он?!

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Кто — он?

ДЕЖУРНАЯ. Шкаф! Крашеный. Одностворчатый. Семьдесят шесть рублей сорок копеек?..

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Понятия не имею. Утром был, а сейчас нет.

ДЕЖУРНАЯ. Так. Будем платить.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. За что?

ДЕЖУРНАЯ. За шкаф.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Я ж его не брал.

ДЕЖУРНАЯ. Не знаю. По инструкции за вещи, находящиеся в номере, отвечает проживающий. Утром шкаф был?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Был.

ДЕЖУРНАЯ. А сейчас нет. Будем платить.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Девушка, вы что, соображаете?.. Разве можно незаметно шкаф вынести?

ДЕЖУРНАЯ. Если по частям — все можно вынести.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Да зачем она мне, эта деревяшка?! У нас в Сибири лесов навалом! Бери — не хочу!

ДЕЖУРНАЯ. Ну и как, берете?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Никогда. У нас с этим делом строго. Старики говорят, раньше за кражу медом мазали и в муравейник сажали.

ДЕЖУРНАЯ. Не беспокойтесь, тут тоже посадят. Только без меда... Жил тут до вас один сибиряк. Геолог. Тоже мне истории рассказывал. На ушко. *(Хихикнула и строго.)* А сам махровое полотенце увез.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Не может быть! Сибиряки не такие.

ДЕЖУРНАЯ. Увез-увез. Розовое, банное. Володей звали. Высокий такой, с бахромой. Не встречали?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Нет.

ДЕЖУРНАЯ. Писать обещал. А уехал — и след простыл.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Не огорчайтесь. Напишет еще ваш Володя.

ДЕЖУРНАЯ. Плевала я на его письма! Между нами все кончено. Пусть полотенце вернет. *(Грубо.)* Где графин?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Какой графин?

ДЕЖУРНАЯ. Стекланный. Емкостью полтора литра, с крышкой.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. На подоконнике.

ДЕЖУРНАЯ *(берет с подоконника графин)*. Где вода?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Выпил.

ДЕЖУРНАЯ. Что, жажда мучит?.. Жил тут до вас один. Гиви его звали.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Геолог?

ДЕЖУРНАЯ. Грузин. На ликероводочный завод приехал. Тоже его по утрам жажда мучила. Симпатичный такой, усатый. Кепка — во. *(Хихикнула.)* Он ее и во сне не снимал. Все меня с собой в Сухуми звал. А сам открывалку для пива увез.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Случайно, наверное. Пришлет.

ДЕЖУРНАЯ. Жди. Я, говорит, тебе каждый день буду звонить. А где он? Где она? Как тут добьешься повышения снижения потерь инвентаря?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Чего? Вы по-русски говорите. ДЕЖУРНАЯ. Я и говорю по-русски. Как тут добьешься повышения снижения?

Резкий телефонный звонок.

(Снимает трубку.) Алло?.. Кого?.. Вас, Тюмень...

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Алло, Маша, разъединили нас... Что?.. Какая женщина?.. Ты что, опомнись! Это не женщина вовсе, это ДЕЖУРНАЯ... Честное слово. Разрази меня гром!.. Маш, алло, алло!.. (Опускает трубку.)

ДЕЖУРНАЯ. Не поверила?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Нет.

ДЕЖУРНАЯ. Правильно сделала. Все вы, командировочные, — проходимцы.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Вы что?

ДЕЖУРНАЯ. То самое. Из дома вырветесь, суточные в зубы — и в загул. Все по-быстрому норовите, поскорей. Сегодня полюбил, завтра смылся. День свадьбы — день развода считается за один день.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Ну, это вы зря. Люди-то разные бывают.

ДЕЖУРНАЯ. Это вы дома разные, а в командировке все одинаковые. Думаете, не знаю, что у вас на уме?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Что?

ДЕЖУРНАЯ. Все то же. Думаете: женщина молодая, незамужняя. Время позднее, в номере одни... Двери запер, занавески задернул, свет потушил...

КОМАНДИРОВАННЫЙ (испуганно). Что вы, что вы, опомнитесь! И в мыслях такого не было.

ДЕЖУРНАЯ. Будто бы?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Клянусь!

ДЕЖУРНАЯ (презрительно). Тюфяк.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Что?

ДЕЖУРНАЯ. Матрас, говорю. Матрас где?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Подо мной.

ДЕЖУРНАЯ (подходит к кровати). Одеяло, покрывало, подушка... Где простыня, наволочка где?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Коридорная взяла. Сказала, постель будет менять.

ДЕЖУРНАЯ. Какой день живете?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Десятый.

ДЕЖУРНАЯ (с сожалением). Верно. В целях комфорта и гигиены смена белья производится каждые десять суток.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Девушка, вы меня, конечно, извините... Я человек приезжий, по-вашему плохо понимаю. Лучше толком скажите: чего вам от меня надо?

ДЕЖУРНАЯ. Забота о проживающих — главный долг работников гостиницы! Может, вы в чем-нибудь нуждаетесь?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Нет.

ДЕЖУРНАЯ. Может, чего-нибудь не хватает?

КОМАНДИРОВАННЫЙ (тоскливо). Всего у меня хватает.

ДЕЖУРНАЯ (быстро). А где платяная щетка?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. В прихожей, где ж ей быть?

ДЕЖУРНАЯ. Не знаю. Жил тут до вас один журналист. Очерки писал на моральные темы. А сам щетку обувную увез.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Но я-то к нему какое отношение имею? К журналисту этому?

ДЕЖУРНАЯ. Все вы отношения не имеете, а вещи пропадают. Где стакан?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. В ванной! Зубы полощу.

ДЕЖУРНАЯ. Посмотрим. (Скрывается в ванной, оттуда доносится ее голос.) Зеркало — одно, умывальник — один, смывной бачок — один. (Высовывается.) Где биде?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Кто?

ДЕЖУРНАЯ. Биде где?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Не встречал.

ДЕЖУРНАЯ. Ах да, биде — в люксе. (Скрывается в ванной.)

КОМАНДИРОВАННЫЙ (повторяет). Биде — в люксе. Вроде по-нашему говорит, а ничего не понятно.

Из ванной выкатывается рулон туалетной бумаги. Следом за ним шагает дежурная.

ДЕЖУРНАЯ. Бумага «пепифакс»! (Меряет ее большими шагами.) Один, два, три... восемь метров. Сходится! (Убирает ногу, бумага укатывается в ванную.)

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Что, бумагу тоже крадут?

ДЕЖУРНАЯ. У нас все крадут, что плохо лежит. А что хорошо лежит — то переложат.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Да у меня на объекте материальных ценностей — на миллион! И то доверяют.

ДЕЖУРНАЯ. Миллион — деньги большие. Немножко взять — никто и не заметит. (*Включает люстру.*) Лампочки стосвечовые — три штуки. Что-то горят слабо. Вы лампочки не меняли?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. И не трудно вам жить-то? Вот так, никому не доверяя?

ДЕЖУРНАЯ. Это мне раньше трудно было, когда верила всем. Теперь полегче стало. (*Подходит к репродукции, висящей на стене.*) Репродукция с картины Шишкина «Утро в сосновом лесу». Раз — медведь, два — медведь... А где третий?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Девушка, ты меня не дразни! Я тихий-тихий, а такое могу учудить...

ДЕЖУРНАЯ. Это мы знаем. (*Кивает на отсутствующий шкаф.*) Уже учудили. На семьдесят шесть рублей.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Ну вот что: мотай отсюда!

ДЕЖУРНАЯ. Что?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Мотай отсюда к едрене бабушке!

ДЕЖУРНАЯ. Понятно. За шкаф сейчас будете платить или утром?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Не буду я за него платить! Ни утром, ни вечером.

ДЕЖУРНАЯ. Ясно. (*Подчеркнуто вежливо.*) Коллектив гостиницы «Гранд-отель» желает вам спокойной ночи и приятных сновидений. (*Уходит.*)

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Чертова кукла! Спокойной ночи желает... Весь сон отшибла. (*Встает с кровати, подходит к окну, отдергивает портьеру.*)

За портьерой стоит дежурная.

Это вы?!

ДЕЖУРНАЯ. Коллектив нашей гостиницы включился в напряжение двести двадцать вольт вместо прежних ста двадцати семи. Помните об этом, пользуйсь элект-

юприборами! (Идет к двери, считая на ходу.) Раз — розетка, два — розетка, три — розетка... (Уходит.) КОМАНДИРОВАННЫЙ. Да что же это такое?.. (Трет лоб, мотает головой, пытаюсь прийти в себя. Затем хватает полотенце и кидается в ванную.)

Открывается дверь ванной, оттуда выходит дежурная.

ДЕЖУРНАЯ. Если вы хотите заказать ужин в номер — к нашим услугам ресторан гостиницы. Ужин надо заказывать за двое суток до того, как вы решили поесть! (Идет к дверям, считает.) Раз — стул, два — стул, три — стул... (Уходит.)

Командированный снова остается один, но он уже в это не верит. Заглядывает в угол, выдвигает ящики стола — никого. Облегченно садится на кровать — и тут же вскакивает как ужаленный.

С кровати поднимается бдительная дежурная.

ДЕЖУРНАЯ. Если вам негде провести вечер, помните, что на каждом этаже гостиницы работает цветной телевизор в черно-белом изображении. (Направляется к двери.) Раз — лампочка, два — лампочка, три — лампочка...

Дверь широко распахивается. Прямо на дежурную движется шкаф. Большой, красивый, полированный.

(Шепотом.) Караул!..

Шкаф останавливается, из-за него выходят двое рабочих в комбинезонах.

Это что?

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Шкаф.

ДЕЖУРНАЯ. Какой еще шкаф?

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Новый. Мебель сегодня в номерах меняем.

ДЕЖУРНАЯ. Кто велел?

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Директор. Гостинице нашей высший разряд присвоили. Интурист мы теперь. Вот и меняем.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Извините, что не вовремя. Приветик!

Рабочие уходят.

КОМАНДИРОВАННЫЙ (радостно). Ну, что я тебе говорил?.. Заладила: «плати», «плати». Да нужен мне этот шкаф, деревяшка паршивая. Пропади он пропадом! (Бьет по шкафу ладонью.)

От резкого толчка шкаф заваливается набок и с грохотом падает на пол, рассыпаясь на груды досок. Пауза.

ДЕЖУРНАЯ. Так. Шкаф импортный, полированный, сто двадцать пять рублей. Будем платить.

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Девушка, вы поймите, я не нарочно. Он сам упал. Я не хотел. Это вы меня довели.

ДЕЖУРНАЯ. Я?! Я вас что, оскорбляла? Была невежлива?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Нет, этого не было.

ДЕЖУРНАЯ. Так платите. Ничто у нас так не ценится, как вежливость. До свидания. (Уходит.)

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Платить! А чем?.. Где я возьму? (Ошалело бежит по номеру.) Бежать! Бежать отсюда! Пропади оно пропадом, это обслуживание. Домой! В тайгу! К медведям! (Залезает под кровать, вытаскивает огромный чемодан, резко поднимает его и с криком роняет на пол.)

Открывается крышка чемодана, оттуда во весь рост встает дежурная.

ДЕЖУРНАЯ. Гуд ивнинг! Зе гесте оф хотел хэв приорити ин сервис.

КОМАНДИРОВАННЫЙ (с ужасом). Чего?!

ДЕЖУРНАЯ. Я, по-моему, ясно говорю: приорити ин сервис. Интурист мы теперь, понял?

КОМАНДИРОВАННЫЙ. Понял.

ДЕЖУРНАЯ. А понял, так плати. Уан хандрид твенти файв в нашей валюте!

Люди добрые

Скажите честно, вы не устали?..

Нет, я имею в виду, от хамства не устали?.. Есть немножко... Нет, правда, что греха таить, сталкиваемся мы с ним еще на работе, на улице и, особенно, в сфере обслуживания. Ведь это такая сфера — она как захочет, так и обслуживает. Потому что у нее в руках все: магазины, ателье, столовые, почта, вокзал и телеграф.

И что интересно, мы про эту сферу говорим, пишем, постановления принимаем, а результатов никаких. Вот я и думаю: может, мы сами себя неправильно ведем? Зачем мы возмущаемся, требуем жалобную книгу? Ведь они тоже люди и тоже хотят нормального человеческого тепла. А вы вспомните: кто-нибудь из вас хоть раз обнял официанта, погладил продавца, поцеловал таксиста?.. Так что я предлагаю не кричать, а по-человечески попросить. Тепло и сердечно. В порядке живой очереди.

Дорогие работники сферы обслуживания! Наши милые кормильцы, поильцы, обшивальцы и обдиральцы! Мы обращаемся ко всем профессиям сразу и к каждой в отдельности.

Работники ресторанов, буфетов, кафе и диетических столовых! Кулинары наши! Расскажите честно, что мы вам сделали плохого? За что вы нас так кормите? Мы же все ваши современники, мы все сегодняшние, а у вас почему-то щи суточные, борщ вчерашний, а сырники прошлогодние.

Мы уже не говорим про ваш шашлык, который вы жарите из одних сухожилий. Этот шашлык можно съесть только большой компанией, по принципу: «Пожуй и передай товарищу!»

Работники ремонта квартир! Уважаемые маляры, штукатуры, плиточники и паркетчики! Объясните честно, почему без бутылки вы работать не хотите, а после бутылки — не можете?

Нет, мы не обижаемся, что обои вы наклеили на потолке, а линолеум на стенке. Я просто хочу узнать, долго ли мне еще спать в ванной, а жене на газовой плите?

Мы не капризничаем. Мы ко всему привыкшие. Пережили войну, разруху, коллективизацию, культ личности и его последствия. Бог даст, и ваш ремонт тоже переживем.

Проводницы поездов дальнего следования! Гостеприимные хозяйки вагонов! Расскажите, почему за наш рубль вы всегда нас заворачиваете в мокрые простыни? Ведь мы брали билет не в вытрезвитель, а в поезд дальнего следования.

Проводница! Мамаша! Спасибо, что ты вовремя разбудила пассажира перед его остановкой. Не важно, что это был не тот пассажир, не важно, что он упирался и не хотел выходить, важно, что здесь, на глухом полустанке, он увидит новые просторы нашей необъятной Родины в два часа ночи.

Дорогие работники гостиниц! Наши милые горничные, коридорные, этажные и трехэтажные! Спасибо, что вы следите за нашей моралью. Вы тратите на это столько времени, что вам уже некогда следить за чистотой. Объясните, почему гостям после одиннадцати нельзя находиться в номере, а тараканам можно?..

Голубушки! Почему вы такие подозрительные? Неужели вы думаете, что участники научного симпозиума или передовики производства съехались в ваш прекрасный город только для того, чтобы выкрасть из гостиницы граненый стакан и завернуть его в ваше вафельное полотенце третьей свежести!

Работники районных поликлиник! Сестрички и братишки милосердия! Спасители наши! Простите нас, ради бога, что мы заболели. Честное слово, мы не нарочно. Но раз уж так случилось, найдите хотя бы мою карточку. Это ведь не я, а вы по ошибке отнесли ее в кабинет гинеколога.

Милый доктор, что вы там все время пишете? Оторвитесь на минутку, посмотрите на меня — может, вы меня видите в последний раз. Поверьте, не за бюллетенем я пришел, а за советом. Ведь вас шесть лет учили в институте, что не каждый больной — симулянт и не каждая болезнь называется ОРЗ. Доктор, ну вспомните обо мне! Вы же пять минут назад сказали: «Не дышите!» Я уже сиңею. А вы все пишете, пишете...

Начальники ЖЭКов, контор и узлов! Завы, замы и помы! Голубчики! Мы понимаем, что трудно. Трудно целый день быть такими важными и гордыми. Пожалуйста, поберегите себя, не кричите на нас так громко. Мы и так хорошо слышим, что у вас для нас ничего нет.

Соколики! Если устали, так и скажите. Мы других найдем. Это хороших специалистов у нас не хватает, а плохих начальников — во сколько! Мы одними своими начальниками можем заселить Бельгию, Голландию и Люксембург, вместе взятые.

Люди добрые! Почему ж мы так часто забываем, что мы добрые? Ведь вся наша жизнь — одна большая сфера обслуживания. Сегодня мы к вам пришли, завтра вы к нам придете. А жизнь коротка. Всех обхамить все равно не успеешь. Так, может, лучше и не стараться? А дать человеку чуточку тепла, немножко доброты, капельку внимания. Не навсегда дать, на время. Это все вернется. Важно только начать. А там — само пойдет. За улыбку — улыбка. За спасибо — пожалуйста. За добро — добро.

Н_Иаши Соседушки

ДИКТОР. Соседи — какое большое

и емкое слово! Соседи — это не просто люди, которые живут с нами рядом, дверь в дверь, стенка в стенку. Нет, это нечто большее! Наши соседи — это большая семья, живущая под одной крышей. Их радости — это наши радости, их заботы — это наши заботы, их день рождения — это наш день рождения. Одним словом, все, что есть у них, — это наше.

Так пусть же каждый наш сосед живет спокойно и знает, что мы его не покинем. Что в трудную минуту наша дружеская рука ляжет на звонок его двери.

Об этом и рассказывается в триста шестой передаче из цикла «Наши Соседушки». Она называется:

На одной клетке

Уютная современная квартира. За столом — вся семья: Отец, Мать, Сын и Дочь. Они пьют чай в теплой атмосфере взаимопонимания. Отец допивает шестой стакан и тяжело вздыхает.

МАТЬ. Что, дорогой, неприятности по службе?

ОТЕЦ. Да нет, у меня все хорошо.

ДОЧЬ. А у кого плохо?

ОТЕЦ. Понимаешь, дочка, беспокоит меня наш сосед.

МАТЬ. А что с ним?

ОТЕЦ. Сам не знаю, только чувствую — не то. Мрачный он какой-то, угрюмый. Сердцем понимаю — не ладится у него.

СЫН. Ничего, сам разберется.

ОТЕЦ. Что значит — сам? А мы на что? Ведь это сосед, близкий нам человек. Твой друг, брат, отец, может быть.

МАТЬ. Как — отец?! В каком смысле?

(ОТЕЦ. В моральном, разумеется. Человеку надо помочь, утешить, побеседовать.

МАТЬ. А удобно ли? Все-таки начало двенадцатого.

(ОТЕЦ. Хорошее дело сделать никогда не поздно. Вот что, Мать, у нас там печенка от ужина осталась?

МАТЬ. Немножко есть.

(ОТЕЦ. Вот и отнеси человеку. Небось, голодный сидит.

Ну, давай, давай!

Мать берет тарелку с печенкой и выходит на лестничную клетку. Звонит в соседнюю дверь. Никто не открывает. Она звонит настойчивее. Слышно шарканье тапочек. Дверь открывает заспанный Сосед в пижамах.

МАТЬ. Здравствуйте, я ваша тетя!

СОСЕД. В каком смысле?

МАТЬ. В моральном, разумеется.

СОСЕД. Очень приятно. А что случилось?

МАТЬ. Ничего. Просто вы у нас в доме полгода живете. Я решила: пора бы познакомиться.

СОСЕД (*смотрит на часы*). Да, самое время. Прошу вас!

Мать с тарелкой входит в его квартиру. Сосед надевает халат.

МАТЬ (*ставит тарелку на стол*). Это вам.

СОСЕД. Простите, это что?

МАТЬ. Печенка. От всего сердца.

СОСЕД. Спасибо, я уже поужинал.

МАТЬ. Что вы там ужинали? Знаю я ужин холостяка: сырок плавленый да чай пустой. Вон вы какой бледненький.

СОСЕД. Я просто устал.

МАТЬ. А может, творожку со сметанкой?

СОСЕД. Благодарю, не хочется.

МАТЬ. Тогда котлетку.

СОСЕД. Вы простите, но я не привык ночью есть.

МАТЬ. Вот и напрасно. Поешьте, сразу все мысли уйдут.

СОСЕД. Какие мысли?

МАТЬ. Дурные.

СОСЕД. Да нет у меня никаких мыслей!

МАТЬ. Вообще нет?

СОСЕД. Вообще есть. Но сейчас не время и не место об этом говорить.

МАТЬ. Хорошо-хорошо, не хотите со мной говорить — и не надо. Я к вам утречком загляну, кофейку принесу со сливками. *(Берет тарелку, сосед провожает ее до двери. Входит к себе.)* Да, плохо дело.

ОТЕЦ *(встревоженно)*. А что?

МАТЬ. Печенки не хочет, котлет не хочет...

ОТЕЦ. А чего же он хочет?

МАТЬ. Поговорить хочет. По-мужски. Ты бы сходил к нему, отец. Побеседовал.

ОТЕЦ *(надевает пиджак)*. Ладно. Раз хочет — нельзя отказывать. *(Выходит, звонит в соседнюю дверь.)*

Длинная пауза. Сосед открывает.

Вечер добрый, а вот и я!

СОСЕД. Кто — я?

ОТЕЦ. Сосед ваш, муж Марьи Гавриловны.

СОСЕД. Понятно. А что вам угодно?

ОТЕЦ *(нарочито весело)*. А что вы так официально? Ничего не угодно. Просто зашел побеседовать, пообщаться по-соседски. *(Без приглашения проходит в квартиру.)*

СОСЕД. Вы меня извините, может, лучше завтра? Скоро полночь, а мне вставать рано.

ОТЕЦ. Вы не беспокойтесь, я ненадолго. Посидим, поговорим, музыку послушаем.

СОСЕД. У меня нет музыки.

ОТЕЦ. Что так? Не любите?

СОСЕД. Люблю. Просто не приобрел пока.

ОТЕЦ. Может, у вас с деньгами плохо? Я одолжу, вы не стесняйтесь.

СОСЕД. Я в долг не беру. Мне отдавать нечем.

ОТЕЦ. Ну и что? Мне ведь тоже нечего одалживать. Не миллионер какой-нибудь.

СОСЕД. Вы извините, у меня был очень тяжелый день. Если можно, давайте отложим наш разговор до завтра.

ОТЕЦ. Пожалуйста. Вы только продержитесь. Завтра будет лучше, чем вчера.

Уставший сосед провожает отца от двери. Отец входит в свою квартиру, сбрасывает пиджак.

ВСЕ. Ну как?

ОТЕЦ. Что-то у него не в порядке.

СЫН. А что?

ОТЕЦ. Понятия не имею. Только плохо ему. Слушай, Дочка, зайди к нему, поиграй на виолончели.

ДОЧЬ. Папа, это неудобно.

ОТЕЦ. Удобно. Он знаешь как музыку любит. Сам мне сказал.

ДОЧЬ. Хорошо, папа, если так надо... *(Берет виолончель, выходит на площадку, звонит.)*

Долгая пауза. Дочь снова звонит. Измученный Сосед распакивает дверь.

ДОЧЬ. Здравствуйте, я дочь Петра Сергеевича.

СОСЕД. Кто это?

ДОЧЬ. Ваш сосед.

СОСЕД. А это у вас что?

ДОЧЬ. Виолончель. Я учусь в музыкальной школе. Вы разрешите?

СОСЕД *(уныло)*. Давайте.

Дочь входит в квартиру, устраивается в кресле с инструментом.

ДОЧЬ. Вы любите Гайдна?

СОСЕД. Обожаю.

ДОЧЬ. Тогда слушайте. Соната си-минор. *(Долго и нудно водит смычком по струнам. Сосед, обхватив голову руками, раскачивается на стуле. Останавливается.)*

Вам нравится?

СОСЕД. Очень. Только я думал, что эта соната гораздо короче.

ДОЧЬ. Что вы, это только первая часть. Часть вторая — аллегро модерато!

СОСЕД. Девушка, постойте! Может, это не совсем удобно? Все-таки полночь, соседи могут возражать.

ДОЧЬ. Что вы! Наши соседи очень любят Гайдна. Они с ним сроднились.

СОСЕД. Верю. Но, может, нам лучше сыграть в какие-нибудь тихие игры? В шахматы, например?

ДОЧЬ. В шахматы я не играю.

СОСЕД. Какая жалость! Знаете что, приходите завтра, я вас научу.

ДОЧЬ. Как хотите. Значит, вторую часть не будете слушать?

СОСЕД. Тоже завтра. Куда торопиться? Гайдн подождет.

ДОЧЬ. Тогда до свидания. *(Берет в охапку виолончель, возвращается к себе.)*

МАТЬ. Ну как он?

ДОЧЬ. Не знаю. Хочет в шахматы играть.

ОТЕЦ. Чудно, уже появились желания. Коля, бери шахматы — и к нему.

СЫН. Какие шахматы? У меня завтра курсовая.

ОТЕЦ. Стыдись! Человек мучается в одиночестве, ему так нужно человеческое тепло... Ступай немедленно!

Сын берет шахматы, выходит, звонит к соседу. Звонит долго, настойчиво. Наконец дверь открывается.

СЫН. А я к вам. С шахматами, как вы просили.

СОСЕД. Товарищ дорогой! Какие шахматы? Час ночи.

СЫН. Это ничего. Я могу хоть всю ночь не спать. Я привычный.

СОСЕД. Послушайте, что же это такое? Человек устал, измучился. Только принял снотворное — приходит какой-то любитель шахмат...

СЫН *(обиженно)*. Я не любитель. Если хотите знать, у меня первый разряд. Я могу играть, не глядя на доску.

СОСЕД. Но почему именно со мной?! У вас столько соседей.

СЫН. Не спорьте! Сейчас вам нужно человеческое тепло.

СОСЕД. Да не нужно мне никакое тепло! Мне не холодно.

СЫН. Вы не волнуйтесь, мало ли чего в жизни бывает. Пройдет. Вам белые или черные?

СОСЕД. Зеленые! Оранжевые! Серо-буро-малиновые и крапинку! Вы меня оставите в покое или нет?!

СЫН. Конечно. Вот сыграем пару партий — и все.

СОСЕД. Вон отсюда! *(Хватает пригоршню фигур, кидает их в стенку.)* Мучители! Изверги! Злодеи! *(Держится рукой за сердце)* Воды... Скорее... Мне плохо.

СЫН *(кидается к телефону)*. «Скорая»? Немедленно приезжайте! Человеку плохо!

Слышен рев сирены. Вся семья в полном составе в квартире соседа. Сосед лежит на кровати, возле него хлопочет врач. Наконец больной засыпает, врач отходит от постели.

ОТЕЦ. Ну что, доктор? Что с ним?

ВРАЧ. Страшное позади. Главное, что вовремя нам позвонили. Он вам кто?

МАТЬ. Сосед.

ВРАЧ. Просто сосед?

ОТЕЦ. Что значит — просто? Прошло то время, когда рядом с нами жили просто соседи.

МАТЬ. Теперь это близкие нам люди.

ДОЧЬ. Дорогие нам существа.

СЫН. Одним словом — наши соседи!

Не понимаю...

Читал я в одной книжке, не помню

в какой, что каждому человеку мозгового вещества отпущено поровну: по килограмму серого и килограмму белого. В одни руки. А вот у меня, не считите за нескромность, кило белого, кило серого и еще грамм двести бородинского. И, наверное, из-за этой добавки голова у меня как-то странно работает: сложные вещи я сразу понимаю, а вот простые — никак. Не понимаю — хоть убей!

Вот, например, все мы знаем, что человек у нас дороже всего. Действительно, для человека и дома новые строят, и лечение бесплатное, и пенсии повышают. Это все я понимаю. Я другого не могу понять: если человек дороже всего, почему в автобусе за человека пять копеек надо платить, а за чемодан десять?.. Неужели паршивый чемодан в два раза дороже человека? Или, может, считается, что чемодан в два раза больше места занимает?.. Но это смотря какой чемодан. И какой человек. Иной чемодан скромненько в уголке стоит, а человек разлегся и весь проход занимает. Как тут быть? Был бы это чемодан, можно взять за ручку и поставить в сторону. А попробуйте этого взять за ручку — он вам сразу ножкой... Вот и спрашивается: кто из них чемодан? И почему бы в данном случае не сделать наоборот: за чемодан взять пять копеек, а за человека — десять. И не копеек, а рублей. Чтобы он чемоданом не прикидывался. Почему так не делают, не понимаю!

Но это еще что! Я и в более простых вещах разобратся не могу. Например, в общественном питании. Вот, предположим, человек в столовой поел суп и ему понравилось. Ну, бывает, это я еще понимаю. Но он

поел и говорит: «Вкусно, как дома!» Вот это я уже не понимаю. Что значит «как дома»? Дома же хуже должно быть. В столовой готовят повара, специалисты, а дома — жена, самоучка. Вот если она поступит в кулинарный техникум, три года проучится, сдаст экзамены, тогда она такой суп сварит, что в рот не возьмешь. Вот я и не понимаю, чему их там три года учат? Тому, что в суп класть или что из него вынимать? Загадка! И ни одна ревизия разгадать ее не может.

Ну, хорошо, оставим суп. Возьмем второе. К примеру, бифштекс. Простая вещь, а я не понимаю. Чем его резать? Потому что ни в одной уважающей себя столовой ножом не бывает. Одни вилки. И те с молочными зубами: растут в разные стороны и все время выпадают. Вот мне и непонятно, почему ножом нет? Может, боятся, что мы за такой бифштекс повара зарежем? Или думают, что мы эти ножи домой унесем? Тогда я опять не понимаю: почему мы все говорим о доверии. Если нет доверия, не надо говорить. А если есть, то надо доверять людям хотя бы этот маленький кусочек тупого ржавого железа из нержавеющей стали.

Вы только не подумайте, что для меня вопрос питания важнее всего. Я могу и о чем-нибудь культурном поговорить. Например, о культурных связях. Вот у нас говорят: «Долг гостеприимства — дороже всего!» Это я понимаю. Действительно, гостей надо так встречать, чтобы у них остались лучшие воспоминания. Но вот что странно: приходит к нам начальник отдела и говорит: «Сегодня не работаем. Все идем встречать ансамбль песни и пляски с острова Пасхи!» Вот тут я не понимаю! Петь я не умею, плясать — тоже, пасхального языка не знаю. Зачем мне их встречать?.. Из гостеприимства? Да если б все это время, что мы на встречи теряем, в деньги превратить, каждому иностранцу можно подарить по дубленке. Вот это будет гостеприимство! А еще лучше на эти деньги взять нас и послать на остров Пасхи, посмотреть, как они живут. А они пусть нас там встречают.

Лично я это так понимаю. Только не знаю, правильно ли понимаю. Хотелось бы, конечно, посоветоваться,

письмо в какую-нибудь газету написать. В «Неделю», например. Очень она мне нравится. Только тут я опять не понимаю, почему на эту газету подписаться нельзя? На «Водное хозяйство» — можно, на «Грызуны и суслики» — пожалуйста, а на «Неделю» — нельзя. Мне говорят, у нас с бумагой плохо. Это я понимаю. Я только не понимаю, почему плохо? Вон у нас сколько леса! Мы по количеству леса занимаем первое место в мире. А по количеству макулатуры мы так оторвались, что нас уже и не видно. Вот я и думаю: может, нам пока новую макулатуру не выпускать? Мы еще на старой продержимся лет двадцать. А то некоторые издательства книжки выпускают типа «Проблемы бессонницы в период зимней спячки медведей». Тираж — пятьдесят тысяч экземпляров. Как раз на каждого медведя по книжке. Потому что если такую книжку на ночь читать, даже медведь заснет. По крайней мере, я это так понимаю. Только опять не знаю, правильно ли.

Вот вам хорошо: вы смеетесь — значит, понимаете. Сейчас такой народ пошел, что все всё понимают. А вот я никак не пойму: если все всё понимают, то откуда же вокруг столько непонятного?..

Завещание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДЕД.
МОНТЕР.
СТАРШИНА.

Комната. В центре — колченогий стол без скатерти, сундук с коваными углами. Под потолком горит лампочка без абажура. Вдоль стены — огромный, во всю комнату, шкаф. На двери — множество засовов.

На сундуке возле стола сидит Дед. Он что-то пишет, царапая пером бумагу.

ДЕД. Находясь в здравом уме и доброй памяти, завещаю сынам моим Егору, Николаю и Прохору... *(после паузы)* шиш с маслом! Дочерям моим Ольге, Елене и Степаниде... *(после паузы)* дулю под нос! Внукам моим Василию, Павлу, Петру, Вере, Эльвире — тьфу! — Софье, а также всем еще не родившимся... *(после паузы)* фигу с маслом! Все свое имущество, и одежду, и мебель, и кухонные принадлежности завещаю... *(После паузы.)* Как дойду до этого места, так никого не останется. *(Встает из-за стола, подходит к шкафу, обнимает его руками.)* Кому завещать? Кому оставить накопленное? Копейка к копейке. Гвоздок к гвоздку. Хоть соседям отдавай. Хоть первому встречному родственнику. *(Достает из кармана записную книжку, листает.)* Антошкин... *(после паузы)* не заслужил. Борисов — обойдется. Васильев... А он мне оставил? *(Лихорадочно листает книжку.)* Не дам. Не получит. Перебьется. Не дождетесь у меня! *(Захлопывает книжку, бежит по комна-*

те.) Народу-то на земле! Народу! По радио говорили — три миллиарда. А завещать некому! (Горько.) Дожили...

Стук в дверь.

(Испуганно.) Кто там?

ГОЛОС МОНТЕРА. Монтер.

ДЕД (подозрительно). Какой еще монтер?

ГОЛОС МОНТЕРА. Из ЖЭКа. Вызывали?

ДЕД. Номер?

ГОЛОС МОНТЕРА. Чего?

ДЕД. Номер ЖЭКа?

ГОЛОС МОНТЕРА. Шестнадцать.

ДЕД. Фамилия управляющего?

ГОЛОС МОНТЕРА. Дед! Ты меня не дразни — уйду.

ДЕД. Опять вызову.

ГОЛОС МОНТЕРА. А я не приду.

ДЕД. Придешь. Куда ты у меня денешься. Фамилия?

ГОЛОС МОНТЕРА. Чья?

ДЕД. Техника-смотрителя.

ГОЛОС МОНТЕРА. Степанов.

ДЕД (неохотно). Верно. (Начинает отодвигать засовы и при этом задает вопросы — по одному на каждый засов.) Как он выглядит?

ГОЛОС МОНТЕРА. Низенький, толстенький, с усами.

ДЕД. Блондин, брюнет?

ГОЛОС МОНТЕРА. Лысый.

ДЕД (в щель). Когда я тебя вызывал?

ГОЛОС МОНТЕРА. Утром.

ДЕД. Чего сразу не пришел?

ГОЛОС МОНТЕРА. В милиции задержали.

ДЕД (перепугавшись, старается закрыть дверь). Где?!

МОНТЕР (поставил ногу в щель). В милиции. (Входит, оттирая деда от двери.) Здорово, дед! Чего звал?

ДЕД. Я не звал.

МОНТЕР. Как не звал? В ЖЭК звонил?

ДЕД. Звонил.

МОНТЕР. А чего звонил?

ДЕД. Поздороваться.

МОНТЕР. Дед, ты меня не дразни. Я сегодня от милиции дерганый.

ДЕД. А ты, сынок, иди домой. Ляг, поспи.

МОНТЕР. Я, дед, не умею — поспи. Я, дед, умею — пропись. А не с чего. Не заработал. Целый день в милиции. Ну, говори, что чинить?

ДЕД (робко). Утюжок.

МОНТЕР. Утюжок?

ДЕД. Ага. Как воткну — искры сыплются.

МОНТЕР. Тащи!

ДЕД. А он в шкафу.

МОНТЕР. Тащи из шкафа:

ДЕД (мнется). Тебе, сынок, никуда не надо? А то возьми да сходи.

МОНТЕР. Никуда мне не надо. Не с чего. Не заработал.

ДЕД. Тогда стой вот тут, у двери. Стой — с места не сходи. Понял?

МОНТЕР (не понимая). Понял...

ДЕД. А я мигом. (Достает связку ключей, открывает шкаф, ныряет с головой — и сразу обратно.) Стоишь?

МОНТЕР. Стою.

ДЕД. И стой. (Ныряет опять, кричит оттуда.) Стоишь?

МОНТЕР. Стою-стою. Во пужливый!

ДЕД (выныривает с утюгом в руках). Вот он!

МОНТЕР. Хороший утюг. Где покупал?

ДЕД. Подарок, сынок. Как на пенсию спровадили, утюг подарили, сволочи. Сиди дома, гладь штаны.

МОНТЕР. Что ж ты их ругаешь?

ДЕД. Да он электричества жрет — денег не напасешься. Нарочно подсунули. Для издевательства.

МОНТЕР. Ну-ка дай.

ДЕД (отдает с неохотой). Смотри не поломай.

МОНТЕР. Здравствуй! Он и так ломаный. Во, вилка болтается. Это мы мигом. (Чинит.) А я, дед, нынче страху натерпелся. Привели в милицию, говорят — вор!

ДЕД (отпрыгивает). Кто?

МОНТЕР. Да я. Кто же еще? Понимаешь, зашел к нам с утра жилец один. А ему ребята дрель ручную продали. За рупь.

ДЕД. Дрель — за рупь? Она ж десятку стоит!

МОНТЕР. У нас совесть есть или нет? Ему ж не свою продали, а жэковскую. А они говорят: ты продал! Да я

чихал на этот рупь. Мне вон, к кому ни приду, все целковый суют. Ты, небось, тоже не обидишь.

ДЕД (*под нос*). Жди больше.

МОНТЕР. Чего?

ДЕД. Ничего. Проехали.

МОНТЕР. Ну вот. А они — вор! Да если б я красть хотел, разве б я в ЖЭК полез? Вон у тебя, небось, не в пример больше...

ДЕД (*торопливо*). Да у меня и нет ничего. И не было. Голытьба. Штаны драные.

МОНТЕР. Ав шкафу, а?.. Потрясти — так наберется.

ДЕД (*с готовностью*). Да уж трясли, сынок. Не один раз. До крошки вытрясли.

МОНТЕР. Ништо. Тряхануть — еще посыплется. Ну, все, дед, починили. Теперь проверять будем. (*Втыкает вилку в розетку — треск, искры, полная темнота.*)

ДЕД. Сынок, ты где? Сынок? Эй! Ты чего там делаешь? Стой! Стой, говорю! Караул! Грабют!

Монтер зажигает карманный фонарь. В его луче дед прижался к шкафу, раскинув руки.

МОНТЕР. Дед, ты чего?

ДЕД (*шепотом*). Грабют...

МОНТЕР. Кого?

ДЕД. Меня.

МОНТЕР. Ну, дед, весельчак. Да на кой мне тебя грабить?

ДЕД. А чего свет потушил?

МОНТЕР. «Чего», «чего»... Замыкание — вот чего!

ДЕД. Замыкание... Так я тебе и поверил. (*Кричит.*) Дай фонарь! Я держать буду. (*Вырывает фонарь, светит монтеру в лицо.*) Чини! Чтоб сейчас свет был.

Монтер встает на стул, ковыряется в щитке с приборами. Зажигается лампочка.

(*Радостно.*) Все, сынок, починил. Беги домой.

МОНТЕР. Чего починил?

ДЕД. Свет. Горит. Хорошо. Ярко. Ух и руки у тебя... Большое спасибо. (*Подталкивает монтера к двери.*)

МОНТЕР (удивленно). А утюг?

ДЕД. Плюнь. Забудь. Он и не стоит того, чтоб его чинили.

МОНТЕР. Как знаешь. *(Протягивает руку.)* Ну, давай!

ДЕД *(подозрительно)*. Чего давай?

МОНТЕР. Давай пять!

ДЕД. Старыми или новыми?

МОНТЕР. Руку давай. Прощаться будем.

ДЕД *(радостно)*. Руку? Руку на! Хоть всю. *(Трясет монтеру руку, подводит его к дверям.)*

МОНТЕР *(смотрит на свою ладонь, потом на деда, потом опять на ладонь; чуть растерянно)*. Мне вон, к кому ни приду, целковый все суют. Аж неудобно...

ДЕД. Неудобно! Ой как неудобно, сынок. И не говори. Стыдно!

МОНТЕР *(в дверях)*. Не, дед. Не могу уйти, утюг нечиненный оставить. Совесть рабочая не позволяет. Человек меня звал, надо человеку помочь.

ДЕД *(быстро)*. Не надо. *(Хочет закрыть дверь.)*

МОНТЕР *(решительно оттирает деда)*. Надо! *(Берет утюг.)* Во. Провод у него голый. Тут и замыкает. Это мы, дед, враз. Чихнуть не успеешь. *(Чинит.)* Представляешь, целый день продержали, сорвали весь заработок. Я им говорю: чего в ЖЭКе брать-то? Трубу ржавую, кран ломаный? Вот у тебя, дед, другое дело. Шкаф вон красного дерева.

ДЕД *(быстро)*. Фанера крашеная.

МОНТЕР. Сундук с барахлом.

ДЕД. Газеты. Одни газеты. Подшивки за многие годы.

МОНТЕР. Не, дед, зря они меня обижали, зря! У тебя хоть резон есть: свежи да продай. *(Мечтательно.)* Тут на хорошую гулянку потянет... Ну все, дед, починили. Будем пробовать.

ДЕД. Может, не надо?

МОНТЕР. Как — не надо? А проверить?.. *(Включает вилку в розетку — искры, треск, полная темнота.)*

ДЕД. Сынок? Ты где?.. Ой, кто это? Стой! Не пушу! Грабють!

Зажигается лампочка. Монтер стоит на стуле, дед лежит поперек сундука, обхватив его руками.

МОНТЕР. Дед, ты чего?

ДЕД (*моргая*). Лежу.

МОНТЕР. Чего лежишь?

ДЕД. После обеда. Врач велел.

МОНТЕР (*слезая со стула*). Одурел, дед? Ишь, обхватил. Боишься за добро-то?

ДЕД (*независимо*). Газеты у меня там. Вся история наша в цифрах и фотографиях. Ну, все, сынок. Свет есть. Молодец, иди домой.

МОНТЕР. Не, дед, мне домой рано. Меня дружки ждут, понимаешь?

ДЕД. Не-а.

МОНТЕР. Тогда будем чинить.

ДЕД. Не будем. (*Тянет утюг к себе.*)

МОНТЕР. А я говорю — будем! (*Вырывает утюг, угрожающе им помахивает.*) Ну, чего у тебя с ним?

ДЕД (*боязливо*). А ничего. Гладит. Только деньги, зараза, жрет. Я уж его через раз в розетку втыкаю. Раз так, раз на газу.

МОНТЕР. Чего?

ДЕД. На газу. Он накалится, красный весь, я и глажу.

МОНТЕР. Дед!

ДЕД. Ой?

МОНТЕР. Ты ж его испортил. Кто же на газ электрический утюг ставит?

ДЕД. А я через раз, через раз.

МОНТЕР (*садится на стул*). Ну, дед, порадовал ты меня. (*Потряс утюг, там что-то бренчит.*) Все равно почи-ню. Я не я буду. (*Чинит.*) А ты, дед, дал бы воды попить. В горле сухость одна. Слышь, принеси с кухни.

ДЕД (*наивно*). Кто?

МОНТЕР. Ты.

ДЕД. А нету. Нету воды.

МОНТЕР. А где она?

ДЕД. Отключили. С утра еще. Тоже чинят. Лифт чинят, газ чинят, воду чинят — за что только деньги берут, дьяволы. Иди, сынок, домой. Там и напьешься.

МОНТЕР (*грустно*). Дома не напьешься. Жена не даст. (*Весело.*) Ну, вот и починили утюжок. У нас это мигом.

ДЕД (*загораживает розетку*). Не включай!

МОНТЕР. Почему?

ДЕД. Запрещаю!

МОНТЕР. С чего это?

ДЕД. С того. Знаю я тебя: опять свет погасишь.

МОНТЕР. Плохо ты меня знаешь. Работа — на века. *(Включает вилку в розетку — треск, искры, полная темнота.)*

ДЕД. Стой! Ты куда? Зачем? Не позволю! Караул! Помогите!

Зажигается лампочка. Монтер, стоя на стуле, оглядывается вокруг. Деда в комнате нет.

МОНТЕР. Дед, ты где? Дедусь! Вот старый хрыч, смылся куда-то. Ну и ладно, не больно нужен. *(Слезает со стула, собирает чемоданчик, толкает дверь. Дверь не открывается.)* Ты гляди — дверь запер. Ну не паразит? Ты ему добро делаешь, а он тебе — пакости. *(Отходит от двери, прохаживается по комнате.)* И чего он так боится? Что у него тут, миллионы? *(Останавливается у шкафа.)* Нешто взглянуть, а?.. И взгляну! Не будет в следующий раз из дома убегать. *(Берет отвертку, ковыряется в замке, дверца открывается. Монтер заглядывает внутрь.)* Батюшки, что делается! Чистый «Эрмитаж». *(Достает из шкафа большую фарфоровую вазу, разглядывает, ставит в угол. Вытаскивает картину в позолоченной раме, вешает на стенку.)*

Постепенно комната приобретает совершенно другой вид. Стол покрывается синей бархатной скатертью, возле стола появляются два старинных кресла. На стене — овальное зеркало, на потолке — хрустальная люстра. Монтер с восхищением оглядывает дело своих рук, садится на стул и снова начинает чинить уют. С наружной стороны в замке елзтит ключ, дверь открывается.

ДЕД. Вот он, старшина, бери его... *(Внезапно осекается, с удивлением разглядывает свою комнату.)*

СТАРШИНА. Участковый уполномоченный Крутов. Ваши документы...

Монтер протягивает паспорт.

Та-ак... Тишкин Сергей Фомич, Что-то фамилия знакомая. Это не вас утром в милицию приводили?

МОНТЕР (нехотя). Меня.

СТАРШИНА. Понятненько. А теперь, значит, по квартирам пошли шуровать?

МОНТЕР. Никуда я не пошел. Меня вот этот стрючок старый вызвал.

СТАРШИНА. Тишкин, выбирайте выражения!

МОНТЕР. Я выбираю. Когда не выбираю, я не так выражаюсь.

СТАРШИНА (деду). Вы его вызывали?

ДЕД (еще не придя в себя.) Угу.

СТАРШИНА. Какие имеете претензии? Что-нибудь исчезло?

ДЕД. Никак нет, не исчезло. Появилось.

СТАРШИНА. Вы что, шутки шутите? Зачем меня пригласили?

ДЕД. Того... Испугался... Что пропадет. Больно личность подозрительная.

СТАРШИНА. Пропадет — будем искать. А раньше времени паниковать нечего. Счастливо оставаться. (Козырнув, направляется к двери.)

ДЕД. Сынок, погоди! Посиди тут, пока он не ушел. Покури.

СТАРШИНА. Гражданин, я к вам не курить пришел. Я на службе. А в следующий раз за ложный вызов будете нести ответственность. (Молодцевато разворачивается, уходит.)

МОНТЕР. Эх ты, сквалыга! Утюг на газу. Да с таким богатством десяток утюгов можно купить.

ДЕД. Ишь разлетелся, десяток!

МОНТЕР. А то?.. Сидишь на добре, как Кошей. Куда копишь-то? В гробу карманов нет.

ДЕД. А ты откуда знаешь? На экскурсии там был?

МОНТЕР. Я и без экскурсии тебе скажу: на том свете деньги отменили. Так что не жалея, трать на этом.

ДЕД. Ага, сейчас начну. Обуваться побежал.

МОНТЕР. Глупый ты человек. Сам посуди: сколько тебе годков осталось? От силы пяток.

ДЕД. Это никто не знает. Может, и десять.

МОНТЕР. Да хоть двадцать! Мне не жалко. Спал бы на мягком, ел бы вкусно, картину вон смотрел...

ДЕД. Нельзя. У нее от света краски тускнеют.

МОНТЕР. Ну и черт с ней! Реставрируют потом. Человек от жизни должен получать удовольствие.

ДЕД. Вроде тебя, что ли?

МОНТЕР. Хотя бы. У меня рупь есть — вот и доволен, трешник есть — я и счастлив. А ты вон помирать будешь — никто и не вспомнит.

ДЕД (*грустно*). Так уж и никто?

МОНТЕР. Никто.

ДЕД. А ежели я, к примеру, конечно, тебе эту люстру завещаю, вспомнишь меня?

МОНТЕР. Мне, дед, завещать бесполезно. Все одно — пропью.

ДЕД. И кресла?

МОНТЕР. И кресла.

ДЕД. И картину?

МОНТЕР. Все пропью, что продать можно.

ДЕД (*неожиданно*). Ну и черт с тобой! Больно нужны мне твои воспоминания. Ты мне лучше скажи: уют мой починил?

МОНТЕР. А как же? Золотые руки. Сто лет не сломается. Пляди! (*Втыкает вилку в розетку — треск, искры, полная темнота.*)

ДЕД. Стой! погоди! Стой, говорю! Сынок, сынок, ты где? Грабюты!

Зажигается лампочка. Монтер, стоя на стуле, оглядывает комнату. Люстры нет, кресел нет, картины нет — ничего нет. Сундук придвинут к дверце шкафа. На сундуке сидит дед, болтает ногами.

МОНТЕР (*со стула*). Дед, а где люстра?

ДЕД. Какая люстра?

МОНТЕР. Хрустальная.

ДЕД. Да что ты! Откуда хрустальная? Стеклашки. Тьфу — и только.

МОНТЕР. Ну и где они?

ДЕД. Разбились.

МОНТЕР. Когда?

ДЕД. Давно. В войну еще. Фугаской садануло.

МОНТЕР (обалдело). В эту войну?

ДЕД. В империалистическую.

МОНТЕР. Тогда еще фугасок не было.

ДЕД. Фугасок не было — люстры были.

МОНТЕР (слезает со стула). А ваза?

ДЕД. Какая ваза? Не было вазы.

МОНТЕР. Ну а картина-то, картина была?

ДЕД. Да что ты, сынок, опомнись. Тебя, видать, током стукнуло — вот и мерещится.

Стук в дверь.

Кто там?

СТАРШИНА. Откройте, милиция.

Монтер поспешно открывает. Входит старшина.

СТАРШИНА. Извините, планшет у вас забыл. (Осекается, с недоумением разглядывает пустую комнату.)

Та-ак... Вот теперь пропало.

МОНТЕР. Вот и я говорю: пропало.

СТАРШИНА. Вас пока не спрашивают. (Деду.) Кого подозреваете?

ДЕД. В чем?

СТАРШИНА. В краже вещей.

ДЕД. Каких вещей?

СТАРШИНА. Ваших вещей!

ДЕД. А ничего и не было. На полу сплю, на полу и ем. Голытьба.

СТАРШИНА. Постойте! А когда я приходил, тоже ничего не было?

ДЕД. А ты когда приходил?

СТАРШИНА. Пять минут назад.

ДЕД. Не было. Годков сорок назад все было. Тогда бы и приходил.

СТАРШИНА (растерянно). Значит, жалоб никаких не имеете?

ДЕД. Что ты, милый, какие жалобы? Жизнь-то замечательная!

СТАРШИНА. Тогда счастливо оставаться. *(Берет планшет, идет к двери.)*

ДЕД. Не туда, сынок. Там туалет.

СТАРШИНА. Извините. *(Неловко поворачивается, уходит.)*

МОНТЕР. Дед, а где утюг?

ДЕД. Какой утюг? Не было никакого утюга.

МОНТЕР. Врешь! Тут стоял. Только что. Раз так, раз на газу.

ДЕД. Померещилось. Не было у меня утюга.

МОНТЕР *(резко)*. Врешь ты все, скупердяй! Я этот утюг на всю жизнь запомню! Его ни починить, ни продать. *(Берет чемоданчик.)* Эх ты, рабочему человеку рупь пожалел. *(Подходит к двери.)* Вот увидишь, дед: помрешь — никто и не вспомнит! *(Уходит.)*

ДЕД *(поспешно задвигает на двери все засовы)*. Фу-у... Ну и денек выдался. Столько лет таился — и на тебе, всему свету открылся. А все из-за него, из-за утюга проклятого! *(Достает утюг из сундука, трясет, там что-то бренчит.)* Ну нет, шалишь! Ты меня еще вспомнишь, непременно вспомнишь! *(Садится к столу, берется за перо.)* Находясь в здравом уме и доброй памяти, завещаю свой утюг поломанный монтеру Тишкину из ЖЭКа номер шестнадцать. *(Откладывает перо, торжественно.)* Чтобы жил и помнил!

Инопланетянин

В восемь часов сорок пять минут

в предместье Н. приземлился небольшой межпланетный корабль. Из космического звездолета, имеющего форму удлинённой эллиптической тарелки, спрыгнуло на землю существо, внешне ничем не отличающееся от обитателей города Н. Только по лихорадочному блеску и откровенному любопытству в глазах можно было обнаружить в нем пришельца. Это был, действительно, пришелец. Гуманоид с планеты Сириус, посланный на Землю для установления контакта. Ровно в девять часов гуманоид вышел на центральную улицу города. Несмотря на раннее время, улица была заполнена людьми. Объектов для контакта было более чем достаточно.

Несколько секунд инопланетянин стоял в нерешительности, а затем уверенно двинулся к человеку с большим портфелем в руках. Но едва он приблизился на два шага, как человек сорвался с места и с криком: «Иван Лукич, вы мне срочно нужны по делу!» — кинулся догонять какого-то прохожего.

Гуманоид остановился, потоптался на месте и переключил свое внимание на женщину с двумя хозяйственными сумками. Но в это время открылись двери какого-то магазина и женщина, распахивая толпу людей, устремилась внутрь, бурно работая локтями.

Следующий землянин, заинтересовавшийся пришельца, прямо перед его носом нырнул в телефонную будку, и через застекленную дверь до инопланетянина донесся его возбужденный голос: «Сидорчук! Вы нам даете болты, а мы вам присылаем олифу!.. Нет-нет, кроме болтов меня ничего не интересует!» Пришелец тихо

отошел от будки. Трудно было установить контакт с существом, которого ничего не интересует, кроме болтов.

Одним словом, люди все время были рядом, но они все так безостановочно двигались, что пришельцу на секунду показалось, что их вроде и нет.

Спустя несколько минут гуманоид наконец-то обнаружил человека, неподвижно стоящего у газетного стенда. Человек что-то читал, беззвучно шевеля губами. Инопланетянин тихо дотронулся до его плеча:

— Простите, я бы хотел вступить с вами в контакт.

Человек слегка побледнел:

— Почему со мной?

— Потому что нас, — стараясь говорить как можно мягче, произнес гуманоид, — нас интересуют ваши люди.

Лицо человека стало совершенно белого цвета.

— Кого это — нас? Вы откуда будете?

— С другой планеты.

— Из Америки, что ль?

— Нет, что вы, гораздо дальше.

— Ах, еще дальше... А что ты у нас делаешь?

— Выполняю специальное задание.

— Задание?! Я тебе сейчас такой контакт установлю, шпион проклятый!

Гуманоид выставил вперед руки.

— Что вы, что вы! Это ошибка. Я не шпион, я с планеты Сириус.

— Ну и что, — сказал человек, немного успокаиваясь, — хотя бы даже из Сирии. Все равно не имеешь права на улицах к людям приставать. Приводи свою делегацию к нам на завод, устроим вечер дружбы — будет контакт.

«Какой странный человек, — подумал гуманоид, — при чем здесь завод? Какая делегация?.. Непонятно. Ясно только одно: мужчины здесь не очень контактны. Возможно, следует подойти к женщине». Он выбрал молодую симпатичную девушку, разглядывающую какую-то витрину, и взял ее за рукав.

— Девушка, я бы хотел вступить с вами в контакт.

Девушка вспыхнула и резко сбросила его руку.

— Нахал!

А какая-то старушка, наблюдавшая за этой сценой, заохала, обращаясь к прохожим:

— Ну и молодежь пошла! Совсем обнаглели. Уже прямо на улице хотят в контакт вступать.

«Ах вот оно что, — подумал пришелец, — очевидно, здесь не принято вступать в контакт на улице. Ну что ж, тогда зайдем в помещение». Он обвел взглядом улицу: «Универсам»... «Комиссионный»... «Книги». «Вот это подходит, — решил гуманоид. — Где книги — там всегда мыслящие существа».

Он зашел в магазин и поднялся к главному мыслящему существу — директору. Распахнул дверь и прямо с порога сказал:

— Я бы хотел вступить с вами в контакт.

Директор поднялся с места и поплотнее прикрыл дверь.

— А вы от кого?

— Я сам от себя.

— Это я понимаю. Кто вас сюда послал?

— Меня?.. Сириус.

Директор огляделся по сторонам и на всякий случай закрыл форточку.

— Сириус?.. Он что, уже вышел?

— Конечно, — удивился пришелец. — Наш Сириус давно вышел на орбиту.

— Тогда передайте ему, что сейчас не до контактов.

— Но почему?

— Потому что не до Сириуса. Крутом ОБХСС.

И, подталкиваемый в спину крепкими руками директора, пришелец покинул кабинет. Он зашел в маленький безлюдный садик, уселся на лавочку и принялся думать: «Ну почему, почему с людьми так трудно вступить в контакт? Что происходит? Конечно, я понимаю: у каждого своя жизнь, свои дела, свои заботы. Но неужели милые, симпатичные существа не могут найти друг для друга пару минут? Чтоб не устраивать никаких дел, ничего не выбивать, ничего не доставать. Просто пообщаться. Или просто так это уже невозможно?..»

Его размышления прервали двое людей, выросших как из-под земли.

— Скинемся? — спросил один.

— Что?

— Ну, сбросимся? — спросил другой.

— Не понимаю.

Приятели переглянулись.

— Ты что, с луны свалился?

— Нет, — сказал пришелец, — я не с Луны.

— Так в чем дело? Давай законтачим.

— Конечно, конечно, законтачим, — обрадовался гуманоид. — А что для этого нужно?

— Рубль нужно. Чтоб контакты промыть.

Они взяли рубль и принесли какой-то жидкости, которая показалась пришельцу крайне мерзкой на вкус. Однако для контакта он отпил треть стакана.

— Скажите, — весь передергиваясь, спросил он, — почему у вас так трудно войти в контакт? Я сегодня нищу контакт с девяти утра.

— С девяти — рано, — сказал один. — Компанию надо с одиннадцати искать.

— А просто так, без компании, можно? Вдвоем?

— Вдвоем?... Ну, если в получку. А так — дорого.

— Получка? А что это такое?

Приятели снова переглянулись.

— Бедняга, никогда получки не видел. Видно, все жена отбирает.

— Да, жаль человека.

— Но я не человек, — возразил инопланетянин. — Я гуманоид.

— Какой еще гуманоид? В ГУМе, что ль, работаешь?

— Нет, я вообще пришелец с другой планеты.

— Все, Федя, — сказал один, — пришельцу больше не наливай.

— Но я, правда, с другой планеты. Я могу доказать. Хотите, я поменяю свой цвет? Стану фиолетовым, синим, лиловым?..

— Подумаешь, — сказали приятели, — ты бы видел, какие мы в понедельник на работу выходим. Такого цвета вообще не бывает.

— Ну, я не знаю... Хотите я угадаю, о чем вы думаете?

— Валяй.

— Вы думаете о том... где достать еще этой горькой жидкости.

— Верно. Мы всегда об ней думаем. Повторим?

— Спасибо, — сказал гуманоид, — я больше не могу.

— Да, — сказали друзья, — не боец. Тогда будь здоров, не кашляй. У нас обеденный перерыв кончается.

— Постойте, а как же наши контакты?

— Никак. Пить научишься — будут контакты.

«Будут контакты, будут контакты», — повторял про себя пришелец, фиксируя эти слова в блоке памяти.

С тех пор прошло немало времени, но он все еще ищет контакты. И если вы случайно встретите на улице небритого человека в жеваных брюках, давно не чищенной обуви, с мятым рублем, зажатым в кулаке, — знайте, что это он, гуманоид с планеты Сириус. Только опустившийся. Опустившийся к нам на землю.

Что дают?

Простите, что вы сказали?..

Кто последний?.. Куда последний?.. Нет, бабушка, вы ошиблись. Это не очередь. Я просто так стою. Жду свою жену. Мы здесь встретиться договорились. Под часами.

Да нет же, я вам честно говорю. Ничего тут давать не будут. Сами посмотрите, тут же пустое место. Никакого магазина нет. Какой лоток? Нет здесь никакого лотка. Мало ли, что вчера привозили. А сегодня не привезут. Не будет здесь никакого лотка. И палатку не поставят. И цистерну с пивом не подвезут.

Вот, ей-богу, упрямая какая! Ну хорошо, если вы мне не верите, я могу отойти. Вот сюда встать. Выйти из очереди... Да нет же, никакой очереди нет! Это вы говорите, что очередь. А я вам русским языком объясню: человек ждет свою жену. Супругу свою. Законную. Вам понятно?.. А если я вот сюда встану, вам будет совсем понятно?.. Вот и прекрасно!

Послушайте, бабуся, вы что ко мне прицепились? Я не стою в очереди. Я просто так стою. Сам по себе. Какой номер на руке?.. 1948-й? Это не номер. Это татуировка. Родился я в 1948-м. Молодой был, глупый, вот и сделал... Да, и на другой руке тоже татуировка. Там не написано «семга»! «Семка» там написано. Семен! Зовут меня так. Вам понятно?

Ну вот что, если вам делать нечего, так стойте. Только не приставайте ко мне. Вы сами по себе, я сам по себе. Вот и хорошо. И чудесно. И замечательно...

Товарищ, а вы что за бабушкой пристраиваетесь?.. С чего вы взяли, что это очередь? Лично я жду свою жену. Вам она что, тоже нужна?.. Ах, своя есть. Сочув-

ствую. Ей сочувствую, что так неудачно замуж вышла. Да я вам не грублю, я вам объясняю. Это не очередь. Тут ничего давать не будут. Понимаете? Нечего давать!

Да я не распускаю никаких слухов. Вы к словам не цепляйтесь. Я и без вас прекрасно знаю. Да, правильно, у нас все есть. Но давать ничего не будут. Ни здесь, ни в другом месте.

Товарищи! Товарищи! Куда вы все становитесь? Не теряйте времени, тут ничего не будет. Поверьте мне!.. Гражданка, милая, я к вам обращаюсь! Объясните, зачем вы заняли очередь?.. Какие ковры? С чего вы взяли, что тут будут давать ковры?.. Вы кого-нибудь здесь в тубетейках видите?.. Да, верно, конец месяца. Ну и что? Да хоть бы конец света! Для ковров нужна шерсть. А у нас баранов полно, а шерсти нет!

Дедуля, родной! Ты-то зачем сюда приполз? Чего тебе в этой жизни не хватает?.. Зачем? Зачем тебе золотые обручальные кольца? Ты что, жениться собрался или реформы боишься? Не спасет тебя золото, понимаешь? Оно у нас такое же ненастоящее, как и деньги!

Юноша, молодой человек! Вы что, не слышите, что я говорю? Тут не будет никаких колец. Какая подписка? При чем тут Достоевский?! Нет, с ума с ними можно сойти. Достоевского он хочет. Ты «Идиота» читал? Все понял?.. Ну, тогда стой со всеми, пока не поумнеешь!

Мужик, мужик! Что ты толкаешься? Здесь не принимают пустую посуду! Посмотри вокруг, ты у кого-нибудь видишь бутылки?.. У какой старушки?.. Эта старушка здесь по другому делу. Она стоит анализы сдавать.

Граждане, люди! Не устраивайте давку! Вы же транспорту мешаете. Не надо, не надо писать фамилии. Здесь не записывают на садовые участки. Здесь я жду свою жену. Поверьте мне: ничего в ней нет хорошего. Не может быть, чтоб за ней была такая очередь.

Надя! Надя! Черт тебя побери! Где ты шляешься? Я уже полчаса тебя жду. Где ты стояла? В какой очереди? Ты что, с ума сошла? Это не очередь. Это я тебя ждал, а они пристроились. Ни с того ни с сего. Что привезут?.. С чего ты взяла? Да мало ли что они стоят. Ты уверена?.. Именно в этом месте?.. Нет, я не спорю. Все

может быть. Я на всякий случай занял. Вон, первым стою. Разрешите, разрешите, товарищи! Кто не стоял?.. И не стоял? Здравствуйте, еще как стоял. Вон у бабушки можете спросить. Правильно, за своей женой. Жена первая, а я — за ней.

Мало ли что я говорил. Раз люди стоят — значит, чего-нибудь выбросят. Мне лично — все равно. Время такое, мы все возьмем. Лишь бы выбросили. Наденем обручальные кольца, подпишемся на Достоевского, заберемся в ковры и поползем на садовые участки дружно сдавать анализ в пустую посуду!

Пугало

На сцене человек в старом, рваном пальто. Сквозь рукава пальто продеты грабли. Слышен птичий гомон.

— Кыш-кыш!.. Не все сразу! Ишь, налетели. Приму, сколько смогу. Ну что смотришь? Ты думаешь, я кто?.. Сам ты — пугало! А я — директор огорода.

Эх, сколько я кресел сменил, пока до этого места добрался... А из-за чего страдаю? Из-за инициативы своей. Натура у меня такая, творческая. Где бы ни работал, везде чего-нибудь натворил.

Вот, помню, был я директором обоевой фабрики. Ну, ты сам знаешь, какие у нас обои выпускают: в цветочек да в полосочку. А человек же среди этого живет. Ну, какая ему радость от этих полосочек? Вот я и придумал новые обои, с нарисованными деньгами! Представляешь, по всем стенам трешки, пятерки, десятки. Это ж как настроение поднимает. Допустим, в кармане у тебя ни шиша, а в квартире — денег навалом. Жить можно!

Все для людей делал, а чем они мне отплатили?.. Какой-то придурок отодрал от стены десятку — и в гастроном. Кассирша ее взяла и говорит:

— Это что за червонец? С одной стороны красный, а с другой — белый?

Он говорит:

— А мне как раз и нужно: бутылку красного и бутылку белого.

Она говорит:

— Мало ли что тебе нужно! Какая-то новая десятка. Что-то я таких не видела.

А в винном отделе как услышали «новая», сразу слух пошел: «Новые деньги, новые деньги!» Паника нача-

лась. Один пустую посуду пришел сдавать, так сразу передумал. Говорит:

— С деньгами еще неизвестно что будет, а бутылки — всегда вещь.

Бабка какая-то вылезла. Кричит:

— Точно знаю: деньги будут менять! У кого больше трех тыщ — отнимут, у кого меньше — добавят!

Тут как раз милиция подоспела:

— Где взял десятку? Сам делал или помогал кто? Тот говорит:

— Да их на обойной фабрике изготавливают.

Ну, они сразу ко мне. А меня уже нет. Я уже в бане. Меня директором назначили. Мужской бани. Правда, народ сейчас туда не очень ходит, у всех дома ванна. И потом, что в бане интересного? Шайка, лейка, вот и все. А я решил народ туда завлечь. Сейчас наша промышленность начала выпускать интересное стекло, полупрозрачное: с одной стороны видно, а с другой — нет. Вот я и решил построить современную баню из этого стекла. Чтоб с улицы было не видно, а внутри люди мылись и видели перед собой красоты родного города.

Я уж теперь не знаю, как это получилось... но со стеклом мы напутали. То есть нет, внутри люди мылись спокойно. Они же ничего не знали. А снаружи трамваи остановились. Толпа сбежалась. Ну, передние к окнам прильнули, а задние, конечно, напирают. Им же не видно. Кричат:

— Что показывают?

Передние говорят:

— Комедию. Называется «Веселые ребята»!

А один остряк говорит:

— Ну, молодцы! Во, мужскую баню построили. У них за рубежом значит «Бони М», а у нас «Баня М».

Ну, эти, которые мылись, вышли на улицу, а их народ уже знает.

— Bravo! — кричат. — Молодцы!

Ну, они, как узнали, в чем дело, — сразу ко мне. А меня уже нет.

Эх, где я только не работал, чего только не придумывал. Выключатели на веревочках знаете? Пять раз дер-

нешь, один раз свет зажигается? Моя работа. Билеты с нагрузкой, пятиэтажные дома без лифтов — все для людей делал...

Наконец в городе места уже не осталось. Послали меня в село, директором животноводческой фермы. Смотрю: коровы у меня ходят какие-то грустные-грустные... Оказывается, их каждый день гоняют на какое-то далекое пастбище, за семь верст киселя хлебать, когда рядом, в двух шагах, прекрасная роща, где растет сочный, питательный хмель.

Направил я коров в эту рощу, они этого хмеля поели, а к вечеру их уже не узнать.

Захожу в коровник, настроение у всех приподнятое, коровы сидят за столом вместе с обслуживающим персоналом. Доярки поют, коровы мычат. Пастух уже не мычит, не телится. А ветеринар, уж на что строгий человек, а тут обнял быка за шею и говорит:

— Вася, запомни: нас в деревне всего двое настоящих мужиков: ты да я!

А какое молоко стали мои коровы давать! За ним в магазине давка. Даже те, кто раньше на молоко смотреть не мог, — и те стали брать пакет на троих.

Трактористы с утра парного молочка приняли, и такой у них трудовой подъем начался, что они до обеда все поле вспахали, засеяли и сверху асфальтом покрыли.

А председатель вызывает меня к себе и говорит:

— Что ж ты наделал? Пугало ты огородное!

Взял и назначил меня сюда, директором огорода.

А что? Хорошо!

Природа, воздух... Секретарша вон сидит... на цепи. Лает на посетителей. Все как прежде. Мне ведь все равно где, мне лишь бы директором!

Театр одного актера

Когда я слышу, что какой-то

актер блестяще сыграл свою роль, мне становится смешно. Подумаешь, сыграл роль! Да я каждый день, каждый час изображаю десятки персонажей, а обо мне никто даже не слышал. Вот, взгляните сами. Перед нами список моих ролей: Любящий муж. Заботливый отец. Талантливый инженер. Активный общественник.

Это только мои главные роли. Есть еще и второстепенные: Остроумный собеседник. Заядлый болельщик. Коллекционер марок. Телезритель.

Я уже не говорю о различных эпизодических ролях: Человек в очереди. Посетитель музея. Пассажир в автобусе. И т. д.

Как видите, ролей у меня больше, чем у любой театральной знаменитости. Неудивительно, что последнее время я их начал путать. Впрочем, этого никто не замечает. Недаром старая театральная истина гласит: не важно, что играешь, а важно — как!

Но, извините, мне пора. Скоро мой выход. Занавес открывается...

Утро. Косые лучи солнца пробиваются в окна уютной квартиры. Негромко звучит радио. По нему уже кто-то с утра исполняет роль премьер-министра. В кровати спит человек лет тридцати. Это я. У стены — «Хельга», у двери — Ольга, моя жена.

— Кушать подано! — говорит она и исчезает.

В моей пьесе жена играет эпизодическую роль. Одна-две реплики, не больше.

Я иду на кухню и сажусь за стол. Но едва начинаю есть яичницу, как чувствую на зубах хруст соли. В ту же минуту я невольно вхожу в роль Посетителя Столовой.

— Что такое, — строго спрашиваю я. — Почему яичница пересолена?

— Не знаю, — говорит жена, — это случайность.

— Почему из-за ваших случайностей должны страдать люди?! Кто это готовил?.. Позовите!

Дверь на кухне открывается, и входит мать жены в белом переднике. В старых комедиях ее называли Тещей.

— Что ты шумишь? — говорит она. — Не с той ноги встал?

— А почему вы, собственно говоря, мне «тыкаете»? Я вам пока еще не сын. Дочку свою этим кормите!

— Коля, — тихо говорит жена, — может, творожку поешь?

— Ешьте сами! — говорю я.

Эта реплика — на уход. Я иду на работу. День. Большая светлая комната, уставленная столами и чертежными досками. За одним из столов склонился человек. Это опять я. Передо мной грудa бумаг. Я составляю графики отпусков, вывожу кривую опозданий и пишу списки лиц, не уплативших профвзносы. Работа эта настолько бессмысленна, что я даже не понимаю, какую сейчас играю роль.

К середине дня я все это заканчиваю и тащу к начальнику. У него в кабинете уже полно бумаг: на столе, на полках, в шкафу. Я сразу чувствую себя в роли Человека, Сдающего Макулатуру.

— Принимайте, — говорю я первую реплику.

— Спасибо, — отвечает начальник.

— Как — спасибо? А талон?

— Какой талон?

— За макулатуру.

Начальник озирается по сторонам и, понизив голос, говорит:

— Голубчик, я понимаю, что это не инженерная работа, но что делать, должен же кто-то этим заниматься.

— Безобразие! Человека с высшим образованием заставляют заниматься какой-то писаниной! До каких пор это будет продолжаться?!

Но это уже внутренний монолог, который я произношу по дороге в отдел. Комната пуста, все ушли обе-

дать. Лишь у моего стола стоит Леночка, студентка пятого курса, проходящая у нас преддипломную практику. Мне предстоит играть роль Консультанта по Проекту. Но когда я вижу ее стройную фигуру и нежные щечки, чуть тронутые загаром, я беру на себя амплуа Героя-Любовника.

— Ну, солнышко, как дела? — спрашиваю я. — Почему такие грустные глазки? Устала?..

— Немножко, — говорит она. — Чертила всю ночь.

Я беру ее за руку и смотрю прямо в глаза:

— А может, тебе отдохнуть день-другой, переключиться на что-нибудь... живое...

Она почему-то краснеет и выдергивает руку.

— Что с вами, Николай Алексеевич?

— Что со мной? Кто это знает? Быть может, небо, что тебя послало. На радость или горе, сам не знаю...

— Я позову кого-нибудь, — испуганно говорит она.

Вот этого делать не надо. Это я знаю точно.

— Постой! Остановись хоть на мгновенье...

Но в этот момент все возвращаются с обеда, и сценка прерывается на самом интересном месте. Я еще долго не могу выйти из образа и весь оставшийся день играю роль Героя-Любовника — с нашими сотрудниками и секретаршей директора Генриеттой Павловной.

Вечер. Та же декорация, что и утром. В окна падает свет уличных фонарей. В комнате полумрак. Посреди комнаты в мягких креслах сидят супруги.

Это я и Ольга. Сейчас самое время играть Любящего Мужа, но я с головой ушел в роль Человека, Читающего Газету.

— Кофточку сегодня видела, — робко говорит жена.

— Все больше товаров выпускает наша легкая промышленность, — читаю я вслух.

— Нет, не нашу. Венгерскую.

— В этом году в два раза вырос товарооборот стран-участниц СЭВа, — продолжаю я.

— Купить хотела, да денег нет.

— Помощь странам, пострадавшим от землетрясения.

— Коля, — говорит жена, — ты мне не дашь сорок рублей?

Я откладываю газету, и во мне просыпается Председатель Кассы Взаимопомощи.

— Откуда?! Откуда у меня сорок рублей? Я деньги не печатаю!

— Но я же не так много прошу.

— Ну и что? Тебе дай, другой, третьей... Так нам, дорогой товарищ, никаких денег не хватит.

Жена уходит на кухню, и оттуда слышится ее плач. Кажется, я немного пережал. Неудивительно, ведь сегодня было сотое представление этой сцены. Я иду на кухню, чтоб ее успокоить.

— Вот, — всхлипывая, говорит Ольга свою традиционную реплику, — говорила мне мама, чтобы я за тебя не выходила.

Как только я это слышу, я сразу становлюсь Руководителем Группы.

— Между прочим, мы здесь никого не держим. Хотите уходить — скатертью дорога. Другую найдем на ваше место. Помоложе и поспособней.

Я возвращаюсь в комнату и включаю телевизор. Сейчас начнется мой любимый хоккей. Но как только на экране появляются переполненные трибуны, открывается дверь и входит мальчик лет двенадцати или четырнадцати. Это мой сын. Надо бы взять роль Заботливого Отца, но я не могу. Я занят в эпизоде «Человек у телевизора».

— Папа, — говорит мальчик, — я тебе одну вещь хочу сказать. Только ты не расстраивайся.

— Чего расстраиваться, — бодро отзываюсь я, не отрываясь от экрана. — Ведь после второго периода счет 3:1 в пользу «Спартака».

— Пап, ты послушай. Я сегодня подрался на уроке. Это все Валька. Он первый в меня плюнул.

— Плюнул? Это не по правилам. Его надо удалить из класса на две минуты.

— Не знаю... Только тебя завтра к директору вызывают.

— Безобразие! — говорю я. — Возмутительно! Он же коньком шайбу забил, а судья засчитал.

Сын пытается что-то сказать, но я не слышу, потому что весь стадион хором скандирует: «Шай-бу! Шай-бу!»

— На уроках надо заниматься, — говорю я, когда на экране возникает пауза. — А то кончишь школу и с двух метров в ворота не попадешь. Ну, все, иди спать. На сегодня разговор окончен, вел репортаж твой папа.

Часы бьют одиннадцать. Сцена пустеет. Я смываю грим и ложусь в постель. Все тело блаженно ноет от прикосновения прохладной простыни. Господи, до чего же я устал! И кто только сказал, что у артистов легкая жизнь...

Когда я смотрюсь в зеркало

Сколько я себя помню, меня

всегда за кого-то принимают. За кого — не знаю, но только не за меня. Видно, есть в моем лице что-то настолько банальное и ординарное, что оно напоминает все лица сразу. Даже у меня, когда я смотрюсь в зеркало, возникает ощущение, что этого человека я уже встречал. Только не помню где: в автобусе, булочной или на службе. Раньше, когда я был молодым и наивным, я часто спорил, горячился, даже документы предъявлял. Но с годами смирился. Понял, что все равно ничего не докажешь, только людей против себястроишь. Вот так и хожу по улицам, похожий на других. Прикрываю ладошкой свое чужое лицо.

— Володя!

Это, наверное, меня. Хотя вообще мое имя Петр. Оглядываюсь: через улицу бежит ко мне невысокая полная женщина в брючном костюме. Женщина не в моем вкусе, но ее это, кажется, не смущает.

— Вовочка, — кричит она издали, — милый! Куда ж ты пропал, бессовестный? Не звонишь, не заходишь...

— Да закрутился, — осторожно говорю я, — дел полно.

— Ладно уж, — грозит она пальчиком, — знаю я твои дела. Не первый год знакомы.

Не первый. Понятно. Значит, это у нас длится давно. Женщина берет меня за руку.

— Слушай, может, зайдешь ко мне, а? Хоть на минуточку?..

Я не могу отказать, когда на меня смотрят такими глазами.

— Ладно. Только ненадолго.

Я сижу с неизвестной мне женщиной в незнакомой квартире. Мы пьем сухое вино, которое я терпеть не могу, и вспоминаем Пицунду, в которой я никогда не был. Постепенно разговор истощается. Несколько минут мы сидим молча.

— Ну, — наконец не выдерживает женщина.

— Что — ну?

— Ты что, может, нездоров?

— Нет, я здоров.

Женщина обиженно поджимает губы.

— Понимаю: другую завел.

Другой у меня нет. Вернее, она есть, но другая — это моя жена, с которой я прожил десять лет. Только как это объяснить?..

— Эх ты, — говорит моя знакомая, — я из-за тебя на все иду, мужа обманываю.

Во мне просыпается мужская солидарность:

— Вот это нехорошо. Мужа обманывать — последнее дело.

— Подлец ты, — устало говорит женщина. — Нотации мне читаешь после всего? Да ты, да ты... Знаешь, кто ты?

Узнать я не успеваю, потому что хлопает входная дверь.

— Муж, — испуганно говорит женщина, — муж пришел. — И запахивает на груди халатик.

Я быстро оглядываю комнату: стол с недопитыми бокалами вина, пепельница, полная окурков, женщина в домашнем халате... Не хватает только мужа, вернувшегося из командировки.

А вот и он! В дверь заглядывает лысоватый мужчина с густыми, как у пуделя, бакенбардами. Он внимательно смотрит на меня и многозначительно произносит:

— Та-ак...

Затем решительно направляется ко мне. Я закрываю глаза и поглубже вжимаюсь в кресло. Я не люблю, когда меня бьют. Мне всегда кажется, что это плохая примета.

— Та-ак, — повторяет муж, — пожаловали наконец.

— Это не я... Это недоразумение!

— Какое там недоразумение! Постыдились бы, Семен Борисович! Взяли деньги на две недели, а сами полгода не отдаете.

Час от часу не легче. И этот меня с кем-то путает. Хотя уж лучше быть пойманным должником, чем застигнутым любовником.

— Ая, собственно, как раз пришел отдавать... Сколько я вам должен?

— А вы уже и забыли?.. Пятьдесят рубликов, как одна копеечка.

— Сколько?!

Я испуганно смотрю на женщину, но она молчит. Ей моих денег не жалко. Честь дороже.

— У меня с собой только тридцать, — жалко улыбаюсь я. — Если не возражаете, двадцатку я завтра поднесу.

Муж вырывает деньги у меня из рук.

— Давайте уж! Только смотрите, завтра — непременно.

Я выскакиваю из квартиры, забыв попрощаться с моей «возлюбленной». Заметая следы, кружу какими-то переулками и проходными дворами и, только убедившись, что погони за мной нет, спокойно выхожу на улицу, небрежно прикусив сигарету.

На улице меня поджидает какой-то широкоплечий мужчина.

— Валерий? — полувопросительно говорит он.

На всякий случай я киваю.

— Долго же я ждал этой минуты, — радостно говорит мужчина и с размаху бьет меня по лицу.

— За что? — кричу я. — За что?!

— За то. За это самое. Мне Кульчицкий все рассказал.

— Какой Кульчицкий? Не знаю я никакого Кульчицкого!

— Да?.. Может, ты и Тарасова не знаешь? — говорит он и снова надвигается на меня.

Я чувствую, что лучше согласиться.

— Тарасова знаю. Кого знаю — того знаю.

— Ну вот что: завтра сам явишься к Ивану Матвеечу и все расскажешь, как было.

— Расскажу, — охотно соглашаюсь я.

— Смотри, я проверю.

— Обязательно, — говорю я. — Доверяй, но проверь.

Несколько секунд он смотрит на меня, прикидывая, не добавить ли еще. Затем поворачивается и не спеша уходит в глубь улицы.

Интересно, за что этот Валерий получил по морде? Что он такого натворил?

Я иду по бульвару, погруженный в мысли о неизвестных мне Кульчицком, Тарасове и многих, многих других, о которых я никогда не узнаю.

— Гражданин, — окликает меня пожилая женщина с коляской, — что же это вы? Сказали — на минутку, а сами на полчаса ушли.

— Извините, — по привычке говорю я, — задержался немного.

— Задержался! Будто у меня других дел нет, как за нашим ребенком смотреть.

И она решительным движением катит ко мне коляску. Это уже слишком. Даже для меня.

— Простите, — говорю я, — но это не мой ребенок.

— Как — не ваш? Вы же сами просили за ним поглядеть.

— Вы ошиблись. Вас просил другой человек.

Женщина внимательно меня разглядывает:

— Странно... И внешность такая же, и одежда.

— Одежда — может быть, но не ребенок. Это не мой ребенок, понимаете? У меня вообще нет детей. И не может быть. Если хотите, я справку могу принести.

— Странно, очень странно.

От наших голосов ребенок просыпается. Он высывается из коляски, протягивает ко мне ручки и произносит:

— Папа, папа!

— Чудовище! — говорит женщина. — Это же надо: отказаться от своего ребенка.

Она с презрением отворачивается и, размахивая хозяйственной сумкой, скрывается в темной аллее. Мы остаемся вдвоем. Я и чужой ребенок. Подождем. Должен же за ним прийти настоящий отец. Проходит

пять минут... Десять... Пятнадцать. Никого. Начинается дождь. Мелкий, противный. Мимо нас бегут люди, похожие на меня, но настоящего отца все нет. Ребенок начинает хныкать. Наверное, он замерз или хочет есть. Я заглядываю в коляску. Симпатичный мальчик, даже чем-то на меня похож. Может, действительно пойти с ним домой? Посидим, обогреемся, а потом вернемся.

Я иду по улице, толкая перед собой коляску с чужим ребенком. Холодные капли дождя падают мне за шиворот, но я не обращаю внимания. Мне хорошо. Сейчас улицы пустынные, и я хоть несколько минут могу побыть самим собой. А мне это очень нужно. Ведь день не окончен, впереди еще встреча с женой. Интересно, за кого она меня примет сегодня?..

Однофамилец

Вот скажите, какая фамилия,

по-вашему, лучше: Пантелеев или Бархударов?.. Думаете, одинаковые?.. Я тоже так раньше думал.

Но жизнь мне подсказала, какая лучше. Это еще год назад случилось. Как-то в воскресенье решил я себе на завтрак картошки поджарить. Стою на кухне, орущую ножом. Вдруг телефонный звонок.

— Пантелеев, — говорят, — ты чего на воскресник не выходишь? Все жильцы уже собрались.

Я стою, молчу. Так хотелось картошечки жареной — и вот на тебе! А они свое:

— Ты что молчишь? Может, думаешь, что ты лучше всех, а, Пантелеев?

А я ни с того ни с сего возьми да брякни:

— А я вам не Пантелеев.

— А кто же ты?

Действительно, кто я?.. Огляделся по сторонам, а у меня под ножкой стола лежит старый учебник русского языка. Автор — Бархударов. Я и говорю:

— Бархударов я, вот кто!

— Ой, — говорят, — товарищ Бархударов, извините. А где Пантелеев?

— Занят он, — говорю, — картошку мне чистит.

— А когда освободится?

— Когда освободится — посуду за мной вымоет и помойное ведро вынесет.

— Понятно. Простите за беспокойство, товарищ генерал. — И трубочку — бряк. Вот это да, думаю, как фамилия подействовала. Какого-то совершенно неизвестного Бархударова за генерала приняли. Ну, позав-

тракал я и забыл об этой истории. Но жизнь мне сама про эту фамилию напомнила.

С тещей моей небольшая неприятность случилась. Померла она. Ну, померла и померла, но надо ж хоронить. А где? Проблема. Жена весь город обегала — нет мест. Ну, тут я про Бархударова и вспомнил. Снимаю трубку и звоню на самое лучшее кладбище.

— Категорически приветствую, — говорю. — Бархударов беспокоит.

— Товарищ Бархударов, здравствуйте! Что можем для вас сделать?

— Для меня, — говорю, — слава богу, пока ничего не нужно. А вот теще моей вы, действительно, нужны.

— О чем разговор! Теще товарища Бархударова, отца советского дирижабля, непременно поможем. Пусть завтра зайдет.

— Вообще-то, — говорю, — завтра она не сможет. Мы ее завтра похоронить хотели.

Они говорят:

— Ах, в этом смысле... Ну что за вопрос — сделаем.

— Но я слышал, что у вас с местами туго.

— Трудновато, конечно, но для вас сделаем.

Я говорю:

— Для меня не надо! Вы для нее сделайте.

— Конечно, конечно. Самое лучшее место для нее выделим. Солнечная сторона, метро рядом, на следующий год универсам откроют. И окружение хорошее, много интеллигенции.

И что вы думаете?.. Для тещи Бархударова и место нашлось, и цветы, и духовой оркестр. Ансамбль дома пионеров два часа песню пел: «Лучше нету того свету...» Представляете, что это за фамилия? Вроде бы ничего не говорит, а что-то напоминает. Вроде бы никто и в то же время кто-то. И, главное, в самой фамилии что-то мощное есть. Будто камни с горы катятся: Барху-да-ров! Одним словом, начал я потихоньку этой фамилией пользоваться. То в магазин позвоню, то в аптеку, то в кассу железнодорожную. Совсем другая жизнь пошла. Картошку на завтрак уже не ем, рыбкой дефицитной балуюсь, водочку пью только с винтом, и учеб-

ник Бархударова у меня уже под ножкой стола не лежит — новый стол привезли.

Но ведь у нас не бывает, чтоб все время хорошо. Обязательно что-нибудь приключится. И приключилось. Выхожу я как-то из одного магазина. Естественно, с черного хода. Сапоги я там для жены взял. Тут подходит ко мне товарищ в штатском:

— Будьте добры, ваши документы.

Ну, я предъявил.

— Так, — говорит, — товарищ Пантелеев, следуйте за мной.

Заводит меня обратно к директору и говорит:

— Товарищ директор, на каком основании вы продали ему сапоги?

Тот говорит:

— Как? Это же товарищ Бархударов! Сын министра землетрясений.

— Если бы! Это же какой-то Пантелеев.

Тот даже с места вскочил:

— Как — Пантелеев? Какой Пантелеев? А на каком же основании вы у нас сапоги купили?

— А на основании того, — говорю, — что у моей жены сапоги каши просят!

Ну, конечно, скандал! Отобрали сапоги, да еще говорят:

— Еще раз с черного хода придешь — света белого не увидишь!

Вот, думаю, беда. А что, если они теперь возле каждого магазина станут дежурить? Ведь это мало сказать, что ты Бархударов, надо еще документ иметь. Одним словом, понял я, что надо срочно менять фамилию: Пантелеев на Бархударов. Написал заявление и прямым ходом в паспортный стол. Прочла паспортистка мое заявление и говорит:

— Товарищи, вы что все, с ума сошли? Седьмой человек хочет Бархударовым стать. Возьмите другую фамилию.

Я говорю:

— Другая у меня уже есть. Мне эту надо.

— Ничего не могу сделать. Звонил товарищ Бархударов, велел свою фамилию никому не давать.

— Что значит — звонил? Надо еще проверить, кто звонил. Настоящий Бархударов или такой же Пантелеев, как и я.

— Ничего не понимаю, — говорит. — Вы можете объяснить?

А что тут объяснять? Понял я, что надо срочно другую фамилию искать. Чтоб была звучная, чтоб люди ее знали, но не помнили откуда. Недельку сидел, все учебники перерыл, но нашел. Во, фамилия! Багратион!..

Я ее уже проверил. Позвонил в писчебумажный магазин:

— Категорически приветствую, Багратион беспокоит!

И порядок. Обслужили по первому разряду. Десять рулонов туалетной бумаги из директорского фонда. Так что сомнений нет. Завтра же пойду в паспортный стол фамилию менять.

Только уж, чур, эту фамилию никому не брать! Это моя.

А вы, если хотите, берите другие.

Главное — чтоб фамилия известной была. Пусть даже неизвестно откуда. Потому что если ты Бархударов, то у тебя все, а если Пантелеев, то у тебя одна фамилия.

Школьные годы

Эх, школа, школа! Родная школа!

Сколько ты нам знаний дала — вспомнить страшно. Ином Ньютона, теорема Пифагора, кислота со щелочью, инфузория-туфелька. Тьфу! Пакость. Ну зачем, зачем нормальному человеку все это нужно? Кому-нибудь в жизни эта туфля пригодилась? Никому! Потому что школа — это одно, а жизнь — совсем другое.

Возьмем, к примеру, физику. Что такое электричество? Никто не знает. А они нам что говорили? Невидимый поток электронов. Ладно, допустим, невидимый. За что ж тогда десять рублей за свет дерут? Откуда они знают, что десять, если он невидимый? То, что им надо, они видят. А у меня что получается? За свет — за газ, за вас — за нас, а от получки — один невидимый поток электронов.

Так, с физикой разобрались. Теперь возьмем ботанику. Объясните, кому она нужна, кроме Мичурина, который взял от природы все? Дети, это тычинка! Дети, это пестик! Все растения вырабатывают хлорофилл. А на рынок придешь — что тычинка, что пестик, меньше трешника не стоят. И правильно! Потому что задаром никто хлорофилл вырабатывать не хочет.

Теперь пару слов о зоологии. Вот они утверждают, что человек произошел от обезьяны. А кто это видел?.. Ну, пусть встанет тот, кто от обезьяны произошел... А-а, стесняетесь! А я вас о другом спрошу: если человек произошел от обезьяны, чего ж сейчас те обезьяны, из зоопарка, людьми не становятся?.. Не знаете? А я понял. Живут они там в тепле, кормят их три раза в сутки, и на работу ходить не надо. Какая обезьяна захочет после этого человеком стать?.. Только недоразвитая!

Ну, про математику вообще разговор особый. Алгебра там, геометрия — это все ерунда. Но хуже всего — тригонометрия. Этот предмет специально придумали для головной боли. Синус-косинус, тангенс-котангенс... Учите, детки, без этого потом не станешь ни инженером, ни строителем. А в жизни?.. Вот я на стройке работаю. Ну, дают мне этот проект. Там у них этих тангенсов-котангенсов столько, что без стакангенса не разберешься. А нам и не надо! Мы строим по своей науке, на глазок. Быстро, дешево и сердито! А чего сердиться, чего? Ну, дает стена небольшой косинус, в дверях легкий незакрывангенс, ну забыли тебе поставить унитангенс. Ну и что? Куда ты денешься? Все равно там будешь жить, потому что дом принят с оценкой «хорошо».

Я вот тут двенадцатизтажную жилую башню сдавал, так итальянцы приезжали учиться.

— Потрясающе! — говорят. — У нас Пизанская башня за двести лет вот так наклонилась, а вы этого сумели добиться за две недели.

А как же! Не зря все в школе учились. Ведь школа для того и нужна, чтоб ее вовремя забыть.

Да, мужики, много у нас еще ненужного преподают. Одна литература чего стоит. Кто такой был Евгений Онегин, и почему Аня Каренина попала под электричку? Ну, хорошо, не помню я этого. Что я, хуже тебя живу? Ты приди ко мне, погляди — всех на книжную полку поставил: и Пюгу, и Дюму, и Муму. Читай — не хочу! А что читать? Читать у нас любой дурак умеет. Ты попробуй достать. Вот тогда я скажу, что ты культурный интеллигент.

А вы говорите — школа. Да как на вечер встречи придешь — сразу все видать: кто как учился и кто чего добился. Если двоечник был — у него всего две вещи: квартира, машина. Если троечник — уже три: квартира, машина, видеоманитофон. Ну, а если отличник — у него целых пять вещей: лысина, очки, долги, головная боль и золотая медаль из нержавеющей стали!

Внутренний голос

Вы замечали, что когда мы

попадаем в необычную ситуацию, когда жизнь ставит перед нами сложную задачу — что нам приходит на помощь? Не логика, не знания, не высшее образование... Нам на помощь приходит интуиция, или, как мы говорим, внутренний голос. Что это такое — никто не знает. Но мы всегда чувствуем, что внутренний голос где-то здесь, рядом, витает над головой, что-то нашептывает на ухо. И когда ты теряешься, не знаешь, как поступить, сразу появляется он: все знающий, все понимающий, умнейший из умнейших, мудрейший из мудрейших — твой внутренний голос.

Под звуки восточной музыки выходит Внутренний голос в чалме. Голос залезает на стул и оказывается над головой Сидорова.

ГОЛОС. Ну что, дорогой, опять проблемы?

СИДОРОВ. Да есть одна...

ГОЛОС. С женой советовался?

СИДОРОВ. Нет.

ГОЛОС. Молодец! А то она насоветует... Ну, рассказывай.

СИДОРОВ. А что рассказывать? Ты же сам все знаешь. Я в этом НИИ уже двенадцать лет работаю. Работаю хорошо, мозги варят. А сейчас освободилось место зав. лабораторией. Я хочу, чтобы на это место назначили меня.

ГОЛОС. А я при чем?

СИДОРОВ. Посоветуй! Ты же умнее меня. Не могу же я сам написать заявление и сам предложить свою кандидатуру. Это неудобно, ты согласен?

ГОЛОС (*подумав*). Неудобно знаешь что? Штаны через голову надевать.

СИДОРОВ. Знаю, ты мне уже говорил.

ГОЛОС. Тогда в чем дело? Действуй.

СИДОРОВ. А вдруг откажут?.. Нет, я боюсь.

ГОЛОС. Одна боялась, знаешь, что вышло?

СИДОРОВ. Знаю, знаю, ты тоже говорил.

ГОЛОС. Знаешь, так иди.

СИДОРОВ. Тебе легко говорить! А я не могу сам за себя просить.

ГОЛОС. У нас пока сам не попросишь — ничего не дадут.

СИДОРОВ. Да? Ты мне раньше этого не говорил.

ГОЛОС. А чего говорить? Это и так все знают. Ну, смелей, смелей, что у тебя за характер? (*Берет его за шиворот.*) Иди, ложись на меня.

Вталкивает его в кабинет. Там за столом сидит Директор.

СИДОРОВ. Здравсьте, товарищ директор...

ДИРЕКТОР. А, Сидоров, вы ко мне?

СИДОРОВ. Нет, извините, я ошибся. (*Поворачивается к выходу.*)

ГОЛОС (*расставляет руки*). Стоять!

ДИРЕКТОР. Да вы проходите, садитесь.

СИДОРОВ. Спасибо, я...

ГОЛОС. Сидеть!

Сидоров садится, за его спиной встает Внутренний голос.

ДИРЕКТОР. Ну, что у вас?

СИДОРОВ. Да у меня... собственно...

Внутренний голос достает из кармана заявление, вкладывает в руку Сидорова, кладет ее на стол.

ДИРЕКТОР (*читает*). Так... Значит, вы просите назначить вас зав. лабораторией. Я правильно понял?

СИДОРОВ. Нет, я не прошу! (*Голос шепчет на ухо.*) Я требую.

ДИРЕКТОР. Ах, даже требуете. Интересно... А вы не подумали, что на эту должность есть другие канди-

даты. Матюшкин, например, чем не зав. лабораторией?

СИДОРОВ. Этот пьяница? Да ему вообще здесь не место!

ДИРЕКТОР. Ох, какой вы... не место. Он ведь у нас многодетный отец. Неужели вам его не жалко, а?

Сидоров поворачивается к Внутреннему голосу.

ГОЛОС. Гнать поганой метлой!

СИДОРОВ. Да ты же слышал, жалко.

ГОЛОС. Жалко знаешь где?

СИДОРОВ. Знаю. (*Директору.*) Товарищ директор, жалко знаете где?

ДИРЕКТОР. Знаю, мне уже докладывали. Ну, хорошо, оставим Матюшкина. А Карсавина, разве плохой инженер?

СИДОРОВ. Карсавина? Да она, если говорить откровенно... она вообще... (*Голос зажимает ему рот*)... а не инженер.

ГОЛОС. Ты что, спятил? Это же его симпатия.

ДИРЕКТОР. Ну что вы молчите? Какого вы мнения о ней как о женщине, как о специалисте?

СИДОРОВ. Ну, как женщина... она специалист.

ДИРЕКТОР. А Николаев, Петров, Кузьменок? Почему вы решили, что именно вы подходите на эту должность?

СИДОРОВ. Не знаю, мне так подсказывает внутренний голос.

ДИРЕКТОР. Да? А другие доводы у вас есть? Более веские. Если есть, так выкладывайте. Давайте, не стесняйтесь!

Сидоров смотрит на Голос. Голос достает красивую бутылку, ставит ее на стол директора.

ДИРЕКТОР. Это что?

СИДОРОВ (*смотрит на этикетку*). Это коньяк. Французский.

ДИРЕКТОР. Да вы в своем уме? Вы мне что, взятку предлагаете? Да как вы посмели?!

СИДОРОВ. Это не я, это внутренний голос.

ДИРЕКТОР. Да плюньте вы на свой внутренний голос!

Сидоров поворачивается, Голос закрывается руками.

СИДОРОВ. Ты что натворил, дурак!

ГОЛОС. Откуда я знал, что он не берет?

СИДОРОВ (*замахиваясь*). Иди отсюда! Иди, я тебе говорю!

Обиженный Внутренний голос отходит, нервно закуривая.

СИДОРОВ. Сергей Петрович, простите меня. Я, конечно, вел себя как свинья. Это все от волнения. Забудьте, если можете. Конечно, я понимаю ваши сомнения, но, Сергей Петрович, спросите себя самого, посоветуйтесь со своим внутренним голосом. Как он решит, так и будет.

ДИРЕКТОР. Вы думаете?.. Ладно, посоветуемся.

Нажимает звонок. Входит простая бабка в платочке, становится над его головой.

ГОЛОС. Вызывал?

ДИРЕКТОР. Ага! Посоветоваться надо. Тут, понимаешь, Сидоров ко мне пришел. Хочет стать зав. лабораторией.

ГОЛОС. Молодец! Давно пора. Назначай.

ДИРЕКТОР. Ох, какая ты шустрая! Мы ж все-таки секретная организация. А ты про него все знаешь? Где родился, где учился, кто у него родственники?..

ГОЛОС. Откуда мне знать? Я — внутренний голос, а не министерство внутренних дел.

ДИРЕКТОР. То-то и оно. Специалист он прекрасный, но личное дело надо полистать.

ГОЛОС. Полистай. Мне не к спеху.

ДИРЕКТОР (*листает*). Та-ак... Вот видишь: прадедушка у него какой-то неясный. Да и дедушка... В общем, куда ни копни...

ГОЛОС. А ты не копай, не экскаватор. Ты ж не дедушку на работу берешь.

ДИРЕКТОР. Так-то оно так... Но и сам он второй раз женат.

ГОЛОС. Дело житейское. Первый раз ошибся. Вон, прыгнунам в высоту, и то по три попытки дают. Назначай, не бойся.

ДИРЕКТОР. Да пойми ты, не солидно для руководителя: только что говорил «нет», а теперь «да». Неудобно!

ГОЛОС. Неудобно знаешь что? На потолке спать, одеяло падает.

ДИРЕКТОР. Знаю, мне уже сообщали... Сидоров, я тут обдумал... В целом, ваша кандидатура мне нравится.

А детали... вы где обедаете?

СИДОРОВ. В рабочей столовой.

ДИРЕКТОР. Пойдемте, за обедом все и договорим. *(Берет его под руку, уводит.)*

ГОЛОС СИДОРОВА *(бабке)*. Мадам, а вы где обедаете?

ГОЛОС ДИРЕКТОРА. Что, не слышал? В рабочей столовой.

ГОЛОС СИДОРОВА. Ну что вы? В такой день? Я вас приглашаю в ресторан.

ГОЛОС ДИРЕКТОРА. Но это как-то неудобно.

ГОЛОС СИДОРОВА. Неудобно знаете что?

ГОЛОС ДИРЕКТОРА. Знаю. Пошли! *(Берет его под руку, уходят.)*

добрым утречком

(Воскресная радиопередача)

ВЕДУЩАЯ. С добрым утречком, дорогие друзья! Сегодня воскресенье, на улице хорошая погода, а мы начинаем свою передачу. Сегодня у нас в гостях известный исполнитель остроумных басен, артист малохудожественного театра Борис Петров. Все вы его хорошо знаете, потому что он зимой купается в проруби.

АРТИСТ. С добрым утром, товарищи! Вы еще только встаете, а я уже из проруби.

ВЕДУЩАЯ. Неужели вы купались в такой холод?

АРТИСТ. Конечно. Купание в ледяной воде — мое хобби. Все свое время я делю между сценой и прорубью.

ВЕДУЩАЯ. А если б вам пришлось выбирать?

АРТИСТ. Я бы выбрал прорубь.

ВЕДУЩАЯ. Почему?

АРТИСТ. Там я собираю больше зрителей... Нет, серьезно, купание в проруби — редкое наслаждение. И поэтому сердце кровью обливается, когда подумаешь, сколько людей еще лишено этого в африканских странах.

ВЕДУЩАЯ. Да, это действительно ужасно... Ну что ж, дорогой друг, будем надеяться, что скоро все прогрессивное человечество встретится с вами в проруби.

Звучит мелодия песенки архивариуса.

О! Здравствуйте, дорогой архивариус! Что вы нам принесли новенького?

АРХИВАРИУС. Вы хотите сказать — старенького?

ВЕДУЩАЯ (смеется). Вы все шутите, дорогой друг.

АРХИВАРИУС. А знаете ли вы, дорогая ведущая, что многие наши радиослушатели проснулись сегодня ут-

ром, не подозревая, что ровно четыреста тридцать шесть лет назад была впервые поставлена клизма! Ее изобрел бедный французский аптекарь Анри Клизмон. И не только изобрел, но и впервые испытал ее действие на себе. Но с тех пор, как говорится, утекло много воды, и ровно через двести шесть лет французские изобретатели братья Монгольфье построили первый воздушный шар.

ВЕДУЩАЯ. Как интересно!

АРХИВАРИУС. Но еще более интересно, что за восемьдесят три года до этого простой костромской мужик Иван Поперечный смастерил летательный аппарат из лыка и еловых шишек, взобрался на восемнадцатиметровую колокольню и пролетел по воздуху восемнадцать метров.

ВЕДУЩАЯ. Удивительно!

АРХИВАРИУС. Но еще более удивительно, что ровно через три года другой костромской мужик, Федор Продольный, с таким же летательным аппаратом взобрался на восемнадцатиметровую колокольню, прыгнул и пролетел по воздуху уже двадцать семь метров.

ВЕДУЩАЯ. Но как же, дорогой архивариус?

АРХИВАРИУС. Очень просто. Восемнадцать метров он пролетел по воздуху, а потом упал в девятиметровый овраг.

ВЕДУЩАЯ. Потрясающе! А скажите, дорогой друг, что у вас лежит там, в правом внутреннем кармане?

АРХИВАРИУС. О, это я коллекционирую шутки великих людей. Как известно, великий русский художник Илья Ефимович Репин отличался интеллигентностью и мягким задушевым юмором. Однажды к нему обратился богатый промышленник с просьбой написать его портрет. Илья Ефимович потребовал огромный гонорар — двести тысяч рублей. «За что?» — спросил промышленник. «Видите ли, — мягко улыбнулся художник, — это не совсем по моей специальности. Обычно я пишу портреты людей, а тут мне придется писать портрет осла!»

ВЕДУЩАЯ (сквозь смех). Поистине великому Репину не откажешь в остроумии.

АРХИВАРИУС. Как известно, великий французский ученый Луи Пастер тоже был знаменит интеллигентностью и мягким, задушевным юмором. Однажды, когда он работал над созданием лошадиной сыворотки, к нему вошел молодой коллега. «Скажите, профессор, не могу ли я вам чем-нибудь помочь?» — спросил он. «Вряд ли, — мягко улыбнулся ученый. — Ведь для сыворотки мне нужна лошадь, а не осел».

ВЕДУЩАЯ (*сквозь смех*). Да, поистине великому Пастеру тоже нельзя отказать в остроумии. А теперь, как всегда, в конце передачи — премьера песни. Она называется «А кто я есть?». Исполняет лауреат конкурса Иосиф Комбинезон!

А кто я есть? Рабочий малый.
Простой советский человек.
Простой советский человек,
Живу, как вы, в двадцатый век.

А что я ем? Парную осетрину —
Простую русскую еду.
Простую русскую еду,
Ее ловлю в своем пруду.

А где живу? В обычном доме —
В своем простом особняке.
В своем простом особняке,
Что на Москве стоит реке.

А с кем я сплю? С кинозвездой,
С простой советскою женой.
С простой советскою женой,
С артисткою заслуженной.

А с кем дружу? Дружу с Серегой —
С советским маршалом простым.
С советским маршалом простым,
Он за меня в огонь и дым.

А кто я есть? Я сам не знаю.
Не знаю, что за человек
Так может жить в двадцатый век.

Но без меня, но без меня
Таких бы песен не звучало.
Таких бы песен не звучало,
Когда бы не было меня.

ВЕДУЩАЯ. Вы слушали очередную передачу «С добрым утречком». Передача была организована всесоюзной редакцией «Сатиры и юмора». Авторы шуток великих людей Иванов и Сидоров. Всего вам хорошенького!

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Сидоров: ...

Иванов: ...

Международная панорама

Камера крупным планом показывает трех упитанных, розовощеких мужчин. Это международные обозреватели Тюрин, Мурин и Скворцов. Все они одеты в добротные заграничные костюмы. На столе — сигареты «Мальборо» и освежающий напиток «пепси-кола».

ТЮРИН. Добрый вечер, дорогие товарищи! Сегодняшнюю панораму мы бы хотели начать с ответов на письма телезрителей... Товарищ Никонов из села Заболотное нам пишет: «У нас в Заболотье много говорят о тяжелом положении трудящихся в княжестве Фюртенштейн. Нельзя ли об этом рассказать подробнее?» Что ж, дорогой товарищ Никонов, сегодня у нас в студии находится журналист Мурин, недавно побывавший в Фюртенштейне.

МУРИН. Как известно, княжество Фюртенштейн — самое большое из карликовых государств Европы. Естественно, что оно не в силах бороться с современными промышленными гигантами. Как следствие этого — падение реальной заработной платы, рост цен и дороговизна. Приведу пример: для того, чтобы купить такой костюм, который вы видите на мне, рабочий Фюртенштейна должен проработать несколько тяжелых, изнурительных часов.

ТЮРИН. А как реагируют трудящиеся на ухудшение ситуации?

МУРИН. Весьма недвусмысленно! Сегодня в Фюртенштейне наблюдается рост и влияние коммунистической партии. Достаточно сказать, что за последний год число членов компартии Фюртенштейна выросло на

200 процентов! Если в прошлом году число членов партии не превышало всего двух человек, то сегодня их стало уже шестеро.

ТЮРИН. Впечатляющие цифры! Значит, в целом вы оцениваете положение княжества как плохое?

МУРИН. Безусловно!

СКВОРЦОВ. Нет, дорогой коллега, здесь я хочу с вами поспорить. Положение в княжестве отнюдь не плохое. И наоборот, оно ужасное. Вот передо мной лежит газета «Дейли шпрот» с сообщением о том, как выросли цены на муниципальный транспорт в Фюртенштейне.

ТЮРИН. Да-да, это очень любопытно! Вы знаете, товарищи, цены на городской транспорт настолько выросли, что простые люди вынуждены теперь пользоваться собственными автомобилями.

СКВОРЦОВ. И это при энергетическом кризисе! Когда стакан бензина стоит почти столько же, сколько стакан виски.

ТЮРИН (*шутит*). Тут, как говорится, не знаешь, что лучше пить.

Все смеются.

ТЮРИН (*Мурину*). А скажите, Петр Анатольевич, пытаются ли власти Фюртенштейна принять какие-то меры?

МУРИН. Трудно сказать. Дело в том, что правительство там крайне неустойчивое. Вот прямо перед моим отъездом опять произошли перестановки в кабинете министров.

ТЮРИН. И каковы же эти перестановки?

МУРИН. Стол, который стоял у окна, поставлен в центр кабинета. А возле окна будет стоять кожаный диван.

СКВОРЦОВ. И как вы думаете, к чему это приведет?

МУРИН. Поживем — увидим. Во всяком случае, ясно, что перестановки эти не от хорошей жизни.

ТЮРИН. Неустойчивость правительств — событие крайне характерное для современного западного мира. И в этом отношении особое место занимает латиноамериканское государство Гатапульпа. О последних событиях в ней расскажет журналист Сергей Скворцов.

СКВОРЦОВ. Я пробыл в Гатапульпе три недели, и за это время произошло четыре переворота. Пятый произошел уже в тот момент, когда я собирался домой.

ТЮРИН. Расскажите о нем поподробнее. Об этом нас просит телезрительница из Кзыл-Орды.

СКВОРЦОВ. С удовольствием. События развивались так. С утра президентский дворец был окружен взводом солдат под командованием лейтенанта Хорхе Переса. Через несколько минут президент был арестован майором Хорхе Пересом и выслан из страны. В полдень полковник Хорхе Перес выступил по радио с обращением к стране. Однако к вечеру, когда генерал Хорхе Перес готовился подписать декрет о назначении себя президентом, начался новый переворот. Ровно в полночь рядовой Хорхе Перес был арестован.

МУРИН. Скажите, а как ко всему этому относится население?

СКВОРЦОВ. Довольно безразлично. Даже во время переворота все магазины открыты и идет бойкая торговля джинсами, дубленками и кассетными магнитофонами.

МУРИН. Неужели?!

СКВОРЦОВ. Представьте себе!.. А для того чтобы у наших телезрителей не возникло сомнений, я все эти вещи захватил с собой в телестудию. *(Демонстрирует.)*

ТЮРИН. А как, по-вашему впечатлению, ожидаются ли в Гатапульпе новые перевороты?

СКВОРЦОВ. Вряд ли. Сейчас там начинается сезон дождей. А совершать переворот в дождь считается у них плохой приметой.

ТЮРИН. Ну что ж, уважаемые телезрители! Время нашей передачи подходит к концу. Пишите нам. Мы надеемся, что за это время побываем в других странах и поделимся с вами своими новыми плохими впечатлениями.

Рекомендация

Недавно заходит к нам в цех

партийный секретарь. Подходит ко мне и говорит:

— Кузякин, как ты смотришь на то, чтобы в партию вступить?

Я говорю:

— Ы-ы! Шутите?.. То все пьяницей обзывали, прогульщиком, а теперь вон куда!..

— Теперь, — говорит, — время изменилось. Партия решила идти в самую гущу народа. Такого, как ты. Потому что другой народ идет наоборот. Ты-то сам, Кузякин, какое направление предпочитаешь: демократическое или марксистское?

— Я-то?.. Я, вообще, больше «Жигулевское» уважаю. Но когда его нет, могу и марксистское. Лишь бы голова не болела.

В общем, дал мне секретарь задачку. С одной стороны, сейчас глупо в партию вступать, когда ее все кроют. С другой — еще неизвестно, как все повернется. Может, партия опять в силе будет. Вот и угадай, как грится, что кричать: ура или караул? Прихожу я с работы домой, жене говорю:

— Зинка! Ты только не падай. Я, может, в партию буду вступать.

Она ко мне приняхалась:

— Вроде в норме. А несешь ахиною.

— Чего это «ахиною»? Может, я желаю быть в передовых рядах.

Она говорит:

— Ты и так всегда в передовых рядах, когда водку продают.

— Водка тут ни при чем! Если хочешь знать, партия у нас с водкой покончила. Сейчас еще с закуской покончат — и все. Будет, как грится, полный марксизм.

— Да ладно болтать! Что ты в этом марксизме понимаешь?

— А я подучусь. Возьму этого Маркса в библиотеке, буду по ночам в постели штудировать.

— Вот, — говорит, — мне только Маркса в постели и не хватало, с его бородой. Помощника себе нашел. Ты еще Энгельса позови.

Я говорю:

— Зин! Да погоди орать. Еще неизвестно, как все повернется. Может, еще пайки будем получать, на черной «Волге» ездить. Меня, может, еще на портретах понесут.

— Вперед ногами тебя понесут!

Ну что с ней говорить? Баба, она и есть баба! Что она в наших партийных делах понимает?

Надо, думаю, с соседом посоветоваться. У меня сосед — культурный мужик. Шесть классов кончил. Выслушал он меня внимательно, протер очки и говорит:

— Василий, я тебе одну байку расскажу, а ты делай выводы. Представь себе, на одном заводе сидит в парткоме секретарь, а весь стол у него партийными билетами завален. Сдает народ обратно, не хочет в партии быть. Он сидит грустный, голову руками обхватил, не знает, кем теперь руководить. Тут дверь открывается, заглядывает молодой, румяный.

— Извините, — говорит, — я насчет приема в партию. К кому мне обратиться?

Тот голову поднял и говорит:

— К психиатру!

Вот такая история...

Я говорю:

— Не понял. При чем тут психиатр?

— Как? — отвечает. — Ты разве не читал? Новый указ в газетах вышел: хочешь вступить в партию — принеси справку от психиатра.

Главное, серьезно так сказал, ответственно. Ну, я и поверил. А как не поверить? Сейчас такие указы печатают, еще почудней этого.

В общем, в понедельник я с работы отпросился — и бегом в диспансер. Захожу в кабинет, старичок сидит, такой лысенький, симпатичный. Ну, я, чтоб резину не тянуть, говорю:

— Доктор, я к вам по партийному вопросу.

— Так-так-так, — говорит. — Да вы садитесь, не волнуйтесь. Ну, больной, рассказывайте, с чем пришли?

— Да вот, доктор... Хочу я... как грится... стать членом.

— Кем?!

— Ну, членом, как грится. А что?

— Да нет, ничего. Просто такого у меня еще не было. Ну и каким же, если не секрет, вы себя представляете членом?

— Что значит каким? Натуральным. Как грится, в полный рост.

— Ого! — говорит. — Не слабо. И давно это у вас?

— Да с той недели. А что, нельзя?

— Почему нельзя? Тут все можно. Хочешь — Наполеоном будь, хочешь — Магометом. А хочешь, как вы... в полный рост. Да вы не волнуйтесь, все будет нормально. Это у вас просто... как это он сказал?.. Эротический бред!

— Чего? — говорю.

— Ну, проще говоря, это все на почве полового расстройства.

Меня прямо как по голове шарахнуло! Откуда он знает?.. Ведь точно угадал, собака! У меня этим летом паркет перекладывали, так весь пол загубили. У меня до сих пор из-за этого пола такое расстройство!

— Доктор, — говорю, — а вы что же, и пол мне можете поправить?

— Конечно. Мы все можем.

— И будет как раньше?

— Ну, как раньше у вас было, я не знаю, но жить сможете.

— Ну, спасибо, доктор! Мы с женой будем век партии благодарны. Давай, пиши свою рекомендацию. Я согласен!

Накорябал он мне справочку, я ее беру, а там все не по-нашему. Какие-то энис, бенис, конопенис...

— Доктор, — говорю, — а почему не по-русски? Они же не поймут.

— Не волнуйтесь, поймут. В этом деле надо по-латыни.

Ну, надо так надо! Утром написал я заявление, приложил эту справочку — и в партком. Секретарь спрашивает:

— Это что такое?

— Справка, — говорю, — от врача. Что мне можно в партию.

— Зачем это?

— Здрасьте! Сами указы издаете, и сами еще спрашиваете?

Ну, он сразу заткнулся. Видно, тоже указ не читал. Собрал он в обед свою команду, позвали они заводского врача, он им эту латынь и перевел. Говорят, смеху у них было — полный партком. Мне до сих пор на заводе проходу не дают. Одни дразнят: кандидат с половым расстройством, а другие — нестойкий большевик.

Ну и бог с ними! Пусть ржут. Я и сам передумал в партию вступать. Больно надо! Наломали, понимаешь, дров, а теперь я вместе с ними отвечаю?.. Я тут в цеху секретаря поймал и при всех его спрашиваю:

— Вот скажи: коммунизм ваш ученые придумали или неучи?

— Что за вопрос? Конечно, ученые!

— А вот дудки! Если бы ученые, они бы сначала этот коммунизм на свинках проверили или на белых мышках. А раз сразу на людях — никакая это не наука. А, как грится, энис, бенис, конопенис!

Перестройка на семейном фронте

Нет, что ни говорите, а с этой

перестройкой наши бабы совсем с ума посходили. Прихожу домой, моя грустная сидит, у телевизора.

— Вот, — говорит, — я у тебя дома одна сижу. А другие всегда с женами вместе.

— Кто это другие?

— Да сам знаешь кто! Руководство наше. Куда ни поедет — и жену с собой берет.

— Маша, — говорю, — побойся бога! Куда я тебя не брал? Ты вспомни: в Париже я не был? И ты не была. В Англию не ездил? И ты не ездила. Так где же я без тебя был?.. Только в вытрезвителе. Ну, хочешь, я тебя в следующий раз тоже возьму?

— Эх, Василий, — говорит, — отсталый ты элемент. Живешь в стороне от экономической реформы. Ты погляди, как люди зарабатывают. Вон по телевизору мужчину показывали. Одних партийных взносов уплатил девяносто тысяч.

— Сказала! Да были бы у меня эти девяносто тысяч, на кой мне тогда в партию вступать? С такими деньгами мне и без нее хорошо.

Теща моя, как эти разговоры услышит, так сразу уши закрывает.

Она у нас старый член партии, еще с надцатого года. А теперь, как газету прочтет:

— Ой, что пишут! Ой, что творится! Опять нэп устроили! Опять митинги всюду! Старые времена возвращаются.

Я ей говорю:

— А как же! Теперь наша история назад пошла, в обратном порядке. Сейчас вон нэп ввели, иностран-

ный капитал позвали. Потом землю крестьянам вернут, а потом обратно октябрьскую революцию устроят.

— Не может быть! А потом?

— А что потом? Потом появятся все те, кто эти годы скрывался в глубоком подполье.

— Кто скрывался?

— Известно кто! Севрюга, осетрина, крабы.

Жена говорит:

— Что ты болтаешь? Ты же сам знаешь, что у нас белая рыба давно занесена в Красную книгу.

— Ясно, что в красную. У кого красная книжечка есть, тот ест белую рыбу. А у кого нет — тому минтай, ледяная и, извините за выражение, бильдюга!

Дочку мою, восьмиклассницу, теперь тоже не узнать. Голову подбрила, в зеленый цвет покрасила. В ушах подшипники, на затылке подкова. Я думал, ее лошадь ударила. Нет, оказывается, она теперь металлистка. Седьмого разряда. Я ее как первый раз в полутьме увидел, чуть зайкой не стал.

Теперь она целый день по квартире ходит-вихляет-ся в одном купальнике. А купальник-то — срамota. Две веревочки. Как шнурки от ботинок. Это она на конкурс готовится: «Городская красавица». Городская! Она и на дворовую не тянет. Я ей говорю:

— Ты что, вот так и будешь перед народом без порток ходить?

— Да, — говорит, — обязательно. Там за это первый приз — десять тысяч рублей.

Надо же! Я помню, лет пять назад после гулянки на улицу без штанов вышел, мне за это десять суток дали. А теперь за то же самое — десять тысяч дают.

Деньги, что ль, девать некуда? Не понимаю! Если они хотят за такую срамоту платить, зачем конкурсы устраивать? Зайди в любую баню — и плати! Жена говорит:

— Что ты к ней пристаешь? Она у нас еще хорошая. А ты слышал, какая сейчас среди молодежи наркомания?

— Да слышал, слышал... Вон у нас в соседнем дворе трех наркоманов поймали. Собирались по ночам и нюхали черную икру.

— При чем тут икра? То еда, а то отравя.

— Да сейчас не разберешь: что еда, а что отравя.

В овощах — гербициды, во фруктах — пестициды. Слово-то какое противное — пестициды. Хотя, какая еда, такое и слово! Она говорит:

— Что ты все подзуживаешь? Может быть, ты вообще против демократии?

— Почему против? Я — за! Только я не знаю, что теперь можно говорить, а чего нельзя. Вон у нас на заводе митинг был. Все с плакатами вышли: «Войне — нет!», «Империализму — нет!». А мой напарник тоже плакат вынес: «Чаю нет! Кофе нет!» Так его сразу за бока взяли.

Жена говорит:

— Не имеют права! Сейчас гласность. Это раньше был застой, а теперь гласность.

— Да какая разница! Для меня-то что изменилось? Мне что гласность, что застой — все равно живот пустой.

Теща кричит:

— Вот они, распустились! Где наши идеалы? Где моральная чистота?

— Бросьте, — говорю, — мамаша! Какая может быть чистота, когда даже мыла нет! Только все обещают: то мыло, то коммунизм.

Она говорит:

— Ты что же, Василий, считаешь, что мы до коммунизма не доживем?

— Нет, — говорю, — мы не доживем. Но вот детей жалко.

В общем, с этой гласностью нет у меня теперь никакой жизни. Раньше была семья как семья. А теперь у меня дома не жена, а сплошной прожектор перестройки!

Не в названии дело

Вы новость слышали?.. Говорят,

решили еще один город переименовать. Поскольку молодежь комсомолом не интересуется, хотят Комсомольск-на-Амуре назвать Беспартийск в Сибири.

А что, я не удивлюсь. Сейчас каждый день переименовывают. Калинин — в Тверь, Жданов — в Мариуполь, Орджоникидзе — во Владикавказ. Но, правда, кроме названия там ничего не меняется. Как ничего не было, так и нет. А они что думали? Если Волгоград опять называть Царицын, там сразу жизнь станет, как при царе?..

Прямо все свихнулись с этими переименованиями. Уже не знаешь, что как называть. Мальчика в школе спрашивают:

— Кто написал «Песню о Соколе»?

А он отвечает:

— Алексей Максимович Нижний Новгород.

Но мы же такие: если кампания началась — остановиться не можем.

Главное, все это в нашей истории уже было. И не один раз. После революции отменяли все, что с монархией связано. Давай, Гаврила, не стесняйся! Меняй названия, круши дворцы, взрывай памятники! Вроде до нас ничего не было. Жизнь по новой началась. Это у других народов летосчисление от Рождества Христова. А у нас наоборот: как «Аврора» из всех стволов ша-рахнула, так с Христом и покончили.

И пошли всем городам имена новых вождей давать: Сталинабад, Днепродзержинск, Молотов, Ворошиловград. Я вот иногда думаю: а в честь какого вождя назван город Херсон?.. Может, Хрущева? И вот еще любопытно: почему мы своего руководителя называем

вождь? Что это за вождь? Мы что, все краснокожие? Индейцы? Почему у нас обязательно должен быть вождь? Давайте тогда и называть их, как индейских вождей: Владимир—Соколиный Глаз! Иосиф—Железная Рука! Никита—Кукурузный Початок! Леня—Мохнатая Бровь! И так далее...

Но, правда, новые названия у нас тоже недолго продержались. Как скончался товарищ Сталин, начали его отовсюду убирать. Давай, Гаврила, круши! Вроде этого вождя в нашей истории не было. Усы были, трубка была, а его самого не было. Чтоб следы замести, даже на могиле предлагали такую табличку установить: «Иосиф Джугашвили — участник первой бакинской демонстрации».

Потом антипартийную группу разоблачали, помни-те? Маленков, Молотов, Каганович — их имена тоже аннулировали. Мети их, Гаврила, поганой метлой из нашей истории! В те годы даже такой случай рассказывали: в Одессе от причала отходит пароход «Леонид Собинов». А на причале пенсионер стоит и мамаша с ребенком. Мальчик спрашивает:

— Мама, а кто такой Собинов?

А пенсионер:

— «Собинов»?.. Это же бывший «Каганович».

Теперь вот дожили: снова все переименовываем. Вообще-то хорошо, что мы своим городам и улицам исконные названия возвращаем. Только мы и здесь удержу не знаем. Опять отменяем историю, зачеркиваем все, что было. Живет в нас Гаврила со своей метлой. Конечно, вы можете сказать: а мы здесь при чем? Мы — люди маленькие. Не мы городам названия даем.

Верно! Городам — не мы. Ну а детям своим, родным детушкам, кто имена давал? Партия и правительство? Третий интернационал?.. Нет, мы! Мы их называли в честь наших вождей: Марксен — Маркс-Энгельс значит, Вилен — Владимир Ильич Ленин, Ким — Коммунистический интернационал молодежи, Сталина — в честь друга всех детей.

Хорошо хоть сегодня именами нынешних руководителей детей не называем: Рафик или Лукьян, или в честь нашего президента — Михсер.

Слава богу, у нас сейчас руководители скромные. Ничего своими именами не называют. Говорят, по просьбе Михал Сергеевича даже конфеты из продажи изъяли «Мишка косолапый» и «Мишка на Севере».

А раньше-то чем мы только своих детей не называли. Я иногда думаю: как же надо было не любить своего ребенка, чтобы давать такие жуткие имена: Индустрик, Агитация, Рабкрин... Пусть дети всю жизнь мучаются, зато мы свой энтузиазм покажем, верноподданность свою.

Представляю, как эти дети между собой общались:

— Индустриализация Сергеевна, передайте, пожалуйста, приказ Пятилетке Федотовне.

— А приказ уже завизирован?

— Да-да Колхоз Развалыч уже все подписал.

Смешно?.. Славу богу, хоть смешно, наконец. А откуда все это идет? От нашего чиновничества. Мы ведь своих руководителей уважаем не за то, что они хорошо дело делают, а за то, что они высокий пост занимают. У нас прямо в душе что-то обрывается, когда мы большого начальника видим:

— Гляди-гляди, председатель палаты национальностей сидит.

— Смотри-смотри, первый зам. генерального идет!

Ну, идет! Чего мы так радуемся? Что он пешком идет, а не едет в бронированной «Чайке» в сопровождении охраны?

Вы зайдите в любое учреждение, в любую контору — там на стене обязательно чей-нибудь портрет висит или, в крайнем случае, скульптура в коридоре. Бюст. С ногами.

Да что портрет! Я вот недавно французские деньги видел. Там на каждой купюре писатель изображен, философ или ученый. А у нас на всех деньгах только Владимир Ильич виден! Интересно, по какой причине?.. Что он, так деньги любил? Или наоборот: гениально предвидел, что на эти деньги ничего не купишь?

Правда, надо сказать, что у нас в России всегда на деньгах царей изображали. На золотом рубле — Николай. Так и называли — Николашка. На сторублевке — Екатерина Первая. Катенька, Катериночка. Мы поче-

му-то деньги всегда ласково называем. И теперь тоже: сто рублей — Володенька, пятьдесят — пол-Володеньки. А металлический рубль совсем ласково — картаненький.

Но это так, лирическое отступление. Я о другом хочу сказать: до чего же мы любим дружно исполнять команды. То — ломай церкви, гони попов! Ура-а!.. Теперь — строй церкви, зови попов! И зовем. Слава богу, зовем, наконец. Причем не только в церковь, а прямо в Верховный Совет. А знаете, для чего священники в Верховном Совете сидят? Чтобы отпускать грехи нашему правительству.

Вообще-то у нас правительство хоть и грешит, но любит исправлять свои ошибки. Вон Владимира Высоцкого при жизни и травили, и не печатали, и петь не давали. Зато когда умер, ровно через восемь лет вручили ему Государственную премию СССР. Гуманный акт, сердечный поступок нашего доброго правительства. У нас всегда любят делать добро. Покойным. Так иной раз и представляю себе, как ходят государственные чиновники по кладбищу и радостно сообщают лежащим:

— Товарищ Иванов, вам прибавили пенсию.

— Товарищ Сидоров, вы реабилитированы.

— Товарищ Кузькина, поздравляем! Ваша облигация выиграла.

Скажете, фантастика? Так не бывает?.. У нас все бывает! Каких только приказов мы за свою жизнь не наслушались:

— Нельзя менять большую площадь на меньшую без разрешения исполкома!

— Не уплатившим квартплаты ЖЭК справок не выдает!

— Позволяется иметь на дачном участке пять яблоневых деревьев!

Почему — пять? Почему не три или не восемь? И вообще, почему какой-то дуб должен решать, сколько нам иметь яблонь? Откуда они вообще берутся на нашу голову? Ни ума, ни образования — одна страсть к руководству. Да они за свою жизнь всего две книжки прочли: сберегательную и партийную!

А мы ко всему привыкли, со всем соглашаемся. Да еще этому оправдание находим;

— Нельзя вводить частную собственность! Государству это невыгодно.

— Цены придется повышать. Это необходимо для государства.

А я вот хочу спросить: это кто такой — государство?.. Это же мы с вами. Мы все! И если нам плохо, значит, и государству плохо. А если кому-то и хорошо, так это не государству, а руководителям государства. Не надо путать разные вещи. Нас и так уже всех запутали.

Мы причины нашей жуткой жизни ищем не в бездарном руководстве, не в семидесятилетней гегемонии нашей славной партии. Нет, мы другие причины отыскиваем. В основном, слухами питаемся. Ну, питаться-то нечем, вот мы и питаемся слухами:

— Знаете, почему крупы нет? Все крысы съели. Говорят, крысы появились — два метра, хвост и уши как у пожилого зайца!

— Знаете, почему молока нет? Говорят, все коровы забастовку объявили. Требуют равных прав с доярками. Чтобы раз доили их, раз — дойрок!

Сорок пять лет после войны прошло, а у нас снова вводят продуктовые карточки. Мы и против этого не спорим.

Побежденные немцы шлют своим победителям продуктовые посылки.

— Битте-дритте, закусите! Только больше не просите!

И все равно находятся такие, которые готовы все оправдать:

— Верной дорогой идем! Не откажемся от социализма! Готовы выполнить любое задание любого советского правительства!

И, действительно, эти всегда готовы. Как пионеры. Это ведь только у нас могла родиться такая горькая шутка: на собрании объявляют:

— Завтра всем явиться в шесть утра! Будем вас вешать.

А из зала рука тянется:

— У меня вопрос: веревку с собой приносить или будут выдавать?

Трудно мы живем, очень трудно. Устали все от пустых прилавок, от бесконечной беготни, а главное, от фальшивых слов.

Вот я с детства слышу, что у нас в стране все равны. А так ли это на самом деле? Вот вы можете себе представить такое объявление: «Всех членов политбюро просим явиться на овощную базу для перебирания гнилой картошки!» Не могу представить! Врачей там представляю, ученых — тоже, а политбюро на овощной базе не могу вообразить. На торговой базе еще могу, а на овощной — нет.

Ведь их даже на пенсию отправляют не в связи с развалом страны, а в связи с состоянием здоровья. Изредка все у нас в стране замечательно, только вот здоровье у него подкачало. Бедный. Несчастный. Подайте, кто сколько может, на персональную дачу.

Вот и получается, что на словах у нас все равны, а на деле: мы равны, а они немножечко равнее.

Не знаю, кто там наверху придумал это циничное название: слуги народа. Будто мы хозяева, а они нам все время прислуживают. В поте лица. Может, нам на время с ними местами поменяться? Пусть они пожизнут как народ, а уж мы, ладно, помучаемся. Будем их слугами на черных «Волгах».

Нет, недооценивают у нас народ. Он ведь все видит и все замечает. Недаром в истории нашей русские цари навеки остались с теми прозваниями, которые дал народ: Ярослав Мудрый, Иван Грозный, Петр Великий. Надо бы и нынешнему руководству задуматься. А то ведь войдут в историю с такими прозвищами: Николай Плаксивый, Егор Твердолобый, Михаил Говорливый.

Вот уже скоро шесть лет, как началась перестройка. Все недовольны: время идет, а ничего не меняется. А ничего и не изменится, пока мы сами не переменимся. Пока не почувствуем, что на земле своей мы хозяева, а не просители, пока не прекратим соседа своего считать за врага, если он получает на десять рублей больше, пока не начнем все просто жить, а не бороться за светлое, никому не понятное будущее.

А до той поры все так и будет. Можно снова переименовать все города, назвать как угодно любую улицу — хоть «Путь к коммунизму» — все равно эта улица приведет нас на площадь имени товарища Дефицита.

Только когда же поймем мы, что каждый человек достоин нормальной человеческой жизни, будь он крестьянин, медсестра или президент, если только он хороший крестьянин, хорошая медсестра и хороший президент. Может, тогда наконец у нас по-новому прозвучат привычные слова: «Человек — это звучит гордо!» — как писал великий пролетарский писатель Алексей Максимович из Нижнего Новгорода.

Письмо из 2000 года

Г. Горину

Гришенька, дорогой, здравствуй!

Вот и 2000-й год на дворе. Вспомнил, что тебе стукнуло шестьдесят, и решил черкнуть письмецо, рассказать о нашем житье-бытье.

Событий у нас много. Как говорится, живем жутко интересно. Причем не столько интересно, сколько жутко.

Вчера провожали последнего еврея. Их теперь принимает Конго со столицей в Браззавиле. Народу в Шереметьеве было тыщи две. Много цветов, прощальных речей. Особенно тепло говорил Куняев, даже плакал. Его тоже можно понять. О чем теперь писать в «Нашем Современнике»? Прямо хоть закрывай журнал!

Восемьдесят третью годовщину Октябрьской революции отметили очень скромно. Даже не было военного парада. Только не подумай, что у нас теперь нет армии. Армия есть, просто бензина нет. Так что в этот день показывали прием в Кремле. Было очень мило. Много послов из разных стран: татарский посол, киргизский посол, временный поверенный из Тюмени и генеральный консул из Химки-Ховрино.

Кстати, помнишь Горбачева? Он тоже выступал. Говорил, что разработан 76-й вариант перехода к рыночной экономике. Решено переход к рынку сделать подземным, чтоб никто не видел, как это произойдет.

Впрочем, бог с ним, с Горбачевым. Тут у нас дела поинтереснее. В прошлом месяце наконец похоронили В. И. Ленина. Так что мавзолей теперь свободен. Союз театральных деятелей борется, чтобы это помещение отдали ему. Все-таки Ульянов в некотором роде

прямой наследник. Но думаю, что шансов у него мало. Скорее всего, там будет еще один «Макдоналдс».

Как бы там ни было, все довольны, что его похоронили по-человечески. Пожалуй, переживает только Марк Захаров. Ну, это естественно. Как ему руководить Театром Ленинского комсомола, когда теперь ни Ленина, ни комсомола.

Ну, что у нас еще новенького?.. Выполнили, наконец, продовольственную программу. Дело в том, что в обещаниях партии, оказывается, была допущена опечатка. Мы считали, что будет по четыре килограмма мяса на человека, а они имели в виду, что будет по четыре килограмма мяса на человеке. Но теперь разобрались, и все довольны.

В магазинах по-прежнему тишина. Вот чего сейчас действительно много, так это партий. Вступай — не хочу! Анархисты, либералы, кадеты... Ну и, конечно, коммунисты. Они теперь каждый год меняют свою платформу. Но, как говорится, поздно менять платформу, когда поезд уже ушел.

Пришания, тебя, конечно, больше всего интересует, что происходит в мире искусства. Ну, что тебе сказать... В литературе полное затишье. Никто ничего не пишет. Все равно нет бумаги. Во всех издательствах и журналах печатают одного Солженицына. Говорят, он поставил условие, что не вернется, пока его не начнут печатать и на деньгах тоже.

В театрах тоже мало интересного. Да, знаешь, МХАТ еще раз разделился. Теперь их у нас четыре. Правда, Ефремов добился, чтобы эмблему МХАТа оставили ему. У него теперь на занавесе скелетик чайки.

Из последних театральных премьер — Виктюк поставил шатровское «Дальше, дальше, дальше» в театре Вахтангова. Трактовка довольно необычная. Оказывается, Сталин был гомосексуалистом и все время жил с Поскребышевым. Спектакль у него так и называется: «Глубже, глубже, глубже».

В кино практически не хожу. Сейчас все фильмы о проституции и половых извращениях — словом, сплошной секс. А если учесть, чем нас кормят, то тема секса волнует нас все меньше и меньше.

Как видишь, перестройка у нас еще продолжается. И конца ей не видно. Но мы не унываем. Ты же знаешь, я по натуре оптимист и твердо верю, что, как бы ни было плохо, обязательно будет еще хуже.

Пиши мне, Гриппа! Как можно чаще! Мне твои письма просто необходимы. Ведь сигареты пропали, а махорку заворачивать не во что. Обнимаю и жду. Твой искренний друг

Аркадий.

Моя предвыборная программа

Внимательно ознакомившись

с составом Верховного Совета, я с удивлением обнаружил, что среди них нет ни одного писателя-юмориста. Есть артисты, есть хоккеисты, есть даже филателисты, но юмористов нет. Согласитесь, это несправедливо. Ведь в предвыборных кампаниях наших кандидатов было очень много смешного.

Конечно, я понимаю, что выборы уже прошли и сейчас поздно выдвигать свою кандидатуру. Но никто не может мне запретить выдвинуть свою предвыборную программу. Лучше поздно, чем никогда!

1. В предельно сжатые сроки возродить в стране моральный климат, нравственность, веротерпимость, культуру дискуссий и уважение к чужому мнению. С этой целью в ночь на 1 января по всей территории страны перевести стрелки часов на 80 лет назад.

2. Всемерно расширять и углублять демократизацию нашего общества. Постараться обеспечить всем гражданам не только свободу слова и свободу собраний, но также свободу после слова и после собраний.

3. Невзирая на трудности, продолжать проводимое в стране оздоровление политической, экономической и культурной жизни. Довести до логического конца наши реформы: правовую, хозяйственную, театральную, реформу высшей и средней школы. Одним словом, провести все реформы, кроме денежной.

4. Активно бороться с политическим авантюризмом и краснобайством. Отменить на сегодняшний день как утопические ранее выдвинутые лозунги и призывы: «Догнать и перегнать Америку», «Выпускать продукцию на уровне мировых стандартов», а также «Жить стало

лучше, жить стало веселей». Лозунг «Еще нынешнее поколение будет жить при коммунизме!» приблизить к реальности, сократив его вдвое: «Еще нынешнее поколение будет жить!»

5. Ввести строгую персональную ответственность за порученное дело. При любой неудаче в народном хозяйстве находить конкретного виновника и подвергать его строгому взысканию с публикацией об этом в печати. В случае если виновника найти не удастся, то за все неудачи, как нынешние, так и будущие, считать ответственным лично тов. Брежнева и его годы застоя.

6. Отменить для руководящих работников все виды закрытых распределителей, спецмагазинов и спецполиклиник. Все эти привилегии отдать наиболее бедной части нашего населения — пенсионерам. Таким образом, мы сразу решим две задачи: повысим уровень жизни пенсионеров, а для руководящих работников создадим стимул поскорее уйти на пенсию.

7. В области здравоохранения все силы бросить на основную болезнь нашего населения — социалистический склероз — заболевание, при котором человек не помнит: идет он в магазин или уже из магазина.

8. В области сельского хозяйства без промедления всю землю отдать крестьянам. Если не захотят брать добровольно, отдать насильно.

Максимально расширить арендный подряд. В черноземной области давать арендаторам на откорм до 150 бычков, в нечерноземной — давать арендаторам на откорм до 150 колхозников.

9. Расширить права совместных предприятий, дав им большую самостоятельность и возможность различных вариантов внутри самих предприятий. Например: иностранное оборудование, иностранный управляющий, наше сырье и рабочая сила. Другой возможный вариант: иностранное оборудование, иностранное сырье, наш управляющий и рабочая сила. Или наиболее оптимальный вариант: иностранное сырье и оборудование, иностранный управляющий, иностранная рабочая сила, наша — Госприемка.

10. В связи с обострением национального вопроса отменить в паспортах графу «Национальность». Вмес-

то этого ввести графу: «Какая национальность была раньше?»

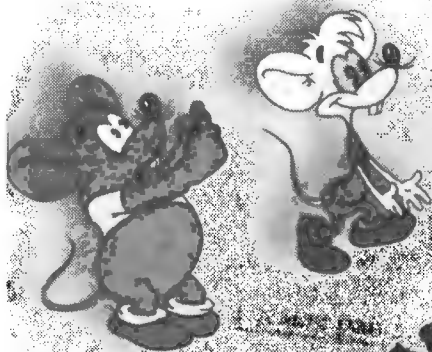
11. В случае несогласия с администрацией, плохой организацией производства, несправедливой оплаты труда — разрешить трудящимся право на забастовку. Однако, чтобы не нарушать хозяйственных планов, сами забастовки проводить только в выходные дни, обеденный перерыв и свой оплаченный отпуск.

12. В области законодательства не издавать каждый день новых законов и постановлений, особенно взаимоисключающих.

Отменить как не имеющий смысла закон о нетрудовых доходах. Ибо деньги, заработанные нечестным трудом, попадают под действие уже существующих законов, а деньги, заработанные честно, при всем желании нельзя назвать доходом.

13. Не допускать строительства экологически вредных предприятий без учета общественного мнения. В случае строительства в какой-либо местности химкомбинатов, цементных заводов, атомных электростанций и т.д., проводить предварительный опрос населения данного района. А в случае его несогласия — переводить в глухую, безлюдную местность само предприятие, а не население данного района, как это делалось раньше.

14. В соответствии с Женевской конвенцией не препятствовать эмиграции из страны. Но проводить ее не по национальному, а по социальному признаку. Прежде всего разрешить эмиграцию функционерам областного и районного масштабов. Поскольку в случае выезда нашего бюрократического аппарата в промышленно развитые страны появляется надежда на возвращение оттуда ранее уехавших врачей, ученых, писателей и музыкантов.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГАСТРОНОМЫ

Прямо с одесского Привоза

Если есть на земле рай для

юмористов, так это одесский Привоз. Это настоящий Клондайк, золотая жила веселья. Здесь ничего не надо придумывать, надо только ходить по торговым рядам и записывать. И за покупателями, и за продавцами, поскольку здесь все одинаково остроумны.

Тут никто не скажет слова просто так. Даже на самый простой вопрос ответ всегда будет необычный:

— Тарас Петрович, как дела, как живете?

— Живу, как моль: один костюм уже проел, теперь взялся за второй. А вы, Григорий Матвеевич, как живете?

— Как я живу? Как арбуз: пузо растет, а хвостик сохнет.

Так давайте не будем терять времени, пройдемся вместе по этим торговым рядам, где грудками лежат розовые шматы сала, пузатые баклажаны, которые каждый уважающий себя одессит называет только «синенькие», и особые одесские помидоры, пахнущие солнцем и горьким степным ветром. Пройдемся и послушаем, что сегодня говорят на одесском Привозе.

— Куры, куры! Парные куры! Дамочка, идите уже сюда! Посмотрите, это же не кура, это мечта!

— Я уже подошла. Теперь вы мне скажите: чем вы кормите своих курей?

— А зачем это вам?

— Как это зачем? Может, я тоже хочу так похудеть?

Здоровенный дядька в соломенной шляпе тащит две кошелки ярко-красных помидоров.

— Дядько, дядько! Где вы брали такие гарные помидоры?

— Да вон же, в соседнем ряду.

— И шо, много народу?

— Да никого не было. Даже продавца.

Рядом старушка довольно преклонного возраста уверенно выговаривает продавцу:

— Глаза твои бесстыжие! Морда твоя наглая! Что ж ты такие огурцы продаешь?

— Какие это такие?

— Что, сам не видишь? Желтые, скрюченные — тьфу!

— Ой, мамаша, вы лучше на себя посмотрите!

Возле выложенных горой фруктов стоит мужчина. Долго смотрит на шестизначные цены, протирает очки, опять надевает и снова смотрит.

— Мужчина, — спрашивает продавец, — что вы там высматриваете? Что вам неясно?

— Да я никак не могу понять: это у вас цены или номера телефонов?

Это тоже примета времени. Когда один доллар стоит почти двести тысяч карбованцев — цены измеряются в миллионах. Людям старой закалки, привыкшим с уважением относиться к слову «миллион», приходится нелегко.

— Молодой человек, молодой человек! Вы мне не скажете, сколько стоит ваша телятина?

— Почему не скажу? Что мы с вами, в ссоре? Конечно, я скажу. Только вы сначала скажите: у вас валидол с собой?

Из мясных рядов переберемся в молочные. Там тоже есть что послушать.

— Мужчина, идите сюда! Попробуйте уже мое молоко.

— Если оно правда ваше, зачем мне пробовать? Что я, грудной?

— Шо вы цепляетесь к словам? Ну, не мое, моей коровы. Зато молоко — что-то особенного. Вы попробуйте...

— Так... Я уже попробовал.

— Ну что?

— Теперь я хочу спросить: вы не хотите купить своей корове зонтик?

— Чего вдруг? Почему зонтик?

— Потому что у нее в молоке очень много воды.

Рядом в киоске выстроилась очередь за сыром. Пожилая бабушка говорит юной продавщице:

— Деточка, будь ласка, свешай мне, пожалуйста, десять грамм сыра.

— Сколько?!

— Десять.

— Вы что, издеваетесь?

— Боже упаси! Коли бы я издевалась, я бы тебя еще попросила нарезать.

Одесса — город, который стоит на море. Это знают даже дети. Но даже взрослые никогда не могли объяснить, почему на базаре нет свежей рыбы. Сегодня наконец она появилась. Правда, это уже не тот фиш, не тот коленкор, как говорят местные. Нет копченой скумбрии с тонкой золотистой шкуркой, куда-то подевались знаменитые бычки, а если ими кто-то торгует, то это уже не бычки, а воши. Хотя в рыбных рядах наблюдается оживление.

— Мужчина, берите свежую рыбу!

— А она действительно свежая?

— Что за вопрос? Только что из моря.

— А почему она закрыла глаза?

— Так она же спит.

— Спит?... А почему она так воняет?

— Слушайте, мужчина, когда вы спите, вы за себя можете отвечать?

Словом, со свежей рыбой опять трудности, зато рыбных консервов сколько угодно душе.

— Молодой человек! Я уже третий раз прошу: дайте мне баночку сардин!

— Я слышу, слышу... Но вы же не говорите, какие нам нужно: испанские, французские, марокканские...

— Какая мне разница? Что я с ними, буду разговаривать?

Конечно, одесский Привоз сегодня изменился, как изменилось всё в городе. Сегодня, кроме продуктов, здесь торгуют обувью, одеждой, зонтиками — словом, чем попало! Молодой человек стоит и торгует плетеными корзинами.

— Парень, за сколько продашь корзину?

— За пятьсот тысяч. Только скорее, скорее.

— Что скорее? Не горит. А за триста тыщ отдашь?

— Отдам, отдам, только скорее.

— Опять скорее. Бери двести, и я пошел.

— Давайте, только скорее.

— Да что за спешка? Почему скорее?

— Почему? Потому что вон идет хозяин этой корзины.

Возле корзины старичок малюсенького росточка торгует часами самых разных видов и марок: наручными, карманными, стенными...

— Папаша, а часы с кукушкой у вас есть?

— Вообще, есть. Но должен вас предупредить: часы с брачком.

— Что, отстают?

— Боже упаси!

— Спешат?

— Никогда в жизни!

— Так что? Кукушка не выскакивает?

— Кукушка выскакивает каждые 60 минут. Но она всегда спрашивает: «Который час?»

Чем только не торгуют сегодня на Привозе. Какой-то человек в большой корзине принес щенков. Над ними висит фотография якобы их мамы, — немецкой овчарки, у которой вся грудь в медалях.

— Молодой человек, откуда у этой собаки столько орденов? Она что, съела генерала?

— Никого она не ела. Это чемпионка Европы.

— И родословная хорошая?

— Или! Я вам скажу: если бы эта собака могла говорить, она бы не стала разговаривать ни с вами, ни со мной.

В разговор вмешивается стоящая рядом женщина:

— Не слушайте его, это аферист. Я купила у него сторожевую собаку, оказался форменный сексуальный маньяк. Кидается на всех, включая кошек.

— А я вас предупреждал. Это такая порода. Она так и называется: бордель-терьер.

— Бордель меня не интересует, — снова перебивает мужчина. — Сколько вы хотите за этого щенка?

— Десять миллионов.

— А половину?

— Половину щенка я не продаю. Мужчина, не жалейте эти десять миллионов. У вас будет отличный сторожевой пес.

— Смешной человек! Если я вам отдам десять миллионов, этой собаке уже нечего будет сторожить.

В глубине рынка стоит маленькая будочка, в которой сидит гадалка. Толстая еврейка в цыганской шали по имени Аза Абрамовна. Поскольку ни газетам, ни радио уже никто не верит, находятся желающие узнать будущее от гадалки. Вот она раскладывает колоду перед толстым, лысым мужчиной. Тот поминутно вытирает лысину носовым платком.

— Так... Значит, вы у нас трефовый валет.

— Почему валет? Я король. И потом не трефовый, а бубновый.

— Слушайте, откуда я могу знать вашу масть, когда вы такой лысый. И потом, с чего вы взяли, что вы король? Вы кем работаете?

— Я? Инженер по технике безопасности.

— А-а. Тогда вы вообще шестерка. — Она быстро раскладывает карты. — Значит, так: до пятидесяти лет вы будете страдать от отсутствия денег.

— А потом?

— А потом привыкнете.

Одесский Привоз — это не просто место, где делают покупки. Это настоящий клуб, где люди встречаются поговорить за политику, за жизнь, за одесский «Черноморец» и вообще. Вот молодой папаша толкает перед собой широкую детскую коляску.

— Боренька, поздравляю с прибавлением семейства!

— Спасибо большое!

— Что, близнецы? Какие загорелые. Оба мальчики?

— Нет, мальчик только справа. Слева — дыня.

Супружеская пара идет с кошелками, полными продуктов.

— Пришенька, — говорит жена, — это ничего, что я бросила нищему деньги?

— Правильно сделала. Слепой человек, надо помочь.

— Но ты же говорил, что они все только притворяются слепыми.

— Неа, этот настоящий саспой.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Он же тебе сказал: «Спасибо, красавица!»

— Тростянский, хорошо, что я вас встретил. Вы идете на похороны Купцевича?

— С какой стати? Он же на мои не придет?

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Вот так или примерно так расходятся люди с одесского Привоза. Уже вечереет, зажигаются первые огни, а на свежем морском ветру гордо полощется самодельный транспарант: «Господа! Приезжайте в Одессу, не то Одесса придет к вам!»

Еврейские мужья

У англичанина есть жена и есть

любовница, но он любит жену.

У француза есть жена и есть любовница, но он любит любовницу.

У еврея есть жена и есть любовница, но он любит маму.

К чему я это говорю?.. Чтобы вы знали, что такое еврейские мужья. Если не знаете, то я скажу: еврейский муж — это самолет, потому что на земле от него нет никакой пользы.

Впрочем, не буду отвлекаться, расскажу все по порядку. Мой первый муж, Изя, был порядочный человек. Честный, скромный, не швицер, не фасонщик. У него был только один недостаток: он был слишком партийный. Когда его в первый раз увидела моя мама, она сказала всего три слова: а ничтожество, а гурнешт, а коммунист. А от себя добавлю: не просто коммунист, а мишигенер коммунист.

В первый же день свадьбы он повесил у нас в спальне портреты Маркса и Энгельса. Я говорю:

— Изенька, мне неудобно переодеваться перед незнакомыми людьми.

— Что значит «незнакомыми»? Это вожди мирового пролетариата! И я хочу, чтобы они висели здесь.

Я сказала:

— Ладно, ладно, успокойся! Хорошо еще, что ты их не положил с нами в кровать.

А про себя подумала: «Что я буду из-за них ссориться? Хочет — пусть висят, чтобы они уже все висели».

По ночам мой Изя не спал и не давал заснуть мне. Нет, не то, что вы думаете, его волновало совсем дру-

гое: чтобы коммунизм победил во всем мире. Хотя, что этот мир сделал ему плохого — я не знаю!

Но мало того, что он был ненормальный, он еще взялся за меня:

— Завтра мы идем на первомайскую демонстрацию!

— А что я пойду? Я же беспартийная.

— Не спорь! Все честные люди должны быть там.

Когда мы вышли на Красную площадь и он увидел вождей — он так возбудился, больше, чем в нашу первую брачную ночь.

— Почему ты молчишь? — говорит он мне. — Приветствуй наше правительство!

Так я уже шла за ним и кричала: «Пламенный привет! Пламенный привет!» Не могла же я им прямо сказать: «Чтоб вы сгорели!»

Кончилось все тем, что он пришел с партсобрания и говорит:

— Собирайся. Мы едем поднимать целину.

— Что мне поднимать? Я, слава богу, ничего не роняла.

— Не спорь. Меня посылает партия.

Я ему говорю:

— Изенька, партия тебя уже столько раз посылала. Может, и ты ее один раз пошлешь?

Когда он это услышал, он весь затрясся, обозвал меня контрой и ушел навсегда. Надо сказать, к его чести, что он ничего не взял, ушел буквально голый, прикрываясь своим партийным билетом.

Но я для себя решила: больше к партийному не пойду на пушечный выстрел. И мой второй муж, Лазарь, таки коммунистом не был. Он был деловой человек, гешефтмахер. Каждый вечер он ложился со мной рядом и, нет, не то, что вы думаете, начинал считать:

— Зибн унд драйцих, ахт унд драйцих, нойн унд драйцих, ферцих!..

Причем говорить по-еврейски он не умел, но деньги считал только на еврейском. Он, очевидно, полагал, что такое святое дело нельзя доверять русскому языку. Вот так и шло: я лежала рядом, а он считал:

— Ахт унд драйцих, нойн унд драйцих, ферцих!..

Думаете, он считал доходы? Какой там! Он считал убытки. Такой он был ловкий, мой Лазарь. Каждый день он мне говорил:

— Дела идут плохо, надо ужаться в расходах! Надо ужаться в расходах, дела идут плохо!

Я уже не выдержала, спрашиваю:

— Лазарь, я не поняла: так что мы теперь должны — больше занимать или меньше отдавать?

Нет, на себя он был широкий, но я у него не могла вырвать копейку на расход. В магазин я всегда ходила с мокрыми деньгами: так он плакал, когда их давал.

Исчез он, как и появился, прихватив все, что у нас было на книжке.

После этого я решила — хватит! Мне нужен простой человек, лишь бы он меня любил. И мой третий муж — Нёма, меня-таки любил. Очень любил. Больше меня он любил только водку. А вы знаете, что такое аид-а-шикер? Это хуже паровоза. Потому что паровоз еще можно остановить, а шикера — никогда!

Если бы я знала заранее, что он такой пьяница, я бы лучше вышла за русского. Тот хотя бы не закусывает. А мой Нёма любил и то и это.

Трезвый, по-моему, он не бывал никогда. Бывало, появляется домой в час ночи. Я спрашиваю:

— Где ты был?

— Я?.. Играл в шахматы.

— Да? А почему от тебя пахнет водкой?

— А чем от меня должно пахнуть? Шахматами?

Но это еще цветочки. Один раз он пришел такой пьяный, что не смог попасть ключом в замок. Еле вошел в квартиру и закричал:

— Роза! Роза! Дай мне зеркало! Я хочу посмотреть, кто пришел.

Уж я его стыдила и пугала. Говорила:

— Нёма, как ты не боишься? По радио говорили, что у нас от водки умирает каждый четвертый.

Он говорит:

— Ха! Интересное дело! Пьем на троих, а умирает четвертый.

На меня как на женщину он вообще не обращал внимания.

— Нёма, — говорю, — между прочим, сегодня в трамвае трое мужчин поднялись и уступили мне место.

— Ну и что? Ты поместилась?

Наконец я не выдержала и сказала:

— Все, хватит! Выбирай: или я, или водка!

Он подумал и говорит:

— А сколько водки?

И мы разошлись, как в море корабли. Причем море было из той водки, что он выпил за свою жизнь.

После этого я для себя решила: «Все, хватит! Лучше жить одной, чем так мучиться». Но на свою беду я встретила старую мамину подругу, профессиональную сваху. Она сказала:

— Деточка! Тебе нужен пожилой еврейский муж без недостатков.

Я как дура согласилась, и на следующий день она привела Натана. Что правда, то правда: он был действительно пожилой. Правый глаз у него немного косил, на левую ногу он слегка прихрамывал, зато на спине у него был небольшой горб. Я ей тихо говорю:

— Слушайте, а получше у вас не нашлось?

Она отвечает:

— Говори громче, он все равно ничего не слышит.

— Я говорю: почему он такой старый?

— Старый? Ну так что? Муж — это же не курица, вы его не будете варить. И потом, не такой уж он старый. Как говорится, мужчина в самом соку.

Не знаю, может, он и был в соку, но сок был явно желудочный.

Уж не помню, как она меня уговорила, но я сказала «да». Что касается недостатков, то она меня не обманула: он не пил, не курил и почти не дышал. Вел он себя, как маленький ребенок, просто шагу без меня не мог сделать. Помню, принесла я из прачечной его рубашки. Он зашел с ними в спальню, кричит:

— Роза! Роза! Нам подменили в прачечной рубашки! Посмотри, какой маленький воротничок, я задыхаюсь!

Я посмотрела и спрашиваю:

— Что ты орешь?! Причем здесь воротничок? Ты же продел голову в петлю от пуговицы.

Словом, помощи от него не было ни на грош. Бывало, ждем гостей, я кручусь по дому, готовлю, убираю, накрываю на стол. Он — сидит в трусах, смотрит телевизор.

— Натан, — говорю, — что ты сидишь в трусах? Одейся! Через пять минут придут гости.

— Ну и пусть придут! Пусть увидят, какой я худой, как ты меня плохо кормишь.

— Да?! Тогда уже сними и трусы. Пусть они увидят, что тебя вообще не за что кормить!

Кончилось тем, что весной у него начался авитаминоз, и врач ему прописал делать уколы. После пятого укола он сбежал вместе с медицинской сестрой. И я не удивляюсь: в его возрасте сестра важнее, чем жена.

А вы думаете, еврейский муж — это подарок. Правильно говорила моя сестра Фира:

— Еврейский муж — это загадка, потому что никогда не знаешь, что с ним делать. Положишь его на себя — он засыпает, положишь под себя — задыхается, положишь на бок — смотрит телевизор, поставишь на ноги — его и след простыл: побежал к своей мамочке жаловаться на жену!

Еврейские жены

В от вы говорите, еврейские жены —

лучше всех!.. Ну, не говорите, так думаете. А вы лучше послушайте меня. Я, слава богу, не один раз был женат. И не два. И не три. Впрочем, жены — это не деньги, их можно не считать.

Расскажу всё по порядку. Моя первая жена, Лия, была образованная женщина. Очень образованная. У нее было два высших образования. И ни одного среднего. Она всё могла объяснить: почему летают птицы, почему гремит гром, она только не могла объяснить, почему в доме никогда нет обеда. Готовить она умела всего три вещи: яйца всмятку, яйца вкрутую и яичницу. Через три месяца я уже готов был закукарекать и улететь куда глядят глаза. Но я держался. Потому что я уважаю, когда у человека высшее образование.

Единственно, с чем я не мог смириться, что она каждый вечер хочет со мной читать вслух художественную литературу.

— Адольф, — говорила она, — сними с полки Чехова. Мы читаем вслух «Три сестры».

— Лиичка, дорогая, но я уже читал эту мансу.

— Читал?.. Тогда Расскажи.

— А что говорить? Обычная история. В маленьком городе жили три сестры. А там в это время стоял полк с офицерами. А в конце этот полк собрался и ушел, а три сестры смотрят вслед и плачут.

— Почему?

— Я знаю... Наверное, беременные...

Слава богу, с литературой она от меня отвязалась. Но она взяла другую моду — тащить меня в консерваторию.

— Адольф,— сказала она,— сегодня мы идем слушать Седьмую симфонию Бетховена.

Я говорю:

— Лиичка, дорогая, я не пойму. Я же не слышал предыдущие шесть.

Но разве она меня слушала? Насильно взяла и притащила в консерваторию. Минут десять я честно слушал, потом тихо вышел в темноте и поехал домой смотреть футбол по телевизору. В девять вечера она норвалась домой, как прокурор:

— Почему ты ушел из консерватории?!

— Лиичка, дорогая, эта симфония не для меня. Там даже в программке написано: это для скрипки и оркестра.

Она говорит:

— Адя!..

Когда она сердилась, она меня всегда называла уменьшительно — Адя. Обычно она звала меня полным именем — Адиёт. Так она говорит:

— Адя! Ты живешь, как животное!

— Короче, что ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты был культурным человеком, чтоб каждый вечер ты проводил со мной, читал мне книги, рассказывал последние новости...

— Я всё понял — тебе нужен телевизор. Так вот, я тебе оставляю этот телевизор, квартиру, обстановку и полное собрание сочинений товарища Достоевского. Читай своему новому мужу вслух роман «Идиот», чтоб он тоже понял, на ком женился.

Словом, я решил для себя твердо: больше я на образованной не женюсь. Пусть это будет простая женщина, лишь бы она меня любила. И моя вторая жена, Роза, меня-таки любила. Очень любила. Больше меня она любила только деньги. Боже, как она их любила! Каждый вечер она садилась под лампой и начинала их пересчитывать: Ленин к Ленину, Ленин к Ленину!..

Я ей говорю:

— Роза, солнце мое, что ты так любишь Ленина? Ты что, Крупская?

Она говорит:

— Ой, ты меня сбил!.. — И начинает считать сначала.

Каждый день начинался с одного и того же: она у меня просила денег на расходы. Я как-то не выдержал, говорю:

— Деньги, деньги! Всегда ты просишь у меня только деньги! Почему ты лучше не попросишь немножко ума?!

Она говорит:

— Я прошу только то, что у тебя есть.

Не буду врать: в доме был порядок, чистота, вкусный обед, но я как-то раз подсчитал, что на эти деньги мог бы себе взять повара, уборщицу, прачку, двух любовниц и еще кое-что осталось бы на мелкие расходы.

Наконец я не выдержал и сказал:

— Роза, я устал бороться с товарищем Лениным. Я ухожу и советую тебе в следующий раз взять в мужья Государственный банк. Может быть, он сможет тебя удовлетворить.

Полгода я отходил, пока не встретил Раю. Это было то, что надо. Во всех отношениях. У нее был только маленький изъян — ревность.

Каждый вечер, когда я возвращался с работы, она искала на мне следы преступления. Если она находила светлый волос — значит, я был с блондинкой, если темный — значит, я имел связь с брюнеткой. Если же она ничего не находила, она тоже начинала орать:

— Докатился! Уже с лысой начал встречаться!

Конечно, все мы живые люди. Иной раз задержишься с друзьями, придешь домой за полночь. Она не спала. Она ждала в постели, как сторожевая собака.

— Явился?— говорила она.— И сколько, по-твоему, сейчас времени?

— Я знаю?.. По-моему, часов десять.

— Десять?! А почему часы пробили один раз?

— А что ты хочешь, чтобы они еще и ноль пробили?

Каждую секунду она требовала от меня подтверждения моей любви:

— Скажи, что ты меня любишь!

— Я тебя люблю.

— Скажи, что ты меня очень любишь!

— Я тебя очень люблю.

— Скажи, что мы друг без друга не можем жить!

— Да! Мы друг без друга не можем жить. И если один из нас умрет, я перееду жить в другой город.

Наконец я понял, что добром это не кончится. Я тихо собрал вещи и оставил ей записку: «Милая, живи счастливо! Я никогда тебе не изменял, о чем буду жалеть всю свою сознательную жизнь!»

После третьего брака я себе сказал:

— Адольф, остановись. Три раза достаточно. Даже прыгунам в высоту дают всего три попытки.

Но на свою беду я встретил возле синагоги знакомого еврея. Он сказал:

— Уважаемый! Все ваши несчастья от того, что вы женитесь без рекомендации. К счастью, у меня для вас хорошая невеста: скромная, религиозная, внучка раввина. Это то, что вам надо!

Врать не буду: Дора оказалась достойная женщина. Тихая, скромная, религиозная. И всё она знала. Особенно, что нельзя. Нельзя ходить с непокрытой головой, нельзя есть вместе мясное и молочное, нельзя есть рыбу без чешуи. А что касается интимных отношений с женой, то там все нельзя! Нельзя неделю до и неделю после, нельзя в пятницу вечером и в субботу днем, в праздники — боже упаси! А что там остается? Ейн мультин Пурим? Раз в год по обещанию!

Каждый раз, когда я ложился в постель, она хотела сначала почитать Тору. Немножко. До утра. Я терпел-терпел и наконец говорю:

— Дора, я уважаю ваши религиозные принципы, но я хочу понять, на ком я женился: на Доре или на Торе?

Она обиделась, собрала свои умные книги и уехала на свою историческую родину. В Жмеринку.

Я иногда думаю: а вообще бывают на свете счастливые мужья? По-моему, тот, кто это говорит, немножко привирает. Вот я недавно встретил своего старого школьного приятеля, Изю. Он говорит:

— Можешь меня поздравить — я женился!

— Ну? И с чем тебя поздравлять?

— О чем ты говоришь?! Это же совершенно другая жизнь. Я теперь живу как барин. Представляешь, просыпаюсь в десять утра, жена мне подает прямо в постель кофе со сливками.

Я говорю:

— Что ты врешь? Я тебя сегодня в восемь утра видел в магазине.

— Но кто-то же должен купить сливки!

Между прочим, статистика утверждает, что женщины живут на свете дольше мужчин. Но никто не знает, почему. А я знаю. Потому что у женщин нет жен. И никто им не укорачивает годы.

А вы говорите — еврейские жены лучше всех. Да я каждую еврейскую жену узнаю сразу по трем признакам: лишний вес, гениальные дети и шлимазл муж, который всё это терпит!

Одесский трамвай

Знаете ли вы, что такое одесский

трамвай?.. Нет, вы не знаете, что это такое! Вы, наверное, думаете, что это просто средство передвижения. Может быть, в других городах это так, но только не в Одессе. Ведь в этом городе всё особенное: и трамвай, и пляж, и базар. Потому что Одесса — это не просто город, Одесса — это точка зрения.

В моем детстве папа и мама, оба уроженцы Одессы, часто вспоминали, какой там был трамвай.

— Что в Москве? — говорили они. — На окне в трамвае написано: «Не высовываться!» Не остроумно! То ли дело в Одессе! Там на трамвайном окне висела табличка: «Высовывайся, высовывайся! Посмотрим, что ты будешь высовывать завтра!»

Честно говоря, я всегда считал, что это одесский фольклор, легенды, не имеющие к жизни никакого отношения. Пока первый раз, самолично, не совершил поездку на одесском трамвае. Если у вас есть время и нет неотложных дел, давайте совершим ее вместе.

Поездка начинается с трамвайной остановки. Все терпеливо ждут, хотя он уже давно должен прийти. Но одесский трамвай похож на женщину: он приходит на свидание, когда захочет. Наконец, пожилая еврейка с хозяйственной сумкой говорит, глядя в пространство:

— Что же это такое? Когда она уже, наконец, придет?

— Кто «она»? — поправляет ее молодой человек. — Трамвай, к вашему сведению, мужского рода.

— Да?.. Может быть! Я к нему под колеса не заглядывала.

Какой-то приезжий с большим чемоданом хватает всех за руки:

— Скажите, где же этот ваш Морской вокзал?

— Тю-ю! Вы же рано слезли. Вам еще нужно ехать пять остановок.

— А мне в трамвае велели сойти здесь.

— Простите, а вы там сидели или стояли?

— Я сидел.

— А тот, кто вам посоветовал?

— Он стоял.

— Так что вы волнуетесь? Он сейчас, как король, едет на вашем месте!

Вообще, приезжему в Одессе надо держать ухо востро. Хотя народ тут теплый и доброжелательный, но всегда не прочь поохмить над новичком. Известно, что когда один приезжий москвич спросил:

— Скажите, на что мне нужно сесть, чтобы доехать до Дерибасовской?

Ему ответили:

— Сядьте на задницу! Вы уже на Дерибасовской.

Но не будем отвлекаться. Трамвай, наконец, подошел, пора садиться. Сейчас середина дня, время спокойное, никто не торопится и можно спокойно послушать обрывки трамвайных разговоров.

— Арон Рувимыч! Как дела? Как живете?

— Я?.. На пять с плюсом.

— Это как?

— Пятый пункт плюс остальные цорес.

Приезжего тут отличаешь сразу: он говорит, а не поет, как все местные. Молодой парень с рюкзаком спрашивает у старичка:

— Простите, вы одессит?

— А что? У вас что-то пропало?

— Нет, я просто хотел узнать, почему остановка называется «Большой фонтан»? Там что, бил фонтан?

— Что значит бил?.. Он бил, есть и будет!

Трамвай подходит к очередной остановке.

— Девушка, вы выходите?— спрашивает пожилой одессит.

— Выходят замуж, понятно?

— Понятно. Тогда вы сейчас сходите?

— Сходят с ума, ясно?

— Так что вы делаете?

— Я? Я вылазю.

— Вы вылазите? Тогда с днем рождения, девушка!

Внезапно все разговоры стихают, потому что в вагон входит контролер. Он медленно идет по салону, проверяя билеты. Доходит до середины. Мужичок в спецовке закрыл глаза и делает вид, что дремлет, контролер трогает его за плечо:

— Билет!

— Что билет?

— Ваш билет.

— Да, мой, а что?

— Покажите.

— Какой любопытный. Купи и смотри.

— Вы что, больной?

— А вы что, доктор? Так я вас не вызывал.

— Если вы «заяц» — так и скажите!

— Я — заяц? А вы что, волк?

— Я — контролер!

— Что вы говорите? Хорошая профессия. А я — сантехник.

Их разговор прерывается, потому что в вагон влетает мужчина с усиками, похожий на обедневшего Кларка Гейбла. Он влетает и с ходу хватается какую-то женщину за грудь.

— Хам! Мерзавец! Что ты делаешь?

— Ой, извините. Я думал, что уже началась давка.

Да, это сигнал. Скоро начнется час пик, и тогда многое в вагоне переменится. Люди едут с работы усталые, измотанные, в трамвае жара, теснота, часто возникают скандалы. Но даже в этой ситуации одесситы не забывают, что принадлежат к городу юмористов.

— Мужики, — говорит дядька с большим лукошком в руках, — пропустите меня, я с яичками.

— Подумаешь! Тут все с яичками.

— Не, я с куриными.

— А-а!.. Товарищи, пропустите инвалида.

— Женщина, что вы встали, как статуя? Вы можете пройти?

— Куда? Куда мне идти?

— Я что, еще должен назвать то место, куда вам пойти?

Час пик — это время, когда непонятно, что труднее: войти в вагон или из него выйти. Собственно, так происходит во всех городах, просто в Одессе это почему-то выглядит забавнее.

Вот на остановке полная, цветущая женщина в коротеньком платье поднялась на первую ступеньку, а дальше шагнуть не может: мешает очень узкое платье. Она заводит руку за спину и слегка расстегивает сзади «молнию». Но подняться не может, видно, мало расстегнула. Толпа сзади напирает, злится. Тогда она снова чуть расстегивает сзади «молнию». Безрезультатно! И вдруг крепкие мужские руки хватают ее сзади за талию и вносят в вагон.

— Нахал! — возмущается она. — Что вы меня хватаете?

— Милая, — отвечает мужчина. — После того, как вы мне два раза расстегнули ширинку, я думал, что мы друзья.

На передней площадке свои проблемы: как сойти на нужной остановке.

— Гражданин, вы сейчас выходите?

— Да, выхожу.

— А впереди вас?

— Тоже выходят.

— А вы их спрашивали?

— Да-да, спрашивал.

— И что они сказали?

— Знаете что? Идите уже в одно место!

— Что, прямо так и сказали?..

В проходе стоит, как скала, здоровенный мужик из породы биндюжников. Сзади его робко спрашивают:

— Мужчина, вы сейчас выходите?

— Да, выхожу.

— А впереди вас?

— Все выходят! Просто они еще об этом не знают.

Две подружки-одесситки залезли в трамвай — одна с передней площадки, другая — с задней. Поэтому разговаривают они через весь вагон:

— Розя, у тебя есть на что сесть?

- Конечно, есть!
- А чего ты стоишь?
- Так мест же нет!

Всё в жизни кончается, даже часы пик. Вечереет, и как-то незаметно меняется атмосфера в трамвае. Люди едут в театр, в гости, в кино. Все выглядят понаряднее, и разговоры, конечно, более интеллигентные.

- Ой, простите, ради бога! Я вас немножко толкнул.
- Ничего, не страшно.
- Нет, правда, я не умышленно.
- Я понял.
- Просто трамвай на повороте качнуло...
- Слушай, ты, интеллигент! Ты меня оставишь в покое?

— С какой стати вы меня обозвали интеллигентом? Может быть, я такое же хамло, как и вы?

На остановке какой-то мужчина хочет войти в трамвай с передней площадки.

— Мужчина! — говорит водитель в микрофон. — Куда вы лезете?

— А что, нельзя?

— Нельзя! В переднюю дверь можно только с маленькими.

— Как вам нравится, с маленькими? Так что мне, из-за одной остановки себе обрезание сделать?

Две ярко одетые девицы едут на дискотеку и почему-то громко, на весь вагон обсуждают какой-то шампунь.

— Я вчера помыла голову, — орет одна. — Так теперь волосы во все стороны торчат!

— А я гляжу — у тебя волосы торчат! Думаю, почему они торчат?

— Так я вчера голову помыла! Вот они и торчат!

Не снижая громкости разговора, они движутся к выходу, и одна случайно спотыкается о чьи-то вытянутые ноги.

— Ну чего? — орет она. — Чего ты копыта выставил?

— Извините, пожалуйста! Просто я вчера помыл ноги — и они торчат во все стороны.

Одесса! Одесса-мама! Видно, не зря отсюда вышло столько юмористов. Как сказал мне один коренной

одессит: «Конечно, Москва — это первый город, но Одесса, между прочим, тоже не второй!»

Этот город всегда мне напоминал коктейль из самых разных национальностей. Но, как известно, если коктейль всё время разбавлять, он может превратиться в обычную воду. Так происходит и с Одессой, которую в разное время по разным причинам покинули немцы, греки, армяне, евреи... И всё же что-то в атмосфере этого города все равно осталось. Я вхожу сегодня в одесский трамвай, и первое, что я вижу, — это объявление для безбилетников. Никаких угроз, никаких штрафов или административных взысканий. Сказано просто и доходчиво: «Чтоб ты так доехал, как ты заплатил!» Все в порядке: Одесса еще жива. Счастливого пути тебе, одесский трамвай, — визитная карточка этого солнечного города!

Коммерсанты

(Из программы гастролей по
Соединенным Штатам Америки)

Каждый еврей в душе — немножко

раввин и немножко банкир. И в противоборстве двух этих начал проходит вся его жизнь. Причем банкиру время от времени хочется помолиться, а раввину время от времени хочется немножко заработать.

Кстати, когда другие народы обвиняют нас в увлечении коммерцией, то это одновременно и правда, и ложь. С одной стороны — конечно, такое увлечение имеется, но с другой — там, где все остальные проходят мимо, еврей останавливается и видит, что тут можно заработать пару копеек.

Я всегда помню классический пример коммерции, который приводил мне мой папа еще в шестидесятых годах. Он рассказывал:

— В поезде едут трое: англичанин, китаец и еврей. Проводник принес чай, и так случилось, что каждому в стакан попала муха. Что сделал англичанин?.. Он выбросил муху и выпил чай. Что сделал китаец?.. Он съел муху, а чай вылил. Что сделал еврей?.. Он сделал гешефт: продал англичанину чай, а китайцу — муху.

Так что, разве это преступление? Нет, это то, что сейчас называется «знание рыночной конъюнктуры». Об этой конъюнктуре написаны тысячи книг, горы исследований. Но самое интересное, что наши российские евреи, которые этих книг в жизни не видели, всё равно чувствуют эту конъюнктуру лучше других, потому что это чувство у них врожденное. Вот вам типичный современный пример.

— Гуревич, что-то вас давно не видно. Чем занимаетесь?

— Немножко торгую на базаре.

— Да?.. А что продаете?

— Продаю говно.

— Что?!

— Вы что, плохо слышите? Говно.

— Но кто же это купит?

— Кому нужны плохие анализы в военкомат, тот купит.

Опять рыночная конъюнктура. Человек знает, что люди не хотят идти в армию, и на этом делает свой маленький бизнес. А если бы он знал, что люди, наоборот, рвутся в армию — он бы продавал на базаре то же самое, но уже хорошего качества.

Мне недавно попала в руки книга, где рассказывалось о самых удивительных сделках века. О том, как какой-то канадец продал партию холодильников эскимосам, француз — две тонны песка в пустыню Сахара и тому подобное. Но, по-моему, все они меркнут перед портным Гершензоном из Бердичева, который сумел продать черный костюм для покойника с запасной парой брюк. Представляете, какой дар убеждения, если он сумел убедить родственников умершего, тоже хитроумных евреев, что покойному эта лишняя пара штанов может еще там пригодиться!

Вообще, портной, тут я должен отвлечься, — это чистая еврейская профессия! Здесь надо уметь не столько шить, сколько убедить клиента, что вещь пошита хорошо. Я помню, в Одессе был портной с типичной фамилией Зингер. Он был брючник. Шил он, в общем, неплохо, но что-то у него всегда было с размерами: брюки были либо короткие, либо длинные. Но он всегда так умел их примерить, что клиент уходил от него довольный. Пока он не нарвался на моего дядю Леву, который тоже был тот еще перчик! Зингер надел на него брюки и, видя, что они чересчур длинны, стал их подтягивать выше, выше, насколько это было возможно.

— Ну?— сказал он, наконец.— Как сидят брюки? Класс!

— Сидят хорошо,— согласился дядя.— Только они мне уже немножко жмут под мышками.

— Я вас уверяю...

— Короче, Зингер!— сказал дядя.— Не крутите мне то, что русские кушают на Пасху! Или пошейте мне новые, или найдите для этих штанов другого еврея.

И портной сдался, потому что любой коммерсант должен уметь проигрывать. Таков закон свободного рынка. Мой школьный друг, который работал в крупной страховой компании, рассказал мне такую историю. К ним позвонила какая-то пожилая еврейка и говорит:

— Вы знаете, у меня полгода назад умер муж.

— Мы вам сочувствуем. И что?

— Я сейчас разбирала его бумаги и нашла страховой полис на случай смерти от пожара. Так вот, я хочу узнать, когда я могу получить эти деньги?

— Извините, а что, ваш муж умер в результате пожара?

— Нет, он умер от грыжи, но потом я его кремировала. А разве кремация — это не пожар?

Конечно, она ни копейки не получила. И не только потому, что ее претензии были необоснованны, а потому еще, что в страховых компаниях сидят такие жулики, что нам с ними рядом нечего делать.

Поэтому всякий раз, когда наши люди одерживают верх в борьбе со страховыми компаниями или крупными банками, у меня в душе всегда возникает законное чувство гордости. Особенно, если эта победа одержана остроумно.

Недавно мне позвонил старый друг, который сейчас живет в Швейцарии, и рассказал такую историю. В Цюрих каждый год приезжает один еврей из Москвы. У него какие-то торговые дела со швейцарскими поставщиками. Он даже себе купил там «Мерседес», чтобы ездить по делам по Европе. Так вот, заходит этот парень в Цюрихе в крупный банк и говорит:

— Я извиняюсь, под какой процент вы даете кредиты?

— Восемь процентов годовых.

— Очень хорошо. Я бы хотел у вас взять кредит в сто долларов.

— Извините, сколько?!

— Сто долларов.

— Вы шутите? Такую сумму вы можете снять с кредитной карты.

— Видите ли, я живу в России, у меня нет кредитной карты.

— А что, у вас есть счет в нашем банке?

— Нет, счета тоже нет. Просто мне срочно нужны сто долларов. Я завтра уезжаю.

— Извините, ради бога, конечно, сто долларов — сумма небольшая, но где гарантия, что мы вас еще раз увидим? Может, у вас здесь есть какое-то предприятие?

— К сожалению, нет.

— Может, есть недвижимость?

— Нет, у меня только «Мерседес».

— У вас есть собственный «Мерседес»? Здесь, в Швейцарии?

— Конечно! Вон он, перед банком стоит. Может, вы мне дадите эти сто долларов, а я вам оставлю машину, ключи, все документы. По-моему, достаточная гарантия.

— Более чем! Просто такой удивительный случай. Но если вы желаете...

Короче, они ему выдали в кредит эти сто долларов, взяли техпаспорт, ключи, и он уехал. Через год он снова в Цюрихе, заходит в этот банк.

— Здравствуйте! Это я. Вот, возвращаю сто долларов плюс еще восемь долларов годовых. Могу я получить свои документы и ключи?

— Конечно! Безусловно! Но, если вас не затруднит, зайдите, пожалуйста, к нашему директору. Он очень хотел с вами познакомиться.

Он заходит к директору, тоже еврей, только швейцарскому. Тот вынул изо рта сигару и говорит:

— Дорогой мой! Я уже тридцать лет директор банка, видел всякие трюки, но с таким встречаюсь впервые. Вы взяли у нас сто долларов, через год вернули сто восемь. В чем хохма?

— Никакой хохмы нет. Просто сами подумайте, где бы я еще мог за восемь долларов найти годовую стоянку для своего «Мерседеса»?

Да, господа, когда встречаешься с такими примерами человеческого гения, хочется снять шляпу. Ведь

еврею приятно не просто заработать, а заработать красиво. И всё потому, что, как я уже говорил, в каждом из нас сидит немножко банкир и немножко раввин. Правда, между собой они встречаются очень редко. Разве что в примерах еврейского юмора.

«Богатый банкир спрашивает раввина:

— Ребе, скажите мне так, гипотетически: вот если бы, к примеру, вы могли бы выбирать. Что бы вы хотели иметь: пять миллионов долларов или пять дочерей?

— Пять дочерей.

— Почему?

— Потому что сейчас у меня их восемь».

Как видите, ребе тоже умеет считать, потому что в душе он все-таки немножко коммерсант. Я с таким восторгом об этом говорю, потому что сам, к сожалению, этого таланта лишен. Но, может, это не беда. Я всегда вспоминаю слова одного еврейского философа: «Мои родители мечтали, чтобы я пошел по коммерческой линии. Но с годами я понял, что для коммерции нужен настоящий талант. Но, если уж Бог дал тебе настоящий талант, то жалко его тратить на такую вещь, как коммерция!»

У каждого из нас в той прошлой,

советской жизни осталось место, с которым связаны самые лучшие воспоминания. Иногда это город, где ты родился и вырос, иногда — это место, где встретил свою первую любовь или самого главного в своей жизни друга. Лично для меня таким городом, где мне было удивительно хорошо и так безоглядно счастливо, как может быть только в молодости, был Тбилиси.

Причин для этого много: там было всегда тепло и солнечно, удивительно вкусная еда и вино, по-настоящему теплые люди... Но, самое главное, наверное, связано с моей профессией: никогда, ни до, ни после, я не встречал места, где бы так умели ценить остроумие, как в Грузии. Когда на их глазах рождается шутка, они радостно и удивленно переглядываются и восторженно прищелкивают пальцами: «Вах! Как сказал!»

Я помню свое первое выступление в зале Тбилисской филармонии. Мы приехали туда целой компанией «КЛУБА 12 СТУЛЬЕВ» «Литературной газеты», тогда еще очень популярного. К этим гастролям я специально написал монолог от лица грузина. Он назывался «Вороньи яйца». И, надо сказать, ужасно боялся читать его в Тбилиси. Нет, конечно, этот номер был целиком за грузин, но вдруг они обидятся на мой грузинский акцент. Ну, не нравится же нам, когда какой-нибудь артист неумело рассказывает еврейские анекдоты, типа «Абхам пхиходит к Сахе...»

Короче, я собрал своих грузинских друзей и прочитал им этот номер о том, как у нас даже в словах один народ не хочет понимать другого. Не буду его вам целиком повторять, процитирую лишь отрывочек, чтоб вы

поняли, о чем идет речь. В нем грузин рассказывает дома, как он жил в Москве, в гостинице.

«Утром в гостинице захожу буфет, говорю:

— Девушка, сделай мне вароньи яйца.

Она говорит:

— Что тебе сделать?

— Ты что, плохо по-русски понимаешь? Обыкновенные вароньи яйца.

— Нет! Нет у нас вороны яйца!

— Слушай, как это нет? Горячей воды в номерах нет, занавески на окнах нет, вароньи яйца тоже нет?

— Нет, понимаешь, нет!

— А какие есть?

— Куриные, вот какие!

— А я тебя что прошу? Куриные вароньи яйца.

Она говорит:

— Я тебе что, Мичурин, курицу с вороной скрещивать?

— Слушай, не надо скрещивать. Сделай просто вароньи.

— Ой, мама, меня сейчас удар хватит! Что ты хочешь, упрямый человек?

— Я хочу, чтобы ты взял два яйца, положил кастрюлька, вскипятил, и тогда сырые яйца станут вароньи, понимаешь, вароньи!

Веришь — нет, два часа сидел, чтобы покушать обыкновенные вароньи яйца!»

Друзья внимательно выслушали весь текст, и один из них, Темурчик, сказал:

— Аркадий, геноцвале, читай этот рассказ спокойно. У нас в Грузии столько разных областей: Менгрелия, Кахетия, Аджария. На твой акцент каждый подумает, что речь идет о другом!

Вечером я впервые исполнил этот номер, и его приняли выше всяких ожиданий. Кстати, потом этот монолог еще долго жил на эстраде в исполнении Геннадия Хазанова.

Между прочим, это сочетание слов «вароньи яйца» придумал не я. Я их случайно услышал в Сухуми на базаре, где старик-грузин, заложив пальцы за кушак, громко рекламировал свой товар: «Вино! Вино! Вароньи яйца!» Такой статный старик, весь в черном, с се-

дыми усами, красивый, какими бывают старики только на Кавказе (где так уважают старость). Я подошел к нему и спросил:

— Батоно! Вот вы, наверное, хорошо разбираетесь в вине. Скажите, какое вино полезней: белое или красное?

— Конечно, красное, сынок.

— Почему?

— Ты сам подумай. Вот пьешь белый вино, писаешь чем? Белым. Правильно?

— Вроде, да.

— А пьешь красный вино, писаешь чем? Тоже белым. Значит, что-то в организме остается!

И вот это сочетание полной серьезности и абсолютного наива так всегда подкупали меня в этих людях. Строго говоря, это вообще дети. Добродушные, хвастливые, вспыхивающие из-за пустяков и при этом всё быстро забывающие. Они, кстати, сами знают за собой все эти свойства и так показывают себя в своих прелестных фильмах, спектаклях, книгах. Они даже анекдоты про себя сочиняют такие же наивно-детские:

«Один грузин решил послать маме свою фотографию. Пригласил фотографа и говорит:

— Уважаемый! Давай я встану вон за то дерево, а ты меня снимешь.

— Слушай, что говоришь! Как за дерево? Тебя же на фото не будет видно.

— Ай, как не понимаешь! Вот мама получит это фото, посмотрит и скажет: «А где же мой Гиви?» Тут я выхожу из-за дерева и говорю: «Мама! Вот он я!»

Или такой анекдот:

«В купе поезда среди других пассажиров едет пожилой грузин. Время от времени он принимает какие-то таблетки и каждый раз после этого громко делает вот так: «Пи-пи-пи!» Раз сделал, другой, на третий раз один пассажир ему говорит:

— Послушайте, а почему вы каждый раз, когда принимаете таблетку, сразу начинаете пищать?

— Дорогой, ты грамотный? Посмотри, что на коробочке с таблетками написано: «Принимай. После пищи!»

Ну ладно, это анекдоты. А разве то, что происходит с ними в жизни, сильно отличается от анекдота?..

Я помню, в Москву из Сухуми приехал мой знакомый Омик. Звонит мне:

— Аркадий, слушай, пойдем со мной на выставку фараонов?

— Каких еще фараонов?

— Что, не знаешь?.. Нехорошо! Из Египта привезли. Уже две недели у вас идет.

Я говорю:

— Слушай, а на черта тебе эти фараоны?

— Ай, как плохо сказал! Культурный человек должен всё видеть.

Пришлось пойти с ним в Пушкинский музей на эту выставку. Пристроились с ним к какой-то экскурсии, слушаем. Экскурсовод говорит:

— Товарищи! Это перед вами жена фараона... Это сын фараона... Это брат... А вот это мумия фараона.

Тут мой Омик вылезает из-за чьей-то спины и спрашивает:

— Я извиняюсь, а мумия — она кем фараону приходится?

Я потом еще долго дразнил его по телефону:

— Дорогой, скажите: вот в Мавзолее мумия лежит. Она кем Ленину приходится?..

Но, надо сказать, что хохотал он вместе со мной. Удивительные люди: из-за пустяка они могут схватиться за кинжал и простить тебе гораздо более серьезные вещи, если чувствуют, что ты их любишь. А как их можно не любить, когда они такие смешные?

Русский драматический театр в Тбилиси, который играл мою детскую пьесу «Происшествие в стране Мульти-Пульти», узнав, что я в Тбилиси, пригласил меня на спектакль. В тот день шло юбилейное представление, какой-то двухсотый или трехсотый спектакль «Красной Шапочки». Во всех театрах, когда число спектаклей переваливает за сотню, актерам становится скучно и они начинают импровизировать на сцене и разыгрывать друг друга. То же самое произошло в этот день. Думаю, они это устроили специально для меня. В классической сцене, где Шапочка приходит к бабушке, а там в постели лежит Серый Волк в чепчике. Диалог помню, как сейчас:

— Бабушка, а почему у тебя такие балшые глаза?

— Чтоби лучше тебя видеть, внученка!

— Бабушка, а почему у тебя такие балшые уши?

— Чтоб лучше слышать тебя, внученка!

Дальше должен следовать классический вопрос: почему у тебя такие большие зубы, но зловредная внучка решила в этот день похулиганить.

— Бабушка, — спросила она, — а почему у тебя такой балшой нос?

Я вижу — Волк, он же Бабушка, растерянно молчит.

— Ну, бабушка, — нахально повторяет внучка, — почему у тебя такой балшой нос?

— Слушай, внучка, ты на свой посмотри!

Самое смешное, что никто из детей не обратил внимания на эту отсебятину, один лишь я еще долго хохотал в директорской ложе.

Что еще меня поражает в Грузии, так это культура застолья. Конечно, для народа, который треть жизнь проводит за столом, — это неудивительно. Но приезжего всегда поражает то, как красиво они пьют, как они поют на разные голоса и, особенно, как они говорят тосты. Это не идет ни в какое сравнение с нашими скудными российскими речами, типа: «Ну, со свиданьицем!», «Ну, поехали!» или «Ну, за всё хорошее!». Там этого просто не может быть. Это позор — такая скудость речи! Вот для сравнения: у нас часто на дне рождения говорят: «Желаю тебе дожить до ста лет!» Женя Петросян еще в годы застоя был у своего друга, тбилисского армянина, на 60-летию. И вот как там прозвучал тост на ту же тему:

— Дорогой! Тебе сегодня исполнилось 60. Так вот, мы все хотим через 40 лет присутствовать на партийном собрании, где бы обсуждалось твое аморальное поведение!

Вот это, я понимаю, тост! Помню, однажды, когда было уже за полночь и все темы для тостов давно исчерпаны, вдруг поднялся хозяин с бокалом и сказал:

— Давайте выпьем за то, чтобы все мы шли по улице поздно ночью и на всех нас вдруг напали деньги. И чтоб мы не сумели от них отбиться!

Здесь, в эмиграции, собрались люди из самых разных частей Союза. И почти каждый может рассказать,

как его обижали на Украине, в Белоруссии или Казахстане. Но я никогда не слышал, чтобы евреи жаловались на антисемитизм в Грузии. В Израиле, где поселилось немало грузинских евреев, я присутствовал на свадьбе. И тамада с типичной еврейской фамилией Валиашвили первый тост поднял за Грузию.

— Ведь Грузия, — сказал он, — это наша мать!

— Батоно, — спросил я тихо, — а кто же тогда Израиль?

— Израиль — это наш отец

— А кто же тогда Советский Союз?

— Советский Союз — это наш бедный родственник, которому сколько ни дай — всё равно мало!

Я давно уже не был в своей любимой Грузии, но слышу со всех сторон, что Грузия уже не та. Я не могу с этим согласиться. Наверное, время не то, возможно, не та дорога, по которой они пошли, вероятно, не те люди ведут их по этой дороге, но народ, который создавался тысячелетиями, не может так быстро измениться.

Я уверен, что мы еще сядем все вместе за одним столом, поднимем бокалы красного вина, которое, как вы теперь знаете, полезней белого, и скажем традиционный грузинский тост:

— Дорогие мои! Давайте выпьем за нас с вами и за хрен с ними!

Старинная русская пословица

гласит: хорошо там, где нас нет. Думаю, что на сегодняшний день эта пословица безнадежно устарела, ибо таких мест, где нас нет, практически не осталось. От Канады до Австралии и от Дальнего Востока до Ближнего сегодня поселились русские евреи.

Кто мог знать, кто мог предвидеть, что в России еврей превратится в экспортный товар? Что люди будут мечтать о браке с евреем или еврейкой?

Мои московские друзья прислали мне объявление какой-то девушки из брачной газеты. Скорее даже не объявление, а крик души: «Выйду замуж за еврея любой национальности!» По грамматике, конечно, неправильно, но по смыслу очень понятно.

Конечно, всё это временно. Мир нам еще припомнит, он нам не простит, что у нас была возможность не просто уехать, а еще выбирать куда... Но пока, пока гуляет наше еврейское казачество по странам и континентам. И где-нибудь в далеком Сиднее сидит семья Гуревичей за тульским пузатым самоваром, попивает чаек из вывезенной гжельской посуды и напевает слегка измененный старинный романс «У самовара я и мой Абраша».

Что поделаешь: все свои русские привычки мы вывезли с собой! Говорим тосты там, где их говорить не принято; одалживаем деньги там, где их никто, кроме нас, не одалживает, и в сорокаградусную израильскую жару разливаем по стаканам «Столичную» со словами «что-то стало холодать».

В одном американском журнале я прочел, что из всей эмиграции последней волны самой успешной ока-

залась волна русских евреев. И я этому не удивляюсь: после советской жизни нам всё по плечу.

Возьмите хотя бы английский язык. Как все наших пугали: это очень трудно, вы никогда не сможете на нем говорить! И что? Разве у нас есть проблема говорить по-английски?.. Нет проблемы! Это у американцев есть проблема: понять, что мы сказали. Так это их проблема, пусть они и мучаются.

Когда раньше мы были бедными туристами из Советского Союза, никто и не хотел понимать, что мы там лопочем. Но сегодня времена изменились. И вот вам живой пример.

В Лос-Анджелесе, в шикарном отеле в Беверли-Хиллс, поселился наш соотечественник, как их сейчас называют, «новый русский». Звонит он в бюро обслуживания и говорит:

— Плиз. Ту-ти ту-ту-ту!

Они говорят:

— Сорри?

— Чего сорри? Я же ясно сказал: ту-ти ту-ту-ту!

Представляете ситуацию: шикарный отель, пять звезд, клиент хочет — надо выполнять. Но чего он хочет?.. Сразу забежали, стали искать того, кто понимает русский язык. К счастью, нашли. Прямо тут же в отеле, в ресторане. Наш человек, всего полгода как эмигрировал, работает на мойке посуды. Они говорят:

— Сэр, помогите! Тут ваш соотечественник, так сказать, кантрифеллоу, что-то на русском просит.

— А что просит?

— Да вот, говорит: «Ту-ти ту-ту-ту».

— А-а! Так это не на русском. Это он на английском заказ делает.

— Какой заказ?

— Очень простой. Ту-ти — это два чая. Ту-ту-ту — номер двести двадцать два.

Так что, если сильно захотеть, они наш английский всегда поймут! А кстати, кто-нибудь из иностранцев смог по-настоящему выучить наш русский язык?.. Никто и никогда! Один мой знакомый американец, который учил русский язык пять лет в университете, три года стажировался в России и еще, думаю, лет де-

сять проработал в ЦРУ, говорил мне буквально со слезами на глазах:

— Аркадий, я ничего не могу понять! Скажи, вот меховая шапка, она называется песец — это я понимаю. Шуба из этого зверя тоже называется песец. Это я еще тоже понимаю. Но вот человек попал под машину, подходит милиционер и говорит: «Всё, песец!» Как это можно понять? Не понимаю!

И не поймет никогда! Потому что нет в нем нашей жизненной закваски, которая позволяет всё хватать на лету. Возьмите, например, американскую цивилизацию. Она ведь создавалась десятилетиями. А наши ее освоили за пару недель. Как говорил мне один еврей на Брайтоне:

— Подумаешь, они изобрели детектор лжи! Да я на этом детекторе уже женат двадцать лет. И его зовут Циля Моисеевна!

А вспомните, как еще 20 лет назад наших эмигрантов спрашивали, знают ли они, что такое телевизор? И удивлялись, что они еще до Америки видели холодильник. А сегодня?.. Наши уже давно освоились со всеми компьютерами, мобиллями и пейджерами. И если надо, могут послать любого и просто так, и по факсу. Я уж не говорю про такие привычные мелочи, как свиминг пул или джакузи.

Кстати, насчет джакузи. Когда я первый раз приехал в Америку в самом начале перестройки, я этого слова даже не знал. Жена моего племянника в Балтиморе спросила:

— Дядя, вы хотите с дороги джакузи?.. Я налью.

Поскольку я решил, что джакузи — это что-то итальянское, типа мартини или чинзано, то сказал:

— С удовольствием! Только чуть-чуть, я днем пить не привык.

Ночью я слышал из спальни племянника свистящий шепот его жены:

— Слушай, этот твой дядя, он что, немножко мешиге?

— Почему?

— А почему он хочет пить воду из нашего джакузи? Что ему, плохо из холодильника?

Нет, теперь-то я знаю, что это такое, но тогда, в первый раз, меня многое удивляло. Например, в Лос-Анджелесе — почему многие наши евреи ходят с такими высокими гипсовыми ошейниками, поддерживающими голову. Я спросил у своего приятеля. Он говорит:

— Это им врач велел. После аксидента.

— После кого?

— Ну, после столкновения машин.

— А зачем?

— Так лучше для иншуренса.

— Для кого?

— Для страховки.

— Почему?

— Слушай, что ты пристал: зачем, почему?.. Ты вообще знаешь, что такое еврейское дорожно-транспортное происшествие?.. Это когда снаружи машина совсем не пострадала, но внутри все получили очень серьезные травмы.

Конечно, эмиграция — состояние особое. И как бы хорошо ни прижились люди на новом месте, все равно нелегко, особенно во второй половине жизни, всё начинать сначала. Совсем еще недавно, когда в России не произошел обвал рубля, многие наши друзья говорили при встрече:

— Ребята, зря вы уезжали! У нас теперь и квартиры получше, и рестораны покруче, и заработки поглавней.

Я не хочу ни с кем спорить, каждый сам себе выбирает судьбу. Но вместо ответа хочу рассказать одну историю.

Один «новый русский», разбогатевший в своем городке Урюпинске, приехал в Америку, к своему другу-еврею, покинувшему Россию четверть века назад.

Тот тоже сколотил в Штатах приличное состояние и принял своего друга на шикарной вилле. Выпили, посидели, поболтали — урюпинский друг захотел в туалет. Дергал-дергал дверь, она не открывается.

— Ты сначала свет зажги, — говорит хозяин, — а то не откроется.

Друг зажег свет, справил нужду, хочет выйти — дверь не открывается.

— Тут блокировка! — кричит хозяин. — Пока воду не спустишь — дверь не откроется.

И так это чудо техники поразило гостя, что он купил себе такой же чудо-сортир, упаковал в ящики, заплатил кучу денег за перевес, но вывез в Россию. Через год американец оказался по делам в России и заехал в Урюпинск, повидать своего друга. Спрашивает:

— Где мой друг Вася?

А ему отвечают:

— Нет его. В дурдоме он.

— Как?! С чего это вдруг?

— Да всё из-за этого туалета проклятого!

— Почему?

— Да потому! У нас же в Урюпинске то света нет, то воды.

Так что, когда друзья из России снова будут рассказывать, как там хорошо, пожалуйста, вспомните эту историю.

И еще одно. Сегодня, когда эмиграция стала таким обычным делом, хочется вспомнить тех первых евреев, которые в 70-х годах пробивали собственными головами дырку в железном занавесе. Сколько печального, сколько трагического и в то же время смешного происходило в то уже далекое время.

Когда в 73-м году мой дядя Эмиль уезжал с семьей в Израиль, отец сказал ему на прощанье:

— Миля! Ты всю жизнь был вруном и фасонщиком. Но теперь поговорим серьезно. Когда приедешь на место, напиши честно, как там. И не забудь: все письма оттуда эти газлоним из КГБ читают внимательно. Поэтому про отъезды ни слова! Пиши только про погоду и про здоровье. Но где-нибудь между прочим вставь фразу, что у тебя болят мозоли. Это будет твой сигнал — и мы все поймем, что надо ехать.

Через пару месяцев нам пришло письмо из Израиля примерно такого содержания:

«Дорогой Иосиф! Вот мы и в Иерусалиме. И рад тебе сообщить, что у всех у нас сильно болят мозоли. Встретили нас, как родных. Обнимали так, что у меня заболели мозоли. Погода здесь великолепная, много гуляем, так что у всех сильно болят мозоли. Словом, Иосиф,

не сомневайся, приезжай скорей — и у тебя заболят мозоли еще сильнее, чем у нас!»

В этом коротеньком письме про мозоли было сказано раз пятнадцать и, я думаю, даже самый бездарный кэзбэшник понял, что это сигнал. А отец отложил письмо в сторону и сказал:

— Я не понял: это хохма или это всерьез? Если у Мили и правда так болят мозоли, что я поеду? Я что, ортопед?

И мы не поехали, как не поехали тогда сотни других. Одних не пустила советская власть, других — страх перед неизвестностью, третьих — боязнь потерять то, что нажил за долгие годы. А сегодня едут и ничего не боятся, разбредаются люди по свету в надежде отыскать свой маленький кусочек счастья.

Хотя кто точно может сказать, что такое счастье и что такое несчастье. Пожалуй, точнее всех это знал мой дедушка. Он говорил:

— Что такое счастье? Счастье — это жить в Советской стране! А что такое несчастье? Несчастье — это иметь такое счастье!

А пока снова взлетают в небо самолеты и отходят от платформы поезда. Уезжают из страны мои зрители, покидают ее мои слушатели. Делится на две части моя публика. Дай бог удачи и тем, кто уезжает, и тем, кто остается. Дай бог счастья всем, кто даже в Бога не верит.

А писатель может быть счастлив только со своей публикой, где бы она ни жила. Я рад, что мы снова вместе. Здравствуйте, дорогие мои друзья!

Соломон Маркович рассказывает

Куда ехать?..

Меня друзья часто спрашивают:

— Соломон, почему ты не уезжаешь?.. Или ты думаешь, что здесь будет лучше?

— Ребята, я не такой дурак! Что здесь плохо, ясно каждому. Но вы мне скажите, где хорошо?

Между прочим, одна мысль, что на старости лет надо учить иностранный язык, просто сводит с ума. Вот у меня дружок Яша сорок лет прожил в Латвии. Конечно, сам виноват, всю жизнь не учил язык, а теперь надо подавать на гражданство. Так он в 70 лет начал изучать латышский. Я ему недавно звоню в Ригу:

— Яшка, как дела?

— Слава богу, потихоньку.

— Как с латышским языком?

— Ничего, осваиваю.

— Да?.. Ну, скажи что-нибудь по-латышски.

— А что сказать?

— Всё равно, что-нибудь.

Он минуты две сопел, кряхтел, а потом говорит:

— Лайма Вайкуле!

Я говорю:

— Всё ясно! Будь здоров! Привет Раймонду Паулсу.

Так это еще латышский! А если это иврит? Можно же вообще поехать умом. Причем поехать справа налево. Нет, серьезно, вы представьте для начала, что вам надо говорить по-русски справа налево. Знаете, как тогда, например, будет звучать слово «электрификация»? Яйца кефирткэлэ!.. А что такое «овт срет синим»?.. Не знаете? Это «министерство»!

Но дело, конечно, не в языке и даже не в возрасте. Главный и основной вопрос — куда ехать?.. Вот я вам сейчас разложу пасьянс, а вы смотрите...

Конечно, первая страна — это Израиль. Я вообще считаю, что все евреи должны жить в Израиле. Правда, по очереди. Чтоб не сильно уставать друг от друга. Нет, честно, чем мне нравится Израиль? Там евреи не так бросаются в глаза. Конечно, мне могут сказать, что там опасно. Но, между прочим, быть евреем — это вообще очень опасное занятие. Зато это единственная страна на свете, где мне никто не посмеет сказать, что я — еврей. Потому что мне там все скажут, что я русский.

Кстати, я их понимаю. Туда, и правда, перебралось немало настоящих русских. Вон у нас в соседнем подъезде уехала семья из восьми человек. Так, представляете, еврейка там одна бабушка. Маленькая седая старушка вывезла на себе семерых русских. Просто сказочная история: «Белоснежка и семь гоев»!

Вообще, интересно устроен этот мир. Если здесь нас делят по национальностям, то там, в Израиле, они придумали другие деления. Все они там сабры, сефарды, ашкенази. Например, если вы приехали только что — так вы алим, а если уже прожили там лет 10, то вы уже ватики. И не дай бог вам перепутать!

Племянница в Хайфе устроила обед в мою честь. Так одна пара была такая важная, такая гордая, прямо а ганце я тебе дам! Я отвел племянницу в сторону:

— Клавочка, а что эти двое такие важные?

— Как, дядя? Они же ватики!

— Ну?..

— Что, ну? Они ватики!

— Ну, ватики! Так что они, представители Ватикана?.. Между прочим, я видел по телевизору папу римского, так он держался скромней.

Ну, что еще сказать про Израиль?.. С работой дела тоже обстоят неважно, хотя многие наши, конечно, преувеличивают. Мне племянница говорит:

— Знаешь, дядя, тут наши инженеры метут улицу.

— Слушай, хватит! Мне уже надоели эти разговоры! Покажи мне, наконец, эту улицу, которую метут наши инженеры.

Приехали, посмотрели, поспрашивали людей — оказалось вранье! Никакие наши инженеры эту улицу не метут. Ее метут наши врачи. Так что не надо преувеличивать!

Хотя я все равно в Израиль не поеду. Главным образом, из-за климата. Там жуткая жара! 50 градусов в тени! Причем этой тени не найдешь днем с огнем!

Ну, хорошо, если не Израиль, то что дальше?.. Дальше — Америка. Хотя в эту страну я тоже не поеду. Во-первых, там жуткий расизм. Негры делают с белыми всё, что хотят. Потому что сегодня главные люди в Америке — это негры. Вернее, извините, они не негры. Не дай бог их так назвать! Помню, первый раз в Америке я говорю брату:

— Арон! Смотри, какой здоровый негр.

— Тс-с! Тише! Ты что, с ума сошел? Тут нельзя говорить «негр». Надо говорить «черный».

— А что, разве я сказал, что он белый?

— Не спорь! Делай, что тебе говорят.

— Хорошо, черный так черный. Пусть будет шварц, если ему так хочется.

В прошлом году снова приехал в Нью-Йорк. Идем с братом по улице. Я говорю:

— Арон! Смотри, какой симпатичный черный.

— Тс-с! Тихо! Нельзя говорить «черный».

— И это нельзя?.. А как теперь?

— Надо говорить «афроамериканец».

— Как?!

— Афроамериканец.

— Ладно, хорошо, пусть будет афроамериканец. Но пусть тогда и он меня называет не еврей, а иудео-малланец!

Но черные — это еще полбеда. Главное, на чем свихнулась Америка, это на женской эмансипации. Наверное, я старомодный человек, но я считаю, что женщина — это женщина! Даже в 50, когда она идет по улице, а мужики смотрят ей вслед, так ей приятно. Везде, но только не в Америке. Там, если ты скажешь, что у нее хороший цвет лица, так можешь получить пару лет за сексуальные домогательства. Сумасшедшая страна и сумасшедшие бабы!

Обо всем этом меня предупредил брат, потому что в тот вечер у него должна была быть «парти», или, по-нашему, а ля фуршет. Азохн вей, что это за парти! Стола нет, присесть негде, никто не скажет пару слов за хозяйку, все разбрелись по углам и накладывают еду на тарелку. Между прочим, еврей — не лошадь, он не умеет есть стоя. Но речь не о нас, а о женском равноправии. Только начался вечер, брат подводит ко мне дамочку:

— Вот, миссис Лифштейн желает с тобой познакомиться.

Так вот, эта миссис уже лет двадцать из Союза, но делает вид, что она настоящая американка. Даже говорит с акцентом:

— Когда я жила ин Раша, всё было кошмарно! А здесь, ин Юнайтед Стейтс, я другой человек. Посмотрите, как я выгляжу!

— Потрясающе! Хоть сейчас в Голливуд.

Вижу, брат за ее спиной мне делает глазом: мол, кончай с комплиментами, а то нарвешься.

— Да, — говорю, — хоть сейчас в Голливуд. Можете там сниматься в фильмах ужаса без грима.

Тут она сразу весь русский вспомнила и от меня отвалила. Другая подошла, улыбается во весь рот, зубы демонстрирует. Я ей говорю:

— Какие у вас прекрасные зубы!

— Правда?.. Это наследство от моей мамы.

— Надо же, от мамы! А подошли вам точь-в-точь.

У третьей бабы платье похвалил из какого-то модного дома. Она говорит:

— Это мне муж подарил к 40-летию.

— Смотрите, — говорю, — сколько лет прошло, а оно как новое!

Короче, про сексуальные домогательства все сразу забыли. К концу вечера все американки во мне разочаровались так же, как и я в Америке. Но на ней свет клином не сошелся. Можно еще куда-нибудь эмигрировать. Например, в Австралию. Я там, правда, не был, врать не буду, но в австралийском посольстве я был, интересовался насчет эмиграции. Они мне выдали вот такую анкету и говорят, что надо

набрать не меньше ста очков. То есть иметь молодой возраст, хорошее здоровье, нужную профессию и прекрасный английский. Тогда у вас есть шансы. Я им говорю:

— Бояре! Если бы у меня всё это было, так на кой хрен мне ваша Австралия? Я бы и здесь хорошо жил.

Но скажу еще раз: там я не был, определенно судить не могу. Знаю только, что раньше это было место, куда ссылали каторжников и где их строго охраняли. Так что эту страну населяют дети, родившиеся от браков каторжников с охранниками. В основном знаю всё из письма, которое мне прислал школьный друг Абраша. Вот я вам прочту:

«Здравствуй, дорогой Соломончик! Вот я и в Австралии. И мне хорошо, мне так хорошо, что так мне, дураку, и надо!

Хотя страна очень красивая, ничего не могу сказать. Здесь всё есть: бары с выпивкой для меня, редкие животные для моих детей, теплое море для моей жены и акулы для ее мамочки. Еще тут есть аборигены, которые раскрашивают себе лица и кидают бумеранг. Ты, конечно, не знаешь, что такое бумеранг. Как бы тебе объяснить... Помнишь Илюшку Раскина, который 10 раз бросал свою жену, а она к нему всегда возвращалась? Так вот, она и есть этот бумеранг.

В гости тебя не зову, потому что билет сюда стоит столько, что если у тебя есть такие деньги, то ты прекрасно проживешь и там. А на кенгуру можешь посмотреть в зоопарке.

На этом писать заканчиваю. Крепко тебя обнимаю и шлю привет от многочисленных австралийских овец, а также баранов, которые приехали сюда искать счастья!»

Ну, с Австралией покончили. Что у нас остается?.. Германия. Тут наши евреи делятся на две части. Одни говорят, что мы не должны там жить после того, что они с нами натворили. Другие — наоборот: говорят, что надо мстить: ехать туда и брать всё, что можно и что нельзя тоже. Этих я называю «неуловимые мстители». Они себе делают такие бумаги, по которым немцы им платят за Вторую мировую войну, за Первую

мировую и еще немножко доплачивают за русско-японскую 1905 года.

Немцы уже от них бегают, прячутся, но наши им площади не дают. Моя двоюродная сестра в Кельне сейчас оформляет бумаги. Говорит:

— Эти сволочи сожгли мой дом во время войны.

Я спрашиваю:

— Дора! А где ты жила во время войны?

— Что, ты не знаешь?.. В Свердловске.

— Так там же не было немцев.

— Ну и что? Это же такие бандиты: даже не были, а всё сожгли!

И, можете мне поверить, она с них получит все деньги за дом, включая мебель. Потому что немцев, может быть, я не знаю, но я хорошо знаю свою сестру.

Вот так посмотришь на этот мир — и непонятно куда ехать. Ясно одно, что рая на земле нет. Потому что если бы на земле был рай, туда бы сразу кинулись евреи. А как только они бы там поселились, это место сразу бы перестало быть раем.

Поэтому, где бы мы ни оказались, давайте жить и радоваться, пока еще есть силы. Ведь, как говорил мой папа: «Жизнь — это дивный сон. Главное при этом — не просыпаться!»

Век живи — век лечись

Недавно мои дети купили мне путевку в санаторий. Казалось бы, хорошо. Но погодите, это только начало. Сперва мне надо оформить курортную карту, то есть обойти всех врачей и получить их подписи. А тот, кто имел дело с нашей медициной, меня поймет. Как известно, у наших врачей такие знания, что они даже клизму ставят вдвоем: один знает, как ставить, а другой — куда.

Первым делом я пошел в нашу поликлинику, и целую неделю они меня заставляли делать анализы: сдавать кровь, проводить флюорографию и носить баночки со всем моим содержимым. Через неделю выяснилось, что у меня в моче песок, в почках камни, а в легких известь. Словом, если бы я еще нашел немножко глины, я бы начал строить дачу.

Но не в этом дело. Когда я собрал все анализы, я пошел записываться к врачам. Подхожу к окошечку регистратуры и говорю:

— Девушка, будьте добры, запишите меня к врачу.

Она спрашивает:

— К какому?

— Давайте ко всем сразу, чтоб никому не было обидно.

Она говорит:

— Да?.. Может, вас и к гинекологу записать?

Я говорю:

— Милая девушка, не надо иронизировать. Если честно назвать то, где мы все сейчас оказались, то нам всем надо показаться гинекологу, включая парламент и правительство.

Она говорит:

— На сегодня остались талоны только к психиатру. Пойдете?

— Ладно, давайте! Надо же с кого-то начинать.

Она говорит:

— Тогда идите в 32-й кабинет. Я туда пришлю вашу карточку.

Поднимаюсь на третий этаж. Публика там собралась та еще! Один лучше другого. Первый все время кроцается, вот так, второй дергает глазом, правда, третий мне показался еще ничего себе, вполне нормальный. Думаю: надо держаться его. Сел с ним рядом, спрашиваю:

— Извините, вы последний?

Он говорит:

— Нет, я первый! Петр Первый! И попрошу ко мне только так обращаться!

«О, — думаю, — плохо дело! Этот, видно, здесь главный мишигинер. Такой откусит нос, и ничего ему за это не будет». На всякий случай отодвинулся на два стула и жду дальше.

Наконец, подходит моя очередь. Захожу — там сидит врач. Ну, что вам сказать? Если бы не белый халат, я бы решил, что он тоже один из этих. Весь дергается, шмыгает носом, а заикается так, что не дождешься конца фразы. Я ему сразу сказал:

— Доктор, я совершенно нормальный. Мне нужна только ваша подпись на курортной карте.

— Н-ну-ну, — говорит, — н-не тороп-питесь. Вы к-кто будете?

Я говорю:

— С утра был Каганович.

— К-кто?

— Вы что, плохо слышите? Каганович.

Он смотрит на меня, на мою карточку, потом опять на меня и говорит:

— Так-так-так... И д-давно вы стали К-кагановичем?

— Сколько себя помню. А что, нельзя?

— П-почему? Тут в-все можно. Каганович так К-каганович. Ко мне на днях д-даже Буд-денный приска-кал. На к-коне.

— Что вы говорите, Ну, скажите спасибо, что не Берия, а то бы я сейчас разговаривал с другим врачом.

— Да-да-да... Ну, товарищ К-каганович, рассказывайте, на что жалуетесь?

— Ой, доктор, что говорить? В моем возрасте хвастаться нечем. Целый букет: и астма, и ревматизм, и лзва, и стенокардия...

Он говорит:

— Хватит, хватит! Лучше с-скажите, чего у вас нет?

— Чего нет? Зубов.

Он говорит:

— З-зубы — это н-не по моей ч-части. Вы лучше скажите, ч-что вас гнетет, что б-беспокоит. Ос-особенно по ночам!

— Что меня беспокоит по ночам? Я вам скажу. Больше всего меня беспокоит мой простатит.

— П-простатит? А в ч-чем это выражается?

— В чем?.. В том, что я так писаю, как вы разговариваете.

— П-понятно! Ну, п-простатит это тоже не по м-моей части. А вот как у вас с этим... ну, с этим, ну, к-когда забываешь...

— Долги?

— Да нет, с-склероз. Н-не беспокоит?

— Есть немножко. Годы свое берут. Стал уже забывать даты, номера телефонов...

Он говорит:

— Н-ну, это разве склероз? Вот у меня на днях был больной, так у н-него действительно склероз. П-пред-
ставляете, утром п-приходит на кухню з-завтракать и
в-все путает: ц-целует яйцо всмятку, а жене бьет чай-
ной л-ложечкой по г-голове.

— Бывает, — говорю, — иногда и мне хочется дать
моей по голове. Только не ложечкой, а половником.

— П-понятно. Так и зап-пишем: п-повышенная аг-
грессивность. Ну-ка, от-ткройте рот!

Я говорю:

— А-а-а!

— Шире!

— А-а-а!

— Еще шире!

Я говорю:

— Доктор, вы что хотите: посмотреть или туда войти?

— П-понятно. Так и зап-пишем: спорит п-по люб-
бому поводу, Н-ну, а как у вас со сном? Б-бессонница не
м-мучает?

— Конечно, мучает. Какой может быть сон, когда
вокруг такое творится?

— А вы н-не п-пробовали считать овец? С-старин-
ный м-метод. Зак-крываете глаза и сч-читаете их,
счит-таете, пока н-не уснете.

— Пробовал, доктор, не помогает. Мне мешает моя
коммерческая жилка.

— К-как эт-то?

— Очень просто. Сначала я этих овец считаю, потом
мысленно грузу их в вагон, везу в город и продаю оп-
том на рынке. А потом всю ночь не могу уснуть: мне
кажется, что я их дешево продал.

Он говорит:

— Н-ну, прод-давать овец, эт-то еще ничего. Мне на
днях од-дин больной хотел п-продать Кремль.

— Ну и что, купили?

— К-какой там! Он так-кую цену заломил — не
в-выговоришь, — и опять шмыгает носом и дергает
плечом. — А с-скажите, у вас не б-бывает мании пре-
следования?

— Никогда. У меня, скорее, бывает мания величия.

— Да? И в ч-чем она выражается?

— Мне иногда кажется, что я — глава семьи. Но только до тех пор, пока не заговорит моя жена. Тогда я сразу понимаю, кто у нас главный.

— П-понятно. А вот с-скажите, Лазарь М-моис-сеевич...

Я говорю:

— Какой я вам Лазарь Моисеевич? Я — Соломон Маркович.

— Н-не п-понял! Вы же ут-тверждаете, что вы К-каганович? А он б-был Лазарь М-моис-сеевич.

— Какое я имею отношение к тому Кагановичу? Я другой Каганович.

Он говорит:

— Б-больной, вы н-не волнуйтесь. Лучше с-сосредоточьтесь и п-постарайтесь вспомнить, как в-ваша н-настоящая фамилия.

— Я вам уже десять раз говорил: Каганович.

— Н-ну, голубчик, какой же вы К-каганович? Вы — Сидоров.

— Какой еще Сидоров?

— Вас-илий Ф-фомич.

— С чего вы взяли?

— Да в-вот же у м-меня ваша к-карта лежит.

Я смотрю — действительно: на карточке написано Сидоров. Только адрес не тот. У меня дом 16, а у него — 26.

— Доктор, — говорю, — это ошибка. Ваша идиотка из регистратуры перепутала карточки. Я ведь действительно Каганович.

— А ч-чем докажете?

— Да какой же я Сидоров? Вы посмотрите на мой нос. Я же еврей!

— В-вы еврей? И д-до сих пор еще н-не уехали? И после эт-того вы будете говорить, чт-то вы нормальный? Н-ну, ничего, я вам дам х-хорошее лекарство. И-на ночь прим-мете две т-таблетки, а утром, если п-проснетесь, ещ-ще одну.

Конечно, я его таблетки выбросил в помойку, но то, что он сказал, не дает мне покоя. Во всяком случае, жена велит мне сходить к хорошему еврейскому психиатру. Но тут опять задача: все хорошие еврейские

психиатры давно уехали, а те, что остались, такие же ненормальные, как и я!

Соломон Маркович читает газету...

Та-ак... Люблю с утра газетку почитать, узнать, что в мире творится. Между прочим, некоторые чудаки говорят: «Зачем газета, когда всё можно по телевизору услышать?» Идиёты! Разве можно сравнить? Кто-нибудь после завтрака может с телевизором пойти в туалет? А с газетой — милое дело!

Что там сегодня пишут, что там шрайбают?... «Новый раунд переговоров в СНГ». А-а, пустые дела! Кто сегодня будет объединяться? Наоборот, каждый хочет себя чувствовать королем. Посмотрите, все бывшие республики первым делом выпустили собственные деньги: Казахстан — сомы, Грузия — лари, Белоруссия — зайчиков. И это только начало. Помяните мое слово, скоро деньги начнут печатать области и города. Мордовия будет выпускать «морды», Харьков — «хари», а что будет печатать Херсон — мне даже неудобно сказать вслух.

Та-ак, идем дальше... «МВФ задерживает выдачу кредитов». И правильно делает! Как нам можно верить, если мы собственный народ обманываем. Обокрали людей, отняли вклады... Я вообще думаю: после того, что правительство сделало с нашим народом, оно должно на нем жениться. Правда, жена мне говорит:

— Соломон, что ты жалуешься? Мы еще неплохо живем. Я недавно посмотрела нашу сберкнижку, у нас там 67 тысяч 386 рублей.

Я говорю:

— Дура, что ты смотрела? Это номер нашей сберкнижки. А всего на ней хай как с половиной.

Нет, правда, просто совестно перед целым светом. Такая богатая страна, всё есть: и золото, и нефть, и алмазы... Я иногда думаю, что наш народ родился в рубашке. Но без штанов. Вот так и прожил: штанов не купил, а рубашку пропил.

Ну, что еще?... «Украина откладывает подписание договора с Россией». Конечно, разве с ними теперь до-

говоришься? У них сейчас новая орфография. Москву они пишут с маленькой буквы, а сало — с большой. Говорят, на днепровских пляжах уже вслух объявляют: «Граждане! В связи с объявлением украинского языка государственным все просьбы о помощи на других языках рассматриваться не будут!»

Что еще нового?.. «Конференция Российской коммунистической партии». Вот молодцы, ребята! Этим ничего не делается, как с гуся вода! Опять рвутся к власти. У меня сосед — старый большевик. Недавно купил себе попугая и с утра до ночи учит его говорить «Слава КПСС!». Правда, попугай пока молчит, не хочет повторять. Я соседа в коридоре встретил.

— Степан Ильич, — говорю, — что вы попугая мучаете? Попка, конечно, дурак, но не до такой же степени.

А вообще, этих партий развелось, как грибов после дождя. Бывшая сослуживица звонила, говорит, муж у нее вступил в партию зеленых.

— Это каких же зеленых? — спрашиваю. — Которые долларами торгуют?

— Да нет, что вы! Которые природу защищают. Так приятно, что он в этой партии.

Только рано она обрадовалась. Муж-то у нее оказался дальтоник. Его приняли в партию зеленых, а он попал в компанию голубых. Тем дело и кончилось.

Так... «АвтоВАЗ» ведет переговоры с «Тойотой». Переговоры... О чем тут говорить? Вон «Запорожец» тоже предлагает скооперироваться, кому бы вы думали? Немецкому концерну «Порш». Я не понимаю, чего этот «Запорожец» может выпускать совместно с «Порш». Новую модель под названием «Запоршивец»? Вот так и с «Тойотой». Надо, чтобы японцы нам сначала дороги построили, а то через месяц от этой «Тойоты» останутся только «Мицуписи» и «Мицукаки».

Вообще, все помешались на японском. Недавно был у брата на новоселье: телевизор «Шарп», холодильник «Шарп», стиральная машина — тоже «Шарп». Словом — обшарпанная квартира. Конечно, всё это неплохо, но до японских товаров тоже надо дорасти.

Я летом был в доме отдыха, так они там приобрели японские электронные весы. Вещь, конечно, потряса-

ющая! Никаких стрелок, никаких делений. Ты становишься на весы, а они тебе человеческим голосом, причем по-русски, говорят, сколько ты вешишь. Научная фантастика! Так вот, местная повариха со своими телесами подошла и встала на весы. Они сделали так:

— Ой!..

А потом говорят:

— Вдвоем нельзя! Одна, позалуста, сойдите с весов!

О чем еще пишут? «В этом году ожидается рост товаров народного потребления». Надо еще написать, каких товаров! А то я недавно купил себе телевизор. Отечественный. Догадался. Нормальные люди покупают «Мадэ ин Канада», а я купил «Мадэ ин Улан-Удэ»! На что я купился?.. Во-первых, цена, а во-вторых, гарантия — два года. Думаю, если дают такую гарантию — значит вещь солидная. Так что вы думаете? Сломался ровно через три дня. Я звоню в магазин:

— Так, мол, и так, шлите мастера.

Они говорят:

— Чего это вдруг?

— Не вдруг! У вас в паспорте написано: гарантия — два года.

— Так вы неправильно поняли! Это значит, что если вещь сломается, то мастер по ремонту к вам придет через два года.

Вот теперь сижу, жду мастера, читаю газеты... «Новости науки. Опыты по клонированию продолжаются». Вот это, я вам скажу, двадцать первый век. По телику показывали двух овец: одна клонированная, другая настоящая — не отличишь. Но, конечно, это дело опасное. Начнут еще людей клонировать, из одного делать двух. По крайней мере у нас в стране я бы это запретил. А то начнут клонировать, и сразу станет в два раза больше антисемитов. Да и в личном плане черт-те что начнется. Допустим, вторая жена еще ничего, но кому нужна вторая теща? Лучше сразу повеситься.

Теперь поглядим третью страницу... Что там сегодня с культурой?.. «Выставка мексиканского серебра». Надо будет жене сказать, она у меня большая поклонница серебра. Недавно на 60-летие подарила мне целую серебряную ложечку. Я ей говорю:

— Рива, ты что, ненормальная? Серебряную ложку дарят ребенку, когда у него появляется первый зуб. А у меня, слава богу, кажется, скоро выпадет последний.

Она говорит:

— Ничего ты не понимаешь! В журнале «Здоровье» писали, что если мешать чай серебряной ложечкой, то погибают все микробы.

— Правда?.. Ну, спасибо тебе большое! Я всю жизнь мечтал пить чай сдохлыми микробами.

Что еще на культурном фронте? Вот это да: картина Ван Гога продана за 37 миллионов долларов. Надо же — есть люди, которые могут уплатить такие деньги! Я себе могу позволить только репродукцию, и то не всякую. Впрочем, деньги еще культуру не дают. Недавно к дочке заходил ее школьный приятель. Теперь он банкир, «новый русский». Выпил пару рюмок коньяка, посмотрел на стенку и говорит:

— Соломон Маркович, а чего это у вас висит?

— Это?.. Это, мой дорогой, Мона Лиза.

— Да?.. А чего моно купили? На стерео денег не хватило?

Ой, и смех, и грех!.. Ладно, посмотрим объявления. Люблю объявления читать. Сразу ясно, что вокруг творится. Так... «Продается Ветхий Завет в хорошем состоянии»... Еще что?.. «Пожилая женщина 67 лет ищет место уборщицы. Интим не предлагать». И не предложим! Та-ак... Потери, находки... Во, хорошее объявление: «Вчера в такси забыта сумка с десятью банками черной икры. Просьба к водителю — чтоб ты подавился!»

Ну, а где объявления о знакомствах?.. Что-то нет сегодня. Жалко. Иногда попадаются такие интересные. Я тут недавно прочел такое: «Ищу верного друга для совместной жизни. Мои данные: 65 на 120». Я жену спрашиваю:

— Рива, а что это 65? Возраст?

Она говорит:

— Вряд ли! Кому она нужна в 65? Вес, наверное.

— А кого интересует ее вес? Что ее, на вес берут, как картошку?

— Ну, не знаю, что это за 65. Может, объем груди.

— Что, всей? Или каждой?

— Конечно, всей!

— 65 — всей?! С чего она так усохла?

— Что ты ко мне пристал? Я, что ль, объявление давала?

— Хорошо, а что тогда 120? Зарплата? Или давление?

— Оставь меня в покое! Интересно, так позвони ей и спроси. Там телефон указан.

Я не поленился, взял и позвонил:

— Милая! Интересуюсь вашим объявлением. Но, к сожалению, мне не всё ясно. Например, что такое 65? Это вес?

— Нет, — говорит, — это рост.

— А 120?

— Это объем талии.

Ну, как вам нравится?.. Это женщина? Это кубик Рубика!

Так... Ну, что там осталось?.. Погода... Что они там наврали?.. Теплая, безоблачная... Как же! Значит, будет дождь и холод. Они же угадывают один раз из десяти. Вот на прошлой неделе написали: «На уикэнд ожидается очень жаркая погода. Температура воздуха + 30». И что вы думаете? Таки угадали. 15 градусов было в субботу и 15 градусов в воскресенье. Итого 30°.

А что мы удивляемся? Если врут все подряд, почему они про погоду должны говорить правду? Ведь наши газеты такие же ненормальные, как наша жизнь. Даже в названиях. Сами посмотрите: комсомола давно нет, а газета называется «Московский комсомолец»; советы отменили, а газета называется «Советский спорт» и, наконец, газета, которая всю жизнь врёт, как сивый мерин, почему-то называется «Правда».

Одним словом, сумасшедшая жизнь, ненормальные газеты и свихнувшиеся читатели!

Сексуальная революция

Можете нас поздравить: у нас произошла сексуальная революция. Видно, наша мелиха решила, что если с октябрьской у них не получилось, то надо попробовать сексуальную. Кстати, я жене давно говорил:

— Рива, если у нас девушки стали одеваться в кредит, а раздеваться за наличные — в стране назрела революционная ситуация.

И вот произошло! Открываешь газету — сплошные объявления: интимные услуги, закрытые бани, массажные кабинеты... Мэр Калининграда уже официально заявил, что хочет открыть в городе Дом терпимости. Видно, люди уже на улице терпеть не хотят, хотят в доме. А как вам нравится такое объявление: «Первый стриптиз-бар на Чукотке! Женщина-чукча полностью раздевается под звуки бубна: сначала снимает одну лыжу, потом — другую».

Словом, дела идут, контора пишет. Но кто больше всех подзуживает и подливает масла в огонь, так это наше телевидение. С утра до вечера мне советуют срочно купить прокладки. Я не знаю, в каком месте их надо носить, но они у меня уже вот здесь! Как поет мой приятель: «Нас утро встречает прокладкой!»

Но это еще цветочки. Там у них на НТВ есть одна передача, называется: «Про это». Про то самое. Любовь втроем, брак вчетвером и прочие радости. Я когда первый раз ее включил, у меня стало темно в глазах. Правда, потом оказалось, что это не в глазах темно, а просто ведущая — черного цвета, негритянка. Так вот, эта самая негритянка в простой и доходчивой форме рассказывала нам про онанизм. Какая это замечательная и полезная вещь! И все, кто им не занимался, уже практически одной ногой в гробу. Дальше — больше. Она говорит присутствующим:

— А теперь поднимите руку все, кто им занимался.

Я думаю: нет, не поднимут. Все-таки передача на всю страну, смотрят родные, близкие, первая учительница... Так что вы думаете? Руки подняли все! Все, кроме одного мужчины. Она говорит:

— А вы что же, никогда не занимались?

Он говорит:

— Почему?.. Занимался.

— Так что же вы руку не поднимаете?

— Не могу, я и сейчас им занимаюсь.

К чему я это всё рассказываю?.. К тому, что психоз уже действует на всех. Даже на меня. Не хотел рас-

сказывать, но раз уж у нас такой откровенный разговор...

Короче, прочел я в какой-то газете объявление про телефонный секс. И так мне стало интересно! Ведь помрешь и не узнаешь, что это такое. Я соседа по лестничной клетке спрашиваю:

— Вася, ты мне можешь объяснить, что такое телефонный секс?

Он говорит:

— А это когда я только решил с женой сексом заняться, а ты мне звонишь и спрашиваешь, как сыграл «Спартак».

— Вася, не морочь голову! Не знаешь — так и скажи. Лучше я у Эдика спрошу из 12-й квартиры.

— Ой, нашел у кого спрашивать! Он же бисексуал.

— Чего он?

— Ну, бисексуал: у него секс был всего два раза в жизни.

Словом, вижу, толком объяснить не может. Дай, думаю, сам туда позвоню и всё узнаю. Перелистал газету — вижу такое крупное объявление: «АТС — Активный Телефонный Секс!» Во, активный — это хорошо! А то пассивный мне уже не поможет. Звоню, трубку почему-то снимает мужик.

— Алло! Сексуальные услуги по телефону. Что желаете?

— Я бы желал лучше поговорить с дамой.

— Не вопрос! Поговорить с дамой — 30 рублей минута.

— Это что, полтора доллара?

— За доллары будете говорить с Моникой Левински! А тут Россия. Так что: да или нет?

— Ладно, поговорю немножко. Тем более, вчера пенсию принесли.

— Тогда скажите ваш номер телефона, мы перезвоним.

Я номер назвал и трубку положил. Минуты две прошло — звонок. Такой приятный женский голосок говорит:

— Это 315-26-80?

— Да-да, он самый.

— Добрый день! Это с вами с АТС говорят.

Ну, скажите, откуда я мог знать, что в этот момент с настоящей АТС позвонят, с автоматической телефонной станции? Я же не ясновидящий!

— Да, — говорю, — милая моя! Слушаю вас очень внимательно...

Она говорит:

— У меня, собственно, всего один вопрос: у вас аппарат нормально работает?

— Гм... Ну что вам сказать?.. Конечно, уже не то, что в молодые годы.

— Как это, в молодые? Он что у вас, так давно?

— Да, сколько себя помню.

— И что, ни разу не меняли?

— На что?

— На другой аппарат.

Надо же, думаю, до чего наука дошла: уже и это дело меняют.

— Да нет, — говорю, — спасибо, милая! Я уж как-нибудь с этим домучаюсь.

— А зачем же мучиться? Надо причину найти. Может, вы его роняли?

— Чего?!

— Ну, он у вас никогда не падал?

— Э-э-э, милая, в жизни всякое бывало. Чего уж теперь о тяжелом вспоминать.

— Да я не вспоминаю, я причину ищу. Кстати, он у вас один или еще есть?

— В каком смысле?

— В прямом. Например, в этой комнате один стоит, в другой — другой.

— Ничего у меня не стоит: ни в этой комнате, ни в другой! Тем более что у меня однокомнатная квартира.

— А что вы сердитесь? Я же не знала. Сейчас люди знаете как богато живут? По три аппарата имеют.

— Да что я вам, Змей Горыныч с тремя аппаратами?! И вообще, что вы к нему прицепились? Я вам не за это деньги плачу!

— Во-первых, — говорит, — не мне, а АТС. А не хотите, так напишите заявление. Пришлем к вам мастера, он снимет.

— Что снимет?

— Аппарат ваш.

— Пусть он его себе снимет! А вы лучше займитесь делом.

— Каким это делом?

Ну, я и объяснил.

Она говорит:

— Ах ты, негодяй! Ах ты, паскудник! Да мы тебе телефон отключим!

И трубку — шмяк!.. Вот только тут до меня дошло, что это за АТС. Кинулся туда, на коленях прощения просил. Еле уговорил — и то потому что справку из поликлиники принес, что никаким сексом, даже телефонным, заниматься не могу.

Вот такая обстановка. Ужасно действует на нервы. Даже мне в моем возрасте стали сниться эротические сны. Только засну — сразу вижу: в комнату вбегает голая красавица, смотрит на меня и выбегает. За ней вторая, третья... И так всю ночь. Я уже к доктору обращался. Он говорит:

— Соломон Маркович, по-моему, нормальный сон: вбегают и выбегают голые красавицы. А что вы от меня хотите?

— Доктор, я хочу, чтоб когда они выбегали, они бы так не хлопали дверями. Я от этого все время просыпаюсь.

Мой папа всегда говорил, что любая революция — это ужас. А я от себя добавлю, что сексуальная революция — тем более. Особенно, если для этой революции у тебя не осталось никаких патронов!

Соломон Маркович о преступности...

Можете нас поздравить: с чем у нас стало хорошо, так это с преступностью. Если раньше бандиты сидели только в Кремле, так теперь они, слава богу, на каждом углу.

У моего приятеля среди бела дня сняли на улице золотые часы. Я ему говорю:

— Боря! Что же ты не кричал, не звал на помощь?

Он говорит:

— Я боялся открыть рот. У меня же там еще золотые зубы.

И правильно, что боялся. Мы теперь живем в блаженной стране, на улице разбитых фонарей. И вообще, всё так перепуталось, что уже не понимаешь, кто порядочный человек, а кто жулик.

Вот я вам расскажу. Был у меня сослуживец, простой бухгалтер. Зовут Сема, фамилия Килер. Обыкновенная еврейская фамилия, которая раньше ничего не значила. А теперь?.. Встречаю его недавно на новом «Мерседесе». Спрашиваю:

— Сема, в чем дело? С чего ты так раскрутился?

Он говорит:

— Я тебе всё расскажу. Искал я работу, звоню в один банк, говорю: «Можно директора?» — «А кто его спрашивает?» — «Килер его спрашивает». Молчание. Через секунду трубку хватает сам директор: «Я вас умоляю, только не это! Передайте своим, что я согласен. Пакет для вас будет у вахтера». Я ничего не понял, но на всякий случай зашел в банк и взял этот пакет. Как оказалось, с хорошими деньгами. Когда я понял, в чем дело, стал звонить по всем банкам:

— Приветствую! С вами Килер говорит. Что ты думаешь?.. Пошло дело. Через месяц поменял квартиру, купил себе «Мерседес».

Я говорю:

— Сема, а ты не боишься?

— А что я делаю плохого? Я только называю свою фамилию. А что они платят, так пусть у них голова болит.

Вот такая история со словом «киллер». Вообще, сейчас в обиход вошли слова, о которых мы раньше понятия не имели: мафия, рэкет, разборки... А кто, например, знал, что такое киднапинг?.. Теперь даже я знаю: это когда крадут людей и требуют выкуп. У моего брата Арнольда украли жену Цию. Кстати, не большая красавица, уже за пятьдесят... Казалось бы, киднафиг она вообще кому нужна? Нет, вечером звонят:

— Если хотите увидеть жену, принесите пять тысяч долларов.

Мой брат не растерялся, говорит:

— Ребята, я даю шесть, но заберите еще и тещу.

Так они уже были рады привести ее бесплатно. Вообще, в этом деле главное — не бояться и не терять го-

ловы. Моему приятелю, Фиме Картманскому, позвонили в дверь, сказали «телеграмма», а оказалось — бандиты. Приставили нож к горлу:

— Где деньги? Где драгоценности?

Фима, стреляный воробей, говорит:

— Ребята, говорите громче, я плохо слышу.

Они громче:

— Где деньги? Где драгоценности?

— Ребята, я совсем глухой, говорите громче!

Короче, они так орали «где деньги?», что под окном собралась толпа и четыре машины милиции. Когда эти бандюги вышли, их взяли тепленькими вместе с деньгами и драгоценностями.

Но самое интересное началось сейчас. Фима каждый день ходит в милицию к начальнику и спрашивает:

— Где мои деньги? Где драгоценности?

А тот отвечает:

— Говорите громче, я плохо слышу!

По крайней мере, моя жена сделала из этой истории один вывод — дверь никому не открывать: ни почте, ни слесарю, ни монтеру.

Я ей говорю:

— Рива, что ты так боишься? Если грабители у нас, слава богу, что-нибудь найдут, так, может, они и с нами поделятся.

Да, я бедный! Я не могу идти в ногу со временем, потому что у меня болят ноги. Это «новые русские» живут, как миллионеры, а я так не умею. Потому что, во-первых, я уже не новый, а во-вторых, не русский. Но если нужно что-нибудь придумать, так у Соломона мозги еще не высохли. Я помню все старые «примочки» и, если надо, могу их применить.

Недавно поехал за город, к своему старому школьному другу Абраше. Больно смотреть, как он живет: покосившийся домик, в холодильнике шаром покати. Жалуется мне:

— Понимаешь, некому даже огород вскопать. У меня уже нет сил, а шабашники просят бешеные деньги.

Я себе сразу сказал: «Соломон, надо помочь!» Возвращаясь домой, нахожу в справочнике телефон областной милиции, звоню:

— Так, мол, и так, у Абрама Хигеровича в Малаховке закопаны в огороде три килограмма наркотиков.

На следующий день мне звонит Абраша и говорит:

— Представляешь, приехали утром какие-то люди, вскопали мне весь огород, не сказали ни слова и уехали. Как ты думаешь, кто это был?

— Я думаю — тимуровцы! Помогают бедным евреям.

А что ему объяснять?.. Вскопали — и слава богу! Хоть какая-то польза от нашей милиции.

Нет, все-таки Россия — удивительная страна! Ко всему тут привыкают, даже к преступности. Никто уже ничему не удивляется. Рэкетеры пытали жертву раскаленным утюгом! Нормально, нет вопросов! А если есть, то один: регулятор в утюге ставили на шерсть или на вискозу? Конкуренты захватили банкира и грозят его разрезать циркулярной пилой! Нет проблем! Только интересно, как хотят резать: вдоль или поперек?

Иногда мне кажется, что наши соотечественники даже гордятся, что хоть в области преступности мы вышли на первое место в мире (и можем ее экспортировать в слаборазвитые страны).

Вот сейчас любят спорить, при каком строе мы живем: социализме, капитализме или еще каком?.. А вот вы подумайте сами: при рабовладельческом строе лучше всех жили рабовладельцы, при феодальном — феодалы. При капиталистическом строе лучше всех живут капиталисты. Но если у нас в стране сегодня лучше всех живут бандиты, скажите честно, как надо называть этот строй?..

Соломон Маркович об антисемитизме

Сейчас все говорят, что в России стало больше антисемитов. Ничего подобного — сколько было, столько и осталось. Просто сегодня из России уехала половина евреев, значит, на каждого оставшегося стало приходится в два раза больше антисемитов. Простая арифметика. Хотя, честно говоря, мне от этой арифметики не легче.

Кстати, мы в России теперь не евреи. Даже не жидаы. Мы теперь жидомасоны... А? Как вам это нравится?

Кто-нибудь мне может толком объяснить: что это такое — жидомасоны?.. Это что, профессия? Или национальность? Дети тех евреев, которые женились на масонках? Это еще может быть. Мы, евреи, на ком только не женимся. Вот мой дядя Исаак был вообще женат на турчанке. У нас в семье их так и называли: ее — жидковатая турчанка, а его — затурканный еврей.

Я очень часто думаю: что такое антисемитизм с научной точки зрения? По-моему, это какой-то вирус, какой-то микроб. Им хоть немножечко, но заражены все. Они чувствуют, что мы какие-то не такие. Не так выглядим, не то едим, не о том говорим. Помню, мне мой сослуживец, кстати, хороший мой приятель, говорит:

— Что вы за народ?! Даже похороны у вас какие-то нечеловеческие. Все кричат, плачут, рвут на себе волосы. То ли дело у нас: поминки, выпивка, закуска — душа радуется!

Я говорю:

— Да, вы правы, мне-таки больше нравится, когда ваших хоронят.

Я вообще не люблю с ними спорить. Что их, переделаешь? Лучше помолчать. Это вообще мой принцип, и я ему следую. Недавно сажусь в поезд. Рядом со мной в купе сидит русский человек. Кстати, очень милый. Он милый, я — милый, но лучше помолчать. Часа два проехали, и он мне говорит:

— Слушайте, мы уже два часа едем вместе и все время молчим. Давайте хоть познакомимся. Я — Иванов, а вы?

Я говорю:

— А я — нет.

А что я ему сказал плохого?.. Я же, правда, не Иванов. Хотя по большому счету меня фамилия вообще не волнует. Меня этому еще мой папа учил: не делить людей по национальностям. Он вообще был хороший человек, мой папа. Но, как видно, у антисемитов был другой папа. И он их учил другому.

Помню, сколько крови у меня выпил мой начальник. Тоже был хороший юдофоб. Буквально шагу мне не давал сделать. А когда узнал, что мой брат уехал в Израиль, вообще стал сживать меня со света. Я тер-

пел, терпел, наконец, захожу к нему в кабинет и говорю:

— Петр Иванович, не будем играть в прятки. Я понял, что мы с вами не сработаемся.

Он спрашивает:

— Вы что, решили подать заявление об уходе?

— Нет, я решил написать своему брату в Израиль, чтобы он вам прислал вызов. И всю оставшуюся жизнь вы будете ходить по своим парткомам и доказывать, что вы не еврей.

Знаете, как подействовало?.. Он стал тише воды, ниже травы. И я спокойно доработал до пенсии. А недавно, уже столько лет прошло, вдруг — телефонный звонок:

— Соломон Маркович, не узнаете? Это я, Петр Иванович.

— А-а, добрый день! Чем обязан?

— Соломон Маркович, помните, вы грозились, что ваш брат пришлет мне вызов?

— Конечно, помню, а что?

— Так вот, напишите ему, что я согласен.

Как вам нравится? Он согласен. Я говорю:

— Ладно, хорошо! Только завтра вечером никуда не уходите. К вам подъедут двое сделать обрезание.

— В каком смысле?

— В прямом! Не все же вам резать евреев, пусть и они один раз у вас что-нибудь отрежут.

Но, конечно, все это одни разговоры. А если серьезно, то на душе, как говорится, хорошо паскудно. Почему так устроена жизнь, что если ты еврей, то всегда будешь виноват, что бы ни случилось. Хотя, с другой стороны, это нас заставляет все время быть в форме и работать серым веществом своего мозга.

Вот я вам расскажу случай. У меня племянник, светлая голова, доцент, недавно ехал в гости на своем «Запорожце». Вдруг из-за угла выскакивает такси, и они так стукнулись, что обе машины всмятку. Так этот бандит, таксист, который был во всем виноват, вылезает из машины и начинает орать:

— Ты, жидовская морда! Куда ты смотришь? Ты у меня всю жизнь будешь платить!

Тогда мой племянник говорит:

— Что уже кричать, если это случилось? Слава богу, что мы оба остались живы. Давайте лучше выпьем по этому поводу, тем более что я ехал в гости и у меня с собой бутылка коньяку.

Тот жлоб говорит:

— Ну, давай, наливай!

Племянник налил два стакана. Этот бандит хватанул одним махом и спрашивает:

— А ты чего не пьешь?

Племянник говорит:

— Я — потом. Подожду, пока приедет милиция и сделает анализ на алкоголь.

Конечно, сейчас это смешно, но тогда моему племяннику было не до смеха. Вот я и думаю: кончится это когда-нибудь или мы всегда будем во всем виноваты. Мне иногда кажется, что на том свете нас тоже будут делить на евреев и неевреев. Поэтому лично я на тот свет не рвусь, я уже лучше помучаюсь на этом. Но когда я возвращаюсь домой, а мои соседи во дворе спрашивают: «Как себя чувствуете, Соломон Маркович?» — я им всегда отвечаю:

— Не дождетесь! Такой радости я вам не доставлю! Не будь я Соломон Маркович!

Американские впечатления

Наум, Рива, Самуил, дети! Садитесь поближе, я вам буду рассказывать про Америку. Потому что это такая страна, что можно рассказывать до утра. Вы себе представляете коммунизм? Так вот, я его видел... Причем это коммунизм без коммунистов!

Ну, прежде всего, повидал всех наших. Слава богу, все хорошо устроены: и Давид, и Боря, и Ефим. Но самый главный там — это Изя! Лично я с ним не знаком, но когда у американцев не ладится бизнес или какие-то неприятности — они сразу вспоминают про него. Так и говорят: «Тейк ит Изя!» Что в переводе означает — «возьмите у Изя».

Вообще, если в Америке есть какое-то несчастье, так это английский язык! Это же надо было придумать

такой «лингвидж», чтобы ничего общего с нашим. Если даже встречается какое-то похожее слово, так оно имеет совершенно другой смысл. Что такое по-нашему «кар»? «Кар» — это ворона. А по-ихнему «кар» — это автомобиль. Ну? Сумасшедший дом!.. А возьмите слово сарафан. Для нас сарафан — это платье. А для них сарафан — это Сара, которая имеет удовольствие. При чем непонятно от кого!

У меня эти сложности с языком начались еще в самолете. Они нам всем раздали американские анкеты. И там в пятой графе написано: «секс». Это теперь я умный. Я знаю, что «секс» — это по-ихнему «пол». А тогда я думал, что секс это секс. Поэтому я им в этой графе честно написал: «Уже нет. И давно». А мой сосед, такой жлобьяра в шляпе, — он краснел, пыхтел, закрывался от меня рукой... А потом в графе «секс» написал: «Одиннадцать сантиметров». Что вы смеетесь? Он еще сбоку приписал: «В диаметре». Так что это он может смеяться, а не вы!

Географически Америка состоит из двух частей: это Юнайтед Стейтс и Брайтон-Бич. Ну, в Юнайтед Стейтс я не был, поэтому врать не хочу. Но если вам кто-то скажет, что Брайтон Бич — это плохо — плюньте ему в глаза! Это рай на земле! Тепло, рядом океан, дешевые фрукты, и, слава богу, ни один человек не говорит по-английски. (И, самое главное, это зона, свободная от налогов. Они никому не платят! Не знаю, наверное, так распорядился президент. Потому что, если бы он распорядился иначе, то Брайтон выбрал бы другого президента.) Словом, если бы Дюк де Ришелье мог увидеть Брайтон, он бы понял, что построил Одессу не в том месте!

Про магазины я рассказывать не буду, не хочу, чтобы Рива расстраивалась. Расскажу про их квартиры. Честно говоря, сначала я думал, что они живут неважно. Потому что они сами все время говорят: у меня две бед-рум, у меня три бед-рум! Что означает: у меня две плохие комнаты, у меня три плохие комнаты. Но когда я увидел эти плохие комнаты, у меня стало темно в глазах! Во-первых, бед-рум, оказывается, это спальня. И каждый имеет свою. Чтоб никто не храпел под бо-

ком, как моя Рива, дай ей бог здоровья! И еще... только не падайте, там в каждой квартире по три туалета! Почему?... Откуда я знаю, почему? Наверное, потому, что они хорошо кушают. А когда хорошо кушаешь, лишний туалет не помешает.

Что касается самих американцев, то они очень наивные. Они во все верят, даже в нашу перестройку. Нет, я не имею в виду иммигрантов. Те такие же умные, как мы! Я говорю о коренных американцах, рил америкен. Один мне все время доказывал, что у нас в России теперь свобода. Такая же, как у них. Я ему говорю:

— Дорогой сэр! Между вашей и нашей свободой такая же разница, как между обычным стулом и электрическим. То есть присесть можно, но очень недолго!

Теперь еще одна интересная деталь. Самое главное дело в Америке — это иншуренс. Там страхуют буквально от любого несчастья: от пожара, наводнения, от болезни и даже от приезда родственников из России. Или, например, несчастный случай. У нас, если человеку на голову упала сосулька — он инвалид. А у них он сразу миллионер. Я, кстати, туда зашел, где страхуют от несчастных случаев. Говорю:

— Здравствуйте! Я приехал из СНГ.

Они говорят:

— Откуда?

— Из СНГ.

— Извините, это такое несчастье, от которого даже мы не страхуем.

Только не думайте, что у них уже все хорошо. Слава богу, есть и наркомания, и проституция. Кстати, преступность тоже есть. Правда, с моими деньгами ее можно не бояться. Ко мне там, на Бродвее, подошли двое черных вот с таким ножом. Решили меня ограбить. Я им говорю:

— Ребята, вы попали прямо пальцем в небо! Но, если у вас есть пара долларов, я могу их обменять по хорошему курсу. То есть доллары вы мне даете здесь, а рубли я возвращаю там. Любому вашему родственнику из университета Лумумбы.

Не знаю, поняли они или нет, но больше я их не видел.

Но знаете, что меня больше всего поразило в Америке?.. Что люди там на улице улыбаются друг другу. Просто так, без всякой причины. Идут и улыбаются. Я уже попробовал здесь, у нас. Вчера на улице взял и улыбнулся незнакомому человеку. Он остановился, посмотрел на меня и говорит:

— Что ты лыбишься?

— Просто так! У меня хорошее настроение.

— А что оно у тебя хорошее? Получил вызов в свой Израиль?

— Ах, ты, — говорю, — антисемитская морда! Я-таки могу уехать в Израиль, а тебе, чтоб уехать, надо угнать самолет!

Вот так мы поулыбались друг другу.

Третий день как я вернулся — и не могу спать. Каждую ночь я смотрю в потолок и думаю. Я думаю о своей Риве, которая должна полдня бегать за кефиром. Я думаю о моем внуке, которого дразнят в школе из-за фамилии. Я думаю о себе, который ишачил на них всю жизнь, чтобы иметь грошовую пенсию и медаль «За трудовую доблесть».

Знаете, я очень люблю изучать историю. Она дает нам много примеров. И вот вам еще один. При феодальном строе лучше всего живут феодалы. При капиталистическом строе лучше всего живут капиталисты. Но если у нас в стране лучше всего живут проститутки, скажите честно, как надо называть этот строй?

Тетя Миня — всемирная сваха

М^{ина Моисеевна, или попросту}

тетя Миня, была соседкой по квартире моего друга, режиссера с киностудии им. Горького. Он нас и познакомил.

— Мина Моисеевна, — сказал он, — знаете, кто это?.. Это Хайт!

— Так что, — спросила она, — мне встать по стойке «смирно» или пойти помыть шею?

— Не надо, — сказал я. — Можете ходить с грязной.

— О, какой язвительный молодой человек! Жалко, я не знала, что у меня будет такой важный гость. Купила бы чего-нибудь особенного к чаю. Вы, кстати, чай будете без какого варенья: без вишневого или без клубничного?

— Если можно, то без малинового.

— Пожалуйста! У меня всё есть.

Насчет варенья она, конечно, хохмила. Нашлось у нее и варенье, и печенье, и конфеты — как это водится в приличном еврейском доме. Вот иногда видишь человека всего пять минут, а такое ощущение, что знаешь его всю жизнь. Точно такое же чувство возникло у меня после первой встречи с Миной Моисеевной.

Когда сегодня я вижу на сцене Клару Новикову с ее тетей Соней, для которой пишут лучшие юмористы, я всегда думаю: а как же тетя Миня? Ведь ей никто не писал, она всё придумывала сама.

Помню, сидим мы с ней, беседуем. Вдруг — телефонный звонок. Кто-то ошибся номером. Громкий мужской голос, который слышу даже я, кричит:

— Куда я попал?!

— А куда вы целились? — спрашивает тетя Миня.

Хотя в душе она была стопроцентной еврейкой, но терпеть не могла разговоров, какие мы все потрясающе умные.

— Ай, не морочьте голову. Вот вам мой племянник, дофке еврей,— тупой, как одно место. Кончил в этом году школу — и что? С его знаниями он может попасть только в один институт: в институт Склифосовского!

Я специально начинал ее дразнить:

— Но мы же с вами избранный народ?

— Мы — да! Но некоторых евреев, по-моему, избирали прямым и тайным голосованием, как наш Верховный Совет.

Теперь пришла пора сказать, кем же была тетя Миня. Она была профессиональной свахой. Сегодня в эпоху брачных объявлений и электронных связей эта профессия кажется ушедшей. Но только не для тех, кто знал Мину Моисеевну.

— Человек должен уметь расхвалить свой товар,— говорила она. — Реклама — это большое дело. Посмотрите, когда курица несет яйцо, как она кричит, как она кудахчет. А утка несет тихо, без единого звука. А результат?.. Куриные яйца все покупают, а про утиные никто даже не слышал. Не было звуковой рекламы!

Не знаю, как она рекламировала своих женихов и невест, но клиентура у нее была обширная, телефон не умолкал с утра до вечера. Было сплошным удовольствием слушать, как она решает матримониальные дела.

— Алло! Что? Да, я вас помню, Володя. Так что вы хотите?.. Чтоб она была молодая, так, красивая, и что еще?.. Богатая. Я не поняла, вам что, нужно три жены? Ах, одна! Но чтоб она всё это имела. Ясно. Простите, а что вы имеете? Кто вы по профессии?.. Учитель зоологии?.. Значит, вы имеете то, что имеет лебедь: длинную шею и голый тухес. Хорошо, звоните, будем искать...

— Алло! Кто говорит? Роза Григорьевна? От кого вы? От Буцкеса. Очень приятно. А что вы хотите?.. Жениха? Для кого, для дочки?.. Нет? А для кого, для внучки?.. Ах, для себя! Интересно. Если не секрет, сколько вам исполнилось? 36? А в каком году?.. Хорошо-хорошо, будем искать. Может быть, что-то откопаем.

— Алло, это Яков Абрамович?.. Хорошо, что я вас застала. Дорогой мой, мы оба прекрасно знаем, что у вас сволочная дочь, которая не дает вам жить. Но все равно, когда я привожу жениха, не надо ему сразу целовать руки и кричать, что он ваш спаситель. Они сразу что-то начинают подозревать!

Мне она часто говорила:

— Жалко, я тебя не знала раньше. Я бы тебе нашла хорошую жену.

— Я и без вас ее нашел.

— Не спорю! Но я бы тебе нашла такую же, плюс еврейку.

— Если вы такой молодец, что же вы себе не нашли хорошего еврейского мужа?

— Слушай, прекрати! Не сыпь мне соль на сахар. Я со своим Мишей давно рассталась.

— Почему, если не секрет?

— Потому что он храпел.

— Что, из-за такой ерунды?!

— Да, но он же каждый раз храпел с другой.

Когда Мине Моисеевне исполнилось 75, она приняла самое важное решение в своей жизни — уехать в Израиль. Все подруги по дому дружно ее отговаривали:

— Миночка, куда вы собрались на старости лет? Жить среди незнакомых людей! К тому же они там все сионисты...

— Я вот что подумала, — сказала тетя Миня. — Лучше я проживу остаток лет среди незнакомых сионистов, чем среди знакомых антисемитов.

И она уехала. Тихо, незаметно, никому ничего не сказав. Тогда в аэропорту «Шереметьево» фотографировали всех провожающих, и мудрая тетя Миня не хотела, чтобы у нас были неприятности после ее отъезда. Прошли годы, многое в мире изменилось. Советский Союз установил дипломатические отношения с Израилем — и я впервые оказался на Святой земле.

Я сразу же попросил моих друзей разыскать Мину Моисеевну, если она еще жива, а если нет — хотя бы узнать, где она похоронена.

На следующее утро чуть свет в моем номере зазвонил телефон:

Гот самый Хайт..
Одесса, Аркадия, 1939 г.

Бабушка Рахиль и дедушка Илья

Иосиф Наумович Хайт —
отец Аркадия

С мамой Раисой Ильиничной
и с бабушкой на даче

А так хотелось
быть Яшиным

Со старшим братом
Александром
и кошкой Муркой

Со спортом навсегда

Будни студенческие, трудовые и военные

Люся — жена, друг, любимая

Согласилась наконец!

Катенька

Алеша

Радость отцовства

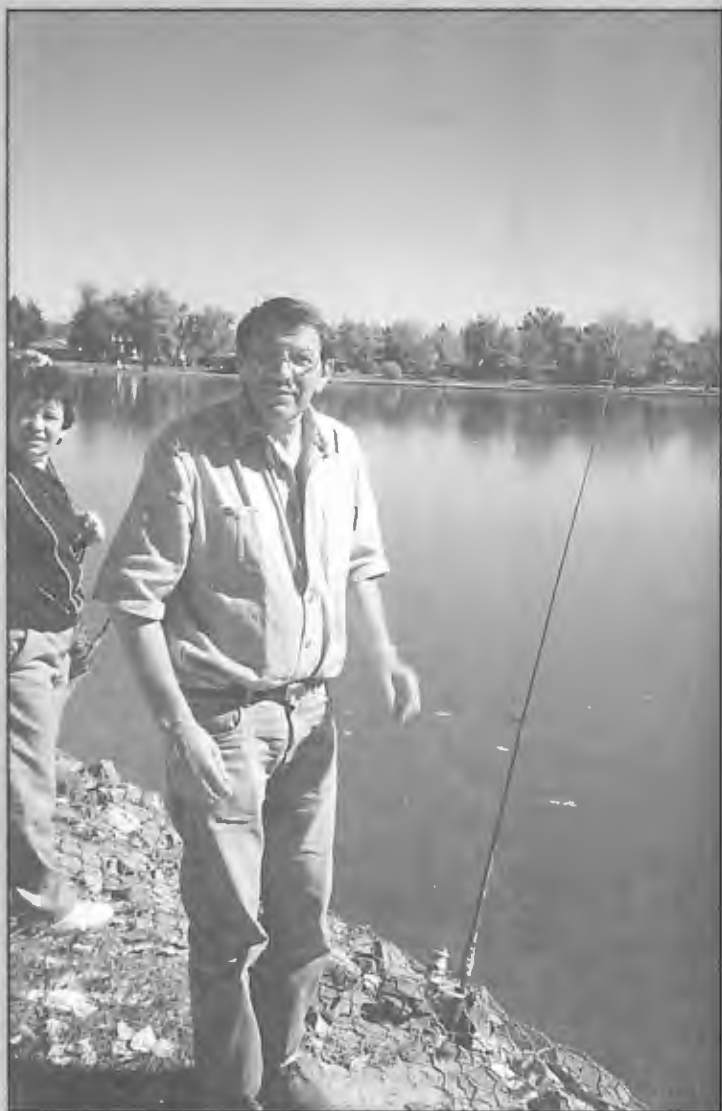
«Ах, прокачу!»

«Ах, это море!»

«Ах, эти скалы!»

В зрелые годы — только средняя полоса!

— Алло! Это великий русский писатель Шолохов-Алейхем?

— Тетя Миня! — заорал я. — Это вы?

— Ну да! Что ты так удивился, будто тебе позвонил Исир Арафат?

Через пару часов я уже завтракал в ее квартире, точь-в-точь копия московской: те же занавески на окнах, те же фотографии на стенах, такой же маленький телевизор, по которому шли всё те же наши передачи.

— Ничего не меняется, — сказала она, перехватив мой взгляд. — Всё как было. Даже профессия у меня та же.

— Как? Вы и здесь сваха?

— Почему нет? Здесь тоже надо соединять женихов и невест. Как говорится, сводить концы с концами.

Дальнейшая часть дня проходила под аккомпанемент сплошных телефонных разговоров тети Мини:

— Алло? Слушаю!.. Да, я вас помню. Вы хотели невесту с хорошим приданым. Так вот, можете открывать счет в банке «Хапоалим» — я вам нашла невесту. За ней дают 50 тысяч шекелей. Что вы хотите?.. Посмотреть ее фото? Милый мой, за такие деньги я фото не показываю. Получите приданое, купите себе фотоаппарат и снимайте ее сколько влезет!

— Алло? Бокер тов, геверет! — И она затараторила на иврите, как пулемет. — Ненормальная румынская спрейка, — сказала она, положив трубку. — Денег полно — и она сходит с ума. Не хочет блондина, не хочет брюнета, подавай ей только рыжего! Откуда я знаю, почему?.. Может, у нее спальня красного дерева, хочет, чтобы муж был точно в цвет.

— Алло?.. Ша, что вы кричите? Кто вас обманул?.. Я вам сразу сказала, что у нее есть ребенок. Какой пол?.. В чем позор?.. Ах, ребенок родился до свадьбы! Так что? Откуда ребенок мог знать, когда свадьба?..

А я сидел, слушал всё это и умирал от счастья и восторга! Потому что за окном был Тель-Авив, потому что рядом была тетя Миня, потому что, слава богу, есть то, что в нашей жизни не меняется.

Не знаю, может, это звучит немного высокопарно, но для меня тетя Миня олицетворяет весь наш народ:

тот же юмор, та же деловая жилка, скептическое отношение ко всему и удивительная жизненная сила. Всё то, что позволило нам выжить в этом кошмарном мире.

Порой мне кажется, что, брось тетю Миню в тундру, в тайгу, — и уже через пару дней она будет ходить по чумам, сватать чукчей и эскимосов:

— У меня для вас потрясающая невеста! Она даже не очень похожа на чукчу, скорее на японочку. Какое приданое?.. Какие олени?.. Нет, он сошел с ума! Я ему предлагаю красотку, а он хочет оленей. Да вы только женитесь — и у вас будут рога больше, чем у оленя!

Сегодня тети Мини уже нет на земле. По нашему обычаю, умершим нельзя приносить цветы, но никто не сказал, что им нельзя дарить рассказы. Я написал его в память Мины Моисеевны и жалею только о том, что она его не услышит. Иначе она бы непременно сказала:

— Между прочим, про меня мог бы сочинить и лучше! К тому же ты забыл вставить мою главную фразу о том, что надо уметь радоваться жизни. Обязательно напиши: «Пока жизнью недоволен — она и проходит!» Так всегда говорила я, простая еврейка, которая соединяла людей по парам!

Врачи советуют смеяться

В качестве предисловия хочу

рассказать одну историю. Несколько лет назад на Дальнем Востоке во время землетрясения завалился панельный дом. Срочно прибыли спасатели, пожарники, врачи. Начали разбирать завал, вдруг слышат — из-под обломков раздается хохот. Подогнали автокран, подняли панель и видят такую картину: на унитазах сидит человек без штанов и громко хохочет. Ну, решили, очевидно, поехал умом. Спрашивают:

— Гражданин, товарищ, вы что?

А тот отвечает:

— Ой, умора! Ну и строят же у нас! Представляете, пошел в туалет; только за веревочку дернул — весь дом завалился!

К чему я рассказал эту историю?.. Конечно, не для того, чтобы сообщить, что в России бывают землетрясения. И не для того, чтобы поведать о плохом качестве строительства. Об этом и так все знают. Я просто хотел обратить ваше внимание на то, что этот человек под обломками хохотал. И это очень показательно. Ведь что бы в России ни случилось, что бы ни произошло, наш человек чувства юмора не теряет.

Ведь этот пример с землетрясением можно обобщить на всю страну. Можно сказать, что там произошло большое землетрясение. Завалилось всё: промышленность, сельское хозяйство, пропали денежные вклады, многие потеряли работу. Словом, потеряли всё, кроме чувства юмора.

Конечно, пришло другое время, изменились темы, исчез Василий Иванович, чукчи, армянское радио, зато появились новые герои. Кто из вас, например, не слы-

хал про «новых русских»? Ну, для тех, кто не знает, могу сказать, что это такая новая генерация с маленькой головой и большими деньгами. На тему «новых русских» уже появились десятки анекдотов. Я вам хочу рассказать один из последних.

Недавно один «новый русский» приехал покупать старинный замок в Швейцарии. Агент по продаже недвижимости водит его по территории и показывает:

— Вот, это двенадцать гектаров земли, тут парк, здесь виноградники. А вот и сам замок — первая половина восемнадцатого века.

— Не. Так не пойдет! А где вторая половина?

Надо сказать честно — появились не только «новые русские», но и новые украинские, и новые казахские, и новые узбекские. И между ними тоже идет соревнование, кто покруче! Если «новые русские» предпочитают для отдыха Кипр, Турцию или Испанию, то в пику им новые украинские стали ездить отдыхать аж в Африку. И как результат — в некоторых африканских магазинах уже знают украинские слова, в ресторанах стали появляться украинские блюда. Хотя, честно говоря, не понимаю, как их перевести на английский. Например, как по-английски «борщ с пампушками»? «Ред суп уиз памперс»? Или еще как-нибудь?

Словом, могу себе представить такую картину: какой-нибудь украинский бизнесмен купается в африканской речке и чувствует — что-то ему щекочет ногу. Он говорит:

— Ой, не надо! Мне щекотно.

Никто не отвечает, только опять щекочет. Он снова:

— Ой, не надо! Ну, кто там балует?

И слышит снизу:

— Так це ж я — крокодыл!

Кстати, отношения Украины с Россией — это сегодня тоже одна из тем, над которыми смеются и в России, и на Украине. Действительно, смешно: практически один народ, одна культура, в общем-то, один язык, но каждый идет своим путем. Одним словом, кончилась любовь, начался развод. Маленький мальчик украинец спрашивает деда:

— Диду, а чего ты на своей машине не едешь?

— Да не любят нас проклятые москали! Не дают нам бензина.

— Диду, а почему у нас на кухне газовая плита не работает?

— Не любят нас проклятые москали! Не дают газа.

— Диду, а почему у меня братика нет?

— А потому, шо у нас рождаемость падае.

— А почему она падае?

— Так я ж говорю: потому шо не любят нас проклятые москали!

Но, конечно, тема отношений с Украиной — не главная у сегодняшних юмористов. Гораздо больше шуток и анекдотов связано с темой бизнеса. Ведь никто не предполагал, что русский народ, который с презрением относился даже к самому слову «бизнесмен», сегодня сам с головою кинется в это дело. Причем, скажу без преувеличения, в бизнес кинулись буквально все: школьники, пенсионеры, врачи, педагоги. Даже наши стражи порядка, наша доблестная милиция тоже включилась в этот процесс. Я, кстати, придумал, как называется милиционер, который занимается коммерцией: бизнесмент!..

Между прочим, милиция — это единственный объект, к которому отношение не изменилось. Что про них раньше думали, то и сейчас. И это тоже видно по сегодняшним шуткам. Голодный бомж нашел где-то банку тушенки, а консервного ножа, разумеется, нет и открыть банку нечем. Он подходит к милиционеру и говорит:

— Командир, будь другом, помоги банку открыть. Два дня не жрал.

Милиционер попался добрый, говорит:

— Не трухай, сейчас сделаем.

Взял консервную банку, постучал в нее и говорит:

— Откройте, милиция!

Продолжая тему бизнеса, скажу: хорошо еще, когда людям есть чем торговать. А то бывает нечем торговать, а все равно хочется. Районное начальство в Брянске выпустило красочный проспект, где иностранным охотникам предлагалось, разумеется за валюту, принять участие в медвежьей охоте. Один доверчивый

немец перевел на их счет деньги и сообщил, когда придет вместе со своим ружьем. И тут выяснилось, что медведей в Брянской области давно уже нет. Часть померла, а часть ушла в другие, более сытые области. Что делать? Не отдавать же валюту назад!

И тут один умный референт придумал гениальный выход: взять в брянском цирке старого спящего медведя и поместить его в лесу. Как говорится, нехай немчура стреляет.

Приехал немец и вместе с егерем отправился в лес. Егерь его вывел точно на то место, где разместился медведь. Только этот охотник вскинул винтовку, вдруг раздается велосипедный звонок. Прямо по тропинке на своем велосипеде едет сельский почтальон. Увидел почтальон этого медведя, заорал от ужаса; бросил велосипед — и деру! А медведь же цирковой, дрессированный. Поднял этот велосипед, сел на него и поехал по лесу.

У бедного немца от этой картины помутился рассудок, и его в тяжелом состоянии отправили на родину. Слава богу, там его откачали, и он теперь всем рассказывает, что такое бизнес по-русски с полусмертельным исходом.

Правда, если меня спросят: какая тема сегодня может соперничать с бизнесом, то это, конечно, секс. Представляете, в нашей пуританской стране, где раньше в кинофильме даже поцелуй в лоб считался эротической сценой, вдруг началось такое: по телевизору — эротические шоу, в газетах сплошные объявления о сексе по телефону, массажных кабинетах и о каких-то услугах с выездом на дом.

У народа просто пошла кругом голова! Мой приятель живет в Архангельске. Он мне рассказал, что у них недавно открылся «Дом добрых услуг». Ну, вроде как раньше был «Дом быта». Так этот «Дом услуг» выполняет заказы клиентов и высылает на дом за довольно приличные деньги кому массажистку, кому секретаршу в деловую поездку, кому секретаря. Правда, дело это еще для нас совсем новое, и время от времени происходит путаница: присылают или не тех, или не по тому адресу.

Словом, я себе уже нафантазировал такую историю. Некая бизнес-вумен, одинокая, зажиточная и уже не-

молодая, вызвала через это бюро к себе мужика. Он пришел вечером, достает портфель, вынимает оттуда бутылку и говорит:

— Ну что, давайте выпьем, побеседуем.

Естественно, выпили, поговорили. Она к нему придвигается ближе, а он достает из портфеля вторую бутылку:

— Давайте еще выпьем, побеседуем.

Снова выпили, поговорили. Она уже начинает намекать, что пора бы и делом заняться. Он говорит:

— Минуточку, каким делом?

Она ему отвечает:

— Ясно каким — в постель лечь!

— Пardon! Вы, гражданка, кого вызывали?

— Да вот по прейскуранту: хахалья-надомника.

Он говорит:

— А-а! Тогда это ошибка. Я — не хахаль-надомник, я — алкаш-собеседник!

А что? Вполне может быть. У нас и не такое происходит. Возьмите, например, такую часть российского пейзажа, как секс-шопы, магазины сексуальных принадлежностей. Конечно, есть они и на Западе, в укромном месте, с зашторенными окнами, чтобы не шокировать общественность. У нас же в любом коммерческом киоске, рядом с метро, при свете дня продают все эти надутые и механические безобразия. И уже к этому целомудренная русская душа привыкнуть никак не может.

В подтверждение расскажу еще одну историю.

Один работяга возвращается с работы домой, открывает дверь и вдруг видит в коридоре на сундучке механический аппарат. Он кричит:

— Дочь! Это у нас откуда?

Та говорит:

— Это я купила.

— Ты что, с ума сошла? Бесстыдница!

— Что ты кричишь? Мне уже 30 лет, мужа нет, перспектив никаких, имею я право на личную жизнь? Имею. Ну и молчи!

На следующий день дочь приходит с работы, заходит в комнату и видит такую картину: на столе — бу-

тылка водки, два стакана, сидит отец, а напротив него на столе — механический аппарат. Она говорит:

— Пап, ты что делаешь?

— Отойди, не мешай! Дай мне с зятем поговорить!

Словом, живем весело, хотя, если говорить честно, то жизнь страшноватая. Но это наше привычное состояние, когда сразу и страшно, и смешно.

В городе Оренбурге один частный таксист (кстати, это тоже примета времени: он работает на собственной машине, сам ее чинит, сам платит налоги, но речь не об этом) рассказал мне замечательную историю, когда сразу и страшно, и смешно.

— Представляете, — говорит, — поздно вечером останавливает мое такси одна старушка. Я спрашиваю: куда ехать?

— Да тут, — говорит, — недалеко. Прямо к кладбищу.

Я думаю: ночью, на кладбище, район поганый — страшно ехать.

— Нет, — говорю, — мамаша, извините! Я уже закончил.

Захлопнул дверцу и отъехал. Метров двадцать проехал, посмотрел в боковое стекло, а она за мной бежит. Я прибавляю газку: 40 километров, 60 — все равно не отстает. Волосы развеваются, глаза выпучила — страшно, аж жуть! Я дал по тормозам, окошко открываю, говорю:

— Бабуль, что я тебе сделал? Зачем ты за мной гонишься?

А она отвечает:

— Милый, как же мне за тобой не гнаться? Ты же мне дверью юбку прищемил.

В общем, несмотря на войны и разруху, преступность и стихийные бедствия, люди продолжают смеяться, чем, кстати, вызывают мое безграничное уважение.

Я иногда думаю, что 99 процентов населения России никогда не читало Шолом-Алейхема, а процентов 90 вообще не слышало этого имени, но все равно, где-то в глубине души, сами того не зная, они повторяют слова мудрого еврея Шолома Рабиновича, сказанные в одном из его горьких и смешных рассказов: «Господа, смеяться полезно! Врачи советуют смеяться!»

Телефонный разговор

(Нью-Йорк — Бобруйск)

— Алло! Сема?.. Это я, Наум!.. Что

это значит, какой? Твой двоюродный брат, из Нью-Йорка! Ты что, спишь?.. Ах, у вас ночь. Слушай, что там у вас происходит? Как ни позвоню — у вас всегда ночь. Или у вас уже у всех темно в глазах?.. Да-да, хорошо! Я понимаю, что это не телефонный разговор.

Сема, что я звоню! Слушай меня внимательно. У меня хорошая новость: ты в компьютере! Понял?.. Что? Я не слышу...

— Наум! Повтори, я не понял. Какой компьютер? На сколько мегабайт?.. Вообще компьютеры сейчас идут плохо. Забит весь рынок. Если можно, пришли что-нибудь попроще. Например, серево! Ну, серево! Ну, как ты не понимаешь? Приемник и еще две колонки! Се-ре-во! Дошло?.. Ну, стерево, какая разница! А еще лучше не стерево, а видимо. Да, видимо! Пал-Сэкам. Только сразу много официально не посылай. Потому что таможня теперь стала брать большую пошлость. Ну, пошлину, какая разница. Алло! Что ты говоришь?..

— Я говорю, что ты идиот! При чем здесь твое серево? Ты в другом компьютере. Который в Вашингтоне! Ферштейст?.. И ты, и все ваши.

Слушай, в мае тебя вызовут в посольство. Только не надо там ничего крутить. Пиши все как есть. Они здесь все проверяют. Ты меня понял?

— Я понял, понял!.. Слушай, а насчет того, что я был в партии, надо писать?.. Да?.. А почему я должен писать? Ты же не писал. Все, молчу, молчу!..

Слушай, а может, лучше написать, что Роза — член партии? Она все равно не хочет ехать. Откуда я знаю?

Спроси у нее сам. Она такая же твоя сестра, как и моя! Роза, иди сюда...

— Алло, Наумчик! Здравствуй, дорогой! Это я, Роза. Почему я сошла с ума? Ради бога, не кричи, а то у меня поднимается давление. Я тебе все объясню. Во-первых, я уже старая. Что я там буду делать? Во-вторых, и в самых главных, — у меня подходит очередь на холодильник в совете ветеранов. Что же я, шесть лет ждала и уеду, так и не купив?

Наумчик, знаешь, я подумала: если у меня будет холодильник, а продукты вы будете посылать оттуда, я как-нибудь продержусь. Нет-нет, не уговаривай! Не трать на меня валюту! Я тебе лучше опять дам Сему...

— Хорошо, давай Сему... Алло, Сема! Знаешь, что я скажу? От вас родить можно! Причем родить не еврея. В общем, слушай сюда... Главное — получить статус беженца. Это очень важно. И для пособия, и для медицины, и для тебя!

Поэтому, когда встретишься с консулом, наплети ему побольше ужасов про антисемитизм. Только не рассказывай, что за тобой бегают сосед с топором. Эту хохму они уже знают. Придумай что-нибудь поумней. Например, что общество «Память» сожгло твою дачу. Что? У тебя нет дачи?.. Вот и хорошо. Значит, они сожгли — и теперь ее нет.

Ты понял?.. И еще: не тащите сюда старое барахло. Здесь такое можно спокойно взять у гарбиджа. Кто такой гарбидж?.. Это такой универмаг. Бесплатный. По всей Америке. Главное — везите сюда язык! Язык! При чем здесь говяжий? Английский!

Как папа?.. Вандерфул! Ковыляет на одной ноге, но по-прежнему бодрый. Он тебе сам скажет пару слов...

— Алло, кто это?.. Сема? Здравствуй, дорогой! Какой это Сема?.. Ах, сын Давида! Семочка, родной, я тебя не узнал. Богатым будешь. Но только не здесь. Здесь это не так просто. А то вы думаете, что тут деньги растут на деревьях.

Как я себя чувствую?.. Отлично! Здесь такая медицина — они меня в момент поставили на ноги. На все четыре. Кстати, можешь меня поздравить: я получил гражданство. Я теперь стопроцентный американец.

Как у меня с английским? О'кей, никаких проблем. Сказать что-нибудь? Так, ни с того ни с сего?.. Хорошо, пожалуйста... Слушай, а что сказать? Ты же все равно не поймешь. Почему я не знаю английский? Ллупости! Еще как знаю! Как будет по-английски «хороший человек»? Э-э... Агутер менч! Что? Это по-немецки?.. Слушай, я не думал, что немецкий я тоже знаю...

(Послушай, Наум, это он нам звонит или мы ему?.. Ах, мы... Бай коллект. Нет?)

Как мой внук?.. Прекрасно! Замечательный мальчик! Уже совсем взрослый. В прошлом месяце кончил на компьютер.

Семочка, дорогой, ну, будем закругляться. Что-то плохо стало слышно. Рад был с тобой поговорить. Что? Ладно, даю Наума...

— Алло, Сема! Это я... Что случилось?.. Почему ты плачешь? Сам не знаешь?.. Ну, прекрати! Прекрати, я говорю... У нас в Америке не плачут. Слышишь, перестань, а то я сам заплачу.

Вот увидишь, все будет хорошо. Трудно здесь только первый год. А потом будет немножко труднее. И ничего не бойся. Наш Нью-Йорк не такой маленький. Здесь хватит места всем. Будь счастлив, мой дорогой! Би хеппи! Да нет, хеппи, хеппи! Говорю по буквам: Хаим, Ефим, Парнусе два раза, Иден с восклицательным знаком!

— Скажите, а вы были на Брайтоне?

— Ну, как там Брайтон? Заходили?

— Слушайте, а что это такое — Брайтон-Бич?

Такие или почти такие вопросы задают сегодня каждому побывавшему в Америке. Не знаю, что отвечают другие, но я скажу так: Брайтон-Бич — это восьмое чудо света, загадка географии, удивительное место, где ты сразу оказываешься на двух материках: одной ногой в Америке, а другой в России. То, что происходит здесь, может произойти только на Брайтоне. Так, как здесь могут ответить, можно услышать только на Брайтоне. И нигде больше.

Мы заходим с женой в маленький магазинчик, чтобы купить зонт.

— Скажите, — спрашивает она, — сколько стоит вон тот фиолетовый зонтик?

— Этот? Пятнадцать долларов.

— А вон тот — светло-голубой?

— Тот двенадцать.

— Скажите, а подешевле нельзя?

— Извините, мадам, но дешевле в Америке только дождик.

Я захожу в банк. У столика старый еврей клюет носом. Я спрашиваю:

— Извините, вы не подскажете, как пользоваться банковским автоматом?

— А вы что, не знаете?

— Нет, я же только что из России.

— Из России? И не знаете, как пользоваться автоматом в банке?

— Нет, не знаю.

— Ой, не морочьте голову! По-моему, сегодня каждый русский знает, как пользоваться автоматом в банке. Заходит в банк, достает автомат и забирает все деньги!

Нет, сколько ни говори про Брайтон — всего не расскажешь. Это место еще ждет своего Исаака Бабеля, который сможет описать нового Беню Крика, Фроима Прача и всех персонажей, тут проживающих.

Где еще на земном шаре вы можете встретить огромного черного полицейского с дубинкой и наручниками, который лузгает семечки, но знает несколько русских слов. Причем таких, от которых могут покраснеть даже одесские биндюжники.

А эти бесконечные овощные лавки, где овощами и фруктами торгуют почему-то исключительно корейцы. И подхожу к прилавку и начинаю щупать черешню, проверяя, достаточно ли она спелая. Старый кореец, похожий на пожилого зайца, долго смотрит на меня своими щелочками и вдруг говорит:

— Не дави черешню, фраер!

Я так обалдеваю, что даже не обижаюсь на слово «фраер».

А эта знаменитая, лежащая вдоль океана прогулочная палуба. По-английски она называется борд уолк, но здесь ее для удобства зовут просто бодварг. Каждый вечер население гуляет по этой палубе взад и вперед, немножко демонстрируя наряды и драгоценности и ведя разговоры, которые можно записывать.

— Слушайте, я сегодня в «Интернейшенл фуд» купила такие сардины — это просто объеденье.

— А что за сардины? Откуда? Французские или португальские?

— Я знаю... Какие-то из Европы.

— Но какие? Испанские?

— Какая вам разница? Вы что, будете с ними разговаривать?

— Боря! Боря! Иди сюда. Ты слышал новость?

— Нет! А что такое?

— Сейчас ты будешь смеяться. Представляешь, бывшая жена Моршанского родила негритенка.

— Не может быть! А что сказал Моршанский?

Он говорит: «Вы же знаете мою жену, у нее вечно что-нибудь подгорает».

Что касается американцев, то про них здесь вообще говорят неплохо, но с некоторым сочувствием, как о дефективных. В общем, неплохие ребята, но немного шмоковатые. Построили такую хорошую страну, а что с ней делать дальше — не имеют понятия. И хорошо еще, что мы подъехали, чтобы им немножко объяснить.

Что касается России, то с ней обитателям Брайтона давно всё ясно. Их интересует только один, но главный, вопрос: как там с евреями?

Пожилая женщина на пляже сначала было приняла меня за американца и выдала весь свой запас английских слов.

— Хелло, мистер, — сказала она. — Хау ар ю?

— Ай эм уелл, — ответил я. — Энд ю?

Она немного подумала и ответила:

— Ай эм велфер!

Затем, сообразив по акценту, что я свой, сразу задала этот традиционный вопрос: как там с евреями?

— Как всегда, — ответил я. — В общем, живем среди антисемитов.

— Ой, вы думаете, здесь хорошо? Тоже хватает антисемитов. Вот я вам расскажу. У меня в Бостоне есть племянник. Умный мальчик, создал свою фирму, хорошо успел. Вы меня слушаете?

— Да-да, я слушаю.

— Так вот, он решил снять апартамент в одном престижном доме. А ему не сдают. Хозяин прямо сказал: «Я против вас ничего не имею, но в этом доме живут одни англосаксы. Если я сдам квартиру еврею, я потеряю всех жильцов». Ну, это не антисемитизм?

— В чистом виде.

— Но вы слушайте, что было дальше! Мой племянник обиделся, купил весь этот дом целиком и выгнал всех англосаксов прямо на улицу. Видите, как нам здесь приходится? А вы говорите, что в Америке нет антисемитов!

Ах, Брайтон, удивительное место, где у людей пропадает чувство ностальгии. Чего грустить о России,

когда она здесь. Русские книги, русские газеты, русская еда. Здесь все можно получить. Если очень повезет, можно даже получить по морде.

Нет, мы несправедливы к Брайтону. Мы приходим в Чайнатаун и восхищаемся, что здесь всё, как в Китае: китайские магазины, китайские улочки, китайская еда. Мы попадаем в итальянский район и радостно говорим: «О, литтл Итали!» Так почему же мы не восхищаемся, попадая на Брайтон-Бич? Да, это не литтл Итали, зато это дер кляйнечке Одесса. Пусть маленькая, пусть грязноватая, зато без горсовета и горкома партии.

Не надо стесняться Брайтона — ведь это все мы. Это наши бабушки и дедушки, которые не очень хорошо говорили по-русски, зато очень хорошо нас любили. Я часто вспоминаю случай из своего детства: когда мои бабушка и дедушка громко говорили в трамвае по-еврейски, пассажиры поглядывали на них с кривыми усмешками, а я, юный пионер, изо всех сил старался смотреть в окно, потому что очень стеснялся за своих бабушку и дедушку, которые так громко говорят по-еврейски в нашей великой антисемитской стране.

Так давайте не будем в очередной раз отказываться от своих стариков. Не будем похожи на тех людей, которые прячут в маленькой комнате своих родителей, когда к ним приходят шибко интеллигентные гости!

Я иду по вечернему Брайтону. Справа шумит Атлантик оушен, слева гремит музыка из ресторанов «Арбат» и «Одесса». Добрый вечер, Брайтон! Мы давно с тобой не виделись. Гуд ивнинг! А гит ёнтыф! А гит юр!

Вы, наверное, слышали такое

выражение: «еврей-тысячник»?.. Это значит, что на тысячу евреев всегда найдется один особо отрицательный. Если уж дурак, то такой, что ни в одной нации не найдешь; если подлец, то такой, что все могут спрятаться; если врун, то сам барон Мюнхгаузен может у него постоять за дверью.

Наш сосед по двору дядя Боря тоже был еврей-тысячник. Это был пьяница, аид ашикер. Вообще еврей-пьяница в России встречается не так уж часто. Ведь для чего пьет русский человек?.. Чтоб ему стало хорошо. У еврея же организм устроен иначе: прежде, чем ему станет хорошо, ему станет так плохо, что его надо три дня отпаивать молоком.

Но дядя Боря был исключением. Он мог пить и не пьянеть. Как он сам говорил:

— Это у нас наследственное. Когда в Шепетовке умер дядя Изя, он оставил нам в наследство самогонный аппарат. С тех пор мы такие.

Конечно, больше всех страдала его жена, тетя Рая, маленькая, сухонькая и совершенно седая еврейка. Каждый раз, когда он возвращался с работы с чуть покрасневшим лицом, она встречала его словами:

— Босяк! Гопник! Ну, объясни мне, почему ты пьешь?

На что находчивый дядя Боря неизменно отвечал:

— Пью, потому что жидкая. Была бы твердая — я бы ее грыз.

К чести тети Раи, должен сказать, что, несмотря на вечную войну с мужем, она была его верной союзницей и закрывала от остальных грудью.

Была у нас соседка по фамилии Фильчикова — мерзкая особа с таким выражением лица, будто она по-

стоянно держала во рту кусочек дерьма. Что она только не делала, чтобы вбить клин между Борей и Раей. Как-то зимой Боря увлекся одной артисткой филармонии и пропадал днями и ночами, о чем, конечно, не пустила сообщить Фильчикова.

— Соседушка, — ласково обратилась она при встрече к тете Рае, — уж не хотела вас огорчать, но по-соседски скажу: муж-то у вас гуляет!

— Ну? — спокойно сказала тетя Рая. — Пусть гуляет. Он у меня тепло одет.

Тогда Фильчикова заходила с другого боку.

— Соседушка, — говорила она, — ваш муж вчера вернулся в час ночи пьяный-пьяный!.. Уж так ругался в подъезде...

— Еще бы ему не ругаться! — отвечала тетя Рая. — Он же наступил на вашего, который спал на лестнице.

Постепенно Фильчикова сдалась, говоря, что евреи всегда держатся вместе и наших туда не пускают. И тут она была совершенно не права. Как раз компанию Бори составляли два чисто русских индивидуума: Вася Крот и Коля Жмот. Только не ищите тайного смысла в этих прозвищах. Просто фамилия одного была Кротов, а другого Жмотов. Они всегда появлялись вместе и всегда навеселе. Как говорила тетя Рая:

— Они оба ходят такие пьяные, что рубашка одного заправлена в брюки к другому.

При всем том оба друга дяди Бори были людьми не простыми. В частности, Кроту принадлежит высказывание, перечеркнувшее метрическую систему мер:

— Литр, — сказал он, — это то же самое, что метр. Только в жидком виде.

Что касается Жмота, то это был вообще библиофил. Он выписывал подряд все газеты и журналы и вырезал оттуда всё, что имело отношение к выпивке.

— Мужики! — говорил он, появляясь со свежесрезанной заметкой. — Во Львове один фельдшер новый способ выпивки открыл. Через клизму.

— Это зачем? — лениво спрашивал Крот.

— Вот чудила! Ты представь: закуски тебе не надо — это раз! На работу приходишь, от тебя водярой не пах-

нет — это два! И самое главное — всё сразу всасывается в организм. 100 грамм — и полностью бухой!

— Нет, — говорил дядя Боря, — лично мне это не нравится.

— Почему?

— А как при этом способе пить на брудершафт?

Конечно, в смысле выпивки ни Крот, ни Жмот с дядей Борей тягаться не могли. Когда они уже лежали под столом, дядя Боря только начинал рассуждать об исходе евреев из Египта. Впрочем, степень опьянения друзей роли не играла: все равно об этом событии они ничего не слышали.

— Я вас спрашиваю, — говорил Боря, — зачем Моисей водил евреев 40 лет по пустыне?.. Не знаете? Так я скажу: он искал землю, где совершенно нет нефти. И таки нашел, чтоб у него голова не болела! В результате арабы купаются в золоте, а евреи имеют фон гипергерте пферд подковес!

Я перевожу: имеют подковы от придушенной лошади. Когда дядя Боря сильно напивался, он сразу вспоминал еврейский язык. Очевидно, это хмельная волна доносила до него голос предков. В эти минуты на все попытки мастера или кадровика назвать его Борис Петрович он неизменно отвечал:

— Меня зовут Борис Пинхусович. Кому не нравится — может удавиться!

Нельзя сказать, что мудрая тетя Рая не пыталась вылечить мужа от пьянства. Сначала она обратилась к нетрадиционной медицине: экстрасенсам, иглоукалывателям и даже к одному йогу. Результат — ноль, разве что только йог после дяди Бори начал выпивать через ноздрю.

Тогда тетя Рая обратилась к обычной медицине и заставила мужа пойти в поликлинику. Районным врачом у нас был доктор Онищенко — здоровый хохол с большим красным носом и синими прожилками. Лечил он больных алкоголизмом по своему методу: заставлял пить до тех пор, пока тому не станет противно. Противно дяде Боре так и не стало. И через две недели он лечение прекратил. Правда, потом часто любил повторять:

— Алкоголик — это тот, кто пьет больше своего лечащего врача.

Как рассказывал мне отец, Боря при своем пьянстве был потрясающим токарем. Самые сложные детали поручали точить только ему, поскольку он умел, как говорили на заводе, ловить микроны. Зато, когда приезжали зарубежные делегации по обмену опытом, дядю Борю никогда не приглашали на банкеты. Даже не потому, что он пил, а потому что болтал про всё вокруг, включая партию и правительство.

Я даже не могу понять, как он со своим языком не сгинул в лагерях при Сталине, не сел при Хрущеве, не попал в психушку при Брежневе?.. Может, это водка его хранила? Знаете, как бывает: трезвый человек свалится с лестницы — поломает руки-ноги, а пьяный упадет — ни одного синяка. Особенно он любил рассказывать антисоветчину моему отцу, чувствуя, что тот втайне тоже не любит советчину.

— Наумыч! — орал он при встрече на весь двор. — Фото в «Известиях» видел? «Хрущев осматривает свиноматку-рекордистку». На фотографии Хрущев слева. Не, ты понял, в чем юмор? Он же у нас на свинью похож.

— Так, — тихо бормотал отец. — Анекдот — пять лет, плюс объяснение — еще три года.

Или уже в брежневские времена:

— Наумыч, слышал, в Ташкенте землетрясение. Это у Брежнева китель упал вместе с орденами.

Но, конечно, главный его бенефис состоялся уже в период перестройки. Об этом хочу рассказать особо. Заводу, на котором он работал, выпала редкая честь: его решил посетить отец перестройки М. С. Горбачев. С самого утра на заводе уже хозяйничали кэгэбэшники. Нюхали, шарили, искали и указывали рабочим, кому что отвечать на вопросы генсека. По плану Михаил Сергеевич должен был обойти цеха и собрать народ на митинг в актовом зале.

Но, как известно, наш генсек был человек непредсказуемый и, войдя на завод со своей свитой, вместо того чтобы пойти направо, как было договорено, взял и двинулся налево. То ли он решил нарушить партийную традицию, то ли точно не знал, где право, где лево,

но вышел он прямо к станку дяди Бори, которого к этой встрече никто не готовил.

— Здравствуйте, дорогой товарищ! — сказал генсек. — Рад нашей встрече.

Дядя Боря выключил станок.

— Здравствуйте, Михал Сергеич, я тоже рад.

— Ну, рассказывайте, как дела? Семья, дети, так далее...

— Детей, к сожалению, нет. Только жена.

— Ну, жена — это тоже неплохо, — пошутил генсек. — Как ее у вас величают?

— Почти как вашу, — сказал дядя Боря. — Раиса Моисеевна.

При этих словах секретарь заводского парткома от ужаса крикнул и в его шевелюре появилось еще несколько седых волос. Но генсек сделал вид, что все нормально.

— Я, знаете, вот о чем хотел вас спросить. Вот сейчас в стране началась антиалкогольная кампания. Ну, вы слышали... Так вот, лично вы как к ней относитесь?

Конечно, лучшего объекта для своего вопроса он найти не мог.

— Ну что, компания, — сказал Боря. — В хорошей компании да под хорошую закуску много можно накушать.

Свита недовольно зашумела.

— Тихо, товарищи, тихо! — успокоил их главный. — Человек шутит, что ж мы, юмор не понимаем? Но давайте конкретно. Вы токарь какого разряда? Пятого?

— Нет, пятый у меня пункт. А разряд седьмой.

— Вот видите, высший разряд. Вам поручают сложнейшие детали. А представьте, вы выпили сто грамм. Можете вы после этого работать?

— Почему нет? — сказал Боря. — Также мне доза.

— Ну, хорошо, а двести? Можете вы после двухсот грамм работать?

— Но вы же видите, работаю.

Свита опять загудела, как улей.

— Подождите, товарищи! — разгневался генсек. — У нас принципиальный разговор. Знаете, уважаемый, если рассуждать по-вашему, можно далеко зайти. Выходит, выпил бутылку — и иди, работай?

— Нет, — сказал дядя Боря, — после бутылки работать трудно. После бутылки можно только руководить.

На следующий же день Борю с треском отправили на пенсию. Но, между нами говоря, ничего он не потерял. Через полгода в связи с падением производства завод был закрыт, а еще через некоторое время отправили на пенсию и самого отца перестройки.

Пару лет назад побывал я снова во дворе моего детства. Всё как прежде: такой же обшарпанный дом, так же стоит на асфальте одинокое дерево и стучат во дворе доминошники. А во главе их сидел постаревший дядя Боря.

Дружки его, Крот и Жмот, давно умерли, тети Раи тоже нет. Живет он теперь один. Точнее, не один. Он завел себе собачку, которую называл Пьяница.

— Почему такое имя? — спросил я.

— Для дела. Я, когда зову ее на улице, половина мужиков оборачивается. Сразу ясно, с кем можно сообразить.

— А вы что, еще выпиваете?

— А как же! С этим делом резко бросать нельзя. А то будешь выглядеть, как наш президент.

— А вы думаете, что он много пил?

— Не в том беда, что пил, а в том, что пил не с теми, с кем нужно. Ну, бывай! Заходи как-нибудь. Примем по стопарю, помянем наших, пусть земля им будет пухом.

В последнее время я часто вспоминаю Борю Голобородько. Вроде, не был он ни знаменитым ученым, ни известным композитором. Но, в конце концов, не все становятся Ойстрахами и Ботвинниками. Есть еще дяди Бори, дяди Мони, дяди Абраши. И неизвестно, на ком больше держится земля.

Как ни странно, я считаю его одним из немногих счастливых людей, которых я встретил в своей жизни. Он любил то, что любил, не делал того, чего не хотел, никому не угождал и, самое главное, никем не притворялся, оставался самим собой. А это ведь и есть в жизни главное счастье.

Я не знаю, есть ли там что-нибудь на небе. Но, если есть, я бы очень хотел, чтобы дядя Боря оказался в раю. Пусть ему там дадут попробовать нектар, потому что все остальное в этой жизни он уже выпил.

Лично я на жизнь не жалуюсь.

Мне Бог всё дал. И молодость была, и здоровье, и хороший муж, пусть земля ему будет пухом. Только одного счастья я не знала: не дал мне Бог детей. Так получилось. И тогда я себе сказала: Фира, ты хочешь детей? Кто тебе мешает? Пойди в детский дом и возьми себе ребенка. И ты сразу сделаешь счастливыми двух людей: себя и его.

Сказано — сделано! Я не люблю долго рассусоливать. Меня еще в молодости звали Фирка-огонь. Словом, я собралась и пошла в детский дом. Вы когда-нибудь были в детском доме?.. Нет?.. Тогда вы не знаете, что такое несчастье. Потому что, когда ты видишь эти глаза, ты начинаешь плакать. Ведь каждый ребенок смотрит на тебя и думает: вот она, наконец, пришла моя мама! Она заберет меня домой.

Короче, я себе сказала: Фира, у тебя хорошая двухкомнатная квартира, пару копеек ты себе отложила на старость. Так возьми уже двух детей. Где один, там и два. Вместе веселей.

Честно вам скажу — мне было все равно, кто эти дети по национальности. Ведь когда ребенок рождается, у него нет национальности. Но, между нами говоря, я подумала: если уж я беру двух детей, пусть хотя бы один из них будет еврейский, даже не знаю почему, но хотелось. Так знаете, что выяснилось? Еврейских детей в этом доме вообще нет. Ни одного. Оказывается, евреи не бросают своих детей. Я уже потом проанализировала, почему. Евреи же не дураки, они знают, что из ребенка обязательно вырастет или крупный ученый, или знаменитый скрипач, кто же будет бросать такое богатство?.. Только мишигинер!

Нет, вы только не подумайте, что среди евреев нет сволочей. Еще как есть! Сволочи, как и новорожденные, тоже не имеют национальности. Вообще, будь я главой правительства, я бы отменила в паспорте национальность. Просто бы указывала: сволочь или нет. Пятая графа — сволочь, и всё!

Но, извините, я отвлеклась. Так вот, я себе выбрала двоих: мальчика и девочку. Я всю жизнь хотела иметь мальчика и девочку, чтоб уже был полный комплект. Девочка — это нежность, ласка, помощница в доме. А мальчик — это надежда, гордость, защитник в семье. Моему мальчику ровно восемь, зовут Тарас, он украинец. А девочка помладше на два года. Циала, она грузинка. Циала и Тарас Рубинштейн! По-моему, звучит...

Вот так мы и зажили втроем. Пусть небогато, но красиво. Конечно, я не миллионерша, я им не могу подарить по автомобилю, но все, что у меня было, мы делили на троих. Я никогда не думала, что я такая хорошая мать. Даже слишком хорошая. Потому что на своего ребенка можно прикрикнуть, можно дать ему по попе, но когда ты знаешь, что этот ребенок все-таки не совсем твой, плюс видел в жизни столько несчастья — так рука не поднимается.

Вообще, университетов я не кончала, но про эту жизнь кое-что понимаю. Я своим детям плохо не посоветую. Я вам больше скажу: ко мне весь дом ходит советоваться. Мне даже соседка всегда говорит: «Эсфирь Григорьевна, у вас не голова, а совет министров». А я ей отвечаю:

— Смотря чей совет министров. Если наш, так тут нечем гордиться.

Но, извините, я опять отвлеклась. Вот люди часто спорят: что такое счастье. Теперь я знаю. Когда Тарасик меня первый раз назвал мамой, я проплакала всю ночь. Казалось бы, что тут такого? Простое слово. Но, может быть, этого слова я ждала всю жизнь.

Словом, я думала, что с моими детьми я не буду знать горя. Господи, я даже не предполагала, что люди такие злые. К моей Циалочке ходила девочка из соседнего подъезда. Они игрались, шушукались, наря-

жали кукол. И вдруг — я смотрю: она к нам больше не ходит. День, другой, третий... Я спрашиваю:

— Циалочка, а где Света?

Она, полные глаза слез, говорит:

— Ей папа не разрешает со мной играть.

Я поворачиваюсь и иду в соседний подъезд к этому папе. Боже мой, вы бы его видели: маленький, плешивый, носик пуговкой — плюнуть некуда. Но я держусь. Говорю:

— Слушайте, Петр Иванович, что случилось?

— Ничего. Просто я не хочу, чтобы моя дочь дружила с еврейкой.

— Во-первых, да будет вам известно, Циалочка — не еврейка.

— Кто? Она?! Да вон у нее какой нос! За километр видно.

— При чем тут нос? Нос еще не определяет национальность. Вот у вас почти совсем нет носа. Ну и что? Я же не говорю, что вы — русский, может, вы просто сифилитик.

Словом, я ему сказала все, что я думаю. И про него, и про жену, и про всех родственников до седьмого колена. Когда я уже открываю рот, его не может закрыть даже милиция.

В общем, я хорошо разрядилась. А потом весь вечер пила валидол и думала: ну и чего ты добилась? Сказала мерзавцу, что он мерзавец. А как ты объяснишь своей девочке, что в дружбе главное не душа, не сердце, а величина носа? И чем больше нос, тем больше цорес.

Но, слава богу, дети быстро забывают обиды. Пару недель прошло, и Циалочка успокоилась. Но тут новое несчастье. То есть началось все хорошо. У моего Тарасика оказался чудный голос. Такой нежный, как у ангела. Откуда — не знаю, но точно, что не от меня. И хоровой ансамбль, где он поет, выдвинул его на международный конкурс.

На отборочный тур я его одела, помыла, причесала — ну, как игрушка. В добрый час! К вечеру он возвращается мрачнее тучи и говорит:

— Я туда больше не пойду.

— Почему? Кто тебя обидел?

Молчит, ни слова. Как камень. Всю ночь мы оба не спали. Он вздыхает, я вздыхаю. Утром я уже не выдержала, села в троллейбус и поехала в это жюри. Нахожу председателя.

— Здравствуйте, я мама Тараса Рубинштейна. Что случилось?

Он мнется, жмется, наконец, говорит:

— Понимаете, ваш сын приготовил не тот репертуар.

— Что же?

— Он выбрал песню «А идише мама».

— Что вы говорите? Я даже не знала. Ну, так что, разве это плохая песня?

— Дело не в том. Понимаете, он представляет нашу страну. И в этом случае песня на еврейском языке звучит как-то странно...

— Да-да, я понимаю... А если бы он пел про украинскую маму?

— Ну, это уже лучше.

— Значит, про ту маму, что его бросила, он может петь, а про ту маму, которая в нем души не чает, — нельзя?

— Да нет, вы поймите...

— Я уже всё поняла. Знаете что? Пойте уже сами. У вас есть прекрасный репертуар: «Если в кране нет воды, значит, выпили жида!»

Вот я вам это рассказываю, а сама не понимаю, как мне жить? Я знаю только одно: мне очень жалко моих детей. Ну ладно, мы евреи, и за это всю жизнь страдаем, хотя я тоже не понимаю, за что? Но ведь они даже не евреи. За что они должны кушать этот компот?

Я иногда думаю: может, мне их увезти в Израиль?.. Ведь они записаны на мое имя. Но могу ли я решать их судьбу? И что они скажут, когда вырастут:

— Тетя Фира, зачем вы нас увезли в еврейскую страну? Ведь мы вовсе не евреи.

А не увезешь, они потом могут сказать:

— Мама, что же ты наделала? Ведь мы могли жить в прекрасной еврейской стране.

Просто голова раскалывается. Может, я не имела права брать этих детей? На что я рассчитывала? Я ведь не первый день живу... Но что сделано, то сделано. Я сама себе выбрала эту должность: еврейская мама. А мама это больше, чем Герой Советского Союза. Потому что героем надо быть один раз, а мамой — всю жизнь.

Каждый день я молюсь Богу за своих детей. Наверное, такой молитвы нет, но я думаю, что Бог все равно меня услышит и поймет:

— Господи! Сделай так, чтоб мои дети не знали горя! Я уже старая, я не доживу. Но пусть, когда они вырастут, они не смогут понять даже через переводчика, что значит армяшка и кацап, чурка и хохол. И что такое жидовская морда, которую у нас из приличия называют лицом еврейской национальности.

Театральный разъезд

(из программы гастролей по
Соединенным Штатам Америки)

(После концерта...)

Вот встретились две подруги, причем одну из них явно переполняет чувство гордости:

— Ну, что скажете? Здорово, а? Сразу видно нашего одесского мальчика!

— Почему одесского? С чего вы взяли?

— Но как же! Он еще был капитаном одесского КВН!

— Ничего подобного! То был другой Хайт.

— Что вы мне говорите! Он еще писал хохмы для одесской оперетты.

— Ничего подобного! Он вообще москвич. Вот «Ну, погоди!» это он писал.

— Да? Это вы точно знаете?

— Абсолютно.

— Так знаете, что я скажу? Он таки больше похож на Волка, чем на одессита.

А вот явно супружеская пара. Он несколько мрачноват, зато она оживлена сверх меры.

— Ну как тебе? — осторожно спрашивает она.

— Ничего. Знаешь, вполне на уровне.

— Видишь, а не хотел идти. Еле уговорила.

— Интересно, он с этой программой будет в Чикаго?

— Да, я читала в «Русском слове», что будет.

— Надо обязательно твоей маме позвонить. Пусть тоже сходит.

— Правильно! Молодец! Как это ты о ней подумал?

— А почему нет? Почему я один должен быть фразером? Пусть она тоже заплатит деньги и послушает эту чушь!

III

Следующая пара. Две пожилые женщины о чем-то очень горячо спорят:

— Нет, вы мне объясните: почему он всё время читает по бумажке? Он что, Брежнев?

— При чем тут Брежнев?

— При том, что тот тоже все время читал.

— Что вы сравниваете? Тому тексты писали другие, а этот себе пишет сам.

— Сам пишет и не может запомнить?

— А что такого? Может, у человека плохая память?

— Чего вдруг? Он еще не такой старый.

— Ну и что? Вы тоже не старая, а память — никуда!

— Почему это?

— Потому! Вы мне уже полгода должны 50 долларов — и ни ответа ни привета!

IV

А вот выходит большая семья, которая была в полном составе. Привели даже маленького мальчика в костюмчике и бабочке, который выглядит, как маленький американец. К нему наклоняется его бабушка:

— Семочка, мамочка, тебе понравилось?

— Иес, ит уоз вери интрестинг.

— Ой, мама моя, как он уже хорошо говорит. Люба моя, ты смеялся?

— Иес, итс вери фанни.

— Фанни! Любонька, чтоб ты был здоров! А ты всё понял?

— Оф корс. Еврисинг.

— Сердце мое! Еврисинг! И что же ты понял?

— Что мы все правильно оттуда уехали!

V

Следующая — нарядно одетая женщина с украшениями на руках, ушах и вообще на всех местах, которые можно увидеть.

— Какой вечер! Какой вечер! Я сегодня встретила весь город. Герштейнов, Будницких... Рахиль с Абрашей вообще пришли всей семьей с новым зятем.

— Слушайте, говорят, он какой-то ученый. Что-то там открыл.

— Я вас умоляю! Открыл. Вы его видели, этого шмендрика? Форточку открыть он тоже не сможет.

— А Софу вы видели?

— Конечно! Пришла сразу с мужем и с любовником. Вот несчастная!

— Почему? Приятный муж, красивый любовник... Чем она несчастная?

— Именно тем! Муж и любовник все время надеются друг на друга, а она сидит на бобах. Но вообще, вечер замечательный. Я получила истинное удовольствие.

— А сам артист вам понравился?

— А кто его слушал? Пусть себе болтает. Я пришла на людей посмотреть.

VI

Неподалеку два хорошо одетых господина средних лет, явно несогласные друг с другом.

— Ой, такие дорогие билеты и такие дешевые хохмы!

— Ну почему? Вы не правы, были и удачные вещи.

— Перестаньте! Такие шутки может рассказывать любой еврей, только стесняется.

— Нет, не могу с вами согласиться. Это всё-таки юмористическая литература. Тут нужны и выдумка, преувеличение, гротеск. Это не каждый может написать.

— Да? Так вот, к вашему сведению, я недавно написал одну штуку, так там такая выдумка, такое преувеличение, что ему и не снилось.

— Да? А как эта штука называется?

— Очень просто — Инкомтекст!

VII

Вот выходит бабушка со слуховым аппаратом в сопровождении молодого человека, скорее всего, своего зятя.

— Слушай, — говорит она, — хорошие хохмы. Мне понравилось. Интересно, кто ему пишет? Жванецкий?

— Роза Абрамовна, при чем тут Жванецкий? Хайт же писатель. Он сам пишет.

— Сам пишет? Молодец! А кому? Жванецкому?

— Ой, с вами родить можно! Я ж вам русским языком объясняю: тот пишет себе, и этот пишет себе. Неужели непонятно?

— Да, непонятно! Если он не пишет Жванецкому, а тот не пишет ему, почему тогда у них одни и те же хохмы?

VIII

Следующие — муж и жена. Он довольный, расслабленный, а она явно чем-то напряжена.

— Хорошо, — говорит он. — Сходили, развеялись, было очень мило.

— Да? Откуда ты можешь знать? Разве ты смотрел на сцену?

— А куда я, по-твоему, смотрел?

— А, ты не знаешь?.. Ты смотрел на эту вашу красавицу, Лизочку Фарбер.

— Не говори глупостей! Ну, посмотрел пару раз, что здесь такого? Эффектная женщина...

— Кто эффектная? Она?! Я тебя умоляю! Сними с нее парик, смой косметику, и что ты увидишь?

— Тебя.

IX

Две подружки из тех, которые стараются не пропустить ни одного концерта.

— Зосенька, ну как вам, понравилось?

— Честно говоря, наполовину.

— Что значит наполовину?

— Я вам объясню. В начале концерта прямо передо мной сел вот такой здоровый жлоб. Так что я практически ничего не видела.

— Так вы бы пересели.

— Я во втором отделении так и сделала.

— Ну?

— Что ну? Вы же знаете мое счастье. Рядом со мной один толстяк так храпел, что я уже ничего не слышала.

— Выходит, половину вы не видели, а половину не слышали.

— Ну да! Поэтому мне и понравилось наполовину. Хотя, если мне вернут половину денег за билет, так я скажу, что это замечательный концерт!

X

Два старичка, которым еле хватило сил прийти на концерт, но зато хватает сил, чтобы спорить.

— Ой, тоже мне хохем-балайла! Между прочим, я этих еврейских хохмочек знаю побольше, чем он. Но я же не лезу на сцену.

— Вы?.. Ну, расскажите хоть одну.

— Пожалуйста... Значит, так: один еврей возвращается из командировки. Подошел к дверям своей квартиры и... забыл.

— Что забыл, ключи?

— Да нет!

— А что, чемодан?

— Да не он забыл, это я забыл, что там дальше в анекдоте.

— А-а... Может, там у жены любовник?

— Нет!

— Может, он квартиру перепутал?

— Слушайте, кто рассказывает анекдот: я или вы?

— Что вы сердитесь? Мне же интересно, что было дальше.

— Думаете, мне не интересно? Но я не помню. Знаете, что мы с вами сделаем? Я вспомню, в чем там хохма, и утром вам позвоню.

— Договорились.

— Кстати, напомните ваш номер телефона. Я его тоже забыл.

XI

Какой-то мистер с красным от гнева лицом собрал вокруг себя целую толпу.

— Нет, вы мне скажите: как им не стыдно? С чем они сюда едут? Между прочим, это Америка, а не какой-нибудь Крыжополь!

— А что такое?

— То самое! Вы слышали, что они несут со сцены? Такие грубости, такие пошлости — это же уши вянут!

— А что он такого страшного говорил?

— Я за ним не записывал! Ну, допустим, ладно, этот еще куда ни шло. Делает вид, что он интеллигент. Но вот недавно здесь был этот композитор... Добрынин. Вы были на том концерте?

— Нет, а что?

— Так я вам расскажу. Он выходит на сцену и при всем честном народе говорит: «Недавно я положил на музыку...»

— Ну?

— Что ну? Положил на музыку...

— Ну и что?

— Как это что?! Мало ли на кого я положил. Я что, об этом говорю со сцены?

XII

Вот беседуют мужчина и женщина, очень похожие друг на друга. Как видно, брат и сестра.

— Изя, ну как тебе?

— Ну что тебе сказать?.. Это не Лев Толстой.

— При чем тут Толстой? Это же юморист.

— Ну, тогда это не Чехов.

— Ой, специалист! Что ты вообще у Чехова читал?

— Ну, мало ли что...

— Ну, например?.. «Даму с собачкой» читал?

— Конечно.

— Ну, расскажи, в чем там дело.

— А что рассказывать?.. Была одна дама, и у нее была собачка. Жутко злая, на всех лаяла с утра до вечера. И тогда ее сосед, глухонемой Герасим, решил ее утопить.

— Что ты мелешь? Это уже не Чехов, это Тургенев.

— Да? Смотри, оказывается, Тургенева я тоже читал!

Что составляет главное богатство

евреев в России?.. Главное их богатство — это не золото и не бриллианты. Главное их богатство — это русский язык. Мало кто говорит на таком хорошем русском языке, как наши евреи. Конечно, бывают исключения. Помню, я приехал выступать в Киев, выхожу из гостиницы и встречаю милую супружескую пару. Он мне говорит:

— Ой, товарищ Хайт, как хорошо, что вы приехали. Мы уже за вами соскучились.

Я говорю:

— Извините, но так по-русски нельзя говорить «за нами соскучились». Надо говорить «по вас».

— Правда?.. Я не знал. Так я и говорю: мы по вас что-то вспоминали.

— Простите еще раз, но не «по вас», а «о вас».

Жена ему говорит:

— Моня, идем уже! Он думает, что если он писатель, так может издеваться над людьми.

Повторяю — это исключение. В основном евреи говорят очень чисто. А если иной раз картавят, то это уже не грамматика, а наша национальная особенность. И смеяться над этим грех! Впрочем, по этому поводу уже прекрасно сказал один еврейский поэт:

Дразнить иудеев нельзя никому.

Язык у них свят и нетленен.

Евреи картавят всегда потому,

Что так разговаривал Ленин.

Да, наш вождь и учитель действительно картавил. И поскольку у нас на дворе всё еще демократия, мы

можем смело об этом сказать. Хотя я думаю, что, если бы Ленин услышал, как говорят нынешние вожди, он бы стал еще и заикаться.

Для людей моего поколения русский язык — это не просто средство общения. На этом языке мы спорили до хрипоты о прочитанных книгах, рассказывали друг другу анекдоты и даже умели читать между строк. Словом, это язык, на котором только мы понимали друг друга с полуслова. Ну, какой иностранец, к примеру, поймет наш диалог на базаре:

— Простите, это у вас черная смородина?

— Нет, это красная.

— Красная? А почему же она белая?

— А потому, что еще зеленая.

В лучшем случае он подумает, что в этой стране живут дальтоники, в худшем — что идиоты!

На кинофестивале француз, синхронный переводчик с русского языка, мне говорил:

— Я понимаю, что ваш язык очень своеобразный. Но почему даже географические названия вы производите по-своему?.. На всех языках говорят Парис, Пэ-рис, Паризи. И только на русском говорят Париж. Почему Париж-ж?

А я стоял и думал: ну как ему объяснить? Это надо всю жизнь прожить в нашей стране, чтобы понять, что у нас там всё через «ж». В том числе и Париж-ж!

Ведь что такое настоящее знание языка?.. Это когда ты не только знаешь слова, но и понимаешь, что стоит за словами. Со мной в институте учился один китаец. Русский он учил там, у себя, с китайским преподавателем. Тонкостей, естественно, не понимал. Как-то я ему назначил встречу у памятника Пушкину. Он мне потом рассказывал:

— Я стою-гляжу, тоцно не знаю: это Пускина или не Пускина? Подхожу к одному, спрашиваю: «Это памятника Пускина?» Он мне говорит: «Ну?» Думаю, сто такое «ну»? Это ни да, ни нет. Наверное, невежливо спросил. Подхожу к другому: «Извините, это памятника Пускина?» Он говорит: «Ага!» Кто такой «ага»? Мы такого слова не проходили. Опять неправильно спросил. Надо «позалуста» сказать. Подхожу к симпатичной женщи-

не: «Извините, пожалуйста, простите за беспокойство, что памятника Пушкина?»

— Да, — говорит, — это он, Александр Сергеевич.

— Спасибо большое! Только объясните, почему мне все отвечают по-разному? Один сказал «ну», другой — «ага», и только вы ответили «да».

— Видите ли, мой друг, — отвечает она, — тут всё зависит от культуры. Если человек малокультурный, окончил четыре класса, он вам ответит «ну». Если у него уже семиклассное образование — он вам скажет «ага»...

— Понимаю, понимаю! Значит, у вас образование высшее?

Она говорит:

— Ну...

Вот такая история, которая говорит не столько о языке, сколько о культуре моих соотечественников. Потому что, в конце концов, этот памятник оказался не Пушкину, а Тимирязеву.

Конечно, русский язык — понятие очень широкое. Ведь свой жаргон, свой особый язык всегда был у разных групп населения: у музыкантов, у военных, у молодежи, у блатных. Но всё же есть один язык, который близок и любим всеми, от простонародья до интеллигенции. Я имею в виду матерный.

Кстати, я категорически не согласен, когда говорят, что наш народ ругается матом. Он матом не ругается, он на нем разговаривает. Это язык межнационального общения, в который иногда, если есть возможность, вставляется два-три приличных слова.

Между прочим, вы никогда не задумывались?.. Вот английский язык. Его у нас семь лет в школе учат, пять лет в институте — по-английски никто слова сказать не может. А неприличные слова?.. Их нигде не учат: ни в школе, ни в институте, ни в университете культуры... А ты любого ночью разбуди — он все эти слова тебе сразу и скажет.

Вот вы замечали, что, когда выступают наши руководители, у них всегда такие большие паузы между предложениями. А почему?.. Потому, что они мысленно выбрасывают из речи все матерные слова, которые хотели бы сказать. Отсюда и паузы такие.

А вообще, к этому языку у нас очень серьезное, бережное отношение. Я, когда последний раз был в Москве, даже книгу видел: «Сборник ругательств Нечерноземной полосы России». Тираж 100 тысяч экземпляров.

Современная Россия переживает новый языковой период. Если бедного Чацкого шокировала смесь французского с нижегородским, то сейчас стали говорить на смеси английского с блатным. Помню, когда перестройка еще только начиналась, мой отец мне говорил:

— Я не понимаю, чего они там бормочут по телевизору: спонсор, брифинг, дилер? И еще это словечко мне нравится — брокер. Кто это такой — брокер? Какер я знаю, штинкер я знаю, но брокер?.. Или это одно и то же лицо?

И хотя я был моложе моего отца на целое поколение, я тоже не мог понять, почему обычный зачуханный гастроном стал называться «шоп»? А соседка уже не говорила, что ходила за покупками, нет, она говорила: «Я сегодня делала шопинг...»

Представляете?.. В авоське болтается кефир и пачка пельменей, но зато она делала шопинг!

А может, я просто брюзжу, и ничего плохого тут нет?.. Ведь если пенсионер, получающий в пересчете 20 долларов в месяц, приходит туда и видит, что простая шоколадка стоит 2 доллара, то он и должен понимать, что он не в магазине, он — в шопе! И непонятно, как оттуда выбираться.

Когда-то в середине XIX века наш классик Тургенев написал стихотворение в прозе: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины — ты один мне поддержка и опора, о великий и могучий, правдивый и свободный русский язык!»

Остается только надеяться на его жизненную силу и повторять вслед за Веничкой Ерофеевым, автором незабвенной повести «Москва—Петушки»:

— До чего ж могуч наш русский язык! Посылают тебя всего на три буквы, а ты всю жизнь идешь, идешь — и нет этой дороге конца и края!

«Еврейские песни периода перестройки»

Э то название принадлежит Аркадию

Хайту. И родились эти песни действительно в период перестройки, в самом ее начале, когда в Москве на Варшавском шоссе у дома № 71 остановка троллейбуса стала называться «Театр «Шалом», когда по всей России стали появляться еврейские организации, газеты, школы... Праздник! Хотелось петь от радости! Но песни были только старые, такие, как «А идише мамэ» или «Тум-балалайка». Хорошие, но старые. А хотелось новых, рожденных новым временем. Для нового еврейского театра и его зрителей.

И Хайт написал их. Веселые и грустные. Простые и сердечные.

Сегодня появляются новые еврейские песни, и этим никого не удивишь, но первым был Аркадий Хайт. Песни имели успех, поэтому полетели по всему свету. Их стали петь в Казани, Оренбурге, на Брайтоне, в Лос-Анджелесе и Израиле. Они стали почти «народными». А у народных песен, как многие ошибочно думают, авторов нет — их сочинил народ. В программе концерта Вахтанга Кикабидзе напротив названия песни «Мои евреи» стояло: «автор неизвестен». Это комплимент автору, которого мы знаем по «Ну, погоди!», «Приключения Кота Леопольда», кинофильму «Паспорт», «Радионяне», пьесам для еврейского театра, а теперь — и по новым еврейским песням.

Музыка большинства из них написана Ефимом Гурдом, известным эстрадным музыкантом, лауреатом многих джазовых фестивалей. «Молитва» и «Уходит гетто» — Михаилом Глузом, народным артистом России, руководителем шоу-театра «Тум-балалайка», а «Еврейская еда» (спектакль «Моя кошерная леди») — Владимиром Шаинским, которого все знают.

А. Левенбук

МОЛИТВА

Когда весенним долгожданным маем
Мы сядем все за праздничный обед,
Места пустые за столом оставим
Для тех, кого сегодня с нами нет.
Плядут со стен родные лица:
Тот не пришел, а этот не дожил...
Нас не учила бабушка молиться,
Я сам молитву эту сочинил.

Молюсь за своего отца,
Который не увидел нас,
Молюсь за каждого бойца,
Что умирал по сотне раз.
За тех, кто молча шел к печам,
За тех, кто с песней шел на танк,
И за того, кто по ночам
Писал дневник, как Анна Франк.

Гремит салют и веселятся дети,
Оркестр играет в городском саду.
И в эту ночь так ярко звезды светят,
Что забываешь желтую звезду.
Давайте петь и веселиться! —
Не каждый раз бывает день такой!
Но если кто-то хочет помолиться,
Пусть не стесняясь молится со мной.

Молюсь за тех, кто спит в земле,
Молюсь за сверстников моих,
За женщину в глухом селе,
Что прятала детей чужих,
За Бабий Яр, за Сталинград,
За тех, кого не дождались,
За всех, кто не пришел назад,
Чтоб мы сегодня собрались.

УХОДИТ ГЕТТО

В соавторстве с А.Левенбуком

Уходит гетто в облака,
Уходит гетто.
Туда, где больше нет войны
И страха нету...
Туда, где нет ни слез, ни боли,
Ни страдания,
Рука руки едва коснулась
В знак прощанья.
Они прощаются с тобою
И со мною,
Они прощаются друг с другом
И с землею.

Уходит гетто в облака,
Уходит гетто.
И черный дым летит-летит
По белу свету.
Потом он ляжет на траву
И на деревья,
На города и на поля,
И на деревни.
И постучится к нам в окно
Напоминаясь,
Иль белой вьюгой загудит,
Как отпеванье.

Уходит гетто в облака,
Уходит гетто.
Но остаемся мы с тобой
На свете этом.
Мы остаемся жить с надеждой
И с любовью,
Но то, что было, не простить
И вечно помнить.

Мы остаемся, чтобы жизнь
Не прекращалась
И чтобы гетто никогда
Не повторялось.

Уходит гетто...

БОБЭ, МАЙНЭ ТАЙЕРЭ (МОЯ ДОРОГАЯ БАБУШКА)

Как позабыть мне бабушку,
Мою родную бабушку.
Ведь все, что есть хорошего,
Я от нее узнал:
И песенки печальные,
И свечи ханукальные,
И те слова еврейские,
Что в первый раз слышал.

Бобэ, майнэ тайерэ,
Как же мне трудно жить без тебя!
Глаза я закрываю:
Ты рядом, как живая,
Бабушка любимая моя.

Квартира коммунальная,
Огромная, нахальная,
Но все в беде и в радости
К ней за советом шли.
И даже в годы трудные
Она кормила штруделем
Моих босых приятелей.
Что без отцов росли.

Бобэ, майнэ тайерэ,
Се азой твер цу лей бы фун зи
Их ноб дир шен форлойнер
Нир штейете мир ин ойгн
Бобэню, майн тайерэ.

Ни старому, ни малому
Не докучала жалобой
И ни минуты отдыха
Не знала целый день.
А ночью в годы страшные
Лежала ты, не кашлянув,
Проя у Бога милости
Для всех его детей.

Бобэ, майнэ тайерэ,
Се азой твер цу лей бы фун зи
Их хоб дир шен форлойнер
Нир штейете мир ин ойгн
Бобэню, майн тайерэ.

Все в жизни забывается,
Все в памяти стирается,
Но бабушку, но бабушку
Я помню, как сейчас.
От старости согбенную,
С улыбкой неизменною,
С лучистыми и добрыми
Морщинками у глаз.

Бобэ, майнэ тайерэ,
Как же мне трудно жить без тебя!
Глаза я закрываю:
Ты рядом, как живая,
Бабушка любимая моя.

ДЕДА ЙОСЯ

Мой дедушка стареет,
Все чаще он болеет,
Совсем седою стала голова.
Он часто отдыхает,
Все даты забывает,
Хоть говорит, что годы — ерунда!

Ах, деда Йося,
Ты не сдаешься
И старости не хочешь уступить.
Но, деда Йося,
Настала осень,
И прошлое назад не возвратить.

Лишь наступает вечер,
Спешит он к месту встречи
Во двор, где ждет компания друзей:
Сидевший дядя Миша,
Безногий дядя Гриша
И вечно пьяный дворник Алексей.

Ах, деда Йося,
Он Бога просит
Товарищей немного поддержать.
Но, деда Йося,
Их годы косят,
И ты все чаще ходишь провожать.

Весной в канун Победы
Особый день у деда,
Он выпивает чарочку вина,
Потом всю ночь вздыхает,
Сундук свой открывает
И вновь перебирает ордена.

Ах, деда Йося,
Давай-ка спросим,
Чем награжден ты Родиной своей?
Ах, деда Йося, —
Медалей горсткой
И званием «Заслуженный еврей».

В защиту прошлой власти
Мой дед с такою страстью
Со мною споры жаркие ведет.
Он топает ногами,
Грозится кулаками,
Меня антисоветчиком зовет.

Ах, деда Йося,
Не беспокойся,
Никто не осуждает жизнь твою.
Ах, деда Йося, —
Смешной, курносый —
Я в жизни больше всех тебя люблю.

ВОСПОМИНАНИЯ

(Из спектакля «Заколдованный театр»)

Воспоминаний мы не выбираем,
Они без спроса в памяти живут,
И долгими бессонными ночами
Они встают как будто наяву.
Родимый дом, где жили мы когда-то,
Наш выпускной весенний школьный бал,
И как нас дед водил в еврейский театр,
И голос мамы, что тихонько напевал:

«Ай-ай-ай, Бэлц!
Майн штэтэлэ Бэлц!
Майн неймэлэ ву их һоб майне
Киндерше йорн фар брахт»¹.

Все отобразить у человека можно:
Свободу, жизнь, надежду и детей,
Но отобразить того, что было в прошлом,
Не смог еще никто из палачей.
И мы храним в своих воспоминаньях
Тепло руки любимого отца
И наше в жизни первое свиданье,
И ту пластинку, что кружится без конца:

«Ай-ай-ай, Бэлц!
Майн штэтэлэ Бэлц!
Майн неймэлэ ву их һоб майне
Киндерше йорн фар брахт».

¹ Мое местечко Бэлц, мой домик, где прошли мои детские годы.

Прошли мы в жизни трудную дорогу —
Дорогу горя, боли и обид.
Пусть светлого не так уж было много,
Но память это светлое хранит:
Наш городок — единственный на свете,
И семь свечей в еврейский новый год,
Своих друзей, которых уж не встретить,
И тот мотив, что с детских лет в душе живет:

«Ай-ай-ай, Бэлц!
Майн штэтэлэ Бэлц!
Майн һеймэлэ ву их һоб майне
Киндерше йорн фар брахт».

СИМХАС ТОЙРЭ

Расскажите, что случилось,
Что за толпы на пути,
Почему нам в синагогу
Ни проехать, ни пройти?
Отчего все так смеются,
Улыбаются с утра? —
Это праздник Симхас Тойрэ,
Праздник света и добра.

Мы все плечом к плечу стоим,
И кантор старенький поет,
Сегодня кажется большим
Наш очень маленький народ.

Рвутся ввысь кларнета трели,
Пляшем мы на мостовой.
То ль с мороза, то ль с веселья
Бьет чечетку постовой.
За колонной двое в штатском
С фотокамерой стоят —
Надоело нам бояться,
Пусть снимают, что хотят.

Мы все плечом к плечу стоим,
И кантор старенький поет,
Сегодня кажется большим
Наш очень маленький народ.

Симхас Тойрэ, Симхас Тойрэ!
Веселится стар и мал,
Пляшут те, кто эту Тору
Даже в жизни не видал.
И пускай мы не учили
В детстве идиш и иврит,
Старый добрый Бог еврейский
Это дело нам простит.

Мы все плечом к плечу стоим,
И нас никто не разомкнет,
Сегодня кажется большим
Наш очень маленький народ!

ПЯТЫЙ ПУНКТ, ИЛИ БАЛЛАДА О ФАМИЛИЯХ

Когда-то много лет назад,
Примерно этак шестьдесят,
Национальность люди не скрывали.
В любом конструкторском бюро,
В кинотеатре и в метро —
На пятый пункт тебе нигде не намекали.

И по субботам вечером
Садись рядом за столом:
Одной компанией большой
С еврейской чистою душой:
Исаак Рувимыч Шнеерсон,
Семен Натаныч Фогельсон,
Иосиф Соломонович Маневич,
Илья Нафтулович Бронштейн,
Захар Абрамыч Филькенштейн
И Борух-Мэндэл Арье-Лэйб Гуревич.

Но жизнь на месте не стоит,
И сразу чувствует аид.
Когда другие времена настали.
Чтоб легче должность получить,
Чтоб в институты поступить,
Менять фамилии евреи дружно стали.

И по субботам вечером
Садилась рядом за столом
Одной компанией большой
С полу-еврейскою душой:
Исаак Рувимыч Иванов,
Семен Натанович Петров,
Иосиф Соломонович Петренко,
Илья Нафтулыч Кузнецов,
Захар Абрамыч Молодцов
И Борух-Мэндэл Арье-Лэйб Кузьменко.

Но не такие дураки
Кругом сидят кадровики,
Они насквозь нас видят по анкете.
Чтоб жизнь была не так сложна,
Менять мы стали имена,
Чтоб с русским отчеством ходили наши дети.

И по субботам вечером
Садилась рядом за столом
Одной компанией большой
С почти что русскою душой:
Иван Рувимыч Иванов,
Семен Натанович Петров,
Василий Соломонович Петренко,
Сергей Нафтулыч Кузнецов,
Иван Абрамыч Молодцов
И Петр-Федор Арье-Лэйб Кузьменко.

Когда-то деды и отцы,
Сапожники и кузнецы,
В местечке жили в горе и тревоге,
Но имя, веру и очаг

Не променяли на пятак —
Так пусть же их пример сегодня служит многим.

И верю я, что вечером
В субботу сядут за столом
Одной компанией большой
С еврейской чистой душой:
Исаак Рувимыч Шнеерсон,
Семен Натаныч Фогельсон,
Иосиф Соломонович Маневич,
Илья Нафтулович Бронштейн,
Захар Абрамыч Филькенштейн
И Борух-Мэндэл Арье-Лэйб Гуревич.

ВЕЧНЫЙ ВОПРОС

Скажите, что творится?
Куда глядит ОВИР?
Открыты все границы,
Доступен целый мир!
Не надо разрешенья,
Нет с паспортом проблем —
Хоть уезжай на время,
А хочешь — насовсем!

И вот в России, как всегда,
Сидят и думают евреи:
Уехать страшно в никуда,
Остаться здесь еще страшнее...
А глобус крутится старенький
Круглый, как земля, —
Где ж на этом шарике
Место для меня?..

Зовет к себе Израиль
И всем жилье дает,
Но там слегка стреляют
И жарко круглый год.
В Америке прекрасно,
Там тишь и благодать,

Но не дают гражданство
И не хотят впускать.

И мы с тяжелою душой
Готовы визы взять обратно,
А вдруг здесь станет хорошо,
Хоть это маловероятно.
А глобус крутится старенький
Круглый, как земля, —
Где ж на этом шарике
Место для меня?..

Живем одной заботой:
Куда наш путь лежит?
В Канаде нет работы,
В ЮАР нам въезд закрыт,
В Австралию не суйся —
Там просто шансов нет,
А в ФРГ за визой
Стоять две тыщи лет.

Мы забываем всякий раз,
Что не бывает в жизни чуда —
Там хорошо, где нету нас,
А мы сегодня есть повсюду.
А глобус крутится старенький
Круглый, как земля, —
Где ж на этом шарике
Место для меня?..

МОИ ЕВРЕИ

Уж три тысячелетья
Живет на белом свете
Народ, который можно
Узнать издалека.
Все с крупными носами,
Печальными глазами,
В которых отражаются
Надежда и тоска.

Мои евреи,
Живите вечно!
Пусть мир и праздник
К вам в дом войдут.
Пуškai не гаснет
Ваш семисвечник —
А гутн йонтэф!
Зол мир алэ зайт гезунт!¹

Мы дали миру Гейне,
Ньютона и Эйнштейна
И крошка Чарли Чаплин —
Всего один из нас.
И мудрый Дизраэли,
И Мендельсон с Равелем,
И даже, извините,
Сам товарищ Карл Маркс.

Мои евреи,
Живите вечно!
Пусть мир и праздник
К вам в дом войдут.
Пуškai не гаснет
Ваш семисвечник —
А гутн йонтэф!
Зол мир алэ зайт гезунт!

Еврея на планете
Повсюду можно встретить.
Он водится в Канаде
И в Африке живет.
Он даже на Чукотке
Сидит за рюмкой водки,
Рассказывает чукчам
Самый свежий анекдот.

Мои евреи,
Живите вечно!

Пусть мир и праздник
К вам в дом войдут.
Пускай не гаснет
Ваш семисвечник —
А гутн йонтэф!
Зол мир алэ зайт гезунт!

Мы в шахматы играем,
Науки изучаем,
И скрипка наша может
Смеяться и рыдать.
Мы чуточку торгуем,
Немножко митингуем,
А если надо, то идем
За это умирать.

Мои евреи,
Живите вечно!
Пусть мир и праздник
К вам в дом войдут.
Пускай не гаснет
Ваш семисвечник —
А гутн йонтэф!
Зол мир алэ зайт гезунт!

Пьесы и сценарии

Поезд за счастьем (картины еврейской жизни)

*Пьеса в 2 действиях для
Московского еврейского театра «Шалом»*

На сцене конструкция, похожая одновременно и на железнодорожный вагон, и на платформу. Чемоданы, мешки, узелки...

Тут же «едут» покосившиеся домишки, мебель, домашний скарб. Удар вокзального колокола. Вступает музыка. Появляются пассажиры с вещами. Их все больше и больше. Идет посадка — танец-пантомима, в котором участвуют старые и молодые мужчины и женщины, ребе, урядник — все в костюмах начала века. Все спешат на поезд. Раздается второй сигнал вокзального колокола. Ритм танца нарастает. Третий сигнал. Все сели на свои места. Свисток кондуктора. Гудок паровоза, Поезд отправляется. Затемнение. Мелькают железнодорожные огни. Звучит музыка.

ГОЛОС ПО РАДИО. Наверное, у каждого народа есть свой поезд. Поезд, который мчится через года, через столетия, поезд его истории, его судьбы. Есть такой поезд и у моего народа. Такой же, как у всех. Ни хуже, ни лучше. Только, может быть, в нем побольше шума и разговоров, скорби побольше и немного больше юмора. Потому что без юмора, как говорится, этот поезд дальше не пойдет. Сама наша жизнь едет в этом поезде. Мелькают картины далекого прошлого, воспоминания нашего детства и события сегодняшних дней. То весело стучат колеса, то криком кричит паровозный гудок... А поезд все идет и идет. Без расписания. Без остановок. Всегда.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА I

Мама из Шполы, Мама из Томашполя, Папа из
Перещепино.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ *(вздыхает)*. Ой-ей-ей...

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Вы что-то сказали?

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Я говорю, в хорошенькое времечко мы живем.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. И не говорите. Вот я оглянуться не успела, как моего Венчика этой осенью надо определять в гимназию.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. У меня те же цорес.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Как подумаю об этом — волосы дыбом.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Голова крутом.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Примут — не примут, возьмут — не возьмут... Процентные нормы, циркуляры! Трех евреев можно, а четырех уже нельзя. Вы Шполу знаете?

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. У меня там тетя.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Шпола — еврейский город. Так в этом году там приняли... Как вы думаете, сколько?

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Сколько?

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Нет, вы скажите.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Я не знаю.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. А вы подумайте, у вас же есть голова на плечах.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Ну, скажите уже.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Двоих. Курам на смех.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Вы возьмите лучше Томашполь. Томашполь — большой еврейский город. А центр, что называется. Так в Томашполе в этом году, говорят, приняли.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Что вы говорите? Сколько?

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Теперь вы скажите.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Откуда я знаю.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Теперь вы думайте, у вас же тоже есть голова, я таки видела.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Я не знаю.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Там приняли... ни одного еврея. Хоть бы на развод, что называется.

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО *(просыпается)*. А вот у нас в этом году приняли восемнадцать евреев.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Сколько?

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. Восемнадцать штук. Один в одного. И моего в том числе.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Вашего тоже приняли?
ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. Еще как приняли! За милую душу.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Где? Где это?

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. Да у нас, в Малом Перещепино.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Что вы залезли на самый верх? В таком случае вас надо поздравить. Слезайте сюда...

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Уже загордились?

Мужчина слезает с верхней полки.

Так, значит, вашего приняли? Видно, у вас там любят барашка в бумажке.

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. Боже упаси! Раньше брали еще как. За милую душу. Но с тех пор, как была комиссия, — всё.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Ой, оставьте! Что, они не хотят денег?

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. Хотят, но боятся.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Когда боятся, все равно берут, только в два раза больше.

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. А я вам говорю: моего взяли без всяких денег.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Так что же? Протекция?

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. Какая там протекция! Просто они между собой договорились: если еврей — принимать. Принимать, и никаких разговоров!

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Просто чудо какое-то! Как этот город называется?

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. Тоже мне город! Малое Перещепино. Местечко.

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Удивительно! Никогда даже не слышала этого Малого Пере... Пере... Как?

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Перещёкино.

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. Взрослые люди, и не в состоянии выговорить простого еврейского слова! Пере-ще-пино! Понятно? Пе-ре-ще-пино!

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Да что вы обижаетесь? Ведь у нас такая же болячка, что и у вас. Услыхали, что вашего мальчика приняли, вот и разволновались, немножко шумим.

МАМА ИЗ ШПОЛЫ. Мы даже не могли подумать, что в вашем Малом Перещепине имеется гимназия.

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. Кто ей сказал, что у нас есть гимназия?

МАМА ИЗ ТОМАШПОЛЯ. Как! Вы же сами сказали, что вашего приняли!

ПАПА ИЗ ПЕРЕЩЕПИНО. В солдаты его приняли. В солдаты! Фарбрент золнзей верн!

И снова шум колес. По вагону идет Нищий.

КАРТИНА 2

Ву нэмт мэн а бмсэлэ мазл?

Ву немт мэн а бисэлэ глик?

Дос дрэйдэлэ зол зих шойн дрэйн.

Ун брэнгэн майн мазл цурик!¹

НИЩИЙ. Подайте бедному еврею, у которого в доме четырнадцать маленьких детей и одна большая беда. Спасибо... А данк... А гройсн данк... Дай вам бог здоровья! Чтоб ваши дети ездили первым классом и чтоб у них всегда было что подать бедному еврею. *(Поет, собирает подаяние, останавливается около прилично одетого мужчины.)*

НЕПОДАЮЩИЙ. Что вы стоите?

НИЩИЙ. Я жду. Может быть, у вас найдется что-нибудь для меня.

НЕПОДАЮЩИЙ. Я не подаю из принципа.

НИЩИЙ. Нет так нет. Извините... Ой, а что это за принцип такой?

НЕПОДАЮЩИЙ. Я считаю, что каждый человек должен зарабатывать себе на хлеб сам.

НИЩИЙ. А я что, заставляю вас вместо себя ходить по вагонам?

НЕПОДАЮЩИЙ. Послушайте, я вам уже сказал: просто так я денег никому не даю.

1 Где взять мне немножко удачи? // Где счастья немножко найти? // Пусть крутится праздничный волчок // Он принесет мне удачу.

НИЩИЙ. Тогда дайте под процент.
 НЕПОДАЮЩИЙ. Под какой еще процент?
 НИЩИЙ. Под любой! Мы, слава богу, не в банке.
 НЕПОДАЮЩИЙ. Не морочьте мне голову! Как это я могу дать вам деньги, когда я вас вообще не знаю?
 НИЩИЙ. Интересное дело! Здесь мне не дают, потому что меня никто не знает, а в местечке мне не дают, потому что меня хорошо знают. А мэшугэнэ вэлт!¹
(Идет дальше, поет, замечает ребе.) Шолом-aleyхем, ребе!²
 РЕБЕ *(отрывается от книги)*. Aлейхем-шолэм!
 НИЩИЙ. Ребе, а я вас узнал. На прошлой неделе я вас слушал в синагоге.
 РЕБЕ. А-а! Это хорошо.
 НИЩИЙ. И если я вас правильно понял, то вы сказали, что на том свете всем людям воздастся. И если человек был беден, то на том свете он будет богачом, а если он был богатым, то на том свете станет нищим. Верно?
 РЕБЕ. Верно.
 НИЩИЙ. Значит, я на том свете стану богатым?
 РЕБЕ. Обязательно.
 НИЩИЙ. Ребе, тогда у меня к вам такое дело: одолжите мне сто рублей. Ну, на том свете мы с вами встретимся, и я вам отдам. Что для богатого человека сто рублей? Тьфу, мелочь!
 РЕБЕ. Логично... У меня только один вопрос. Вот я вам дам сто рублей, что вы с ними будете делать?
 НИЩИЙ. Куплю немножко товара, продам, даст бог, заработаю. Открою магазин.
 РЕБЕ. Тогда, извините, я не могу дать вам сто рублей.
 НИЩИЙ. Почему?
 РЕБЕ. Если вы станете богатым здесь, значит, там вы будете нищий и не сможете отдать мне сто рублей, которых, между нами говоря, у меня тоже нет и никогда не было.
 НИЩИЙ. Ой, ребе, какая у вас светлая голова! Представляете, сколько бы мы заработали, если бы вместе ходили по вагонам.

1 Мир свихнулся!
 2 Мир Вам, ребе!

РЕБЕ. Что делать! Как говорится, каждому — свое. Один просит милостыню у людей, а другой просит милостыню у Бога...

НИЩИЙ. Да, каждому свое... Каждому свое... *(Поет начало песни, прерывает ее)*. Подайте бедному еврею, у которого в доме четырнадцать маленьких детей и одна большая беда — моя жена Рейзл. А данк, а гройсн данк! *(Уходит.)*

РЕБЕ. Боже праведный, дай каждому кусок хлеба, глоток молока и крышу над головой. Осуши слезы бедных детей своих и дай им немножко счастья здесь, на земле. Ну что тебе стоит, Рэбойна шэлойлэм! Ой... *(Поет ту же песню, которую только что пел Нищий. Схватывается, погружается в чтение. Шум поезда...)*

КАРТИНА 3

На полке расположилась семья. Мать держит на коленях кошелку с едой. Дочь читает книгу. Отец спит, прикрыв голову картузом.

МАТЬ. Фэйгэле, Фэйгэле...

ДОЧЬ. Что, мама?

МАТЬ. Съешь уже что-нибудь. Что ты все читаешь?

ДОЧЬ. Спасибо, мамочка, я не хочу.

МАТЬ. Она не хочет... Мендл, ты слышишь?

ОТЕЦ *(просыпаясь)*. Что?

МАТЬ. Скажи уже ей что-нибудь! Ты отец или что? Она целый день ничего не ест.

ОТЕЦ. Захочет — доест. *(Снова засыпает.)*

МАТЬ. Несчастье какое-то: один целый день спит, другая — читает... *(Дочери.)* Ты посмотри на себя. Тут же не на что смотреть!... Кожа да кости. Мендл, ты слышишь?

ОТЕЦ. Что? Что такое?

МАТЬ. Я говорю: посмотри на свою дочь. Как ты ее собираешься замуж выдавать? Где ты найдешь такого человека, который захочет строить свое счастье на этих костях?

ОТЕЦ. Ничего, дураков много.

МАТЬ. Что ты мелешь? Спи уже лучше!

ОТЕЦ. Я и сплю. *(Засыпает.)*

МАТЬ. Он спит, а его дочь умирает с голоду. Фэйгэлэ, ну попей хоть чаю с кусочком штруделя.

ДОЧЬ. Мама, не мешай.

МАТЬ. О, я уже мешаю... Конечно, что с меня взять? Необразованная женщина, только и знает варить и стирать, стирать и варить... У других дети как дети: поговарят с мамой, посекретничают, посоветуются. А у меня не дочь а несчастье какое-то! *(Дочь плачет.)* Девочка моя, доченька! Ты что, обиделась? Фэйгэлэ, разве я тебе плохого хочу? Ну что ты плачешь?

ДОЧЬ *(показывает книгу)*. Жалко...

МАТЬ. Кого тебе жалко?.. Что это за роман такой? *(Смотрит на обложку.)* Муму. Что это за Мума такая?

ДОЧЬ. Это не Мума. Это Тургенев. Муму.

МАТЬ. Му-му? Про корову?

ДОЧЬ. Нет, про собачку. *(Плачет.)*

МАТЬ. Фэйгэле, ну что ты так убиваешься?.. Да у нас в местечке этих собачек, как собак нерезаных.

ДОЧЬ. Да не в этом же дело!

МАТЬ. А в чем? Доченька, ты же взрослый человек. Книги — это всё сплошные выдумки. Писатель написал, получил деньги, а ты будешь плакать — худеть? А что там случилось с этой собачкой? Заболела, простудилась?

ДОЧЬ. Да нет, мама. Понимаешь, жила одна барыня, злая очень. А у нее был крепостной Герасим. Плухонемой.

МАТЬ. И не говорил, и не слышал?

ДОЧЬ. Да.

МАТЬ. Вот несчастная мать у такого ребенка.

ДОЧЬ. Единственная радость у него была — эта собачка... А барыня ее не любила за то, что она утром лаяла и ее будила.

МАТЬ. Подумаешь, цаца! Проснулась — снова заснула. Только и забот. И что?

ДОЧЬ. Барыня велела эту собачку выгнать со двора. Тогда Герасим привязал собачке на шею камень, отвез ее на середину пруда и своими руками утопил. *(Плачет.)*

МАТЬ. Лучше бы он барыню утопил. *(Тоже плачет.)*

Мендл, Мендл, ты слышишь, что в мире творится?

ОТЕЦ. Что? Что случилось?

МАТЬ. Бедному человеку Бог не дал ни речи, ни слуха. Единственная радость у него была — собачка. И ту у него отняли.

ОТЕЦ. Где? Кто? Что за человек?

ДОЧЬ. Герасим.

ОТЕЦ. Какой Герасим?

МАТЬ. Герасим... Что ты смотришь? Да, русский человек. А ты думаешь, только евреям плохо? Нет, беда не спрашивает, какой ты национальности. Ну что ты молчишь? Скажи, где же справедливость? Правда где? Как жить на этой земле, когда творятся такие вещи?

ОТЕЦ. Хочешь, чтоб я сказал? Я скажу. Вам нужна правда?.. Вы хотите видеть справедливость?.. Тогда делайте, как я. Спите больше. Потому что только во сне бедный человек может увидеть все эти чудеса. Только во сне. *(Прикрывает голову картузом, засыпает с улыбкой на лице. Звучит песня.)*

Как хорошо, что есть на свете ночь,
Когда заботы все уходят прочь.
Когда глаза закроешь в тишине,
И видишь все, что хочешь, в сладком сне.
Во сне не знаешь никакой беды,
Там полон дом здоровья и еды,
Всегда тепло и крыша не течет,
От всех имеешь ты сплошной почет.

ПРИПЕВ:

Ночью вечно выходной,
Горе ходит стороной,
И никто не ссорится с женой.
Ночью все мы богачи,
Ночью все мы силачи,
Ночью все едим мы с маслом калачи.
Тихо! Ша! Людей разбудишь!
Не кричи!

ПРИПЕВ.

КАРТИНА 4

По вагону идет урядник, замечает читающего ребе.

УРЯДНИК. А ты что читаешь?.. Что это за книга такая интересная? Небось, запрещенная литература?

РЕБЕ. Это — Талмуд, ваше благородие.

УРЯДНИК. Талмуд?.. Ясно. Ну и об чем она, эта твоя Талмуд?

РЕБЕ. О, это очень мудрая книга. Боюсь, так сразу вы не поймете.

УРЯДНИК. А ты не бойся! Не глупей тебя.

РЕБЕ. Я не сомневаюсь. Просто книга очень сложная. Ее читают уже две тысячи лет и до конца понять не могут.

УРЯДНИК. Не пугай, не такие дела распутывали. Ты лучше скажи, в чем там загвоздка, а я тебе мигом объясню.

РЕБЕ. Извольте, ваше благородие... Тогда давайте рассмотрим такой случай. Представьте себе: темная ночь, луна и по крыше дома ходят два еврея.

УРЯДНИК. Гм, представил. И что дальше?

РЕБЕ. А дальше — больше. Один из них, очень любопытный, заглянул в печную трубу, не удержался и свалился в нее. Другой хотел ему помочь и упал следом за ним.

УРЯДНИК. Во народ! Вечно лезут, куда не надо!

РЕБЕ. А когда они вылезли из трубы, оказалось: один из них весь черный от сажи, а другой — белый. Ваше благородие, как вы думаете, кто из них пошел мыться?

УРЯДНИК. Ясно — кто. Черный.

РЕБЕ. Нет. Белый.

УРЯДНИК. Как это?

РЕБЕ. Очень просто. Черный посмотрел на белого и решил, что он тоже белый. А белый посмотрел на черного и решил, что он тоже весь в саже. И пошел мыться.

УРЯДНИК. А-а, ясно. Ясно, в чем премудрость вашего Талмуда.

РЕБЕ. Погодите, мы же только начали. Итак, как нам с вами известно, два еврея гуляли по крыше, упали в трубу и вылезли оттуда один черный, другой белый. Кто из них пошел мыться?

УРЯДНИК. Белый.

РЕБЕ. Нет, черный.

УРЯДНИК. С чего это он?

РЕБЕ. Очень просто. Белый посмотрел на себя и увидел, что чистый. Зачем ему мыться? А черный увидел, что он весь в саже, и пошел мыться.

УРЯДНИК. А-а... Понял. Это просто. Кто грязный, тот и моется. Проще пареной репы. И чего вы с этим Талмудом две тыщи лет мучаетесь?

РЕБЕ. Подождите, ваше благородие, не торопитесь...
Итак, два еврея, как вы знаете, гуляли по крыше и свалились в трубу.

УРЯДНИК. Знаю, это мне уже докладывали. Спрашивается, кто из них пошел мыться.

РЕБЕ. Вылезли: один белый, другой черный.

УРЯДНИК. Черный.

Ребе отрицательно качает головой.

УРЯДНИК. Белый?

Ребе снова качает головой.

УРЯДНИК. А кто ж тогда?

РЕБЕ. Оба.

УРЯДНИК. От бисовы дети! С какой такой радости оба?

РЕБЕ. Черный посмотрел на себя и увидел, что он весь в саже. А белый посмотрел на черного и решил, что он тоже весь перемазался. Вот они и пошли мыться оба.

УРЯДНИК. Тьфу ты, мать честная! Запаришься с вашим Талмудом! Ну, ничего! Все ж-таки разобрались с божьей помощью.

РЕБЕ. Не торопитесь, ваше благородие. Это еще не всё. Итак, два еврея...

УРЯДНИК. Знаю! Гуляли по крыше, упали в трубу, вылезли — один черный, другой белый.

РЕБЕ. Спрашивается...

УРЯДНИК. Кто пошел мыться? Оба...

Ребе качает головой.

Черный?

Ребе опять качает головой.

Белый?

РЕБЕ. Никто.

УРЯДНИК. Фарвос?

РЕБЕ. Фар дос. Белый посмотрел на себя и увидел, что он чистый. А черный взглянул на белого и решил, что он тоже чистый. А зачем, ваше благородие, чистому человеку мыться?

УРЯДНИК (*грозит кулаком*). Так... Ясно... Теперь мне все ясно.

РЕБЕ. Вы счастливый человек, ваше благородие! Вам всё ясно? Тогда скажите мне, чтобы уже покончить с этой историей. Как это могло случиться, чтобы два человека упали в одну трубу и вылезли один оттуда черным, а другой — белый. Что, простите, на второго сажки не хватило?.. И потом, где вы видели, чтобы темной ночью при свете луны два еврея гуляли по крыше? Что у них, другого дела не нашлось?

УРЯДНИК. Ты чего ко мне привязался? Черный, белый, отчего, почему? Да я-то откуда знаю?

РЕБЕ. Вот видите, ваше благородие, я же вас предупреждал, что Талмуд — очень сложная книга. Даже для такого умного человека, как ваше благородие!..

УРЯДНИК. Вот народ! Вечно у вас все... Не зря вас люди не любят! (*Уходит.*)

Стучат колеса, и им в такт ребе бормочет слова Талмуда.

КАРТИНА 5

СВАТ. Мадам, пардон, извините мое нахальство... Но я вижу, едет культурная, образованная особа, и сразу захотелось поговорить о том о сем, а то у меня мозги сохнут от скуки.

ДАМА. Короче, что вы хотите?

СВАТ. Я хочу? Что мне хотеть, когда у меня всё есть. Просто я вижу, что вы тоже человек обеспеченный, раз у вас такой красивый ребенок.

ДАМА. Это ребенок?.. Это моя дочь.

СВАТ. Я так и подумал, что это ваша дочь, а не сын... А Шейне мейделе. Красавица! Вся в маму. Просто одно лицо. И сколько лет вашей девочке?

ДАМА. Семнадцать.

СВАТ. Зол зайн семнадцать. Я вижу, вашей козочке пора на травку.

ДАМА. Что вы имеете в виду?

СВАТ. То, что вам крупно повезло. Позвольте представиться: реб-Лайзер, сват. Представитель фирмы «Гименей и Финкельштейн».

ДОЧЬ. Ау вас есть что-нибудь хорошего?

ДАМА. Ша! Бесстыдница! Как-нибудь без тебя выдадим тебя замуж.

СВАТ. Мадам, не волнуйтесь, вы имеете дело с фирмой. Для вас у меня есть чего-то особенного! *(Достает бумажки, читает.)* Ицък-Борух, сын богача и сам богач. Низенького роста, лысоват. Красавец. Ежедневно молится.

ДАМА. Что делает?

СВАТ. Молится.

ДАМА. Фу, слава богу, я думала — моется. На такого ж воды не напасешься. А что он хочет?

СВАТ. Что он хочет... Он хочет денег.

ДОЧЬ. Мы согласны!

ДАМА. Что согласны? Тоже, нашла счастье: низенький, лысенький и всегда хочет денег.

ДОЧЬ. Мама, но для мужчины рост — не главное.

ДАМА. А что главное?

ДОЧЬ. Я стесняюсь. Главное — ум.

ДАМА. Знала я одного умника, когда меня сватали! А потом оказался дурак дураком!

ДОЧЬ. Кто это?

ДАМА. Твой папочка, дай бог ему здоровья.

СВАТ. Мадам, вы абсолютно правы. Для такой порядочной семьи, как ваша, нужен солидный, серьезный человек. И он у меня есть. Вот он. Лежит и ждет. Мендл Корах. Мужчина в соку. 73 года. Похоронил трех жен. Хочет девицу.

ДОЧЬ. А холеру он не хочет? Вы что думали, если я девушка скромная, так мне можно подсовывать прошлогодний снег?

МАТЬ. Ищите себе дураков в другом вагоне!

СВАТ. Тихо, тихо, что вы так кричите? Как будто я у вас займы попросил. *(Отходит в сторону, садится.)* Вот люди, сами не знают, чего они хотят.

КОМПАНЬОН. Вы меня извините, не хочу вмешиваться в дела вашей фирмы, но у меня есть идея.

СВАТ. Какая идея?

КОМПАНЬОН. Вам нужен компаньон.

СВАТ. Зачем?

КОМПАНЬОН. Объясню. Когда вы расхваливаете своих женихов и невест, то люди думают, как бы это поделкатнее сказать, что вы врете, как сивый мерин.

СВАТ. Я?

КОМПАНИОН. Только не обижайтесь. Вы послушайте, в чем моя идея. Когда вы начнете хвалить свой товар, наш компаньон, ну, скажем, я, случайно окажется рядом. И так же случайно скажет, что одного из ваших женихов или невест он прекрасно знает.

СВАТ. Ну и что?

КОМПАНИОН. А то, что вам люди могут не поверить. Вы — лицо заинтересованное, а я — человек посторонний. Я могу хвалить в сто раз больше. Какая мне от этого выгода?

СВАТ. Действительно, какая?

КОМПАНИОН. Прямая. После того, как дело сделано, вы мне отдаете половину комиссионных и ни копейки меньше.

СВАТ. Треть.

КОМПАНИОН. Идет... И можем начать сразу же, как говорится, не отходя от кассы.

СВАТ (подсаживается к молодому человеку). Молодой человек, извините мое нахальство. Если не секрет, куда вы путь держите?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. В Бердичев.

СВАТ. К жене?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет, я еще не женат.

СВАТ. Считайте, что у вас жена в кармане.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Простите, как это понимать?

СВАТ. Очень просто. У меня есть для вас такая невеста, что просто пальчики оближешь. Песя-Двойре Цукерфлейш!

КОМПАНИОН. Простите, я не ослышался? Вы сказали Песя-Двойре Цукерфлейш? А из какого она города?

СВАТ. Из Острополя.

КОМПАНИОН. Так я ее прекрасно знаю. Вот так стоит у дома, а вот так, чуть-чуть наискосок — мой. Я выхожу поставить самовар, а она уже сидит на балконе и пьет кофе.

СВАТ. Кофе мит сметанэ. Так вот, молодой человек, вы хотите знать, что это за девушка. Я вам скажу: Песя-Двойре — не девушка.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не девушка?

СВАТ. Нет. Она а барлянт, жемчужинэ.

КОМПАНИОН. Жемчужина? Да она мешок жемчуга! Два мешка жемчуга.

СВАТ. Вот видите, посторонний человек не даст соврать... Но чтоб вы не думали, что у нее сплошные достоинства, скажу вам честно.... Если присмотреться повнимательней, у нее носик немножечко великоват.

КОМПАНИОН. Немножечко? Да у нее не носик, а хобот! Она им может ворота открывать.

СВАТ. Фармахт дэм пыск!¹ Цудрейтер ид? Не слушайте его! Поверьте мне.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет, уж извините, я ему верю больше. Он — человек посторонний, лицо незаинтересованное, а у вас такая коммерция, вы — сват.

СВАТ. Я сват? Я — идиот! Представитель фирмы «Мешугэнэр и компания»! *(Обращается к пассажирам.)* Смейтесь? Смейтесь, а я посмотрю, как вы без меня выйдете замуж, посмотрю, как это у вас без меня получится.

Ты так хороша,
Что стонет душа —
Пляжу на тебя
Чуть дыша.

— И ты так хорош,
Что мир обойдешь,
Но лучше тебя не найдешь.
Когда мы рядышком
Идем по улице,
Народ любит
И смотрит вслед нам с тобой всегда...

КАРТИНА 6

МОЛОДАЯ ВДОВА. А вы говорите, еврейские мужья лучше всех.

МУЖЧИНА. Мы говорим?

МОЛОДАЯ ВДОВА. Ну не говорите, так думаете. А я вам скажу, еврейский муж — это как чемодан без ручки: и

1 Закрой пасть, придурок!

нести тяжело, и бросить жалко. Поверьте, я не один раз была замужем... и не два. Началось все с того, что я вышла замуж за Лайзера. Это был коммерсант, деловой человек, очень даже деловой. Вот как вы думаете, что должен делать муж, когда он ложится в постель с молодой женой?.. Ну правильно, думаете, обнять, поцеловать, сказать пару теплых слов. Куда там! Мой Лайзер, он только считал: цвей гундарт фуфцик, цвей гундарт зехцек, цвей гундарт зибицик¹. Вы думаете, он считал доходы? Нет, он считал убытки. Такой он был ловкий, мой Лайзер. Вы знаете, как прошел наш медовый месяц? Он купил 800 килограммов меда, 50 пудов. Какой-то идиот сказал ему по большому секрету, что у пчел начался мор и мед вот-вот должен подскочить в цене. Весь дом у нас был липкий от этого меда. А мухи. Зей из мир!² Чтоб у вас было столько денег, сколько на меде сидело мух. А пчелы, они не думали умирать, они себе летали и смеялись, когда у нас выносили мебель на долги. Вы думаете, он на этом успокоился? Нет, что вы! Он себе придумал новый гешефт³! Какой-то молдаваннин сказал, что в Аргентине у коров ящур и мясо вот-вот должно подскочить в цене. Вечером он лег со мной в постель и начал прикидывать, цвейн гундарт фуфцик... и купил 200 кур. Пригнал их домой и говорит: «Дора, я решил заняться мясным бизнесом. Корми их на убой. В этом году Аргентина нам не конкурент». Мы пять раз в день ели яичницу и с утра до вечера выносили куриный помет. Какая любовь? О любви и речи не могло быть. Он все ночи просиживал в курятнике и смотрел, чтобы туда не прошел хорек. И все время подсчитывал кур: цвейн гундарт фуфцик... Кончилось тем, что он заснул в этом курятнике и упал с насеста. Пусть ему земля будет пухом. Нет, больше я за коммерсанта не выходила. Я думала: пускай он будет простой человек, ведь главное, чтоб он меня любил.

Мой Моня, он меня очень любил, но еще больше он любил выпить. А вы знаете, что такое аид — а шикер.

1 Двести пятьдесят, двести шестьдесят, двести семьдесят.

2 О Господи!

3 Бизнес.

Это хуже, чем паровоз. Потому что паровоз еще может остановиться, а шикер — никогда. Все дни он просиживал в шинке со своими друзьями. У них там подобралась хорошая компания: Борух Тринкер, Хайм Штинкер и Микола Наливайко. А я сидела дома одна, свежая, здоровая, как спелый арбуз. Тогда моя мама, умная женщина, сказала: «Дора, надо его вырвать из этой компании, увози его в Америку». Я тут же собрала вещи и сказала: «Моня, едем!» А он мне говорит: «В Америку? Да что я, сумашедший, там же сухой закон, разве может нормальный человек жить в стране, где нельзя свободно купить бутылку водки!» Все, и я от него уехала.

МУЖЧИНА. В Эрец Исроэл?

МОЛОДАЯ ВДОВА. Какой Исроэл? В Жмеринку. Вот там я познакомилась со своим третьим мужем. Соломон! Умница! Кончил ишибот. У него был только один недостаток: как ночь он любил немного почитать Тору.

МУЖЧИНА. Так и что?

МОЛОДАЯ ВДОВА. До утра! И все он знает, особенно, что нельзя. Нельзя ходить с непокрытой головой, нельзя есть мясо с молоком, рыбу без чешуи нельзя. А что касается жен — тут все нельзя! Нельзя неделю до, нельзя неделю после, да, по субботам — упаси бог, тоже нельзя, а что там остается? Эйн мол ин пурим. Раз в год по обещанию. Я ему говорю: «Соломон, я уважаю ваши книги, но надо же выбирать: либо Дора, либо Тора». Так что вы думаете, он собрал свои книги и уехал к себе на историческую родину.

МУЖЧИНА. Ин Эрец Исроэл?

МОЛОДАЯ ВДОВА. В Бердичев! А вы говорите, еврейские мужья лучше всех! Да что мы с них имеем? Один храп и больше ничего!..

ЛЮБИТЕЛЬ СЕЛЕДКИ. А я вам вот что скажу: все-таки главное — иметь на плечах а идишэ коп. Вот со мной был такой случай. Еду я в поезде. Без копейки денег и даже, извините, покушать нечего, кроме пары селедок, которые мне жена положила в дорогу. Так вот, ем я эту селедку, а напротив меня сидит такой важный шляхтич. Смотрит он на меня и говорит: «Вот я часто по своим торговым делам имею отношения, извините, с евреями. Объясните мне, почему у них так хорошо работает

голова в направлении коммерции?» Я говорю: «Видите ли, ясновельможный пан, все дело в том, что мы, евреи, едим много рыбы. А в рыбе содержится уйма фосфора. Из этого фосфора у нас голова работает, как целая бухгалтерия». Тогда он говорит: «А не продадите ли вы мне вторую вашу селедку?» — «Я бы с превеликим удовольствием, но мне самому как раз позарез нужен фосфор». Но вы же знаете, какие привычки у богатого человека. Если он захотел — вынь ему и положь. Он говорит: «Я не постою за ценой». «Ладно, — говорю, — только из уважения к вам я могу уступить эту селедку за какого-то несчастные десять рублей». — «Десять рублей?! За эту маленькую рыбешку?» — «Не хотите — не надо. Пусть она идет ко мне в мозг вместе со своим фосфором». И уже собираюсь отправить ее в рот, а он меня хватается за руку: «Подождите, я согласен. Вот вам десять рублей». — «Вот вам селедка». И он съел ее вместе с головой и потрохами. На первой же станции он отправляется попить зельтерской и возвращается с криком: «Как же вам не стыдно?! На перроне продается точно такая же селедка — три копейки фунт». Я говорю: «Ну и что?» — «Как что? Я за десять рублей мог купить триста фунтов этой селедки». — «И что бы вы с ними делали?» — «Я? Я бы продал эту селедку по пять копеек за фунт». — «И?..» — «И заработал бы чистыми рублей шесть». — «О! Видите, фосфор уже начал действовать!» КОМПАНИОН. Это что! Вот я вам лучше расскажу, что значит иметь «а идишэ коп».

КОМОША. Нет, позвольте мне! Я уже давно хочу рассказать.

КОМПАНИОН. Простите, молодой человек, я немножко старше!

КОШЕДШИЙ. Что вы спорите? Успокойтесь. Лучше послушайте, что я расскажу.

КОМПАНИОН. А вы здесь при чем? Вы вообще только что вошли. А наер рассказчик!

РЕБЕ. Нет, я вижу, парламентский способ разговоров, когда один говорит, а все молчат, — это не для евреев. Нам надо, чтобы все говорили сразу.

Вступает музыка.

Короче, я начинаю... (Поет.)

Что в жизни лучше простой беседы
И разговора о том о сем?
Когда под вечер сидишь с соседом
И обсуждаешь вот это все.

Песню подхватывают остальные.

— Возьмите землю! Возьмите небо!
Я папу с мамой готов забыть!
Вы не кормите еврея хлебом,
Но только дайте власть поговорить!
Про то, что климат стал совсем не тот,
Про то, чей кантор лучше всех поет,
Про то, как нужно толковать Талмуд,
Про то, что цены каждый день растут.
Про дальние моря,
Про батюшку-царя,
Про сказочный Париж,
И про гефилте фиш¹,
Про снег и про мороз,
Убытки и парное,
Про то, что их Америка
Уж так в себе уверена.

ВСЕ:

А, в общем, если вдуматься —
А гиц ин паровоз!
В своем местечке, в пути-дороге,
И на базарах всех городов,
И в русской бане, и в синагоге
Сказать имеем мы пару слов.
Бывает, правда, такое время,
Что все боятся свой рот открыть.
Но не заставишь молчать еврея!
Ведь он руками может говорить!

Сцена без слов, только жесты.

1 Фаршированная рыба.

Про то, где сшить хороший лапсердак¹,
 Про то, что наш городской — дурак,
 Про то, что праздник Пурим² на носу,
 Про то, что денег нет на колбасу.
 Про нашу молодежь, налоги и грабёж,
 Про головную боль, про цимес мит фасоль³,
 Про то, как борщ варить, и как богато жить.
 Но самое, но важное —
 Дать человеку каждому
 Немножко удовольствия —
 С людьми поговорить.

ВСЕ: А мэхае!..

Паровозный гудок, стук колес... Луч света выхватывает сидящего на полу молодого человека, пишущего письмо.

КАРТИНА 7

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Дорогая моя, любимая мама! Пишет тебе твой сын Ицек, который, слава богу, жив-дорров, чего и тебе желает. Вот и пришел праздник Кущей, и у меня выдалось время написать тебе пару слов. Мама, я знаю, ты всегда плачешь, когда читаешь мои письма. Так вот, я очень хочу тебя попросить: не надо плакать, сегодня праздник.

У меня все в порядке, дела идут хорошо, и на здоровье тоже не жалуюсь. Так что ты не волнуйся. А главное, не плачь. А что касается погрома, то он у нас уже прошел. Да и что это был за погром? Так, пустэ халоймес⁴. У нас, слава богу, не Одесса и не Кишинев. Это был не погром, а погромчик. Всего пару дней. А на третий день, когда они устали, все опять стало благополучно. Только ты не волнуйся, мама, и, главное, не плачь — ведь сегодня праздник.

А меня самого погромщики даже пальцем не тронули. Только выбили стекла и унесли швейную машину.

- 1 Сюртук.
- 2 Религиозный праздник.
- 3 Морковка с фасолью.
- 4 Пустые хлопоты.

Хотели они еще взять мой новый костюм, зимнее пальто и сапоги хромовые, но ты знаешь, что ничего этого у меня никогда не было. Так что остались они с носом. А я тем временем, как царь, сидел себе в подвале и смеялся до слез.

Но вот кто действительно выкинул шутку, так это старик Гершл. Вот уже молодец так молодец! Восемьдесят два года, а выкинул такой фокус! Взял и умер за два дня до погрома. Эти газлоним пришли к нему домой, а его уже нет. Нет, и всё. Представляешь, какие у них были физиономии? Чтоб они сгорели вместе со своим Пуришкевичем!

А помнишь рыжего Пинхуса? Ну того, которого чуть не убили еще тогда, два погрома назад? Они и в этот раз до него добрались. Нашли его на чердаке и сбросили вниз. Думали всё, каюк. Ха!.. Дуля им под нос! Он жив и здоров. Только весь переломанный. Вот уж правду говорят: если еврей родился счастливым, ему всю жизнь везет.

Мама, ты пишешь, что скучаешь по дому, хочешь поскорее вернуться и сходить к папе на кладбище. Что ты торопишься? Погости еще у тети Зелды, что тебе там, плохо? А на кладбище и без тебя народу хватает. Странное дело: и погром-то, вроде, был маленький, а людей всё хоронят и хоронят, не про нас будет сказано.

Так что и на этот раз погром обошел наш дом стороной. Моя любимая сестра, твоя дочь Эстер, тоже, слава богу, жива. Она пряталась у дяди Нафтоле. Но эти бандиты нашли ее, разорвали на ней платье и уволокли в сарай. Только не плачь, мама, ведь бывает хуже. А Эстер жива и, можно сказать, здорова. Только весь день смеется и играет в камушки, как малое дитя. Но ты не пугайся, это пройдет.

Вот ты вернешься, мама, и Эстер совсем поправится. И мы вместе сядем за нашим субботним столом. И будем вместе есть нашу любимую куриную шейку и пить твою сладкую наливку, и разговаривать, и смеяться... Только не плачь, мама! Я очень тебя прошу: не плачь. Ведь сегодня праздник!

Грустно звучит скрипка. К ней присоединяются голоса, в вагоне возникает песня.

Убогое еврейское местечко,
Где утро начинается с тревог,
Где по субботам зажигают свечи,
Чтоб наши слезы лучше видел Бог.
Тут сапоги считаются за роскошь,
Заплаты не считаются за грех.
Здесь радостей бывает понемножку,
Зато хватает горестей на всех.
Но в дни страданий, в дни ненастья
Твоя надежда вечная живет,
Мой бедный, мой прекрасный, мой несчастный,
Мой никогда не унывающий народ!..
Возьмем немножко солнца,
Возьмем немножко счастья,
Добавим смеха со слезой пополам.
Наполним этим до краев наш бокал.
И выпьем, чтоб никто беды не знал!

АНТРАКТ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЖЕНЩИНА. Ой, как он кашляет. Простите, гражданин!

Вы случайно не Пискис?

НЕПИСКИС. Какой Пискис?

ЖЕНЩИНА. Из Белгорода.

НЕПИСКИС. Из какого Белгорода? И не знаю никакого Пискиса и никакого Белгорода.

ЖЕНЩИНА. А что вы так нервничаете? Не волнуйтесь...

НЕПИСКИС. Как это — «не волнуйтесь»? Хорошенькое дело! Откуда я знаю, кто такой ваш Пискис? Может, он бывший фабрикант? Или, не дай бог, агент Антанты. Мне это надо?

ЖЕНЩИНА. Да нет же... Пискис — это обыкновенный дантист. Я просто из любопытства спросила. Такое сходство, знаете...

НЕПИСКИС. Сходство, говорите? Тогда послушайте, что я вам расскажу. У нас в Гомеле был сапожник Шайкевич. Он круглый год стучал молотком и пил настойку, как сапожник. Так вот, пришли белые и вдруг объявили, что этот Шайкевич — переодетый красный командир Конной армии. Хотя все в городе знали, что

Шайкевич умер бы от страха, если бы его посадили на живую лошадь. Но они его все равно расстреляли, как вы говорите, за сходство. У него, видите ли, был подозрительный подбородок. Как вам это нравится? Раньше у нас был только подозрительный нос, а теперь еще и подбородок прибавился. А вы после этого говорите, что я какой-то Пискис. Да я не знаю никакого Пискиса! И вас, между прочим, я тоже не знаю. И вообще — я еду в другую сторону!

ГЕДАЛИ. Ай, молодой человек, не нравится мне ваш кашель. Вам бы сейчас не мотаться в поездах, а лечиться у хорошего доктора.

КОЖАНКА. Вот устроим мировую революцию, тогда и будете ходить по врачам.

ГЕДАЛИ. Мировую?.. А на меньшее вы не согласны?

РЕВОЛЮЦИЯ

КОЖАНКА. Нет! Мы хотим открыть глаза всем людям. В закрытые глаза не входит солнце.

ГЕДАЛИ. Мои глаза открыты! Но как мне увидеть солнце? Приходят паны, берут еврея и вырывают ему бороду. И так — много лет подряд. Но вот, наконец, приходите вы и бьете панов, как злую собаку. Это замечательно! Это — революция! Но потом тот, кто бил панов, приходит ко мне и говорит: «Отдай нам на учет твой граммофон, Гедали». «Но я тоже люблю музыку!» — говорю я революции. «Ты сам не знаешь, что ты любишь. Я стрелять в тебя буду, тогда узнаешь. И я не могу не стрелять, потому что я — революция».

КОЖАНКА. Да! Он не может не стрелять. Революция без крови не бывает.

ГЕДАЛИ. Но те стреляли, потому что они — контрреволюция! Вы стреляете, потому что вы — революция! А революция — это же удовольствие. Революция не любит в доме сирот. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди. Но паны — тоже злые люди. Так кто же скажет Гедали, где революция и где контрреволюция?

КОЖАНКА. Ты — хороший человек, но в голове у тебя — каша.

ГЕДАЛИ. Может быть, может быть... Но мой дорогой и такой молодой человек!.. Пожалуйста, привезите и нам в Житомир немножко хороших людей. Ай, в нашем городе не достача! Ай, не достача! Привезите добрых людей, и мы отдадим им все граммофоны. Я хочу, чтобы в нашем городе тоже был Интернационал! Но чтоб это был Интернационал добрых людей!

НЕПИСКИС. Э мишугенер ид¹.

КОЖАНКА. Ты мечтатель, старик! Добро само не приходит. За него надо драться! Извини, но мне пора выходить. У революции еще много дел. До свидания, товарищ!

ГЕДАЛИ. Зайт гезунт², комиссар! Ему бы сейчас сидеть у теплого моря и пить горячее молоко! А он уходит в холодную ночь, где гуляет ветер и свистит несчастье.

НЕПИСКИС. Ой-ой-ой...

ГЕДАЛИ. Простите, что вы сказали?

НЕПИСКИС. Я говорю: в хорошенькое времечко мы живем.

1-я РАБФАКОВКА. Ой, извините, пожалуйста!

ЖЕНЩИНА. Сиди, сиди, девонька. Я тебе подам... «Карл Маркс»... А! Я это слышала. «Капитал»... «Капитал»? А что, он был богатый человек — этот Карл Маркс?

НЕПИСКИС. А ид мит а борд³.

1-я РАБФАКОВКА. Что вы! Какой богатый! Наоборот! Он всегда жил в нужде.

2-я РАБФАКОВКА. Это он только книгу написал про капитал.

ЖЕНЩИНА. А! Обычное дело! Когда у человека нет денег, он пишет про тех, у кого они есть... И что? Вы, такие молоденькие, такие хорошенькие, читаете такие толстые книги?

1-я РАБФАКОВКА. Конечно.

2-я РАБФАКОВКА. Мы же учимся на рабфаке.

ЖЕНЩИНА. На рабфаке? Что это?

2-я РАБФАКОВКА. Рабочий факультет.

1 Чокнутый еврей.

2 Будьте здоровы.

3 Еврей с бородой.

НЕПИСКИС. Не мучайтесь, мадам. Сейчас столько этих новых слов, что все мозги сломаешь. Рабфак, РККА и, не про нас будет сказано, ВЧК.

ЖЕНЩИНА. Нет, мне все-таки кажется, что вы действительно Пискис; он тоже вмешивается туда, куда его не просят!

НЕПИСКИС. Такая ведьма.

ЖЕНЩИНА. Девочки, скажите мне, но только откровенно: как же вы, простые еврейские девушки, попали на этот ваш раб...

2-я РАБФАКОВКА. Рабфак.

ЖЕНЩИНА. Да, рабфак.

1-я РАБФАКОВКА. А туда только и берут простых людей.

ЖЕНЩИНА. И что? Сын простого сапожника может у вас учиться?

1-я РАБФАКОВКА. Конечно.

ЖЕНЩИНА. И сын кузнеца?

1-я РАБФАКОВКА. Пожалуйста.

ЖЕНЩИНА. А вот скажите мне откровенно. Допустим, у моего мальчика отец...

1-я РАБФАКОВКА. Парикмахер?

ЖЕНЩИНА. Нет... То есть, он тоже режет. Но не волосы. Как бы это сказать...

2-я РАБФАКОВКА. Портной?

ЖЕНЩИНА. Нет... Он отрезает... лишнее. Ну, то, что называется «мэ махт а брис».

1-я РАБФАКОВКА. А-а... Нет! У такого человека сына не возьмут! Он же служитель культа!

ЖЕНЩИНА. Какого культа?

1-я РАБФАКОВКА. Религиозного!

2-я РАБФАКОВКА. А религия — это опиум для народа!

ЖЕНЩИНА. Что для народа?

2-я РАБФАКОВКА. Опиум. Наркотик такой, который дурманит людям голову.

ЖЕНЩИНА. Голову?! А какая связь? Нет, я вас спрашиваю — какая связь? Где голова — и где то, что он обрезает?

ГЕДАЛИ. И я тоже не понимаю: почему сын раввина не может выучиться на доктора, а сын священника — на учителя? Что? Это Карл Маркс запрещает?

1-я РАБФАКОВКА. Нет, так прямо у него об этом не сказано.

ГЕДАЛИ. А! Прямо не сказано! Тогда, дети мои, я вас очень прошу: читайте эту книгу как можно внимательно! Каждое слово! Чтобы потом... Ой!.. что-нибудь не перепутать!

В интересное время мы живем, пане-товарищи! В Одессе находятся французы, паровозы вместо угля топят воблой, а еврейские женщины рассуждают о политике! А?..

Что с евреями творится?
Их буквально не узнать,
Им в местечке не сидится,
Рвутся в партию вступить.

НЕПИСКИС.

Ходят-бродят по дороге,
Знамя красное несут.
Стало тихо в синагоге,
Все на митинге орут:

РАБФАКОВКИ.

Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне — остановка,
Другого нет у нас пути.
В руках у нас — винтовка!

НЕПИСКИС.

По ночам буржуев ищут,
В хэдэр въехал райсовет.
Нет нигде кошерной пищи,
И обычной — тоже нет.

ЖЕНЩИНА.

Мать понять не может сына,
Брат на брата не глядит.
Ходит комиссар к раввину,
Каждый день ему твердит:

РАБФАКОВКИ.

Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне — остановка.
Иного нет у нас пути.
В руках у нас — винтовка!

ГЕДАЛИ.

Всё теперь евреям просто,
Всё теперь доступно им.
Нынче Лев Давыдыч Троцкий —
Первый красный командир.

ЖЕНЩИНА.

Рвутся в бой за власть рабочих
Старики и молодежь.

НЕПИСКИС.

Тут уж хочешь иль не хочешь,
А со всеми запоешь:

ВСЕ.

Наш паровоз — вперед лети!
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути.
В руках у нас — винтовка!

НЭП

БОБРОВЫЙ (за сценой). Куда? Куда чемодан понес? Не в тот вагон, идиот! Дай! Дай сюда!.. (На сцене.) Вот народ! Совсем работать разучились. Только и умеют, что на собраниях горланить. И с этими людьми мы должны делать НЭП — новую экономическую политику! А кошмар! ШУЛЕР. И не говорите, уважаемый! Полное падение нравов! Возьмите, к примеру, карты. Красивое, интеллигентное занятие. А во что они сейчас играют? Очко, бура, сека.

БОБРОВЫЙ. Аз ох ун вэй-мит аза шпил¹.

ШУЛЕР. А где старая, добрая еврейская игра шестьдесят шесть? Кто ее сейчас помнит?

БОБРОВЫЙ. Зэкс-ун-зэхцик²! Э-э! Молодой человек! Шестьдесят шесть, вы сказали? Знаете, меня еще дедушка учил в нее играть. Она прямо создана для дороги. Вы играете?

ШУЛЕР. Играю. Но только не в вагоне.

БОБРОВЫЙ. Отчего?

ШУЛЕР. Времена сейчас неопределенные. Того и гляди нарвешься на шулера.

БОБРОВЫЙ. Кого это вы имеете в виду?

ШУЛЕР. Нет! Боже упаси! Но просто буквально час назад один приличный господин, тоже хорошо одетый, уговорил меня перекинуться в картишки. Скоротать время. И вот вам — результат.

1 Та еще игра.

2 Шестьдесят шесть.

БОБРОВЫЙ. О ив ох ун вей мит аза результат!¹

ШУЛЕР. Теперь играть по крупной меня калачом не заманишь!

БОБРОВЫЙ. Вы знаете, молодой человек? Это всё происходит от того, что вы зарываетесь. Зачем по крупной? Надо играть так... по мелочи. Просто, чтоб приятно время провести.

ШУЛЕР. Ой, не знаю...

БОБРОВЫЙ. Это я вам говорю.

ШУЛЕР. Ой, нет.

БОБРОВЫЙ. Ой, да.

ШУЛЕР. Ой, нет!

БОБРОВЫЙ. Ой, да!

ШУЛЕР. Ну, разве чтоб уважить благородного человека...

БОБРОВЫЙ. Опгэрэдт!²

ТОРГОВКА. Пончики! Пончики с ливером! Горячие пончики!

КУПЛЕТИСТ. Дайте мне, пожалуйста!

ТОРГОВКА. Сейчас, сейчас. Вот девушке сначала...

ОМАНСИПЭ. Мне нельзя, я худею.

ТОРГОВКА. Ой, куда тебе уж дальше худеть? (Ой, лучше бы ты меньше курила.)

ПОРТФЕЛЬ. Дайте один! Сколько?

ТОРГОВКА. Пятнадцать копеек.

ПОРТФЕЛЬ. Пятнадцать? Это почему? Раньше были по десять!

ТОРГОВКА. Ой, раньше... Так раньше они были на машинном масле. А эти на чистом масле, из семечек. Я сама пеку, сама продаю. Так что за свой товар я ручаюсь.

ПОРТФЕЛЬ. А-а, так это — частные! Тогда не надо.

ТОРГОВКА. Почему? Да вы только попробуйте! Просто тают во рту!

ПОРТФЕЛЬ. Вот-вот! Вы и вам подобные своими салыми руками душите дело революции!

ТОРГОВКА. Я душу?! «Вихри враждебные веют над нами...» Да как у вас язык поворачивается — сказать такое трудящемуся человеку!

ПОРТФЕЛЬ. Вы — трудящаяся?.. Не смешите меня!

ТОРГОВКА. А кто же я, по-вашему? Капиталист?

1 Тот еще результат.

2 Договорились (заметано).

ПОРТФЕЛЬ. Вот именно!

ТОРГОВКА. Я — капиталист! Да я встаю в шесть утра и весь день кручусь как белка в колесе. У меня чисто, вкусно. Люди едят и облизываются. Налог я плачу аккуратно. Так скажите, кому от этого плохо?

ПОРТФЕЛЬ. Кому? Советской власти!

ТОРГОВКА. Так пусть советская власть не ходит в мою пирожковую. Пусть советская власть кушает в столовой общепита.

ПОРТФЕЛЬ. Но-но! Вы свою мещанскую контрреволюцию бросьте! А то я вас быстро сдам, куда следует. У меня и свидетели есть. Товарищи! Вы, надеюсь, подтвердите?.. Черт знает что!

БОБРОВЫЙ. Ну и везет же вам! Просто в рубашке родились.

ШУЛЕР. Плачьтесь, плачьтесь... Карта слезу любит.

ПОРТФЕЛЬ. Это не вагон, а какой-то вертеп!

ЭМАНСИПЭ. Ша, мужчина! Поберегите нервы. Лучше радуйтесь жизни. Поглядите — кругом свобода. Свободная торговля, свободное искусство, свободная любовь, наконец... Вы со мной согласны? Фу, бесстыдник!

ТОРГОВКА. Девушка!.. Девушка...

ЭМАНСИПЭ. Это вы — мне?

ТОРГОВКА. Да, скажите, что это за штука такая — свободная любовь? С чем ее едят?

ЭМАНСИПЭ. Ну, это просто! Любовь — святое чувство, и это нельзя опошлять какими-то обязательствами, отметками в паспорте. Если брак — только гражданский.

ТОРГОВКА. Гражданский? Первый раз слышу. А что, бывает еще военный?

ЭМАНСИПЭ. Да нет же! Просто мужчина и женщина живут друг с другом не так, как раньше, а как гражданин и гражданка.

ТОРГОВКА. А что, скажите, старый способ уже отменили?

БОБРОВЫЙ. Да что же это такое?! Опять у вас козырный туз!

ШУЛЕР. Не расстраивайтесь. Не везет в карты — повезет в любви.

БОБРОВЫЙ. В какой еще любви?

ШУЛЕР. В гражданской.

ЭМАНСИПЭ. И потом, любовь не вечна, она проходит. Разлюбила одного — иди к другому. Ушла любовь — иди к третьему...

ТОРГОВКА. Боже мой! Так же ходить устанешь... А если дети?

ЭМАНСИПЭ. Что дети? О детях должно заботиться государство. Воспитывать их, учить...

ТОРГОВКА. А если ребенок ночью заплачет — что? Государство его убаюкает? Укроет потеплей? А если у него заболит животик — государство ему поставит клизму?

БОБРОВЫЙ. Поставит, поставит! Это государство еще всем нам клизму поставит!

ШУЛЕР. Извините, у меня — шестьдесят шесть.

БОБРОВЫЙ. Да что же это за невезенье такое!.. Играю на всё!

ПОРТФЕЛЬ. Послушайте, вы не могли бы прикрыть свои коленки!

ЭМАНСИПЭ. А что? Они вам не нравятся? Или они отвлекают вас от передового учения?

ПОРТФЕЛЬ. Вот, пожалуйста, — современная молодежь! Быстро вы забыли, что нам дала советская власть. Вот — я! Простой шарочник из местечка, — шагнул из черты оседлости на пост заместителя директора швейной фабрики!

ТОРГОВКА. Заместителя? А кричите, будто вы уже директор!

ПОРТФЕЛЬ. Помолчите вы, новая буржуазия! Нам с вами не по пути!.. А вы что улыбаетесь? Что вам так смешно? Вы-то сами по какую сторону баррикад!.. Прекратите свои идиотские шутки!

КУПЛЕТИСТ. А что вы так сердитесь, мсье-товарищ? Я совсем не держал в виду вас обидеть. Я себе просто репетирую. Это такой номер, с шариком.

ПОРТФЕЛЬ. А-а, так вы — артист.

КУПЛЕТИСТ. А вы что — меня не знаете?

ПОРТФЕЛЬ. Первый раз вижу.

КУПЛЕТИСТ. Значит, вы не были в Одессе. Мне вас искренне жаль. Потому что каждый, кто хоть раз гулял по этому городу, мог видеть у кафе Фанкони афишу вот с такими... нет, вот с такими буквами: «Натан Зингерман! Танц-комик-куплетист! Король одесского куплета!»

ПОРТФЕЛЬ. Король! Тоже мне искусство.

КУПЛЕТИСТ. Ой, не скажите!... Нет, конечно, я не Шалапин. Но и Шалапин, извиняюсь, тоже — не Зингерман. Вот вы сердитесь, что я молчу. Я не молчу — я слушаю. Я слушаю, как вы расхваливаете свой товар, как вы любите свободную любовь и как вы всё это не любите. Как они хвалят НЭП.

БОБРОВЫЙ. И правильно делают!

КУПЛЕТИСТ. А другие его ругают. А я слушаю. Я слушаю, чтобы вечером выйти на сцену и обо всем этом спеть людям. Чтоб они сидели, смеялись и чувствовали себя людьми. Это трудно объяснить, это надо видеть. Когда вступает музыка и мои ребята на своих инструментах начинают поддавать сухой пар — у людей загораются глаза. Контрабас — пум-пум-пум, барабанщик на тарелочках — умца-умца-умца, а кларнет в это время — т-ра-ра-ра-райра, а скрипочка — и-и-и!.. И тут я пою!

ВСЕ. Ну! Так что же вы сели? Спойте что-нибудь! Пожалуйста! Просим!

КУПЛЕТИСТ. Что, очень хотите?

ВСЕ. Вы еще спрашиваете? Пожалуйста, пожалуйста!

ТОРГОВКА. Ой, какой мужчина! Я не выдержу!..

КУПЛЕТИСТ.

Здравствуйте, товарищи!
Дорогие граждане!
Всех вас здесь приветствует
Старый одессит.
Мы живем в чудесное
Время интересное:
Кто был раньше голоден,
Нынче будет сыт.

ПРИПЕВ.

НЭП, НЭП, НЭП, НЭП —
Времечко лихое!
НЭП, НЭП, НЭП, НЭП —
Что это такое?
Ананасы крутом,
Семга в лучшем виде...
А что будет потом? —
Поживем — увидим!
Строят иностранцы нам
Фабрики и станции,

Строят предприятия, улучшают жизнь.
Мы живем в чудесное
Время интересное,
Скоро нам Америка построит коммунизм.

ПРИПЕВ (ВСЕ).

Каждый день — ревизии,
Каждый день — комиссии!
Ходят фининспекторы
И чего-то ждут.
Мы живем в чудесное,
Время интересное:
Где один работает,
А двадцать пять берут.

ПРИПЕВ (ВСЕ).

КАРТИНА 9

ДЕВУШКА. Что значит — нет бетона? Что значит — нет?

А ты поставь вопрос перед дирекцией, и пусть он стоит.

ПАРЕНЬ. Ох, Зельдина, Зельдина. Несознательный ты элемент. А еще комсомолка.

АМЕРИКАНЕЦ (*открывает газету*). Простите... Телл ми плиз, что это есть: «Даеть Магнитка!»?

ПАРЕНЬ. Это город Магнитогорск. Гора Магнитная. Железная руда.

АМЕРИКАНЕЦ. Да-да, я знаю. Но что это — «даешь»? Кому даешь?

ДЕВУШКА. Всем даешь.

ПАРЕНЬ. Стране!

АМЕРИКАНЕЦ. Стране?.. Хорошо. Энтузиазм.

ПАРЕНЬ. Простите, пожалуйста, а сами-то откуда будете?

АМЕРИКАНЕЦ. Я из Америка. Юнайтед Стейтс.

ПАРЕНЬ. Понятно. Ну что ж, давайте знакомиться.

АМЕРИКАНЕЦ. Давай. (*Протягивает руку.*) Бронстайн... Наум.

ПАРЕНЬ. Надо же. И я Наум.

АМЕРИКАНЕЦ. О! Как в русской поговорке: один Наум хорошо, два Наум — много.

ПАРЕНЬ. Не много, а лучше.

АМЕРИКАНЕЦ. Да, да, лучше. Я плохо знаю русский язык.

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА. Ду редст аф идиш¹?

АМЕРИКАНЕЦ. Ё, авадэ².

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА. Их бин ойх а ид³.

ДЕВУШКА. Ну и как вам здесь у нас? Нравится?

АМЕРИКАНЕЦ. Да, нравится. Хорошо. Люди добрые, интересное время. Вся страна — стройка. Я приехал помогать. Америкэн инжиниир.

ДЕВУШКА. А-а, спец!

АМЕРИКАНЕЦ. Да-да, спец. Тут для меня много работа. Хорошо.

ПАРЕНЬ. А в Америке плохо?

АМЕРИКАНЕЦ. Нет, Америка не есть плохо. Это время кризис. Нет работа. Очень плохо..

ДЕВУШКА. А вот у нас безработицы нет.

АМЕРИКАНЕЦ. Да. Нет. Хорошо.

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА. А русский откуда знаешь?

АМЕРИКАНЕЦ. Родители из России.

ПАРЕНЬ. Сбежали?

АМЕРИКАНЕЦ. Да, бежали... Кишинев, третий год. Погром (*показывает на газету*). Вот теперь учу русский. Вери диффикэлт. Трудно.

ДЕВУШКА. А чего трудного?

АМЕРИКАНЕЦ. Много непонятно. Очень. Вот, например: пятилетка в четыре года.

ПАРЕНЬ. Это же очень просто. План на пять лет, а мы его выполним за четыре.

АМЕРИКАНЕЦ. Хорошо. Потом целый год можно не работать. Но тогда это будет не пятилетка. Четырелетка.

ДЕВУШКА. Да нет же, пятилетка — это план. А мы его выполним на год раньше.

АМЕРИКАНЕЦ. А-а, ясно. Значит, план был неправильный.

ДЕВУШКА. Почему это неправильный? Очень даже правильный.

АМЕРИКАНЕЦ. План правильный?.. Хорошо. Тогда вы неправильно работаете?

ПАРЕНЬ. Ну как ты не понимаешь? План — это план. А работа — это совсем другое. Теперь понял?

1 Говоришь по-еврейски?

2 Да, конечно.

3 Я тоже еврей.

АМЕРИКАНЕЦ. Теперь не понял.

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА. Погодите, дайте я ему объясню... Понимаешь, всего нужно много. Вот люди и стараются сделать побыстрее, чтоб у людей был нахес¹.

АМЕРИКАНЕЦ. Йес, йес, понимаешь!.. Но не может так получиться, что, когда быстро делаешь, потом надо все переделывать? Следующая пятилетка. Четыре года.

ДЕВУШКА. Не беспокойтесь! Знаете, как мы строим: на века!

АМЕРИКАНЕЦ. На века... Хорошо.

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА. Вот ты приехал на тракторный завод. Давай и ты перевыполняй. Мне эти тракторы — вот как нужны!

АМЕРИКАНЕЦ. Зачем тебе трактор? Ты что, фермер?

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА. Какой там фермер! Хуже. Я председатель колхоза. Колхоз-миллионер.

АМЕРИКАНЕЦ. Миллионер? Хорошо. Ты — миллионер и мой дядя в Америка миллионер. Вам надо вместе делать бизнес.

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА. Всему свое время. Вот коровник закончим, а потом и за бизнес построим... А пока попробуй, какой лэкэх² в России делают. *(Угощает.)*

АМЕРИКАНЕЦ. Я очень люблю этот еда. Когда я учился Германия, я каждый день ходил маленькое еврейское кафе на Фридрихштрассе. Теперь его, наверное, уже нет.

ДЕВУШКА. Почему нет?

АМЕРИКАНЕЦ. Из-за Гитлера. Теперь немецкие евреи бегут из Германия... А что у вас думают о Гитлер?

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА. Да некогда нам о нем думать. У нас своих дел по горло.

ПАРЕНЬ. Нам коммунизм надо строить.

АМЕРИКАНЕЦ. Я думаю, нацизм — это очень страшно.

ДЕВУШКА. Не бойся! Рабочий класс Германии быстро им скрутит руки.

ПАРЕНЬ. А если к нам сунется — мы ему так дадим под зад коленом!

АМЕРИКАНЕЦ. Да, да... Как у вас говорят: узнает, куда ноги растут.

ПАРЕНЬ. Не куда, а откуда.

АМЕРИКАНЕЦ. Но это, я думаю, одно и то же? Да... Русский язык веселый, но очень трудный. Пятилетка — четыре года... Даешь Магнитка!

Несется поезд...

ПОСЛЕВОЕННЫЕ

МАТЬ. Сынок!.. Дитя мое...

СЫН. Мама, ну что ты, неудобно. Люди же кругом.

МАТЬ. Почему неудобно? Сын вернулся с войны. Пусть люди тоже радуются.

БОРОДА. Верно говоришь, маты! Хватит нам плакать. Пора и веселиться. *(Снова играет на губной гармошке.)*

СЫН. А что ты, как немец, все на «губнушке» играешь?

БОРОДА. Ты гармошку не обижай. Это штука хорошая, трофейная. Мне ее один фриц подарил, унтер-офицер. На добрую память

СЫН. Ладно заливать! Небось отнял.

БОРОДА. Кто отнял? Что я, мародер, что ли? Мы с ним поменялись. Мит Ёйшер¹. Он мне гармошку, а я ему фонарик.

СЫН. Карманный?

БОРОДА. Хороший такой, здоровый. Я ему его под глаз поставил. Такое дело было. Мы тогда в наступление готовились. Языка нужно было достать. Одного привели — ничего не знает. Другой знает, но не то. Нужно было привести штук десять, чтоб выбор был как на Привозе. Ну, мы с напарником зашли в тыл. Видим — маленькое село. А на окраине банька стоит. А там — а ганцер мэшебэйрэх² — немцы плещутся. Банный день у них. Подползли мы тихонько, часового сняли. Захожу в баню с автоматом. «Так, мол, и так, — говорю, — извините, что в сапогах». Ну, видят они, что пришел культурный человек, сразу подняли руки вверх. Я спрашиваю: «Все помылись?» Они говорят: «Все». «Тогда пожалте бриться!»

1 На пару.

2 Дым коромыслом.

СЫН. Во дает! Врет и не краснеет. Как же они тебя понимали? Ты что, немецкий знаешь?

БОРОДА. Зачем? Я с ними по-еврейски раскумекивал. Языки-то похожи. Только у них победнее. Жаргон с нашего. Так что по-еврейски они секли. Особенно если на них автомат наставить.

МАТЬ. Ну и что дальше было?

БОРОДА. Гюрништ. Дождались темноты и доставили их к нашим.

МАТЬ. Что-то мне не верится. Балаболка ты.

БОРОДА. Фаркэрт! А я еще втык получил от комбата. «Ты, — говорит, — шо, Черняк, мешугенэр чи шо? У меня тут проверяющий из штаба фронта, а у тебя немчура гуляет в чем мать родила!»

СЫН. Ну свистун! Точно, без выдумок еврей жить не может!

МАТЬ. Сынок, тебе что, жалко? Пусть еврей рассказывает. Надо ему верить.

БОРОДА. Точно! Как говорится: «Человек сначала учится говорить, а молчать потом».

СЫН. Ну, а гармошка-то, гармошка откуда?

БОРОДА. Какая гармошка?... Ах, эта... Ну, это другая история. Долго рассказывать. *(Играет.)*

ЭВАКУИРОВАННАЯ. Скажите мне, а Лейпциг от нас далеко?

БОРОДА. Нет, теперь недалеко. Это туда мы шагали четыре года. А назад можно добраться за три дня.

ЭВАКУИРОВАННАЯ. Спасибо... Муж прислал мне письмо из Лейпцига. Скоро мы с ним встретимся.

БОРОДА. А откуда вы возвращаетесь?

ЭВАКУИРОВАННАЯ. Ой, издалека! Аж из Уфы. Мы, правда, в самой Уфе не жили, а под ней. В селе Благовар. Вы слышали про такое?

БОРОДА. Не случалось.

ЭВАКУИРОВАННАЯ. Нам тоже не приходилось, пока война не грянула.

БОРОДА. Тяжело было?

ЭВАКУИРОВАННАЯ. Ну, как вам сказать. Эвакуация не сахар. Война не радость. А сколько сердечных людей

мы повстречали? Поселяют нас с Раечкой к одной женщине. Их село типичное башкирское местечко. И вот стали к нам люди ходить каждый день. И ходят, и ходят. И смотрят на нас с превеликим удивлением. Они просто евреев никогда не видели. Хотя, по правде сказать, я тоже башкир никогда не видела. Но, как говорится, людей узнаешь в беде. Когда дочурка моя Раечка свалилась в горячке, чего они мне только не нанесли. Растирания, настойки, припарки. И миром вылечили. Благослови их Всевышний. Решила я их отблагодарить. И знаете чем? Настоящим еврейским пиршеством.

МАТЬ. А продукты? Где вы раздобыли продукты?

ЭВАКУИРОВАННАЯ. Да что там? Бог послал. Несколько дней крошки хлеба не съела. Откладывала. Потом на рынке обменяла туфли на мед. И сотворила настоящий медовый пряник. А еще я приготовила эсик-флэйш¹.

МАТЬ. Эсик-флэйш? Из чего?

ЭВАКУИРОВАННАЯ. Будете смеяться! Из конины.

МАТЬ. Ой, боже правый!

ЭВАКУИРОВАННАЯ. И наконец, как украшение стола я приготовила кэйзэлэх.

БОРОДА. Кэйзэлэх? А где раздобыли мацу?

МАТЬ. Молоко? Яйца?

ЭВАКУИРОВАННАЯ. Сотворила все, правда, без мацы. Да и яиц, и молока у меня тоже не было. Но была картофельная шелуха, немного яичного порошка и пол-литра кумыса. И можете мне поверить, получился настоящий башкирский кэйзэлэх!

БОРОДА. Да, что в тылу, что на фронте — главное, чтобы люди могли понять друг друга. Вот был у меня случай. Мы тогда отступали. Зовет меня к себе комбат и говорит: «Черняк, я тебе не приказываю, я тебя прошу: прикрой ребят со своим взводом, задержи танки. Часа два продержись и отходи». Надо так надо. Танки идут, мы их встречаем, как положено. А они опять идут, а мы их опять встречаем. И два часа прошло, и три. Звонит комбат: «Черняк, — говорит он, — так тебя перетак. Приказываю немедленно отступать!» «Извините, — говорю я, — товарищ майор, приказ выполнить не

могу». — «Как? Что?! Почему не можешь?!» — «По религиозным соображениям хайнт из дэр шабэс. Сегодня суббота, а я по субботам не отступаю. Отступление — это работа. А евреям в субботу работать запрещено». Он говорит: «Ты мне мозги не крути! Работать ему нельзя! А танки поджигать — это что, не работа?» — «Что вы, товарищ майор, какая же это работа? Это же одно удовольствие! Фаргэнигн ин ди бэйнер!»

СЫН. Ох, папаша, ну и складно же ты врешь. Да за такие дела ты мог под трибунал загреметь.

БОРОДА. Мог. Спокойно мог. Но обошлось. Обошлось орденом Красной Звезды.

СЫН. Ну и где же этот орден?

БОРОДА. Я знаю? Затерялся где-то.

СЫН. Где же он затерялся?

БОРОДА. Да среди других орденов.

СЫН. Ой, ну ты даешь! Просто герой-орденоносец.

МАТЬ. Илюша, ну что ты говоришь! На войне все герои. Разве дело в орденах?

БОРОДА. Золотые слова. Главное, что живы остались. А орденами кого сейчас удивишь?

ДОЧЬ. Мама, а мы ужинать будем?

БОРОДА. О! Устами младенца... Надо же что-то перехватить, а то говорим, говорим.

МАТЬ. У меня тоже есть кое-что... (Достает.)

ЭВАКУИРОВАННАЯ. И мне в дорогу насовали яблочк вперемешку с луком...

БОРОДА. Тогда разрешите и мне внести свой скромный вклад... Где мой вещмешок?

МАТЬ. Ой, товарищ Черняк, вы настоящий Суворов! Это все ваше?

БОРОДА. Нет, это один генерал дал. Поносить. А то ему тяжело... Товарищ военврач, присоединяйтесь к нам.

ВРАЧ. Спасибо, что-то не хочется.

МАТЬ. Присаживайтесь, не стесняйтесь. Дорога длинная, есть о чем поговорить. Слышала, вы едете в Киев?

ВРАЧ. Да.

МАТЬ. Сойдем вместе. Где вы там живете?

ВРАЧ. До войны жила на Подоле.

МАТЬ. Что значит до войны? А теперь?

ВРАЧ. Теперь... Теперь этого дома уже нет.

МАТЬ. Родные?

ВРАЧ. Родные все... в Бабьем Яру.

Пауза.

ДОЧЬ. Тетя, хотите яблоко?.. Сладкое.

ЭВАКУИРОВАННАЯ. А может, горячего чайку?

СОЛДАТ. Я сейчас за кипятком сбегая.

МАТЬ. У меня настоящая заварка.

БОРОДА. Товарищи! Разве за победу чай пьют? Надо что-нибудь посерьезнее. Разрешите пару слов? Спасибо. Так вот, каждый день, когда Гитлеру докладывали положение на фронте, он всегда спрашивал: «А что, старшина Черняк еще жив?» И ему отвечали: «К сожалению, жив, мой фюрер». И он от злости грыз ногти. А наш милый доктор может подтвердить, что ногти грызть вредно. И вот результат: Адольф Гитлер на сегодняшний день сгинул, а Ефим Черняк живет, чего и вам желает! Вы можете меня спросить: почему я остался жив? Могу вам ответить. Потому, что меня защищала вся моя страна. Я жив потому, что мои товарищи в бою прикрывали меня огнем. Я жив потому, что голодные женщины и дети днем и ночью делали для меня снаряды. Я жив потому, что другие солдаты уже никогда не вернутся домой. Но сегодня они все равно с нами. В наших сердцах, в нашей памяти. Пусть они будут там навсегда. Лэхаим!¹

ВСЕ. Лэхаим!

Уходят наши сыновья,
Чтоб никогда не возвратиться,
И лишь в родимые края
Бедя слетает черной птицей.

ЖЕНЩИНА.

И упадет на землю мать,
Отец навек закаменеет...
Как страшно сыновей терять!
Что в жизни может быть страшнее?
Мой бедный сын, майн тайер кинд!

Надежда наша и тревога!
Чем провинились старики?
За что разгневали мы Бога?

ВОЕНВРАЧ, ЖЕНЩИНА.

Зачем не встали мы в дверях,
Тебя не удержали силой!
В какой земле, в каких краях
Теперь искать твою могилу?

ВОЕНВРАЧ.

Как ранит слово «никогда»!
Не знать бы людям это слово!

ЖЕНЩИНА.

Погасла на тебе звезда,
Она уж не зажжется снова.

ВОЕНВРАЧ, ЖЕНЩИНА.

И стонет бедная земля,
И солнце больше нам не светит.
Уходят наши сыновья,
Навек уходят наши дети!

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

СТАРУШКА. Ой-ой-ой!

КИТЕЛЬ. Простите, что вы сказали?

СТАРУШКА. Нет, я говорю: в хорошенькое время мы живем.

КИТЕЛЬ. Что вы этим хотите сказать? Мы живем действительно в прекрасное время. Потомки еще не раз будут вспоминать эти годы.

СТАРУШКА. Да-да, конечно... Скажите, а правда, что в Москве закрыли еврейский театр?

КИТЕЛЬ. Да, закрыли.

СТАРУШКА. А за что, не знаете?

КИТЕЛЬ. Не нужен — вот и закрыли. Почему это у евреев должен быть свой, особый театр? Что это за привилегии такие? Они что — цыгане?

СТАРУШКА. Нет, конечно...

КИТЕЛЬ. Вот поэтому и закрыли!

СТАРУШКА. Простите, вот вы, я вижу, культурный человек. А я — старая, необразованная женщина. Так объясните мне. У меня внук, Боря. Послушный мальчик, умница. У него способности к математике. Школу

кончил с медалью, институт — с красным дипломом. Его пригласили в НИИ, где делают такие машины, что одна машина работает, как тысяча бухгалтеров. Называется кабернетика.

КИТЕЛЬ. Кэ...

СТАРУШКА. А?

КИТЕЛЬ. Кэбернетика!

СТАРУШКА. Да... Спасибо... Так вот: в один прекрасный день приносят газету, а там написано, что кабернетика — это продажная девка империализма! Почему она девка — я, убей бог, не знаю. Но то, что мой Боря остался без работы, — это факт. Вот я и спрашиваю: если они знали, что она — девка, почему они нас не предупредили? Мы бы лучше отдали Борю в консерваторию. Он бы играл на скрипке не хуже Додика Ойстраха. Вы со мной согласны?..

ПРОВОДНИК. Чайку горяченького не желаете?

КИТЕЛЬ. Дайте, пожалуйста, стакан... Послушайте, а почему чай такой жидкий?

ПРОВОДНИК. Заварку такую прислали. Сами знаете, положение какое. Космополиты безродные засели на чаеразвесочной фабрике.

СТАРУШКА. Вот это мне тоже непонятно. Как это: космополиты, да еще безродные. Кто это такие?

ИСПУТАННАЯ. Я не знаю. Но раз в газетах пишут, значит, есть.

СТАРУШКА. Я знаю, что есть. Но кто это?

КИТЕЛЬ. Кто? А те, например, кто скрываются за разными псевдонимами.

СТАРУШКА. А что здесь такого? Предположим, у человека была фамилия Кацман. А его жене не понравилось. Так он взял себе фамилию Кошкин или даже Котеночкин... Так что он — преступник?

КИТЕЛЬ. Не знаю! Может быть. Кому надо — тот разберется. Вот я, например, Фурман. Всю жизнь — Фурман, Фурманом родился и Фурманом умру.

СТАРУШКА. Ну, я вижу — вы своего добьетесь: вы — такой человек. Но не все же такие, как вы.

КИТЕЛЬ. Вот именно! Порядочному человеку незачем прикрываться другими фамилиями и прятаться за всякими псевдонимами.

СТАРУШКА. Наверное, вы правы. Но когда товарищ Ульянов взял себе фамилию Ленин, никто к нему за это не цеплялся. Разве я не права?.. Ой, извините! Я опять забыла...

ПРОВОДНИК. Чайку горяченького не желаете?

СТАРУШКА. Дайте стаканчик согреться немножко. Что у вас холод такой в вагоне? Не топите, что ли?

ПРОВОДНИК. Почему это не топим? Целый день топим. Уголь такой присылают! Сами знаете, положение какое: космополиты в шахтах засели.

КИТЕЛЬ. Ну, вот! Пожалуйста! И этим людям мы доверяли! Продаться международному сионизму за 30 серебряников!

ИСПУГАННАЯ. Что случилось?

СТАРУШКА. Кто продался?

КИТЕЛЬ. Кто? Убийцы в белых халатах! Враги наши, профессора! Нет, вы скажите, чего им только не хватало? Положение, почет, оклады... Нет, всё им мало! Светила медицины — Вовси, Виноградов, Коган, Фельдман...

ИСПУГАННАЯ. Какой Коган? Борис Борисович?

КИТЕЛЬ. Да... Б.Б. А вы что, с ним знакомы?

ИСПУГАННАЯ. Нет! Что вы! Просто он мужа моего лечил.

КИТЕЛЬ. Ну и что? Чем кончилось?

ИСПУГАННАЯ. Вылечил...

КИТЕЛЬ. А вы и поверили! Это всё — для отвода глаз. Сначала человеку вроде лучше, а потом... Потом мы недосчитываемся лучших людей в нашем руководстве. Спасибо, что еще нашлась мужественная женщина, Лидия Тимошук! Выследила эту банду!

СТАРУШКА. Ой, вэй из мир, вэй из мир... Что теперь с нами будет. Послушайте, а это не может быть ошибка?

КИТЕЛЬ. Какая еще ошибка! В таких делах ошибок не бывает.

ИСПУГАННАЯ. Раз в газетах написали — значит, точно!

СТАРУШКА. Да, конечно... Но недавно в газетах писали, что будет потепление. А мороз такой, что жить не хочется.

ПРОВОДНИК. Пиво свежее, «Жигулевское»!

ГЛУХОНЕМОЙ. Дайте пару бутылочек!

СТАРУШКА. Боже мой! Так вы говорите?

ГЛУХОНЕМОЙ. Да! Говорю! Но только — про пиво!

НАШИ ДНИ

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. По горизонтали: объединение людей для совместной деятельности.

ДЕВУШКА. Колхоз.

ПЕРВЫЙ. По вертикали: ценная бумага — шесть букв.

ВТОРОЙ. Рубли!

ПЕРВЫЙ. Это пять букв.

ТРЕТЬЯ. И потом, какая же это ценная бумага?

ВТОРОЙ. Тогда доллар. Шесть букв.

ПЕРВЫЙ. Да нет же! Доллар — это валюта, а здесь ценная бумага.

ПОЖИЛОЙ. Может быть, ваучер?

ПЕРВЫЙ. Ва-у-чер. Годится. Это действительно бумага.

Пассажир на верхней полке повторяет по словарю на иврите.

ВЕРХНИЙ. Бокер тов — с добрым утром! Тода раба — большое спасибо! Ани оле хадав — я — новый репатриант!

ПЕРВЫЙ. По горизонтали: столица европейского государства — девять букв.

ВТОРОЙ. Будапешт?

ПЕРВЫЙ. Это восемь букв.

ТРЕТЬЯ. Копенгаген!

ПЕРВЫЙ. Десять!

ДЕЛОВАЯ. Может быть, Хельсинки?

ПЕРВЫЙ. Хе-льсин-ки... Подходит.

ДЕЛОВАЯ. Вы знаете, такой чистый, красивый город — просто загляденье.

ПОЖИЛОЙ. Вы там бывали?

ДЕЛОВАЯ. Да, недавно. Директора швейных фабрик ездили посмотреть, как они шьют.

ПОЖИЛОЙ. Ну и как?

ДЕЛОВАЯ. Вы же знаете, есть чему поучиться.

ВЕРХНИЙ. Бокер тов — доброе утро! Тода раба — большое спасибо! Ани роце леаф кид эсрим элеф — я хочу положить в ваш банк 20 тысяч шекелей.

ДЕЛОВАЯ (пожилому). А вы куда едете, если не секрет?

ПОЖИЛОЙ. В Москву еду. На конференцию.

ДЕЛОВАЯ. Научную?

ПОЖИЛОЙ. Не совсем. Конференцию по антисемитизму.

ВЕРХНИЙ. Тогда раба — большое спасибо! Бокер тов — доброе утро. Эта колбаса кошерная?

ДЕЛОВАЯ. Как интересно! Я даже не знала, что бывают такие конференции.

ПОЖИЛОЙ. Как видите, бывают. Вот еду.

ВЕРХНИЙ. По-моему, вы не туда едете! Для того чтобы избавиться от антисемитов, вам надо не ехать, а лететь. И не в Москву, а в Тель-Авив. И не на конференцию, а на ПМЖ.

ДЕЛОВАЯ. Знаете, что я вам скажу? Я всегда была противницей отъездов, но раньше, когда еврея не брали на работу или не принимали в институт, это еще можно было понять. Но сегодня ситуация в корне изменилась.

ВЕРХНИЙ. Я вам по этому поводу расскажу хорошую историю. Один еврей подал документы на выезд. Его вызывают в ОВИР и говорят: «Господин Рабинович! Ну, сейчас-то зачем уезжать? Время изменилось, слава богу, демократия, гласность, можете спать спокойно». Он говорит: «Спасибо, я уже выспался. Теперь я хочу кушать».

ДЕЛОВАЯ. Но если так рассуждать, тогда все должны уехать: грузины, армяне, таджики, русские — сейчас всем нелегко. Почему надо евреев в этой ситуации как-то выделять?

ПОЖИЛОЙ. Я тоже думаю, что евреев не надо выделять, однако их у нас всегда выделяют. Особенно, если случилось что-то плохое. Я вам больше скажу: у нас даже слово «еврей» считается каким-то полуприличным.

ДЕЛОВАЯ. Ну, не преувеличивайте!

ПОЖИЛОЙ. Вот вам простой пример. Я недавно в газете читал одну юмореску. Она начиналась так: «В кафе пошли три веселых грузина...» Вот у меня к вам вопрос: чем когда-нибудь попадалась такая фраза: «В кафе пошли три веселых еврея»?

ПЕРВЫЙ. Никогда.

ВТОРОЙ. В жизни не читал!

ТРЕТЬЯ. Действительно, странно! С чего это они такие веселые?

ВЕРХНИЙ. А главное, зачем это они собрались втроем? Что они, русские?

ПОЖИЛОЙ. Видите, вроде маленький пример, а даже по нему понятно, что антисемитизм у нас проник во все сферы.

ДЕЛОВАЯ. Только не надо! Не надо преувеличивать! Тут всё зависит от того, как сам себя поставишь. Вот я семь лет работаю директором швейной фабрики и ни разу, вы слышите, ни разу с этим явлением не сталкивалась. Меня все уважают и на работе, и в доме, где и живу. Мне даже соседка недавно сказала: «Роза Михайловна, вы же знаете, как я к вам отношусь — я вас даже за еврейку не считаю...»

ВЕРХНИЙ. А я вам так скажу: все евреи должны разом подняться и уехать! И тогда пусть антисемиты сами учат своих детей играть на скрипке, сами их лечат и сами себя веселят, вместо Хазанова, Жванецкого, Ефима Шифрина и Клары Новиковой.

ПОЖИЛОЙ. Сложный вопрос... Я думаю, кому ехать, кому оставаться — это решает каждый для себя. Я, например, не поеду. Я за эту землю воевал, я на ней строил дома, в этой земле похоронены мои родители, мои друзья, и просто так я ее антисемитам не отдам. Пусть не надеются!

Все аплодируют.

ПЕРВЫЙ. На этом разрешите парламентские слушания считать законченными. Музыкальная пауза. Саша, давай!

ПЕРВЫЙ ЮНОША.

Когда Бог сушу создавал,
То он придумал море.
Когда он радость людям дал,
То он добавил горе.
С тех пор гуляют честь и лесть,
И доброта и злоба...
А раз евреи в мире есть,
То есть и юдофобы.

ВСЕ (ПРИПЕВ).

Назло антисемитам,
Угрюмым и сердитым,
Давайте заниматься
Зарядкой по утрам.
Чтоб не болеть аидам
Ни насморком, ни спидом,

И жить сто лет на свете,
На зависть всем врагам.

ДЕВУШКА.

Когда в продаже сыра нет,
В аптеке нету ваты,
У них всегда один ответ:
«Евреи виноваты!»
А если мал у них оклад,
Нехороша квартира,
То в этом тоже виноват
Гуревич иль Шапиро.

ИСЕ (ПРИПЕВ).

КАКОЮ ЮНОША.

Наш мир устроен без прикрас,
Всего в нем понемножку.
И в бочке меда каждый раз
Находим дегтя ложку.
Есть в мире сотни площадей,
Но есть и подворотни...
На светлый миллион людей
Есть капля черной сотни.

ИСЕ (ПРИПЕВ).

Кружится снег за окнами вагона,
И время быстротечное летит.
Мелькают города и перегоны
На нашем нескончаемом пути.
И смех, и плач, и радости, и горе
Мы на пути встречали много раз.
И все делили мы с родной землею,
Что родила и вырастила нас.
Но в светлый час и в час ненастья
Пусть скрипка эта вечная поет...
Мой бедный, мой несчастный, мой прекрасный,
Мой никогда не унывающий народ!
Возьмем немножко солнца,
Возьмем немножко счастья,
Добавим смеха со слезой пополам.
Наполним этим до краев бокал
И выпьем, чтоб никто беды не знал!

ЗАНАВЕС

Шлягер, шлягер, только шлягер

Мюзикл

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ФЕДОР БЕСФАМИЛЬНЫЙ — композитор.

МУЗА — его муза и жена.

ХВОСТОВ-КОПЫТОВ — черт.

ГАВРИИЛ РОМАНОВИЧ НЕДЕРЖАВИН — поэт-песенник.

ОРФЕЙ ХРИПУНОВ — восходящая звезда эстрады.

ВАРВАРА СТРЕССОВА — жанровая певица.

СТЕПА ПАНАСОНИК — спекулянт.

ДУСЯ }
МУСЯ } — поклонницы талантов.

СЛЕСАРЬ.

МЕТРОНОМЫЧ — настройщик роялей.

1-я, 2-я, 3-я ЖЕНЩИНЫ НА ПЛЯЖЕ.

МУЖЧИНА С ОРЛИНЫМ ПРОФИЛЕМ.

ГОЛЫЙ — банщик.

ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ.

КИРИЛЛ — телеоператор.

МЕФОДИЙ — телеоператор.

ТЕЛЕРЕЖИССЕР.

В музыкальных эпизодах:

ВИА «ДОРОДНЫЕ МОЛОДЦЫ»

УЧАСТНИКИ РОК-ОПЕРЫ

ДЕТСКИЙ ХОР

РЕСТОРАННЫЙ ОРКЕСТР

СОЛИСТЫ ЧУГУЕВСКОГО МЮЗИК-ХОЛЛА

РОК-ГРУППА «ПЕНА»

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ХОР

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Звучит музыкальная увертюра. Открывается занавес. В глубине сцены высвечивается изображение летящей Музы.

Заканчивается увертюра, и исчезает изображение.

Темнота.

Скромная однокомнатная квартира. В центре комнаты — рояль, на котором сидит герой нашей пьесы, молодой композитор Бесфамильный. Он творит. Из-под его пальцев постепенно возникает та самая мелодия, которую мы только что слушали в увертюре спектакля.

КОМПОЗИТОР (*зовет*). Муза! Музочка!

МУЗА (*не сразу*). Я здесь.

КОМПОЗИТОР. Ты слышала, что я сочинил?

МУЗА. Нет, я была на кухне.

КОМПОЗИТОР. Послушай... (*Играет*). Ну, как?

МУЗА. По-моему, прекрасно. (*Целует его*.) Ты у меня молодец.

КОМПОЗИТОР. Это твоя заслуга. Когда ты рядом, у меня всё получается. (*Играет*.) Я чувствую такой подъем, такое творческое горение. Будто во мне что-то загорается и горит (*перестает играть*); не знаю, что, но что-то горит!

МУЗА. Это котлеты! (*Вьлетает из комнаты*.)

КОМПОЗИТОР (*вслед*). Не расстраивайся, Муза! Когда я стану известным композитором, я подарю тебе тысячу котлет. А сейчас надо продолжать. Я чувствую, у меня сегодня что-то получится. (*Играет*.) Это же Бетховен, так нельзя! Попробуем с другого бока. Может, так. А это Шопен. Ну почему, почему я такой бездарный. (*Бьет по клавишам*.) Боже мой, почему я родился в двадцатом веке! Сколько композиторов уже творило — живого места нет. (*Снова бьет по клавишам рояля*.) Ну, как тут придумаешь что-то новенькое! Просто черт его знает! Один черт и больше никто! (*В третий раз ударяет по клавишам рояля*.)

Появляется Черт.

ЧЕРТ. Здравствуйте, друг мой, вот и я! Явился по первому зову.

КОМПОЗИТОР (*испуганно*). Вы кто?

ЧОРТ. Чорт! Вот именно — через «о»! Член общества растущих талантов. Альфред Терентьевич Хвостов-Копытов!

КОМПОЗИТОР. Хвостов-Копытов?.. Какая странная фамилия.

ЧОРТ. Ничего странного. В музыкальном мире двойная фамилия — обычное явление. Вспомните: Римский-Корсаков, Соловьев-Седой, наконец, Бюль-Бюль-Оглы — это уже просто три фамилии. А у меня всего две: по матери — Хвостов, по отцу — Копытов.

КОМПОЗИТОР. Да-да, понимаю... А что у вас ко мне?

ЧОРТ. Только не торопитесь (*становится в позу*). Федор Федорович, вы прекрасно знаете, сколько серости и бездарности в нашем мире. Я имею в виду музыкальный мир. Естественно, настоящему таланту пробиться трудно. Вот мы и решили вам помочь.

КОМПОЗИТОР. Спасибо. А что я должен делать?

ЧОРТ. Писать! Писать музыку, работать.

КОМПОЗИТОР. Но я и так работаю.

ЧОРТ. Голубчик, разве это работа? В час по чайной ложке. В вашем возрасте Моцарт уже умер.

КОМПОЗИТОР. Но я не Моцарт.

ЧОРТ. Правильно. Поэтому живите. Но живите, как человек!

КОМПОЗИТОР. Честное слово, я не понимаю, что вы хотите!

ЧОРТ. Я объясню. Кто сегодня знает композитора Бесфамильного? Никто. Где исполняют его произведения? Нигде. Что он с этого имеет? Извините, кукиш с маслом. А ваш талант достоин того, чтобы его знали всюду! (*Чорт взмахивает рукой. Слышен гром аплодисментов, и голоса скандируют: «Федя! Федя! Молодец!» Откуда-то возникают фотовспышки. Композитор, поддавшись ситуации, поднимается с места и раскланивается невидимой публике в разные стороны. Чорт снова взмахивает рукой — всё исчезает.*)

КОМПОЗИТОР. Но что я должен для этого сделать? Что написать?

ЧОРТ. Ничего. Только шлягер.

КОМПОЗИТОР. Что?

ЧОРТ. Шлягер. Таковую песню, которая будет иметь успех сразу. Немедленно и безоговорочно. Только не надо

рассуждать и мудрствовать. Песня должна прилипнуть к человеку, как банный лист, как жевательная резинка. Пусть в ней будет всего три ноты, но они должны брать человека за самое живое.

КОМПОЗИТОР. За сердце?

ЧОРТ. Правильно. За карман. Короче *(дует, появляется конверт)*, вот небольшой аванс от нашей секции.

КОМПОЗИТОР. Что это?

ЧОРТ. По сегодняшнему времени — ничего. Двести рублей.

КОМПОЗИТОР. Но я не могу их взять просто так.

ЧОРТ. А я вам их просто так и не даю. *(Дует, конверт исчезает.)* Вы создадите песню.

КОМПОЗИТОР. О чем?

ЧОРТ. Ну, это уже творческий вопрос. Я думаю, вы его решите вместе со своим поэтом.

КОМПОЗИТОР. Но у меня нет поэта.

ЧОРТ. Ошибаетесь, есть! *(Взмахивает рукой, появляется широкоплечий детина с маленькой головкой, с пишущей машинкой.)* Гавриил Романыч Недержавин! Поэт-песенник, прошу любить и жаловать!.. А это композитор Бесфамильный, молодой и пока еще неопытный.

ПОЭТ. Ясно. Как сказал классик: «Здравствуй, племя молодое, бестолковое!» Гы-гы-гы! *(Композитор неуверенно подхихикивает.)*

ЧОРТ. Ну, я вижу, у вас дело пойдет. Творческих вам удач! *(Исчезает.)*

ПОЭТ. Ну что, старик, будем создавать нетленку!

КОМПОЗИТОР. Что, простите?

ПОЭТ. Нетленку. Шлягер всех времен и народов.

КОМПОЗИТОР. А-а-а, понимаю... О чем?

ПОЭТ. Наивный вопрос. О любви, конечно.

КОМПОЗИТОР. Почему именно о ней?

ПОЭТ. Потому, что любовь волнует всех. Как сказал классик: «В любви все возрасты проворны». Гы-гы-гы!..

КОМПОЗИТОР. Но это очень трудно. Знаете, сколько людей писало о любви?

ПОЭТ. Чепуха! Что-нибудь придумаем. Значит, так: он ее любит, а она его нет... *(Печатает.)* Было. Она его любит, а он ее нет... *(Печатает.)* Было.

КОМПОЗИТОР. А может, он ее любит, и она его любит?

ПОЭТ. Это уже не песня. Это научная фантастика. Вот что, сделаем так: он ее не любит, и она его не любит.

КОМПОЗИТОР. А где же здесь любовь?

ПОЭТ. Молодец, так и назовем: «Где же ты, любовь?» Это будет шлягер в народном духе. В стиле «рюс».

КОМПОЗИТОР. Почему в народном?

ПОЭТ. Для проходимости.

КОМПОЗИТОР. А кто же это будет исполнять?

ПОЭТ. Вокально-инструментальный ансамбль (*печатает*) «Дородные молодцы». Старик, не теряй времени. К станку!

Что-то волгло, что-то клёкло на душе,

Я без милой весь скукожился уже,

(*Печатает.*)

Всё качаю забубённой головой,

(*Печатает.*)

Старик, подключайся!

Композитор подбирает мелодию.

«Всё гадаю на ромашке полевой»....

Свет постепенно гаснет.

«ДОРОДНЫЕ МОЛОДЦЫ»

Что-то волгло, что-то клёкло на душе,

Я без милой весь скукожился уже.

Всё качаю забубённой головой,

Всё гадаю на ромашке полевой.

Любит — не любит.

Неясно мне.

Возьмет и плюнет

При всей родне.

Аль поцелует, к себе прижмет,

Аль нежным голосом куда-нибудь пошлет!

Я шагаю по суглинку в хлябь и в грязь,

Жду тебя надясь, намедни и вчерась.

На цветке гадаю я про нас двоих,

Ну а ты всё пялишь зенки на других...

Любит — не любит.
Неясно мне.
Возьмет и плюнет
При всей родне.
Аль поцелует, к себе прижмет,
Аль нежным голосом пошлет!

«Дородные молодцы» исчезают. Мы снова в комнате композитора.

ЧОРТ. Ну, маэстро, поздравляю. Попали в самое яблочко! Этот шлягер просто рвут из рук. Все вокальные ансамбли звонили: и «Поющие гаймориты», и «Голубые гортани» и «Веселые троглодиты». Словом, время не ждет. У порога — Орфей.

КОМПОЗИТОР. Какой еще Орфей?

ЧОРТ. Орфей Хрипунов. Вы что, не знаете его? Восходящая звезда. Лауреат Кисловодского фестиваля. Между прочим, за границу едет. В Сан-Будузан.

КОМПОЗИТОР. А что там?

ЧОРТ. Международный конкурс песни под девизом: «Защита внешней среды от внутренней».

КОМПОЗИТОР. А при чем тут я?

ЧОРТ. Притом, что вы напишете ему песню. О природе.

КОМПОЗИТОР. Ну, я не знаю, смогу ли я так сразу о природе.

ЧОРТ. Сможете, Федя!

Появляется Поэт.

ПОЭТ. Федя, природа — это верняк, это наша кормилица. Как сказал классик: «У природы нет плохой погоды, от любой погоды нам доходы». Короче, слова я уже написал. Дело за малым.

Появляется Орфей.

ЧОРТ. А вот и он. Привет, Орфуша!

ОРФЕЙ. Привет!

ЧОРТ. Как дела?

ОРФЕЙ. Спасибо. Пока все в мажоре.

ЧОРТ. Ребята, привет!

ПОЭТ. А как моя песня? Слова уже выучили?

ОРФЕЙ. Со словами маленькая лажа. Надо переделать.

ПОЭТ. Что значит переделать? Это же высокая поэзия, озарение свыше.

ОРФЕЙ. Я понимаю, но все-таки ответственная поездка, за границу. Хочется вернуться не с пустыми руками. У тебя какой размер?

ПОЭТ. Пятьдесят второй, третий рост.

ОРФЕЙ. Запомним.

ПОЭТ. Лучше не надо запоминать, запишем. Так что со словами?

ОРФЕЙ. У тебя как написано: «Счастье мое, береза моя, из тебя вечно буду соки пить». Нельзя ли «счастье» и «березу» заменить?

ПОЭТ. На что?

ОРФЕЙ. На маму.

ПОЭТ. А мама здесь при чем?

ОРФЕЙ. Но мама — это и радость, и счастье. Ты знаешь, кто у меня мама? Если б не она, меня бы туда и не послали.

ПОЭТ. Ладно, подумаем насчет твоей мамы.

ОРФЕЙ. А я насчет твоей жены подумаю. У нее какой размер?

ПОЭТ. Пятьдесят шестой.

ОРФЕЙ. У тебя что, все та же жена?

ПОЭТ. Жена другая, размер тот же. Я человек постоянный, своему размеру не изменяю.

ОРФЕЙ. Ну, с поэзией разобрались. Как насчет музыки?

ПОЭТ. Насчет музыки ясно как, у Федора Федоровича сорок четвертый размер.

КОМПОЗИТОР. Альфред Терентьич, что вы такое говорите?

ПОЭТ. Что, сорок шестой?

КОМПОЗИТОР. При чем здесь размер, когда речь идет об искусстве. Я не пишу музыку левой ногой.

ОРФЕЙ. А у этой ноги какой размер?

КОМПОЗИТОР. Сорок первый. А что?

ОРФЕЙ. Все понял. Будет сорок первый.

КОМПОЗИТОР. Нет, с вами невозможно разговаривать! Вы что, не понимаете, что я под этим подписываюсь. Я хочу, чтоб это было... красиво, современно...

ПОЭТ. И мы хотим, чтоб было современно, модно... с узкими лацканами, на трех пуговицах...

КОМПОЗИТОР. Я вас просто не понимаю.

Появляется Чорт.

ЧОРТ. Нет, это мы вас не понимаем. К вам обращается молодое дарование, надежда нашего вокала!

ПОЭТ. Да таких, как Орфей, во всем мире нет, и даже в Европе.

ОРФЕЙ. А если вы насчёт исполнения волнуетесь, то я: я что обещаю, всегда привожу. А то у нас один поехал и ничего не привез, кроме лауреатства. Считай-те, ездил в последний раз.

Сан-Будузан

Вспыхивает яркий свет, мигают огни. Типичная обстановка конкурса песни. На сцене Орфей. Он поёт:

До чего ж приятно, люди, поутру
Позабыть, покинуть город и жару.
Повалиться на траве,
Походить на голове,
Полежать у речки на обрыве,
От души позагорать в крапиве.
Мама моя!
Мамулечка моя!
Как же тебя не любить?
Мама моя! Мама моя!
Из тебя я вечно соки буду пить.
Как щедра природа наша и полна,
Взять хотя бы белку или кабана.
Их не надо обижать,
Зверя надо уважать.
Ты, как брату, дай медведю руку.
И к своей груди прижми гадюку.
Мама моя!
Мамуля моя!
Как же тебя не любить?
Мама моя! Мама моя!
Из тебя я вечно соки буду пить!

Свист, крики, аплодисменты. Свет гаснет, и снова освещается комната композитора. Он сочиняет, что-то тренькая на рояле.

За его спиной появляется Муза.

Несколько секунд слушает.

Музыка.

МУЗА. Федя!

КОМПОЗИТОР. Не мешайте, я работаю (*играет*).

МУЗА. Это же я, Муза. Твоя Муза.

КОМПОЗИТОР. погоди, Муза, сейчас не до тебя (*Муза исчезает в глубине*).

КОМПОЗИТОР (*задумался, наигрывает на рояле*). Что это?

МУЗА (*появляется*). Ты уже забыл?

КОМПОЗИТОР. Почему, я помню. Это моя новая тема. (*Играет.*)

МУЗА. Да, неоконченная тема.

КОМПОЗИТОР. Я её закончу. Непременно закончу. (*Играет.*)

Появляется Чорт.

ЧОРТ. Да, он ее обязательно закончит. Прямо после праздников.

МУЗА. Каких праздников?

ЧОРТ. Дорогая Музочка! Завтра 200 лет заводу стеклотары! Федор создаёт песню.

МУЗА. О чем?

ЧОРТ. О стеклотаре, конечно.

КОМПОЗИТОР. Муза, вот я её закончу, а потом...

МУЗА. Потом... А потом будет юбилей мыловаренного завода?

ЧОРТ. Музочка!

МУЗА. Годовщина макаронной фабрики?

ЧОРТ. Музочка!

МУЗА. Столетие оконных шпингалетов...

ЧОРТ. Музочка!

Муза уходит.

КОМПОЗИТОР. Музочка!

КОРТ. Спокойно, маэстро! У женщин это бывает. Не берите в голову, тем более в сердце. Федя! Когда детский хор нежными голосами запоет о посуде, люди будут нищать и плакать. Это будет шлягер. Настоящий хрустальный шлягер!

Звучат фанфары. Освещается детский хор. В центре за хором на трибуне стоит солист.

Дети декламируют:

В этот день звучат фанфары,
Солнце дарит яркий свет.
Нашей славной стеклотаре
Нынче ровно двести лет.

Музыка. Хор поет:

ПРИПЕВ:

Тира-тара! Тара, тара, тара,
Тара, тара, тара, тара, та.
Тара, тара, тара, тара, тара
Тара, тара, там, там.

СОЛИСТ:

Все посуду любят всюду
Невзирая на размер.
Ведь хорошая бутылка
Украшает интерьер.

ПРИПЕВ.

Все мы учимся отлично,
А врагам хотим сказать,
Что посуды заграничной
Мы не будем принимать.

ПРИПЕВ.

Чтобы жизнь повсюду краше
Становилась с каждым днем,
В понедельник с папой нашим
Мы посуду отнесем.

Тара-тара!
Стеклотара!
Звон по улицам идет.

Кто с посудой шагает,
Никогда не пропадет!

Детский хор исчезает. Мы снова видим Композитора за роялем. Композитор в растерянной грустной позе (играет).

ЧОРТ. Ну, как, Федор Федорович?

КОМПОЗИТОР. Просто, откровенно говоря, плакать хочется.

ЧОРТ. Именно. Трогательно. Но будем мужчинами, попридержим слезы. Вы читали сегодняшнюю газету?

КОМПОЗИТОР. Нет, а что?

ЧОРТ. Сегодняшняя пресса имеет к вам прямое отношение. Статья о повышении вдвое надоев молока. Понимаете, чем это пахнет?

КОМПОЗИТОР. Пока нет.

ЧОРТ. Тогда ответьте на такой вопрос: что нужно современным коровам?

КОМПОЗИТОР. Не знаю. Наверное, корма.

ЧОРТ. Нет.

КОМПОЗИТОР. Теплые коровники?

ЧОРТ. Нет.

КОМПОЗИТОР. А что же этим коровам нужно?

ЧОРТ. Рок-опера! Понимаете? Тот, кто первым напишет рок-оперу о молоке, снимет все пенки. Так что, маэстро, будем создавать шедевр.

КОМПОЗИТОР. Не знаю, боюсь, что я далек от этой темы. Может, нам поехать в деревню...

ЧОРТ. Вот это не надо. Поверьте моему опыту. Если поэт с композитором приедут в деревню, их сразу пошлют на картошку.

Появляется Поэт.

ПОЭТ. Дудки! Будем писать без отрыва от рояля.

КОМПОЗИТОР. Но мы же ничего про это не знаем.

ПОЭТ. Я не знаю? Еще как знаю! Предлагаю либретто. Раннее утро, на пашне тихо урчат трактора. В поле колхозники поднимают зыбь...

ЧОРТ. Какую зыбь? (Хлопает крышкой рояля.)

ПОЭТ. Ну, эту...

ЧОРТ. В поле не зыбь, а зябь.

КОМПОЗИТОР. Нет, по-моему, зябь — это когда холодно.

ПОЭТ. А! Есть прекрасная задумка — что-то стало холодать, надо зяби поднимать! Ха-ха-ха!

ЧОРТ. При чем тут зябь? *(Хлопает крышкой рояля.)* Ну, жен сюжет о коровах.

ПОЭТ. Пожалуйста, есть либретто. Раннее утро, на пашне тихо мычат коровы. Неожиданно из кустов появляется ящур.

ЧОРТ. Кто?! *(Хлопает крышкой рояля.)* Ты хоть понимаешь, что это такое?

ПОЭТ. Конечно. Проще пареной репы. Он — ящур, она — шцурица.

ЧОРТ. Недержавин, не будем фантазировать. Возьмите газету, там все написано: и про заготовку кормов, и о современном доении под музыку. Словом, работайте, творите. Я пошел оформлять договор. *(Исчезает.)*

ПОЭТ *(задумчиво)*. Альфред прав, это дело пахнет жареным. Федя, а если в молоко добавить немного лирики! Я уже вижу афишу с крупными буквами: «Любовь на ферме». Рок-опера повышенной жирности! Ха-ха-ха!

Гаснет свет. Музыка. Дым.

Освещается сценическая площадка, на которой идет рок-опера. Появляется Доярка и поет.

Д(О)ЯРКА.

Пройдут года, пройдут дожди, сойдут снега,
И поседеют у коров бока,
Я буду ждать, когда судьба мне даст ответ...
Сижу — дою, дою, дою — тебя все нет.

КОРОВИЙ ХОР.

А-а-а...
Прошли года, прошли дожди, сошли снега,
И затупились у быка рога.
Весь день сижу, гляжу в окно на белый свет,
Тебя все нет, тебя все нет и плана нет...

Звучит новая музыкальная тема. Вступают ударные, надрываются электрогитары. Вспышка. Вбегает Ветеринар, мечется по коровнику.

ВЕТЕРИНАР.

Всюду грязь.
Хвосты не расчёсаны,
Рацион нарушен,
Комбикорма нет,
Витаминов недостаточно...
Где витамин С? Где витамин Д?
Где витамин Е? Где витамин Ё?
Где витамин Ё-моё?!

(Яростно.)

А-а-а!

ДОЯРКА *(плачуще)*. А-а-а!

ВЕТЕРИНАР.

Где привес? Где приплод?
В стаде рождаемость не растёт!

ДОЯРКА.

Бык устал, бык устал,
Он уж по возрасту супер-стар!

Появляется трибуна. Председатель колхоза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Что за шум? Что за крик?
Чем вам не нравится старый бык?
Этот бык молодец!
Он наш кормилец,
Он наш отец!

ВЕТЕРИНАР *(председателю)*.

Это не дело!
Оборудование устарело,
А председатель колхоза
Не мычит, не телится.
Не то кормление,
Не то доение,
Не то поение,
Не тот рацион!
Я буду жаловаться в район.

ДЮЯРКА.

Когда ты со мною.

ВЕТЕРИНАР.

Когда ты со мною.

ДЮЯРКА.

Когда ты со мною.

ВЕТЕРИНАР.

Тогда я с тобой.

ВМЕСТЕ.

Когда мы друг с другом
И друг и подруга,
То нас не разлить,
Не разбавить водой.
Любимая ферма,
Здесь радость безмерна,
И песня летит
И летит над землей.

ВСЕ ВМЕСТЕ (*хор коров и героев*).

Для телят, для коров
Жизнь станет краше волшебных снов.
Наш сарай, наш сарай
Мы переделаем в суперрай.

На последний куплет появляются голубые коровы.

ВСЕ ПОЮТ.

О, лейся, лейся, парное молоко,
Величаво и широко,
Чтоб родной колхоз
Год от года рос
И расцвел миллионом
Алых роз!

Темнота.

Снова в доме композитора. Рядом Чорт.

КОМПОЗИТОР. Альфред Терентьич, вы читали сегодняшнюю газету?

ЧОРТ. Какую?

КОМПОЗИТОР. Не важно! Во всех одно и то же: ругают мою оперу.

ЧОРТ. Прекрасно. Это для нее лучшая реклама.

КОМПОЗИТОР. Но ее могут снять.

ЧОРТ. Чудно. Пострадавший композитор — это для вас лучшая реклама.

КОМПОЗИТОР. Да, но как же я верну вам долг? Деньги...

ЧОРТ. Голуба, деньги зарабатывают другим путем. Вы напишете песню для ресторана.

КОМПОЗИТОР (*гордо*). Я для ресторанов не пишу.

ЧОРТ. Напрасно. Сегодня именно там собираются истинные ценители песни. Главное, друг мой, учитывать специфику. Ресторанная песня должна быть простая, как меню, и неожиданная, как счет.

КОМПОЗИТОР. Не уговаривайте меня. Не для того я учился в консерватории.

ЧОРТ. Ладно, попробуем зайти с другого бока. Прошу! (*Чорт опускает крышку рояля, на ней появляется шикарная блондинка с томным взглядом.*)

КОМПОЗИТОР. Кто это?

ЧОРТ. Варвара Стрессова! Женщина, приятная во всех отношениях. Кстати, и поет неплохо.

КОМПОЗИТОР. Правда? А где?

ВАРВАРА. Я пою в ресторане «Золотой омлет».

ЧОРТ. Давно мечтает о содружестве с вами.

КОМПОЗИТОР. Но я же сказал, что для ресторанов не пишу.

ВАРВАРА. Так напишите просто для меня. Неужели вам не хочется?

КОМПОЗИТОР. Да нет, хочется, просто я боюсь, что не получится.

ВАРВАРА. Получится, со мной обязательно получится.

ЧОРТ. Ну, дети мои, я вижу, у вас творческий разговор. Не смею мешать. (*Исчезает.*)

КОМПОЗИТОР (*не знает, с чего начать*). Да... Вот... Та ким образом...

ВАРВАРА. Ах, как это верно! Хорошо сказали! Маэстро, вы мужчина моей мечты. Я давно не встречала такого умного, такого тонкого, интеллектуального человека. (*Наклоняется к нему.*) Я от тебя балдею.

КОМПОЗИТОР (*испуганно*). Но что бы вы хотели конкретно?

БАРВАРА. Ну, Федя, ну ты даешь! *(Хватает Бесфамильного, целует.)*

Ресторан «Золотой омлет». Премит оркестр, высвечивается оркестр, доносится гул посетителей, бегают официанты.
Стол с грузинами.

ПЕРВЫЙ ГРУЗИН. Дорогой Тофик!

ОФИЦИАНТ. Горячее подавать?

ВТОРОЙ ГРУЗИН. Подожди, мальчик! Говори, мудрый!

ПЕРВЫЙ ГРУЗИН. Дорогой Тофик. Во-первых, будь здоров!

ОФИЦИАНТ. Прикажете горячее подавать?

ВТОРОЙ ГРУЗИН. Подожди, мальчик! Говори, мудрый!

ПЕРВЫЙ ГРУЗИН. Дорогой Тофик! Во-первых, будь здоров!

ОФИЦИАНТ. Прикажете горячее подавать?

ВТОРОЙ ГРУЗИН. Слушай, подожди, не валяй дурака! Дорогой Тофик! Чтобы у тебя было всё, но тебе за это ничего не было!

Играет оркестр.

Высвечивается столик, за которым сидят Чорт,

Поэт и Композитор.

ЧОРТ *(окликает официанта)*. Пс-т! Уважаемый!

ОФИЦИАНТ *(подлетает)*. Слушаю.

ЧОРТ *(показывает в меню)*. Будь любезен, вот это...

ОФИЦИАНТ. Этого нет, кончилось.

ЧОРТ. Тогда вот это.

ОФИЦИАНТ. А это и не начиналось.

ЧОРТ. Ну тогда этого...

ОФИЦИАНТ. И-и, вспомнили! Это когда было.

ЧОРТ. Ладно, ступай...

Официант исчезает.

ЧОРТ. Прошу. *(Взмахивает рукой, и на столе появляется шампанское.)*

КОМПОЗИТОР. Потрясающе! Как вам это удалось?

ЧОРТ. Пустяки! Вот как им удастся все это прятать — ума не приложу. Маэстро, а что вы такой грустный? У вас же сегодня премьера!

ПОЭТ. Как, вы не знаете? От него вчера жена ушла.

ЧОРТ. Ай-ай-ай, какая жалость... А впрочем, может, это к лучшему?

ПОЭТ. Точно! Я сам пять раз был женат, и с каждым разом всё лучше и лучше. Федя, страшен не развод, а раздел имущества.

КОМПОЗИТОР. Ну, делить-то нам нечего.

ПОЭТ. Тем более! Как сказал классик: «Выхожу один я на дорогу, нет со мной жены — и слава богу!» Гы-гы-гы!..

РУКОВОДИТЕЛЬ ОРКЕСТРА. Дорогие друзья! Минуточку внимания! Сейчас небольшой сюрприз — для вас поет солистка нашего оркестра Варвара Стрессова. Новая песня композитора Федора Бесфамильного на слова Недержавина «Эх, Маруся».

Брэк ударника, на сцене вспыхивают огни, и на эстраде появляется Варвара. Она в глухом темном платье с воротником под горло. Но когда поворачивается, видно, что платье открыто на спине до пределов допустимого.

Она поет.

ВАРВАРА.

Я девчонкой удалою
С юных лет росла.
Предводителем мальчишек
Я всегда была:
Кубарем летела с гор,
Прыгала через забор,
И меня на Черном море
Помнят до сих пор.

МУЗЫКАНТЫ.

Ах, Маруся!
Жемчужина у моря,
Ах, Маруся!
Живи, не зная горя.
Ах, Маруся!
Чертики в глазах,
Давай, Маруся! Жми на тормоза.

ВАРВАРА.

Я росла и расцветала.
Стала хорошеть.
На меня толпой мужчины
Бегали смотреть:
Боцман, лоцман и пилот,
Лейтенантов целый взвод.
От ворот я всем давала
Полный поворот.

МУЗЫКАНТЫ.

Ах, Маруся!
Жемчужина у моря.
Ах, Маруся!
Живи, не зная горя.
Ах, Маруся! Чертики в глазах.
Ах, Маруся!
Нажми на тормоза.

Аплодисменты. Варвара уходит.

Оркестр продолжает играть. От одного из столиков поднимается мужчина с орлиным профилем.

ПЕРВЫЙ ГРУЗИН. Маэстро, дорогой! Попрошу, как договорились! Понял?!

РУКОВОДИТЕЛЬ ОРКЕСТРА. Понял! Понял! В честь дня рождения нашего дорогого гостя Тофика, которому папа подарил «рафик», исполняется бисовка.

Музыканты играют. Появляется Варвара и поет.

ВАРВАРА.

От души мы вам желаем
Жить еще сто лет.
Чтобы в жизни вы не знали
Горестей и бед.
Чтоб имели интерес,
Чтоб садились в «Мерседес».
Хорошо, когда с деньгами.
Плохо, если без.
Ах, наш Тофик!
Жемчужина у моря!

Ах, наш «рафик»!
Гоняй, не зная горя.
Ах, наш папа!
Честные глаза.
Но надо дружно давить на тормоза!

Аплодисменты. Варвара уходит.

ПЕРВЫЙ ГРУЗИН. Дорогой, слушай, вот эта музыка все ты написал?

КОМПОЗИТОР (*польщенно*). Да, я...

ПЕРВЫЙ ГРУЗИН. Так ты же гений! Знаешь, кто ты? Верди! Рижский-Корсаков! Алла Пугачева! Маэстро! Дорогой, в честь живого гения попрошу, как договорились. (*Бросает деньги руководителю оркестра.*) Понял, да?

РУКОВОДИТЕЛЬ ОРКЕСТРА. Понял! Понял!

Играет оркестр, и вновь на эстраду выходит Варвара и поет:

Ах, наш Федя!
Жемчужина у моря.
Ах, наш Федя!
Живи, не зная горя.
Ах, наш Федя!
Ты большой талант.
На целом свете
Ты лучший музыкант!

Премит оркестр, и начинается общий танец. Танцуют приезжие гости, трясутся Черт и Поэт, а в центре общего веселья популярный композитор Федор Бесфамильный. Посетители ресторана качают Бесфамильного, потом расходятся и рассаживаются за свои столики. Музыка стихает.

ПОЭТ. Эх, хорошо сидим! Как сказал классик: «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это бесплатно»!

Музыка. «Пляшут» фонари. Занавес.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Занавес открывается, и мы опять оказываемся в квартире композитора. Но квартира уже не та. В центре — белый рояль, Композитор сидит у рояля, сочиняя очередной шлягер. Прimitивная мелодия все время заедает на одном и том же месте. На рояле сидит Варвара. Она разговаривает по телефону.

ВАРВАРА. Ха-ха-ха! Ну ты ваще!

Пауза. Музыка.

Ха-ха! Клёво!

Пауза. Музыка.

Галдёжь! Ну ты крутая...

Пауза. Композитор не играет.

Моменто! *(В трубку.)*
(Композитору.) Журчи, журчи!

Композитор опять начинает играть, но безуспешно — дальше злополучного места дело не идет.

Финиш, Бамбино, чао! *(Поворачивается к композитору.)* Ну, а дальше?.. Да вот же! *(Ногой ударяет по клавишам рояля.)*

Композитор играет на рояле. Когда он подходит к злополучному месту, Варвара допевает музыкальную фразу цитатой из песенки «Чижик-пыжик».

КОМПОЗИТОР. Но это же «Чижик-пыжик»!

ВАРВАРА. Ну и что? Неужели такой знаменитый композитор, как ты, не может сочинить «Чижика-пыжика»? Ну-ка, давай еще.

Композитор повторяет всю тему с «Чижиком-пыжиком».

По-моему, шлягер. Ты молодец, Фреди! Сегодня вечером я это спою.

КОМПОЗИТОР. Это твоя заслуга. Когда ты рядом, у меня все получается. Я чувствую такой подъем, такое творческое горение. Будто во мне что-то загорается и горит, горит. *(Перестает играть.)* Я не знаю, что, но что-то горит.

ВАРВАРА. Ой, лажа, бигуди. *(Убегает.)*

Композитор остается один. Он продолжает сочинять. Фонограмма аплодисментов и голосов поклонников Бесфамильного.

Появляются две поклонницы талантов:

Муся и Дуся.

МУСЯ. Маэстро! Маэстро!

ДУСЯ. Маэстро! Дайте автограф! *(Протягивает композитору для подписи плакат, на котором нарисован портрет Ф. Бесфамильного.)*

КОМПОЗИТОР *(подписывает)*. Что ж, это очень приятно, что вы автографы собираете.

МУСЯ. Мы всё собираем. У меня целая коллекция: запонки от ансамбля «Малахит», корочки от ансамбля «Мандарин» и ребенок от ансамбля «Здравствуй, анст». *(Увидела на шее композитора шарф, хватается за шарф.)* Ой, шарфик от Федора Бесфамильного...

КОМПОЗИТОР *(поворачивается к Мусе)*. Очень мило... И давно вы, так сказать, знаменитостями увлекаетесь?

ДУСЯ. С детства! У меня это наследственное, еще бабушка за Собиновым бегала. Чуть не умерла.

КОМПОЗИТОР. От любви?

ДУСЯ. Нет, от воспаления легких. Съела его следы на снегу.

КОМПОЗИТОР. М-да... Бывает же. Ну, а вы, значит, биографии изучаете, творческий путь...

МУСЯ. А как же! Кто — что, кто — где, кто — с кем. Нам все известно.

ДУСЯ. Вот вы, например, свою первую жену убили.

КОМПОЗИТОР. Да не было этого!

МУСЯ. Было, было, нам лучше знать. Взял утюг — и по башке.

ДУСЯ. Да не утюг — сковородку.

МУСЯ. Нет, утюг!
ДУСЯ. Нет, сковородку!
МУСЯ. Нет, утюг!

Композитор бьет во клавишам рояля.

КОМПОЗИТОР. Идите к жене. Она лучше знает, чем.

С криками «Верно! Жена лучше знает, чем!» поклонницы убегают. Появляется Степа Панасоник — молодой, нагловатый субъект.

СТЕПА. Чао! Маэстро! Вас приветствует фирма «Дефицит и сыновья»!

КОМПОЗИТОР. Варвара! Иди, к тебе тут Степа Панасоник пришел.

ВАРВАРА. А, привет! Как дела?

СТЕПА. Дела у прокурора, у нас делишки. Ха-ха.

ВАРВАРА. Степа, ты молодец, никогда не унываешь.

СТЕПА. Я на дефиците сижу.

ВАРВАРА. Тебе бы с твоей головой в министерстве торговли сидеть.

СТЕПА. Не та конъюнктура. У меня импорт каждый день, а у них только в конце квартала.

КОМПОЗИТОР. Короче, Степа, меня ждет работа.

ВАРВАРА. Степан, что приволок?

СТЕПА. Вот, прошу! *(Вынимает из-за рояля приемник).*

Уникальная вещь! Голландский «Грюндиг» по африканской лицензии. Воспринимайте! *(Включает приемник.*

Слышны глухие удары: бум-бум-бум! Голос: «Этот бесшумный пресс разработан сотрудниками нашего института...» Снова удары: бум-бум!) Фирма! Улавливаете, какое звучание. *(Крутит ручку.)* О! Гонконг ловит, просто как «Маяк». *(Находит станцию, которая вещает на непонятном языке.)* Воспринимаете?

КОМПОЗИТОР *(послушав).* Сколько?

СТЕПАН. Два куска.

КОМПОЗИТОР. Как два куска?

СТЕПА. А как же! Фирма!

ВАРВАРА. Кончай бодягу, Фрэд! Взяли!

КОМПОЗИТОР. Ладно, бог с вами!

ВАРВАРА. Степа, а для меня что-нибудь есть?

СТЕПА. Обижаешь, Все остальное для тебя. Мини-система с макси-возможностями.

ВАРВАРА. Ну ты крутой! *(Подхватывает его на руки вместе с баулом и чемоданом, уносит.)*

После ухода Степы и Варвары Композитор еще несколько секунд наслаждается «Грюндигом», из которого вдруг звучит: «На этом

Алма-Ата заканчивает свои передачи и желает
вам курбулдык курбл-шлык».

КОМПОЗИТОР. Какая Алма-Ата? Я же покупал Гюнконг. О, господи! Степа! Степа!

Звук спускаемой воды, и появляется Слесарь.

СЛЕСАРЬ. Ну, все, хозяин, ванная готова. Вентили я финские поставил, тройники — югославские, а фитинги — наши.

КОМПОЗИТОР. Как наши?

СЛЕСАРЬ. Да вы не волнуйтесь, они лучше импортных! С выставки достижений. Особый сплав: молибден с лавсаном.

КОМПОЗИТОР. А как остальное?

СЛЕСАРЬ. Всё путём. Кафель в полосочку, ванна в цветочек, а унитаз в ягодку. Можете проверить.

КОМПОЗИТОР. Мне некогда. С вами жена рассчитается.

СЛЕСАРЬ. Годится! А на той неделе сделаю, что обещал: будет у вас душ с газированной водой. Как говорится, ванна со знаком качества. *(Звук спускаемой воды.)*

Появляется человек, голый, в кожаном фартуке.

БАНИЦИК ГОЛЫЙ. Федор Федрыч, банька готова, пожалте мыться.

КОМПОЗИТОР. Какая баня?

ГОЛЫЙ. Варвара Васильевна заказывала.

КОМПОЗИТОР. Я вам сейчас такую баню устрою!

Появляется человек с огромной собакой.

ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ. (*Лай собаки.*) Привет! Тут ваша жена собаку заказывала. Я привел.

Собака лает глухим басом.

КОМПОЗИТОР. Не надо мне никаких собак! Я сейчас сам завою.

Музыка. Вспышка. Круговорот всех гостей вокруг рояля. Гости исчезают. Появляется Чорт.

ЧОРТ. Федя, маэстро, что случилось?

КОМПОЗИТОР. Альфред Терентьевич, я так больше не могу. Я схожу с ума.

ЧОРТ. Ну-ну, вы просто устали. Талант должен отдыхать. Надо вам срочно махнуть в Сочи.

КОМПОЗИТОР. Легко сказать. А гостиница, а питание?

ЧОРТ. Это не проблема. Создайте песню.

КОМПОЗИТОР. О чем?

ЧОРТ. О Сочи, нашем славном городе-курорте! Благодарные сочинцы вас примут с распростертыми объятиями.

КОМПОЗИТОР. А что, неплохая мысль.

ЧОРТ. У меня все мысли неплохие. Более того, надо написать и про Ялту.

КОМПОЗИТОР. Зачем?

ЧОРТ. А если в Сочи будут дожди? Взяли и махнули в Ялту.

КОМПОЗИТОР. Но я, вероятно, не смогу сразу и про то, и про это.

ЧОРТ. А вы пишите музыку. Остальное сделает Гавриил.

Музыка. Появляется Поэт.

ПОЭТ. Есть прекрасная задумка на антиалкогольный юманс: «Я встретил вас, у вас был мутный глаз». Ха-ха-ха!

ЧОРТ. Прекрасно! Но сейчас не до этого. Надо воспеть город.

ПОЭТ. Какой?

ЧОРТ. Сочи.

КОМПОЗИТОР. И Ялту.

ПОЭТ. А Верхоянск?

ЧОРТ. А он вам зачем нужен?

ПОЭТ. Верхоянск мне не нужен. Мне нужны оттуда олени рога. Имею я на это право?

ЧОРТ. Безусловно. У нас каждый поэт имеет право на рога.

КОМПОЗИТОР. Но я не могу про все города сразу. Получается какой-то географический цикл.

ЧОРТ. Ничего страшного. У нас даже погоду под музыку сообщают. Музыка Паулса, слова Гидрометцентра.

ПОЭТ. А что, Федя, если мы устроим такое музыкальное ревю под названием «Лучший город земли». И за пузырями туда все города сразу.

ЧОРТ. Отлично. Я берусь это пристроить в Чугуевский мюзик-холл.

КОМПОЗИТОР. Разве там есть мюзик-холл?

ЧОРТ. Еще какой. От одного кордебалета мороз по коже.

ПОЭТ. Как сказал классик: «Все равны как на подбор, а мой дядя режиссер».

Появляется Леонтьев. Он поет.

Ярко светит солнце, плещется волна.

Ночью смотрит в море юная луна.

Чайки распевают песни на лету.

И стоят магнолии в цвету.

Появляются артистки мюзик-холла в купальных костюмах.

Они поют.

Сочи, Сочи, город Сочи!

Ты так дорог мне.

Даже ночью, даже ночью

Вижу я тебя во сне.

На конец куплета артистки уходят.

Артистки в купальниках, но в меховых шапках.

ЛЕОНТЬЕВ.

Здесь не светит солнце, здесь сплошные льды.

Мы живем в районе вечной мерзлоты.

Дуют злые ветры — не поднять лица,
Не поют горючие сердца!
Верхоянск, Верхоянск мой!
Ты в моей судьбе!
Согреваешь душу лаской,
Славный город Душанбе!

Кордебалет уходит.

ЛЕОНТЬЕВ.

Дует жаркий ветер и течет арык,
Молодой барашек просится в шашлык.
Тихою прохладой манит чайхана
И поет веселая зурна.

Вновь появляется кордебалет. На головах у девушек шляпки
с перьями. Они поют:

Ах, Калуга, ты Калуга!
Милая Рязань!
Я люблю тебя, как друга,
Древний город мой Казань!
Магадан, Чита, Быково!
Жмеринки мои!
Ах, Коньково-Деревлево —
Ты столица всей земли!..

В конце песни откуда-то появляются лошади. Леонтьев и кордебалет скачут на лошадях. Концертная сцена уходит в затемнение, и мы оказываемся на пляже. Светит солнце, Композитор лежит на надувном матрасе. Звучит объявление по местному радио. Диктор: «Вниманию отдыхающих на пляже «Интурист»: к нашим услугам водные лыжи, катера, скуттера, байдарки та блядерки. Морские прогулки сопровождают дельфины-экскурсоводы, свободно говорящие на языках наших гостей: по-английски, по-немецки, по-французски, по-фински и по-грузински». Диктор продолжает: «Уважаемые отдыхающие! В нашей сауне «С легким паром» работают: маникюр, педикюр та массажист-затейник. Посетителям предлагается на валюту традиционный российский чай с финским джемом. Спасибо! Мерси!»

Поочередно появляются на надувных матрасах поклонницы
Ф. Бесфамильного.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Федор! Федя! Маэстро!

КОМПОЗИТОР. Лапа, закройся чем-нибудь, сгоришь.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Это неинтеллигентно.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Федор Федорович! Федор Федорович!

КОМПОЗИТОР. Киса, перевернись, сгорит нос.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Федя, вы не джентльмен.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА. Федя! Федюня! *(Брызжет на него водой.)*

КОМПОЗИТОР. Малыш, принеси мне джин с тоником.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА. С моником? *(Брызжет водой.)* Ха-ха-ха!

Затем все три женщины появляются одновременно с криками:

«Федя! Маэстро!» и исчезают.

Появляется Чорт.

ЧОРТ. Федя, маэстро, как вы себя чувствуете?

КОМПОЗИТОР. Плохо... Жуткая жара.

ЧОРТ. Сейчас поправим. *(Делает взмах рукой, солнце исчезает.)* Так! А сейчас?

КОМПОЗИТОР *(капризно)*. А теперь холодно. *(Чорт машет рукой, и солнце появляется.)*

ЧОРТ. Федя, вы просто устали от отдыха. Пора за работу.

КОМПОЗИТОР. Вы же сами говорили, что талант должен отдыхать.

ЧОРТ. Верно. Но не так долго, чтобы о нем все забыли! Федя, давайте поговорим по-мужски. Я вложил в вас немало сил и, не будем скрывать, средств.

КОМПОЗИТОР. Я понимаю... естественно... моя задолженность...

ЧОРТ. Теперь, как ваш администратор, я бы хотел иметь свой навар. Короче, давайте работать глобально.

КОМПОЗИТОР. Как глобально? Не понимаю.

ЧОРТ. А вы посмотрите на карту — какие просторы открываются! Клубы, дворцы, стадионы... И все это надо заполнить нашей продукцией. Больше надо мелькать,

перед глазами: творческие вечера, утренники, полдни-ки. Кстати, и на телевидении неплохо появиться.

КОМПОЗИТОР. Так не зовут.

ЧОРТ. Не зовут — сами идите! У нас четыре канала, неужели ни в один нельзя влезть? Хотя бы в эту передачу, про молодые таланты... Как ее? «С песней по сердцу»!

КОМПОЗИТОР. По жизни.

ЧОРТ. И по жизни тоже. Начнем с творческого вечера на TV. И запомните: написать, извините, одну песню в день любой дурак может. Пять, десять, двадцать — это цифра!

КОМПОЗИТОР. Но я столько не успею.

ЧОРТ. Старайтесь. Сами не придумаете — возьмите у других. Композиторы, как дипломаты, тоже обмениваются нотами. Дерзайте, маэстро, нас ждут великие дела!

При этих словах из моря вылезает какое-то чудовище: это Нержавин с печатной машинкой, в маске.

ПОЭТ. Как сказал классик: «Театр уж полон, ложи блещут, а касса гнется и скрипит!» Поехали, Терентьич!

Темнота.

Снова квартира Композитора. В квартире Чорт, Композитор, Режиссер, Оператор с телекамерой и осветитель.

ЧОРТ. Дорогие телезрители! Мы начинаем очередную передачу из цикла «С песней по сердцу». Сегодня с вами встретится замечательный мастер нотного стана, инженер человеческих уш — Федор Бесфамильный.

РЕЖИССЕР. Стоп! Мизансцену утверждаем так: вы, Альфред Терентьич, справа, а Бесфамильный у рояля, так сказать, в муках творчества. Возражений нет?

КОМПОЗИТОР. Нет.

РЕЖИССЕР. Вот и прекрасно. Главное — не забывай-те смотреть в камеру. *(Операторам.)* Кирилл, Мефодий, готовы?.. *(Те кивают.)* Тогда начали. Внимание. Мотор!

ОПЕРАТОР. Есть мотор!

ЧОРТ. Мы с вами находимся в скромной, уютной квартире композитора Федора Бесфамильного, с видом на Союз композиторов. А вот и сам маэстро... Как всегда, у рояля, как всегда, на боевом посту. Федор Федорович, над чем вы сейчас работаете?

КОМПОЗИТОР. Э-э-э... Ме-е-е...

РЕЖИССЕР. Стоп!.. Что вы экаете?

КОМПОЗИТОР. Я не знаю.

РЕЖИССЕР. Ну что вы мекаете?

КОМПОЗИТОР. Я не мекаю!

РЕЖИССЕР. Мы же с вами договорились: вы работаете... э-э-э... мэ-э-э... Над...

КОМПОЗИТОР. Над циклом обрядовых песен.

РЕЖИССЕР. Да-да, именно над ним. Годится! Давайте еще раз. Кирилл, Мефодий, мотор!

МЕФОДИЙ. Есть мотор!

КОМПОЗИТОР (*читает по бумажке, данной Поэтом*). В данный момент я работаю над циклом обрядовых песен, посвященных таким важным обрядам, как свадьба, новоселье, проводы на пенсию, возвращение с овощной базы...

РЕЖИССЕР. Стоп-стоп!.. Про овощную базу не надо.

КОМПОЗИТОР. Почему?

РЕЖИССЕР. По кочану!

КОМПОЗИТОР. Понятно.

РЕЖИССЕР. Тогда пошли дальше. Кирилл!

КИРИЛЛ. Да!

РЕЖИССЕР. Мефодий, мотор!

МЕФОДИЙ. Есть мотор!

ЧОРТ. А сейчас послушайте последнюю работу Федора Бесфамильного — автобиографическую песню-монолог-самовыражение: «Я — это все».

КОМПОЗИТОР (*играет и поет*).

Я — радуга,

Семицветная радуга.

Ты меня своей нежной рукой касаешься.

Я — озеро,

Глубокое озеро!

Ты босыми ногами в меня погружаешься.

Я — ветер,

Свежий, радостный ветер!
Я врываюсь прямо в окно твоей комнаты.
Я — молния,
Я грозная молния!
Я ударю так, что надолго запомнишь ты.
И куда ни пойдешь,
Всюду я на пути.
Я — трава, я — кустарник, я — веточки.
Я — калитки скрип.
Я — твой белый гриб.
Я — лопух.
Я — подсолнух.
Я — семечки.
Я — книга,
Я — раскрытая книга!
Книга самая умная, самая лучшая!
Я — кактус,
Я причудливый кактус!
Но тебя никогда я не трону колючками.
Я — кресло.
Твое мягкое кресло,
Удобное, как домашние тапочки!
Я — лампочка,
Я горящая лампочка.
Я хочу, чтобы все тебе было до лампочки.
И куда ни пойдешь,
Всюду я на пути:
Я — трава, я — кустарник, я — саженцы.
Я глоток воды,
Я кусок еды,
Я — твой хлеб,
Я — шпроты,
Я — ряженка!

Затемнение. Высвечивается другая сценическая площадка, на которую выходит Чорт.

ЧОРТ. Мы продолжаем наш фестиваль рок-музыки. Сейчас вы услышите рок-группу под названием «Пена». Многие песни в репертуаре «Пены», и все они посвящены пиву. Сегодня ансамбль выступает с новой песней композито-

ра Федора Бесфамильного. В ней «Пена» поднимает голос против недолития пива. Итак, поет рок-группа «Пена»!

На сцене рок-группа «Пена». Один в немыслимой майке, другой в соломенной шляпе, третий — в концертной тройке. Снизу поднимаются клубы дыма и прочие эффекты современных рок-групп. Рок-группа поет.

В жигулевских степях и долинах Кавказа,
На цейлонских полях и в горах Гндураса,
Средь забот и тревог в беспокойной вселенной
Потихоньку растет скромный колос ячменный.
Эй, ребята, берегите вы его!
Варят пиво из него, из одного.
Он растет и для тебя, и для меня.
Руки прочь от ячменя! От ячменя!

ПРИПЕВ:

Звучит над миром
Наш голос гневно:
Побольше пива,
Поменьше пены!
В одном порыве
Встаем стеною —
Мы ждем долива
После отстоя.

Итальянский рыбак, тракторист из Тамбова,
Австралийский батрак и ковбой из Айовы,
Пусть сегодня смелый голос ваш раздастся,
Всем людям на земле пива свежего хотца.
Пусть бурлит оно во мне, бурлит в тебе,
Словно спутник и в работе и в борьбе.
Знают все — и старики, и молодежь —
Нашу жажду пепси-колой не зальешь.

ПРИПЕВ.

Затемнение. Когда свет загорается, мы видим Чорта в костюме
диск-жокея.

ЧОРТ. Дорогие друзья! Мы рады приветствовать вас в
нашей дискотеке! К нам в дискотеку молодежь прихо

дидж не просто прыгать и трястись, а посредством танца пощипывать самые жгучие современные проблемы. Вы уже побывали на наших вечерах под названием «Ритм — рок-н-ролла и высшая школа», «Богатство океана и Адриано Челентано». Сегодня мы проводим вечер под названием «Музыка в диско-стиле об ископаемых Урала и Сибири!» В центре программы произведения композитора Бесфамильного «Ты — мое ископаемое»!

Полутьма дискотеки, крутится, отбрасывая свет, стеклянный шир, танцуют пары, руководимые диск-жокеем. Звучит песня.

ЧОПТ. Итак, дорогие друзья! (Поет.)

Дискотека — чудо века,
Мягкий свет,
Ничего для человека
Лучше нет.
Мы с тобой не просто пляшем
И поем,
А родные недра наши
Познаем!
Ведь лежит богатство
Под ногами прямо:
Марганец и никель,
Сера и метан.
Посмотри налево,
Посмотри направо —
Видишь, как сверкает
Медный колчедан.
Наклонись пониже,
Приглядись получше,
Может, обнаружишь
Бурый уголек.
А теперь ногою
Вместе топнем дружно —
Сразу нефть фонтаном
Брызнет в потолок.
В землю постучаться,
В почве покопаться,
Прыгнуть на болоте
С пятки на носок,

Чтобы на болоте
Смог образоваться
Торфоперегонный
Маленький горшок.
Вместе! Дружно! Глубже! Нужно!
Если мы до магмы
Сможем докопаться,
Станет в дискотеке
Очень хорошо!..

Музыкальный проигрыш, во время которого пара людей танцует на далеком расстоянии. Затемнение. Когда загорается свет — это уже стадион, на котором выступает Чорт.

ЧОРТ. Дорогие тьмутараканцы! Сегодня в вашем дворце спорта большой праздник — всеобщий и ежегодный день парикмахера. Этим скромным людям с бритвой в руках Федор Бесфамильный (*на минуту появляется и луче прожектора и исчезает Композитор*) посвятил свою композицию «Парикмахер — это звучит бодро». Итак, праздник начинается.

ЧОРТ (*декламирует*).

Летит комета на небе чистом
И льет на землю яркий свет.
От трудовой семьи артистов
Всем парикмахерам — привет!

Чорт исчезает. Музыка. Появляется хор.

ХОР.

Прическа!
Ты нас украшаешь!
Прическа!
Ты с нами всегда!
Прическа!
Пускай ты неброска,
Но ты возвращаешь молодые года.

Молодым и седым,
Гладким и завитым —
Всем ты нужна, всем ты нужна.
Инженерам, врачам,

Токарям, ткачам
Плохо без волос!
В жару и в мо-р-оз!

Пизг тормозов. На сцену въезжает машина. В ней сидят Орфей и Варвара. Они исполняют шлягер в стиле производственных песен.

ВАРВАРА.

Парикмахер старый,
Всем ты нам знаток.
Сколько в жизни ты постриг народа!

ОРФЕЙ.

И к тебе стремятся,
Как в родимый дом,
Все ребята с нашего завода.

ВАРВАРА и ОРФЕЙ.

Старый мастер, старый мастер.
Любят все тебя вокруг.
Это радость, это радость, это счастье —
Знать тепло твоих холодных рук.

ВАРВАРА.

Быстро годы мчатся,
Мы всегда спешим,
Но я буду помнить неуклонно,

ОРФЕЙ.

Как ты стриг товарищей,
И от всей души
Нас душил тройным одеколоном.

ВАРВАРА и ОРФЕЙ.

Старый мастер, старый мастер,
Любят все тебя вокруг.
Это радость, это радость, это счастье —
Знать тепло твоих холодных рук.

Появляется ладья, на которой сидит Леонтьев. Он поет.

ЛЕОНТЬЕВ.

В беленьком халатике,
Юная и стройная,

Ты по парикмахерской идешь.
И рукою нежною,
Мягкой и спокойною
Локон мой отрезанный несешь.
Локон мой отрезанный несешь.

ВИА.

Возьми его себе на память
И на груди всегда носи.
Пусть это будет строго между нами,
Но только больше не проси.

ЛЕОНТЬЕВ.

Ничего подобного
В жизни не испытывал,
Сроду не видал такой красы.
Вдруг тебе позволил я
Срезать острой бритвою
Самые любимые усы.
Самые любимые усы.

ВИА.

Возьми усы себе на память
И на груди всегда носи.
Пусть это будет строго между нами,
Но только больше не проси!
Но только больше не проси!

Темнота. Смена музыкального ритма, и на сцене появляются
парашютисты — это рок-группа «Пена», они поют.

«ПЕНА».

Волосы, волосы,
Наша сила и краса.
Голосом, полным голосом
Защищаем волоса.
Эти кудри, эти кудри
Шелковисты и легки.
Ты не пудри, ты не пудри,
Парикмахер, нам мозги. А-а-а!

Праздник достигает апофеоза. Все участники представления
поют вместе.

От утра до утра
Трудятся мастера.
Каждый стал красив.
Каждый стал красив.
Всем, кто бреет и стрижет,
Да на чай не берет,
Шлем свое мерси.
Всем гран мерси.

Затемнение. Мы снова оказываемся в квартире Композитора. Он роялем сидит старый настройщик Метрономыч. Подворачивает струны, стучит молоточком.

МЕТРОНОМЫЧ. Да-а... Крепко они этот рояль расстроили. Уж не знаю, чем. Прямо все разбито, вдрызг. Деньги, что ль, на нем печатают?..

Появляются Чорт и Композитор с огромным букетом цветов.

ЧОРТ. Ну, Федя, поздравляю! Вы стали настоящим мастером шлягера... Ну, что вы морщитесь? Что вам опять не нравится?

КОМПОЗИТОР. Не знаю... Как-то послушал я сегодня свою... все это, всю эту музыку... Вроде что-то не то.

ЧОРТ. Голубчик, не надо в себе глубоко копать — повредишь кабель. Хорошо, мне вы не верите. Давайте спросим у народа. *(Обращается к настройщику.)* Вас как зовут?

МЕТРОНОМЫЧ. Меня-то? Метрономыч.

ЧОРТ. Метрономыч, скажи: тебе нравится музыка нашего маэстро?

МЕТРОНОМЫЧ. А чего ж? Нормальная музыка. В хорошей компании за столом можно послушать немного... Если выпьешь много.

КОМПОЗИТОР *(Чорту)*. Ну, слышали?

ЧОРТ. Погодите, погодите! Это же какой-то малограмотный старик. Что он понимает в музыке?

МЕТРОНОМЫЧ. Это я что понимаю? А вот послушайте. *(Начинает на нем играть тему неоконченной песни Композитора.)*

КОМПОЗИТОР. Откуда вы это знаете?

МЕТРОНОМЫЧ (*продолжает играть*). Да тут ноты старые на полу пылились. Вот эта музыка мне по душе. ЧОРТ. Ну ладно, дед, хватит! Тоже мне Дворжак нашелся. Топай отсюда, пока цел.

МЕТРОНОМЫЧ. Вы меня не гоните. Я и так уйду. А ты, Федя, посмотри, кого ты слушаешь. Да это же просто черт. У, спонсёр... (*Метрономыч уходит.*)

КОМПОЗИТОР. Так вы действительно настоящий черт?!

ЧЕРТ. До чего же вы любите ярлыки приклеивать! Черт, формалист, абстракционист... Ну, черт, черт. А что вам дали ваши ангелы? Сто двадцать в месяц и головную боль?

КОМПОЗИТОР. Теперь я понял... Это же бессовестно.

ЧЕРТ. Только не надо громких слов: талант, совесть, душа. Можно их нащупать руками? Нельзя. Значит, их нет.

КОМПОЗИТОР. Адружба, любовь? Их ведь тоже нельзя пощупать.

ЧЕРТ. Отчего же? Любовь пощупать можно.

КОМПОЗИТОР. Вы ничтожество и пошляк.

ЧЕРТ. Я — ничтожество? А кто вам дал это все! Кто договора приносил? Творческие вечера устраивал? Народ на них собирал?

КОМПОЗИТОР. Подите вон отсюда.

ЧЕРТ. Я уйду. Но все свое я возьму с собой.

КОМПОЗИТОР. Забирайте к чертовой матери!

ЧЕРТ. Именно к ней и заберу.

За роялем появляются Поэт, Варвара и Черт.

КОМПОЗИТОР. Как, ты тоже уходишь?

ВАРВАРА. Неужели ж нет? Я не за это замуж выходила.

ПОЭТ. Как сказал классик: «Прощай, небесное создание, я взял свое, и до свиданья».

Варвара, Черт и Поэт смеются. Красные всполохи, и они исчезают вместе с роялем. Композитор один. Музыка.

Закрывается занавес.

КОНЕЦ СПЕКТАКЛЯ

М

Месть кота Леопольда

Сценарии мультфильмов

Крупно, на весь экран — грубая мужская лапа. Крупно, на весь экран — другая мужская лапа. Лапы сплетаются в крепком рукопожатии.

— Клянемся! — хрипло говорит голос за кадром.

— Клянемся! — вторит ему другой.

Камера стремительно отъезжает. Плечом к плечу, сцепив лапы в крепком мужском рукопожатии, стоят два мышонка: серый и белый. Белый на вид поумнее: мысль в глазу да очки на носу. А серый — он и есть серый: маленький лобик под челочкой, мятая, приплюснутая кепка.

— Хвост за хвост! — говорит белый.

— Глаз за глаз! — говорит серый.

— Леопольд! — кричат оба. — Мы идем!

И вот они уже идут. И танцуют. И поют. О том, что пришло время! Настала пора! Пробил час! Рассчитаться! Разделаться! Свести счеты! Придавить хвост! Кому? Коту!!

И вот они идут. И поют. И танцуют. И показывают друг на друга, что они сделают с этим котом, когда, наконец, до него доберутся. Показывают старательно, по-настоящему, в полную силу, не жалея друг друга. И вот уже серый мышонок держится за глаз, а белый за хвост, у серого разорвана рубаша, а у белого вообще голова повернута затылком вперед. Вот что они сделают с этим котом!

И вот они пришли. И встали под окном. И заорали во все горло:

— Леопольд! Выходи!

А Леопольд не слышит... Леопольд в упоении...

Звучат пленительные звуки «Полонеза» Огинского в обработке Савельева. Леопольд задумался у окна... Леопольд в грезах...

Махровый халат с кистями, пухленькое брюшко, вислые, запорожские усы, добрые, навывкате, глаза вегетарианца. Ничего Леопольд не видит, ничего не слышит...

— Леопольд!

Подпрыгнул белый мышонок — не достал до окна.

Полез наверх серый мышонок — сорвался со стены.

Встал белый на плечи серому: все равно не достать.

Задумался, пораскинул мозгами, сообразил... И вот уже белый мышонок притащил автомобильный насос, воткнул шланг в рот серому, начал качать изо всех сил. Надувается серый, увеличивается в размерах: воздух свистит из ушей. Заткнул пальцами уши, стиснув зубами шланг, и пошел надуваться, как на дрожжах.

А Леопольд сидит у окна, грустит под музыку... Усы обвисли, глаза повлажнели...

Вдруг во все окно выросла огромная, надутая до предела серая морда неизвестного зверя. Глаза — сливы. Щеки — арбузы. Нос — помидор. В ушах — пальцы. Во рту шланг. Ужас!

— Ой! — сказал Леопольд. — Ты кто?

— Бу-бу-бу, — невнятно ответила физиономия.

— Что, что? — переспросил Леопольд и вытащил у зверя шланг изо рта. Со свистом вырвался воздух, как из реактивного сопла. Подбросило серого мыша вверх и понесло ногами вперед по ломаной траектории. Сбил по дороге белого, ударился о стену, о другую, пересчитал кирпичи, прошелся рикошетом по деревьям, уменьшаясь в размерах, и на полном ходу влетел в ветви густой, разлапистой ели. Вздогнула ель, закачались ветки по одной, сверху донизу. Влетел в ель серый мышонок, упал на землю зеленый ежик: весь в хвойных иглах. Вскочил на ноги, отряхнулся:

— Леопольд! Выходи!!

— Ребята, — ласково сказал Леопольд из окна. — Давайте жить дружно.

— Никогда! — заорали оба. — Выходи, подлый трус!

Вздыхнул Леопольд, запахнул полы халата и пошел из комнаты, шаркая ногами. Открыл дверь на улицу... ударила по лбу половая щетка: примитивная шутка, любимая забава второгодников.

— Ребята, — оказал Леопольд с укоризной и сделал шаг вперед. Лязгнула тугая мышеловка, вцепилась изо всех сил в кошачью ногу.

— Ну, ребята...

Раскрутил белый мышонок свернутый в кольцо хвост серого, метнул лассо, накинул на шею Леопольду, и дернули оба разом.

Упал Леопольд на спину, договорил тихо:

— ... давайте жить дружно.

А серый мышонок уже вскочил на него, поставил ногу на грудь поверженного врага, позирует перед фотоаппаратом белого. Щелкает фотоаппарат, воображает серый мышонок, принимает эффектные позы.

Кончили фотографироваться, завязали бантиком кошачьи усы в знак полного своего пренебрежения и пошли прочь, насвистывая: в обнимку, вразвалочку, упоенные победой. Пробыл час! Рассчитались! Свели счеты!

Сел Леопольд на землю, закричал жалобно:

— Доктор!

Появился доктор: старый пудель в белом халате. Вынул трубку и приставил к кошачьей груди.

— Дышите... Не дышите... На что жалуетесь?

— На мышей.

— Мышите... Не мышите... Все ясно. Вы очень добрый. Вам нужно рассердиться.

— Я не умею, доктор...

— Вот лекарство. «Озверин». Одну таблетку в год.

— И что?

— Озвереете.

И доктор исчез. Взял Леопольд флакончик с таблетками, вынул одну, понюхал, лизнул осторожно... — распрямился волосок из кошачьего уса и встал торчком. Лизнул еще раз: распрямился другой волосок. Проглотил таблетку: развязался бантик на усах, встали усы торчком. Был кот-запорожец, стал кот-драгун! Провел лапой по жестким усам, крякнул от удовольствия и од-

ним махом проглотил все таблетки... Хищно загорелись глаза! Дыбом встала шерсть! Трубой — хвост! Свалился с плеч халат! Заиграли литые мышцы! Проступили на теле тигриные полосы! Пухленький животик втянулся внутрь, прокатился вверх по телу, бицепсом надулся на руке, выкатился на ладонь...

Запустил Леопольд бицепсом в белый свет, взревел по-тигриному и зашагал вперед тяжелым, мужским шагом мстителя.

Идет Леопольд! Поет Леопольд! Демонстрирует Леопольд звериную свою силу. Завязывает в узел чугунные балки, забрасывает за горизонт огромные камни!

Коты — добрые! Коты — милые! Коты — нежные и привязчивые. Но не дразните котов. Не сердите котов. Не обижайте котов. В каждом коте сидит тигр, лев, пума и два ягуара.

Увидел кот мышей!

Увидели мыши кота!

Задрожали, попятились от страха, стали уменьшаться в размерах. Меньше... Меньше... Совсем крохотные... Не больше кошачьего пальца.

Стоит кот-великан: ноги на ширине плеч, руки за спину, а перед ним прижались к стенке два крохотных мышонка в полуобморочном состоянии.

Рявкнул кот, выпустил длинный коготь, — в ужасе бросились мыши в разные стороны: одна — влево, другая — вправо.

— Х-ха! — сказал кот, протянул длиннющие лапы за экран, втащил мышей обратно и завязал им хвосты бантиком.

Щелкнул Леопольд хвостом-бичом, и помчались мыши по улице не разбирая дороги, а он за ними. Бежит — кричит. Бежит — торжествует. Бежит — хвостом-хлыстом по воздуху щелкает.

А на пути — резиновый шланг. А на шланге — накопчик. Юркнули мыши в отверстие, промчались по кольцам шланга, нырнули в водопроводный кран. Вроде спаслись...

— Х-ха, — сказал кот, протянул здоровенные лапы и крутанул что было сил рукоятку крана.

Побежала по шлангу вода, тугим напором раскрутила резиновые кольца, откинула в сторону наконечник... и швырнула мышей далеко в сторону.

И опять несутся мыши не разбирая дороги. А за ними исцется кот, щелкая хвостом. А на пути столб. А на столбе — громкоговоритель. Взлетели мыши по столбу, нырнули внутрь репродуктора. Затаились, сидят тихо.

— Х-хэ! — небрежно сказал Леопольд, взял в руки шнур и включил вилку в розетку. Заорало радио. Выжилились мыши из репродуктора, полуоглохшие от крика, и помчались дальше, зажав уши.

А кот — за ними...

А на пути — автомат. А в автомате — газированная вода. Пометались мыши вокруг, нашли крохотную щелку, юркнули внутрь. Все! Тут в безопасности. Как в танке.

— Х-хо! — сказал кот Леопольд и небрежно бросил в щель три копейки. Щелкнул автомат, полилась в стакан пенная струя газированной воды, а вместе с ней выпали в стакан два мышонка.

Взял кот стакан, посмотрел на просвет: плавает серый мышонок в стакане, размахивает платком. Полная капитуляция.

— То-то, — сказал кот Леопольд и выплеснул воду из стакана. Кинулись мыши со всех ног. Помахал им вслед Леопольд. Бегите, мыши, радуйтесь жизни.

А сам пошел по улице. Веселый, довольный, опять добрый. Идет — поет. Идет — танцует. Все хорошо, все прекрасно. Только не дразните котов. Только не сердите котов.

Повернулся к нам, зрителям, подмигнул, сказал ласково:

— Ребята, давайте жить дружно!

Леопольд и золотая рыбка

На берегу тихой реки, у синей кромки воды, сидит на деревянных мостках Леопольд с удочкой. Журчит рыбка, светит ясное солнышко, мерно качается на воде поплавок. Тишина, покой, благодать. Жизнь прекрасна и удивительна. Даже если никто не клюет на твою

удочку. Обо всем этом напевает кот Леопольд в своей лирической песенке.

Не успела стихнуть мелодия песенки — дернулся поплавок. Взмахнул удочкой рыбак Леопольд, вылетела из воды рыбка и шлепнулась прямо к нему в пластмассовое ведерко. Плянул кот в ведро — засияло оно, засверкало, заблестело золотыми переливами. Высунулась из ведра золотая рыбка и сказала человеческим голосом:

— Отпусти меня, Леопольд! Что хочешь для тебя сделаю.

Улыбнулся Леопольд ласково, взял рыбку в руки:

— Ничего мне от тебя не надо. Плыви!..

И кинул чудо-рыбку обратно в реку. Только пошли по воде круги, и на синей глади воды появился заглавный титр фильма: «ЛЕОПОЛЬД И ЗОЛОТАЯ РЫБКА».

Зашевелились кусты на высоком берегу реки. Выглянули из-за них два мышонка: серый и белый. Вот он, Леопольд! Вот он, враг на всю жизнь! Сидит, ничего не подозревает... Поднял серый мышонок с земли палку, на цыпочках стал подкрадываться к Леопольдовой спине. Сейчас подойдет поближе, огреет кота по спине, тот в воду и свалится. Вот будет потеха!

Шевельнулся ничего не подозревающий Леопольд, взял в руки удочку, отмахнул посильнее за спину, чтобы забросить подальше. Зацепил крючок за мышины штаны, свистнула леска, и забросило серого мышонка на середину реки. Вместе с палкой. А Леопольд ничего и не заметил. Сидит, блаженствует...

Увидел белый мышонок, как надругались над его серым братом, рассердился. Вытащил из кармана рогатку. Вложил камень, оттянул резинку... Шевельнулся Леопольд, отмахнул удочкой посильнее. Зацепил крючок за мышиную рубашку, свистнула опять леска, и улетел белый мышонок вслед за серым. На середину реки. Вместе с рогаткой. Вместе с крючком и леской.

Посмотрел Леопольд на испорченную удочку, вздохнул, взял ведерко и поплелся по берегу домой. Вынырнули мышата, встали по пояс в воде, сплели руки в крепком мужском рукопожатии, прохрипели яростно:

— Отомстим!

— Отомстим!

И вдруг захохотал Серый, захихикал, завертелся на месте. Сунул руку за пазуху и вытащил оттуда мелкую рыбешку. Замахнулся, чтобы запустить вслед коту, а она и говорит ему человеческим голосом:

— Отпусти меня, мышонок. Что хочешь для тебя сделаю.

Смотрят мышата: не простая рыбка — золотая. Задумался белый мышонок на секунду и говорит:

— Сделай нас огромными... могучими... страшными... Как гора!

— Как две горы! — добавил Серый.

Махнула рыбка хвостиком, разнесся над рекой волшебный аккорд. И вдруг мышата начали расти, меняться на глазах. Выше, выше, еще выше!.. И вот уже из воды на деревянный помост вышли два гигантских слона: серый и белый. Морды у них мышинные, хвосты мышинные, все остальное — слоновье.

Расправили слоны могучие плечи, завертели мышинными хвостами, протрубили радостно в трубы-хоботы:

— Берегись, Леопольд! Растопчем!!

Ударили дружно пудовыми ногами по деревянному настилу. Затрещал настил, подломился, и рухнули слоны вместе с досками прямо в воду.

Тонут слоны, булькают слоны, захлебываются.

— Рыбка, — кричит Белый. — Сделай нас огромными... страшными... Чтобы плавали!

— И не тонули! — добавил Серый.

Высунулась из воды рыбка, махнула хвостиком. Прозвучал волшебный аккорд, и начали слоны меняться прямо на глазах. Все ниже и ниже, все длиннее и длиннее... И вот уже из воды на берег выползают два гигантских крокодила: серый и белый. Морды у них мышинные, хвосты мышинные, все остальное — крокодилье.

Дружно клацнули крокодилы острыми зубами:

— Берегись, Леопольд! Загрызем!!

И полезли вверх по крутому берегу. Да не тут-то было. Цукают лапы, осыпается под ними земля. Карабкают-

ся крокодилы по отвесному склону, сползают, падают, переворачиваются на спину. Сели в изнеможении, при-слонились к крутому берегу крокодильими спинами, загрустили. И тут белый крокодил опять сообразил:

— Рыбка!.. Сделай нас огромными... страшными... Чтобы летали!

— И не падали! — добавил Серый.

Опять раздался нежный аккорд, опять махнула рыбка хвостиком. И начали крокодилы меняться на глазах. Выросли перья, отросли крылья, изогнулись носы-клювы... И вот уже взмыли над рекой два гигантских стервятника: серый и белый. Морды у них мышинные, хвосты мышинные, все остальное — стервячье.

Парят над рекой стервятники, рвут острыми клювами облака в клочья:

— Берегись, Леопольд! Заклюем!!

Вдруг блеснуло что-то снизу. Выснулась из кустов лохматая дворняга в ушанке, а в руках у нее — огромная двустволка. Стоит — делится: сейчас пальнет. Пальнет — не промахнется!

— Мама! — в ужасе заорал серый стервятник.

— Да не мама, — поправил его Белый. — Рыбка!

— Рыбка! — заорали оба, перебивая друг друга. — Сделай нас опять маленькими... крохотными... Чтоб не попал!

Прозвучал в последний раз аккорд, махнула рыбка волшебным хвостом. Посыпались перышки, отпали крылья, и полетели вниз, кувыркаясь в небе, два мышонка: серый и белый. Морды у них мышинные, хвосты мышинные, все остальное — тоже мышинное.

Стукнулись мыши о землю, смотрят: знакомый двор, знакомый дом 8/16, знакомое окно. А в окне — знакомая картина: ненавистный враг качается в кресле.

Сунул серый мышонок лапу в мусорную урну, достал оттуда перезрелый помидор. Запустил что было сил!.. Со свистом влетел помидор в открытое окно, ударил по кошачьей голове, струйками потек за шиворот.

— Леопольд! — заорали снизу. — Выходи!

— Ребята, — примирительно сказал кот, — давайте жить дружно.

— Никогда! — опять заорали снизу.

И вслед за словами влетела в окно здоровенная консервная банка, бескозыркой уселась на кошачьей голове. А на бескозырке название корабля: «Сельдь атлантическая».

Застучали, забарабанили в дверь мышинные кулаки:
— Открывай, подлый трус!

От могучих ударов затрясся крючок на двери. Забегил Леопольд, заметался по комнате.

— Кто-нибудь... Помогите!

И вдруг стоящий в углу аквариум засиял, засверкал, заблестел золотыми переливами. Появилась в аквариуме золотая рыбка, спросила с участием:

— Что мне для тебя сделать?

— Сделай меня... сделай меня... Невидимкой!

Раздался в комнате волшебный аккорд, махнула рыбка хвостиком и исчезла.

И вдруг Леопольд расплылся, растекся, растворился в воздухе. Был Леопольд — и нет Леопольда. Только бабочка от него осталась и пара домашних шлепанцев. Протопали шлепанцы по комнате и замерли у стены. Вместе с бабочкой. Вместе с невидимым Леопольдом.

Просунулся в дверную щель тонкий мышинный хвост, подлез под крючок, отбросил его в сторону. Распахнулась дверь, влетели в комнату два мыша. Смотрят — нет Леопольда. Ничего, от нас не спрячется. Заглянул белый мышонок в шкаф — нет кота. Заглянул Серый под кровать — и там его нет. Открыл Белый холодильник — нет Леопольда. Заглянул Серый в кастрюлю — и там никого...

Вдруг шевельнулась, заходила на окне занавеска. Обернулся серый мышонок, заметил. Вот он где прячется!.. Подошел, крадучись, к занавеске, дернул за нее что было сил. Затрещала занавеска, переломился деревянный карниз, ударило палкой сверху мыша по голове. Только искры разноцветные в разные стороны!..

Посидел серый мышонок на полу, очухался и вдруг слышит: кто-то в тумбочке скребется. Схватил деревянную палку, подскочил к тумбочке, ударил сверху что было сил. Со скрипом отворилась дверка, выпал из тумбочки белый мышонок и неподвижно растянулся на полу. И в тумбочке нет Леопольда.

Рассердились мыши, надулись. Кинулись крушить-шуровать по комнате. Перевернули кровать, выпустили пух из подушки, вытащили кактус из горшка, сбросили книги с полки. И замерли разом. Прямо перед ними на стене — кот. Вернее, кошка. Цветной портрет кошки в чепчике. А под портретом надпись: «МОЯ ЛЮБИМАЯ БАБУШКА».

Захихикал белый мышонок, взял со стола горчицу. Обмакнул в нее палец и пририсовал бабушке вислые моржовые усы. Потом подумал и прибавил на голове рожки.

Занервничал в углу Леопольд, задышал, заходила бабочка туда-сюда, затопали в гнев шлепанцы.

А мыши все не унимаются. Серому тоже хочется свой художественный талант проявить. Да фантазии мало. Поднял он с пола перезрелый помидор, размахнулся и прилепил его бабушке вместо носа.

Тут уже не стерпел кот-невидимка. Сама собой поднялась со стола скатерть, проплыла в воздухе и накрыла хулиганов с головой. Забарахтались мыши, затрепыхались, покатались по комнате белым клубком. Выскочили из-под скатерти мышата.

— Ты что?! — заорал Серый.

— А ты что?! — ответил Белый.

Схватил серый мышонок приятеля за грудки, стукнул о стенку. От удара затряслась на полке эмалированная кастрюля, покачалась и свалилась вниз. На голову белому мышу. Наделась глубоко, по самые плечи.

Заготовтал радостно серый мышонок, но уже поднялась с полки другая кастрюля, проплыла за его спиной и тоже наделась на голову. Тоже по самые плечи.

Бродят мыши по комнате, стучаются кастрюлей о кастрюлю, звенят колокольным звоном. Ухватились за ручки, потянули кверху изо всех сил: шеи удлинняются, кастрюли не снимаются. Рванули что было сил — сдернули кастрюли. Стоят два мышонка с длинными, жирафьими шеями, очумело смотрят друг на друга.

Поднялась в воздух деревянная ложка, ударила два раза по макушкам — посадила головы на место.

Стоят мышата спина к спине, понять не могут, что здесь происходит.

Тут шевельнулись на стене огромные, развесистые оленьи рога, снялись со стены, наклонились, приняли боевое положение... и с гиканьем ринулись на мышей.

— А-а-а!!!

Кинулись мышата разом к двери и застряли. Ни туда, ни сюда. Подскочили сзади рога, да как напад-дадут!.. Пробкой вылетели мыши из двери и понеслись вниз. Белый по перилам мчится задом наперед, а Серый рядом по лестнице скачет, задом ступеньки пересчитывает. Доехали до парадной двери одновременно: Белый — на перилах. Серый — на ступеньках. Оседлал сверху белый мышонок своего серого приятеля — и в дверь. Стукнула их напоследок парадная дверь, пронесло их по воздуху и бросило в мусорную урну.

Высунулись мыши из урны, прямо перед ними стоит в воздухе оленьи рога. Подняла их кверху неведомая сила и держит в висячем положении. Подняли мыши руки кверху, сказали жалобно, неизвестно кому:

— Простите нас, рога...

— То-то! — сказал невидимый Леопольд и поставил мышей на землю.

И вот уже плывут по воздуху оленьи рога, поет невидимый кот свою песенку. Давайте не будем ссориться. Пусть мыши не обижают кота, коты не царапают собак, а собаки не кусают людей. Земля такая большая, что всем на ней хватит места.

Кончилась песня.

Появилась из ничего кошачья голова.

И сказал кот с оленьими рогами нам, зрителям:

— Ребята, давайте жить дружно!..

Телевизор кота Леопольда
Клад кота Леопольда
(Две истории про кота Леопольда)

История первая

Щелкнула в тишине кнопка, засветился экран телевизора, а на нем возник титр—заглавие фильма: ТЕЛЕВИЗОР КОТА ЛЕОПОЛЬДА.

Отъехала камера, а в кресле перед телевизором сидит сам кот Леопольд, приготовился смотреть фильм со своим участием. А на экране телевизора идут титры создателей фильма: АВТОР... РЕЖИССЕР... ХУДОЖНИК... МУЛЬТИПЛИКАТОРЫ.

Кончились титры, появилась на экране добродушная физиономия Леопольда. И вдруг побежали по экрану полосы, черточки, запрыгало, замелькало. Вскочил Леопольд, крутит ручки телевизора — ничего не помогает. Будто все помехи сразу обрушились на кошачий телевизор: и кадры прыгают, и строчки бегут, и изображение двоится. Выключил Леопольд свой телевизор, посмотрел случайно в окно и видит: с крыши дома на землю падают две знакомые мышинные тени. Стоят на крыше два мышонка, серый и белый, рассказывают во все стороны телевизионную антенну, помехи создают.

Подошел Леопольд на цыпочках к телевизору, вынул штекер антенны из гнезда, подтащил провод к ванне, вставил в кран и разом повернул ручки холодной и горячей воды. Устремилась вода по проводу, добралась до крыши, и хлынул душ на ничего не подозревающих мышей. Сбила их с ног струя воды, проволокла по крыше, подтащила к воронке водосточной трубы, и прогromыхали они по трубе вниз на землю.

Вскочили мыши на ноги, загрозили кулаками открытому окну Леопольда. А Леопольд посмотрел в окно, никаких теней на крыше нет — можно снова смотреть телевизор — мультипликационный фильм со своим собственным участием.

Пошел он в ванную за антенной, а двое мышат уже забрались по пожарной лестнице, заглядывают в открытое окно. Никого нет — можно делать очередную каверзу.

Вернулся Леопольд, вставил антенну на место, включил телевизор. Засветился экран, а на экране надпись: «Леопольд — подлый трус!»

Удивился кот, сам себе не поверил: какой странный фильм! А надпись с экрана все не исчезает. Подошел Леопольд к телевизору, переключил на другую программу. А там все та же надпись: «Леопольд — подлый трус!»

Щелкает ручкой Леопольд, переключает программы, а по всем программам один и тот же обидный титр. Засомневался кот, выключил телевизор. Снял крышку, залез в него с обратной стороны и вытащил оттуда дощечку с обидной надписью. Опять гадкие мыши канерзу подстроили!

Выбросил Леопольд дощечку через плечо в открытое окно. Ударила дощечка прямо по белому мышонку. Закачался он на лестнице, зашатался и, чтоб не свалиться, вцепился в своего серого приятеля — и уже оба вместе, дружно полетели вниз с пожарной лестницы.

А Леопольд ничего и не заметил. У него одна мысль: поскорее телевизор включить. Он и включил. Засветился экран, нагрелся, вот-вот на нем изображение появится...

А серый и белый мышата все не унимаются. Вошли в подъезд, подскочили к электрическому щитку и дернули за рубильник. И сразу погас свет во всем доме и в телевизоре Леопольда.

Открылась дверь кошачьей квартиры, вышел со свечкой Леопольд, шаркая домашними шлепанцами. Подошел к щитку, вернул рубильник на место — сразу всюду загорелся свет. Теперь уж ничего не помешает.

Закрыв за собой дверь, подошел к телевизору, включил. А экран опять не светится. В чем дело?.. Ах, вот в чем! Шнур со штепселем из розетки выдернут. Видно, в темноте ногой задел. Включил кот штепсель в розетку, да только одного не заметил: шнур-то этот не от телевизора, а от стоящего сбоку пылесоса. Опять мыши постарались.

Взревел бешено пылесос, приподнялся шланг и пошел глотать все, что только попадает: стащил с Леопольда шлепанцы, сдернул носки, сорвал со стены календарь, слизнул стоящий на подоконнике цветок, проглотил занавеску... А за занавеской стоят, прижавшись друг к другу, друзья-безобразники. Поднатужился пылесос, напрягся и втянул в себя одного за другим белого и серого хулигана. Поперхнулся этой добычей, фыркнул и замолк.

Выдернул Леопольд штепсель от пылесоса, вставил штепсель от телевизора. А из пылесоса раздался могу-

чий чих, откинулась крышка, вылезли наружу пыльные мышата:

— Прости нас, Леопольд!..

Тут как раз на экране телевизора появилась добродушная кошачья морда и ласково сказала мышам:

— Ребята, давайте жить дружно...

И сразу возник титр:

История вторая

В уютном кресле-качалке расположился кот Леопольд. На коленях — мягкий пушистый плед, в руках интересная книга — «Борьба с грызунами». Мерно покачивается кресло, перелистывает кот страницы — ничто не нарушает тишину.

И вдруг со двора в тишине раздается знакомый истошный мышиный вопль:

— Леопольд, выходи!..

Вздыхнул Леопольд, сказал жалобно:

— Ребята, давайте жить дружно...

А со двора звучит неумолимое:

— Выходи, подлый трус!

Отложил Леопольд книгу, подошел к окну. А со двора снова раздается:

— Леопольд, выходи!

Посмотрел Леопольд, вроде никого нет. А знакомый мышиный голос снова доносится снизу:

— Выходи, подлый трус!

Спустился кот во двор, огляделся по сторонам: где эти мыши спрятались? Нет мышей. Только их воинственные крики раздаются:

— Леопольд, выходи!.. Выходи, подлый трус!

Подошел Леопольд к лавочке и видит такую картину: стоит на лавочке старый, допотопный магнитофон, со скрипом проворачиваются бобины, движется магнитофонная лента, а на ней звучат через короткие промежутки записанные на пленку мышины голоса:

— Леопольд, выходи!.. Выходи, подлый трус!

Вздыхнул Леопольд, покачал укоризненно головой и нажал на кнопку «Стоп». Раздался оглушительный

изрыв, разлетелись бобины, поднялось густое облако дыма. А когда рассеялся дым, стоит кот посреди обломков, весь обмотанный магнитофонной лентой, филиономия в саже, усы дыбом. Посмотрел на это безобразие и сказал, угрожая стиснув зубы:

— Ребята, давайте жить дружно!

И сразу возник на экране титр—заглавие нового фильма: **КЛАД КОТА ЛЕОПОЛЬДА**.

Появился кот Леопольд, аккуратно сложил бумажку с названием фильма. Вложил ее в конверт и на письме написал: Куда... В подвал. Кому... Мышам. И бросил это письмо в почтовый ящик.

И вот уже сидят в своем подвале белый и серый мышата. Прямо перед ними на колченогом столике лежит план. Сверху надпись: «Клад кота Леопольда». А внизу обозначена местность, где это богатство зарыто. Все, как полагается: и роза ветров, и направление стран света, и крестиком обозначено место, где находится сокровища.

— Клад, — восхищенно шепчет серый мышонок.

— Ой, клад, клад, клад, — радостно вторит ему Белый.

И в их воображении загораются дивным блеском драгоценные камни, старинные монеты, слитки золота и даже большая головка сыра.

И вот уже движутся в полной экипировке на опушку леса искатели клада. И кирка у них с собой, и лопата, и толстые канаты, и динамитные шашки. Никуда этот клад не денется — будет наш!..

Встал на лесной опушке белый мышонок, развернул план, громко прочитал:

— Пять шагов на восток от старой березы!.. — Отсчитал от дерева пять шагов, топнул ногой: — Здесь!

Серый мышонок, здоровая физическая сила, схватил кирку, размахнулся, ударил что было сил по земле. Раздвинулась земля, вылез наружу старый крот, а на макушке у него прямо на глазах зреет здоровенная шишка. Рассердился крот, дал с размаху подзатыльник серому хулигану и опять спрятался под землю.

А серый мышонок рассердился на белого, схватил его за грудки, шмякнул от всей души о старую березу. От могучего удара посыпались с дерева спелые ябло-

ки, запрыгали по земле. Поднял серый мышонок яблочко, откусил с хрустом и, чавкая, сказал:

— Это не береза!

Откусил белый мышонок кусочек от яблочка, согласился:

— Не береза!

Подошел к стоящей рядом березе, развернул план, громко прочел:

— Пять шагов на восток!..

Отсчитал пять шагов, уткнулся в пригорок, стукнул по нему ногой:

— Здесь!

Схватил лопату серый мышонок, яростно начал рыть ход в этом пригорке. В одну минуту вырыл туннель и ринулся внутрь. Тут изнутри что-то запыхтело, зафыркало. Вылетел из туннеля серый мышонок, а следом за ним, яростно пыхтя, вырвался из туннеля паровоз и, дымя трубой, умчался вдаль.

Перевел дух серый мышонок, посмотрел вслед паровозу. Посмотрел на пригорок, а над пригорком медленно стал заходить солнечный диск. Схватил яростно серый мышонок за грудки своего белого приятеля:

— Это восток?

— Не восток, не восток, — затараторил белый мышонок. — Вон восток, — показал он в противоположную сторону.

На этот раз серый мышонок никому не доверил. Сам отсчитал пять шагов на восток от березы, ударил лопатой в землю. Стукнула лопата обо что-то железное. Заработал он лопатой, как пулемет, во все стороны полетели комья земли — и вот уже открылся их взору огромный кованный сундук.

Подняли его мыши на канатах, вытащили наверх. Вот он, долгожданный клад! Только как этот сундук открыть? Висит на нем здоровенный амбарный замок, а ключа от него нет. Стукнул белый мышонок лопатой по замку, сломалась лопата. Ударил серый мышонок киркой — сломалась кирка.

Задумался на секунду башковитый белый мышонок — придумал! Привязал к замку динамитную шашку, протянул от нее шнур. Отошли они с приятелем на

безопасное расстояние, достали спички, подожгли шнур. Сейчас добежит пламя по шнуру, рванет динамит, отлетит замок — клад будет наш.

Тут напозла на солнышко огромная черная туча, хлынул на землю дождь, зашипел огонек под каплями дождя, и погас шнур. Вот невезение! Но белый мышончок всегда что-нибудь придумает. Достал он зонтик, раскрыл над головой и снова поджег шнур. Бежит пламя по шнуру, а за ним, прикрывая огонек от дождя, идут к динамитной шашке два мышонка, два кладоискателя.

Довели мышата огонек до замка, рвануло, бабахнуло — только зонтик в сторону отлетел и все черным дымом заволочло.

Рассеялся дым: лежит на земле расколотый замок, а два мышонка висят высоко на дереве, зацепившись за ветки остатками штанов. Тут откинулась крышка сундука, встал оттуда во весь рост кот Леопольд. Посмотрел он на мышат, висящих на дереве, улыбнулся искателям клада и в который уж раз ласково предложил:

— Ребята, давайте жить дружно...

День рождения кота Леопольда

Яркий луч солнца глянул в окно, упал на лицо спящего Леопольда. Приоткрыл кот глаза, спросонок посмотрел на висящий на стене большой календарь. 3-е число! И даже подпрыгнул на кровати. Это же мой день рождения! И от солнца, щедро бьющего Леопольду в глаза, радужными буквами крупно возникли титры — название фильма: «День рождения Леопольда».

И на праздничных, поздравительных открытках, украшенных орнаментами и виньетками, сменяя друг друга, пошли титры создателей фильма: АВТОР... РЕЖИССЕР... ХУДОЖНИК... КОМПОЗИТОР... МУЛЬТИПЛИКАТОРЫ.

Наконец на ярком охристом фоне, как бы общим поздравлением, возникает надпись: «С днем рождения!» Камера отъезжает, и мы видим, что это большой праздничный торт, который Леопольд собрался поста-

вить в духовку. Зажег огонь, вставил внутрь торт, немного подумал, уменьшил огонек, чтобы торт не подгорел, и покинул кухню.

А на кухонных полках дружными рядами выстроились жестяные банки с надписями: ПШЕНО, ГРЕЧКА, МАНКА и т.д. Откинулась крышка банки с надписью «МАНКА», вылез оттуда серый мышонок, вернее, весь белый от манной крупы. Резко встрепенулся, принял свой обычный серый вид, посмотрел по сторонам: где мой товарищ? А товарища нет. Только из банки с горохом раздается урчание и чавканье. Откинул крышку, вытащил за шиворот белого приятеля. А тот уже весь от гороха раздулся и еще на ходу горошиной хрумкает. Дал ему крепкого подзатыльника так, что горошины струйкой посыпались на пол. Действительно, не жрать сюда пришел, а хулиганить.

Потянули мышата носом, почуяли что-то приятное в духовке. Приоткрыли — а там торт для юбиляра. Ну уж, дудки! Этого торта коту не есть. Повернул белый рукоятку плиты до отказа, запольхал в духовке яркий огонь. Уголь он будет есть, а не торт! Отбежали приятели от плиты, приподняли крышку мусоропровода, юркнули внутрь. Только носы оттуда торчат: все-таки интересно, чем дело кончится.

А в это время в комнате Леопольд повел носом, чувствует что-то горит. Со всех ног кинулся в кухню, а там чад, дым, угар. Вытащил из духовки торт, вернее не торт, а обугленный кусок теста. Ай-ай-ай!.. Такой хороший торт погиб. Теперь надо выбрасывать. Приоткрыл крышку мусоропровода, швырнул туда обгоревший торт. И полетел он вниз вместе с мышами. Только грохот раздался, будто кто-то выбросил пустые консервные банки.

И вот уже из камина в комнате вылезли две сердитые мышинные морды, обе с пятнами на щеках: то ли от каминной сажи, то ли от подгоревшего торта. А на лапах у них большой красный кирпич, перевязанный веревочкой с бантиком: подарок коту Леопольду. Положили кирпич прямо на стол, на белоснежную скатерть, а серый мышонок свободный конец веревки обвязал вокруг вазы с цветами. Выбросит Леопольд

этот кирпич — и цветы улетят. Торты у него уже нет, и цветов не будет!

Приготовили этот подарочек, а сами спрятались под ковер. Все-таки интересно, чем дело кончится.

Входит в комнату Леопольд, смотрит — понять не может: откуда кирпич взялся? На потолок посмотрел — там все в порядке; на стены глянул — тоже ничего не обвалилось. Просто чья-то глупая шутка. Взял кот в руки кирпич, подошел к открытому окну, посмотрел вниз, чтобы никого не зашибить, и вышвырнул кирпич в окно. Тут со звоном взлетела вазочка с цветами, перевернулась в воздухе, вылила всю воду на ковер и улетела в открытое окно.

Глянул Леопольд на ковер: ай-ай-ай! Скоро гости придут, а тут такой беспорядок. Схватил скорей утюг, включил в розетку, начал водить им по мокрому ковру. Только раз провел, а оттуда как завопят:

— Ай-ай-ай!

Удивился кот: что такое? Послышалось, что ли? Пронес снова утюгом, а оттуда снова вопль:

— Ой-ой-ой!

Да что это? Откуда эти звуки? Посмотрел по сторонам, догадался: это же, наверное, радио. Сделал звук погромче — и точно: выступает по радио какой-то вокально-инструментальный ансамбль, орет под электрические гитары дурными голосами:

— Ай-ай-ай! Ой-ой-ой!..

Ну вот, решил Леопольд, а я испугался. И давай водить со всей силы утюгом взад-вперед под аккомпанемент истошных воплей:

— Ай-ай! Ой-ой!

Высушил ковер, выключил радио и понес утюг из комнаты. Приподнялся ковер, вылезли оттуда два мыша: не серый и не белый — оба красные, распаренные, будто только что из бани.

— Фу! — выдохнули они дружно пар и бегом в ванную, охлаждаться.

Вбежали в ванную комнату, схватил серый мышонок пульверизатор и давай давить на него ногой, поливать приятеля одеколоном. Для хорошего друга чужого одеколона не жалко!

Вдруг слышатся кошачьи шаги, приоткрывается дверь ванной комнаты... Засуетились мыши, приподнял Серый какую-то крышку, кинулись оба внутрь. Вошел Леопольд с ворохом грязного белья, приподнял крышку стиральной машины, кинул туда белье и ток включил. Пускай стирает!

Ушел Леопольд, загудела машина, заработала всюю. Только видно в круглое окошечко, как вода крутит и разворачивает мышей, как хочет. Хотят они вырваться наружу, а мощный поток снова утаскивает их внутрь, сминает, крутит и вновь проносит мимо круглого оконца.

Наконец приподнялась крышка, вылез наружу выстиранный серый мышонок, кинулся головой вперед и как раз застрял между двумя отжимающими барабанами: ни назад, ни вперед. Вылез наружу белый мышонок, потянул приятеля за ноги — не выдергивается. Увидал сбоку ручку, закрутил что было сил. Заохал Серый, закричал, вылез из барабанов. Немного плоский, зато сухой. А белый мышонок стоит на крышке весь мокрый, сморщенный, неотжатый. Взял его Серый: одной рукой за ноги, другой за голову. Выкрутил с силой, как мокрую рубаху, поставил на место, стукнул сверху по голове — и тот принял нормальный вид.

Посмотрели друг на друга: какую же шкуру еще изобрести?... Глянул Белый на полку, а там стоит пластмассовая бутылочка с яркой этикеткой.

— Шам-пунь, — по складам прочел Белый. — Для жирных...

— Котов! — радостно закончил Серый.

Схватили они шампунь, кинулись на цыпочках в коридор. Перевернули бутылку, залили весь пол перед комнатой. Скользкий стал пол, как каток. Сейчас выйдет Леопольд из комнаты да как грохнется!.. А сами кинулись к вешалке, залезли в плащ Леопольда. Серый в один карман, Белый — в другой. Сидят, ждут. Все-таки интересно, чем дело кончится.

Распахнулась дверь, вышел из комнаты Леопольд с совком, полным мусора. Наступил на скользкий паркет, завертело его, закружило. Ударило об одну стену.

отнесло к другой, а оттуда с размаха бросило к вешалке. Перевернулся совок, и весь мусор высыпался прямо на плащ.

Леопольд даже за голову схватился: совсем новый плащ и такой грязный. Схватил плащ, понес его на балкон чистить. Одной рукой держит плащ за воротник, а другой схватил выбивалку для ковров и давай пыль выколачивать. Сильно бьет, с усердием. По рукам, по спине, а особенно по карманам: они грязнее всего. Выбил плащ от души и на прощание еще сильно его встряхнул. Вылетели мыши из карманов, а кот даже и не заметил.

Вошел в комнату, повесил плащ, а снаружи звонок в дверь. Приосанился Леопольд, разгладил усы, кинулся к двери. Наверное, кто-то поздравлять пришел. Распахнул широко дверь и в ужасе отступил назад. Стоят за дверью в темноте два самых настоящих скелета.

— Мама! — заорал Леопольд, подпрыгнул под потолок и руками за люстру вцепился.

А скелеты застучали челюстями, загремели костями и дружно скинули с себя два черных комбинезона с нарисованными на них белой краской скелетами.

— Леопольд! — заорали мыши. — Выходи, подлый грус!

Швырнул серый мышонок по полу ведро с водой прямо под висящего Леопольда, хлопнул яростно дверью — и свалился кот прямо в ведро.

Не успел в себя прийти, а в дверь уже опять звонят. Ну, теперь уж не обманут! Схватил кот половую щетку, притаился за дверью. Распахнул дверь, изготовился... Встал на пороге пес-почтальон с толстой сумкой на ремне.

— Леопольд! — только и успел сказать.

И в эту минуту с треском обрушилась на его голову половая щетка. Только искры из глаз посыпались и глаза местами поменялись.

— Распишитесь, — тихо оказал почтальон и протянул телеграмму.

Засмутился кот, заизвинялся. Он-то думал, что это мыши, а это весточка от друзей. Надорвал телеграмму, прочел вслух:

— Леопольд! Выходи, подлый трус!

Не успел удивиться, а в дверь опять звонят. Растерялся Леопольд: теперь уж не поймешь, то ли мыши, то ли почтальон, то ли еще кто... Приоткрыл осторожно дверь — никого. Приоткрыл пошире, а оттуда выскочили разом две ужасные змеи. Страшные, кошмарные, отвратительные кобры. Отступил кот назад, а змеи шипят, вытягиваются: вот-вот ужалят.

Нащупал Леопольд рукой детскую дудочку, схватил, присел на корточки и заиграл пронзительную восточную мелодию, на которую всегда реагируют змеи. Задвигались кобры в такт мелодии, закачались. Приподнялся Леопольд, встал на ноги, и змеи поднялись вровень с его головой. Вернее, не змеи, а два разрисованных под змей мышиных хвоста. Все выше поднимаются «змеи», а следом за ними плывут по воздуху два мышонка: серый и белый.

А Леопольд знай себе играет! А мыши знай себе по комнате плывут! Подошел кот к открытому окну, играет на дудочке, а мыши в воздухе висят, только хвосты извиваются. Страшно все-таки.

— Леопольд, — жалобно сказали мыши. — Прости нас, Леопольд.

— Ребята, — ласково сказал Леопольд.

А чтобы сказать, понятно, дудочку от губ отнял. Резко оборвалась музыка, разом упали хвосты-змеи — и два мышонка дружно полетели вниз в открытое окно.

Выглянул в окно Леопольд, улыбнулся и сказал мышам, а заодно и всем зрителям:

— Давайте жить дружно!

Прогулка кота Леопольда

Раннее утро. Щебечут птички, шелестит ветерок, далеко вдаль уходит лента шоссе. И по пустынному шоссе, на велосипеде, с рюкзаком за плечами медленно движется кот Леопольд. Он крутит педали и поет песенку о том, как приятно ранним утром отправиться на прогулку, когда ярко светит солнышко, весело мелькают спицы в колесе. И как много приятного и неожиданного обещает путешественнику дорога.

А дорога, действительно, обещает много неожиданного. На тринадцатом километре шоссе готовятся к встрече с Леопольдом его старые знакомые: белый и серый мышата. Вышли они из перелеска, выволокли на шоссе здоровенный мешок. А мешок этот доверху набит острыми кнопками.

Начали разбрасывать кнопки на дорогу. Сейчас разгонится Леопольд, проткнет свои велосипедные шины и всё — конец его приятной прогулке. Устанавливают мышата кнопки, густо устанавливают, чтобы кот случайно мимо не проскочил. Посмотрел белый мышонок, а его серый глуповатый приятель кнопки кладет острием вниз. «Ты что? — показывает белый мышонок. — С ума сошел? Вот как надо устанавливать: наоборот, острием вверх. Тогда все получится». Перевернул белый мышонок кнопку и для доказательства своей мысли топнул по ней ногой. Запрыгал на одной ноге, заверещал. А серый ему сразу рот рукой закрыл. Тихо, мол, а то Леопольд услышит.

Наконец установили свои кнопки, залегли в кювет, ждут. Тут затарахтело что-то в лесу, выехал с просеки грейдерный трактор с привязанным сзади деревом. Пересек дорогу как раз в том месте, где они кнопки установили, и скрылся на той стороне. Посмотрел серый мышонок на вдавленные в шоссе кнопки, сказал радостно-удивленно:

— Переход!

А белый мышонок пыхтит, тянет снова на дорогу мешок с кнопками. Надо торопиться, кот уже близко. Выложили на дорогу новую порцию кнопок, влезли на ствол дерева, стоящего у дороги, ждут.

А вот уж и Леопольд показался. Приближается, голубчик, беды не чует. Но тут выехала из-за поворота поливальная машина, обогнала Леопольда, наехала передним колесом на острую кнопку. Лопнула передняя шина, развернуло машину, бросило в сторону и ударило о стоящее у дороги дерево. Свалились с ветки поврежденные мышата — и прямо в открытый люк цистерны с водой. Выключил мотор пес-водитель, перестала разбрызгиваться вода, вылез пес из машины, посмотрел, что случилось. Подъехал Леопольд, помог

шоферу сменить колесо, пожал лапу и дальше поехал. Продемонстрировал водительскую солидарность. А шофер влез в кабину, включил двигатель. Заработала машина, ударила сбоку тутая струя воды, и вместе с водой выбросило двух мышат из разбрызгивателя далеко в сторону.

И снова едет кот Леопольд по шоссе, снова поет свою песенку о том, как хорошо, когда над тобой голубое небо, и как много приятного и радостного сулит нам дальняя дорога. А мимо него проносится поливальная машина. Водитель-пес помахал приветственно рукой из кабины, а под цистерной с водой сидят, съежившись, два мышонка. Думают о следующей каверзе.

Доехала машина до развилки, на дороге стоит знак-стрелка: только влево. Пес влево повернул, а мыши соскочили на дорогу, встали рядом со знаком. Подумал-подумал белый мышенок, сообразил: о!.. Надо знак повернуть. Обхватил серый мышенок знак, повернул его стрелкой в небо. Нет, показывает Белый, не так! Тогда повернул Серый стрелкой в землю. Тоже не так. Вот как надо: стрелкой вправо. Свернет туда Леопольд, а там крутая горка. А дальше недостроенный мост стоит. Разлетится Леопольд на своем велосипеде и бултых в воду!

Сказано — сделано. Повернули знак, ждут. Подъехал кот Леопольд, повернул по указателю направо и понесся с крутой горки. А впереди — недостроенный мост, а скорость такая, что уже не затормозить. Закрыв глаза Леопольд, несется навстречу большим неприятностям. Но тут по реке баржа плывет, длинная-предлинная. А на палубе большие деревянные ящики стоят. Подплыла баржа и оказалась как раз вровень с мостом. Заняли ящики часть недостроенного сооружения. На полном ходу промчался кот по мосту, пересек баржу и оказался на том берегу.

Кинулись мыши следом с гиканьем и криком. Разлетелись, разбежались, но тут баржа как раз миновала мост. И на полном ходу прямо с недостроенного моста мыши бултых в воду!..

Плывут по реке, перебираются на ту сторону. Серый мышенок на животе плывет, а белый сидит на нем, как в лодке, отталкивается от воды хвостом, как веслом.

Снесло их течением далеко вниз. Вылезли они на берег, мокрые, продрогшие, но не успокоившиеся. Смотрит белый мышонок — на берегу чья-то удочка лежит. Задумался на секунду, сообразил. Оторвали от удочки леску и прямым ходом опять на дорогу.

А по дороге как ни в чем не бывало едет кот Леопольд. Крутит подали, распевает свою песенку о том, как прекрасна жизнь и, что бы ни случилось в дороге, все обязательно хорошо кончится. Иначе и быть не может!

Но мыши уже встали по обе стороны дороги, растянули поперек свою леску. Сейчас налетит кот на невидимую преграду, перевернется со своим велосипедом и грохнется об асфальт. Вот тогда он и запоет по-настоящему. За все с ним рассчитаемся!.. Намотал серый мышонок леску на руку, а белый даже вокруг себя обмотал, чтоб крепче было, чтоб не вырвалась леска, чтоб уж грохнулся кот как следует. На долгую память.

А Леопольд едет себе, ни о чем не подозревая, приближается к невидимой западне.

Но вдруг с той стороны шоссе вылетел здоровенный самосвал, доверху нагруженный песком. На полном ходу налетел на леску, приподняло наших мышей в воздух и бросило в кузов с песком. Едет себе кот Леопольд, а мимо него проносится самосвал. А вверх зарылся в песок серый мышонок, одна голова из песка торчит. Прямо кадр из фильма «Белое солнце пустыни». А белый мышонок орудует игрушечным совком, отгребает из песка своего незадачливого приятеля.

Ну а Леопольд ничего и не заметил. Поехал себе дальше, радостно поглядывая по сторонам. А сзади уже что-то затарахтело, зафырчало... Несется по шоссе вдогонку на огромной скорости мотоцикл с коляской. Серый мышонок в седле сидит, ручку газа крутит, белый мышонок в коляске устроился, руки к глазам приставил, как бинокль, цель на шоссе высматривает.

Вот она, цель, показалась уже! Знакомая спина кота Леопольда с маленьким рюкзаком за плечами. Крутанул серый мышонок ручку газа изо всех сил, и пошли они сзади на таран!

Услыхал Леопольд жуткий треск и грохот, обернулся — несется на него сзади мотоцикл «ИЖ» отечественного производства, а в мотоцикле, сжав зубы, сидят два мыша, приготовились врезаться в велосипед. Ну, с мотоциклом шутки плохи. Повернул резво Леопольд и съехал с дороги на лесную тропинку. И мыши на полном ходу повернули свой мотоцикл — и за ним!.. На здоровенной коряге подпрыгнул мотоцикл, подкинуло серого мышонка в воздух и перебросило в коляску, прямо к своему белому приятелю.

Несется по зеленому лесу неуправляемый мотоцикл. За рулем никого, а в коляске сразу двое. Тут прямо на дороге встало дерево. Закрыли мышата глаза ладошками, приближается самое страшное — лобовой удар. Только дерево оказалось как раз между мотоциклом и коляской, разрежало агрегат на две равные части: мотоцикл сам по себе налево умчался, а коляска с двумя мышами направо понеслась.

Несется коляска по лесу на одном колесе. Без руля, без тормозов, но с двумя мышами. Пролетают они мимо низко расположенных веток, отодвигаются ветки, и потом уж сзади хлещут по мышатам изо всех своих сил. Авпереди густой-прегустой ельник. Свесились елочные лапы до самой земли. Влетела туда коляска, проскочила на огромной скорости, вырвались из густых колючих зарослей. Встали во весь рост мышата, с головы до ног утыканные острыми иголками, как два ежа: серый и белый.

А коляска уже по поляне проносится, сбивает грибы один за другим, только шляпки вверх подлетают. Так и едут два мышонка: у одного на голове шляпа поганки, у другого — мухомор.

На полном ходу налетела коляска боком на пенек, отбросило ее в сторону, и пошла она выписывать круги по полянке, словно по цирковой арене. А на дереве дятел сидит, клювом по стволу стучит, вредителей уничтожает. Скосил дятел глаз на коляску, послушал этот шум и грохот, как от консервной банки, и рассердился на нарушителей лесного покоя. Пронеслась коляска под деревом, а дятел как долбанет клювом по макушке серого безобразника. Еще круг сделала ко

ляска, домчалась до того же места, стукнул дятел клювом по белому мышонку. И так попеременно: крутится коляска, стучит дятел клювом, только успевают мышата голову руками прикрывать. Наконец надоела дятлу эта работа, стукнул он клювом изо всех сил по коляске, и от этого удара понеслась она дальше по касательной.

А впереди — ручей. А через него перекинута узенькое бревнышко. Влетела коляска на бревно, понеслась над глубоким ручьем. Доехала до середины, наклонилась, накренилась — вот-вот вниз свалится. Но белый мышонок высунулся из коляски, как во время мотокросса, выгнулся в другую сторону, а серый приятель его за ноги держит. Выпрямилась коляска, промчалась через ручей, влетела на лесную опушку и на всем ходу презалась в здоровенную ель.

От могучего удара градом посыпались с дерева еловые шишки. Завалило коляску до самого верха. Только стоит на опушке холмик из еловых шишек.

Подъехал на своем велосипеде Леопольд, слез, остановился у холмика. Тут зашевелились шишки, вылезли наружу белый и серый мышата. У каждого по шишке на лбу, только не еловой, а настоящей. Посмотрели они на Леопольда и сказали жалобно:

— Прости нас, Леопольд...

— Прости, а?..

Посмотрел на них внимательно кот Леопольд, покачал головой и сказал ласково:

— Ребята, давайте жить дружно!..

Лето кота Леопольда

С рюкзаком за плечами, с сачком в руках, в соломенной шляпе шагает по улице кот Леопольд. Он идет и поет песенку о том, как ярко светит солнце, зеленеет трава и что жизнь вообще прекрасна и удивительна.

А в это время мы видим на крыше дома двух наших старых знакомых: белого и серого мышат. Они ползут по крыше, держа в руках большой арбуз. Прищурился глаз, целятся в движущуюся внизу мишень — соломенную шляпу кота Леопольда.

А ничего не подозревающий Леопольд уже поет о том, что, конечно, жизнь прекрасна, но она полна неожиданностей, и никогда точно не можешь знать, что тебя ждет в следующую минуту.

На этих словах мыши отпускают арбуз, и он, со свистом пролетев вниз, ударяет кота по соломенной шляпе и разлетается на куски. Но Леопольд как ни в чем не бывало допевает последнюю строчку: ко всему на свете ты должен быть готов. После чего снимает соломенную шляпу, и под ней оказывается прочный хоккейный шлем. Современный шлем хоккеиста, которому не страшны ни резиновая шайба, ни деревянные борта, ни, уж тем более, какой-то полосатый перезрелый арбуз!

ТИПРЫ...

ТИПРЫ...

ТИПРЫ.

Среди густой зеленой травы белеет одинокое строение: одноэтажный домик с чердаком, где проводит лето кот Леопольд. Распахнулась дверь, вышел, потягиваясь, на крыльцо кот-дачник. Посмотрел любовно на свой домик и обомлел: все стены исписаны черной краской. И по характеру надписей сразу видно, кто их намалевал. «Леопольд, выходи!», «Леопольд — подлый трус!». И даже «Леопольд — козел». А снизу еще пририсована физиономия кота с козлиными рогами и бородой.

— Ай-ай-ай! — схватился за голову Леопольд и убежал в домик.

А из кустов высунулись две торжествующие морды: серая и белая. У белого в руках кисточка, у серого — банка с черной краской. Короткими перебежками устремились к стене и — пока нет Леопольда — еще решили добавить. Серый мышонок обмакнул кисть и, радостно ощерясь, написал: «Леопольд — харёк».

— Ой-ой-ой! — сказал его более грамотный приятель, выхватил кисточку и «исправил» ошибку: «Леопольд — харёг». И быстро исчезли в кустах.

Вернулся кот Леопольд с малярной кистью и ведром белой краски. Обмакнул кисть — закрасил одну надпись, потянулся кистью вверх — не достает кисти.

до надписи «Леопольд — подлый трус». Покачал кот головой и снова убежал в домик, за лестницей.

А белый и серый проказники высунулись из кустов с большим тюбиком, на котором написано: «КЛЕЙ БФ». Подтащили тюбик и выдавили оттуда клей в ведро с краской. Нашкодили — и опять в кусты.

Вернулся Леопольд, приставил к стене лестницу, обмакнул кисть в ведро, взобрался на ступеньку и провёл кистью по надписи. Приклеилась кисть к стене: ни туда ни сюда. Что такое? Удивился Леопольд, дернул к себе кисть со всей силой. И следом за кистью выехал наружу кусок чердака. Испугался кот, двинул кистью назад — вернулся чердак на место. Дернул снова за деревянную ручку кисти — выехал чердак, повел обратно — встал чердак на место.

Постоял кот, подумал: сообразил, что делать. Выдвинул немного чердак, взял оттуда пилу, отпилил от кисти деревянную ручку. Вдвинул чердак обратно, а из приклеившейся кисти быстрыми, ловкими движениями соорудил птичье гнездо.

Тут же прилетела птица с птенцами, запела, зачирикала, уютно устроившись в новом гнезде под карнизом. Улыбнулся одобрительно Леопольд, стоя на лестнице, отбросил ненужную деревянную палку в кусты. Прозвучал глухой удар, приподнялся из кустов белый мышонок с большой шишкой на лбу, заорал иростно:

— Лео...

Но серый приятель быстро зажал ему рот и утянул обратно в кусты.

А Леопольд слез с лестницы, посмотрел в ведро, пощупал — вся краска почему-то испорчена. Взял старое ведро и тоже выбросил в кусты. Снова прозвучал глухой удар, приподнялся из кустов серый мышонок с огромной шишкой на голове, яростно завопил:

— Лео...

Теперь уже белый приятель быстро зажал ему лапкой рот и утянул обратно в кусты.

А Леопольду уже бежит, тащит краскопульт с разбрызгивателем, закрасивать оставшиеся обидные надписи. Вставил шланг, включил моторчик и пошел брыз-

гать тоненькой белой струйкой. Одна за другой стали исчезать черные надписи под слоем белой краски.

Вылезли из кустов разгневанные мыши, поползли по-пластунски к механизму. А Леопольд ничего не слышит из-за шума моторчика, ничего не видит, увлеченный своей работой. Вытащил белый мышонок шланг, передал его своему серому другу. На плите в домике стоит кастрюля с варящимся супом из овощей. Приподнял мышонок крышку, сунул туда шланг.

Ударила из краскопульты в стену домика тугая овощная струя, отпечатались на стенке морковка, редиска, помидор — натюрморт, да и только. Склонил голову Леопольд, посмотрел на это произведение. Хорошая картина получилась. Вытащил кусок деревянной стены с отпечатанным натюрмортом, отнес в дом, повесил на гвоздик. А с той стороны вставил в образовавшуюся дыру большое, светлое окно.

Заглянули мыши в это окно: сидит кот в кресле-качалке, любитесь висящей перед ним картиной. Мыши аж передернулись от злости! Что же еще такое придумать, чтобы ему настроение испортить?..

Схватил белый мышонок прутик, быстро нарисовал на песке схему какого-то адского механизма.

— Это чего? — спросил серый мышонок-тугодум.

Наклонился к нему белый, быстро-быстро зашептал на ухо.

— Во! — радостно сказал серый мышонок и поднял вверх большой палец.

И вот уже сооружается перед дверями домика по проекту белого конструктора чудо техники двадцатого века. Прямо перед входом висит бутылка молока. От нее перекинута через сук дерева веревочка, которая соединена с проволочкой, которая проходит по веткам и подходит к высоко висящему на ветке арбузу. Здорово, но непонятно.

— Проверка! — объявляет белый мышонок.

Встал серый мышонок прямо под арбузом, посмотрел испуганно вверх, на висящий над ним плод, достал из-за пазухи зимнюю шапку, нахлобучил себе на голову.

— Давай! — махнул рукой Белый.

Дернул серый мышонок за бутылку молока. И сразу пришел в движение адский механизм. От натяжения выгнулась стальная пластинка, ударила по штырьку, подлетел вверх штырек, проткнул резиновый шарик, вышел из шарика воздух, распрямилась пружинка, ударила по лезвию. А лезвие уже перерезало веревочку, на которой висел арбуз. Со свистом пронесся арбуз и с силой ударил по голове серого мышонка.

— Получилось! — радостно вскинул вверх лапки белый изобретатель.

— Получилось, — сдавленным голосом подтвердил его серый приятель и, зашатавшись, рухнул на крыльцо.

А белый мышонок привел свою конструкцию в первоначальное положение, сделал другу искусственное дыхание, привел в чувство.

Теперь все как прежде: бутылка висит перед входом, арбуз качается на ветке. Постучал мышонок в дверь домика, и оба быстро отбежали за ближайшее дерево.

Вышел на крыльцо Леопольд. Что такое? Никого нет. Только перед его носом покачивается бутылка с молоком. Протянул кот к ней руку, хотел было взять. Плянул чуть вверх, а там покачивается на ветке огромный арбуз. Удивительно: на дубу арбуз растет. Забыл сразу Леопольд о бутылке молока, потянулся и сорвал с прищипки арбуз. И сразу пришел в движение адский механизм, но только в обратном направлении. Сжалась пружинка, отбросила резиновый мячик, мячик ударил по штырьку, качнулся штырек, толкнул стальную пружину, а пружина выгнулась и ударила со всей силы по бутылке с молоком. Пронеслась со свистом бутылка, ударила по дереву, за которым спрятались мышата. От удара проснулись спящие в дупле дикие пчелы, вылетели из гнезда. Это кто наш покой нарушил? Вот эти двое? Ну, берегитесь!..

Заверещали мыши от ужаса, понеслись не чуя под собой ног. А пчелы уже настигают, все громче жужжит за спиной пчелиный рой. На полном ходу влетели мыши в собачью конуру. Раздался оттуда жуткий рев потревоженного пса, похожий на львиный рык. Вылетели оттуда еще более напуганные мыши, дальше побежали.

Выбежали на дорогу, а пчелы все ближе. Куда от них спрятаться? Тут, на счастье, мчится по дороге какая-то цистерна. На цистерне написано: «Пиво». Зацепились за нее мыши, откинули верхний люк и бултыхнулись вниз. Забулькало что-то внутри, захлюпало, прошло полсекунды, и из цистерны глухо запели мыши веселыми голосами:

— Леопольд, подлый трус!..

С рюкзаком за плечами, в плаще, со складным зонтиком в руках идет по улице кот Леопольд. Он идет и поет песенку о том, как хорошо, когда моросит осенний дождичек, желтеет трава и вообще жизнь прекрасна и удивительна.

А на крыше дома опять двое наших знакомых: серый и белый мышата. Они снова ползут по крыше, держа в руках большой арбуз. Прищулив глаза, целятся в движущуюся внизу мишень — ничем не прикрытую голову кота Леопольда.

А ничего не подозревающий Леопольд снова поет припев песенки о том, что наша жизнь прекрасна, но она полна сюрпризов и никогда не знаешь, что тебя ждет в следующую минуту.

На этих словах мыши отпускают арбуз, и он со свистом несется вниз на голову Леопольду. А кот в это время раскрыл над собой зонтик, допел последнюю строчку: ко всему на свете ты должен быть готов. Ударил арбуз сверху по зонтику, спружинил, развалился на две части, и обе части взлетели вверх, на крышу. Стукнула рикошетом каждая половина по мышонку, и полетели они вниз, дрыгая ногами.

Поднял кот голову: прямо на него несутся старые знакомые, визжа от страха. В последний момент перевернул Леопольд свой зонтик и поймал обеих мышей внутрь, как ловят потерпевших спасатели на пожаре.

Обхватили испуганные мыши ручку зонтика, сказали жалобно:

— Прости нас, Леопольд...

— Прости, Леопольдушка...

Улыбнулся кот и сказал им свою привычную фразу:

— Ребята, давайте жить дружно!..

Кот Леопольд во сне и наяву

Жарко светит летнее солнце. Серебром отливает река. На середине реки — маленькая лодка, а в лодке кот Леопольд. В длинных красных трусах и своей неизменной фиолетовой бабочке, надетой на голую шею.

Встал Леопольд в лодке во весь рост, перевалился через борт и плюхнулся в прохладную речку. Плавает, ныряет, кувыркается — наслаждается водными процедурами. Вдруг прямо перед ним из воды высунулась голова акулы. Да какая! Пасть огромная, зубы здоровенные — такая съест — не поморщится.

Брызнул ей Леопольд в морду водой и кинулся плыть к лодке, только брызги во все стороны полетели. А акула клацнула зубами — и вдогонку.

Влетел кот в свою лодку и заработал веслами — только побежали буруны, как от моторного катера. А странная акула, щелкая челюстями, мчится за ним — не отстает. Все ближе берег, и акула все ближе. Заработал кот Леопольд веслами с такой силой, что вылетел из лодки и помчался по воздуху, работая веслами.

Тяжело дыша, выскочил на песчаный берег. А из воды следом за ним вылетела акула. Вернее, не акула, а два мышонка: серый и белый. Оба в лапах, с трубками для дыхания. Серый держит на палке огромную акулю голову, а белый дергает за веревочку, и она по-слушно лязгает зубами.

Понял Леопольд, кто его напугал. Ухмыльнулся, расправил усы да как стукнет веслами, одно об другое. Побросали мыши свои пугательные приспособления и сломя голову кинулись прочь.

Бегут они по широкому песчаному пляжу. Впереди песок, сзади песок, сбоку песок. Для других — пляж, а для мышей просто пустыня Сахара. Идут-бредут, оставляя глубокие следы на мягком песке.

Вот выскочила из песка и пробежала ящерица, налетел порыв ветра, замата следы. А мыши уже выбились из сил, ползут по песку на четвереньках. Белый достал из кармана флягу с водой, выпил последние капли и отбросил ненужную флягу в сторону. Огляды-

ваются они по сторонам, а кругом песок, барханы. Видно, не выбраться им отсюда никогда.

— А-а-а! — заорал от ужаса белый мышонок.

Прямо перед ним лежит на песке чей-то череп: то ли козий, то ли бараний. Валяется белая кость, еще одна, груда костей. Наверное, следы от заблудившихся путников. Вдруг со свистом пролетела кость и упала за лесок. Поднял ее серый в ужасе, подполз к краю песчаного обрыва и видит такую картину: на пляже под кустиком сидят два пса-туриста. Гррит костер, бренчит гитара, а собаки обглаживают кости и бросают их в сторону.

Разозлились мыши на самих себя за свои страхи, покрутили головами и увидели, что на середине реки, как ни в чем не бывало, сидит в своей лодочке Леопольд, удит рыбку.

— Леопольд! — пискливо заорал Белый. — Выходи!

А Серый яростно ударил костью о колено, запрыгал от боли на одной ноге и яростно добавил:

— Выходи, подлый трус!

И сразу на экране возник титр—заглавие фильма: «КОТ ЛЕОПОЛЬД ВО СНЕ И НАЯВУ».

ТИТРЫ...

ТИТРЫ...

ТИТРЫ...

И снова высоко в небе стоит горячее солнце. На песочке, лежа на полотенчике, в красных штанишках и фиолетовой бабочке, кот Леопольд читает «Робинзона Крузо». Разморило его жаркое солнце, зажмурились глазки, выпала из рук раскрытая книга. А там старинный рисунок: на песчаной отмели лежит без чувств выброшенный на берег Робинзон, а мимо плывут по воде обломки кораблекрушения.

Вздохнул Леопольд в полудреме, засопел глубоко носом и уснул. И снится ему такой сон. Маленький островок в середине океана с растущей посередине кокосовой пальмой. На острове в позе Робинзона лежит кот Леопольд, а мимо проплывают обломки кораблекрушения: бочки, доски, разные предметы. А вот плывут по воде традиционные шлепанцы кота Леопольда. Набежавшая волна прибила шлепанцы к острову и надела

их на ноги коту. Очнулся Леопольд, посмотрел по сторонам, сел, подпершись ладонью, и пригорюнился.

Вдруг смотрит — на горизонте появился дымок, как от трубы корабля. Вскочил кот-Робинзон на ноги, запрыгал, замахал руками, чтобы обратили на него внимание. А из-за горизонта выплыл очередной обломок кораблекрушения: кусок стола, на нем примус, а на примусе стоит чайник и пускает пар из носика.

Вздохнул Леопольд, снова сел на песок. А из воды показался перископ подводной лодки. Замахал кот руками, закричал... Подплыл ближе перископ, начал подниматься из воды. А это, оказывается, не перископ, а хобот слона. Вылез слон из воды, прошелся по острову мимо оторопевшего Леопольда и снова погрузился в воду.

Совсем загрустил кот, видимо, неоткуда ждать помощи. И вдруг прямо на него выплывает старинный парусный корабль

— Э-гей! — закричал Леопольд. — Э-ге-гей!

Развернулся корабль кормой, взвился на мачте пиратский флаг. Распахнулось окно иллюминатора, вылез оттуда в тельняшке с красным платком на голове серый мышонок и заорал:

— Леопольд, выходи!

А на палубе стоит в треуголке и капитанском ките ле белый мышонок, поглаживает рукой старинную пушку и приговаривает

— Выходи, подлый трус!

Посмотрел на них Леопольд и сказал грустно:

— Пираты, давайте жить дружно...

Но серый мышонок уже поднес к пушке фитиль. Бабахнула пушка, и полетело ядро в сторону острова. Недолет. Еще выстрел — перелет. А третье ядро летит точно в цель. Но Леопольд схватил доску от потонувшего корабля, стоит, отбивает ядра, как в лапту. Раз — улетело обратно ядро — снесло штурвал. Два — сбило с мачты пиратский флаг. Отбил кот третье ядро — ударилось оно об один борт, срикошетило в капитанскую рубку, стукнулось о другой борт и от него влетело оброчно в дуло пушки. Раздулась пушка, разбухла и взорвалась со страшным грохотом.

Рассеялись клубы дыма. На палубе стоят два пирата: у белого на глазу черная повязка, а у серого — уже деревянная нога. Стиснул зубы белый мышонок, достал из кармана коробочку, вытащил из нее антенну.

Пи-пи-пи — прозвучал сигнал.

И по сигналу выехала на палубу пушка гигантских размеров. Плянул на нее в ужасе Леопольд, а из жерла уже несется огромное ядро. Попробовал кот отбить его доской — разлетелась доска в мелкие щепочки. Упало ядро посередине острова. Зажмурился кот, закрыл уши руками, а взрыва нет. Тут распахнулся замок-«молния» на упавшем ядре, и оттуда выскочил десант: серый мышонок с саблей и белый с пистолетом.

— А-а-а! — с криком кинулись на врага пираты. И началась погоня вокруг единственной пальмы. Носятся они по кругу, и сразу непонятно, кто кого догоняет. Развернулись мыши, побежали в обратную сторону, а Леопольд подпрыгнул и повис на ветке. Бегают внизу мыши, ищут пропавшего кота, а он карабкается вверх по стволу. Подняли пираты головы, а Леопольд уже скрылся среди пальмовых листьев.

Вскинул Белый старинный пистолет, выстрелил вверх. И сверху им на головы градом посыпались кокосовые орехи. Почесал Серый свою ушибленную голову, размахнулся саблей и ударил по стволу. Закачалась пальма. Ударил еще раз со всего размаха — затрещала пальма, наклонилась и упала в воду. На месте пальмы образовалась в островке маленькая дырка, хлынула туда вода, и остров стал медленно погружаться в воду.

А Леопольд, обхватив вершину пальмы, качается на воде посреди океана. Вдруг прямо перед ним высунулась из воды морда акулы. Точно такая же, какую мы видели в начале фильма. Высунулась и зубами лягнула. Улыбнулся Леопольд: мол, второй раз не обманете. Взял и щелкнул акулу прямо в нос. От такой наглости взвилась в воздух огромная акулища и кинулась на кота, открыв пасть. Схватил Леопольд кокосовый орех, засунул хищнице в пасть и ходу!..

Бьет Леопольд по воде руками-ногами, несется, как торпеда, а акула мчится следом, не отстает. Пугает ра-

зинутой глоткой. Снял Леопольд один тапок с ноги, швырнул его в пасть, снял другой — бросил туда же. Жалко любимые шлепанцы, да что поделаешь? Жизнь дороже. Уже близко полоска берега, но и акула совсем рядом. А бросать ей в пасть уже нечего. Вздыхнул кот, сорвал с себя галстук-бабочку и тоже бросил в акулу. Наделась бабочка ей на глаза, потеряла акула ориентацию, замотала головой — съехала бабочка вниз и наделась ей на шею, точно, как Леопольду.

А Леопольд уже стоит на берегу в своих красных штанишках, акуле «носики» показывает. Тут вышел из чащи носорог, увидел что-то красное, подошел и уперся сзади рогом. Обернулся кот, а прямо перед ним страшный носорог. Посмотрел назад — там акула. Снова взглянул на носорога, а тот нагнул низко голову да как замычит:

— Му-у-у!!

— О-о-ой! — закричал от страха Леопольд и пропнулся.

Сидит он на пляже, рядом раскрытая книга лежит, и прямо перед ним стоит здоровенный бык и яростно мычит:

— Му-у-у!!

Подпрыгнул кот на месте и понесся от быка изо всех сил. А бык ударил копытами о землю и помчался следом, низко нагнув голову и целясь рогами в красные штанишки.

Взлетел кот на пригорок. Впереди — ветхий горбатый мостик. Кинулся Леопольд под мостик, затаился. Слышно только, как простучали по мостику копыта и остановились. Встал бык посреди моста, головой крутит. Распахнулась у быка на груди «молния», вылез оттуда белый мышонок, прислонил ладонь ко лбу, ищет кота.

Посмотрел кот через щель вверх, а бычья голова в это время нагнулась вниз. Увидели они через щель друг друга, заорали оба от неожиданности и снова помчались вперед.

Несется Леопольд по полю, через изгороди перескакивает. А могучий бык сшибает их на ходу. Добежал кот до опушки леса, спрятался за дерево, а бык туда же

понесся. Тут навстречу ему выходит из-за дерева кот Леопольд. Вместо плавок надета на нем фиолетовая бабочка, а сбоку, как плащ тореадора, держит он свои красные штанишки.

Взревел бык и кинулся вперед. Ударил рогами по штанишкам и без чувств свалился на землю. Отвел кот в сторону свой «плащ», а за ним стоит пенек, а на пне лежит здоровенный кирпич. Смахнул кот со лба капли, сделал шаг в сторону — завозилась шкура быка, вылезли оттуда на свет два мышонка: один с шишкой на лбу, другой с наклейкой на носу.

— Прости нас, Леопольд, — жалобно сказал белый мышонок.

— Прости, а? — добавил серый.

Улыбнулся Леопольд и сказал им от всей души:

— Ребята, давайте жить дружно!

День рождения кота Леопольда

Мюзикл для детей в 2 актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОТ ЛЕОПОЛЬД.
БЕЛЫЙ МЫШОНОК.
СЕРЫЙ МЫШОНОК.
БАБУШКА ЛЕОПОЛЬДА.
ПЕС-ДОКТОР.

ПЕРВЫЙ АКТ

Фасад дома № 8/16. Перед домом стол, скамейка, грибок, песочница. В углу двора — телефонная будка. С песней появляются мыши.

МЫШИ.

В доме восемь дробь 16
Кот живет.
Этот кот заснуть нам, братцы,
Не дает.
Днем и ночью все заботы
Лишь о том,
Как свести скорее счета
С тем котом,

До чего же бесполезный
Этот кот!
По перилам он не ездит
Круглый год,
Голубей он не гоняет
Во дворе,

Только буковки читает
В букваре.

Он причесан аккуратно
На пробор
И ведет всегда приятный
Разговор,
Рот в улыбке разевает
До ушей.
Словом, очень раздражает
Нас, мышей.

Мы отважны, мы бесстрашны,
Мы сильны,
И не зря зовет нас каждый —
Грызуны.
А когда посадим в лужу
Мы kota,
Вот тогда мы скажем дружно: «Кры-со-та!».

Леопольд, выходи!

В раскрытом окне кот Леопольд.

ЛЕОПОЛЬД. Ребята, давайте жить дружно.

СЕРЫЙ. Никогда!

БЕЛЫЙ. Выходи, подлый трус!

ЛЕОПОЛЬД. Ребята, ну хоть сегодня оставьте меня в покое.

СЕРЫЙ. Почему это? Что, сегодня особый день?

ЛЕОПОЛЬД. Да, у меня сегодня праздник.

СЕРЫЙ. Какой праздник? Международный кошкии день?

ЛЕОПОЛЬД. Сегодня мой день рождения. И я вас очень, очень прошу, хоть сегодня не приставайте ко мне. Пожалуйста. А сейчас, извините, у меня много дел. (Исчезает.)

БЕЛЫЙ. День рождения у него!.. Подумаешь, крокодил Гена!..

СЕРЫЙ. А нас даже не пригласил.

БЕЛЫЙ. Испугался. Подлый трус.

СЕРЫЙ. Ну и ладно. Мы ему устроим день рождения.

БЕЛЫЙ. Сейчас мы его будем поздравлять.

СЕРЫЙ. Для чего?

БЕЛЫЙ. Для смеха. Иди сюда. *(Подводит Серого к телефонной будке, набирает номер, на подоконнике у кота Леопольда звонит телефон, кот снимает трубку.)*

ЛЕОПОЛЬД. Алло...

БЕЛЫЙ *(женским голосом)*. Леопольдушка, здравствуй, мой голубчик! ..

ЛЕОПОЛЬД. Здравствуйте. А кто это?

БЕЛЫЙ. Это я, твоя тетя.

ЛЕОПОЛЬД. Какая тетя?

БЕЛЫЙ. Тетя Мотя. Забыл, негодник! А кто тебя маленького на руках носил?..

СЕРЫЙ *(в трубку)*. У-тю-тю-тю-тю...

БЕЛЫЙ. Кто тебя молочком из соски поил?

СЕРЫЙ. У-тю-тю-тю-тю...

ЛЕОПОЛЬД. Тетя, вы уж простите меня, но я вас плохо помню, ведь я был такой маленький...

БЕЛЫЙ. ...Маленький, пушистенький, полосатенький.

СЕРЫЙ. У-тю-тю-тю!.. Прямо тигр!

ЛЕОПОЛЬД. Какой тигр?

БЕЛЫЙ. Ну, такой... карликовый. Но такой хорошенький! Так и хотелось взять тебя...

СЕРЫЙ. И задушить.

БЕЛЫЙ. Задушить в объятьях, мой дорогой!. Но не в этом дело. Я вспомнила, что у тебя день рождения, и решила поздравить.

ЛЕОПОЛЬД. Спасибо большое.

БЕЛЫЙ. Я тебе желаю, чтоб ты был здоровым, сильным, ловким...

СЕРЫЙ. У-тю-тю-тю-тю...

БЕЛЫЙ. Чтоб ты мог забраться на самое высокое дерево...

СЕРЫЙ *(вырывает трубку)*. ...И шмякнуться оттуда вверх тормашками. *(Вешает трубку.)*

Мыши хохочут.

ЛЕОПОЛЬД. Какие глупые шутки! *(Кладет трубку.)*

СЕРЫЙ. Дай, я теперь позвоню. Я тоже кое-что придумал. *(Набирает номер, хриплым голосом.)* Алло!.. Это кто?..

ЛЕОПОЛЬД *(снял трубку)*. Это я, Леопольд.

СЕРЫЙ. Лёпа? Здорово, это Геша. Помнишь, мы с тобой на помойке познакомились?

ЛЕОПОЛЬД. Вы что-то путаете. Я на помойке не бываю.

СЕРЫЙ. А-а, брезгуешь... Загордился, старых друзей не узнаешь. Ну, ладно! Я не такой, как ты, я помню, что у тебя сегодня день рождения, и хочу послать тебе подарок. Ты сосиски любишь?

ЛЕОПОЛЬД. Люблю.

СЕРЫЙ. Ну вот, значит, угодил. Подарю тебе сосиску в целлофане. Только разделим ее по-братски: я съем сосиску, а весь целлофан — тебе, чтоб ты им подавился. *(Вешает трубку.)*

ЛЕОПОЛЬД. Да что же это за безобразие такое! Просто хулиганство!

БЕЛЫЙ. Теперь давай ему подарочек приготовим. Тащи торт.

СЕРЫЙ. Какой? Вот тот бисквитный с кремом? Этому коту? Ни за что!

БЕЛЫЙ. Тащи, говорю! У меня идея!

Серый приносит торт. Белый чем-то его посыпает.

СЕРЫЙ. Что ты делаешь? Зачем ты табаком посыпал?

БЕЛЫЙ. Молчи, серость! Я делаю чихательный торт. Кто кусочек попробует, три дня не прочихается.

СЕРЫЙ. А-а, понял. А как он этот торт получит?

БЕЛЫЙ. Учись, пока я жив. *(Набирает номер телефона, старческим голосом.)* Алло, это квартира Леопольда?

ЛЕОПОЛЬД *(сняв трубку)*. Да-да.

БЕЛЫЙ. Это с почты говорят. Тут вам посылочка пришла.

ЛЕОПОЛЬД. Очень приятно.

БЕЛЫЙ. Вам приятно, а мне тяжело ее к вам на второй этаж поднимать. Очень уж я старенький стал, извините. Может, вы спуститесь, я ее у подъезда оставлю.

ЛЕОПОЛЬД. Конечно, спущусь. Вы не беспокойтесь, дедушка.

БЕЛЫЙ. Спасибо, сынок. С праздничком тебя. *(Вешает трубку.)*

Серый ставит торт у подъезда, убегает.

ЛЕОПОЛЬД *(выходит из подъезда)*. О-о, вот он — подарок. *(Читает.)* «Дорогому Леопольду в день рождения от друзей». Какие скромные друзья! Даже не назвали себя... Ой, как я люблю торт!.. Никто так не любит, как я! Сейчас возьму и попробую... Нет, отложу до вечера... А чего ждать?.. Ведь день рождения уже наступил. Попробую маленький кусочек... такой крохотный... на один зубок... Нет, нет, я себя знаю: сначала на один зубок, потом на второй, а потом — смотришь — от торта одна коробка осталась. Нет, подожду гостей. Вкусные нещи лучше всего есть с друзьями.

Мыши все видят, они подглядывают из-за угла дома.

СЕРЫЙ. Эх ты, такой торт зря отдали. Он даже не попробовал. А говорил, сейчас будем смеяться!..

БЕЛЫЙ. Тихо! Без паники! Сейчас будем смеяться. У меня еще есть подарочек. Называется «Сюрприз». *(Выкатывает к ногам Леопольда футбольный мяч.)* Дяденька! У нас мяч укатился, стукни сюда!..

ЛЕОПОЛЬД. Сейчас, детки, сию минуту! *(Размахивается, с силой бьет.)* А-а!.. *(Прыгает на одной ноге, кричит от боли.)* Ой!.. Что за мяч!.. *(С трудом поднимает мяч, он падает с тяжелым стуком.)* Что там внутри?!

БЕЛЫЙ. Булжники там внутри — вот что!

МЫШИ. Обманули дурака, пусть теперь болит нога!

Убегают.

ЛЕОПОЛЬД. Как больно! Как обидно! За что?! Что я им такого сделал? И, главное, в такой день! В такой радостный... *(Плачет.)* ...Такой веселый... *(Плачет еще сильнее.)* ...В такой торжественный!.. *(Рыдает.)* И даже пожалеть меня некому... приласкать... посо-

чувствовать... (В зал.) Ребята, кто любит животных, поднимите руки... Молодцы, хорошо, что вы такие добрые. Я вас очень прошу: поплачьте со мной вместе. Знаете, когда тебе сочувствуют, сразу становится легче на душе. Приготовились!.. Я вам дам сигнал, когда начинать плакать...

Отчего?! Почему?!
Я никак не пойму,
Почему невезенье такое?..
Пожалейте меня
И поплачьте, друзья!
Коллективно поплачьте со мною!..
А-ай!.. Ай-ай-ай-ай!
Аяшки-ай-ай-ай-ай! (2 раза)

Хорошо! Еще разок!

Никому никогда
Я не делал вреда —
Ни цветочку, ни птичке, ни мухе.
Так скажите скорей,
Почему от мышей
Я терплю эти страшные муки?!..

Опять все вместе!

А-ай!.. Ай-ай-ай-ай-ай!
Аяшки-ай-ай-ай-ай! (2 раза)

Молодцы! А ну, еще выжмем слезу!

Вижу я, как у вас
Слезы льются из глаз.
Мы наплакали целое море.

Выкручивает платок, из него льется вода — трюк.

От поддержки друзей
На душе веселей,
Слезы высохли — кончилось горе!
(Тот же припев, но уже весело.) (4 раза)

ЛЕОПОЛЬД. Спасибо, спасибо, ребята. Всё прошло. И нога болеть перестала. Вот что значит сочувствие — все плохое сразу забывается! Про этих мышек я и не вспоминаю. И как они меня дразнили, и как хвост мне прищемили, и как мой любимый патефон сломали, и как мне во сне усы бантиком завязали, как они меня мучили, издевались... насмехались... *(Плачет.)* Несчастный я котик... До чего же мне плохо! Ой, как плохо! А-а-а!..

Появляется Пес-доктор.

ПЕС. Кому здесь плохо?

ЛЕОПОЛЬД. Доктор, милый, мне плохо.

ПЕС. Так, хорошо. На что жалуетесь?

ЛЕОПОЛЬД. На мышей. Они совершенно замучили мой организм.

ПЕС. Да?.. Любопытный случай... Послушаем... *(Фонендоскопом слушает Кота.)* Дышите — не дышите... Мышите — не мышите... Так... Вытяните руки вперед... *(Руки кота дрожат.)* Покажите зубы... *(Зубы кота стучат.)* Ноги вместе... *(Ноги кота трясутся.)* Первый случай в моей практике!.. Всегда мышцы дрожат от котов, а тут наоборот.. Послушайте, больной, а вы не пробовали с этими мышами серьезно поговорить, припугнуть, наконец, врезать...

ЛЕОПОЛЬД. Доктор, как это врезать?

ПЕС. Как? Ну, не знаю, например, по шее.

ЛЕОПОЛЬД. Что вы, доктор, что вы! Однажды мне на лоб сел комарик, я шлепнул себя по лбу... *(Плачет.)*...И больше нет комарика!.. Я всегда плачу, когда вспоминаю этого маленького... летающего кровососика. *(Закрывает лицо руками.)*

ПЕС. Да, тяжелый случай. Подозреваю у вас воспаление доброты. Ну что ж, проверим. Вот скажите мне, у нас есть велосипед?

ЛЕОПОЛЬД. Есть, а что?

ПЕС. Вот представьте себе, что кто-то взял ваш велосипед без спроса, разбил его в лепешку и эту лепешку притащил вам. Что вы ему скажете?

ЛЕОПОЛЬД. Я скажу: «Дружок, ты не ушибся?»

ПЕС (*хватается за голову*). Нет, нет, он не ушибся! Он врезался на вашем велосипеде в такой вот здоровенный дуб.

ЛЕОПОЛЬД. А дуб не пострадал?

ПЕС. Нет, не пострадал. Почему вас волнует дуб, лучше волнуйтесь о своем велосипеде.

ЛЕОПОЛЬД. А что о нем волноваться, с велосипедом все хорошо. Я его сдам на металлолом.

ПЕС. Ну, а тому, кто вам разбил велосипед, вы ничего не скажете?

ЛЕОПОЛЬД. А что говорить? С каждым бывает...

ПЕС. Но он вообще не умел кататься, а сел на чужой велосипед!!

ЛЕОПОЛЬД. Не умел?! Тогда я его научу.

ПЕС (*хватается за сердце*). Подождите, я приму успокоительные капли... Уф-ф, ладно, оставим в покое этот велосипед, возьмем другой пример. Вот это у вас что?

ЛЕОПОЛЬД. Это торт. Мне его подарили на день рождения.

ПЕС. Поздравляю. Вот какой-то хулиган берет у вас этот торт и уносит его. (*Изображает хулигана, берет торт и отходит.*) Ну, что ж вы молчите? Сделайте что-нибудь!

ЛЕОПОЛЬД. Э-э... Простите, уважаемый, вы, вероятно, ошиблись. Это мой торт.

ПЕС (*в образе*). Был твой, стал мой. Ы-ы-ы!.. Сегодня я его весь слопаю. Очень сладенькое люблю.

ЛЕОПОЛЬД. Ну, если вы так любите, ешьте на здоровье. Только не забудьте поставить в холодильник, чтобы крем не испортился.

ПЕС (*выйдя из образа*). Стоп! Да что же это такое! Какой-то хам стащил ваш торт, а вы ему желаете здоровья! Разве так надо поступать?

ЛЕОПОЛЬД. А как?

ПЕС. Вот, смотрите. Надо вот так подойти... (*показывает*)... смело, решительно... Взять его за грудки и сказать: «А ну, немедленно верни торт! А то я из тебя слопаю отбивную котлету!» Ясно?

ЛЕОПОЛЬД. Ясно.

ПЕС. Повторите.

ЛЕОПОЛЬД *(решиительно подходит, берет Пса за грудки, поправляет ему галстук)*. Ну, вот что, дорогой мой... Немедленно поставьте торт на место! Нельзя начинать со сладкого! Если вы так проголодались, я сейчас вам сделаю отбивную котлету!

ПЕС. Все ясно. У вас общий добротит центральной нервной системы. Вы совершенно не умеете сердиться.

ЛЕОПОЛЬД. Да, не умею...

ПЕС. Не унывайте, дорогой мой, медицина может вам помочь. Вот вам специальные таблетки... «Озверин»...

ЛЕОПОЛЬД. «Озверин»? Какое страшное название!

ПЕС. Ничего страшного. Прекрасное лекарство. Как только вас обидят, примите одну таблетку, и вы сразу озвереее.

ЛЕОПОЛЬД. Навсегда?

ПЕС. Нет, всего на несколько минут, чтобы наказать обидчиков. А потом опять станете добрым.

ЛЕОПОЛЬД. Спасибо, доктор.

ПЕС. Всего хорошего, поправляйтесь. *(Уходит.)*

Леопольд собирается идти домой, но в это время мыши появляются из-за угла с рогатками, целятся. Серый стреляет в кота, он вскрикивает.

МЫШИ. Леопольд, подлый трус! Голова, как арбуз!

ЛЕОПОЛЬД. Так. Меня обидели. *(Принимает таблетку.)*

Белый стреляет и тоже попадает в Леопольда.

...Ах, так?! *(Принимает вторую таблетку.)* И еще на бис! *(Принимает третью, издает львиный рык, хватает металлическую трубу и завязывает ее узлом.)*

Зову мышей на бой,
Пусть встретятся со мной —
Хоть миллион, хоть миллиард —
Я тигр, а не кот,
Во мне сейчас живет
Не Леопольд, а леопард!

ПРИПЕВ (2 раза):

Дыбом шерсть,
Хвост трубой —
На дороге у меня не стой!
Если встречу тысячу чертей —
Разорву на тысячу частей!

Я мягким был котом
С пушистым животом,
Мурлыкал песенку свою.
Но есть всему предел —
Теперь я озверел
И сам себя не узнаю.

ПРИПЕВ (2 раза):

Дыбом шерсть,
Хвост трубой —
На дороге у меня не стой!
Если встречу тысячу чертей —
Разорву на тысячу частей!

Во время песни Леопольд гоняется за мышами, крушит все на своем пути, загоняет их в мусорный ящик, вспрыгивает на крышу, танцует и поет. Действие «Озверина» кончается...

...Ой-ой-ой-ой-ой!.. Что же я натворил! Какой стыд! Какой позор! *(Устанавливает на место телефонную будку, поднимает повалившийся забор, скамейку, грибок.)* Никогда больше не приму этот «Озверин». Лучше уж пусть все будет, как прежде. Ай-ай-ай-ай-ай!.. *(Скрывается в подъезде.)*

Открывается крышка мусорного ящика, оттуда показываются мыши.

СЕРЫЙ. Озверел совсем!.. Хищник полосатый. Что это с ним сегодня?

БЕЛЫЙ. Ты что, глухой? Он же сам сказал, что «Озверин» принял.

СЕРЫЙ. Какой такой «Озверин»?

БЕЛЫЙ. Лекарство такое. Примешь и сразу озвереневаешь — нет, озвереневеешь... озверениваешься...

СЕРЫЙ. Озверюшкиваешься!

БЕЛЫЙ. Правильно. Вот ты сейчас кто?

СЕРЫЙ. Мышонок.

БЕЛЫЙ. Вот то-то и оно. А таблетку примешь — и ты уже лев!.. Носорог!.. Крокодил!

СЕРЫЙ. А где же его взять, этот «Озверин»?

БЕЛЫЙ. Где лекарства берут? У доктора. *(Падает на землю, кричит: «Доктора! Доктора!»)*

СЕРЫЙ *(падает рядом)*. Помогите!

Появляется Пес-доктор.

ПЕС. Вызывали? На что жалуетесь?

МЫШИ. На кота!

БЕЛЫЙ. Леопольда! Он нас все время обижает.

СЕРЫЙ. Прохода не дает. Совсем замучил.

ПЕС. Кот Леопольд вас обижает?

МЫШИ. Да.

ПЕС. Интересно. А что ж вы не можете ему ответить?

БЕЛЫЙ. Что вы, доктор, мы такие смирные, тихие, примерные... Мы ему только: «Здравствуйте», «Добрый день», «Как поживаете»...

СЕРЫЙ. «Давайте жить дружно».

БЕЛЫЙ. Короче говоря, мы очень добрые, нам нужно срочно прописать «Озверин».

ПЕС. Да? Хорошо, давайте посмотрим, какие вы добрые. Вы сыр любите?

МЫШИ *(смущаются)*. Любим.

ПЕС. Вот и отлично. Присаживайтесь...

Мыши садятся по бокам стола. Пес достает из саквояжа тарелку и кусок сыра.

...Вот вам сыр, делите его, как вам подсказывает ваше доброе сердце.

БЕЛЫЙ *(двигает тарелку к Серому)*. Ешь, дорогой друг!

СЕРЫЙ *(двигает тарелку обратно)*. Нет, ты ешь, мой хороший!

БЕЛЫЙ (*отворачивается от сыра и отодвигает тарелку к Серому*). Ты больше меня, тебе нужно питаться.
СЕРЫЙ (*тоже отворачивается и отодвигает тарелку обратно*). Ты меньше меня, тебе надо расти.

Пес тем временем берет сыр с тарелки, прячет за спину.

МЫШИ (*замечают, что тарелка пуста*). А где сыр?
СЕРЫЙ (*Белому*). Это ты съел?
БЕЛЫЙ. Я?! Сам съел, а на других сваливаешь?
СЕРЫЙ. Это ты сваливаешь! Я отвернулся, а ты схватил. У (*замахивается*), обжора!
БЕЛЫЙ. А ты жиртрест!
ПЕС. Тихо, тихо! Успокойтесь! Вот он — сыр. Ну, а где ваша доброта?

Мыши начинают искать.

Не ищите, все равно не найдете. Ее у вас нет. И никакого «Озверина» я вам не дам.
СЕРЫЙ. У, жадиная!.. А еще доктор.
ПЕС. Вам «Озверин» совершенно не нужен, вам нужно учиться доброте у кота Леопольда. И учиться надо регулярно три раза в день до еды. (*Замечает в руках !! Белого кубик Рубика.*) Ой, мой любимый кубик! Можно на минуточку?
БЕЛЫЙ. Пожалуйста, играйте сколько хотите.
ПЕС. Вот спасибо! Я, когда вижу кубик Рубика, обо всем забываю! (*Хватает кубик и начинает вертеть.*) Так. Теперь зеленый... А это — вниз!
БЕЛЫЙ (*показывает Серому на саквояж*). «Озверин» там.
СЕРЫЙ. Тсс!
БЕЛЫЙ. Он сейчас ничего не слышит.

Серый открывает саквояж, роется в нем, достает коробочку.

...Есть!

Мыши на цыпочках убегают.

ПЕС. ... Желтый вверх... белый вниз... Все! Вышло! Посмотрите! *(Замечает, что мыши исчезли.)* Ой, я так увлекся, что даже не попрощался... А почему открыт мой саквояж?.. Какой в нем беспорядок! Это здесь... это на месте... Одного лекарства не хватает. Где мой «Отшибин»?..

В окне появляется кот Леопольд.

ЛЕОПОЛЬД. Доктор! Доктор! Как хорошо, что вы здесь. Я совершенно забыл пригласить вас к себе на день рождения. Сегодня вечером.

ПЕС. Спасибо, спасибо, я непременно, я обязательно...

ЛЕОПОЛЬД. Доктор, вы чем-то взволнованы?

ПЕС. Очень. У меня пропало прекрасное лекарство. «Отшибин».

ЛЕОПОЛЬД. «Отшибин»? Никогда не слышал.

ПЕС. Это новое лекарство. «Отшибин» — он отшибает память.

ЛЕОПОЛЬД. Но это же вредно!

ПЕС. Что вы! Наоборот. Очень полезно. Как бы вам объяснить... Допустим, вам надо идти к зубному врачу.

ЛЕОПОЛЬД. Ой...

ПЕС. Вот, видите, вам страшно. Потому что вы помните, как в прошлый раз вам было больно. А примете «Отшибин» — и всё забыли. Идете к зубному врачу, как на праздник! И что особенно хорошо — через некоторое время память возвращается, и человек опять все прекрасно помнит.

ЛЕОПОЛЬД. Какое замечательное лекарство!

ПЕС. Да, но где оно?.. Может, я его дома забыл. Пойду поищу. *(Уходит.)*

ЛЕОПОЛЬД *(вслед)*. Не забудьте, вечером жду вас в гости!

ПЕС *(из-за кулис)*. Обязательно буду,

Появляются мыши.

СЕРЫЙ. Вот он, наш «Озверинчик», «Озверинушка»!

БЕЛЫЙ. А ты не перепутал? Это точно «Озверин»?

СЕРЫЙ. Не веришь, сам прочти — на коробке написано.

БЕЛЫЙ. Я же читать не умею. Лучше ты прочти.

СЕРЫЙ. А я тоже неграмотный.

БЕЛЫЙ. Эх ты, серость! Дай сюда коробку. *(В зал.)* Мальчик, прочти, что здесь написано. Только не обманывай. «Озверин»?

(Тут возможны 2 варианта: 1. Если мальчик ответил: «Да», Белый говорит: «Спасибо, я так и думал». 2. Если мальчик ответил: «Отшибин», Белый говорит: «Правильно, это и есть «Озверин».

Как его примем, отшибем коту всякую охоту с нами связываться».)

СЕРЫЙ. Давай скорей, мне не терпится!

БЕЛЫЙ. По одной таблетке?

СЕРЫЙ. Чего там по одной, давай по две. Для верности.

Принимают таблетки.

БЕЛЫЙ *(смотрит на Серого, не узнает)*. Здравствуй-те, гражданин!

СЕРЫЙ. Добрый день. Вы кто будете?

БЕЛЫЙ. Я мышонок. А вы?

СЕРЫЙ. Я тоже мышонок.

БЕЛЫЙ. Как странно! Вы мышонок, я мышонок, а до сих пор не знакомы... Вы где живете?

СЕРЫЙ. В норе, во дворе.

БЕЛЫЙ. И я там же.

СЕРЫЙ. Что-то я вас не помню.

БЕЛЫЙ. И я вас в первый раз вижу.

Замечают в окне Леопольда.

... А это кто?

СЕРЫЙ. По-моему, кот.

БЕЛЫЙ. Он, что, здесь живет?

СЕРЫЙ. Не знаю, раньше я его никогда не видел.

БЕЛЫЙ. Какой симпатичный кот! Я бы хотел с ним познакомиться.

СЕРЫЙ. И я бы хотел. *(Коту.)* Уважаемый!

БЕЛЫЙ. Дорогой друг, вы нас слышите?

ЛЕОПОЛЬД. Это вы мне?

МЫШИ. Вам, вам...

БЕЛЫЙ. Мы бы очень хотели с вами подружиться. А вы?

ЛЕОПОЛЬД. Я давно этого хотел. Я вам всегда говорил: «Ребята, давайте жить дружно». А вы не хотели.

СЕРЫЙ. Мы? Не хотели?

БЕЛЫЙ. Что-то мы такого не помним.

ЛЕОПОЛЬД. Ну, раз вы не помните плохого — и я его помнить не буду. Давайте мириться.

СЕРЫЙ. А мы с вами и не ссорились.

ЛЕОПОЛЬД. Ладно, ладно, не будем вспоминать.

БЕЛЫЙ. Выходите, будем играть в кошки-мышки!

ЛЕОПОЛЬД. Спасибо, но я не могу. У меня сегодня день рождения, мне надо готовиться.

СЕРЫЙ. Поздравляем!

БЕЛЫЙ. А давайте мы вам поможем. Картошку почи-
стим.

СЕРЫЙ. Сыр нарежем.

ЛЕОПОЛЬД. Спасибо, я тронут вашим вниманием. По хозяйству мне помогает бабушка, а я хочу приготовить для гостей музыкальный сюрприз — любимые песенки из мультфильмов.

МЫШИ (*прыгают от радости, хлопают в ладоши*). Мы тоже любим мультики!

БЕЛЫЙ. А как мы поем!

СЕРЫЙ. Как соловьи!

ЛЕОПОЛЬД. Правда? Как хорошо! Тогда вы мне можете. Сейчас спущусь. (*Выбегает из подъезда с гитарой*). ...Друзья мои, давайте порепетируем. Я хочу начать с моей любимой песенки: «Я весь день сижу на крутом...», знаете?

МЫШИ. Знаем, знаем!

ЛЕОПОЛЬД. Тогда начнем.

Я весь день сижу на крутом берегу,
Надо мной плывут в небе облака...

СЕРЫЙ.

Ласково жмурится морда Леопольда,

БЕЛЫЙ.

Весело плещется Бабушка-Яга.

ЛЕОПОЛЬД. Друзья мои, вы ошиблись, там не такие слова.

БЕЛЫЙ. А мы помним, что такие.

СЕРЫЙ. Да, мы лучше помним, потому что нас двое.

БЕЛЫЙ. Одна голова хорошо, а две лучше.

ЛЕОПОЛЬД. Ну, хорошо, не будем спорить. Споем другую песенку. Вот эту знаете?

Крокодил-дил-дил плывет...

СЕРЫЙ.

Крокодил-дил-дил орет...

ЛЕОПОЛЬД. Подождите, подождите! Что крокодил орет?

СЕРЫЙ.

Пропала собака, пропала собака...

БЕЛЫЙ.

Пропала собака по кличке Горшок.

ЛЕОПОЛЬД. Что вы поете? Собаку звали Дружок.

СЕРЫЙ. Ты сам ничего не помнишь.

БЕЛЫЙ. Ты лучше играй, а мы будем петь.

ЛЕОПОЛЬД. Что играть?

СЕРЫЙ. Все песни подряд.

БЕЛЫЙ. Мы все помним.

ОБА.

Прилетит к нам волшебник

В голубом пылесосе.

СЕРЫЙ.

И бесплатно посмотрит кино,

БЕЛЫЙ.

Спросит: «Чей день рождения?».

СЕРЫЙ.

Заберет все печенье,

ОБА.

И с печеньем умчится в окно.

БЕЛЫЙ.

Облака, карусельные лошадки,

Облака, белокрылые мышатки.

Что кричите вы?

СЕРЫЙ.

Га-га-га!

БЕЛЫЙ.

Есть хотите вы?

СЕРЫЙ.

Да-да-да.

БЕЛЫЙ (танцует).

Чунга-чайник!

СЕРЫЙ (танцует).

Чунга-чайник!

ОБА.

Чунга-чайник весело живет,

БЕЛЫЙ.

Он не ходит в школу крутлый год.

ОБА.

Чунга-чайник лучший ученик,

СЕРЫЙ.

Съел на праздник с двойками дневник.

ОБА.

Чудо-остров, чудо-остров,
Жить на нем легко и просто,

БЕЛЫЙ.

Там упал недавно с моста
Чунга-чайник.

ОБА.

Прилетели две тетери,
Поклевали, улетели...
Съел за это все тефтели
Чунга-чайник.
Тра-та-та, тра-та-та,
Мы везем с собой кота,
Чижики, собаку,

СЕРЫЙ.

Лысую макаку,

БЕЛЫЙ.

Попугая, кашалота,

ОБА.

И жиртреста-бегемота.

БЕЛЫЙ.

И с полей несется Бармалей,
Крокодил за ним бежит вприпрыжку.

СЕРЫЙ.

Бармалей в кроссовках «Адидас»,

БЕЛЫЙ.

Крокодил в коротеньких штанишках.

ОБА.

И тогда наверняка

Кот нальет нам молока

И, конечно, пригласит на день рождения.

Много песен мы споем

И ни строчки не сохрем —

Вот что значит память всем на удивленье.

ЛЕОПОЛЬД *(смеется, утирает слезы)*. Ой, друзья, вы все напутали. Но получилось так смешно, что я даже не стал вас останавливать. Думаю, что гости будут довольны. Вообще, друзья, я так рад, что мы, наконец, подружились... Знаете что? Не будем ждать до вечера, отпразднуем это событие прямо сейчас. У меня есть прекрасный торт. Подарок от совершенно незнакомых друзей. Сейчас я его принесу. Вы извините, что я не зову вас в дом, там бабушка делает сейчас генеральную уборку. *(Убегает.)*

СЕРЫЙ. Какой хороший кот! Симпатичный, добродушный! Как его зовут?

БЕЛЫЙ. По-моему, Леопольд.

СЕРЫЙ. Леопольд... И имя красивое...

Прибегает Леопольд с тортом.

ЛЕОПОЛЬД. Вот он — торт «Сюрприз»! Попробуйте его, пожалуйста, а я пока сбегаю, заварю чай. *(Убегает.)*

СЕРЫЙ. Слушай, где-то этот торт я уже видел...

БЕЛЫЙ *(смеется)*. Где ты мог его видеть? Это же подарок незнакомых друзей. Давай лучше попробуем по кусочку. *(Отрезают два кусочка, откусывают, начинают чихать и стучаться головами о стол.)*

СЕРЫЙ. Ой! Ой! Ко мне возвращается память. Это же наш торт! Мы туда сами табак насыпали.

БЕЛЫЙ. И я все вспомнил! Этот симпатичный котик это наш злейший враг кот Леопольд! Дружить он с нами захотел! В кошки-мышки играть! Чаи распивать!

СЕРЫЙ. Никогда!
БЕЛЫЙ. Ни за что!
ОБА. Ни за что на свете!

Мы терпеть не можем кошек,
Мы терпеть не можем кошек
От хвоста и до ушей.
Кот не может быть хорошим,
Кот не может быть хорошим
С точки зрения мышей.
Хвост за хвост!
Глаз за глаз!
Все равно ты не уйдешь от нас!
Хвост за хвост!
Глаз за глаз!
Вам скажем по секрету,
Вам скажем по секрету
Без намеков и угроз:
Ничего приятней нету,
Ничего приятней нету,
Чем тянуть кота за хвост!
Хвост за хвост!
Глаз за глаз!
Все равно ты не уйдешь от нас!
Хвост за хвост!
Глаз за глаз!
Леопольд, выходи, подлый трус!

Появляется Леопольд с чайным подносом.

ЛЕОПОЛЬД. Чай готов! А как торт? Понравился?

СЕРЫЙ. Очень.

БЕЛЫЙ. Ты никогда такого не ел. Попробуй.

ЛЕОПОЛЬД. С удовольствием. *(Откусывает, хочет чихнуть. Мыши валяются от смеха.)*

МЫШИ. Обманули дурака, в торте пачка табака!

ЛЕОПОЛЬД *(все еще собирается чихать)*. Ребята, да-
вайте... а-а... давайте жить... а-а... дружно! Ап-чихи!

АНТРАКТ

ВТОРОЙ АКТ

Звучит мышиный марш. На авансцене появляются Серый и Белый.

БЕЛЫЙ. Ну! Я тебе говорил, что это не «Озверин»? Все споришь! Мы другое лекарство приняли. Оно память отшибает.

СЕРЫЙ. Откуда я знал? Что я, доктор?

БЕЛЫЙ. Хорошо еще, что память быстро вернулась. А то могли бы на всю жизнь дурачками остаться.

СЕРЫЙ. А теперь мы снова умные.

БЕЛЫЙ. Вот ты, умный, скажи, где ты теперь будешь, «Озверин» доставать?

СЕРЫЙ. Не знаю.

БЕЛЫЙ. А я знаю. Доктор кому «Озверин» дал?

СЕРЫЙ. Леопольду.

БЕЛЫЙ. Значит, где он теперь?

СЕРЫЙ. Кто, Леопольд?

БЕЛЫЙ. Да не Леопольд, «Озверин»?

СЕРЫЙ. У кота.

БЕЛЫЙ. То-то. Соображать надо. Серость...

СЕРЫЙ. Ладно... Так и быть. Мир. Только скажи, как мы до этого «Озверина» доберемся?

БЕЛЫЙ. Очень просто. *(Шепчет на ухо Серому. Облизывают.)*

СЕРЫЙ. Ой, я уже чувствую, как эти таблетки у нас в руках...

БЕЛЫЙ. Мы становимся большими как... слон... Берись, Леопольд!

СЕРЫЙ.

От бабушки от Мыши
Мы слышали не раз: —
Тише, мыши,
Кот на крыше —
Он сильнее вас.
Но нас на свете двое,
А он всего один,
Согнуть его дугою
Поможет «Озверин».
Раз-два, раз-два,

Расступается трава.
 Мы идем — земля дрожит,
 В страхе все бежит.
 Ки-я! Ки-я!
 «Озверина» принял я!
 Кот для нас теперь блоха.
 Ха-ха-ха-ха-ха!
 Мы никогда не плачем,
 Хоть в жизни счастья нет.
 Сахар прячет
 Кот собачий
 От мышей в буфет.
 Дрожи, несчастный хищник,
 От страха весь трясись,
 Мы вмиг тебя разыщем
 И смело скажем: «Брысь»!
 Ки-я! Ки-я!
 «Озверина» принял я!
 Кот для нас теперь блоха!
 Ха-ха-ха-ха-ха!
 Ки-я! Ки-я!
 Зверя нет сильнее меня!
 Выходи, силач любой, —
 Ой-ой-ой-ой-ой!

Мыши покидают сцену. Занавес открывается. Перед нами квартира Леопольда: в глубине чуть приподнята кухня, на переднем плане — гостиная.

Бабушка гладит скатерть.

БАБУШКА (Леопольду). Леопольдушка!

ЛЕОПОЛЬД. Бабуся, ты меня звала?

БАБУШКА. А где ходишь? Скоро гости придут, а у нас еще ничего не готово.

ЛЕОПОЛЬД. Бабушка, я с мышами репетировал.

БАБУШКА. Также нашел себе компанию! Мышка кош-
 ке не товарищ!

ЛЕОПОЛЬД. Я только хотел им объяснить, что нехорошо, когда соседи обижают друг друга.

БАБУШКА. Верно, нехорошо. А вот когда бабушке не помогают — хорошо?

ЛЕОПОЛЬД. Ой, бабуля! Прости! Прости, пожалуйста! Сейчас все сделаем, в один момент! Ну, что бы я без тебя делал?

БАБУШКА. Ладно, ладно, подлиза! Привык, что бабушка за тебя все делает!..

ЛЕОПОЛЬД.

Ах, работа, ты домашняя работа!
Заниматься нам тобою неохота!
Мыть, стирать, ходить за хлебом,
Пол мести, варить компот —
Одному такое дело
Не осилить и за год.
Без бабушки, без бабушки
Не испечь оладушки,
Котлеты пережарятся,
Свернется молоко.
А с бабушкой-бабусенькой
Все сразу станет вкусеньким,
Живется в доме весело
И дышится легко.

Ах, работа, ты домашняя работа!
Заниматься нам тобою неохота!
Погонять бы мяч футбольный,
Или с книжкой прилечь.
Но работы много в доме —
Надо бабушку беречь.
Без бабушки, без бабушки
Не испечь оладушки,
Котлеты пережарятся,
Свернется молоко.
А с бабушкой-бабусенькой
Все сразу станет вкусеньким,
Живется в доме весело
И дышится легко.

ЛЕОПОЛЬД и БАБУШКА.

Ах, работа, ты домашняя работа!
Заниматься нам тобою неохота!
Ах, бабулечка седая,
Мой любимый старый друг,
Ты повсюду успеваешь

И на все хватает рук.
Без бабушки, без бабушки
Не испечь оладушки,
Котлеты пережарятся,
Свернется молоко.
А с бабушкой-бабусенькой
Все сразу станет вкусеньким,
Живется в доме весело
И дышится легко.

БАБУШКА. Ну, хватит, хватит! Тебе б только петь да веселиться. А соли в доме у тебя нет ни крошки.

ЛЕОПОЛЬД. Не волнуйся, бабушка. Я мигом в магазин слетаю, одна нога здесь, другая там. *(Убегает.)*

БАБУШКА. А-а! Пять часов! А я еще тесто не ставила!

Звонок в дверь.

...Кто там?

ГОЛОС БЕЛОГО. Санитарная станция. Вас мыши не беспокоят?

БАБУШКА. Еще как беспокоят! Прямо жить не дают моему внуку. *(Открывает дверь.)* Заходите, пожалуйста!

Входят Белый и Серый в синих халатах. На лицах у них марлевые повязки.

СЕРЫЙ. Сейчас посмотрим... Дырочки замажем, щелочки законопатим.

БЕЛЫЙ. Ни одна мышка не пролезет.

БАБУШКА. Вот спасибо. Вы делайте что надо, а я на кухне. Если что, позовете.

СЕРЫЙ. Иди, иди, бабуля. Мы тут без тебя управимся.

БЕЛЫЙ. Где он хранит лекарства, там и «Озверин».

СЕРЫЙ. А где он хранит?

БЕЛЫЙ. А я откуда знаю? Ищи!..

Ищут по всей комнате. Белый забирается на плечи Серому и ищет на шкафу. В это время входит Бабушка.

БАБУШКА. Неужели мыши и под потолок забираются?

БЕЛЫЙ. Ага, специальные мыши — летучие. (*Показывает, как они летают, и падает на пол.*)

БАБУШКА. Надо же! (*Видит, что мыши роются в книгах.*) А что, мыши и книгами интересуются?

БЕЛЫЙ. Конечно. Эти мыши — страшные грызуны. Они все грызут: и книги, и штукатурку, и кирпич, и железо...

СЕРЫЙ. У них зубы знаете какие? Во!.. (*Приподнимает маску, показывает свои зубы.*)

БАБУШКА (*в зал*). Ясно, кто к нам пришел мышей выводить. Ну что ж, добро пожаловать. Сейчас я с ними поиграю в кошки-мышки.

В это время мыши что-то ищут под кроватью. Бабушка ложится на кровать, подпрыгивает, придавливая Мышей. Из-под кровати слышны крики. Мыши выбираются наружу.

СЕРЫЙ. Вы что делаете?

БЕЛЫЙ. Почему мешаете работать?

БАБУШКА. Да старая я, отдохнуть захотелось, вот и прилегла.

БЕЛЫЙ. Смотреть надо, куда ложитесь! Так можно человеку хвост отдавить!

БАБУШКА. Ну, извините, я тогда в кресле подремлю... (*Усаживается в кресло, закрывает глаза.*)

БЕЛЫЙ (*Серому шепотом*). На кухне посмотри.

Серый уходит. Белый ищет в шкафу. Бабушка подкрадывается и запирает за ним дверцу шкафа. Белый стучит, кричит: «На по мощь! Замуровали!» Вбегает Серый.

Бабушка спит в кресле.

СЕРЫЙ. Что случилось? Кто кричал?

БАБУШКА (*проснувшись*). А? Что? Кто кричал? Это, наверно, я во сне.

СЕРЫЙ. А-а... (*Уходит.*)

БЕЛЫЙ (*из шкафа*). Спасите! Кислород кончается!..

Серый возвращается, отпирает шкаф, оттуда
выпадает Белый.

...Это ты меня запер?

СЕРЫЙ. Нет.

БЕЛЫЙ. Врешь! Это все твои глупые шутки!.. Подожди, я тебе припомню! Дай только «Озерин» найти.

Ищут. Серый залез головой в буфет. Бабушка колет его сзади вязальной спицей.

СЕРЫЙ (*вскрикивает, Белому*). Ты что? Совсем спятил?

БЕЛЫЙ. А что я? Что я сделал?

СЕРЫЙ. Еще не сознаешься?! Сейчас как...

Бьет Белого подушкой по голове. Белый валится на пол. Звонок в дверь. Бабушка просыпается, бежит открывать.

Серый затаскивает Белого в шкаф, закрывает за собой дверцу.

Входят Бабушка и Леопольд.

БАБУШКА. Тут к тебе двое с санитарной станции приходили.

ЛЕОПОЛЬД. Кто?

БАБУШКА. Мыши, вот кто. Думали, что я их не узнаю.

ЛЕОПОЛЬД. А где же они?

БАБУШКА. Сбежали. Услыхали, что ты идешь, и сбежали. Через окно, наверное. Давай мне соль, а ты пока квартиру пропылесось. Только не ленись, везде пропылесось: и ковер, и кресла, и в шкафу не забудь. (*Уходит.*)

Леопольд включает пылесос, водит им по полу, по мебели, открывает одну дверцу шкафа, пылесосит внутри, пылесос захлебывается... Леопольд открывает корпус: достает оттуда синие халаты, рубашки, брюки...

Кричит, направляясь к кухне.

ЛЕОПОЛЬД. Бабушка, откуда здесь эти вещи?

Из шкафа выскакивают мыши. Один завернут в скатерть, второй — в простыню. Босиком на цыпочках выбегают из квартиры.

МЫШИ (*кричат из-за сцены*). Подожди, Леопольд! Ты на это ответишь! За все ответишь, подлый трус!

БАБУШКА (*входит вместе с Леопольдом*). Они, видно, в шкафу сидели, а твой пылесос их раздел.

ЛЕОПОЛЬД. Ой, как неудобно получилось!

БАБУШКА. Ну и пусть! Не будут в следующий раз безобразничать! Где у тебя дрожжи? Везде обыскалась.

ЛЕОПОЛЬД. Да они там, за самоваром.

БАБУШКА (*лезет за самовар*). Тут нет никаких дрожжей. Только коробка, а на ней написано «Озверин».

ЛЕОПОЛЬД. Да «Озверин» я давно выбросил, я в этой коробке дрожжи держу.

БАБУШКА. Вот беспорядок! Сразу видно: один мужчина в доме. (*Берет часть дрожжей и уходит.*)

ЛЕОПОЛЬД (*накрывает на стол, поет*).

В квартире нашей все блестит,
Посуды слышен звон,
И стол торжественный накрыт
На несколько персон.
И в ожидании друзей
На кухне все кипит —
Ведь знают все, что у гостей
Хороший аппетит.

Подходит Бабушка.

ЛЕОПОЛЬД и БАБУШКА.

Ведь без гостей,
Как без друзей,
На свете очень трудно жить.
И не беда,
Что после них
Посуду надо мыть.

Звонок в дверь. Леопольд и Бабушка встречают гостя.

Это Пес.

ПЕС. Дорогой друг, с днем рождения! Примите, пожалуйста, мой скромный подарок. Сегодня я осматривал двух мышат — ваших соседей. Они мне не очень понравились, а вот их игрушка так понравилась, что и

решил купить точно такую же и подарить вам. Ой, я очень волнуюсь, понравится ли она вам. Это рубик Кубика, то есть, кубик Рубчика... нет, тюбик бублика...

ЛЕОПОЛЬД. Кубик Рубчика?

ПЕС. Да!

ЛЕОПОЛЬД. Ура! Я так давно мечтал о нем. Спасибо большое.

Подарки любит получать
Любой нормальный кот,
И малолетний крокодил,
И старый бегемот.
Подарки славно принимать,
Приятно их дарить...
Тот, кто согласен, может встать
И песню подхватить...

ВСЕ.

Ведь без гостей,
Как без друзей,
На свете очень трудно жить.
И не беда,
Что после них
Посуду надо мыть.

Звонок в дверь.

Входит Свинья в сарафане. Вместо носа — круглый пятачок.
Это переодетый Белый.

СВИНЬЯ. Извините, я без приглашения, но у нас, у сви-ней, так принято. Я ваша новая соседка.

ЛЕОПОЛЬД. Здравствуйте, пожалуйста, проходите, гостем будете.

СВИНЬЯ. Но я не одна. Мне ребенка не с кем было оставить, я его с собой привезла. *(Выкатывает большую коляску.)* Вот он, мой поросенок! Моя хрюшечка!

Из коляски высовывается голова Поросенка с пятачком. Это Серый в детском чепчике.

ПОРОСЕНОК. Мама! Дай бутербродик с сыром!

СВИНЬЯ. Рано тебе еще бутербродик.

ЛЕОПОЛЬД. Ну, почему? Если ребенок хочет, пусть ест на здоровье. Бери, малыш. *(Подносит к коляске та-*

релку с бутербродами. Высовываются две руки, ссыпают бутерброды в коляску, возвращают пустую тарелку.)

ПЕС. А не вредно маленькому столько есть?

СВИНЬЯ. Ничего, у нас, у свиней, так принято.

БАБУШКА. А сколько вашему?

СВИНЬЯ. Нашему? Годик. С хвостиком.

БАБУШКА. Странно... Годик, а говорит, как большой.

СВИНЬЯ. Да что вы? Он всего несколько слов знает.

ПОРОСЕНОК (высовывает голову из коляски). Мама! Дай пепси-колу!

ЛЕОПОЛЬД. Сейчас принесу. (Уходит.)

Поросенок начинает хныкать. Свинья качает коляску. Все столпились вокруг коляски, пытаются успокоить ребенка. Свинья, пользуясь случаем, отходит от коляски, устремляется к буфету, ищет там «Озверин».

ПЕС. Успокойся, успокойся, маленький.

БАБУШКА. А вот, посмотри, какая красивая коробочка... Поиграй коробочкой...

ПЕС. Что вы делаете?! Это же сильнейшее лекарство — «Озверин»!

СВИНЬЯ. «Озверин»?

ПОРОСЕНОК. Где «Озверин»? Хочу «Озверина»! «Озверина» хочу!..

СВИНЬЯ. Прекратите мучить ребенка! Дайте ему коробочку.

ПЕС. А я как врач говорю — нельзя!

БАБУШКА. Вы, уважаемая, слишком распустили своего дитя!

СВИНЬЯ. Я лучше вас знаю, как воспитывать детей.

БАБУШКА. Нет, не знаете! Он у вас вырастет свиньей.

Пользуясь ссорой, Серый вылезает из коляски, на цыпочках идет к коробке с «Озверином». Пес замечает это.

ПЕС. Это еще что такое?!

Серый замирает.

... Это не поросенок! (*Подходит к Серому, снимает пяточок.*) Это мышонок! (*Свинье.*) А вы никакая не хрюшка! (*Снимает с нее пяточок.*) Как же вам не стыдно! Обманщики! Ну-ка, убирайтесь подобру-поздорову.

БЕЛЫЙ. Подумаешь! Испугали... (*Садится в коляску.*) Водитель, трогай! Поехали!

Серый увозит коляску с Белым. Появляется Леопольд с праздничным пирогом в руках.

ЛЕОПОЛЬД. Ну, вот, дорогие гости, праздничный пирог готов!.. А где свинка?

БАБУШКА. Э-э... Дело в том, что эта свинка оказалась ...

ПЕС (*перебивает*). Оказалось, что эта свинка забыла выключить утюг. Она дико извинялась, что не может остаться, и просила передать вам сердечный привет...

ЛЕОПОЛЬД. Спасибо. А теперь прошу к столу!

ПЕС. Минуточку! Прежде чем мы сядем за этот прекрасный стол, я хочу поздравить нашего дорогого Леопольда.

ЛЕОПОЛЬД. Но вы меня уже поздравляли.

ПЕС. Нет, я поздравлял от своего имени, а теперь я буду поздравлять от имени всех ваших друзей. Вы даже не знаете, милый мой Леопольд, сколько у вас друзей. (*Показывает на зал.*) Вот столько. И даже больше. (*В зал.*) Ребята, не подведите. Как только я махну рукой, будете мне подпевать. Внимание!

Сегодня в день рождения,
В твой славный юбилей,
Принес я поздравления
От имени зверей.
Все звери твердо знают,
Что ты добрейший кот,
Об этом громко лают
Собаки всех пород.

ВСЕ. Ав-ав-ав!..

ПЕС. Что значит — дорогой!

ВСЕ. Ав-ав-ав!..

ПЕС. Друзья всегда с тобой!

ВСЕ. Леопольд!

ПЕС. Не бойся никого!

ВСЕ.

Будь здоров, расти большой.

И не будь лапшой!

ПЕС.

Зверям и насекомым

Известен твой талант.

Всем хорошо знакомым

Стал твой лиловый бант.

И для кота такого

В чудесный этот день

С утра поют коровы

Окрестных деревень.

ВСЕ. Му-му-му!..

ПЕС. Что значит — милый кот!

ВСЕ. Му-му-му!..

ПЕС. Пей наше молоко!

ВСЕ. Леопольд!

ПЕС. Не обижай быков!

ВСЕ.

Будь здоров, расти большой

И не будь лапшой!

Ты очень уважаешь

Больших и малышей,

Когтей не распускаешь

На птиц и на мышей.

За слабых заступиться

Готов без лишних слов —

О том щебечут птицы

На сотни голосов.

ВСЕ. Чик-чи-рик! ..

ПЕС. Что значит — молодец!

ВСЕ. Чик-чи-рик!

ПЕС. Будь весел, как скворец!

ВСЕ. Леопольд!

Звонок в дверь.

ЛЕОПОЛЬД. Это, наверное, Свинка вернулась!

Иходит Лошадь. У нее внутри двое — Белый и Серый. Она ходит, кланяется, приветственно поднимает передние ноги, садится на задние.

ЛОШАДЬ. Поздравля-я-яю вас, дорогой Леопо-о-ольд!
ЛЕОПОЛЬД. Спасибо. А вы кто?

ЛОШАДЬ. Я Лошадь. Разве не похоже? *(Взбрыкивает задними ногами.)* Я вас так люблю! Когда ваш фильм шел по телевизору, у нас все лошади ржа-а-ли... И-и-и-о-о-о!

БАБУШКА. Гости дорогие! Все остынет! Садитесь за стол!

ПЕС. Прошу прощения, но я как врач хочу перед едой всех попросить помыть руки.

БАБУШКА. Верно. Золотые слова. Умываться!

Все, кроме Лошади, уходят.

БЕЛЫЙ *(из-под попоны)*. Ушли! Давай быстро!

Из-под попоны вылезают Белый и Серый. Хватают коробку с «Озверином».

СЕРЫЙ. А здесь не таблетки, а какие-то большие кубики.

БЕЛЫЙ. Вот и хорошо, значит, быстрее подействует.

СЕРЫЙ *(нюхает)*. Слушай, они дрожжами пахнут!

БЕЛЫЙ. Ну, правильно! От «Озверина» сила растет, как на дрожжах. Давай скорее глотай, а то сейчас вернутся!

Оба глотают дрожжи. У Белого и Серого прямо на глазах начинают раздуваться животы. Это трюк: резиновые камеры, соединенные с грушей в кармане.

СЕРЫЙ. Ой, что это со мной?

БЕЛЫЙ. Не знаю... А со мной?

СЕРЫЙ. Со мной плохо. Ай!.. Ай!.. Помогите!

БЕЛЫЙ. Спасите! Сейчас лопну!..

Вбегают Леопольд, Бабушка и Гости.

...Спасите нас! Мы съели «Озверин» из этой коробки.

ЛЕОПОЛЬД. Это не «Озверин», это дрожжи.

СЕРЫЙ. Доктор, помогите! Сделайте что-нибудь!

ПЕС. Сейчас я вам введу «Антибрюхин».

Достает из саквояжа большой шприц. Мыши в ужасе уползают за кулисы. Пес следует за ними. Слышны крики Мышей. Все трое возвращаются. Мыши приняли прежний вид.

БЕЛЫЙ. Прости нас, Леопольд!

СЕРЫЙ. Прости, а?

ЛЕОПОЛЬД. Ладно, так и быть. Я столько раз вас прощал, прощу и на этот раз.

БАБУШКА. Ну, когда ж мы, наконец, сядем за стол?

Все садятся. Мыши скромно стоят в стороне.

ЛЕОПОЛЬД. Ребята, а вы что не садитесь?

БЕЛЫЙ. А нам тоже можно?

СЕРЫЙ. Нас еще никто ни разу не приглашал за стол.

ЛЕОПОЛЬД.

Я не трус, скажу вам честно,

Просто я считаю так:

На земле огромной хватит места

Для мышей, для кошек и собак.

ВСЕ.

Ярче солнце светит,

Щебечет воробей.

Добрым жить на белом свете

Веселей!

(Последние две строки — два раза).

КОНЕЦ

Паспорт

Киносценарий

(в соавторстве с Р. Габриадзе и Г. Данелия)

На экране сухощавое небритое

лицо тридцатипятилетнего мужчины в нейлоновой шляпе. Он, медленно заглядывая в бумажку, говорит на иврите с сильным грузинским акцентом о том, что наконец исполнилась его мечта и он прибыл на землю, завещанную ему праотцем Авраамом. Он понимает важность этого шага не только для себя и своей семьи, но и для всех будущих поколений.

Звучат жидкие аплодисменты, и тут мы видим, что речь он произносил не перед аудиторией, а в комнате перед своей женой и восьмилетней дочерью.

Мужчину зовут Яша. Его жену — Инга.

На фоне горного городка, увенчанного старинной церковью, возникает заглавная надпись фильма. На дальнейших сценах идут титры.

Снежные вершины Кавказского хребта. К полуразрушенной часовне, на которой написано «Кассы Аэрофлота», подскакал на лошади шестидесятилетний мужчина в папахе и драповом пальто. Это Вахтанг — отец Яши и нашего главного героя — Мераба. Отец легко соскочил с лошади, привязал ее к столбу и направился к вертолету, в который крестьяне грузили тюки шерсти.

На аэродроме городка отца встретил Мераб, тридцатилетний таксист в форменной фуражке. Отец сухо кивнул сыну и сел в машину.

Такси въехало во двор двухэтажного дома, опоясанного ажурными балконами. Отец медленно поднялся по скрипучей лестнице. Инга заколачивала досками пианино. Яша укладывал в коробку стопки детских книг. Отец мрачно посмотрел на сына, на невестку,

подошел к ребенку, разбирающему за шахматной доской какую-то позицию. Погладив девочку по голове, тяжело вздохнул:

— Будущую чемпионку Грузии увозите.

— Ничего, — ответила невестка, — будет чемпионкой Израиля.

По ее напряженному поведению чувствуется, что она — главный инициатор отъезда.

Отец сел за стол, на котором лежали выездные паспорта репатриантов: гербовые листки с фотографиями. Взял паспорт Яши, посмотрел, затем сказал стоящему в дверях Мерабу:

— Дай-ка твои права...

Положил документы перед собой. В жизни Яша рыжеватый и сероглазый, Мераб — жгучий брюнет, но на черно-белых фотографиях они очень похожи.

— Иди сюда, — подозвал отец Ингу. — Вот, — он ткнул пальцем в фотографию Яши, — у этого мать еврейка. А у этого, — он показал на фотографию Мераба, — грузинка. И что? Одно лицо... А ты говоришь, национальность по матери определяется. Нет, дорогая, в любом деле главное — инструмент!

Он отобрал у Инги молоток и дал ей гвоздь:

— На, забей его в свое пианино без инструмента.

— Все равно, главное не гвоздь, а пианино, — не согласилась Инга.

По извилистой горной дороге ехали две машины. В передней — отец и Яша с семьей, во втором такси за рулем сидел Мераб. В его машине ехали три старушки в черном и мужчина с гитарой. Он перебирал струны, негромко напевая песню.

— Вай! — вдруг вспомнил Мераб. — Родную землю забыли!

Он резко затормозил, развернул машину и понесся в обратную сторону. Старушки начали его уговаривать, набрать родной земли прямо тут, на обочине, но Мераб был непреклонен. Он въехал в свой двор, вынул из багажника лопатку, набрал земли из цветочной клумбы в целлофановый пакет и положил его в карман пиджака... По дороге в Тбилиси его два раза останавливали за превышение скорости.

Когда Мераб выбежал на перрон вокзала, там уже было пусто. Только вдалеке чернела фигура отца. Отец стоял, сгорбившись, широко расставив ноги. Рядом с ним стояла жена Мераба — Циала.

— Опоздал? Ничего, я их во Мцхетах догоню! — сказал Мераб.

— Поезжай с ними в Москву, — сказал отец. — Эти ненормальные там ребенка могут потерять.

— Ладно. — Мераб побежал было, но вспомнил о жене, вернулся, поцеловал ее и спросил, что ей привезти.

— Ничего, — сказала жена. — Сам быстрее приезжай.

Мераб лихо припарковал машину на привокзальной площади города Мцхета. На всякий случай открыл капот, снял крышку от трамблера, положил ее в карман, запер машину и побежал на перрон к прибывающему поезду.

Скромная московская квартира Васи — друга Мераба по службе в армии. Женщины убрали со стола, Мераб с Яшей смотрели по телевизору программу «Время», а девочка играла в шахматы с хозяином дома. По его покрасневшему загривку видно было, что он проигрывает.

На экране телевизора показывали взрывы, дубинки, полицейские брандспойты.

— Куда едем?.. — вздыхает Яша.

— Хватит, — говорит Инга. — С работы уволились, квартиру сдали, обратного пути нет. И там дядя Изя ждет.

— Слушай, — сказал Мераб брату, — последний вечер, что мы тут сидим? Пойдем Москву посмотрим. Вася, пойдешь?..

— Извини, сержант, — сказал проигравший Вася, — и отыграться хочу.

...Братья вышли на улицу.

— Вези в самый хороший ресторан, — сказал Яша таксисту.

Таксист отвез их в Хаммеровский центр. В этом шикарном отеле останавливаются приезжие бизнесмены и зарубежные делегации. Обычных граждан туда, как правило, не пускают. Но, выйдя из такси, Мераб с Яшей попали в группу приехавших пакистан-

цев, таких же смуглых и горбоносых, как и они. Вместе с группой они вошли в вестибюль гостиницы и, пораженные, остановились. Крутом мрамор, фонтаны, растущие прямо на камнях зеленые деревья, спящие вверх и вниз стеклянные капсулы лифтов.

— Ну, — спросил Мераб, — зачем тебе ехать? Вот же она, граница, под боком. Вышел отсюда, — Мераб шагнул за дверь, — дома. Вошел — граница. Вышел — опять дома. Вошел...

— Гражданин, — прервал его рассуждения швейцар, — а вы что здесь делаете?

— Я брата провожаю.

— Вы здесь проживаете?

— Нет, дорогой, мы посмотреть.

— Не положено.

— Слушай, мы только по бокалу шампанского выпьем и уйдем, — попросил Яша.

— Не положено.

— Ну, будь человеком! Дай на прощанье шампанского выпить.

— А я прошу — покиньте помещение.

— Покидаю, покидаю! — кричит Яша. — Навсегда покидаю!

К международному аэропорту «Шереметьево» подъехала большая черная машина. Из нее вышел патриарх с большим крестом на груди и провожающих его служители православной церкви.

Братья катили тележку, нагруженную вещами, по залу. За ними шла Инга с ребенком. У ребенка под мышкой шахматная доска.

Впереди них шла женская баскетбольная команда из Замбии.

— Куда едем? Зачем? — снова засомневался Яша.

— Хватит, — оборвала его Инга. — Надоело.

— Женщина! Ты как со мной разговариваешь?! — вдруг взорвался Яша. — Я грузинский еврей, а не какой-нибудь латышский ашкенази! Запомни!

— Правильно он говорит, — сказал Мераб. — Зачем вам куда-то ехать? Думаешь, там хорошо?

— А здесь хорошо? — заорал на брата Яша. — Бокал шампанского на прощанье с братом выпить нельзя!

— А если сейчас принесу — останешься?

— Вот ты принесешь! — Яша показал Мерабу кукиш.

— Значит, договорились? Если приношу шампанское — остаешься.

— Остаемся, остаемся, — проворчал Яша и покатиł тележку дальше.

Мераб побежал к буфету. Там ему объяснили, что спиртных напитков давно нет. Шампанское можно купить только в баре за пограничным контролем. Напрасно Мераб уговаривал буфетчицу, предлагал двойную цену — шампанского не было.

С пустыми руками он подошел к стойке, за которой Яша заполнял таможенную декларацию на английском языке.

— Ну что, — ехидно спросил Яша, — принес?.. Фигу ты принес! — Он снова склонился над декларацией. — Ступка — предмет старины?

— Если старая, то предмет.

— Как ступка по-английски?

Мераб на секунду задумался:

— Забыл.

— Забыл... Три года в институте иностранных языков учился, а простых вещей не знаешь.

— Яша, — позвала мужа Инга, — вот тут декларация на русском. Я же говорила.

— Смотри за вещами, — сказал Яша брату и пошел к Инге.

На стойке остались его паспорт и билет.

Мераб несколько секунд постоял. Потом достал ручку, взял бланк, написал сверху: «Яков Папашвили», а далее везде поставил «Ноу».

Яша, высунув от усердия язык, заполнял декларацию, когда услышал голос брата:

— Яша!

Мераб уже стоял по ту сторону таможенного контроля.

— Не волнуйся, — крикнул он. — Я сейчас.

— Ты куда? — в ужасе закричала Инга.

— Тс-с, — Мераб приложил палец к губам.

Он поднялся на второй этаж, подошел к одной из будок, где за стеклом сидел пограничник. Положил

перед ним паспорт, посадочный талон и, чтоб больше походить на оригинал, принял напряженное выражение лица, какое почему-то бывает на всех паспортных фотографиях. Пограничник сверил оригинал с фотографией, поставил штамп и нажатием кнопки открыл никелированный турникет.

Мераб забежал в бар, купил две бутылки шампанского и побежал обратно. Добежал до турникета и постучал в будку пограничника:

— Слышишь, друг, открой.

— Не положено.

— Да мне туда нужно.

— Отойдите, гражданин, — строго сказал пограничник. — Государственная граница.

— Я передумал. Не хочу лететь.

— Обратитесь в Вене в наше посольство.

— Послушай, это ошибка. Это мой брат должен лететь.

— Обращайтесь к начальнику.

— Где он?

— Там, — показал пограничник в глубину аэропорта.

Мераб заметался по стеклянным коридорам в поисках начальника. Когда он, наконец, нашел комнату, где должен был сидеть начальник, дверь кабинета оказалась запертой. Женщина в летной форме сказала, что начальник вышел.

А в зале аэропорта в это время нервничали родственники.

— Мы опоздаем, — хныкала Инга. — Объяви по радио, чтобы этот идиот вернулся.

— Если узнают, что я кому-то дал свой паспорт, его вообще отберут, — сказал Яша.

Мераб нервно бегал перед кабинетом начальника. Появилась уборщица с ведром и тряпкой.

— Где он? — накинулся на нее Мераб. — Посадки уже заканчивается!

Уборщица сказала, что сейчас обеденный перерыв, и Иван Петрович, наверное, в столовой.

Мераб снова понесся по стеклянным галереям, по лестницам... Нашел столовую. Там за одним из столов ел суп Иван Петрович.

— Выпустите меня, пожалуйста! — взмолился Мераб. — Они уже на самолет опоздали!

— Куда выпустить? — спросил Иван Петрович.

— Обратно, в Советский Союз!

Иван Петрович смазал кусочек мяса горчицей, смачно откусил, поморщился и высказал недоумение, почему некоторые люди еврейской национальности, не успев пересечь границу, тут же передумывают уезжать.

— Я не еврей! — закричал Мераб. — Это мой брат еврейской национальности!

Иван Петрович искренне удивился:

— Как так? Сам не еврей, а брат еврейской национальности.

— Мама разные! Мама! Моя грузинка, а его — еврейка.

— А папы?

— Папа один.

— Многоженец?

— Зачем многоженец?! Яшина мама при родах умерла, а моя за другого вышла.

— Бывает, — посочувствовал Иван Петрович.

Далее выяснилось, что он ничем Мерабу помочь не может. Он начальник перевозок, а вопрос Мераба может решить только начальник пограничников — товарищ Лунц.

Мераб побежал искать Лунца.

— Пассажир, вы куда? — остановила Мераба стюардесса, увидев у него в руке посадочный талон «Москва — Вена».

— Мне нужен Лунц! Где его найти?

Стюардесса посмотрела список пассажиров.

— Лунц в самолете. — И она повела Мераба по рифленому коридорчику в салон самолета.

— Займите свое место, — сказала она Мерабу.

— Некогда мне сидеть! Лунца позовите!

— Пассажир Лунц, вас разыскивают, — по-английски объявила в микрофон стюардесса.

С места поднялся пожилой мужчина в кожаных шортах и тирольской шляпе с пером.

— Их бин херр Лунц. Вас волен зи? — спросил он.

Стюардесса закрыла дверь и повернула запор.

У справочного окошка стояли Инга и Яша.

— С ним что-то случилось, — настаивал Яша. — Узнайте: он или в милиции, или в медпункте!

Девушка связалась с кем-то по селектору.

— Пассажир Яков Папашвили находится на борту самолета Москва — Вена, — ответила она пораженным родственникам.

Самолет летел над облаками. Мераб нервно курил, стоя возле туалета. К нему подошел Боря Париж, сорокалетний здоровяк с золотыми зубами. Он прикурнул у Мераба и поинтересовался:

— Куда летишь?

— Я не лечу, — ответил Мераб. — Это ошибка.

— Эх, старик, вся наша жизнь — сплошная ошибка. Я вот по ошибке весь Талмуд выучил. Марик сказал, что на таможне будут спрашивать, а никто и не поинтересовался.

— Вы алимы, господа? — подошел к ним пожилой человек в ермолке.

— Алимы, — кивнул Боря.

— В Израиль?

— Нью-Йорк. Брайтон-Бич, — улыбнулся Боря.

— Если бы на Луне на хлеб мазали больше масла, вы бы и туда полетели, — сердито сказал пожилой человек.

Из туалета вышел летчик. Мераб пошел за ним, стал уговаривать, чтобы, когда самолет сядет в Вене, ему разрешили не выходить, а по возвращении в Москву он все оплатит. Летчик не разрешил.

Самолет летел над Европой.

Мераб сидел в самолете рядом с Борей. Боря рассказывал ему свою жизнь. Как он занимался незаконной финансовой деятельностью, как фиктивно женился на пожилой еврейке и теперь летел в Вену, куда, опасаясь очередного ареста, заранее нелегально переправил ценности через одного дипломата.

— С деньгами там я — король, — закончил Боря историю и достал пачку ярких открыток. — Вот где должен жить белый человек: на Гавайских островах! Солнце, море, бабы и никакой борьбы с пьянством

Пляди, какая шоколадка! — ткнул он пальцем в открытку.

— Боря, — сказала толстая немолодая женщина, — я хочу пить. Принеси мне водички.

— Мадам, — с чувством сказал Боря, — наш брак стоил мне две тысячи рублей. За такие деньги можете сходить за водой сами.

Венский аэропорт. Мераб вместе с пассажирами сошел с трапа самолета.

— Старик! — радостно заорал Боря. — Вот же она — свобода! Ты посмотри: кругом сплошной Запад!

Он загорланил «Венский вальс» и, протянув руку жене, галантно щелкнул каблуками:

— Прошу на тур вальса, мадам!

— Мужчина, — брезгливо ответила та, — оставьте меня в покое. Я вас больше не знаю и знать не хочу!

Мераб с двумя бутылками шампанского, без копейки денег вышел на площадь венского аэропорта. Бесшумно подкатил большой черный лимузин, из него вышел кардинал в митре и красной мантии. Из дверей аэропорта вышел приехавший патриарх в черной рясе с большим серебряным крестом на груди. Кардинал усадил патриарха в машину, и она плавно тронулась с места.

Мераб заметил остановившееся такси, подбежал к нему и стал уговаривать водителя довезти его за одну бутылку шампанского до советского посольства. Таксист потребовал две. Мераб объяснил, что вторая ему нужна на обратную дорогу.

В это время к такси подошел Боря со своим чемоданом. Выяснив, что посольство ему по пути, он предложил подвезти Мераба.

Боря высадил Мераба у посольства и поехал дальше. Советское посольство находилось за литой чугунной оградой. По тротуару перед ним прохаживался австрийский полицейский с автоматом.

Мераб, покосившись на полицейского, нажал кнопку звонка. Дверь открылась, выглянул сторож. Он сообщил Мерабу, что сегодня суббота и до понедельника в посольстве никого не будет.

— Но мне обратно надо лететь! — закричал Мераб. — Тем люди ждут.

— Приноси заявление в понедельник, в течение трех месяцев получишь ответ, — сказал сторож и закрыл дверь.

Мераб снова нажал кнопку звонка. Дверь открылась.

— Слушай! — закричал Мераб. — Найди посла. Скажи ему, что я случайно сюда прилетел, по чужому паспорту!

— Сажают за такие случайности, — проворчал сторож и опять скрылся за дверью.

Мераб надавил на кнопку всей пятерней.

— Господин, — строго сказал сторож. — Будешь хулиганить — я полицию позову.

И он кивнул на полицейского с автоматом, с интересом прислушивающегося к их разговору.

Боря вышел из такси у ночного клуба, где за стеклом висели фотографии девиц в интересных позах. Поднялся на второй этаж и, выяснив у полуголой девицы, где можно найти фрау Шульц, вошел в небольшой кабинетик, где пухлая женщина в бигуди раскладывала пасьянс.

Представившись, Боря сказал, что для него что-то должен был оставить господин Эриксон. Фрау Шульц пожала плечами и ответила, что никакого господина Эриксона не знает.

— Такой высокий, блондин, — напомнил Боря. Культурный атташе. Друг Марика.

— Нихт ферштейн, — развела руками фрау Шульц.

Тогда Боря прямо сказал, что он не фраер и такие номера с ним не проходят. И посоветовал отдать то, что ему причитается, по-хорошему. Хозяйка нажатием звонка вызвала квадратного негра с перебитым носом и попросила незваного гостя покинуть помещение.

Мераб с двумя бутылками шампанского шел по черной Вене. Сверкала реклама, ярко светились витрины магазинов. Мераб с бутылками под мышкой задумчиво встал перед витриной большого винного магазина. С той стороны на него глядели десятки бутылок всех стран мира: виски, джин, коньяки, ликеры... И на самом верху пирамиды — «Советское шампанское».

Рядом на витрине маленького кафе медленно перемещалась на гриле аппетитная курица. Мераб по

шел в кафе и предложил хозяину бутылку шампанского за порцию курицы.

— Соотечественник? — спросил хозяин. Услышав родную речь, Мераб обрадовался:

— Слушай, я сюда случайно залетел, по чужому паспорту. Как ты думаешь, что мне за это будет?

— Рая! — позвал хозяин.

Из кухни выглянула женщина в белом халате и поварском колпаке.

— Сколько в Союзе полагается за переход границы по фальшивому паспорту?

— От трех до семи, статья восемьдесят четвертая.

— У меня не фальшивый, — сказал Мераб. — У меня паспорт брата.

— Это не является смягчающим обстоятельством, — сказала Рая.

— А у австрийцев сколько? — спросил хозяин.

— У австрийцев от двух до пяти, — сказала Рая и скрылась на кухне.

— Ты ее слушай, — сказал хозяин, поставив перед Мерабом порцию курицы. — Она в Союзе прокурором работала.

Мераб забрал курицу, сел и задумался.

— А где сначала посадят: здесь или там? — спросил он хозяина.

— Сначала здесь, потом там.

Мераб погрузился в размышления.

А по улице маршировал духовой оркестр австрийских почтальонов, старательно выдувая «Турецкий марш» Моцарта.

Москва. Аэропорт. Яша с семьей и со всем багажом сидел в такси.

— Слушай, — сказал шофер, — я же вас недавно привозил. Что, не полетели?

— Нет, — сказал Яша. — Передумали.

— И правильно. Здесь лучше.

— Что лучше? — спросила Инга.

— Да все лучше. — Он повернул ключ зажигания. — Ну ты, черт! Опять стартер полетел.

В московской квартире Васи раздался телефонный звонок. Хозяин квартиры снял трубку.

— Алло! Вася?.. Это я, Мераб, — раздался оттуда голос.

— Здорово, сержант! Ты откуда?

— Из Вены.

— Откуда?

— Вена, Вена! Город такой, австрийский. Слушай, не перебивай, у меня всего две минуты. Яша у тебя?

— Нет. Но звонил, что приедут.

Мераб говорил по телефону из маленького венского кафе. Рядом стоял хозяин и смотрел на часы.

— Передай Яше, — кричал Мераб, — чтобы он исчез с глаз и сидел тихо. Я скоро приеду, и все будет о'кей. Понял?

— Не очень.

— Неважно. Главное, чтобы он не рыпался. Цивили не говори, что я за границей. Скажи, что мне десять суток в милиции дали, чтобы не волновалась. Всё!

Мераб поблагодарил хозяина и расплатился за разговор бутылкой шампанского.

— Ты поторопись, — сказал хозяин. — А то они могут закрыться.

Вена. «Сохнут» (организация, занимающаяся репатриацией евреев).

У входа дежурил полицейский с автоматом. Мераб подбежал к нему.

— Это «Сохнут»? — спросил его Мераб. Полицейский кивнул.

— Еще работают? — спросил Мераб. Полицейский не ответил.

Мераб постучал в дверь. Дверь открылась.

— Слушаю вас? — спросил его мужчина.

— Извините, но мне сказали, что вы отсюда бесплатно переправляете в Израиль, — сказал Мераб.

Мужчина посмотрел его паспорт.

— А где же вы были? — спросил он. — Вас встречали. По радио объявляли.

— Укачало меня, — сказал Мераб. Мужчина недоверчиво посмотрел на него.

— Ладно. Пройдите во вторую комнату.

Мераб подошел к комнате с табличкой «2» и постучал.

— Да, — сказали оттуда.

Мераб вошел. К его удивлению, там напротив представителя «Сохнута» сидел Боря Париж с оторванным рукавом пиджака и подбитым носом.

— Привет, алим, — сказал Боря.

— Здравствуйте! — громко сказал Мераб. — Я — Яков Папашвили. — И выразительно посмотрел на Боря.

— Авраам родил Исаака. Исаак родил Якова. Ветхий Завет, страница сорок вторая, — сказал Боря и приложил платок к носу.

— Меня встречали, но меня укачало, и я заблудился. Вот товарищ может подтвердить, — и он выразительно посмотрел на Боря.

— Хорошо, — сказал представитель «Сохнута». — Вы пока там подождите. Я закончу с господином.

— Конечно, — сказал Мераб. — А то у меня жена с ребенком заболела. И вещи с ними остались. Извините, — и он закрыл за собой дверь.

— Да, — сказал Боря, глядя ему вслед. — Как сказано в Священном Писании: время собирать камни и время их разбрасывать.

— И все-таки, — сказал представитель «Сохнута». — Почему вы хотите в Израиль? Тут написано, что вы русский.

— Я дитя дружбы народов, — сказал Боря. — У меня бабушка еврейка была. Как сказано в Священном Писании...

— Хорошо, хорошо. Я все понял, — сказал чиновник. — Вы свободны. — И громко позвал: — Господин Папашвили!..

Таможенный контроль рейса на Израиль в венском аэропорту очень строгий: полицейские, овчарки, автоматчики на балконе. Всех пассажиров проверяют специальным прибором на наличие оружия. Когда прибор поднесли к Мерабу — раздалось гудение. Пришлось вынуть все из карманов. На стол легли связка ключей, целлофановый пакет с родной землей, крышка от чемодана автомобиля «Волга». Крышку повертели в руках и вернули назад.

Самолет летел над Средиземным морем. Мераб сидел в кресле, рассматривая карту, где красными линиями были указаны маршруты авиакомпании «Эль

Аль». Потом достал из кармашка переднего кресла газету на иврите. Покрутил ее в руках, не зная, с какой стороны надо ее читать.

Подошел Боря и плюхнулся в кресло рядом. Его голове уже украшала ермолка.

— Порядок, алим, — сказал он, — одно дельце я уже обтяпал. Понимаешь, мы, как вновь прибывшие, имеем право купить машины без налога. А для остальных налог триста процентов. Я договорился: берем машины и отдаем их вон тому мужику, а он нам по тысяче долларов. Двадцать процентов мне. Комиссионные... На вот пока я тебе ермолку достал, — Боря надел на голову Мераба ермолку. — Кстати, я тут с одним малым договорился: забежим к нему завтра, он тебе обрезание сделает. Бесплатно.

— Слушай, хватит тебе! — сказал Мераб. И, сняв ермолку, бросил ее Боре на колени.

— Тихо, кацо, не шуми. Ты теперь еврей, а евреи без головного убора не ходят. И не забывай: ты еще одну границу нарушил. А тут не Австрия. Здесь военное положение. Так что надень шапочку и скажи спасибо дяде Боре. — И он надел на Мераба ермолку.

Когда Боря и Мераб сошли по трапу в аэропорту Тел-Авива, репатриантов отдельно от остальных пассажиров провели на второй этаж. Девушка в форме внимательно смотрела на Мераба, потом на фотографии, потом опять на Мераба... От напряжения он даже взмок. Наконец девушка выписала Мерабу документ, по которому он мог получить израильский паспорт, и поздравила с тем, что он, Яков Папашвили, теперь гражданин Израиля.

Потом с Мерабом беседовал представитель министерства абсорбции. Бедный Мераб путался, то он говорил, что хочет работать таксистом, то вспоминал, что Яша провизор. Наконец Мерабу выдали сто шекелей на расходы, карту Израиля, разговорник и вдруг спросили:

— Хотите в ульпан или будете жить у родственников?

— У родственников. Тут живет дядя моей жены. И к нему поеду.

— Нет необходимости. Они здесь, пойдемте.

В соседней комнате сидели очень пожилой человек в черной шляпе и его еще более древняя старуха мать. Возникла пауза, во время которой старуха внимательно разглядывала Мераба.

— Это он и есть? — наконец спросила она. — Ничего. Я думала, он еще хуже.

Человек встал, подошел к Мерабу и сказал:

— Здравствуй, Яша! С приездом.

— Здравствуйте, дядя Изя, — искренне обрадовался Мераб.

— А где же Инга с ребенком?

— Они заболели, — не раздумывая ответил Мераб. — У них скарлатина.

У выхода из аэропорта Боря продавал банку черной икры носильщику.

— Яков, — окликнул он Мераба, проходящего в сопровождении родственников.

Мераб подошел.

— Это наш дядя? — кивнул Боря на Изю. — Проси не три, а пять тысяч.

— Почему?

— Потому, что на нем золотишка много. — И сказал Мерабу, что будет ждать его в русском ресторане «Березка».

В это время к зданию аэропорта бесшумно подъехал большой черный лимузин. Точно такой же, как в Вене. Из лимузина вышел раввин в черной шляпе с большой бородой. Из дверей аэропорта вышли патриарх в рясе и кардинал в мантии. Раввин усадил их в лимузин, и тот плавно отъехал.

Изя вез Мераба и мать в своем микроавтобусе. В дороге выяснилось, что с Яшей он незнаком, а видел его только на фотографиях, которые Инга прислала со свадьбы.

— Дядя Изя, — сказал Мераб, — вы только не волнуйтесь, но я не совсем Яша. Я его брат — Мераб.

И он рассказал свою историю, как в погоне за шампанским оказался в Израиле.

— Значит, вы не еврей? — спросила старушка.

— Нет.

— Жалко. Я такую фаршированную рыбу приготовила.

— Рыбу я люблю, — сказал Мераб. — Дядя Изя, у меня к вам такая просьба: дайте мне пять тысяч, я сяду на американский круиз, в Советском Союзе тихонько сойду, возьму у Яши свой паспорт, отдам его — и они спокойно прилетят.

Изя сосредоточенно молчал, глядя на дорогу.

Когда они вошли в комнату, где в ожидании гостей на столе стояли фрукты, миндаль, грецкие орехи, Изя закрыл дверь на ключ, достал из ящика пистолет, положил его перед собой и сказал:

— Ну, а теперь расскажи правду: зачем ты сюда приехал?

— Дядя Изя, да вы что? — удивился Мераб.

— Говори!

Мераб, пожав плечами, снова начал свою историю.

— Эту легенду я уже слышал, — перебил Изя. — А что, у вас в КГБ тебе ничего лучше придумать не смогли?

— Но я правду говорю.

— Молчать!

Тогда Мераб предложил Изе позвонить в Москву и самому выяснить у племянницы, как он оказался здесь. Мераб продиктовал дяде Васин телефон, и тот, не сводя глаз с «агента», заказал разговор.

— Дядя Изя, — сказал Мераб, — хорошо, не пять. Дайте три тысячи. Три хватит, а потом...

— Мне нравится эта наглость! — перебил его Изя. — Мама, ты слышишь, что они придумали? — обратился он к старушке. — Израильская военщина должна теперь покупать русским агентам билеты на американский пароход. Это что, и есть ваша новая экономическая реформа?

— Я тоже не понимаю, — сказала мама. — Рыбу вы будете кушать или как?

Зазвонил телефон. Междугородная дала Москву. Изя слушал разговор по параллельному телефону.

— Алло! Вася? Это я, Мераб.

— Привет, сержант, — донеслось из трубки, — Ты откуда?

— Потом расскажу. Слушай, Яша с Ингой у тебя?

— Нет, они уже в Грузии. У отца в подвале отсиживаются.

Дядя Изя резко нажал на рычаг.

— Так, товарищ сержант, — сказал он. — Значит, моя племянница сидит в ваших подвалах, в ваших застенках? Молчи!.. А кто это отец? Чья это кличка? Генерала? Молчи!.. Так вот что я тебе скажу: или через неделю Инга будет здесь, или я тебя сдам куда полагается. Диверсант!

— Дядя Изя, — сказал Мераб. — Не сходите с ума.

Но Изя уже закусил удила:

— И всю эту неделю ты будешь сидеть здесь, чтобы я тебя видел!

Мераб встал.

— Сидеть! — закричал Изя, выставив перед собой пистолет. — Застрелю, мерзавец!

— Сначала с предохранителя снимите, военщина! — рассердился Мераб. Он вырвал пистолет из Изиных рук, расколол рукояткой грецкий орех и подвинул его Изе: — Кушайте, дядя! Очень укрепляет мозги.

И, хлопнув дверью, вышел.

Ресторан «Березка». Оркестр исполнял известный романс «Очи черные». На сцене подгулявший Боря пел от всей души, переходя от полноты чувств к чечетке. Увидев Мераба, он кивнул музыкантам, и они перешли на популярную грузинскую песню «Тбилиси».

Боря спрыгнул со сцены, обнял Мераба за плечи и повел его к своему столику, где сидели два эфиопских еврея.

— Алим, — сказал он Мерабу по дороге, — вот эти ребята дают за машины по полторы тысячи, но, думаю, можно выбить больше.

Они уселись за стол, и Боря сказал своим покупателям:

— Господа, мы посоветовались с моим компаньоном. Наше последнее слово — две тысячи.

Эфиопы начали бурно возражать.

— Как хотите, — сказал Боря. — Тут желающих много. Он повернулся к Мерабу:

— Ну что дядя? Дал денег?

— Нет, — сказал Мераб. — Он думает, что я — агент КГБ.

Боря изменился в лице.

— Ну, ладно... Рад был с тобой познакомиться. Со-
звонимся. — И он исчез, будто его и не было.

Мераб остался с эфиопами.

— Товарищи, — сказал он им, — я согласен на пол-
торы тысячи.

Те вежливо улыбнулись и тоже исчезли.

Мераб остался совсем один. Он грустно посмотрел
по сторонам. Никому не было до него дела. Только с
соседнего столика ему понимающе улыбнулась яркая,
эффектная блондинка.

Мераб остановил пробегающего официанта:

— Слушай, друг, отсюда можно в Советский Союз
позвонить?

— Все можно, — сказал официант. — Только сначала
надо расплатиться.

И он показал на стол, уставленный закусками и ко-
ньяком.

Счет оказался больше, чем у Мераба было денег, и
официант пригласил к столику хозяина ресторана. Узнав,
что Мераб вновь прибывший, хозяин простил ему
недостающие восемь шекелей и уселся напротив него.

— Ну, как там перестройка? — спросил он.

— Идет потихоньку, — сказал Мераб.

— А такие частные рестораны есть?

— Есть.

— А ОБХСС остался?

— Остался.

Хозяин вздохнул. До открытой террасы, на которой
они сидели, донеслась сирена приближающейся по-
лицейской машины.

Из машины вылезли полицейские и стали всех от-
гонять от скамейки, рядом с которой лежала обувная
коробка.

— Что происходит? — спросил Мераб.

— Может, взрывчатку обнаружили, — спокойно ска-
зал хозяин. — А может, нет.

Из машины на асфальт спустили маленького робо-
та, и он, переваливаясь, медленно направился к ко-
робке. Подошел к ней, выставил дуло и начал ее рас-
стреливать в упор. При каждом выстреле Мераб вздра-
гивал.

На окраине города по песчаному берегу шла бездомная вислоухая собака. Она остановилась перед лежащим на песке ржавым катером, обнюхала его и начала лаять. Дверь штурманской рубки со скрипом открылась, и на раскаленную палубу вышел потный, небритый, вымазанный в мазуте Мераб. Он прищурился на солнце, попытался стереть с рубашки мазутное пятно и спросил собаку:

— Это Средиземное море?

Собака замолкла и дружелюбно завиляла хвостом.

— Что, Генацвале, кушать хочешь? — спросил Мераб. — Я тоже хочу. Пошли, часы загоним.

Тель-Авив. Современные небоскребы рядом с повидавшими виды двухэтажными домами, синагоги, мечети, машины всех возрастов и марок, евреи из Европы, Азии, Америки, Африки, туристы из всех стран мира...

Мераб остановился у газетного киоска и предложил свои часы. Но, узнав от продавца газет, что такие часы и тому подобное старье можно продать только на «блосином» рынке, направился туда. По дороге, встав на четвереньки, попил воды из газонной поливалки. Сопровождавший его пес Генацвале смотрел на это зрелище грустными глазами.

На улице, где расположились иностранные посольства, Мераб увидел человека, который приковался наручниками к ограде посольства США.

Мераб подошел и поинтересовался, зачем он это сделал.

— Это мой протест, — ответил человек. — Они мне низу не дают. А я не хочу здесь оставаться.

Мераб сказал, что тоже не хочет здесь оставаться. Тогда человек достал из кармана еще пару наручников и предложил Мерабу приковаться рядом. Мераб отказался и в свою очередь предложил человеку купить у него часы. Часы у человека были. Тогда Мераб попытался продать ему пса Генацвале. Но и это предложение встретило вежливый отказ.

«Блосиный» рынок в Тель-Авиве. Пестрый, шумный, многоголосый. Мераб в сопровождении Генацвале бродил по рядам, помахивая часами.

— Мистер, — позвал его араб, торгующий очистительной пастой.

Мераб подошел. Араб выдавил пасту из тюбика на мазутное масло на рукаве Мераба и потер влажной тряпкой. Пятно исчезло.

— Гуд? — спросил араб.

— Гуд, — согласился Мераб.

Араб вручил Мерабу тюбик и забрал часы. Мераб пытался возразить, но тот стал кричать, что уже раскупорил товар. Вынужденная сделка состоялась.

Мераб пошел дальше, предлагая встречным тюбик с пастой. Товар не шел. Мераб достал из кармана крышку от трамблера, но и этот товар никого не заинтересовал.

Тогда Мераб пошел по продуктовым рядам. Он пробовал на вкус сыр, овощи, фрукты, не забывая кидать куски на землю своему голодному псу.

Задержались у лотка с маринованным перцем.

— Может, хватит? — спросил продавец. Мераб вынул изо рта стручок и спросил:

— Положить обратно, да?..

У прилавка, где валялись всевозможные «древние» восточные украшения, вчерашняя эффектная блондинка примеряла серебряный браслет.

— Добрый день, — поздоровался Мераб. Блондинка приветливо улыбнулась и спросила:

— Как вы думаете: это серебро?

Мераб выдавил из тюбика пасту на браслет и потер большим пальцем. Выступила медь.

— Оу! — удивилась блондинка и представилась: Джейн.

— А я Тарзан, — сказал Мераб.

— Оу, — оценила шутку блондинка.

— А это Генацвале, — представил Мераб нового друга.

Генацвале протянул блондинке лапу. И тут кто-то позвал:

— Мераб!

Мераб оглянулся. В лавочке, где было развешено кружевное женское белье, сидел на табурете толстяк в спортивных нейлоновых трусах и драповой грузинской

кепке с большим козырьком. Толстяк поманил Мераба пальцем.

Мераб узнал толстяка: это был автоинспектор из Тбилиси, который не раз штрафовал Мераба на трассе. Но это было давно, лет пять назад.

— Мераб! — снова крикнул толстяк.

— Я не Мераб, — сказал Мераб. — Я Яша.

— Неважно. Иди сюда, — настаивал толстяк.

Выхода не было. Мераб извинился перед Джейн и подошел к толстяку.

— Американка? — шепотом спросил толстяк, кивая на Джейн.

— Да, — сказал Мераб. — Или шведка.

— Есть хороший товар. Позови ее, — толстяк помещал палкой в картонной коробке и выудил прозрачный лифчик. — Вот! Пьер Карден!

— Лифчик у нее есть, — сказал Мераб. Блондинка махнула Мерабу рукой и пошла.

— Тогда трусы. Есть хорошие. Настоящий Диор! Останови ее! — Толстяк отбросил палку и стал быстро перебирать товар руками.

Джейн скрылась за углом.

— Трусы у нее тоже есть, — вздохнул Мераб. И попросил: — Слушай, можно я от тебя в Сигнахи позвоню? Там моя жена Инга волнуется.

— Нельзя, телефон за неуплату отключили, — сказал толстяк, тяжело дыша и вытирая лицо кепкой. — Садись, — он показал Мерабу на надутого медведя.

Мераб сел. Помолчали.

— Меня всегда с братом путают, — сказал Мераб.

— Издалека похож. Ты тоже живешь в Сигнахи?

— Да. В аптеке там работал. Слушай, одолжи на неделю сто шекелей.

— Хромой Альберт жив? — спросил толстяк.

— Пока да. Я на работу устраюсь и сразу отдам.

— Ты не волнуйся. Ребята тебе помогут. Он на свободе?

— Пока да.

— Это хорошо! — Толстяк с неожиданной для его веса легкостью поднялся, взял с полки маленький козлиный рог, выдул из него пыль, протер рубашкой и протянул Мерабу:

— На! Скажешь Тенгизу из Сухуми, что это ему Хромой Альберт прислал.

— Какому Тенгизу?

— Вот этот домик видишь? — толстяк показал на возвышающийся над городом небоскреб. — Это бриллиантовая индустрия. Посчитай сверху два этажа, возьми слева три окна — вот это теперь Тенгиз из Сухуми! Сегодня у него свадьба, дочь замуж выдает. Мы приходим, ты даешь ему рог и говоришь: это тебе Хромой Альберт прислал. Альберта он как брата уважает — они два раза вместе в тюрьме сидели. Ты — друг Альберта, а я — твой. Он нас к себе шлифовальщиками возьмет, понял?... Ну, пошли, пошли! Заодно и твоей Инге позвоним.

По улицам Тель-Авива ехала «Волга» выпуска шестидесятых годов. За ней бежала собака. За рулем сидел толстяк.

— В жизни так, — рассуждал он. — Закинул удочку и жди. Какую рыбу Бог захочет тебе дать, такую и даст. Может, осетрину, а может, шпроты.

Мераб спросил толстяка, почему он здесь не работает по профессии — автоинспектором.

Толстяк сказал, что Мераб не должен думать, что в Израиле рай. Здесь тоже полно глупых законов. В чем смысл работы автоинспектора? Спасать водителям жизнь. А как ее можно спасти? Напугать! А здесь как напугаешь, если нельзя брать наличными? Глупости! И толстяк в сердцах выбросил сигарету в открытое окно.

Раздался свисток. Толстяк остановил машину и по добострастной рысцой побежал к полицейскому.

На другой стороне улицы Мераб увидел Борю, который шел деловитой походкой. В одной руке он нес большой бронзовый семисвечник, в другой — маленький трехколесный велосипед.

— Борис, — окликнул Мераб.

— Не Борис, а Борух, — бросил на ходу Боря Парон и зашагал дальше. К машине вернулся недовольный толстяк. Сел за руль и резко рванул с места.

— Я же говорил: здесь полное беззаконие! За какую-то сигарету человек должен сто шекелей в банк платить!

Под пальмой во дворе шестиэтажного дома четверо мужчин играли в домино на цементном столе. Рядом

на асфальте мальчишки, матерясь на грузинском, гоняли мяч. Тут же женщины развешивали белье.

— Кого привел? — спросил толстяка один из играющих.

— Своим делом займись! — нелюбезно ответил толстяк и, взяв Мераба под руку, провел в подъезд.

Они вошли в квартиру. На стенах висели грузинская чеканка, два кинжала и большая фотография толстяка на мотоцикле в форме инспектора на фоне Кавказских гор.

Толстяк открыл фанерный шкаф кутаисского производства, достал оттуда черный смокинг. Затем, посмотрев на Мераба, высунулся в окно.

— Малхаз! — заорал он.

— Что хочешь? — не отрываясь от игры, спросил курчавый молодой человек.

— Неси сюда свой смокинг!

— У меня нету.

— Тогда отдавай мою кровать!

Молодой человек с неохотой отложил домино и поднялся.

— Никакой совести у людей нет, — сказал толстяк. — Пять лет назад попросили у меня на неделю кровать. Карельская береза, антиквариат. Еле через таможеню протащил. Мы на ней не то что лежать — сидеть боялись. А этот негодяй уже пятого ребенка на ней делает. Дикари!

Грузия. Сигнахи. Аптека. Звонит телефон. Трубку берет Циала, жена Мераба.

— Циала, — раздался в трубке родной голос.

— Мераб, — заплакала Циала. — Ты где, Мераб?

— Слушай меня внимательно и молчи. Я — Яша.

— Кто? Почему?

— Так надо.

Тель-Авив. Ресторан. Мераб в белом смокинге с бабочкой, выбритый и причесанный, сидел с толстяком в кабинете хозяина. Мераб втолковывал жене, чтобы Инга и девочка срочно вылетали в Израиль, а Яша, который Мераб, сидел на месте, потому что двух Яш в Израиле быть не должно.

— Целую тебя, маленькая. Что тебе привезти?

Мераб повесил трубку.

— Почему в Израиле не должно быть двух Яш? — удивился толстяк. — Здесь каждый второй — Яша.

— Яша, думаешь, имя? — сказал Мераб.

— Бриллианты? — сверкнул глазами толстяк.

— Пианино, — сказал Мераб и подмигнул толстяку.

В большом алюминиево-зеркальном зале на четырехеста человек Тенгиз из Сухуми выдавал замуж дочь. Свадьба справлялась по высшему грузинско-израильскому классу. Шатер над женихом и невестой. Тамада в черкеске с отделанным серебром рогом. Танцоры в национальных костюмах и с кинжалами в зубах. Оркестр. Два торта, изображающих жениха и невесту в натуральную величину. Съёмочная группа: видеокамера на штативе с колесиками, режиссер, оператор и два осветителя. Толстяк и Мераб скромно стояли у стены.

— Что стоим? — спросил Мераб. — Давай сядем, покусшаем.

Толстяк ответил, что, если они сядут, хозяин их не заметит. А когда стоят, он подойдет и пригласит к столу. Вот тогда мы ему подарим рог от Альберта и отдадим землю.

— Какую землю? — заинтересовался мужчина в тубетейке, сидящий рядом за столиком.

Толстяк объяснил, что Мераб только что приехал и привез грузинскую землю.

— Покажи, — потребовал мужчина. Мераб достал из кармана целлофановый пакет с родной землей.

— Молодец! Дай я тебя поцелую, — мужчина, покачиваясь, поднялся с бокалом вина, потянулся к Мерабу, споткнулся и облил белый смокинг красным вином.

— Все! — схватился за голову толстяк. — Привет кровати!

Мужчина в тубетейке сказал, что всю жизнь прожил без смокинга и прекрасно себя чувствует. Он взял у Мераба пакет и понес к тамаде. По дороге он взял щепотку земли, поцеловал ее и высыпал в карман рубашки.

Тамада жестом остановил оркестр, пересыпал землю из целлофана в хрустальную вазу и поднял тост за

грузинскую землю, на которой две тысячи лет жили евреи, разделяя по-братски нелегкую судьбу Грузии, и где он, тамада, окончил консерваторию. И, поцеловав землю, он осушил рог за того человека, который так кстати привез ее к сегодняшнему торжеству.

Все посмотрели на Мераба. Мераб поклонился. Оператор в синем комбинезоне нацелил на него камеру, затем выглянул из-за нее и замер. Это был ближайший родственник Мераба в Израиле — Израиль Иосифович Бронштейн — дядя Изя.

Дядя Изя вырвал микрофон у тамады и закричал в него, что среди них находится подлец и шпион, который вчера вечером потребовал у него пять тысяч долларов за своего родного брата, которого вместе с семьей держат в подвалах грузинской разведки.

— Что вы врете? — возмутился Мераб. — Когда я у вас требовал? Я вас как родственника по-человечески попросил. И не пять, а три!

— Вы слышали?! — заорал Изя. — Убирайся вон отсюда, антисемит!

— Сам убирайся вон! — закричал Мераб. — Сионист!

Отец невесты, Тенгиз из Сухуми, огромный человек со шрамом на лице, подошел к Мерабу и сказал, что шпионы-мионы и разведки-мазведки его не волнуют, но мужчина, который продает своего брата, никогда не сидел и не будет сидеть за его столом. И порекомендовал Мерабу самому найти дверь и своими ногами уйти.

Мераб направился к двери.

Изя кричал ему вслед, что постыдный акт Мераба станет достоянием прессы, ООН и всего прогрессивного человечества.

— Господин фотограф, — Изю потянул за рукав успевший к нему пробраться толстяк. — Он чужой смокинг загубил. Двести долларов стоит.

— А я при чем? — возмутился Мераб.

— Как при чем? Он твой родственник!

Изя покачал головой.

— Почему вы, грузины, такие папуасы? — с горьким упреком сказал он. — Я защищаю права нашего народа, а ты с какими-то шмотками лезешь.

— Кто папуасы? — побагровев, спросил мужчина в тюбетейке. — Мы папуасы?

И он, выхватив у тамады вазу с родной землей, надел ее Изе на голову. К старику кинулся Изин режиссер с бутылкой, но невеста, вытянув из зубов одного из танцоров кинжал, преградила ему дорогу. Все вскочили и кинулись к месту происшествия.

— Иди отсюда, сынок, — сказала Мерабу старушка в черном. — Они без тебя разберутся.

Мераб сделал шаг, но в это время к нему подскочил Изин осветитель в ермолке и ударил Мераба по голове осветительным прибором.

Мераб с компрессом на голове лежал на больничной койке. Вошла медсестра и дала ему термометр. Мераб положил его под мышку. Сестра сказала ему что-то на иврите. Мераб не понял. Тогда сестра, открыв рот, засунула туда свой палец. Мераб не так понял и показал сестре глазами, что они здесь не одни. Та раздраженно выхватила у него из подмышки термометр, засунула ему в рот и ушла.

В щель между занавесками Мераб увидел, как врач под руку провел Изю с перебинтованной головой.

Мераб закрыл глаза. В это время кто-то нежно погладил его по щеке. Он открыл глаза. На него смотрели большие голубые глаза блондинки Джейн. Джейн улыбнулась.

— Если это сон, — сказал Мераб, — тогда не будите меня.

Они ехали в машине. Джейн сидела за рулем, а Мераб сидел рядом и своей чистящей пастой оттирал винные пятна на белом смокинге.

— А я все-таки купила украшение, — сказала Джейн, показывая ногу с надетым выше колена потемневшим обручем. — Как вы думаете, серебро?

— Сейчас проверим, — сказал Мераб.

Он взял платок, выдавил пасту и стал водить по украшению. На обруче проявилось серебро, а Мераб все гладил и гладил Джейн по ноге.

— Тарзан, — сказала она, — я за рулем.

— Я его держу, — ответил Мераб, придерживая руль одной рукой.

— Тарзан, для вас сейчас главное покой и холодный компресс, — улынулась Джейн.

Машина попетляла по каким-то узким переулочкам и остановилась у одного из домов.

— Вот мы и приехали, — сказала Джейн. Они поднялись по лестнице и вошли в квартиру. В квартире царил полумрак. Мераб обнял женщину и притянул ее к себе.

— Этим вы займетесь в Москве, — прозвучал мужской голос.

Зажегся свет. В креслах у столика сидели двое мужчин: японец и скандинав. Они поманили Мераба за собой и провели в ванную комнату. Там они открыли все краны, пустили воду, включили транзисторный приемник и, усевшись на край ванны, зашептали Мерабу с двух сторон, что они представляют разведку одной страны; их агент арестован в Москве, и они хотят обменять его на Мераба.

— Но я не агент, это Изя придумал, — возразил Мераб.

Мужчины дружно улыбнулись и зашептали еще быстрее, что заператься нет смысла, он давно засвечен израильской разведкой и самому ему выехать отсюда не удастся. А у них есть возможность переправить его в Женеву.

— А Джейн тоже поедет? — спросил Мераб, подумав.

— Джейн — это кто?

— Ну, девушка, с которой я пришел.

Мужчины ухмыльнулись:

— Она такая же Джейн, как вы — Яков Папашвили.

Аэропорт Тель-Авива. Из шикарной машины с дипломатическим флажком вышел высокий негр в сопровождении эффектной блондинки. Носильщик повез за ними гору роскошных чемоданов.

На таможенном контроле негр предъявил дипломатический паспорт.

— Будьте любезны, предъявите вещи на досмотр, — сказал таможенник.

— Я дипломат! Вы не имеете права! — возмутился негр.

— Я вас прошу: предъявите вещи на досмотр, — твердо повторил таможенник.

К дому Изи подъехал старенький грузовичок, в кузове которого сидели два парня в рабочих комбинезонах.

— Господин Бронштейн! — позвал один из парней.

На балкон вышла Изина мама.

— Его сейчас нет дома.

— Тут для него небольшой подарок.

Парни скинули с кузова на мостовую огромный чемодан, и грузовик уехал.

— Сеня! Сеня! — в ужасе завопила Изина мама.

Из двора напротив вышел коренастый старик в странной для израильской погоды одежде: в тулупе, валенках и меховой шапке-ушанке.

— Чего орешь? — спросил старик.

— Немедленно вызови саперов! Этот шпион подкинул нам бомбу! — закричала старуха.

Сеня сказал, что раз он здесь, никаких саперов вызывать не надо, ибо лучше его, Сени, в Израиле сапера нет. И велел Изиной маме укрыться, склонился над чемоданом. Что-то громко тикало. Сеня посмотрел на свою руку. На ней громко тикали большие часы Кировского завода. Сеня снял часы, положил их в карман и со всеми профессиональными предосторожностями открыл чемодан.

Там, скрючившись, лежал Мераб в белом смокинге.

— Живой? — спросил Сеня.

Мераб сел в чемодане, ошалело поглядел на Сеню и слабым голосом спросил:

— Где я?

— В чемодане, — ответил Сеня и громко позвал: — Самойловна!

Изина мама боязливо выглянула в окно.

— Танцуй, девка! Тебе жениха прислали, — сказал Сеня и пошел обратно во двор.

Мераб вылез из чемодана и потряс головой.

— Это вы? — робко спросила старуха.

— Кажется, я, — сказал Мераб и, покачиваясь, пошел прочь.

— Товарищ шпион! — окликнула его Изина мама.

Звонила ваша жена и просила с ней срочно связаться. Там в Грузии что-то произошло.

Мераб повернул к ее дому.

— Нет, нет, только не от нас. Звоните из своей консульской группы.

— Какой группы? Разве в Израиле есть советские?

— А то он не знает, — сказала старуха. — Они уже целый год сидят в финском посольстве.

Из-за угла, высунув язык, трусцой выбежал пес Геннавале.

Мераб с собакой быстро шли по улице, где расположились иностранные посольства. Человек, приковавший себя к ограде посольства США, все еще стоял там.

— Хорошо, я вас понял, — сказал молодой дипломат в затемненных очках сидящему напротив Мерабу. — Мы свяжемся с Москвой, там все проверят и пришлют ответ.

— Когда? — нервно спросил Мераб.

— Не знаю. Это не от меня зависит.

— А можно мне отсюда домой позвонить?

— К сожалению, нельзя. Мы здесь гости. Это посольство Финляндии. — Дипломат встал. — Извините, мне надо идти.

Вышли в коридор. Дипломат запер на ключ дверь комнаты и пошел к лифту.

— Нельзя мне здесь оставаться. Поймите! Они думают, что я — агент КГБ, — сказал Мераб.

Дипломат вызвал лифт.

— Они меня уже поймали на границе. Открыли чемодан, посмотрели и опять закрыли.

Дипломат вошел в лифт. Мераб тоже.

— Какая-то разведка меня хотела поменять, — сообщил он.

Дипломат вздохнул.

— Блондинку с негром задержали, а меня отпустили. Наверное, явки мои хотят выяснить.

Дипломат посмотрел на него и подумал: «Точно провокатор».

Вышли из лифта в подземный гараж. Дипломат пошел к своей машине.

— Товарищ консул, — попросил Мераб, — поменяйте меня на какого-нибудь израильского шпиона.

— Господин, я вам, кажется, ясно объяснил: мы здесь занимаемся советским имуществом. Имущее-

ством, и ничем больше! Всего хорошего! — Дипломат сел в машину.

— Нет, не всего хорошего!

Мераб вытащил из кармана наручники и быстро приковал себя к правой дверце его машины.

— Это мой протест! — заявил он. — Я буду здесь стоять, пока вы меня не отправите домой.

Дипломат достал из «бардачка» отвертку, вылез из машины, отвинтил правую дверцу и уехал.

А Мераб остался стоять с прикованной к руке дверцей. К нему подошел пес Генацвале, сел рядом и завыл.

Солнце палило нещадно. Мераб со своей дверцей и Генацвале шли по людной улице. Он увидел мастерскую по ремонту телевизоров и зашел внутрь.

— Вы не могли бы тут перепилить? — показал он мастеру наручники.

— Почему нет? — сказал мастер, привыкший ничему не удивляться.

Но, рассмотрев дверцу, спросил:

— «Бьюик-240»? Это что, машина русского консульства?

— Да.

— Пилите в другом месте. Я в политику не лезу.

В это время мимо мастерской прошли три солдата в израильской военной форме. Один из них был Боря Париж.

— Борух! — кинулся к нему Мераб.

— Шалом, — кивнул Боря, не останавливаясь.

Мераб с дверцей под мышкой пошел за ним.

— Поговорить надо.

Боря сделал рукой жест, означавший «уйди». И незаметно для спутников кинул на тротуар скомканную бумажку.

Мераб подобрал. Это была купюра в сто шекелей.

В харчевне, где на противне жарилось аппетитное мясо, Мераб попросил у хозяина разрешения позвонить в Советский Союз. Тот, оглядев человека в грязном белом смокинге с автомобильной дверцей в руках, попросил задаток. Мераб небрежно кинул на стойку сто шекелей и заказал мясо, кока-колу и напильник. Напильника у хозяина не было.

Мераб за столиком жадно глотал мясо и смотрел телевизор. Там показывали с субтитрами на иврите советскую картину про разведчиков — «Мертвый сезон». Шла сцена передачи шпионов на мосту.

Под столом хрумкал косточкой Генацвале.

— Господин, — позвал официант и указал Мерабу на телефонную будку.

Мераб вскочил, забыв о прикованной дверце. Стол с едой опрокинулся. Мераб извинился и втиснулся в будку.

Официант выгнал из-под стола собаку и стал наводить порядок.

Через минуту Мераб как ошпаренный выскочил из будки.

— Где тут ваше КГБ? — заорал он.

— Я думаю, вам надо обратиться в министерство эмиграции, — сказала ему девушка в очках и военной форме.

— Где оно?

— Два квартала отсюда и направо.

Мераб выскочил из харчевни.

— Господин, возьмите сдачу! — крикнул хозяин.

Мераб бежал по тротуару. Прикованная дверца с лязганьем волочилась за ним. Прохожие шарахались в стороны.

— Я не тот, за кого себя выдаю! Кому я должен сделать заявление? — закричал он, ворвавшись в вестибюль министерства.

— Кому хочешь, — ответил человек, читавший за столиком журнал.

— Вот я вам и заявляю!

— А мне это зачем знать? — человек снова уткнулся в журнал.

— Я думаю, вам надо к Абрамовичюсу, — сказала Мерабу женщина, которая несла папки. — Третий этаж.

Мераб побежал вверх по лестнице. Дверца от шикарной машины с грохотом скакала по ступенькам.

Абрамовичюс в комнате, где сидели еще две сотрудницы, заявил, что его не чешет: Яша Мераб или не Яша. А если он хочет уехать, пусть оплатит все расходы — и скатертью дорога.

Мераб заорал, что там, дома, отец увез Яшину дочку в горы и не отдаст ее, пока он, Мераб, не вернется домой! Что у отца ружье! А Яша сумасшедший! И они перестреляют друг друга!

Абрамовичюс сказал, что это его не чешет. Что у них и так слишком много проблем, чтобы еще заниматься семейными делами Мераба.

Мераб завопил, что его брат еврей! А Израиль должен заботиться о своих детях! И обязан обменять Мераба на его брата Яшу.

Абрамовичюс возразил, что сначала еще нужно доказать, что сам Мераб не еврей.

Тогда Мераб предложил Абрамовичюсу пройти с ним в туалет и убедиться.

На что тот ответил, что он, Абрамовичюс, ходит в туалет, когда это нужно ему, а не кому-то другому.

Тогда Мераб сказал, что можно любого спросить в Сигнахи: грузин он или нет?

Абрамовичюс ответил, что за свою маленькую зарплату он не обязан летать по всяким Сигнахам, где по горам бегают сумасшедшие с ружьями.

— Ну, хорошо, — устало сказал Мераб. — Напильник хотя бы у вас есть?..

Грузия. Заходящее солнце освещает снежные вершины гор и старинную башню, прилепившуюся к скале. В этой башне укрылись Вахтанг с внучкой. У подножия скалы две милицейские машины, офицер с мегафоном, милиционеры, Яша, Инга, Циала, крестьяне.

— Уважаемый Вахтанг, спускайтесь, — уговаривал в мегафон офицер. — Подумайте сами: депутат райсовета, заслуженный ветеринар республики, а какой пример людям показываете? Некрасиво!

В узком крепостном окошке появился Вахтанг с ружьем, а из-за его спины выглянула девочка и крикнула:

— Дедушка говорит, что если я уеду на Запад, то стану наркоманкой и проституткой. А здесь я стану чемпионкой и буду ездить по всему миру бесплатно!

Тель-Авив. Вечер. Безлюдная площадь перед автобусной станцией.

Мераб вошел в телефонную будку, огляделся по сторонам, достал из кармана проволочку, покопался в те

лефонном аппарате, и оттуда ему в руки посыпалась мелочь.

На станции Мераб внимательно осмотрел большую карту Израиля, висящую на стене. Затем подошел к окошку, протянул горсть мелочи и сказал:

— Один билет до Кирьят-Шмона.

Девушка улыбнулась:

— Это не деньги. Это телефонные жетоны. Вас кто-то обманул.

— А вы купите у меня жетоны, — улыбнулся в ответ Мераб.

— Зачем? У меня здесь телефон.

— Жалко, — вздохнул Мераб. — А когда будет автобус?

— Через два часа, — сказала девушка и закрыла окошко.

Мераб осмотрелся. Никого. Только вдалеке ползал по тротуару какой-то человек. Мераб подошел к нему.

— Господин, вам не нужны телефонные жетоны?

— На хрена они мне сдались! Мне звонить некому, — пробурчал человек. Это был старик Сеня. — Чего стоишь? Помоги очки найти.

Мераб поднял с земли очки и протянул их хозяину. Тот, нацепив очки, узнал Мераба.

— А, это ты, жених?

— Я, — сказал Мераб.

— Куда направляешься?

— Никуда, так, гуляю.

— Тогда пошли, выпьем по сто грамм, — сказал Сеня.

Они шли по набережной. Гуляли нарядные люди, в ярко освещенных ресторанах играла музыка, на асфальтовой площадке, несмотря на поздний час, продавались подержанные автомобили. Сеня рассказал, что приехал сюда к детям, но те перебрались в Америку. Звали его с собой, но он не поехал. Раз сказал, что едет сюда, значит, должен быть здесь. Нечего на старости лет как овечий хвост по свету мотаться. А во время войны Сеня был лучшим разведчиком в самом большом партизанском отряде Белоруссии.

Они пришли на улицу, где жил Изя. Окна Изинога дома были закрыты ставнями, к дверям была приклеена табличка с надписью: «Продается!»

— В Австралию улетел, — сказал Сеня, — Просил никому не говорить.

Во дворе напротив стоял большой автомобиль-рефрижератор. На нем тоже была табличка «Продается». Такая же табличка была приклеена к железным воротам склада, где работал Сеня. Оказалось, что Изя — это его хозяин.

Сеня ключом отпер железную дверь и завел Мераба в огромный холодильник, где вдоль стен на полках лежали замороженные овощи. Температура здесь была около минус двадцати. Но у Сени, привыкшего к белорусским морозам, была ностальгия по холоду.

Сеня надел тулуп, валенки и меховую шапку, а Мерабу дал ватник. Потом из старенького шкафчика достал бутылку водки и соленые огурцы. Выпили по стакану за знакомство. Мераб попробовал откусить огурец, но это был уже не огурец, а ледышка.

— Ты постучи по нему, — посоветовал Сеня.

И, взяв аккордеон, заиграл и запел песню времен Великой Отечественной войны. Мераб, впервые за все время, расслабился и почувствовал себя как дома.

— Дядя Сеня, — шепотом сказал он. — Я хочу убежать отсюда.

Сеня перестал играть.

— Куда? — спросил он.

— Домой, к жене... к отцу.

— Вот за это уважаю, — сказал Сеня. — Давай выпьем за твоего отца. — Они выпили еще по стакану. И Сени сказал, что бежать из Израиля вообще-то невозможно, но Мерабу повезло: он Сене нравится, а Сеня — лучший специалист по переходам границ. Во время войны у него было сто шестьдесят переходов в тыл врага.

— Молись богу, что меня встретил, — закончил Сеня. — Поехали.

— Подождите, дядя Сеня, — сказал Мераб. — Замной, наверное, следят. Они думают, что я — агент.

— Это они про всех думают. Но ты ни хрена никакой не агент. У меня глаз — алмаз! Жди здесь, — сказал Сеня и ушел.

Замерзший Мераб стал бегать по складу, припрыгивая. У дальней стенки он обнаружил прикноплен-

ную к стене фотографию, где Сеня был запечатлен в костюме и галстук с полной грудью боевых орденов.

Сеня вернулся со свертком одежды. Мераб снял смокинг и облачился в костюм религиозника: черная шляпа, черный шелковый халат, черные чулки. Смокинг он попросил Сеню отдать кому-нибудь из грузинских евреев, чтобы те вернули толстяку.

Сеня приклеил к щекам Мераба пейсы и изложил свой план: Мераб залезает под рефрижератор и там цепляется, а Сеня ведет машину. Когда выедут из города, Мераб пересядет в кабину. Доедут до места назначения, а там будут действовать по обстановке. Мерабу план не понравился:

— За что я там прицеплюсь? За кардан?

— Найдешь за что, — строго сказал Сеня. — И давай без пререканий. Командую операцией я!

Они выпили еще по стакану на дорожку, и Сеня, прихватив моток веревки и флягу, скомандовал: «Вперед!»

Вышли из склада. Сеня стал запирать дверь, а Мераб полез под рефрижератор.

— Стоп, — тихо сказал Сеня. — Иди сюда.

Мераб вылез из-под машины. Сеня шепнул, что тут околачивается какой-то подозрительный гусь, который Сене не нравится. Этот гусь мелькал еще на набережной.

— Будем брать, — решил Сеня. — Ты заходишь спереди и просишь прикурить, а я сзади его выключаю. Связываем — и в машину.

— Как выключаете? Чем?

— Вот тут за ухом точка есть, называется «укус языка». Тюкаешь в нее пальчиком — и клиент в нокауте... Действуй!

Полный мужчина в гаванской рубашке прикуривал у выхода из двора. Мераб подошел и попросил спички...

Синайская пустыня. Утро. Рефрижератор ехал по шоссе между барханами. Вел машину Сеня, а Мераб сидел рядом. Настроение у друзей было хорошее, и они в два голоса запели грузинскую песню «Сулико», которая в сороковых годах была всемирным шлягером.

Машина обогнала бедуина на ослике. Тот посмотрел ей вслед.

— Стоп! — Сеня резко затормозил. — Что-то и этот гусь мне не нравится.

— Чем не нравится? — пожал плечами Мераб. — Едет себе...

— Сынок, ты меня слушай. У меня глаз — алмаз, — сказал Сеня и приложился к фляге.

У бензоколонки они заправили бак и перекусили. Сеня налил в бумажный стаканчик из фляги и, крякнув, выпил.

— Дядя Сеня, может, хватит?

— Спокойно. Я свою дозу знаю.

Бензоколонщик покачал головой и, забрав со стола грязную посуду, скрылся на кухне.

Сеня посмотрел в сторону кухни тяжелым взглядом и сказал:

— Что-то этот гусь...

Дядя Сеня спал, откинувшись на сиденье. Мераб крутил руль и газовал, пытаясь вывести на асфальт застрявший в бархане рефрижератор. Колеса с визгом буксовали. Мераб снял шляпу, халат и, взяв из-под сиденья лопату, стал подкапывать под колесами песок.

Подъехали два полицейских на мотоциклах. Они посмотрели на человека с одной пейсой на щеке и попросили предъявить документы.

Мераб достал из заднего кармана брюк советские водительские права и, заискивающе улыбаясь, сказал:

— Не успел поменять, начальник.

Из рефрижератора донеслись стук и приглушенное мычание.

— Что там у вас? — спросил полицейский.

— Барашки, — махнул рукой Мераб.

Второй полицейский открыл дверь фургона. Там, на полу, с заткнутыми в рот яблоками, сидели связанные: полный человек в гавайской рубашке, бедуин, бензоколонщик и еще какие-то двое.

— Вах! — удивился Мераб. — А эти когда сюда залезли?

Первый полицейский вытащил из кабины Сеню.

— Что надо? — Сеня проснулся, глядя на них осоловелыми глазами.

— Ваши документы!

Сеня достал документы и отдал полицейскому. Тот полистал их и спросил:

— А этот человек кто?

— А хрен его знает! Я, видно, заснул. А этот гусь машину угнал, — сказал Сеня и сладко зевнул.

Синайская пустыня. Тюрьма. Мераба сфотографировали анфас и в профиль, сняли отпечатки пальцев, отобрали шнурки от ботинок и пояс и заперли в камере, где на железной койке сидел лысый жилистый мужчина в рваной майке. Мераб, поддерживая руками штаны, поздоровался с лысым и сел напротив. Тот бросил недобрый взгляд на соседа в обличье религиозного еврея и отвернулся.

— Жарко, — сказал Мераб. — Задохнуться можно.

— Все в руках аллаха, — сказал лысый. Мераб огляделся и, зафиксировав «глазок» в железной двери, нарочито громко сказал:

— Нет, дорогой, аллах ни при чем! Все в руках нашего праотца Авраама.

Лысый что-то выкрикнул на арабском языке и кинулся душить «сиониста». Его оттащили от Мераба ворвавшиеся надзиратели.

Мераба перевели в маленькую одноместную камеру. Он сидел на койке и разглядывал надписи на стене. Надписей было много. Мераб утомился и прилег на койку. Дверь тут же открылась, и надзиратель сказал, что днем лежать запрещено.

Заросший Мераб ложкой нацарапал на стене горы, домики и попытался изобразить коня. Конь не получался. Мераб отшвырнул ложку и забарабанил кулаками в дверь:

— Я шпион! Обменяйте меня на кого-нибудь!

Дверь неожиданно открылась, и надзиратель сказал:

— Пошли, дорогой.

Он провел Мераба по каменным коридорам и ввел в комнату, где за столом сидел полицейский офицер. Офицер долго разглядывал Мераба, потом хмуро сказал:

— Поскольку все потерпевшие забрали свои заявления о факте бандитского нападения и написали, что

никаких претензий к господину Папашвили не имеют, — вы свободны. Распишитесь.

У выхода из тюрьмы Мераба ждал его знакомый грузин-толстяк. Он обнял и расцеловал Мераба.

— Почему ты мне сразу не сказал, что ты Мераб? Это мы там были враги, — сказал толстяк. — Ты — шофер, я — инспектор. А здесь ты для меня земляк, родной человек!

Толстяк усадил Мераба в свою «Волгу», и они поехали.

— В шашки играть умеешь? — спросил толстяк.

— Не очень. А что?

— Тогда поедешь вторым тренером.

— Куда?

— В Москву! Тенгиз тебя в нашу сборную по шашкам устроил. Там чемпионат Европы начинается.

— Когда?

— Через неделю.

От волнения Мераб даже прослезился. Толстяк хлопал Мераба по плечу и положил ему в карман конверт:

— Тут тебе ребята немного собрали. Вот сволочь! Что он делает, паразит?!

Из-за бархана выскочил огромный рефрижератор и резко затормозил буквально в двух сантиметрах от радиатора «Волги».

Толстяк выскочил из машины и стал выкрикивать ругательства на иврите, русском и грузинском. Из кабины рефрижератора вылез партизан Сеня, не спеша подошел к толстяку и сказал:

— Дядя, оглянись. Верблюды на твой драндулет написали.

Толстяк повернул голову к своей машине, а Сеня молниеносным тычком указательных пальцев нанес ему свой знаменитый удар «укус языка». Толстяк рухнул.

— Не нравится мне этот гусь, — сказал Сеня Мерабу, который тоже вышел из машины. — Поехали, сынок. Раз Сеня сказал, что он тебя вывезет, — значит вывезет.

— Слушай, дорогой! — закричал Мераб. — Езжай своей дорогой! Я тебя не знаю и знать не хочу!

— И этот гусь мне не понравится, — сказал Сеня, глядя куда-то мимо Мераба.

Мераб посмотрел назад. Сеня ткнул его пальцами по точкам за ушами и втащил в машину.

Пограничный пункт. Пограничник проверил у Сени документы, заглянул в холодильник и поднял шлагбаум.

Иордания. Амман. По узким улочкам старого города бежал пес Генацвале. У чайханы он свернул во двор и забежал в сарай. Там, привалившись к стене, в бессознательном состоянии сидел Мераб. Генацвале подошел к нему и лизнул руку. Мераб очнулся и посмотрел по сторонам. Прямо перед ним на листе газеты лежало обручальное кольцо и записка.

Мераб встал, вышел на свет и прочитал: «Извини, тюкнул тебя сильнее, чем положено. Твои деньги я переложил в ботинок, под стельку. Уезжаю. В последнее время не люблю прощаться. Могу зареветь, как баба. Если судьба занесет тебя в Омск, положи это кольцо на могилу моей жены Индустрии Исааковны. Встретимся на том свете — там границ нет. Ни пуха, ни пера! Семен Клайн!»

Мераб бережно сложил записку. Вышел на улицу и спросил полицейского:

— Извините, это какая страна?

Амман. Тюрьма. Мераба фотографировали анфас и в профиль, сняли отпечатки пальцев, отобрали шнурки и пояс и провели в общую камеру.

— За что взяли? — спросил его одноглазый детина, когда Мераб присел на нары.

— Да ну их! — махнул рукой Мераб. — У них мозги совсем в зад ушли — я еврейский шпион! Да я сам оттуда еле ноги унес, пропади он пропадом!

— Кто? — спросил одноглазый детина.

— Да Израиль ихний!

Детина медленно поднялся. Рубашка распахнулась, и на его груди сверкнула шестиконечная звезда.

Мераба с распухшей губой и синяком под глазом перевели в другую камеру. Умудренный опытом Мераб сначала осмотрел обитателей камеры, потом, вычислив, что здесь сидят арабы, сказал:

— Салам алейкум, ребята!

В центре камеры мужчина в белом бурнусе играл в «скорлупки и шарик». Смысл игры незамысловат: надо угадать, под какой скорлупкой спрятан шарик.

Мужчина в белом бурнусе бросил на Мераба взгляд и, не прекращая игры, сказал:

— Привет, алим. — Это был Боря Париж.

— Борух! — обрадовался Мераб.

— Сам ты Борух! Я — Бори-Хасан-Али, — сказал Боря и, выложив перед собой скорлупки, спросил: — Где шарик?

Все показали пальцем на крайнюю скорлупку. Боря поднял ее — шарика там не было.

— Все. На сегодня хватит. — Боря сгреб мелочь, сел с Мерабом в углу и рассказал, что с ним произошло. Он устроился в израильскую армию поваром. Платили мало. Пришлось продать электронную кухню иорданцам. Кто-то донес. Его хотели расстрелять. Он бежал сюда. А здесь иорданцы кухню пережгли, потому что у них другое напряжение. А теперь обвиняют Борю, что он продал испорченную кухню, и грозят большим сроком.

— А тюрьма здесь намного хуже нашей, — сказал Боря. — Красного уголка нет, политзанятий нет. В общем, мотать отсюда надо, — закончил он. — Вернусь в Союз, выбью из Марика свои деньги — начну все сначала.

— А убежать отсюда можно? — спросил Мераб.

— Запросто. Я уже договорился. Двести долларов стоит. Вот собираю по мелочишке.

— Деньги у меня есть, — шепнул ему на ухо Мераб.

По синему морю плыл белоснежный пароход под турецким флагом. В ящике из-под швабр сидели Бори с Мерабом, наблюдая в щелочку, как на палубе две девушки в коротеньких юбках играли в теннис.

— Господи! — вздохнул Боря. — Что мы тут сидим? Ты посмотри, какие бабы гуляют. Гавайи!

— Может, они не одни гуляют, — сказал Мераб. — А вместе со СПИДом.

— Волков бояться — в лес не ходить, — махнул рукой Боря. — Ты бы с какой стал?

— Ни с какой. Я в теннис играть не умею.

Турция. Морской порт Стамбула. Пассажиры проходили через комнату паспортного контроля. Боря достал какой-то паспорт оранжевого цвета и предъявил пограничнику. Тот поставил штамп. Следующим с таким же паспортом прошел Мераб.

В это время к воротам порта бесшумно подкатил большой черный лимузин, точно такой же, какой мы видели в Вене и Тель-Авиве. Из лимузина вышел мулла, а из ворот порта вышли кардинал, патриарх и раввин. Представители четырех религий сели в машину, и она плавно отъехала.

Турция. По горной дороге ехал старенький автобус. В нем сидели крестьяне с курами и козами и Мераб с Борей, похудевшие и ободренные. Носатый турок в феске постучал по спине шофера и попросил остановиться. Тот нажал на тормоз. Турок жестом показал Мерабу с Борей, что надо выходить.

Они продирались сквозь густой кустарник. Вышли на поляну, и турок сел на землю.

— Отдохнем, — сказал он, тяжело дыша.

— Пошли, пошли! Потом отдохнешь, — сказал Мераб проводнику.

— Сначала деньги давайте.

— Деньги будут, когда до места доведешь, — сказал Боря.

— Где мы сейчас? — нервно спросил Мераб. — Покажи.

Турок поднял рубаху. На его груди и спине была выколота карта Турции.

— Здесь мы, — ткнул турок пальцем в место, где кончается спина.

Шел дождь.

— Все. Здесь уже сами дойдете, — сказал турок, когда они вышли к ручью.

— Где мы? — спросил Боря.

— Здесь, — приложил палец к пупку.

— А почему у тебя этого ручья нет? — подозрительно спросил Мераб.

— Ты что? — возмутился турок. — Я и так пять лет эту карту колол. Если такие ручьи наносить — двух пожизненных сроков не хватит.

— Ладно, — сказал Боря. — Держи, — и протянул ему две бумажки.

Идет мелкий дождь. Быстро несет мутную воду пограничная река. На той стороне пожелтевший лес. За лесом на склоне виднеется деревушка.

— Раздевайся, — сказал Боря Мерабу, скидывая одежду. — Чтобы видели, что мы без контрабанды.

Мераб, стоя в стороне, что-то тихо бормотал.

— Ты что бормочешь? — спросил Боря.

— Тогда от трех до семи лет заработал. И сейчас опять...

Мераб закрыл глаза.

— Все обойдется, алим! Ты со мной, а я везучий. Ну, пошли, пока кто-нибудь в нас не пальнул.

Боря вошел в реку, быстро перешел ее вброд и, махнув с того берега рукой Мерабу, скрылся за деревьями. Раздался короткий вскрик. И тишина...

— Боря, — тихо позвал Мераб.

Тишина.

Мераб раздевается до трусов и заходит в реку, держа руки над головой. В одной руке у него Сенино кольцо, в другой — крышка от трамблера. Мераб доходит до середины реки и зовет:

— Пограничник!..

С той стороны глухая тишина. Только мелкий дождик стучит по воде, по траве, по листве деревьев...

Мераб медленно бредет к берегу.

— Пограничник, браток, не стреляй! Дай хоть ногой на свою землю ступить! — просит он.

Алицо у него совсем мокрое. И не поймешь: то ли это дождь, то ли слезы.

Грузия. Пограничная застава. У Мераба отобрали крышку от трамблера, кольцо, пояс, шнурки от ботинок и заперли в комнате с решеткой на окне. Послышался лай собаки.

— Генацвале, — улыбнулся Мераб и подошел к окну.

На кирпичной дорожке — овчарка со своим щенком.

К погранзаставе подъехали черная «Волга» и «газик».

Из «Волги» вышли мужчина в штатском, из «газика» — майор пограничных войск.

— Где? — спросил майор часового.

— В третьей, товарищ майор, — вытянувшись, ответил часовой.

Майор с почтением пропустил в дверь человека в штатском и прошел следом.

Часовой отпер дверь. Человек в штатском вошел внутрь и закрыл за собой дверь. В комнате на табуретке сидел Боря Париж. Увидев гостя, Боря поднялся с табурета.

— С благополучным возвращением, Борис Сергеевич, — сказал человек.

— Здорово, подполковник, — улыбнулся Боря.

Они крепко обнялись.

Самолет приземлился в аэропорту города Тбилиси. Мераб, расталкивая пассажиров, продирался к выходу.

— Как папуасы! — возмущалась стюардесса. — Пассажир, вы что, глухой? Вам же сказали: сидеть до полной остановки.

— Хватит, — огрызнулся Мераб. — Я уже насиделся.

Он первым сбежал по трапу и, не дожидаясь автобуса, побежал по летному полю к чугунной решетке, за которой толпились встречающие.

Выбежал на площадь. Там, возле такси, стояли отец, Яша и парень с гитарой. Мераб медленно подошел к ним, помялся и достал из пакета бутылку шампанского.

— Вот, принес, — робко сказал он. Отец выхватил у него бутылку и что было сил шмякнул ее об асфальт. Во все стороны полетели осколки и брызги шампанского. Парень с гитарой ударил по струнам, запел песню, красивую и нежную.

Яша взял второй голос. Мераб помялся, поглядывая на отца. И тоже запел. И мрачный отец не выдержал и взял на себя басовую партию...

А по летному полю ехал автокар с багажом, и на самом верхнем чемодане стоял пес Генацвале.

— Граждане пассажиры! — раздалось сверху из динамика.

Все, кто был на площади, остановились и подняли головы вверх.

— Уважаемые зрители! Доводим до вашего сведения, что жена Мераба — Циала фиктивно вышла замуж и уехала в Израиль в поисках мужа. Спасибо за внимание!

Генацвале поднял голову в небо и завыл на высокой ноте. И с этой ноты начнется мелодия, под которую пойдут титры фильма... и зрители из зала.

1988 г.

Моя кошерная леди

(Мюзикл в двух действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАРК ХИГМАН — врач, как и многие евреи.
ЛИЗА ДУЛИТОВА — нормальная русская девушка.
МАДАМ ХИГМАН — а идише мама Марка Хигмана.
ПАША ДУЛИТОВ — отец Лизы, бомж-интеллигент.
РЕБ ПИККЕР — начинающий раввин.
БЕНЯ ФУРМАН — бывший актер бывшего еврейского театра.
ЗИНА — задушевная подруга Лизы.
ТРИ ХАСИДА — очень религиозные евреи.
ТРИ ЛЮБИТЕЛЯ ПИВА — алкоголики-профессионалы.
ДВЕ ЖЕНЩИНЫ НА БУЛЬВАРЕ — традиционные противницы семитов.

Действие пьесы происходит в наши дни в нашем городе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Голос в темноте: «Дышите... Не дышите... Еще раз... Глубже». Зажигается свет. Квартира Марка Хигмана. По стенам висят картины Шагала, Сутина, Альтмана. В центре — картина Малевича: смеющаяся баба в красном сарафане. Сам доктор слушает стетоскопом молодого бородатого человека в трусах и майке.

МАРК. Ну что ж, все ясно. Можете одеваться...

Молодой человек заходит за ширму и начинает одеваться.

Вообще, ничего страшного я не вижу. Есть некоторая аритмия, но в вашем возрасте это бывает.

ГОЛОС. В моем? Вы что, шутите?

МАРК. И не думаю! Именно в вашем. Очевидно, небольшое переутомление. Ну, и потом, весна, волнение в крови. Вон сколько на улицах русских красавиц!..

Молодой человек выходит из-за ширмы. Он уже одет, как раввин: в черном костюме, талесе под пиджаком и черной шляпе.

ПИККЕР. Марк Моисеевич, какие русские красавицы? По-вашему, я могу до них дотрагиваться?

МАРК. А что? Вы же, слава богу, не римский папа? Обет безбрачия не давали?

ПИККЕР. Безбрачия!.. Может, нам еще жениться на гойках?

МАРК. Насчет вас сомневаюсь, а что до нас, простых смертных, то почему бы и нет?

ПИККЕР. Вы меня поражаете! Мы же такой маленький народ! Если мы начнем заключать браки с другими нациями — мы вообще среди них растворимся. Или вы думаете, что между ними и нами нет разницы?

МАРК. Разница, конечно, есть, кто спорит? Просто я не люблю, когда начинают обобщать: евреи — умные, французы — легкомысленные, турки — коварные... Все это чушь! Народ состоит из людей, а люди всегда разные.

ПИККЕР. Согласен! И все же евреи действительно очень умный народ. Пример тому — сотни ученых, академиков, профессоров...

МАРК. А зато сколько среди нас идиотов? Полным-полно!.. Так что: будем считать идиотизм еврейской чертой или отдадим его другим нациям? Например, чукчам?

ПИККЕР. Мы можем спорить до утра, но я знаю твердо: вот как вы можете отличить врача от знахаря, так и и еврейку от нееврейки могу отличить за тысячу шагов.

МАРК. А я вам на это так скажу: вот я возьму на воспитание любую русскую девушку, и через три месяца с ней никто не отличит от еврейки.

ПИККЕР. Доктор Хигман, я вас умоляю — не говорите вздор!

МАРК. Извините, реб Пиккер, но это вы говорите вздор!

ПИККЕР. Я говорю вздор?! Ну, знаете...

ДУЭТ ПИККЕРА И ХИГМАНА

ПИККЕР.

Я, может, спорить не умею,
Но твердо знаю лишь одно:
Еврей останется евреем,
Одень его хоть в кимоно.
Пускай он бороду побреет,
Пусть ест свинину круглый год,
Но если он рожден евреем,
То значит, Тора, значит, Тора в нем живет.
Кубинцы и малайцы,
Французы и китайцы,
Тот желтый, этот черный,
А тот еще черней.
Но все равно, а ида
Повсюду сразу видно —
Еврей, он даже в Африке
Еврей!

МАРК.

Мы все рассеяны по свету
Уже почти две тыщи лет,
И так смешались все приметы,
Что очень трудно дать ответ.
Курчавый волос у еврея,
Но негр еще курчавей нас,
У итальянца нос крупнее,
А у индуса так же скорбно смотрит глаз.
Кубинцы и малайцы,
Французы и китайцы,
Тот белый, этот черный,
А этот с желтизной.
Но русского с евреем
Кто различить сумеет?
А гой, он даже в Африке
А гой!

ПИККЕР.

Кто был рожден еврейской мамой,
Тот от рождения еврей.

МАРК.

Хоть папа был тибетским ламой,
Был эскимос или пигмей.

ПИККЕР.

Мы не работаем в субботу —
И это к Богу верный путь.

МАРК.

Ну, что касается работы,
Еврей не прочь и в воскресенье отдохнуть.

ВМЕСТЕ.

Кубинцы и малайцы,
Французы и китайцы,
Тот белый, этот черный,
А этот с желтизной.

ПИККЕР.

Но все ж в конечном счете
Еврей всегда в почете —
А ид, он даже в Африке,
А ид, он даже в Африке.

МАРК.

А ид, он даже в Африке — а гой!

ПИККЕР. Ну все, с меня хватит! Я предлагаю пари, немедленно, сейчас же! Мы с вами идем в город, я указываю на девушку, и вы за три месяца делаете ее еврейкой.

МАРК. Что вы понимаете под этим словом?

ЛИНКЕР. Все! Чтоб она знала наши обычаи, говорила на идиш, готовила нашу еду, пела, танцевала... Словом, чтоб это была настоящая а идише мейдале.

МАРК. Да вы такую сейчас среди евреек не найдете!

ПИККЕР. Тем почетнее ваша задача.

МАРК. А кто будет судьей в нашем споре?

ПИККЕР. Совершенно беспристрастные люди. Ровно через три месяца сюда должна приехать из Америки делегация хасидов. Вот они нас и рассудят.

МАРК. Ну что ж, согласен. Это даже забавно. А на что спорим?

ПИККЕР. На нашу синагогу выделили две потрясающие путевки в Израиль. Месяц по стране, с экскурсии

ми, прекрасными гостиницами. Словом, если вы совершите этот подвиг, то путевки ваши. Думаю, никто в синагоге не будет возражать. Можете ехать с вашей новой еврейкой.

МАРК. Допустим... А что поставлю я? Ведь я — человек небогатый.

ПИККЕР. Ну уж! У вас тут просто Третьяковская галерея.

МАРК. Спасибо. Жаль, что мой папа этого не слышит. Это ведь все его работы: копии с картин еврейских художников.

ПИККЕР. Еврейских? Малявин, по-вашему, еврейский художник?

МАРК. Нет, конечно, но это и не копия. Это единственный здесь оригинал.

ПИККЕР. Вот вы его и поставьте в споре.

МАРК. Шутите? Это моя любимая картина. Я с ней в жизни не расстанусь.

ПИККЕР. А зачем расставаться? Вы же уверены, что выиграете?

МАРК. Конечно, выиграю. Вопросы нет.

ПИККЕР. Так чего же вы испугались?

МАРК. Я и не думал пугаться.

ПИККЕР. Тогда по рукам?

МАРК (*после паузы*). По рукам!

Ударяют по рукам и под тему из музыкального дуэта покидают дом Хигмана.

КАРТИНА ВТОРАЯ

На авансцене Марк и реб Пиккер.

МАРК. Послушайте, ребе, это, в конце концов, смешно. Мы уже два часа мотаемся по городу и не можем ничего выбрать. Одна вам не подходит по возрасту, другая — по походке, третья — по внешнему виду...

ПИККЕР. Ша, доктор, не волнуйтесь! Вы же сами знаете, как это вредно.

МАРК. Но уж остановитесь на ком-нибудь! Мы же с вами не невесту выбираем. И, слава богу, не нового президента. Можете объяснить, что вы ищете?

ПИККЕР. Я просто опасаюсь, чтоб у девушки не оказалось еврейских корней. Вам будет слишком легко выиграть спор.

МАРК. Тогда чем вам не подошла та девушка, дорожная работница?

ПИККЕР. Это какая? Напомните...

МАРК. Ну та, в оранжевой куртке, с полными носилками камней. Надеюсь, ее вы не приняли за еврейку?.. Еврейская женщина если носит камни, то только в ушах.

ПИККЕР. Необязательно. Моя тетя Рухл всю жизнь носила камни в желчном пузыре. Причем такие, что ваши коллеги хватались за голову.

МАРК. Лучше бы они хватались за желчный пузырь. Но хорошо, оставим камни в покое. А та женщина, милиционер на перекрестке? Тут уж, по-моему, нет сомнений, что не еврейка.

ПИККЕР. Простите, вы когда-нибудь были женаты?

МАРК. Нет, а что?

ПИККЕР. Ничего. Просто вы бы знали, что хорошая еврейская жена регулирует все ваши движения.

МАРК. Слушайте, я понимаю, почему вы стали раввином: у вас на все есть ответ. Но я вас умоляю: выберите уже что-нибудь! Вот вам — полно людей (*показывает в зал*). Посмотрите, вон та, например... Или нет, лучше вот эта, в зеленом платье. Прекрасная русская женщина! Давайте я из нее буду делать еврейку.

ПИККЕР. Ой, не смешите меня! Посмотрите на ее спутника. Она же сама из него сделала еврея. А до него, возможно, он был нормальным человеком. Давайте уж как договорились: кандидатуру подбираю я, но такую, чтоб это было а михае!

МАРК. Ладно, ищите! У меня уже нет никаких сил.

ПИККЕР. Давайте сделаем паузу. Тут за углом, помнится, всегда была бочка с пивом. Не возражаете — по кружечке?

МАРК. С наслаждением. Я только сбегая за сигаретками, а вы занимаете очередь. (*Убегает.*)

Бочка с пивом. В неподвижной позе застыли трое завсегдатаев с кружками. Пиккер подходит и становится за ними.

ПРОДАВЩИЦА (в замызганном белом халате). Эй, эй, куда стал? Я же ясно сказала: больше очередь не занимать.

ПИККЕР. А что, пиво кончается?

ПРОДАВЩИЦА. Терпение кончается! Я живой человек иль нет? Положен мне обеденный перерыв?

ПИККЕР. Но пару кружечек, а? В порядке исключения...

ПРОДАВЩИЦА. Что, небось, труба горит?.. Меньше надо за бороду закладывать! Вам что рождение, что поминки... Алкаши! (Машет, отворачивается.)

МАРК (появляясь). Ну, где наше пиво?

ПИККЕР. Пива нет, но мне кажется, я нашел кое-что получше. (Кивает на продавщицу.)

МАРК. Что, эта?!

ПИККЕР. А почему бы нет? По-моему, прекрасный экземпляр. Это будет первая еврейка, родившаяся из пивной пены.

МАРК. Ой, ребе, ну вы тот еще перчик!.. Ладно, спор есть спор. Попробую... (Подходит к продавщице.) Девушка, можно вас на минутку?

ПРОДАВЩИЦА. А вы успеете? (Поднимает голову от кружки и застывает. Звучит музыка—лейтмотив спектакля.)

МАРК. А что вы на меня так смотрите?

ПРОДАВЩИЦА (восторженно). Лицо ваше знакомо. Вы случайно не артист?

МАРК. Случайно нет. Я — врач, доктор медицинских наук, можно просто Марк.

Продавщица вытирает руку фартуком, подает.

ЛИЗА. Лизавета Павловна.

МАРК. А скажите, Лизавета Павловна, если, конечно, не секрет: хорошо вы здесь зарабатываете?

ЛИЗА. Ой, вы и скажете! Что я здесь зарабатываю? Слезы! Солидный клиент теперь импортное пиво пьет. А куда одни ханыги ходят.

МАРК. Вроде меня?

ЛИЗА. Что вы, я не про то... Хотите, кружечку налью?

МАРК. Нет-нет, спасибо.

ЛИЗА. Ну, товарищу вашему?

МАРК. Да он, видите, газетой увлекся. *(Показывает на Пиккера, сидящего на лавочке с газетой.)*

ЛИЗА *(приглядываясь)*. А чего это он ее не с той стороны читает?

МАРК. Так это же еврейская газета. Там все справа налево.

ЛИЗА. Надо же! Вот народ: все не как у людей.

МАРК. Это точно. Ненормальный народ. Кстати, у меня к вам и предложение ненормальное: идите ко мне работать. Много не обещаю, но в обиде не останетесь.

ЛИЗА. А чего я делать-то буду?

МАРК. Ничего особенного. Тут ко мне дядя приехал из Израйля. Он у меня старенький, инвалид. Хотя еще довольно бодрый. Надо его покормить, напоить, гулять вывезти. Конечно, и я помогу. Я ведь доктор.

ЛИЗА. А че это вы ко мне?

МАРК. Сам не знаю. Лицо ваше понравилось. Доброе.

ЛИЗА. Правда? Это я сейчас еще похужела, рядом с пропойцами этими.

МАРК. О! Как раз и от них отдохнете. Вот вам моя визитка, завтра с утра звоните.

ЛИЗА. А когда позвонить?

МАРК. Да хоть в восемь. Я рано встаю.

ЛИЗА. А жена ваша не заругается, что я так рано?

МАРК. Нет у меня никакой жены. Звоните спокойно.

ЛИЗА. А чего звонить? Я могу прямо приехать.

МАРК. Еще лучше! Прямо с утречка и приезжайте. Буду ждать. До свидания, Лизавета Павловна.

ЛИЗА. До свидания *(смотрит в визитку)*, Марк Моисеевич. *(Марк берет под руку Пиккера, уходят.)* Моисеевич... Красиво!

ПЕСНЯ ЛИЗЫ И ХОРА ПЬЯНИЦ

ЛИЗА.

Что со мною приключилось?

Что со мной произошло?

Словно солнце появилось

И за тучку вдруг зашло.

ХОР.

Эти речи, Лизавета,

Нашей девке не к лицу.

Призы? И это все мне?

Надежно прикрыт со всех сторон

Первое публичное выступление с другом и соавтором
Александром Курляндским

На отдыхе с актером и режиссером
Александром Левенбуком

«Друзи мои нежные...»

С Л.Максаковой, Л.Голубкиной, А.Мироновым и Люсей
в парижском ресторанчике

С другом Геной на море

С Геннадием Викторовичем Хазановым за работой

Ну, как не посмеяться с Людмилой Максаковой...

...или с Павлом Чухраем

В гостях у Евгения Петросяна. Последнее выступление
Аркадия Хайта на телевидении

Сын Алексей Аркадьевич и дочь Екатерина Аркадьевна
с Александром Иосифовичем Хайтом.

Москва, 22 февраля 2004 г.

Навсегда вместе

Лучше с русским есть котлету,
Чем с евреем есть мацу!

ЛИЗА.

У меня с людьми такими
Не бывало в жизни встреч.
И глаза у них другие,
И совсем другая речь.

ХОР.

Эти люди, Лизавета,
До добра не доведут:
Иль сживут тебя со света,
Иль в Израиль продадут.

ЛИЗА.

Знает только ветер в мае
Или мудрая луна,
Для чего же я такая
Этим людям вдруг нужна?

ХОР.

Лизавета, Лизавета!
Ну их, право, к богу в рай!
Плюнь на это, плюнь на это —
Лучше пиво наливай!
Плюнь на это, плюнь на это —
И полнее наливай!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Квартира Хигмана. За дверью слышны голоса.
Входят Марк и Лиза.

МАРК. Ну вот, Лизанька, а это наша гостиная.

ЛИЗА. Мать моя родная! А картин-то, картин — сдохнуть можно!

МАРК. Что, нравится?

ЛИЗА. Ага! Особенно вот эта. Случайно, не вы рисовали?

МАРК. Нет, к сожалению. Шагал.

ЛИЗА. Куда это?

МАРК. Чего куда?

ЛИЗА. Куда шагал-то?

МАРК. Нет, вы не поняли. Это фамилия художника — Шагал. Тут его много. Вот, например, и вот. А это Сутин, Альтман. Все знаменитые художники.

ЛИЗА. Они что, все у вас лечились?

МАРК. Нет, Лиза, они лечились у других врачей.

ЛИЗА. А это кто? *(Показывает на картину Малявина.)*

МАРК. Это моя любимая женщина. Каждый день перед ней стою.

ЛИЗА *(ревниво)*. А что в ней такого? Подумаешь! У моей тетки в деревне таких хоть пруд пруди!

МАРК. Хорошая деревня! Надо будет как-нибудь съездить. Но давайте к делу. Значит, главная ваша забота — это дядя.

ЛИЗА. Подумаешь, забота! Что я, дядей никогда не видела.

МАРК. Но не забывайте, что он инвалид.

ЛИЗА. Ну? Что я, инвалидов никогда не видела.

МАРК. Тут другая трудность. Понимаете, он уехал отсюда ребенком и совершенно не знает русского языка.

ЛИЗА. Совсем?

МАРК. Ни словечка.

ЛИЗА. Здэрасьте вам! Что же я с ним, по-еврейски, что ли, трекать буду?

МАРК. Да, кое-что на идиш выучить придется. Но вы не пугайтесь, я же вижу: вы — очень способный человек.

ЛИЗА. Да ладно вам!..

МАРК. Честно, у вас обязательно получится. Вы в школе какой язык учили?

ЛИЗА. Английский, а что?

МАРК. Ну-ка, скажите что-нибудь по-английски.

ЛИЗА. Дыс ыз э тайбл.

МАРК. Ну?.. А говорите — нет способностей. Да вы этот еврейский за неделю освоите. Тем более что дядя вам наверняка понравится. *(Кричит по-еврейски.)* Онкель, ком цу мир, гихер!

Дверь открывается, на инвалидной коляске въезжает дядя в кипе.

Вот, прошу любить и жаловать! Поговорите, пообщайтесь, а мне еще поработать надо. Если что — я в кабинете. *(Уходит.)*

ЛИЗА *(обходит вокруг кресла)*. Интересно... До старости, значит, дожил, а по-нашему ни бельмеса.

ДЯДЯ. Вус? Вус редст ду?

ЛИЗА. Ну, язык... Врагу не пожелаешь...

ДЯДЯ. Вус? Их ферштее нихт!

ЛИЗА. Я говорю — давайте знакомиться. Гут?.. Вот я, например, Лизавета. Понятно? Ли-за.

ДЯДЯ. Ли-за.

ЛИЗА. О, молодец! А вас как зовут?.. Тупой... Зовут тебя как?

ДЯДЯ. Их? Их бин Беня.

ЛИЗА. Беня?.. Понятно. Значит, ты — дядя Беня. По-нашему, анкл Бэня. Давай дальше разбираться. Вот, к примеру, анкл Беня захотел кушать. Ням-ням... Это как по-вашему?

ДЯДЯ. Эсен.

ЛИЗА. Хорошо... А пить? Буль-буль?

ДЯДЯ. Тринкен.

ЛИЗА. А в постель как? Спать?

ДЯДЯ. Шляфен.

ЛИЗА. О, сразу понял. Все вы, мужики, одинаковые. Эсен, тринкен, а потом сразу в койку.

ДЯДЯ. Вус редст ду? Редст аф идиш.

ЛИЗА. Погоди, разлетелся. Я ж пока еще не полная еврейка, частичная. Хотя, я вижу, с тобой пару дней общаешься, сразу по-вашему запоешь. Кстати, а как будет петь?.. Ну, ля-ля!..

ДЯДЯ. А-а, зинген.

ЛИЗА. А плясать? *(Проходится руки в боки.)*

ДЯДЯ. Танцен.

ЛИЗА. Пошло дело: зинген, танцен, обжиманцен! Хороший язык, мне нравится! Кстати, анкл Беня, кушать тебе не пора? Эсен, эсен, желаете?

ДЯДЯ. Е, их хоб шен хунгер.

ЛИЗА. Тогда поглядим, что у нас в холодильнике *(заглядывает внутрь)*. Мать честная, тут столько продуктов — всю синагогу можно накормить! *(Возвращается с тарелкой.)* Во, гляди: творожок со сметаной, ветчины кусочек...

ДЯДЯ. Нейн, нейн! Мильх мит флейш? Цузамен?

ЛИЗА. Погоди, не ори! Объясни толком, чего ты хочешь?

ДЯДЯ *(тычет в ветчину)*. Хозер! Дас ист нихт кошер! Нихт кошер!

ЛИЗА. Вот это — кошке? А у нее не слипнется?

ДЯДЯ. Кошер! Их есе нур кошер!

ЛИЗА. Опять за свое! Марк Моисеевич, выйдите на минутку!

МАРК *(вбегая)*. Что? Что случилось?

ЛИЗА. Да не понимаю я, чего он базарит?

МАРК. Онкель; вус ис гетрофен? *(Дядя объясняет на идиш.)* Их ферштее. Вильст ду эсен ин дер кюхе? Гут. *(Вывозит дядю вместе с тарелкой, возвращается.)*

Лиза, вы, конечно, не обязаны говорить по-еврейски, тем более сразу. Но, ради бога, по-русски вы можете говорить нормально?

ЛИЗА. А чего я сказала?

МАРК. Да вы за сегодня уже много чего сказали: базарит, трекает, торчу, баксы... Это, по-вашему, русский язык?

ЛИЗА. А че? И по телевизору все так говорят.

МАРК. В этом-то все наше несчастье, что у нас хамство преподают по телевидению!.. А что касается дяди, то он не хотел есть вместе сметану и ветчину, тем более что это была свинина.

ЛИЗА. А почему вместе нельзя?

МАРК. Еврейская религия запрещает смешивать мясное с молочным.

ЛИЗА. А пиво с водой?

МАРК. Про это ничего не сказано.

ЛИЗА. Порядок! Эта религия мне годится.

МАРК *(смеется)*. Ладно, отдыхайте, мне уже на работу пора.

ЛИЗА. Марк Моисеевич, я только спросить хотела, про картину. Чего это они все летают?

МАРК. Ой, долго объяснять... Ну, в двух словах. Понимаете, Лиза, это местечко, где евреев когда-то заставляли жить. Грязное, жалкое, убогое... И вот среди этой нищеты появляется художник, который видит все, как ребенок: мир, где коровы летают по небу, скрипачи играют на крышах... Я понятно говорю?

ЛИЗА. Ага! Вот только что это за собачьи конурки?

МАРК. Это дома, Лизанька, дома, в которых жили евреи.

ЛИЗА. Евреи? В таких домах?!

МАРК. Конечно! Почему-то все думают, что евреи жутко богатые. А они жили в страшной нищете. Одна селед

ка — на всю семью. Нет, конечно, были в России и очень богатые евреи: барон Гинцбург, Бродский, Высоцкий...

ЛИЗА. Володя Высоцкий? Он что, тоже еврей?

МАРК. В данном случае я говорил о другом Высоцком — фабриканте чая. А у Владимира Высоцкого отец действительно еврей, а мама русская. Так что по еврейским законам его нельзя считать евреем. У нас национальность считается по матери.

ЛИЗА. А вот я еще хотела...

МАРК. Лиза, все! Мне уже на работу пора.

ЛИЗА. Ну, пожалуйста! Только одна вещь, очень важная. Вы послушайте...

ПЕСНЯ О БАБУШКАХ

ЛИЗА.

Я евреев знаю мало,
Очень редко их встречала,
Но про них слыхала в детстве
Разговор такой:
Если сильно я шалила,
То мне бабка говорила:
«Вот смотри — придут евреи,
Заберут тебя с собой!»
Ах, бабушка Варвара
Любила постараться.
И сделала немало
Для дружбы разных наций.

МАРК.

Мы, как видно, в нашем детстве
С вами жили по соседству,
И меня пугала тоже
Бабушка порой:
«Если будешь плохо кушать
И родителей не слушать,
То смотри — придут цыгане,
Заберут тебя с собой!»
Ах, бабушка Ревекка
Учила нас бояться,
Готовя человека,
Для дружбы разных наций.

ВМЕСТЕ.

В детстве мы слышали часто,
Что страна у нас прекрасна,
Что живем мы все единой,
Дружною семьей.
Но когда детей пугали,
Неприменно обещали:
«Вот смотри — придут армяне,
Немцы, греки, молдаване,
И, конечно, в наказание
Заберут тебя с собой!»
Ах, бабушки-старушки!
В младенческие годы
Готовили нас дружно
Для счастья всех народов!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Квартира Хигмана. Лиза сидит с балалайкой и, заглядывая в
бумажку, разучивает текст песни.

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей мой либеньке идет.
Ты поштейт, поштейт, красавица моя,
Дай мне наглядеться, нахэс, на тебя!

Звонок. Лиза подбегает к двери, открывает. На пороге стоит но
тертый мужчина: не бомж, не алкаш, хотя есть в нем что-то и
от того, и от другого.

ЛИЗА (*отступая*). Ты?! Ты чего чего сюда приперся?
Тебя кто звал?

МУЖЧИНА. Не стыдно?.. С родным отцом, с любимым
папашей?.. Я же, грубо говоря, все глаза проплакал, все
ноги в кровь отер, пока тебя искал.

ЛИЗА. Ладно, кончай бодягу! Уходи, пока Марк Моисе
евич не вышел.

ДУЛИТОВ. А может, я как раз к нему? Лично к доктору
кардиологу Хигману Эм. Эм.?

ЛИЗА. Чего тебе от него надо?

ДУЛИТОВ. А может, у меня сердце болит, что дочь отняли? Болит мое сердце всю ночь напролет. И стонет, и плачет, и бьется о борт корабля!..

МАРК *(в дверях)*. Вот это нехорошо. Сердце болеть не должно. Тем более плакать и стонать.

ДУЛИТОВ. Уважаемый! Как же ему не плакать, когда единственную дочь, можно сказать, среди бела дня евреи приватизировали?

ЛИЗА. Марк Моисеевич, да гоните ж его в шею! Это же известный аферюга, папашка мой!

МАРК. Лиза, Лиза, спокойней...

ДУЛИТОВ. Слыхали, доктор?.. Небось еврейская девушка своего папашу аферюгой не назовет.

ЛИЗА. А еврейскую девушку папаша в детстве бросит? А матери ее жизнь искалечит? Ну, чего уставился? Козел!

МАРК. Лиза! Я вас очень прошу — оставьте нас на пару минут. Мы с вашим отцом сами разберемся.

ЛИЗА. Пожалуйста!.. Только смотрите, чтоб он у вас ложки серебряные не свистнул.

МАРК. Не волнуйтесь, не свистнет. Тем более что они у меня мельхиоровые. *(Лиза гордо покидает комнату, громко хлопнув дверью.)*

ДУЛИТОВ. Что скажете, доктор?.. И это наше молодое поколение, смена наша, надежда... Господи, что будет с Россией, просто страшно подумать!

МАРК. А вы не думайте.

ДУЛИТОВ. О чем?

МАРК. О России. Она как-нибудь и без вас справится. И, вообще, уважаемый... Простите, ваше имя-отчество?..

ДУЛИТОВ. С утра Пал Макарычем звали.

МАРК. Так вот, уважаемый Пал Макарыч! Оставим лирику и поговорим конкретно. Вам что от меня нужно?

ДУЛИТОВ. А вы не понимаете?

МАРК. Пока нет.

ДУЛИТОВ. Интересное дело! Увели у человека единственную дочь, лишили, можно сказать, последнего источника существования. Да так даже варвары не поступают. А ведь вы, евреи, культурный народ. Можно сказать, лучшие умы человечества: Спиноза, Эйн-

штейн, Генрих Гейне... Я уж не говорю про Карла Маркса, поскольку сейчас о нем говорить не принято.

МАРК. Мне очень радостно, что вы так живо интересуетесь еврейской культурой, как говорит Лиза, я просто тащусь, но цели вашего визита так и не понял.

ДУЛИТОВ. Извините, доктор, у вас дети есть?

МАРК. Увы...

ДУЛИТОВ. Поэтому вы и не можете понять отцовских чувств. Ведь когда теряешь своего ребенка, единственного близкого на земле существа, то весь организм буквально требует компенсации.

МАРК. И какой же компенсации требует ваш организм?

ДУЛИТОВ. А это уже как вам совесть подскажет. Вариантов много: можно сразу, можно по частям, можно нашими, можно зелеными. Они у меня потом созреют.

МАРК. А если не дам?

ДУЛИТОВ. Тогда придется дочурку конфисковать. Так сказать, увести с собой.

МАРК. Но она у вас, по-моему, уже совершеннолетняя.

ДУЛИТОВ. Ну и что? Мобилизуем общественное мнение, подключим соответствующую прессу: то да се, кража русского ребенка, жидомасоны в действии, всемирный сионистский заговор.

МАРК. А стыдно не будет? Это ж гадость.

ДУЛИТОВ. Конечно, гадость. Более того, подлость! Но что делать, доктор? Сами посудите: и дочь отняли, и денег не дают — это уже прямо какое-то ритуальное убийство получается.

МАРК. Ладно, что с вами поделаешь? Раз вы без дочери не можете — забирайте.

ДУЛИТОВ. Погодите, Марк Моисеевич! Что вы так сразу — забирайте? Мы же с вами интеллигентные люди. Что же мы, компромисса не найдем? Консенсуса?

МАРК. Думаете, найдем?

ДУЛИТОВ. Обязательно!.. Только, бога ради, не считайте, что я вымогатель какой-нибудь. Просто у меня такая ситуация, такой момент в жизни, что хоть камень на шею — и в воду! *(Всхлипывает.)*

МАРК. Вы случайно в театре не играли? У вас замечательно получаются трагические роли.

ДУЛИТОВ. Правильно! Это же трагедия, настоящая трагедия, хотя речь идет о пустяках, о мизерной сумме.

МАРК. Не понял связи.

ДУЛИТОВ. Вот меня сейчас друзья спрашивают: «Пашка, где твоя дочь?» И что я могу ответить? Ничего!.. А так меня люди спросят: «Дулитов, где твоя Лизка?» А я им в ответ: «Прошу к столу! Помянем мою дочурку!» Это же совсем другой коленкор.

МАРК (смеется). Знаете, Пал Макарыч, вообще-то у меня есть принцип: не поддаваться шантажу.

ДУЛИТОВ. И правильно!

МАРК. Но вы, честно говоря, произвели на меня такое впечатление, что я готов изменить своему принципу.

ДУЛИТОВ. Трудно возразить!

МАРК. К сожалению, никакой зелени у меня нет. Могу предложить только это. (Протягивает деньги.) Извините, все, что есть в наличии.

ДУЛИТОВ. Доктор, ну что тут скажешь? Большое русское мерси! Честно говоря, не ожидал. Думал, вы меня в шею погоните, а вы — такое благородство. Теперь уж, как говорится, берите мою единственную дочь и делайте с ней все, что хотите.

Дверь распахивается.

ЛИЗА. Ты что сказал, алкаш поганый?

МАРК. Лиза!

ЛИЗА. А вы, доктор, тоже хороши! Покупаете меня, все равно как свинью на базаре!

ДУЛИТОВ. Лизавета, что за выражения: свинья, базар! Да разве Марк Моисеевич тебя покупал? Тем более что евреи свинину не едят. Просто доктор со мной поделиться хотел, как со своим ближним. Ведь это ж уметь надо — с ближним поделиться. Как сказано в Священном Писании: рука дающего да не оскудеет, рука берущего да не отсохнет!

ПЕСНЯ ДУЛИТОВА

Откуда все несчастья на земле?
Все беды в захолустье и столице?

А это оттого, что люди все хотят себе,
Никто ни с кем не хочет поделиться.
Не скупись! Не жлобись! Поделись!
Деньгами, выпивкой иль чистою рубашкой.
Ну, а если, так сказать,
Другу нечего отдать,
То поделись последнею затяжкой.
Бомжи, министры или короли,
Крутой банкир или мальчишка в школе,
Короче говоря, сегодня люди всей земли
Хотят иметь хоть небольшую долю.
Не скупись! Не жлобись! Поделись!
Деньгами, выпивкой, одеждой или кровом.
Ну, а если, так сказать,
Другу нечего отдать,
То поделись хотя бы добрым словом.
От рэкета не смогут защитить
Работники милиций и полиций,
И если нынче ты спокойно хочешь жить —
Всегда умей с другими поделиться.
Не скупись! Не жлобись! Поделись!
Деньгами, выпивкой иль хлебушка краюхой.
Ну, а если, так сказать,
Другу нечего отдать,
То дай ему хотя бы оплеуху!

(Советы к танцу Дулитова: мне кажется, что в танце он должен допивать чужую рюмку, докуривать сигарету, сыпать в карман конфеты со стола — одним словом, зрительно подтверждать то, о чем поет в своей песне.)

КАРТИНА ПЯТАЯ

В саду на лавочке сидят две женщины. Перед одной — детская коляска, другая держит на поводке собаку. Появляется Лиза, толкая перед собой коляску с дядей Беней.

ЛИЗА (ему). Хир ист гут? Нихт хейс?
БЕНЯ. Нейн, дас гефелт мир. Гиб мир нур ди шлепе.

Лиза надевает на него панамку, он блаженно
закрывает глаза.

ПЕРВАЯ. Эй, подруга, это ты по-каковски говоришь?

ЛИЗА. По-еврейски, а что?

ПЕРВАЯ. Ты что, еврейка, что ль?

ЛИЗА. Почему? Русская.

ПЕРВАЯ. А откуда по-ихнему знаешь?

ВТОРАЯ (*поджав губки*). Она, видать, спецшколу закончила. С жидовским уклоном.

ЛИЗА. Но-но, полегче! А то ты у меня без всякой школы сразу в институт попадешь. Склифосовского.

ПЕРВАЯ. Тихо, тихо, девки, ну чего вы? Мне же правда интересно, оттуда ты ихний язык знаешь?

ЛИЗА. Да он меня научил. Дядя Беня.

ВТОРАЯ. Ишь, дядю себе нашла, родственничка. Что ж ты его лучше по-русски не обучила?

ЛИЗА. А зачем ему? Он — гражданин Израиля. А захочет путешествовать — лучше идиша не найдешь. Евреи сейчас везде живут.

ВТОРАЯ. Вот именно, что везде! Все себе захапали. Ох, и дурят же они нашего брата!..

ЛИЗА. Чем же они тебя, интересно, надурили?

ВТОРАЯ. Да мало ли чем...

ЛИЗА. А все-таки?..

ПЕРВАЯ. Да не приставай ты к ней! У нее и правда забот выше крыши. Муж пьет без продыху, сына из школы вышибли. Одна она в семье горбатится, а по вечерам, вон, еще чужих собак выгуливает.

ВТОРАЯ. И собаки теперь тоже еврейские пошли — какую ни возьми: спаниель, доберман!.. А мой вообще ротвейлер!

ЛИЗА. Слушай, тебя как зовут?

ВТОРАЯ. Ну, Катерина, а что?

ЛИЗА. Кать, ты мне честно скажи: ты хоть одного еврея в жизни видела?

ВТОРАЯ. А то нет! Да их каждый день по телевизору показывают. Один со скрипкой, другой с роялем, а ты давай собачье говно подбирай.

ЛИЗА. Так в чем дело? Бери скрипку и играй.

ВТОРАЯ. Сказала! На скрипке-то уметь надо.

ЛИЗА. То-то и оно! Он, небось, лет двадцать учился, ни сна, ни отдыха не видел, чтоб так играть. А ты в это время семечки лузгала. Вот теперь и крути собачьи хвосты.

ВТОРАЯ. Все сказала, адвокат еврейский?.. Ты нам лучше доложи, сколько они тебе заплатили?

ЛИЗА (*машет*). Да что с тобой разговаривать. Одно слово — хозерюга!

ПЕРВАЯ. Нет, ты все ж таки объясни: чего ты так с этими евреями носишься? Ведь они нашего Христа распяли.

ЛИЗА. Во-первых, не нашего, а своего. Христос-то тоже еврей был.

ВТОРАЯ. Во! Час от часу не легче.

ЛИЗА. Да-да, и он, и Пресвятая Дева Мария, и все апостолы... А что касается казни, так его римляне распяли. По личному указанию Понтия Пилата.

ВТОРАЯ (*подруге*). Слыхала? Еще какого-то с понтом Пилата нашла. Тебе это откуда известно?

ЛИЗА. Марк Моисеевич рассказал.

ВТОРАЯ. Это еще что за фрукт?

ЛИЗА. Сама ты фрукт! А Марк Моисеевич врач. Кардиолог. Доктор медицинских наук.

ВТОРАЯ. В общем, профессор кислых щей. Ой, девка, здорово же они тебя обработали.

ЛИЗА. Темная ты, на тебя даже обижаться грех.

ПЕРВАЯ. Нет, ты все-таки скажи: почему ты за них, а не за нас?

ЛИЗА. Да я ни за кого! Я — за правду. (*Второй.*) Вот у тебя сына из школы выгнали?.. Выгнали. Еврей бы на последние деньги ему педагога нанял, а ты?.. Ничего, авось, и так сойдет!.. Теперь мужа своего возьми. Рядом с ним какой-нибудь еврей работает, заметь, получает столько же, но только не пропивает все подряд. В результате у него и мебель хорошая, и телевизор японский, а вы спите на пустой посуде. Тебе бы своему мужику врезать промеж рогов, а ты вместо этого орешь: «Евреи! Россию продали! Народ обокрали!»

ВТОРАЯ (*уже примирительно*). Тебя послушать, так все евреи чистые ангелы.

ЛИЗА. Я так не говорю. Ангелы на небе живут, а тут, на земле, все мы грешники. Верно говорю, дядя Бенья?

БЕНЯ. Вус? Вус хаст ду гезагт?

ЛИЗА. Их заге: але менчен зинд менчен.

БЕНЯ. Е! Дас ист рехт.

ПЕРВАЯ. Ой, и глупые же мы, как я погляжу! Одна с чужим ребенком гуляет, другая — с чужой собакой, третья — с чужим дядей. И чего мы ссоримся? Чего нам делить, кроме забот?.. А мы все виноватых ищем!

ПЕСНЯ О ВИНОВАТЫХ

ПЕРВАЯ.

Если с ветки капнет птичка,
Надо ветку обломать.
Есть российская привычка —
Виноватого искать.
Я уже немолодая,
Слышу много лет подряд:
Если жизнь у нас плохая,
Значит, кто-то виноват:
То бухаринцы-троцкисты,
Кулаки и басмачи,
Вейсманисты-морганисты,
Гидры-империалисты,
Гады абстракционисты,
Отравители-врачи.
Ну, а если у нас
Вдруг иссяк врагов запас,
То на случай на такой
Есть евреи под рукой!

ВТОРАЯ.

Улетела с ветки птичка.
Даже хвостик не видать.
Нам осталась лишь привычка —
Виноватого искать.
И недаром в жизни новой
Все газеты нам твердят:
Если мы живем хреново,
Значит, кто-то виноват:
То ли блок военный НАТО,
То ль придурок-депутат,
Ракетиры-супостаты,
Мафиози-губернатор,
Коммуняка бесноватый
И ворюга-демократ.
Ну, а если у нас

Вдруг иссяк врагов запас,
То на случай на такой
Есть евреи под рукой!

ЛИЗА.

Не вернется наша птичка —
Ей здесь нечего клевать.
И пора бросать привычку —
Виноватого искать.
В огороде сохнут грядки,
На окне прокисли щи...
Если что-то не в порядке —
Ты в себе вину ищи!
Мы же сами создавали
Ту страну, где мы живем,
Одобряли, заверяли,
Каждый год рапортовали,
Что варили, то хлебали,
Что посеяли, то жнем.
Не иссякнет у нас
Никогда врагов запас,
Но пора когда-нибудь
Дать евреям отдохнуть!

ВМЕСТЕ.

Пусть евреи немножко поспят...

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Квартира Хигмана. Поздний вечер. Тишина, все в доме спят. В кухню тихо въезжает на своем кресле дядя Беня. Включает свет, озирается. Затем тихо встает с кресла, подходит на цыпочках к холодильнику, накладывает себе еду на тарелку. Наливает рюмочку, подносит ко рту.

ЛИЗА (сзади). Лехаим!

От неожиданности Беня со звоном роняет рюмку.

ЛИЗА. Та-ак, понятно... Хамье в гостях — картина Левитана.

БЕНЯ. Ферштейн ду? Их каннит шляфен. Их дахте: бейсер шин зпес эсен.

ЛИЗА. Угу! А теперь то же самое — и по-русски.

БЕНЯ. Вус? Их ферштее нихт.

ЛИЗА (грозно). Ну?! Я кому сказала!

БЕНЯ. Ша, тихо, что ты шумишь? Ты же Марка Моисеевича разбудишь.

ЛИЗА. С ним будет отдельный разговор. Но сначала ты мне Расскажи, дорогой мой дядя Беня. Или ты не дядя?

БЕНЯ. А что я — тетя?

ЛИЗА. Ты не крути! Знаешь, о чем я спрашиваю. Ты нашему хозяину дядя или нет? И, вообще, откуда ты взялся?

БЕНЯ. Спокойно, без нервов, я все объясню. Только скажи: зачем тебе так много знать? У тебя голова не заболит?

ЛИЗА. А у тебя?

БЕНЯ. Что ты мне отвечаешь вопросом на вопрос? В конце концов, кто из нас еврей?

ЛИЗА. Ты, ты, успокойся!.. А заодно Расскажи, зачем ты мне шарики крутил, что русского не знаешь?

БЕНЯ. Лиза, детка, я тебе все Расскажу. Правду, чистую, как слеза. Когда-то давно я работал в еврейском театре. Марк Моисеевич меня нашел и говорит: «Бенцион, есть интересное предложение: сыграть роль израильского дяди, который говорит только на идиш». Что, по-твоему, должен был ответить нищий пенсионер?.. Я ему сказал: «Е, утеред, дорогая!»

ЛИЗА. А зачем?

БЕНЯ. Что значит зачем? Ты здесь денежки зарабатываешь? И я хочу немножко заработать.

ЛИЗА. А ему-то, ему зачем?

БЕНЯ. Точно не знаю, врать не буду. Но слышал, что он с кем-то заключил пари, что из простой хозерки, ой, извини, из простой русской девушки сделает настоящую еврейку. Это пари, понимаешь?

ЛИЗА. Не понимаю.

БЕНЯ. А что тут сложного? Ты зарабатываешь, я зарабатываю, и он тоже хочет заработать.

ЛИЗА. А-а, заработать... Вот теперь поняла.

БЕНЯ. Молодец! У тебя уже почти еврейская голова. Поэтому успокойся, сядь и съешь кусочек курочки.

ЛИЗА. Да не хочу я есть!

БЕНЯ. Не брыкайся! Курочка — это всегда полезно для сейхл. *(Насильно впихивает ей тарелку.)*

ЛИЗА. Отстаньте вы от меня! *(Отбрасывает тарелку, та с шумом падает на пол.)*

БЕНЯ. Ты что, рехнулась? При чем тут курица? Нашла на кого обижаться!

Лиза идет в гостиную, достает из шкафа чемодан и начинает бросать туда свои вещи. Затем возвращается в кухню.

ЛИЗА. Передайте вашему хозяину, что было очень приятно с ним познакомиться

БЕНЯ. Я тебя никуда не пушу! Он мне голову оторвет.

Появляется заспанный Марк в халате.

МАРК. Что такое? Что здесь происходит? Почему курица на полу?

ЛИЗА. Погулять пошла. Вместе с вашим дядей. *(Берет чемодан, идет к двери.)*

МАРК *(сразу проснувшись)*. Лиза! Вы куда? Подождите!

ЛИЗА. Не трогайте меня!.. Эх, вы... Я-то думала: вот человек, ни на кого не похожий. А вы, оказывается, только о деньгах и думали. Значит, верно говорят, что ваша нация все на деньги меряет.

МАРК. Какие деньги? При чем тут нация? Погодите, дайте же объяснить!..

ЛИЗА. Поздно объяснять! Уже два часа ночи. Лучше садите своего дядю на коляску...

МАРК. Не садите, а сажайте.

ЛИЗА. Ну, сажайте своего дядю на коляску и везите его прямо в Израиль.

МАРК. Израиль.

ЛИЗА. Да хоть в Биробиджан! А с меня достаточно. Спасибо, как говорится, за науку. Счастливо оставаться, газлоним!

Выходит, хлопнув дверь. От удара вздрагивает стена, и на пол падает картина: смеющаяся малявинская баба в красном сарафане.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Комната Лизы. Скромная обстановка. Над кроватью висит портрет Филиппа Киркорова. Лиза и ее подруга Зина сидят за столом. У Зины — большой синяк под глазом. Перед подругами — полупустая бутылка водки. Девушки поют.

Ромашки спрятались, увяли лютики.
Когда застыла я от горьких слов.
Зачем вы, девушки, евреев любите?
Непостоянная у них любовь.

ЗИНА. Лиз, а Лиз, да брось ты убиваться. Мы тебе лучше жениха найдем, чем этот Соломон.

ЛИЗА. Это какого же? Вроде Петьки твоего?

ЗИНА. А чем он, интересно, плох?

ЛИЗА. Хорош! Ты на себя в зеркало посмотри.

ЗИНА (*трогает синяк*). А, это! Ну и что? Бьет — значит любит.

ЛИЗА. Очень уж он тебя сильно любит. Прямо до полусмерти.

ЗИНА. Ну, за все хорошее! (*Пьют.*) Слушай, ты Клавку помнишь из овощного?

ЛИЗА. Конечно, помню, а что?

ЗИНА. С ней такая история приключилась, ну прямо «Санта-Барбара». Ты послушай, умрешь — не встанешь. Она еще в том году за одного еврея замуж вышла и вместе с ним в Америку укатила.

ЛИЗА. Ну да?

ЗИНА. Слушай дальше! Осмотрелась она в Америке, еврея своего кинула и нашла себе богатого. Открыла русский ресторан, дела пошли — ну прям цветет и пахнет. А бывший ее без работы мыкается, в драных портках ходит. Ну, Клавка, добрая душа, говорит ему: «Ладно! Так и быть. Приходи ко мне в ресторан, будешь мыть посуду». А он отвечает: «Ни за что! Лучше подохну!..» Представляешь?.. Вот жиды!

ЛИЗА. При чем тут жиды? Что ты мелешь? Что ты вообще в них понимаешь?

ЗИНА. Ой, ой, подумаешь, специалистка! Если хочешь знать, у меня тоже один еврей был. Мы с ним почти год встречались. Положительный такой, солидный. Правда, жадный был, страсть! Карапетян его звали, Сурен Акопыч.

ЛИЗА. Так какой же это еврей? Самый настоящий армянин.

ЗИНА. Какая разница? Все равно не русский. А, вообще, ну их всех! Давай лучше выпьем. *(Разливает.)* Как говорится, за нас с вами и за хрен с ними!

ЛИЗА. С кем это, с ними?

ЗИНА. Ясно с кем — с мужиками! *(Выливает.)* Слушай, я тебя все спросить хотела: твой-то еврей вообще кто по жизни: банкир, коммерсант?

ЛИЗА. Доктор он. Врач.

ЗИНА. Зубной?

ЛИЗА. Почему это?

ЗИНА. А зубные — все евреи. Любят возле золота крутиться.

ЛИЗА. А вот и не угадала! Марк Моисеевич врач по сердечным делам.

ЗИНА. По сердечным... Гинеколог, значит!

ЛИЗА *(смеется)*. Ой, Зинка, гляжу я на тебя: какой же у тебя в голове мусор. Тебе бы учиться пойти.

ЗИНА. Интересно, у кого? Не у твоего ли Моисеевича?

ЛИЗА. А хоть бы и у него.

ЗИНА. Чему же он тебя такому научил? По-еврейски говорить?

ЛИЗА. Не только. И по-русски тоже. А то ведь я раньше как ты говорила: сестрин племянник, мужнин брат, колидор, булгахтер...

ЗИНА. Ой, держите меня! Интеллигенция! Что ж они тебя выкинули?

ЛИЗА. Никто меня не выкидывал. Я сама ушла.

ЗИНА. Так я и поверила. Вышибли! Под русский зад еврейским коленом.

ЛИЗА. Все сказала? А теперь бери свое пальтишко и топай отсюда, шиксэ!

ЗИНА. Кто?

ЛИЗА. Шиксэ, вот кто! А если тебе мало, то еще и ани-кейвэ!

ЗИНА. А ты, а ты... Сара Абрамовна, вот ты кто! Чего смотришь?.. Сахочка, бхынзы хочешь?

ЛИЗА. Хочу! Вот купишь, тогда приходи. А то привыкла все на халяву.

ЗИНА. Смотри, культурная наша как выражается: «халява»!

ЛИЗА. Халява, если хочешь знать, староеврейское слово. Означает «бесплатное молоко для детей». Съела?.. Тогда чао! Зайн гезунт унд шрайб открыткес! *(Сует ей пальто, выталкивает за дверь. Слышен стук двери. Лиза садится к столу, включает песню Киркорова «Магдалена». Звонкок. Кричит.)* Мария Гавриловна, откройте! Небось к вам!

Слышен стук входной двери. Шаги, стук в дверь Лизиной комнаты.

Допивать вернулась. Вот фиг тебе! *(Берет бутылку, прячет за спину.)*

Дверь распахивается. За ней стоят двое в масках-респираторах. У одного за спиной баллон.

ПЕРВЫЙ. Дэнъ добрый! Санэпыдемстанция! Тараканчиков будэмо морить.

ЛИЗА. А я не вызывала. Может, соседка...

ПЕРВЫЙ. Бэз разницы. Сегодня у во всем доме дезынфекция.

ЛИЗА. Здрасьте вам! А мне куда деваться?

ПЕРВЫЙ. А вы часок-другой погуляйте. Не то в гости сходите.

ЛИЗА. Не к кому мне идти!

ПЕРВЫЙ. Шо так? А то бы к еврейчикам своим сходили.

ЛИЗА. Что вы сказали?

ПЕРВЫЙ. А шо весь дом гутарит: шо ты жидочкам продалась.

ЛИЗА. А ну, повтори!..

ПЕРВЫЙ. И повторю. Продалась жидкам за 30 серебряников.

ЛИЗА. Так на ж тебе! *(Размахивается спрятанной за спиной бутылкой, бьет его по голове. Тот разом оседа-*

ет на пол. Второй стаскивает с себя респиратор. Это дядя Беня.)

БЕНЯ. Ненормальная, что ты сделала? Ты же доктора убила!

Лиза кидается к лежащему, стаскивает с него маску, трет ему виски, дует в лицо — никакого результата.

БЕНЯ. Брызни ему в лицо водой.

ЛИЗА. Да у нас второй день воды нет.

БЕНЯ. Дай сюда бутылку! Я его водкой сбрызну. *(Набирает полный рот.)*

ЛИЗА. Ну?!

БЕНЯ. Что ну? Я случайно проглотил.

ЛИЗА. Что ж теперь делать?

МАРК *(очнувшись)*. Дайте ему огурчик.

ЛИЗА. Марк Моисеевич, голубчик, как вы?

МАРК *(потирает голову)*. Спасибо, мне уже хорошо.

БЕНЯ. Моим врагам чтоб было так хорошо!

ЛИЗА. А теперь признавайтесь, кто эту глупость придумал? Вы, дядя Беня?

БЕНЯ. Чтоб я так жил, это он! Говорит, просто так нас Лиза на порог не пустит. А так она улыбнется и все простит.

ЛИЗА *(Марку)*. Сумасшедший, я же вас убить могла.

МАРК. Бр-р, не вспоминайте... Какая жуткая смерть. Я понимаю еще — умереть от водки. Но умереть от бутылки...

ЛИЗА. Сами виноваты! Зачем про евреев гадости говорили? Экзамен мне устроили?

МАРК. Зато вы его с честью выдержали.

БЕНЯ. Что она выдержала, я не удивляюсь. Вот как выдержала ваша голова?

МАРК. Бенцион Руввимыч, родной, вы не могли бы спросить за сигаретами? У меня кончились.

БЕНЯ. Так курите, у меня есть.

МАРК. Ну, просто можете пару минут погулять? Нам надо поговорить.

БЕНЯ. Так бы и сказали. Люблю эти намеки. Я в кухне покурю. *(Выходит.)*

МАРК. Лиза, между нами вышло недоразумение. Я хотел бы все объяснить.

ЛИЗА. Не надо, я уже все поняла.

МАРК. Ни черта вы не поняли!

ЛИЗА. Не стыдно? Интеллигентный человек, а черты-хаетесь.

МАРК. Извините... Просто никаких гадостей я не замышлял. Я поспорил с раввином, что из любой русской девушки сделаю еврейку.

ЛИЗА. А почему вы выбрали меня?

МАРК. Да не выбирал я вас! Это он выбрал.

ЛИЗА. Ах, так вы меня даже не выбирали...

МАРК. К сожалению, нет. Но теперь все разъяснилось, собирайтесь, поедem домой.

ЛИЗА. Я и так дома.

МАРК. Я говорю про свой дом. Давайте, давайте!

ЛИЗА. А если я откажусь?

МАРК. Опять за свое! Ну как мне вас еще уговорить? Хотите, на колени встану?

ЛИЗА. Хочу!

Марк бухается на колени. Дверь открывается,
входит Бенья.

БЕНЯ. Так, действие второе: он и те же. Сцена у фонтана.

МАРК. Дядя Бенья, ну скажите вы ей! Она не хочет меня простить.

БЕНЯ. Что значит не хочет? Лиза, ты в своем уме? Гиб а кик, какой человек стоит перед тобой на коленях. Тебе мало? *(Падают на колени рядом.)* Ты знаешь, когда я последний раз стоял перед женщиной на коленях? Когда кассирша уронила мой металлический рубль. Лиза, детка, посмотри вокруг: мы живем в кошмарное время. Если еще хорошие люди будут в ссоре, что тогда остается? Только повеситься!

КУПЛЕТЫ О ВРАЖДЕ

БЕНЯ.

Какие все же люди идиоты!
Ну что они так любят враждовать?
Нашли себе хорошую работу:
За пустяки друг друга убивать.

Сосед соседа душит за жилплощадь,
Дерутся за наследство брат с сестрой,
А муж вдруг отравил жену и тещу
Простою кабачковою икрой.
Подайте, люди, друг другу руки!
Ведь наши встречи лучше, чем разлуки.
Забудем разом вражду и споры —
Нам мир худой гораздо лучше доброй ссоры!

МАРК.

Жестокости все время на экране,
Там все хотят стрелять или взрывать.
Когда несут газету утром ранним,
То нам газету страшно открывать.
Замучили кого-то рэкетеры,
А депутат коллеге плюнул в глаз,
И конкурент какому-то банкиру
Взрывчатку положил под унитаза.

ПРИПЕВ.
ЛИЗА.

Нам всем недавно в школе говорили,
Что человек — товарищ, брат и друг.
Но люди это быстро позабыли
И как-то озверели все вокруг.
Кума у кума откусила ухо,
Золовке шури́н дал по голове,
А дед снотворным усыпил старуху,
Чтоб посмотреть стриптиз по НТВ.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Вечер. Квартира Хигмана. Лиза с балалайкой
разучивает текст песни.

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей майн либеньке идет.
Ты поштейт, поштейт, красавица моя,
Гиб мир наглядеться, нахэс, на тебя!..

Звонок. Лиза открывает. На пороге пожилая интеллигентная
женщина. Это мама Марка, мадам Хигман.

МАМА (*разглядывая Лизу*). Простите, а Марк Моисеевич дома?

ЛИЗА. Нет, он еще в клинике. А вы на прием?

МАМА. Да, надеюсь, он меня примет.

ЛИЗА. Тогда подождите, он вот-вот должен прийти.

МАМА. Спасибо, вы очень любезны. (*Проходит, садится, придирчиво оглядывает комнату. Лиза сразу берет тряпку, начинает вытирать пыль.*)

МАМА. Извините, а вы сюда приходите убираться?

ЛИЗА. Почему это? Я здесь живу.

МАМА. Вот как! И давно?

ЛИЗА. Да уж скоро три месяца.

МАМА. А скажите, милая, ведь сегодня, кажется, воскресенье?

ЛИЗА. Ну да...

МАМА. А почему вы не в церкви?

ЛИЗА. Зачем? Мы вчера в синагоге были.

МАМА (*растерянно*). Да?.. А что, там тоже много пыли?

ЛИЗА. Пыли везде много. Но ничего, думаю, к симхэстойре приберутся.

МАМА. Вы не сердитесь, что я все расспрашиваю, просто я не в курсе. Только что из Санкт-Петербурга.

ЛИЗА. Вы что, от его мамы?

МАМА. А вы про его маму тоже знаете?

ЛИЗА. Розалию Львовну? Конечно! Мне Марк Моисеевич столько рассказывал. Просто удивительная женщина: тонкая, деликатная, лишний раз не позвонит, не побеспокоит. Иной раз и не знаешь: жива она или уже померла. Царство ей небесное!

МАМА. Нет-нет, она еще жива, несмотря на все последние новости.

ЛИЗА. Ну, дай ей бог здоровья! Как говорится, пусть живет хундорт унд цванцих йорен.

МАМА. Спасибо большое, непременно ей передам. А пока, деточка, если вас не затруднит, можно мне чашечку кофе? Что-то устала с дороги.

ЛИЗА. Конечно! Я мигом. (*Убегает.*)

МАМА. Ну, вы что-нибудь понимаете? Я — нет! С одной стороны, вроде русская. Тогда откуда она знает идиш? И потом, она с ним живет или еще нет? Если да, почему она его называет по отчеству? Что она, его так ува-

жает в постели? Ну, я вас спрашиваю: что он, не мог черкнуть пару слов? Или у него нет денег на марку? На эту гойку¹ у него деньги есть. Ох, эти дети! Знаете, почему мы так любим наших внуков? Потому что наши внуки отомстят за нас нашим детям. Хотя что я болтаю? Я же прекрасно знаю: что бы ни случилось — мы все равно будем их любить. У нас просто нет другого выхода. Такая у нас специальность — еврейская мама.

ПЕСНЯ МАМЫ

Есть много профессий опасных и сложных:
Спускаться под землю и в небо взлетать.
Но, думаю, в мире найти невозможно
Работы сложнее, чем еврейская мать.
А идише мама, забудь про отдых и покой,
А идише мама — сплошная головная боль!
Приготовить с ним вместе урок,
Теплый шарфик повязать,
Положить ему лучший кусок,
На ночь сказку рассказать...
Как быстро ребенок становится взрослым,
И вы его ждете всю ночь напролет.
Ой, мамы, готовьтесь, что рано иль поздно,
У вас не спросясь, он жену приведет.
А идише мама, ты всем должна дарить любовь,
А идише мама или аидише свекровь!
Ты быть сильной и мудрой должна,
Чтоб на помощь к ним прийти,
Ведь у них ты на свете одна,
Им другую не найти...
Порой наши дети про нас забывают,
Не могут на праздник открытку прислать,
Но мы все равно ни на что не сменяем
Высокую должность — еврейская мать!

(Припев полностью на идиш.)

ЛИЗА (входя). А вот и кофе!

МАМА. Спасибо, деточка... *(Отливает.)* Настоящий еврейский кофе!

1 Гойка (евр.) — не еврейка.

ЛИЗА. А что это значит — еврейский кофе?

МАМА. Это мой брат так говорил: что такое еврейский чай? Много сахара, много лимона, много заварки — и все это одалживается у соседей.

Слышен звук ключа в замке. Открывается дверь,
входит Марк.

МАРК. Мама, ты?! Почему не сообщила?

ЛИЗА. Розалия Львовна?

МАМА. Ну, Розалия Львовна, так что? Я уже сорок семь лет Розалия Львовна.

МАРК. За что я тебя люблю — тебе любой повод годится, лишь бы скинуть себе годков шесть.

МАМА. А тебе жалко? Добрая душа. Ты вообще у меня хороший мальчик. Даже не сообщил ничего.

МАРК. А что я должен был сообщить?

МАМА. А ты не знаешь? *(Кивает на Лизу.)* Что у тебя изменилось семейное положение.

МАРК. Мама, Лиза — чудная девушка, мой большой друг — и это все. Ничего между нами не было, нет и быть не могло.

МАМА *(Лизе)*. Это правда?

ЛИЗА. Конечно, правда!

МАМА. Так! Значит, мой сын еще и идиот! Ну, а что тогда здесь делает эта девушка? Работает пылесосом?

МАРК. Мам, это долго объяснять.

МАМА. Ничего, я не тороплюсь.

МАРК. Хорошо! Я поспорил с ребом Пиккером, что за три месяца сделаю из нее еврейку.

МАМА. А что, это такое счастье — стать еврейкой?

МАРК. Не в этом дело! Просто это пари.

ЛИЗА. Да, это просто пари и ничего больше.

МАМА. Деточка, это у него наследственное. Его папа тоже очень любил пари. Между прочим, на мне он женился тоже на спор. Но можете мне поверить, что этот спор он не выиграл. Однако бикицер, а кто будет решать: еврейка она или нет?

МАРК. Трое хасидов из Америки.

МАМА. Американцы? Тогда я спокойна! Они ее, конечно же, примут за еврейку.

ЛИЗА. Почему?

МАМА. Потому что они все идиоты! Они даже то, что происходит в этой стране, принимают за демократию.

МАРК. Мама, не расхолаживай ее. Все не так просто: ей надо говорить на идиш, петь, танцевать, готовить нашу еду...

МАМА. Еду? Тогда не о чем волноваться. Я тебя научу готовить фаршированную рыбу, которую делала еще моя бабушка. Это такая гефилте фиш — она только что не разговаривает.

ЛИЗА. Спасибо, Розалия Львовна! Только я все равно ужас как боюсь!

МАМА. Чего?

ЛИЗА. Получится ли у меня — показаться еврейкой. Ведь даже в Торе сказано: это народ избранный.

МАМА. Девочка, за свою жизнь я встретила немало евреев. Возможно, десяток из них было действительно избранных. Что касается остальных, то у меня такое ощущение, что их избирали прямым и тайным голосованием, как наш парламент.

Звонок в дверь.

МАРК. Кого еще черти несут?

МАМА. Тихо, ша! Какой ты негостеприимный.

Лиза открывает дверь. Входит человек в малиновом пиджаке и темных очках.

ЧЕЛОВЕК. Добрый вечер! Шилом вам в вашу хату! (Снимает очки.)

МАРК. Дулитов?

ЛИЗА. Отец?!

МАМА. О, я вижу, вся наша мешпоха в сборе.

МАРК. Просто не верю глазам! Что произошло?

ДУЛИТОВ. Причудливый поворот судьбы, идиотская игра случая...

ЛИЗА. Ты можешь голову не морочить? Объясни нормально.

ДУЛИТОВ. Объясняю. Те деньги, которыми ссудил меня наш милый хозяин, я, естественно, прокутил. Но!

На сдачу в магазине, неизвестно зачем, взял билет лото «Миллион». Можете смеяться, но на мой билет выпал джек-пот. Сумма такая, что не могу выговорить до сих пор. Одним словом, перед вами «новый русский»! (Кланяется.)

МАМА. Ну, если честно, то не такой уж и новый.

ДУЛИТОВ. Кто это?

МАРК. Это моя мама. Розалия Львовна.

ДУЛИТОВ (целует ей руку). Мадам, вы вырастили замечательного сына. Он лечит все, включая бедность.

ЛИЗА. Нет, ну прям обалдеть! Ты такой крутой стал, настоящий мэн!

МАРК. Лиза, умоляю, не переходите на новый русский. Обойдемся старым.

МАМА. А скажите, господин Дулитов, что чувствуешь, когда на тебя сваливается богатство? Меня это всегда интересовало.

ДУЛИТОВ. Мадам!..

МАМА. Зовите меня Розалия Львовна, если это, конечно, вас не раздражает.

ДУЛИТОВ. Роза, я никогда не был антисемитом! Бывали минуты, когда ненавидел все человечество в целом, но так, отдельно, евреев не выделял.

МАРК. А все же, Пал Макарыч, чувствуете себя, наконец, счастливым?

ДУЛИТОВ. Напротив, перед вами несчастнейший из людей! Кто я был раньше? Беззаботный проходимец Пашка Дулитов. Когда я вставал утром, что меня волновало? Осталась ли с вечера недопитая бутылка пива. А сейчас? Что меня волнует по утрам? Какой курс доллара к рублю! Я стал плохо спать. Правильно ли я вложил деньги? В тот ли банк?

ЛИЗА. Да, видать, богатые тоже плачут.

ДУЛИТОВ. Плачут, дочка, ой, плачут! Но не забывают, кому они обязаны своим богатством. Доктор, примите должок, с них ведь все и началось.

МАРК (берет деньги). Спасибо! Честно говоря, не думал, что они ко мне вернутся.

ДУЛИТОВ. Лизавета, а ты, давай, собирайся.

ЛИЗА. Куда это?

ДУЛИТОВ. Домой. Теперь у нас, слава богу, и квартира, и обстановка. Нечего тебе приживалкой жить.

ЛИЗА. Никуда я не пойду! У меня экзамен через неделю.

МАРК. Уж, пожалуйста, дайте нам сначала победить. А потом...

ЛИЗА. А потом можешь забирать все шмотки, включая меня.

МАРК. Лиза, вы меня не так поняли.

МАМА. Нет, она тебя правильно поняла.

МАРК. Мама, ты можешь помолчать?

МАМА. Я могу вообще уехать.

ДУЛИТОВ. Ша, евреи, тихо! Есть предложение: кончаем гвалт и все идем в ресторан. Я приглашаю.

МАРК. Спасибо, не могу. Завтра две операции. Должен быть как стеклышко.

ЛИЗА. А ко мне дядя Беня придет, языком заниматься. Прошедшее время глаголов гештрукен, гезальцен.

МАМА. А я принимаю ваше предложение! Ничего так не люблю, как рестораны.

ДУЛИТОВ. Тогда попрошу вашу руку. *(Берет ее под руку.)* Какой ресторан предпочитаете: китайский, греческий, французский?

МАМА. Если не возражаете — французский. Кошерные лягушки — это моя слабость. *(Торжественно, как новобрачные, покидают квартиру.)*

МАРК *(вслед)*. А они неплохо смотрятся: «новый русский» и старая еврейка.

ЛИЗА. И совсем она не старая. Если хотите знать, гораздо моложе вас.

МАРК. Согласен, согласен! Был не прав, признаю ошибки, ухажу работать над собой! *(Уходит.)*

ЛИЗА. И совсем неостроумно! *(Проходит по комнате, поправляет чуть косо висящую малявинскую бабу, дразнит ее, высунув язык: «Э-э!..» Затем садится на стул, берет в руки балалайку.)*

Красота твоя мешуге махт меня,
Иссушила добра молодца, меня!
Ты поштейт, поштейт, красавица моя!
Гиб мир наглядеться, нахэс, на тебя!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Квартира Хигмана. Все блестит и сверкает. Марк и Зина вносят накрытый стол.

МАРК. Зина, я хочу вас предупредить: придут гости, это хасиды — очень религиозные евреи. И у них свои обычаи. Например, не надо им подавать руку, все равно они ее вам не пожмут. Им религия запрещает касаться женской руки.

ЗИНА. Что ж они, сразу, что ль?

МАРК. Не знаю, обещать не могу. Но еще одно: не удивляйтесь, если они по любому поводу будут танцевать. У них так принято. Они даже молитву часто совершают в танце.

ЗИНА. Надо же! Прямо ансамбль Моисея! *(Уходит.)*

Входит мама с блюдом. Ставит его на стол.

МАРК *(смотрит на часы)*. Где же они? Неужели не придут?

МАМА. Не волнуйся, придут. Все иностранцы любят поесть на дармовщинку.

МАРК. Откуда ты знаешь? Ты из иностранцев видела только Лайму Вайкуле.

Звонок в дверь. Марк кидается открывать. На пороге стоит Бенья в костюме, очень модном лет сорок назад.

БЕНЯ. Действие третье: первый бал Абраши!

МАМА. Бенцион Рувимович, вас не узнать! Такой шикарный костюм...

БЕНЯ. Нравится?.. Это мне еще Шнейдерман пошил.

МАРК. Шнейдерман? А кто он был по профессии?

Снова звонок.

МАРК. Они! *(Открывает дверь, на пороге Дулитов в шикарном смокинге и с огромным букетом роз.)*

ДУЛИТОВ. Здравствуйте, господа! Русских пускают?

МАРК. Пал Макарыч, это же плохая примета — дарить цветы раньше времени.

ДУЛИТОВ. Марк Моисеевич, во-первых, я не верю в приметы, а во-вторых — это цветы не для Лизы, а для Розалии Львовны. *(Маме.)* Эти розы для Розы. Шекспир, перевод мой.

МАМА. Павел Макарович, вы растете в моих глазах. Если все «новые русские» такие, я готова простить этим бандитам, что они нас всех обокрали.

ДУЛИТОВ. Ну, и где же мое чадо? Еврейка русского разлива?

МАРК. Она переодевается.

МАМА. Сегодня она должна быть царицей бала.

БЕНЯ. Только, ради бога, не ляпните, что вы ее папаша. А то все наши труды пойдут прахом.

ДУЛИТОВ. Спасибо, дорогой! Вот что значит еврейская голова. Жаль, не тому досталась.

Снова звонок.

МАМА. Теперь уже они, больше некому. *(Открывает.)* Шалом-aleyхем, господа!

ХАСИДЫ *(поют и танцуют)*. Авейни шолом-aleyхем, авейни шолом алейхем!.. Авейни шолом, шолом, шолом-aleyхем!

ПИККЕР. Вот, знакомьтесь, наши американские гости: Даниил, Натаниил, Иезакиил. Кстати, первые двое понимают по-русски, их предки — эмигранты из России. А вот Иезакиил говорит только на английском и иврите. ИЕЗАКИИЛ. Йес, анфорчэнтли.

Входит Зина в крахмальном фартуке, наколке, со столиком на колесах.

ЗИНА. Гуд ивнинг, ледиз анд джентльмэнс! Тейк ит плиз: водка, виски, джин-толик...

ПИККЕР. Дорогая, наши гости пьют только кошерное вино.

ЗИНА. Ноу проблем! *(Наливает. Все разбирают бокалы.)*

МАРК. Господа! Прошу минуту внимания! Поскольку сам я холостяк, а моя мама только недавно приехала, сегодня роль хозяйки вечера согласилась взять наша дальняя родственница.

МАМА. Не обессудьте, если что не так. Это ее первый опыт.

ПИККЕР (*ехидно*). Простите, а эта родственница с чьей стороны?

МАРК. Что вы спрашиваете? Вы же знаете, что с вашей. Итак, прошу любить и жаловать — Лиза Дулицер!

Входит Лиза в потрясающем платье с древнееврейскими мотивами.

ЛИЗА. Шалом-aleyхем, хаверим! Фрой мих зих цу зеен бай унс! Лиза! Лиза! Вус эрцех Лиза!..

ДАНИИЛ. Лиза? Разве это есть еврейский имя?

БЕНЯ. Не обращайтесь внимания, в этой стране имя ничего не значит. Возьмите, к примеру, Иосиф. Когда это Кобзон — это айд, а когда это Сталин — это уже а бандит, а гангстер, а коммунист.

ЛИЗА. Извините, я вас задержала. Как говорится, ди цайт лойфт, поэтому прошу к столу. Здесь только кошер (*на идиш*), не волнуйтесь, тrefного тут нет.

НАТАНИИЛ. Хороший идиш. Видно, что девушка образованный.

ПИККЕР. Кстати, она какой институт закончила?

МАРК. Лиза?. Э-э... Институт пивной и молочной промышленности.

ДАНИИЛ. Вау! Какой только институт здесь нет.

Все рассаживаются, реб Пиккер совершает молитву, и гости переходят к еде. Слышно только звяканье ножей и вилок.

ЛИЗА. Простите, а вы сюда по делам? Наверное, из-за библиотеки Шнеерзона?

НАТАНИИЛ. Вы про это слышал?

ЛИЗА. Конечно! И очень возмущены. Наследие любаничского ребе должно принадлежать его ученикам.

ДУЛИТОВ. Извините, я все хочу спросить: что слышно на нью-йоркской бирже?

ДАНИИЛ. Мы сюда прилетел из Франция. Со всемирный сионистский конгресс.

БЕНЯ. И как там во Франции? Есть антисемитизм?

ДАНИИЛ. Конечно. Чем они есть хуже других?

МАМА. Не понимаю, с чего они такие антисемиты? Они даже картавят, как мы.

ПИККЕР. Нет, один француз мне сказал: это вы картавите, а мы грассируем.

МАРК. Что поделаешь — это наша судьба. Я как врач знаю: когда у русского жажда, он выпивает бутылку пива, а когда жажда у еврея, его посылают на анализ и у него оказывается диабет.

ДУЛИТОВ. Простите, господин Даниил, а как сейчас стоит французский франк?

ДАНИИЛ. Франк? Я даже не заметить, стоит ли он вообще.

МАРК. Господин Дулитов, давайте сегодня не будем о делах. Отдадим должное столу, Лиза так старалась.

МАМА. Вы попробуйте гефилте фиш. Это даже лучше, чем у моей бабушки.

БЕНЯ. Что касается меня, то я не могу оторваться от рубленой селедочки.

НАТАНИИЛ. А я просто умирать от этой картошка.

ЛИЗА. Мит гензе шмолц?

НАТАНИИЛ. Да, с гусиной сало. Так всегда делал мой мама.

ДАНИИЛ. Лиза, но откуда вы, такой молодой, знаете нашу еду, наши обычай?

ЛИЗА. Трудно оказать. Хорошие люди научили.

ДАНИИЛ. А семья, родитель?

ЛИЗА. Маму я почти не помню, а отец нас бросил еще в моем детстве.

ДАНИИЛ. Бросил ребенок? Кошмар! У нас, хасидов, такой не может быть!

ЛИЗА. А у нас может. Взял и бросил.

ДАНИИЛ. Но почему?

ЛИЗА. Почему, почему?.. По кочану!

НАТАНИИЛ. Что это есть — по кочану?

МАРК. Видите ли, это новое литературное выражение. Оно означает — «по неизвестной причине».

НАТАНИИЛ. Интересный выражений, мне нравится.

ПИККЕР. А вот скажите, Лиза, вы чувствуете на себе антисемитизм?

ЛИЗА. Вообще, нет. Только последние три месяца.

ДАНИИЛ. Почему последний?

ЛИЗА. Не знаю, так получилось. А вообще, мне кажется, что главная причина антисемитизма — это успехи евреев в разных областях. Было бы успехов поменьше, их бы любили побольше.

МАРК. А как вы думаете, почему они добились таких успехов?

ЛИЗА. На это уже ответил один хахам, еврейский мудрец. Он сказал так: «Мы добиваемся превосходства, потому что нам отказывают в равенстве».

БЕНЯ. Золотые слова! Я и сам так думал, только не мог сформулировать.

ДАНИИЛ (Дулитову). Какая она есть умница! Вы только не обижайтесь, господин Дулитов, но еврейский девушка видно сразу.

ДУЛИТОВ. А что обижаться? Как говорится, против правды не попрешь!

ЗИНА (входя). Лэйдиз энд джентльмэн! Этеншен, плиз! Не очень налегайте на закуски, бэкоз скоро будет горячее. Эссык флейш!

ДАНИИЛ. Нет, это невозможно! Почему русский евреи столько едят?

НАТАНИИЛ. Почему, почему... По кочану!

МАРК. Не совсем так... Ведь кто мы были здесь, в России? Абрамы, не помнящие родства! Языка мы не знали, традиции забыли, религию утеряли. Единственное, что нас объединяло с нашей нацией, — это еврейская еда. Только за столом мы чувствовали себя настоящими евреями.

МАМА. Правильно, сынок! Поэтому еда для нас — это не просто еда. Это радость, праздник, это песня нашей души!

ПЕСНЯ О НАШЕЙ ЕДЕ

ЛИЗА.

И в праздники, и в будни,
И в радость, и в беду
Любили наши люди
Еврейскую еду.

МАМА.

Зимою или летом —
Когда б ты ни пришел,

ВМЕСТЕ. Забудь про все диеты
И к нам садись за стол!
На нем куриная печенка
Нежней, чем поцелуй ребенка,
И на гусином чистом сале
Поджаренный лучок.
А наша водка-пейсаховка
Бьет посильнее, чем винтовка,
И к водке лучшая закуска —
Соленый форшмачок.

МАМА. В местечке наши предки
В далекие года
Обычно ели редко,
Когда была еда.

ЛИЗА. Но в Пурим или Песах
Стоял от печки жар,
И сам глава семейства
Мешпуху приглашал.
Как настоящие подарки,
Лежали золотые шкварки,
А там — куриный и телячий
Красавцы-холодцы.
Ну, а вишневая наливка
Была от всех забот прививка,
И что на свете есть вкуснее,
Чем «бабка» из мацы?

МАМА. Еврейское местечко
Исчезло навсегда,
Но выжила, конечно,
Еврейская еда.

ЛИЗА. Спасибо нашим мамам —
Рецепт не позабыт,
И говорим друзьям мы:
«Агути аппетит!»

ВМЕСТЕ. Здесь фаршированная щука
Лежит с колечками из лука,

И на столе стоят бокалы
Кошерного вина.
Другие кухни мы не хаем,
Но нашей говорим «лэхаим»!
За всех еврейских кулинаров
Мы стоя пьем до дна!

С бокалом встает Иезакииль, говорит по-английски.

ПИККЕР. Господа, наш гость сказал, что хоть в Америке тосты не приняты, но он уже научился этому в России и скажет пару слов. *(Иезакииль продолжает, Пиккер переводит.)*

ПИККЕР. Наш гость говорит, что у него, к сожалению, нет сына, только шесть дочерей. Но если бы у него был сын, он не желал бы для него лучшей невесты, чем наша Лиза.

ВСЕ. Мазлтов! *(Выливают.)*

ЛИЗА *(берет балалайку).*

Аф дер, аф дер гас метелица метет,
За метелицей майн либеньке идет.
Ты поштейт, поштейт, а шейналэ моя,
Гиб мир наглядеться, нахэс, на тебя!
Красота твоя мешуге махт меня
Иссушила гутэ бохера, меня.
Ты поштейт, поштейт, а шайналэ моя,
Гиб мир наглядеться, нахэс, на тебя!

Мелодию подхватывает диксиленд. Общий танец, где все пляшут сообразно возрасту, положению и национальности. В центре — трое хасидов и реб Пиккер, а рядом три пары: Лиза с Марком, Дулитов с мамой и Бенья с Зиной.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Та же квартира. Марк, листая газету, пьет утренний кофе. Входит Лиза с чемоданом.

МАРК. Доброе утро! Куда это вы с чемоданом?

ЛИЗА. Хорошего понемножку. Генуг.

МАРК. А что за спешка? Даже кофе не выпили.

ЛИЗА. Спасибо, не хочется. И вообще, эксперимент окончен, пора по домам.

МАРК. А где, если не секрет, жить собираетесь? У папашки?

ЛИЗА. Да что вы! У него это временно, скоро все опять промотает. Нет, в этой жизни надо только на себя рассчитывать.

МАРК. Что так сурово? Я, например, всегда вам с радостью помогу.

ЛИЗА. Да, Марк Моисеевич, я уже поняла.

МАРК. Кстати, чуть не забыл! *(Достает конверт.)* Это реб Пиккер передал.

ЛИЗА. А что это?

МАРК. Наш выигрыш: две путевки в Израиль.

ЛИЗА *(радостно)*. Мы едем в Израиль?

МАРК. Видите ли, дело в том, что это сентябрь. У меня как раз в это время конгресс в Будапеште. Так что я, к сожалению...

ЛИЗА. Понятно.

МАРК. Но вы обязательно поезжайте! Возьмите с собой подругу или друга. У вас ведь есть друг?

ЛИЗА. Что?

МАРК. Я говорю, у вас есть человек, который вам нравится?

ЛИЗА. Конечно.

МАРК. Вот и поезжайте с ним. Страна потрясающая! Это каждый должен увидеть!

ЛИЗА *(берет конверт)*. Хорошо, я подумаю. Тем более с работой надо решать.

МАРК. К пиву, значит, возврата нет?

ЛИЗА. Никогда! Я в институт хочу поступать, иностранных языков. На факультет иврита.

МАРК. Правильно. И помните — я всегда к вашим услугам.

ЛИЗА. Ну, будем прощаться. Спасибо вам, Марк Моисеевич!

МАРК. Это вам спасибо.

ЛИЗА. Нет-нет, вы так много для меня сделали, я другим человеком стала.

МАРК. Вы такой и были, просто не знали себя. Успехов вам! *(Подает руку.)*

ЛИЗА (*жмет руку*). Вот, кладу ключи. Это от подъезда... от квартиры... от почтового ящика, от самой двери. Да, простите, доктор, когда в следующий раз будете опыт ставить, попробуйте сначала на мышах! (*Уходит. Марк ошарашенно смотрит ей вслед, затем снова садится за кофе. Входит мама в халате.*)

МАМА. Доброе утро, сынок. Уже завтракаешь? А Лиза?

МАРК. Лиза ушла.

МАМА. Надолго?

МАРК. Вообще ушла. У нее, между прочим, своя жизнь.

МАМА. Ты что, в своем уме? Люди, посмотрите! Такая девушка, а он ее пустил.

МАРК. Мама, где твоя логика? Ты же всю жизнь хотела, чтоб я женился на еврейке!

МАМА. Хотела, шмотела... А теперь расхотела. Женишься на еврейке, будешь всю жизнь мучиться, как твой отец.

МАРК. Ладно, не наговаривай на себя. (*Обнимает мать.*)

МАМА. Ну, правда, Марк... Она уже без пяти минут еврейка, фактически осталось купить дубленку — и все!

МАРК. Мама, ты можешь понять, что я вообще не хочу жениться: ни на еврейке, ни на русской, ни на цыганке — ни на ком!

МАМА. Что ж ты, так и будешь всю жизнь один?

МАРК. Почему один? У меня есть любимое дело, друзья, девушки, наконец...

МАМА. Я говорю о самой главной. Единственной!

МАРК. Вот моя единственная! (*Показывает на картину.*)

МАМА. О! Новый Пигмалион нашелся. Может, ты ее еще оживишь?

МАРК. Может, и оживлю.

МАМА. Так я скажу: отец был мишигинер, и сын мишигинер. Счастье, что у меня нет внука, а то бы он был двубортный мишигинер!

МАРК. Хорошо, хорошо, успокойся. (*Гладит ее по голове.*) Когда у тебя поезд?

МАМА. Не помню. Вечером.

МАРК. Я тебя обязательно провожу. А пока, извини, пойду переоденусь.

Выходит. Мама наливает себе кофе, смотрит на стул.

МАМА. Ой, она же забыла свою балалайку! *(Берет в руки инструмент, щиплет струны, затем ударяет по ним, грустно поет.)*

Степь да степь кругом, Путь далек лежит.
В той степи глухой замерзал а ид...

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Аэропорт Шереметьево. Лиза и Беня одеты по-дорожному. Их провожает Зина.

ЗИНА. Ой, Лизка, я тебе прям так завидую! Мир посмотришь, себя покажешь.

БЕНЯ. Ничего, Зина, ты еще молодая. Еще увидишь небо в алмазах.

ЗИНА. Ой, в алмазах! Кто мне их покажет? На всех нас евреев не хватит.

Появляется Дулитов, одетый, как в начале пьесы.

ДУЛИТОВ. Привет честной компании! Еле нашел.

БЕНЯ. Павел Макарович? Как это понимать?

ДУЛИТОВ. Все! Финита ля комедия! Сгорел мой банк «Цыганский кредит».

ЗИНА. Ой, бедный...

ДУЛИТОВ. Точно, бедный. Но не сдавшийся. *(Достает бутылку коньяка.)* Отметим отъезд?

БЕНЯ. Святое дело!

Они подходят к высокому столику. Дулитов разливает по стаканам.

ДУЛИТОВ. Ну, дорогие мои, счастливого вам путешествия! *(Выпивают.)*

ГОЛОС. Внимание! Объявляется регистрация багажа на самолет авиакомпании «Эль Аль», следующий рейсом... по маршруту Москва — Тель-Авив!

БЕНЯ. Ну все, объявили. Будем прощаться.

ДУЛИТОВ. Спокойно, без паники. Еще целый час будут оформлять.

БЕНЯ. Знаете, мой папа всегда говорил: лучше к поезду прийти на час раньше, чем на минуту позже.

ЛИЗА. Спорщики *(далее на иврите)* гамур, работай со-
вланут.

ЗИНА. Это ты сейчас по-какому сказала?

ЛИЗА. Это уже на другом еврейском. На иврите.

ЗИНА. У них что, два еврейских?

ЛИЗА. Выходит, так.

ЗИНА. Ну и правильно, молодцы! Чем больше, тем лучше.

БЕНЯ. Может, пора? Вы извините, что я вас дергаю, но так давно хотел увидеть Израиль.

ЗИНА. А у нас из соседнего подъезда семья уехала. Восемь человек. А еврейка там одна бабушка. Такая хохма: одна старенькая еврейка вывезла на себе семерых русских.

БЕНЯ. Прямо сказочная история: «Белоснежка и семь гоев».

ЗИНА. Лизавета, ты там поосторожней. По телику показывали, опять чего-то взорвали.

ДУЛИТОВ. Напугала! Да в Москве по пять раз в день взрывают.

ЛИЗА. Все будет хорошо. В крайнем случае, дядя Беня меня защитит.

ДУЛИТОВ. Ну, если такой герой будет рядом... Ладно, ладно, Бенцион, не дуйтесь. Давайте лучше еще по одной. *(Разливает.)* За наши оккупированные территории! *(Выпивают.)*

БЕНЯ. Что-то жарко здесь... Или вентиляция не работает. *(Снимает плащ, на пиджаке у него большая планка орденов. Пауза.)*

ДУЛИТОВ. Слушайте, Фурман, да вы и вправду герой.

БЕНЯ. Оставьте, какой герой? Была война, погорячился немного...

ЛИЗА *(дотрагивается до планок)*. Вот уж не ожидала. Вы мне всегда казались таким робким.

БЕНЯ. Лизанька, это наша еврейская черта: на танк идти мы не боимся, а когда на нас кричит соседка — у нас инфаркт.

ЗИНА. А где же Марк Моисеевич? Он точно прийти обещал?

БЕНЯ. Обещал, но знаете, как бывает: трудная операция, то, се...

ЛИЗА. Надо оформляться, никто уже не придет.

ДУЛИТОВ. Да вон же он сам! Красивый и молодой!

Появляется запыхавшийся Марк с букетиком.

МАРК. Извините, ради бога, в такую пробку попал.

ДУЛИТОВ. Бывает. Ну, мы пока очередь займем, а вы подходите. *(Уходит, уводя за собой Беню и Зину.)*

МАРК. Лиза, у нас, к сожалению, мало времени, а мне так много надо вам сказать.

ЛИЗА. Мне тоже.

МАРК. Всего три недели, как вас нет, а я живу в каком-то кошмаре. Я вам звоню — вас нет, шлю открытку — вы не отвечаете.

ЛИЗА. А я у тетки в деревне была.

МАРК. Тетка, деревня — я все понимаю, но так дальше продолжаться не может! Вы все в доме переложили на какие-то непонятные места. Вилки и ложки я нахожу в книжном шкафу, мои носовые платки лежат в духовке, пульт от телевизора — в морозильнике. Зачем вы все это сделали?

ЛИЗА. А вы так и не поняли?

МАРК. Нет, не понял.

ЛИЗА. Затем, чтоб вы меня снова позвали, и я все положила на место.

ГОЛОС. Внимание! Объявляется посадка на самолет авиакомпании «Эль Аль», следующий рейсом... по маршруту Москва — Тель-Авив!

ЛИЗА. Извините, мне пора. *(Марк оторопело молчит.)*
Да свидания, Марк Моисеевич!

МАРК. Да-да, всего хорошего. Счастливой вам поездки.

Лиза убегает. Марк долго смотрит ей вслед, резко поворачивается и уходит. Появляются Зина и Дулитов.

ДУЛИТОВ. Ну, вот и проводили.

ЗИНА. Счастливая Лизка, за границу полетела. Правильно, что она с евреями связалась. А связалась бы с нашими — дальше Химки-Ховрино не уехала.

ДУЛИТОВ. Зинаида, ты уж как-то того, больно непатриотично.

ЗИНА. Да надоело все! Одна болтовня, а толку никакого.

ДУЛИТОВ. Почему? Все-таки перемены к лучшему есть. Видишь, и коньяк наш не свистнули. Давай-ка тяпнем на посошок. *(Разливает остатки.)* Не горюй, Зинуша, мы еще тоже мир поглядим.

ЗИНА. И то верно! *(Поднимает стакан.)* Ну, как говорится: в будущем году — в Иерусалиме!

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Квартира Хигмана. Марк сидит в полутьме, о чем-то задумавшись. Появляется Лиза в красном сарафане, словно сошедшая с картины Малявина. Проходит по комнате, ставит на стол самовар, чашки, сахарницу...

ЛИЗА. Миленький вы мой, чего это вы в темноте сидите?

МАРК *(обалдело)*. Лиза, это вы?

ЛИЗА. А то кто же еще?

МАРК. Не-ет, мне это кажется.

ЛИЗА. А вы перекреститесь, если кажется.

МАРК. Не могу я креститься. Я ведь еврей.

ЛИЗА. Ах, да... Ну, тогда сплюньте.

МАРК. Чего это я буду плевать в своей квартире?

ЛИЗА. Тогда дотроньтесь до меня.

Марк встает, осторожно дотрагивается до нее, затем крепко обнимает.

МАРК. Лиза, ты вернулась?.. Каким же я был дураком!

ЛИЗА. Не расслышала. Повторите...

ДУЭТ ЛИЗЫ И МАРКА

МАРК.

Каким же был я дураком,
Самодовольным индюком,
Искал я то, чему цена копейка.
А рядом ты была со мной,

Такою близкой и родной,
Такая русская моя еврейка.
В любви не может быть для нас
Национальностей и рас.
Там нет религий, нет границ,
Разреза глаз и цвета лиц!

ЛИЗА.

Тебя ждала я столько лет,
И был не мил мне целый свет.
И серым было все вокруг и тусклым,
Но, наконец, явился ты,
Как принц из сказочной мечты,
Как удивительный еврей мой русский.

ПРИПЕВ.
ВМЕСТЕ.

Твои друзья, твоя родня
Тебя осудят и меня,
Но все равно нас этим не обидишь.
По жизни мы пойдем с тобой
Одной тропой, одной судьбой.
Ну, точно так, как рядом с русским идиш.

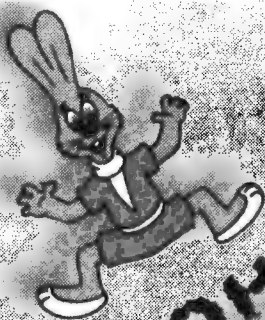
ПРИПЕВ.

Они танцуют вальс-бостон, и к ним присоединяются пары из спектакля. И даже влюбленные Шагала сходят с картины и танцуют вместе со всеми. Потихоньку в мелодию вплетается лейтмотив спектакля. И под нее идет финальный танец.

Кубинцы и малайцы,
Французы и китайцы,
Тот белый, этот черный,
А этот с желтизной.
Пусть при любой погоде
Друг к другу путь находят,
Но каждый остается
Сам собой!

ЗАНАВЕС

1997 г.

«радионяня» и рассказы для детей

Веселая грамматика

«Радионяни»

Дорогие ребята! В этой книжке вы встретитесь с учителем Николаем Владимировичем (мы будем называть его Н.В.) и двумя его учениками: Аликом и Сашей (в книжке они обозначаются буквами А. и С.). Когда они говорят вместе, слева будут стоять буквы А., С.

Е или О после Ц

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Вы, наверное, знаете эти стихи:

Муха, Муха-Цокотуха,
Позолоченное брюхо...

А., С. Конечно, знаем!

Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла.
Пошла Муха на базар
И купила...

Н.В. Стоп-стоп! Достаточно! Я верю, что вы знаете наизусть всю «Муху-Цокотуху». Меня интересует совсем другое: как пишется слово «ЦОКОТУХА»?

С. Очень просто — ЦЫКАТУХА.

А. Ничего подобного! Муху цеце знаете?

Н.В. Ну и что?

А. Цеце — это сокращенно Цекатуха. Поэтому пишется через Е.

Н.В. Что вы придумываете! Цеце — это африканская муха и никакого отношения к нашей отечественной Цокотухе не имеет. Цокотуху придумал Корней Иванович Чуковский, и пишется она через О: ЦОКОТУХА.

А. Правильно, правильно! Я вспомнил! Муха-Цокотуха — это не муха цеце, это муха цоцо.

Н.В. Вот этим мы и займемся на нашем сегодняшнем уроке.

С. Вот здорово! Будем ловить мух!

Н.В. Нет, этого как раз делать не стоит. Я попрошу вас быть очень внимательными, потому что мы будем изучать правописание слогов ЦО и ЦЕ. Вот вы сегодня утром умывались?

А., С. Конечно!

Н.В. Похвально. А чем вы вытирались?

С. Полотенцем.

Н.В. А как пишется это слово?

С. Через О.

Н.В. Интересно, почему?

А. Почему?

С. Потому что вытирал лицО. Чем? ПолотенцОм.

А. Неправильно! Я, например, голову вытирал, значит, вытирал голову полотенЦУМ, да?

С. Почему полотенЦУМ?

А. Потому что в голове — УМ.

Н.В. Друзья мои, одного ума недостаточно, нужны еще знания. А вот этого у вас как раз и нет.

А. Почему нет? Мы все знаем!

Н.В. Хорошо. Тогда ответьте мне на самый простой вопрос. Вот вы Алик Левенбук, правильно?

А. Да.

Н.В. А с кем вы выступаете, вместе с ЛившиЦОМ или с ЛившиЦЕМ?

А. Я?! С Литвиновым, Николаем Владимировичем.

Н.В. Нет-нет, не уваливайте от ответа: ЦОМ или ЦЕМ?

А. ЦОМ.

Н.В. Почему?

А. Не знаю.

Н.В. А если не знаете, надо не лениться, а заглянуть в учебник.

С. Я уже заглянул.

Н.В. И что вы там увидели?

С. Правило. Вот оно. После Ц в ударных слогах, когда слышится О, то и пишется О, а в безударных слогах пишется Е.

Н.В. Значит, ПОЛОТЕНЦЕ пишется как?

А. После Ц — Е. Потому что без ударения.

С. А ЦОКОТУХА? Ударение на У, ЦОКОТУХА, а после Ц пишется О.

Н.В. Это исключение из правила. ЦОКОТУХА — единственное слово, в котором после Ц пишется О, хоть оно и не под ударением... Ясно?

А., С. Ясно.

Н.В. Я думаю, что правило простое, поэтому нам легко будет спеть о нем песенку.

Сколько слов встречаем мы ужасно сложных:
ПАЛЬЦЕМ, ЦОКОЛЬ, ПОЛОТЕНЦЕ, МОЛОДЦОМ...
Разобраться нам порою невозможно,
ЦЕ в них правильно поставить или ЦО.
Чтобы в трудном положении
Не ударить в грязь лицом,
Там, где слог под удареньем,
Надо ставить только ЦО.
Есть слова еще трудней, чем мы назвали:
ГЛЯНЦЕВИТЫЙ, ОБЛИЦОВКА И ТАНЦОР.
Разберетесь в них без правила едва ли.
ЦЕ здесь правильно поставить или ЦО.
Так отбросьте все сомненья!
Чтоб не думать, не гадать,
Там, где слог без ударенья,
ЦЕ поставь — получишь «пять»!

Переменка

В обычной школе после каждого урока бывает переменка, чтобы ребята могли отдохнуть, побегать и повеселиться. В нашей книжке тоже после каждого урока будет переменка. На этой перемене вы сможете узнать, какие смешные случаи происходят с ребятами на уроках. Все эти случаи присланы нам ребятами. Прочтите, улыбнитесь, а заодно вспомните, что смешного происходило на уроках в вашей школе.

На уроке русского языка надо было придумать предложение, в которое входили бы слова с твердым знаком: изъян, подъезд и объявление.

Ученик подумал и написал:

— Изъян сидел в подъезде и писал объявление.

На уроке учительница спросила:

— Почему муха ползает по потолку и не падает?

— Потому что у нее ноги волосатые. — ответил Коля.

ПОЛ-, ПОЛУ-

А. С. Начинаем веселый урок!

Я пришел из школы:

Мамы дома нет.

На столе оставлен

Для меня обед:

ПОЛБАТОНА хлеба,

ПОЛСУДКА борща

И на сковородке

Ровно ПОЛ-ЛЕЩА.

ПОЛБАТОНА,

ПОЛ-ЛЕЩА.

Если мамы дома нету,

ПОЛМИНУТЫ не теряй —

И варенье из буфета

Поскорее доставай!

Н.В. Минуточку! Чему вы учите ребят?

А. Правописанию слова ПОЛ, что значит «половина».

Н.В. Прекрасно, только зачем вместо обеда есть варенье?

С. А что, разве так не бывает?

Н.В. Бывает, конечно. Даже со мной так в детстве бывало.

А. Вот и хорошо. Значит, вы знаете, чем это может кончиться?

Н.В. Знаю и даже могу об этом спеть:

У меня сегодня

Был такой обед:

ПОЛКИЛО варенья,
ПОЛМЕШКА конфет,
ПОЛ-АРБУЗА с тортом,
Апельсин с халвой...
Я еще не мертвый,
Но ПОЛУЖИВОЙ.
Я не ем уж ПОЛНЕДЕЛИ,
Я не сплю уж пять ночей,
У моей сидит постели
Ровно ПОЛ-МОСКВЫ врачей.

Ну что ж, в этой песенке действительно часто встречается слово ПОЛ: ПОЛбатона, ПОЛ-леща, ПОЛ-арбуза, ПОЛ-Москвы. Теперь нам надо разобраться в том, как эти слова пишутся.

С. Я знаю.

Н.В. Молодец. Скажи, как?

С. Эти слова пишут вместе. Или через черточку.

Н.В. Верно. Только какие вместе, а какие через черточку? Вот, например, как писать ПОЛПРОЯЛЯ?

С. Очень просто. Пианино.

А. Полпрояля вообще не бывает. Кто же разрешит пилить рояль?

Н.В. Пилить и не надо. Но ведь может быть такая фраза: «ПОЛПРОЯЛЯ покрыты чехлом». Как писать это слово?

С. Через черточку. Полпрояля так, а полпрояля с чехлом.

Н.В. Не выдумывай. Это слово пишется вместе. И запомните правило: если после ПОЛ идет согласная буква, то ПОЛ пишется слитно. ПОЛПРОЯЛЯ, ПОЛМИНУТЫ, ПОЛБАТОНА... А вот как пишется ПОЛ-ЛИЦА?

А. Это смотря какое лицо. Если маленькое — то вместе, а если такое, как у Сани, то на нем не только черточка, но и все знаки препинания поместятся.

С. При чем здесь мое лицо? По правилу надо писать вместе, потому что Л — согласная.

Н.В. Ошибаетесь. Л действительно согласная, но она — исключение. Перед Л надо всегда ставить черточку: ПОЛ-ЛИЦА, ПОЛ-ЛИСТА, ПОЛ-ЛЕЩА. Значит, как пишется ПОЛ-ЛИМОНА?

А. Через дефис.

Н.В. А ПОЛПЕРСИКА?

С. Вместе. Потому что П — согласная и не Л.

Н.В. А ПОЛ-ЯБЛОКА?

А. Э-э-э... Тоже вместе. Потому что Я — это не Л.

Н.В. Да, но Я — это и не согласная. А перед гласными после слова ПОЛ ставится черточка: ПОЛ-ЯБЛОКА, ПОЛ-ОРЕХА, ПОЛ-АРБУЗА.

С. Николай Владимирович, а ПОЛДЫНИ вместе?

Н.В. Конечно.

С. Хорошо. Потому что я дыню ни с кем делить не люблю.

Н.В. Ну, я надеюсь, что вы это сказали шутя?

С. Ну-ну... полушутя...

Н.В. Ах, так? Тогда ответьте, как пишется слово ПОЛУ-ШУТЯ?

С. Это я знаю. Слова, начинающиеся с ПОЛУ, всегда пишутся слитно: ПОЛУШУТЯ, ПОЛУКРУГ, ПОЛУЖИВОЙ.

Н.В. Очень хорошо. И последнее правило: перед заглавной или прописной буквой ПОЛ всегда пишется с черточкой: ПОЛ-Москвы, ПОЛ-Франции, ПОЛ-Европы. Давайте теперь еще раз споем нашу песенку, только так, чтобы ребята твердо запомнили, когда числительное ПОЛ пишется с черточкой, а когда слитно.

ВСЕ.

Я пришел из школы,
Мамы дома нет.
На столе оставлен
Для меня обед.

А.

ПОЛБАТОНА хлеба,

С.

ПОЛСУДКА борща

Н.В.

И на сковородке
Ровно ПОЛ-ЛЕЩА.

ВСЕ.

Вот теперь нам стало ясно:
Не забудем никогда,
Слово ПОЛ с любой согласной
Слитно пишется всегда.

А. А буква Л? Ведь она тоже согласная.

Н.В. Буква Л — исключение. Мы о ней еще споем.

ВСЕ.

У меня сегодня
Был такой обед:
ПОЛКИЛО варенья,
ПОЛМЕШКА конфет,
ПОЛ-АРБУЗА с тортом,
Апельсин с халвой,

Н.В.

Я еще не мертвый,
Но ПОЛУЖИВОЙ...

ВСЕ.

Перед Л и перед гласной,
Перед буквой прописной
Слово ПОЛ — любому ясно —
Отделяется чертой!

Переменка

(Избранные места из школьных сочинений)

«Ленский жил не до конца. Он умер от дуэли».

«Печорину сказали, что лошади уже готовы и его сейчас будут закладывать».

«Руки Базарова с детства не носили перчаток».

«Онегин умел хорошо говорить и танцевать на французском языке».

Притяжательные местоимения

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Очень хорошо. Попробуем сегодня повеселиться по поводу притяжательных местоимений. Чья очередь отвечать?

А. Евоная.

Н.В. Евоная?! Ну что ж, пусть он и говорит.

С. А почему каждый раз я?

Н.В. Каждый?! Да... я вижу, вы хорошо знаете этот урок. Интересно, по какому учебнику вы готовились?

С. Я у сестры взял учебник.

Н.В. Что ж это за учебник такой?

С. Нормальный — ейный.

Н.В. Чейный ейный?

С. Ну, ейный — сестрин.

Н.В. Хотел бы я знать, в какой школе учат по такому учебнику?

С. В ихней.

Н.В. В какой?

С. В ихней. В средней.

Н.В. Ну вот что. Если вы не выучили, надо в этом честно признаться, потому что нет такого учебника, где бы были притяжательные местоимения: ЕЙНЫЙ, ИХНИЙ, ЕВОНЫЙ или местоимение КАЖНЫЙ. Есть только слова: ЕГО, ЕЕ, ИХ, КАЖДЫЙ.

А. А я учил.

С. И я учил.

Н.В. Что выучили?

А. Песенку про слова: ИХНИЙ, ЕЙНЫЙ...

С. Что ж, выходит, мы зря учили?

Н.В. Нет, не зря. Сейчас мы споем эту песенку, чтобы все ребята запомнили, как не надо склонять притяжательные местоимения.

Как-то раз во дворе
Из собачьей миски
Пять чумазых поросят
Кушали сосиски.

С.

Подошел к ним и сказал
Папа возмущенный:
Так съедите вы у пса
Весь обед ЕВОНЫЙ!

А.

Закричала хрюшка-мать:
— Отойди от будки!
Детям надо наполнять
ИХНИЕ желудки!

Н.В.

Папа грустно пробурчал
В пяточок широкий:

— Слушать я уже устал
ЕЙНЫЕ упреки!

ВСЕ.

Детям всё прощают тут,
Дети хрюшками растут,
И такая дребедень
Происходит КАЖНЫЙ день!

Н.В. Стоп, стоп, стоп, стоп! Это действительно дребедень какая-то получается. Папа пытается правильно воспитывать детей, а мама совершенно незнакома с правилами хорошего тона. И главное, оба они абсолютно не умеют склонять местоимения.

С. Николай Владимирович, а может быть, пороссятам и не надо этого уметь?

Н.В. Конечно, не надо! Зато всем ребятам просто необходимо! И вот почему...

И у нас во дворе
Слышал я однажды,
Как ребята говорят:
ИХНИЙ, ЕЙНЫЙ, КАЖНЫЙ.

А.

Чтобы вы никогда
Не попали в лужу,

С.

ИХ, ЕГО и ЕЕ
Говорить вам нужно.

ВСЕ.

Пели мы про пороссят,
Намекали на ребят.
То, что можно пороссятам, —
Непростительно ребятам!

Переменка

На уроке литературы учитель сказал ученику:
— Посмотри, рядом с именем Пушкина написано
1799—1837. Что это значит?
— Наверное, это номер его телефона.

В сельской школе учитель спросил:
— Для чего строятся плотины?
— Чтобы белье полоскать.

На уроке географии:
— Что вращается вокруг своей оси?
— Голова.

Черточка в наречиях

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Сегодня мы будем говорить о правописании черточки в наречиях.

А. Какой черточки?

Н.В. Коротенькой черточки, которая называется дефис.

С. Это хорошо, что она коротенькая. Значит, и урок будет не длинненький.

Н.В. Ну, это зависит от вашего внимания.

А., С. Мы готовы.

Н.В. Во-первых, мы займемся... Кстати, как пишется ВО-ПЕРВЫХ?

А. Так же, как и ВО-ВТОРЫХ.

Н.В. А как пишется ВО-ВТОРЫХ?

С. Как В-ТРЕТЬИХ. Через черточку.

Н.В. Правильно. В наречиях, которые образованы от порядковых числительных, приставка ВО отделяется черточкой: ВО-первых, ВО-вторых, В-третьих...

С. В-123-х!

Н.В. Верно. Теперь второе правило. Черточка пишется в наречиях, образованных повторением одинаковых слов или корней. Например: ЕЛЕ-ЕЛЕ, ТОЧЬ-В-ТОЧЬ, КРЕПКО-НАКРЕПКО...

А. Елки-палки.

С. А это при чем?

А. Как при чем? Тоже пишется через черточку.

Н.В. Да, через черточку, но елки и палки — это не наречия.

А. Ах да, извините. Приставка ПО пишется через черточку в наречиях, которые оканчиваются на СКИ, ЦКИ, ЫИ, ОМУ, ЕМУ. Например: ПО-РУССКИ, ПО-КАЗАЦКИ, ПО-ЛИСЬИ, ПО-ЗАЯЧЬИ...

С. По-свинячьи.

Н.В. Нет, так не говорят. Надо сказать: ПО-СВИНСКИ.

А. И по-обезьянски, по-слонянски.

Н.В. Нет-нет! ПО-ОБЕЗЬЯНЫИ, ПО-СЛОНОВОМУ. А то вы еще скажете: по-собачачьи.

А. Нет, мы знаем: ПО-СОБАЧЬИ, ПО-КОШАЧЬИ, ПО-ЦЫПЛЯЧЬИ...

С. По-курячьи.

Н.В. Вот тут как раз ПО-КУРИНОМУ. Ясно?

А., С. Ясно.

Н.В. И последнее. Черточка пишется в наречиях с частицами КОЕ, ТО, ЛИБО, НИБУДЬ. Если вы все это запомните, то КОЕ-ГДЕ (через черточку) КОГДА-НИБУДЬ (опять через черточку) КТО-ЛИБО (тоже через черточку) скажет, что вы грамотные люди. А чтобы и ребята, которые читают сейчас этот урок, были грамотными, мы споем о черточке специальную песенку.

А. Минуточку. Как же мы споем? Ведь черточку только видно на бумаге. Ее же в песенке не слышно.

С. А я знаю, что надо сделать. Надо черточку изображать звуком. В тех местах, где будет черточка, я буду делать так: «вжить».

Н.В. Ну что ж, мысль неплохая. Попробуем.

С.

Я всю ночь не сплю, гляжу в окно:

За окном опять ЧЕРНЫМ вжить ЧЕРНО.

До чего же, люди, нам не повезло —

Лучше б стало по ночам БЕЛЫМ вжить БЕЛО.

Я б всю ночь в футбол играл,

Ночью голубей гонял...

Вот тогда бы стала ночь

Словно день, ну просто ТОЧЬ вжить В вжить ТОЧЬ.

С. Теперь давай ты.

А. А я не могу свистеть, у меня зуб качается.

С. Он что, молочный?

А. Нет, металлический.

С. Тогда придумай какой-нибудь другой звук. Лай, например, как бульдог.

А. Нет, я бульдогом не буду. Я лучше потявкаю, как пудель:

А я ВСЕ гав ТАКИ мечтаю о другом:
Чтобы ночь к нам приходила днем,
КОЕ гав ЧТО в природе надо повернуть,
Чтобы этого добиться КАК гав НИБУДЬ.
Я бы в школу не ходил,
День в постели проводил,
Ну, а раз повсюду мрак,
Я бы мог учиться КОЕ гав КАК.

А. Николай Владимирович, теперь ваша очередь.

Н.В. Нет-нет-нет, друзья мои. Я не могу ни свистеть, ни тем более тявкать. Я уже не в том возрасте. Если вы не возражаете, я буду мяукать.

А., С. Пожалуйста, Николай Владимирович! Мяукайте на здоровье.

Н.В.

Скажут все, кого ни спрашивай:
Не получится ПО мяу ВАШЕМУ.
Все на свете правильно устроено,
Зря, друзья, стараетесь ПО мяу МОЕМУ.
День природа нам дала,
Чтобы сделать все дела,
А для сна дана нам ночь —
Это надо помнить ТОЧЬ мяу В мяу ТОЧЬ.

Переменка

Надо было прочитать наизусть басню Крылова «Волк на псарне». Ученик вместо слов: «Бегут, иной с дубьем, иной с ружьем» — прочитал так: «Бегут, иной с кольем, иной с вильем».

Дети писали сочинение о животных. Один мальчик написал: «Я вытащил собаку из пруда, и она в знак благодарности стала помахивать хвостом. Немногие люди способны на такое».

На уроке математики девочку спросили:

— Сколько будет три плюс четыре?

— Семь.

— А семь плюс четыре?

— Не знаю. Мы до одиннадцати еще не учили.

Ци — цы

Н.В. Начинаем веселый урок. Мои дорогие помощники, берегитесь! К сегодняшнему уроку я приготовил и особое задание!

С. Не пугайте, Николай Владимирович, мы не боимся никаких заданий.

А. Да. Что это за задание?

Н.В. Это диктант.

С. А-а, ничего страшного!

Н.В. Диктант в стихах. Приготовьтесь писать и будьте внимательны: в диктанте много слов с буквой Ц, и вы должны определить, что писать: ЦИ или ЦЫ. Готовы?

А., С. Готовы.

Н.В. Диктую.

Цыпленок в цирке выступал,
Играл он на цимбалах,
На мотоцикле разъезжал
И цифр знал немало.
Он из цилиндра доставал
Морковь и огурцы
И только одного не знал:
Где пишут ЦИ, где ЦЫ.

Вот так. Цыпленок не знал. А вы знаете?

С. Конечно, мы же не цыплята!

Н.В. Ну, это надо еще доказать.

А. Пожалуйста, проверьте мой диктант.

Н.В. Так... так... Значит, вы считаете, что везде после Ц надо писать Ы?

А. Да, как слышится, так и пишется: ЦЫПЛЕНОК, ЦЫРК, МОТОЦЫКЛ...

Н.В. Интересно. А вы тоже так считаете?

С. Нет, в слове ЦИРК после Ц пишется И. Хотя и произносится ЦЫРК. Правильно?

Н.В. Правильно.

С. Значит, и в других словах, где произносится Ы, пишется И: ЦИПЛЕНОК, МОТОЦИКЛ, ОГУРЦЫ...

А. И ПОМИДОРИ.

Н.В. Я должен вас огорчить: вы абсолютно не правы.

С. И я думаю, что Алик не прав.

А. А я думаю, что Саня не прав.

Н.В. Нет-нет, друзья мои, вы оба не правы. По правилам грамматики в именах существительных после Ц пишется И.

С. А! Я говорил!

Н.В. Кроме трех случаев, когда пишется буква Ы. Первое: в окончаниях слов. Например, СИНИЦЫ, ПТИЦЫ, МОЛОДЦЫ.

А. И огурцы!

Н.В. Верно, везде Ы, потому что это окончания слов. Второй случай, когда пишется Ы, — в суффиксе Н. Например: сестриЦЫН, куриЦЫН.

А. Значит, и цыпленок через Ы?

С. Почему?

А. Потому что ЦЫпленок — курицын сын.

Н.В. Цыпленок действительно пишется через Ы, но совсем не потому. Просто цыпленок — одно из четырех слов, которые надо запомнить: ЦЫГАН, ЦЫПЛЕНОК, ЦЫПОЧКИ, ЦЫЦ. Во всех этих словах пишется Ы после Ц. Запомнили?

А., С. Запомнили!

Н.В. А чтоб не забыли, я спою вам маленькую песенку, в которую входят все эти четыре слова.

ЦЫГАН ЦЫПЛЕНКА увидал,
Заиграл на скрипочке,
А ЦЫПЛЕНОК услышал —
Станцевал на ЦЫПОЧКАХ.

С. А где еще одно слово?

А. Да, где ЦЫЦ?

Н.В. Сейчас будет.

ЦЫЦ, ребята, не шуметь,
А то ЦЫГАН собьется,
Перестанет скрипка петь,
Наш урок сорвется.
Ну что, ЦЫПЛЯТА, вам все понятно?

А., С. Мы не цыплята! Цыплята не мы.

А. И сейчас вам это докажем.

Прозвучал для вас, ребята,
Наш урок про ЦИ и ЦЫ,

С.

Кто не понял — те ЦЫПЛЯТА,
Кто запомнил — МОЛОДЦЫ!

Переменка

На уроке русского языка.

— Сегодня, ребята, мы будем спрягать глаголы. Я стою, ты стоишь, он стоит, мы стоим, они стоят... Лентя, повтори, что я сказала!

— Все стоят.

На уроке литературы.

— Как вы думаете: чем пользуется писатель при сочинении своих произведений?

— Ручкой.

На уроке природоведения.

— Какие виды зверей ты знаешь?

— Звери бывают меховые, шерстяные и раздетые.

Отличие наречий от других частей речи

Н.В. Начинаем веселый урок! Тема сегодняшнего урока — отличие наречий от других частей речи.

С. Вы меня простите, Николай Владимирович, но зачем нам отличать наречие от других частей речи?

Н.В. Для того, чтобы грамотно писать. Ведь наречия с приставками пишутся слитно, например: НАВСТРЕЧУ, а другие части речи: существительные, прилагательные, местоимения — пишутся отдельно от предлогов. Например: НА ВСТРЕЧУ. В этом надо уметь разбираться, друзья мои.

С. Давайте разберемся.

А. Только я предлагаю так: мы будем задавать вопросы Николаю Владимировичу, а он пусть разбирается.

С. Правильно. А то мы и сами запутаемся, и всех ребят запутаем.

Н.В. Это вы умеете! Запутать вы можете кого угодно. Кроме меня, конечно.

А. Ничего, вас тоже можем. Вот скажите, пожалуйста, как пишется НАЛИЦО?

Н.В. НАЛИЦО... Ну, это смотря в каком предложении.

С. В очень простом: «За обеденным столом вся семья была НАЛИЦО».

Н.В. Минуточку... Чтобы не ошибиться, я задаю вопрос: за обеденным столом вся семья была КАК или КАКИМ ОБРАЗОМ? НАЛИЦО. Значит, НАЛИЦО — наречие и пишется слитно.

А. Правильно.

С. И мы так думали.

А. А теперь скажите, пожалуйста, когда НАЛИЦО пишется отдельно?

Н.В. Пожалуйста. Мне НА ЛИЦО упала капля дождя. На ЧТО упала? НА ЛИЦО. ЛИЦО — существительное, НА — предлог. Значит, пишется отдельно. Здесь даже можно вставить слово, например: НА МОЕ ЛИЦО.

А. Ну, хорошо. Будем считать, что с существительным вы разобрались.

С. Теперь я подготовил вопросик. Каверзный. Такое предложение: «В ПУСТУЮ голову вбивали знания, но все ВПУСТУЮ». Как пишется ВПУСТУЮ?

Н.В. Ну, друзья мои, для меня в этом вопросе ничего каверзного нет. Задаем, как всегда, вопрос: в какую голову? В ПУСТУЮ. Значит, В ПУСТУЮ — прилагательное и пишется с предлогом отдельно. Дальше вы говорите: вбивали знания, но все ВПУСТУЮ. Как вбивали? ВПУСТУЮ. Здесь ВПУСТУЮ наречие и пишется слитно. Видите, как просто?.. Больше того, здесь опять можно вставить слово между предлогом и существительным. Например: В ОДНУ ПУСТУЮ ГОЛОВУ...

С. Николай Владимирович, а почему вы на меня смотрите?

Н.В. Ну, естественно... Я ведь вам отвечаю. Пожалуйста, можно вставить другое слово: В ЕГО ПУСТУЮ ГОЛОВУ...

С. Можно!

А. А я-то здесь при чем? Я вообще молчал.

Н.В. Ну, хорошо, хорошо. Давайте скажем: В ЧЬЮ-ТО ПУСТУЮ ГОЛОВУ...

С. Вот это другое дело!

А. Про других всегда лучше запоминается.

Н.В. Ну, и что же вы запомнили?

С. Что наречие отвечает на вопрос КАК или КАКИМ ОБРАЗОМ и всегда пишется слитно с приставкой.

А. А существительные и прилагательные отвечают на вопрос ЧТО и КАКОЙ и пишутся раздельно с предложениями.

Н.В. Прекрасно! Вы способные молодые люди! А скажите мне, пожалуйста, что у нас будет с местоимениями?

С. А что, с ними что-нибудь случилось?

Н.В. Нет, ничего. Просто я хотел спросить, как их отличить от наречий.

А. Давайте пример, мы отличим.

Н.В. Пожалуйста, даю пример. Я ИМЕЛ ПЯТЕРКУ ПО ЭТОМУ ПРЕДМЕТУ, ПОЭТОМУ ВАМ НЕ УДАЛОСЬ МЕНЯ ЗАПУТАТЬ.

С. Правильно. Но и вам не удастся нас запутать, потому что мы хорошо подготовились к этому уроку.

А. Я могу ответить. Когда надо отличить наречие от местоимения, пользуются таким правилом: местоимение можно заменить существительным или прилагательным, а наречие нельзя. Вместо ПО ЭТОМУ ПРЕДМЕТУ можно сказать ПО ГРАММАТИКЕ (существительное) или ПО РУССКОМУ (прилагательное). Значит, здесь местоимение и пишется оно раздельно.

С. Да. Когда вы говорите: ПОЭТОМУ ВАМ НЕ УДАЛОСЬ МЕНЯ ЗАПУТАТЬ, то здесь слово ПОЭТОМУ — наречие и заменить его можно только другим наречием — ПОТОМУ. Вот и пишется ПОЭТОМУ слитно.

Н.В. Прекрасно! А чтоб наш урок не прошел ВПУСТУЮ... Кстати, как пишется слово ВПУСТУЮ?

А. Вместе. Потому что это наречие и отвечает на вопрос КАК.

Н.В. Прекрасно! Так вот, чтобы наш урок не прошел ВПУСТУЮ, мы сейчас споем специальную песенку. А

чтоб всем ребятам было все понятно, мы там, где пишется отдельно, будем хлопать в ладоши. Вот так (хлопок). И пусть ребята хлопают вместе с нами.

Н.В.

Дразнил однажды мальчуган мартышку,
С размаху запустил в мартышку шишку.

ВСЕ.

Но, как НАЗЛО,
Ему не повезло,
Но, как НАЗЛО,
Мартышка злом ответила НА (хлопок) ЗЛО.

С.

На дерево вскарабкалась мартышка
И бросила в мальчишку эту шишку.

Н.В.

Тут вмиг синяк
Под глазом НАЛИЦО.

ВСЕ.

Да, как НАЗЛО,
Упала шишка прямо НА (хлопок) ЛИЦО.
Похожи на наречия
Другие части речи,
Разобраться в этом — сущий пустяк!
Тут и думать нечего,
Ведь всегда-всегда наречия
Отвечают на вопросы ГДЕ? КОГДА? КАК?

А.

Щенок у нас ужасный забияка,
Ведет себя, как взрослая собака.

ВСЕ.

Он на кота
Рычит, как зверь,
ЗАТЕМ, чтоб во дворе
Весь день гоняться за котом ЗА (хлопок) ТЕМ.

С.

Но как-то кот огромный появился
И за щенком задиристым пустился.

Н.В.

Стал наш щенок
Вдруг тихим ОТТОГО,
Что от кота
Ему досталось крепко ОТ (хлопок) ТОГО.

ВСЕ.

Похожи на наречия
Другие части речи.
Разобраться в этом — сущий пустяк!
Тут и думать нечего,
Ведь всегда наречия
Отвечают на вопросы
ГДЕ? КОГДА? КАК?

Переменка

Учитель рассказывал, как много в Австралии овец.
Потом спросил ученика:

- Твой свитер из чего сделан?
- Из шерсти.
- Молодец! А кто нам дает шерсть?
- Овцы!
- Умница! Значит, какое животное дало тебе свитер?
- Папа.

— Ребята, отгадайте загадку: кто все знает, все видит, все слышит?

— Соседка!

— Какие самые полезные птицы для человека?

— Жареные.

Степени сравнения прилагательных

А., С. Начинаем веселый урок!

А. Николай Владимирович, пожалуйста, пусть сегодня урок будет повеселее.

С. И покороче.

А. Нет, не обязательно покороче, пусть даже подлиннее, лишь бы было смешно.

Н.В. Значит, если я вас правильно понял, вы хотите, чтобы урок был сегодня ПОДЛИНЬШЕ и ПОВЕСЕЛЬШЕ?

С. Кто же так говорит: ПОВЕСЕЛЬШЕ? Повеселее.

Н.В. Правильно. Только у других вы ошибки замечаете, а сами? Кто сказал ПОДЛИНЬШЕ?

А. Я, а что?

Н.В. Нет, ничего. Просто я представил, как вы заходите в магазин и говорите продавцу: «Будьте любезны, подберите мне брюки ПОДЛИНЬШЕ, ПОШИРЬШЕ и ПОКРАСИВЬШЕ...»

С. И чтоб ПОДЕШЕВЬШЕ.

Н.В. Вот именно. И знаете, что он вам может ответить?

А. Что?

Н.В. «Молодой человек, вам надо в другой отдел, где продают учебники русского языка».

А. Конечно, что греха таить, встречаются у нас еще не очень вежливые продавцы.

Н.В. И не очень грамотные покупатели вроде вас, которые не знают степеней сравнения прилагательных. Вот этим мы сейчас и займемся. Как вы думаете, это трудная тема?

А. Пожалуй, ТРУДНЕЕ того, что мы раньше проходили.

С. А по-моему, это вообще ТРУДНЕЙШАЯ тема.

Н.В. Вот, вот, вот. Сами того не подозревая, вы назвали три степени сравнения прилагательного ТРУДНЫЙ: ТРУДНЫЙ—ТРУДНЕЕ—ТРУДНЕЙШИЙ. ТРУДНЫЙ—это положительная степень. Здесь качество предмета ни с чем не сравнивается. Просто ТРУДНАЯ задача, или ЗЛАЯ собака, или ВКУСНЫЙ пирожок.

С. Где?

Н.В. В буфете, например. Но это после урока, а сейчас продолжим. Итак, ТРУДНЫЙ — положительная степень, а ТРУДНЕЕ — сравнительная степень. Мы сравниваем этот урок с другим. Эта собака ЗЛАЯ, а та еще ЗЛЕЕ. Или БОЛЕЕ ЗЛАЯ. Этот пирожок ВКУСНЫЙ...

А. А тот ЕЩЕ ВКУСНЕЕ.

С. Какой? Где?

А. Что это ты при слове «пирожок» так вздрагиваешь?

С. Да я с утра не ЕМШИ.

Н.В. Не «емши» и не «пимши». К тому же «опоздавши», потому что поздно «встамши»?.. Так и быть, о деепричастиях мы поговорим в другой раз, а сейчас вернемся к прилагательным. Что вы можете сказать про прилагательное ТРУДНЕЙШИЙ?

А. Это превосходная степень.

С. Такая степень, когда и сравнивать не с чем.

Н.В. Нет, сравнивать можно, просто это самая высокая степень качества. ТРУДНЕЙШИЙ урок, ЗЛЕЙШАЯ собака, то есть САМАЯ ЗЛАЯ, ВКУСНЕЙШИЙ пирожок...

С. Значит, САМЫЙ ВКУСНЕЙШИЙ на свете.

Н.В. Нет, САМЫЙ ВКУСНЕЙШИЙ не говорят. Или просто ВКУСНЕЙШИЙ, или САМЫЙ ВКУСНЫЙ.

А. Или ВКУСНЕЕ ВСЕХ пирожков.

Н.В. Верно. А говорить САМЫЙ ГЛАВНЕЙШИЙ, САМЫЙ ДОБРЕЙШИЙ нельзя. Потому что ДОБРЕЙШИЙ — это и есть САМЫЙ ДОБРЫЙ.

С. А можно сказать САМЫЙ УЧЕНЕЙШИЙ?

Н.В. Нет, конечно!

С. Жалко, это я про вас хотел сказать...

Н.В. Спасибо, но с меня достаточно и положительной степени. Например, ГРАМОТНЫЙ. Только мне хочется, чтобы и мои помощники тоже стали грамотными.

А. А мы после этого урока стали гораздо ГРАМОТНЕЕ.

С. Сравнительная степень. Мы теперь ГРАМОТНЕЙШИЕ люди!

А. Превосходная степень.

Н.В. Очень хорошо! Значит, что же вы теперь скажете, когда пойдете покупать брюки?

С. Дайте мне, пожалуйста, брюки ПОДЛИННЕЕ, ПОШИРЕ и ПОКРАСИВЕЕ.

А. И если можно, ПОДЕШЕВЛЕ.

Н.В. Ну вот, теперь у вас действительно ГЛУБОКИЕ знания.

С. Уж куда ГЛУБЖЕ!

Н.В. Но чего-то не хватает, чтобы они стали ГЛУБОЧАЙШИМИ.

А., С. Песенки!

Н.В. Правильно.

Есть давно такое мнение —
Познается все в сравненье:
Кто СИЛЕН, а кто СИЛЬНЕЙШИЙ,
Кто УМЕН, а кто УМНЕЙШИЙ,
Кто СТАРЕЙШИЙ на планете
И кто ПРОЖОРЛИВЕЙ в буфете.

А.

Знают все соседи,
Знает вся родня,

Что ужасно ГРОМКИЙ
Голос у меня.
Только собираюсь
Песню запевать,
Люди начинают
Уши затыкать.

С.

Мне дала природа
Настоящий бас.
Голос мой гораздо
Громче, чем у вас.
Я пришел недавно
В хоровой кружок,
Спел всего три ноты —
Рухнул потолок.

Н.В.

То, что я волшебник,
Снова докажу,
Просто ВЫСОЧАЙШИЙ
Голос покажу.
Надрывать напрасно
Горло не хочу,
Лучше побыстрее
Пленку прокручу.

ВСЕ.

Всем известно, без сомненья:
Есть три степени сравненья.
Положительная степень
И сравнительная степень.
Превосходная — всех выше...
Про то ты песенку и слышал.

Переменка

На уроке гигиены учительница рассказывает о том,
как вредно целовать животных.

— Кто может привести пример?

— Я могу, — отвечает девочка. — Моя тетя Клава
имела привычку целовать свою собаку.

— Ну и что произошло?

— Собака издохла.

На уроке английского.

— Петя, как будет по-английски «купаться»?

— Так же, как по-русски: разделся — и в воду.

Усилительная частица НИ

Н.В. Сегодня я предлагаю поговорить о том, когда в русском языке употребляется частица НИ. Надеюсь, возражений нет?

С. Конечно, нет, ведь мы этой частицей не разу не занимались.

А. Правильно. Поэтому давайте не будем терять ни минуты!

Н.В. Ну что ж, можно считать, что мы приступили к уроку. Ведь вы уже два раза воспользовались этой частицей.

С. Когда?

Н.В. Только что. Вы сказали: «Мы этой частицей НИ разу не занимались».

С. Я сказал: «НЕ разу».

Н.В. Напрасно.

А. А я сказал правильно: «НЕ терять ни минуты».

Н.В. Похвально. А почему вы так сказали?

А. Потому что есть такое правило. В предложениях с отрицательным сказуемым для усиления отрицания употребляется частица НИ. Я сказал: «Не будем терять НИ минуты». В этом предложении есть отрицательное сказуемое «не будем», а для его усиления ставится частица НИ, и получается — не будем терять НИ минуты.

Н.В. Совершенно верно. Надеюсь, теперь вы, Саша, поняли свою ошибку?

С. Понял. Надо было сказать: НИ разу не занимались. Здесь НИ усиливает отрицательное сказуемое «не занимались».

Н.В. Отлично. Теперь вы поняли это правило. А как бы вы написали такую фразу: «В голове ни капли знаний»?

С. У кого?

Н.В. А это мы сейчас увидим. Так как же писать: НИ КАПЛИ или НЕ КАПЛИ?

А. Здесь отрицательного сказуемого нет, значит, и усиливать нечего — здесь частица НИ не нужна.

С. Поэтому пишем: в голове НЕ капли знаний.

Н.В. Теперь мне ясно, про кого эта фраза. К сожалению, про вас, мои дорогие помощники. Запомните правило: в тех случаях, когда отрицательного сказуемого нет, но оно подразумевается, тоже пишется частица НИ. Ведь можно сказать: в голове нет (или не было) ни капли знаний. Вот это отрицательное сказуемое «НЕТ» или «НЕ БЫЛО» и подразумевается. Поэтому мы и говорим: на небе НИ облачка, в лесу НИ ветерка, НИ шороха. Понятно?

А. Понятно-то понятно, а когда начнешь писать, каждый раз думаешь, что ставить: НИ или НЕ. Сидишь и мучаешься.

Н.В. Очень рад!

С. Чему вы радуетесь, Николай Владимирович, тому, что мы мучаемся?

Н.В. Нет, я рад, что могу облегчить ваши мучения. И очень простым способом. Каждый раз, когда у вас возникает сомнение, писать НЕ или НИ, попробуйте заменить эту частицу союзом или вообще опустить ее. Если смысл предложения не изменится, надо писать НИ. Объясняю на примере: «Если вы получите двойку, вас не похвалят ни мама, ни папа, ни бабушка». Что здесь надо писать?

А. Заменяем союзом И: «Вас не похвалят и мама, и папа, и бабушка».

С. Можно вообще опустить частицу: «Не похвалят мама, папа, бабушка».

Н.В. И смысл при этом остается тот же самый — вас будут ругать. Но это, конечно, в том случае, когда вы НЕ УЧИЛИ, НЕ ЗАПОМНИЛИ и НЕ СТАРАЛИСЬ. Здесь всюду частица НЕ, потому что ее нельзя отбросить — изменится смысл. Получится, что вы учили, старались, запомнили, а получили двойку... Так не бывает.

С. Еще как бывает! Иногда как НИ учи, сколько НИ старайся, что НИ делай, все равно не запоминается.

Н.В. Очень хорошо!

А. Опять хорошо? Что же тут хорошего?

Н.В. Хорошо, что вы привели этот пример. Частицу здесь опустить нельзя, а все равно надо писать НИ.

С. Почему?

Н.В. Потому что здесь совсем другое правило. В сочетаниях с некоторыми местоимениями и наречиями пишется только НИ. Например: КТО БЫ НИ, ЧТО БЫ НИ, СКОЛЬКО БЫ НИ, КОГДА БЫ НИ, ГДЕ БЫ НИ...

А. Простите, Николай Владимирович, вы говорите «с местоимениями и наречиями», а вот НИ ЖИВ НИ МЕРТВ тоже пишется с частицей НИ, а ведь это прилагательное?

Н.В. Конечно. Но НИ ЖИВ НИ МЕРТВ — это одно из так называемых устойчивых выражений с частицей НИ. Или попросту — знакомое сочетание слов. Таких сочетаний в русском языке много: НИ СВЕТ НИ ЗАРЯ, НИ ШАГУ ПРОЧЬ, НИ ШАТКО НИ ВАЛКО, НИ ТУДА НИ СЮДА...

А. НИ ТПРУ НИ НУ НИ КУКАРЕКУ.

С. Николай Владимирович, смотрите: маленькая частица, а про нее столько правил! Давайте, пока мы их не забыли, споем песенку про частицу НИ!

Н.В. Ну что ж, я готов! Музыка!

Светило солнце в вышине
Не бледно и не ярко,
И в результате было мне
НИ холодно, НИ жарко.
К доске пошел я отвечать,
Стоял я перед классом:

А., С. НИ ДАТЬ НИ ВЗЯТЬ, НИ СЕСТЬ НИ ВСТАТЬ, НИ
РЫБА И НИ МЯСО.

ВСЕ.

Куда ты только ни взгляни,
Так в жизни получается —
Частица НИ, частица НИ
Повсюду нам встречается.
Ошибку делать не спеши,
Послушай со вниманием:
Частицу НИ всегда пиши
В знакомых сочетаниях.

А.

Учитель мне продиктовал
Одну простую фразу.

Но я, к несчастью, не читал
Про это НИ — НИ разу.
Я только мел вертел в руке,
Не находя ответа

А., С.

НИ в мыслях, НИ на потолке,
НИ в щелочках паркета.

ВСЕ.

Куда ты только ни взгляни,
Так в жизни получается —
Частица НИ, частица НИ
Повсюду нам встречается.
Частица НИ союзом И
Всегда легко заменится.
И если ты отбросишь НИ,
То смысл не изменится.

Переменка

(Снова избранные места из школьных сочинений)

«У Тараса Бульбы было два сына: Остап и Бендер».

«Анна Каренина хотела что-то сказать, но открывшаяся дверь закрыла ей рот».

«Когда Павел вошел в комнату, Жухрай мыл шею до пояса».

«Лев Толстой родился в лесу на Ясной Поляне».

«Давыдова несколько раз ударили по голове, но амбар остался цел».

Лишние слова

Н.В. Мы не будем сегодня разучивать грамматическое правило, выяснять, как пишется то или иное слово, а просто послушаем, как мы говорим.

А. Как говорим? Нормально, как все люди.

Н.В. Сейчас посмотрим. Вот вы, Саша, можете нам что-нибудь рассказать?

С. Ну.

Н.В. Что «ну»?

С. Могу.

Н.В. А почему вы говорите «ну»? Так и отвечайте: «Могу» или «Да». Вы согласны со мной?

С. Ну!

Н.В. Вы меня извините, но последнее время я часто слышу это «ну». Вместо того чтобы сказать «да», «конечно», «согласен», многие почему-то твердят: «ну, ну, ну». Вместо «да» — «ну», а вместо «нет» — «тпррру» говорить, что ли?

А. Николай Владимирович, он больше не будет. Правда?

С. Да, конечно, обязательно, согласен.

Н.В. Очень хорошо, но это не все. Я просил вас что-нибудь рассказать.

С. С удовольствием, только о чем?

Н.В. Расскажите нам немного о моем любимом поэте, замечательном мастере русского языка — о Пушкине.

С. Пожалуйста... э... Пушкин...

Н.В. Минуточку! А почему вы говорите: «Э... Пушкин?» Его что, так звали? Эдуард?

С. Нет, его звали Александр Сергеевич.

Н.В. Вот так, пожалуйста, и говорите.

С. Александр Сергеевич Пушкин, как говорится, родился в 1799 году.

Н.В. Простите, а почему родился «как говорится»? Он просто родился. Без всяких «как говорится». Продолжайте.

С. Учился Пушкин в лицее, где эти... педагоги очень много, в общем, знали. Поэтому он из лицея очень много того... вынес.

Н.В. Постойте. Что он вынес из лицея?

С. Это вынес... знания...

Н.В. Уф... А по вашим словам можно подумать, что Пушкин вынес из лицея какую-нибудь книжку библиотечную и не вернул.

С. Нет, зачем ему книжка! Он их сам понаписал, как говорится, будь здоров сколько!

Н.В. Все! С меня достаточно! Это невозможно слушать.

А. А что, он все правильно сказал, Николай Владимирович.

Н.В. Да, Пушкин действительно написал много книг. И не «как говорится» и «не будь здоров», а просто очень много. И при этом никогда не пользовался ненужными словами, вроде «того», «вот», «значит». Поэтому и язык у него был звучный и чистый. Он не засорял его словами-паразитами.

А. Ой, Николай Владимирович, как не стыдно! Других учите, а сами такие слова говорите!

Н.В. Это нормальное литературное слово. Паразитами называют тех, кто живет за чужой счет. В данном случае это слова, без которых можно легко обойтись. Они делают вашу речь тягучей и малокультурной.

А. Николай Владимирович, можно, я расскажу? И не малокультурно, а многокультурно.

Н.В. Много? Интересно. Что ж, попробуйте.

А. Александр Сергеевич Пушкин, видите ли, был гениальным, так сказать, поэтом. А его знаменитый роман «Евгений Онегин» — это, знаете ли, вершина литературы и, честно говоря, искусства. Онегин, не в обиду будет сказано, был лишним человеком, который любил Татьяну, но, между нами говоря, поздно.

Н.В. Да-а... Между нами говоря, плохо и непонятно.

А. Зато культурно.

Н.В. Ошибаетесь. Все ваши «видите ли», «знаете ли», «понимаете ли» ничуть не лучше, чем «вот», «того» или «значит». Это все те же лишние слова.

С. Николай Владимирович, по-моему, вы к нам придираетесь. Какая разница, как человек говорит? Важно содержание.

Н.В. Да? Тогда я вам сейчас приведу пример. Скажите, вам нравится «Евгений Онегин»?

С. Еще бы!

А. Прекрасные стихи.

Н.В. Вот и послушайте, как они звучат, если их излагать вашим языком. При этом содержание останется тем же самым. Значит, так.

Мой дядя, в общем, самых честных правил,

Когда не в шутку, того, занемог,

Он, так сказать, уважать себя заставил

И лучше, как говорится, выдумать, короче говоря, не мог:

...Конечно, это смешно. А вот когда человеку нужно коротко и ясно изложить свою мысль, а он начинает вставлять лишние слова, тут уже не до смеха. Не верите?.. Тогда послушайте.

Видит как-то гражданин,
Что сарай пылает,
Он звонит по 01,
Срочно сообщает:
— Я не знаю, как начать...
Но, как говорится,
Я звоню вам, так сказать,
Чтобы поделиться.
В общем, значит, стало быть,
Тут такое дело...

С., А.

Можно трубку положить —
Все уже сгорело.

ВСЕ.

Лишние слова,
Лишние слова
Говорить не будем!
В ерунде такой
Пользы никакой
Ни себе, ни людям.

С.

— Как проехать на вокзал? —
Я спросил в трамвае.
Пассажир один сказал,
Что прекрасно знает:
— В общем, где-то, так сказать,
Это близко очень.
Просто тут рукой подать,
Говоря короче.
Я вам, значит, заодно
Объясню по дружбе...

А., Н.В.

Вы проехали давно,
Возвращаться нужно.

ВСЕ.

Лишние слова,
Лишние слова
Говорить не будем!
В ерунде такой
Пользы никакой
Ни себе, ни людям.

А.

Кот нахально влез на стол,
Тянется к котлете.
Тут хозяин подошел
И коту заметил:
— Вы, Василий, не того,
Знаете ли, бросьте!..
Не для вас для одного...
Будут, значит, гости.
В общем, я сказать хотел,
Что терпеть не стану!..

С., Н.В.

Кот давно котлету съел,
Взялся за сметану.

ВСЕ.

Лишние слова,
Лишние слова
Говорить не будем!
В ерунде такой
Пользы никакой
Ни себе, ни людям!

С. Вот, как говорится, и все.

Н.В. Нет, лучше сказать просто: вот и все.

Переменка

Много смешного бывает на уроках, когда ученики своими словами пересказывают какие-нибудь произведения. Вот несколько примеров: «За несколько минут до того, как приехали пожарники, из горящего дома выбежала собака с ребенком на руках». «Недавно я нашел котенка, и он стал моим пернатым другом».

«В зоопарке по кругу бегали пони, а рядом с ними — их маленькие пончики».

Полтора, полторы

Н.В. Начинаем веселый урок!

А. Николай Владимирович, а может, не надо сегодня урока? Давайте лучше отдохнем.

Н.В. Нет, друзья мои, урок обязательно нужен.

С. Ну, хорошо, тогда пусть он будет малюсенький-малюсенький, на полминутки.

Н.В. Что же мы выучим за такой урок? Такой урок — это, как говорится, ни два ни полтора.

А. А нам и не нужно ни двух ни полторух.

Н.В. Нет, я вижу, не обойтись вам сегодня без урока. И давайте посвятим его склонению слов ПОЛТОРА и ПОЛТОРЫ.

А. Да мы и так знаем. Чего их склонять?

Н.В. Знаете?.. Тогда просклоняйте мне слово ПОЛТОРА.

А. Полтора чего?

Н.В. Все равно.

А. Пожалуйста. Именительный (что, кто) — ПОЛТОРА КИЛО. Правильно?

Н.В. Пока да.

А. Родительный (кого, чего) — ПОЛТОРЫ КИЛЫ, дательный (кому, чему) — ПОЛТОРЕ КИЛЕ, винительный (кого, что) — ПОЛТОРАКИЛА, творительный (кем, чем) — ПОЛТОРОЙ КИЛОЙ, предложный (о ком, о чем) — о ПОЛТОРЯХ КИЛЯХ.

Н.В. Интересно... Теперь вы, Саша, просклоняйте мне слово ПОЛТОРЫ.

С. Пожалуйста. Именительный (кто, что) — ПОЛТОРЫ ТРУБЫ, родительный (кого, чего) — ПОЛТОРЕЙ ТРУБЕЙ, дательный (кому, чему) — ПОЛТОРЯМ ТРУБЯМ, винительный (кого, что) — ПОЛТОРЫ ТРУБЫ, творительный (кем, чем) — ПОЛТОРЯМИ ТРУБЯМИ, предложный (о ком, о чем) — о ПОЛТОРЯХ ТРУБЯХ.

Н.В. Да... Блестяще! А знаете, почему все так над вами смеялись? Потому что вы не знаете очень простого правила: слова ПОЛТОРА, ПОЛТОРЫ во всех падежах, кроме именительного и винительного, имеют форму ПО-

ЛУТОРА. Например, чего нет? ПОЛУТОРА труб. О чем говорим? О ПОЛУТОРА килограммах. Ясно?

А. Теперь-то ясно.

С. Сразу надо было так сказать.

Н.В. А для того чтобы вы запомнили это правило, давайте все вместе споем песенку.

Лежат на столе ПОЛТОРА пирожка,

А

А мы здесь все трое — друзья.

С.

ПОЛУТОРА нет пирожков на столе.

А

Ну вот, отвернуться нельзя.

С.

К ПОЛУТОРА тем пирожкам творожка б...

А

Недурственно, я бы сказал.

С.

Но съели и так ПОЛТОРА пирожка.

А

А я только слюнки глотал.

Н.В., С.

ПОЛУТОРА мы пирожками вдвоем
Наелись и сыты вполне.

А

А я о ПОЛУТОРА тех пирожках
Мечтать буду даже во сне.

ВСЕ.

Пусть запомнит правило твердо детвора,
Чтобы даже в старости никогда не путала:
В именительном, винительном пишут ПОЛТОРА,
В остальных падежах пишется ПОЛУТОРА.

Н.В. Прекрасно! А теперь споем про слово ПОЛТОРЫ.

А

А где ПОЛТОРЫ банки меда стоят?

С.

Я знаю, но вам не скажу.

Н.В.

ПОЛУТОРА банок не видно в шкафу...

- С.** Ищите, а я погляжу.
- А.** К ПОЛУТОРА банкам еще бы чайку!
- С.** Найдите сначала хоть мед!
- Н.В.** Мы все ж ПОЛТОРЫ банки меда найдем!
- С.** От смеха держусь за живот...
- Н.В., А.** ПОЛУТОРА банками меда вполне
Могли б наслаждаться три дня.
- С.** Я вам о ПОЛУТОРА банках скажу:
Они в животе у меня!
- ВСЕ.** Сочинили песенку мы для детворы,
Чтобы даже в старости никогда не путала:
В именительном, винительном пишут ПОЛТОРЫ,
В остальных падежах пишется ПОЛУТОРА.

Переменка

А вот еще несколько смешных случаев, когда ребята пересказывали что-то своими словами.

Один ученик так рассказывал, что изображено на картине Васнецова «Три богатыря»:

— Алеша Попович опустил поводья и щиплет траву, а Илья Муромец сидит на коне, а грива его свисает до копыт.

«На мальчике были штаны с отцовского плеча».

«Солнце светило девочке прямо на подзатыльник».

Имя собственное

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Сегодня мне хочется поговорить о собственных именах существительных. Это имена людей, названия

городов, рек, планет, стран... Вы, конечно, знаете, что все они пишутся с заглавной, то есть с прописной буквы? Такие слова встречаются часто. Вот скажите, откуда ведет свои передачи наше радио?

А., С. Из Москвы.

Н.В. Верно. МОСКВА — имя собственное. Название столицы нашей Родины. А в каких еще городах вы бывали?

С. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, КИЕВЕ, СМОЛЕНСКЕ...

А. В МИНСКЕ, ТАШКЕНТЕ...

С. В Сочах.

Н.В. Где, простите?

С. В Сочах. Вы что, не знаете знаменитый город-курорт Сочи?

Н.В. Сочи я прекрасно знаю, а вот о СОЧАХ никогда не слышал и никаких СОЧЕЙ я не знаю.

А. А я отдыхал и в Сочи и в Баку, но, честно говоря, я Сочами доволен больше, чем Бакой.

Н.В. Какой такой БАКОЙ?!

А. Ну, Баку — город нефтяников.

Н.В. Ах, БАКУ! Теперь понятно. Очень красивый город! А вам, Саша, он нравится?

С. Не знаю, я в Баку ни разу не был. Я из всех южных городов больше, чем Сухумами и Батумами, восхищаюсь Тбилисиами. У меня там друзей столько!

Н.В. Очень жаль!

С. Что жаль?

Н.В. Жаль, что ваши друзья не научили вас правильно называть этот чудесный город.

С. А что, я правильно говорю: ТБИЛИСИ.

Н.В. Да, в именительном падеже вы говорите правильно, но дело в том, что и во всех других падежах слово ТБИЛИСИ, так же как БАКУ, СОЧИ, БАТУМИ, СУХУМИ, не изменяется. Где был? В ТБИЛИСИ. Доволен чем? СОЧИ. Вспоминаю о чем? О БАКУ. А не «о БАКЕ».

А. Интересно. Значит, города по падежам не изменяются?

Н.В. Почему?! Мы же не говорим: «Я приехал из ИРКУТСК» или «Побывал в КИЕВ». Нет, конечно! Только некоторые названия городов не склоняются. Поэтому названия таких городов, как ДЕЛИ, ТОКИО, РИО-

ДЕ-ЖАНЕЙРО, ХЕЛЬСИНКИ, надо просто хорошо помнить.

С. Николай Владимирович, чтобы все это запомнить, надо голову иметь знаете какую? Как у Люги.

Н.В. У какой ГЮГИ?

С. Писатель знаменитый такой — Виктор ГЮГО.

Н.В. Во-первых, не Виктор, а Викт^ор. Во французском языке ударение на последнем слоге. А во-вторых, ГЮГО тоже не склоняется.

А. Почему не склоняется, он что — город?

Н.В. Не город, конечно, но целый ряд иностранных фамилий тоже не склоняется. ГЮГО, ВЕРДИ, БИЗЕ. А вот один школьник не знал этого правила и написал в своем сочинении так: «Однажды Мопассан вместе с Люгой пришел в гости к Золе. Там собрался весь литературный Париж. Не хватало только Дюмы-отца и Дюмы-сына. Итого — двух Дюм».

С. Теперь уж мы запомним, что многие иностранные фамилии не склоняются.

Н.В. Очень хорошо, но не только иностранные. Русские фамилии, оканчивающиеся на ВО, ЪХ, ИХ, тоже не склоняются. Например: ХИТРОВО, ЧЕРНЫХ, ДОЛГИХ. И украинские фамилии с окончанием на КО: КОРОЛЕНКО, ШЕВЧЕНКО.

С. ШУЛЬЖЕНКО.

А. Стойте. А ФОМЕНКО склоняется?

Н.В. Нет, конечно. А почему вас интересует именно эта фамилия?

А. Ну, это особый рассказ. Я бы даже сказал — печальная история.

С. Интересно, интересно! Расскажи!

А. Хорошо. Только учтите, что это невозможно рассказывать без волнения, а слушать без слез.

Н.В. Мы слушаем.

А. Итак, я начинаю.

Живет Сергей Фоменко в квартире номер 5.

Чем я его обидел — не могу понять!

Раньше я к Фоменке

В гости забегал,

Раньше я с Фоменкой

В шахматы играл.

Никогда Фоменку
Я не обижал,
И меня Фоменко
Тоже уважал.
Но вдруг Сергей Фоменко
Просил мне передать,
Чтоб я забыл дорогу
В квартиру номер 5.
Он сказал, что больше
С ним мы не друзья,
Раз его фамилию
Исcoverкал я.
Вот когда не буду
Я его склонять,
Разрешит мне в гости
Приходить опять.

Н.В., С.

А это все случилось только оттого,
Что кто-то правила не знает одного:
Ведь не склоняются фамилии на КО
И с окончанием на ЫХ, на ИХ, на ВО.
Ни ФОМЕНКО, ни КУЦЕНКО,
ХИТРОВО и ДУРНОВО,
Ни СЕДЫХ и ни ДОЛГИХ.
Вы не склоняйте их самих, и их родных,
И все фамилии, похожие на них.

С. Да, история про Фоменко действительно печальная.
А вот у меня в детстве была история — просто трагическая. Хотите, расскажу? Называется «Гибель мечты».

Хороша, ребята, жизнь у моряков:
Паруса да мачты, разговор гудков!
Города и страны,
Континенты ждут...
Я уже наметил
Для себя маршрут.
Первым делом надо
В ТОКИУ приплыть,
Чтоб по этой ТОКИЕ
Малость побродить.

С РИОЙ-ДЕ-ЖАНЕЙРОЙ
Мало я знаком,
В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРУ
Поплыву потом.
А до САН-ФРАНЦИСКИ
Там рукой подать —
Как же САН-ФРАНЦИСКУ
Тут не повидать?
А потом — в обратный путь.
Надо в ОСЛО завернуть,
Там горючим запастись,
По самой ОСЛЕ пройтись.
А когда обратно поплыву домой,
ХЕЛЬСИНКАМ приветливо я махну рукой.
Я маршрут заветный папе рассказал.
Он меня за это строго наказал.
И сказал: «Вовек
Не будешь моряком,
Если не знаком ты
С русским языком!»

ВСЕ.

А это все случилось только оттого,
Что кто-то правила не знает одного:
Порой встречаются такие города,
Что не склоняются нигде и никогда.
Ни БАКУ и ни БАТУМИ,
Ни БОРДО и ни СУХУМИ,
ДЕЛИ, ОСЛО, КОНАКРИ.
Чтобы запомнить их, ты лоб себе не три,
На карту мира и в учебник посмотри.

Н.В. Вот и все.

Переменка

Учительница попросила ученика назвать четырех домашних животных. Он не задумываясь ответил:
— Кошка и три котенка.

На уроке математики учитель объяснял условие задачи:

— Лестница дома имеет пять пролетов, каждый пролет состоит из двадцати ступенек. Сколько ступенек надо пройти, чтобы попасть на последний этаж?

— Все! — уверенно ответил ученик.

Тавтология

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Сегодня мы займемся ТАВТОЛОГИЕЙ.

А. Правильно!

С. Давно пора. Потому что некоторые отдельные ребята часто этим грешат.

Н.В. И не только ребята. Вот в том, что вы сейчас сказали, тоже есть ТАВТОЛОГИЯ.

С. Где?

Н.В. Вы сказали: «некоторые отдельные ребята», а слова «некоторые» и «отдельные» имеют один и тот же смысл. Вот такое повторение одинаковых по смыслу слов и называется ТАВТОЛОГИЕЙ.

А. И что с этой тавтологией делать?

Н.В. Бороться с ней. Стараться говорить так, чтобы тавтология в нашей речи не встречалась.

С. И все? Какое простое правило!

Н.В. Простое? Это только кажется, потому что мало знать это правило, надо его всегда соблюдать. А это нелегко. Вот один школьник на уроке литературы сказал: «Радищев был настоящим патриотом своей родины».

С. А что, правильно! Радищев действительно был настоящим патриотом.

Н.В. Я с этим не спору. Мысль верная, но сказана неграмотно. Слово ПАТРИОТ означает ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ РОДИНУ. Поэтому «патриот своей родины» — это самая настоящая тавтология.

А. Понятно. Значит, надо сказать: «Радищев был настоящим патриотом», и все. И сразу ясно, что он любил свою родину.

Н.В. Совершенно верно.

С. А я недавно сам видел своими собственными глазами...

Н.В. Вы что, могли видеть моими собственными глазами?

С. Ну хорошо, просто видел собственными глазами...

Н.В. Значит, у вас, кроме собственных, есть еще какие-то глаза?

С. Ну, ладно. Исправлюсь: видел глазами. И все.

Н.В. Тогда последний вопрос (*тихо*). Скажите мне по секрету: вы еще умеете видеть ушами или ногами?

С. (*тихо*). Нет, только глазами.

Н.В. А-а, значит, как все?

С. Да.

Н.В. Тогда и говорите просто: «я видел». А люди и так догадаются, что глазами.

А. Интересно получается! Говоришь вроде правильно, а оказывается, у тебя тавтология.

Н.В. Что делать! Надо следить за своей речью. Следить и тренироваться. Поэтому, друзья мои, есть такое предложение: давайте сочиним песенку с тавтологией. А ребята пусть найдут, что в этой песенке неправильно, и сообщат нам.

С. Здорово!

А. Это будет наше музыкальное домашнее задание.

ПЕСЕНКА С ОШИБКАМИ

Мы вам песенку споем,
Песенку с ошибками,
И хотим, чтоб вы ее
Встретили улыбками.

Люблю я майскую грозу в начале мая,
Когда весной весенний первый гром,
Как бы резвяся и в игру играя,
Прохоchet громко в небе голубом.

Н.В. Ну, я думаю, здесь легко обнаружить тавтологию. Ведь многие знают замечательные стихи Тютчева и сразу заметят те ненужные слова, которые вы к ним добавили. Теперь позвольте спеть куплет посложнее.

А я люблю, когда холодные морозы
Покроют льдом, заледенят карниз.

Снежинки с неба падают, как слезы,
На землю приземляясь сверху вниз.

С. Смешно — «на землю приземляясь...».

Н.В. Не надо, не надо подсказывать ребятам. Они сами прекрасно разберутся. Лучше подумайте, о чем вы сами будете петь.

С. Раз вы пели о весне и о зиме, то я, пожалуй, спою про осень.

Я более всего предпочитаю осень,
Когда плодами все плодоносит.
И в сенокос косою сено косят,
И мокрый дождь в окно ко мне стучит.

Спели песенку для вас,
Песню с тавтологией.
И, наверное, не раз
Улыбнулись многие.
Ну, а если у ребят
Знания улучшатся,
Значит, верно говорят:
«На ошибках учатся».

Переменка

Учительница попросила детей назвать какое-нибудь домашнее животное. Одна девочка подумала и сказала:

— Слон.

— Ну, какое же это домашнее животное? Ты вспомни, кто у бабушки на печке живет? Такой ласковый, с усами...

— А-а! Дедушка!

На уроке географии.

— Сколько ты знаешь частей света?

— Пять.

— Перечисли их.

— Раз, два, три, четыре, пять.

Правописание частицы НЕ

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Сегодня мы займемся правописанием частицы НЕ с прилагательными, существительными и наречиями. Кто из вас знает, когда эта частица пишется вместе, а когда отдельно?

А. Я знаю!

С. И я знаю!

А. И ты знаешь? Откуда? Ты же вообще ничего не помнишь! Только, пожалуйста, не обижайся, но ты... неспособный человек. И все.

С. Я неспособный? Сам ты неспособный.

А. Ах, так?! Тогда скажи, как пишется НЕСПОСОБНЫЙ: вместе или отдельно?

С. Вместе. НЕСПОСОБНЫЙ.

А. А вот и нет! Отдельно. НЕ СПОСОБНЫЙ. Нет способностей. У тебя. Ты отдельно, способности отдельно.

Н.В. Минуточку, друзья мои. Есть специальное правило. Для того чтобы узнать, пишется частица НЕ вместе или отдельно, сначала надо посмотреть: употребляется ли это слово без частицы НЕ, самостоятельно. Ведь есть такие слова, которые без нее вообще не употребляются. Например: НЕРЯШЛИВЫЙ или НЕСУРАЗИЦА. Нельзя же сказать «ряшливый» или «суразица».

А. А просто СПОСОБНЫЙ сказать можно! Значит, НЕ СПОСОБНЫЙ пишется раздельно. Вот опять получается, что я СПОСОБНЫЙ, а он НЕ СПОСОБНЫЙ!

Н.В. Нет, это еще ничего не значит. Потому что слово нельзя брать в отрыве от всего предложения. Поэтому прежде всего, надо посмотреть, нет ли при этом слове слов **ВОВСЕ**, **СОВСЕМ**, **ОТНЮДЬ**. Если такие слова есть, писать надо отдельно. Например: он был **СОВСЕМ НЕ ГЛУПЫЙ**. Пишется отдельно.

А. Правильно! Он был **СОВСЕМ НЕ ГЛУПЫЙ**, а ты **СОВСЕМ, ВОВСЕ, ОТНЮДЬ НЕ СПОСОБНЫЙ**! Тоже отдельно. Значит, опять я прав.

С. Стоп! А если этих слов нет? Тогда я прав. А **НЕСПОСОБНЫЙ** ты. И пишется вместе.

Н.В. Не торопитесь, друзья мои. В этом случае надо определить: есть или подразумевается противопоставление. Если есть, то пишется отдельно.

А. Конечно, есть!.. То есть подразумевается. Он НЕ СПОСОБНЫЙ, а туповатый. Противопоставление есть — пишется отдельно.

С. А ты без всяких противопоставлений просто НЕВЕЖЛИВЫЙ, НЕТАКТИЧНЫЙ, НЕГРАМОТНЫЙ, НЕСПОСОБНЫЙ. Раз нет противопоставлений, значит, НЕСПОСОБНЫЙ пишется вместе. Правильно, Николай Владимирович?

Н.В. Правильно, вместе. Но только в том случае, когда это слово можно заменить другим, таким же по смыслу.

С. Можно, можно заменить слово НЕСПОСОБНЫЙ! И не одним словом, а даже двумя: ТУГОДУМ и ТАБУРЕТКА. Вот и все!

Н.В. Не ссорьтесь, друзья мои, давайте лучше, как всегда, изложим правило в песенке.

Есть слова, они без НЕ
В глупость превращаются,
Их без НЕ тебе и мне
Ставить запрещается.

Вот, например, без НЕ никогда не употребляются слова НЕРАДИВЫЙ, НЕДОУЧКА, НЕДОТЕПА, НЕЛЕПО...

А. Правильно. Иначе бы мы сказали, что «радивый» автор Эдуард Успенский смог написать эту песенку, потому что он «доучка».

С. А «дотепа» композитор Борис Савельев написал «лепую» музыку:

При словах ОТНЮДЬ, СОВСЕМ
Людам легче дышится.
Тут уже понятно всем —
НЕ отдельно пишется.

А. Ну, положим, мне еще не совсем понятно.

С. И мне.

Н.В. Зато ребята, которые нас слушают, я думаю, поняли, что ведущие передачи Александр Лившиц и Александр Левенбук в начале веселого урока были просто НЕПОНЯТЛИВЫЕ (пишется вместе), а в конце урока они совсем НЕ ПОНЯТЛИВЫЕ (пишется отдельно). **ВСЕ.**

Пишется отдельно НЕ.

Если в предложении

Есть противопоставле —

Противопоставление.

Переменка

А вот два смешных случая, когда ребята пытались на уроке описать, как выглядят некоторые животные.

«Лошадь — это такое травоядное животное, которое состоит из следующих частей: головы, туловища, четырех ног, хвоста и телеги». «Корова — это большое животное, у которого на голове сбоку растут две загогулины, а сзади — специальный хвост с метелочкой для отгоняния мух. Корова дает людям молоко, и за это ее все любят. Если корова не дает молока, ее за это называют быком».

Иностранные слова

А. Начинаем веселый урок и займемся правописанием некоторых иностранных слов.

С. А это еще зачем? Иностранные слова пусть иностранцы и пишут. А нам и русских слов хватает.

Н.В. Друзья мои! Конечно, русский язык очень богат, но в нем, как и в каждом языке, есть иностранные слова. Ну-ка, скажите мне фразу: «Экспресс по рельсам вошел в туннель», не употребляя иностранных слов...

С. Пожалуйста. Экспр... то есть нет. Безостановочный поезд вошел в э...э... в подземный ход, нет, в подземный езд, в общем, в дыру в горе, по этим, как их... по шпалам...

Н.В. Вот видите? Кстати, шпалы — слово тоже иностранное. Но давно стало русским, так же как РЕЛЬСЫ,

ТУННЕЛЬ, ЭКСПРЕСС и многие другие слова. А в иностранные языки вошло много русских слов. Так что, дорогие друзья, надо уметь правильно писать и русские, и иностранные слова.

А. А чего там уметь? Экспресс — два С, рельсы — одно.

Н.В. Верно. А какие в них гласные после Р?

С. Как это какие? Ясно же слышно — экспрэ-эсс. Значит — Э.

Н.В. А в словах ЦЕНТР, ФОНЕТИКА, СТЕНД?

А. Тоже Э.

Н.В. Друзья мои, все эти слова пишутся через Е.

А., С. Почему?

Н.В. Такое правило. В иностранных словах после твердой согласной пишется Е.

А. Не по-русски все это как-то.

Н.В. А Пушкин, по-вашему, какой поэт — английский?

С. Почему? Русский.

Н.В. А помните в «Евгении Онегине»? «Как денди лондонский одет». Можно было сказать: франт, щеголь. А Пушкин сказал «денди».

А. Получается не дЭнди, а дЕНди?

С. Ага! ДЕНди съел два бифштЕкса, пюрЕ, пирожное с крЕмом и бутЕрброд с джЕмом..

А. Потому что дЕНди этот был прожорливым мЕром города.

Н.В. Стоп-стоп, друзья мои! Я чуть было не забыл. Из этого правила есть исключение — три слова, которые пишутся через Э. Это слова СЭР, ПЭР и МЭР. Запомнили?

С. Тут и запоминать нечего. Одно и то же слово, только первые буквы разные.

Н.В. Не только буквы, но и смысл: мэр — это глава города, а сэр и пэр — титулы в Англии.

А. Все понятно: через Э пишутся СЭР, ПЭР, МЭР, а через Е остальные — ЛОРНЕТ, БЕРЕТ, СОНЕТ...

С. Поема...

Н.В. Постойте! Что вы такое говорите?

С. Поема — это такое длинное стихотворение.

Н.В. В правиле же было сказано — после согласных. А в слове ПОЭМА после гласной сохраняется Э...

А. Понятно. КАНОЭ, ДУЭЛЬ, ФАЭТОН...

С. ДИЭЗ, ДИЭТА...

Н.В. Погодите, вы же не дали мне договорить. Буква «э» сохраняется после всех гласных, кроме И. После И пишется Е. ДИЕЗ, ДИЕТА. А в слове КОЭФФИЦИЕНТ сразу два случая, после О — Э, а после И — Е. Коэффициент, поняли?

С. Конечно, Николай Владимирович.

Н.В. А раз поняли, давайте закрепим это в песенке.

Однажды ДЕНДИ без ПЕНСНЕ
Не смог найти свое КАШНЕ.
И без КАШНЕ и КЕПИ
Поехал к ЛЕДИ в КЕБЕ.

А., С.

В иностранных словах после твердой согласной
Буква Э часто слышится и четко, и ясно,

Н.В.

Но ушам здесь опасно доверять,
Надо Е, только Е в них писать.

С.

Увидев ДЕНДИ, ПЭР и МЭР
Ему сказали: «Милый СЭР,
Ведь без КАШНЕ и КЕПИ
Простудитесь вы в КЕБЕ».

А., С.

А в словах СЭР, ПЭР, МЭР никакого мученья —
Их всегда только три, и они исключенье.

Н.В.

Здесь ушам можно смело доверять.
Надо Э, только Э в них писать.

А

Наш бедный ДЕНДИ заболел,
Три дня АЛОЭ с медом ел.
Спасла его ДИЕТА,
Но песня не про это.

ВСЕ.

В иностранных словах пишем Э после гласной.

Н.В.

То, что слышим, то и пишем — все просто и ясно.

ВСЕ.

Лишь одно исключенье надо знать,

Н.В.

После И надо Е в них писать.

Переменка

На уроке природоведения.

— К какому семейству относится грецкий орех?

— К семейству греков.

На уроке русского языка.

— Бова, как ты думаешь, слово «брюки» — существительное единственного числа или множественного?

— Брюки?.. Сверху — единственного числа, а снизу — множественного.

На уроке литературы мальчик продекламировал:

— Русалка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей.

Сложные слова

А., С. Начинается веселый урок!

Н.В. Тема нашего урока — сложные слова.

А. Николай Владимирович, а разве раньше мы изучали простые слова?

С. А по-моему, все слова сложные, пока не научишься их писать.

Н.В. Правильно, друзья мои, но в грамматике сложными словами называются такие, которые образованы из нескольких слов. Например, ПАРОВОЗ. Сложное слово. Состоит из двух слов: ПАР и ВОЗ. Везет при помощи пара. Понятно?

С. Понятно-то понятно, только что в паровозе сложно-го? Сейчас уже повсюду электровозы.

Н.В. Верно. И ЭЛЕКТРОВОЗ, кстати, тоже сложное слово. А интересно, что у ПАРОВОЗА и ЭЛЕКТРОВОЗА внутри?

С. Машинист.

Н.В. Нет, я спрашиваю, какая буква: О или А? ПарОвоз или парА-воз?

С. Дайте подумать... Машинист один?

А. Нет, еще помощник.

С. Значит, их пара... Тогда парАвоз.

Н.В. А если на паровозе едут трое, тогда как прикажете его называть? ТРОЕВОЗ? Нет, друзья мои, в слове ПА-РОВОЗ пишется буква О, которая называется соединительной гласной. Возьмите слова: ВОДОПРОВОД, ЛЕСОРУБ, СНЕГОПАД — всюду О. А соединительной гласной А в русском языке вообще нет.

А. Значит, только О?

Н.В. Не только. Есть еще одна соединительная гласная — Е. Какие вы знаете сложные слова с этой буквой?

А. Горизонт.

Н.В. Так. По-вашему, ГОРИЗОНТ — сложное слово и, наверное, состоит из двух слов: ГОРЕ и ЗОНТИК? Нет, это слово простое, так что пишется вместе, и к нашему уроку отношения не имеет, и вообще пишется через И: горИзонт.

С. Нет, вот я знаю! Через Е пишутся такие сложные слова: СИНЕГЛАЗКА, БОЛЬШЕЛОБИК, БОЛЬШЕГОЛОВЫЙ.

Н.В. Молодец! А как писать СИНЕ-ГОЛУБОЙ?

А. Отдельно.

С. Нет, вместе.

Н.В. И не отдельно, и не вместе, а через черточку — дефис. И запомните, пожалуйста: все сложные прилагательные, обозначающие оттенок цвета, пишутся через дефис. ЯРКО-КРАСНЫЙ, БЛЕДНО-ЗЕЛЕНый, СЕРО-БУРО-МАЛИНОВЫЙ.

А. А почему же тогда СИНЕГЛАЗЫЙ пишется вместе?

Н.В. А потому, что это не оттенок цвета. Просто человек с синими глазами.

А. А РЫЖЕВОЛОСЫЙ?

Н.В. То же самое.

А. А РЫЖЕЛЫСЫЙ? У него же нет волос?

Н.В. Не знаю, я лично никогда такого слова не встречал.

А. А я такого человека встречал. Сначала он был рыжим, а лет через десять я его встретил — он уже лысый.

Н.В. Возможно. Но если бы и было такое слово — РЫЖЕЛЫСЫЙ, разве оно отражало бы оттенок цвета?

А., С. Нет.

Н.В. Значит, и писалось бы вместе. Как БЛЕДНОЛИЦЫЙ. Вот и разобрались... Ну, а что касается таких слов, как ЮГО-ЗАПАД и СЕВЕРО-ВОСТОК, то, я думаю, все знают, что они тоже пишутся через дефис.

С. Конечно, мы, например, даже живем в ЮГО-ЗАПАДНОМ районе Москвы.

Н.В. Очень хорошо. А теперь пора закрепить все правила о сложных словах в песенке.

А

САМОЛЕТ летит вперед.

С.

ПАРОВОЗ не отстает.

Н.В.

Даже в море ПАРОХОД
Тоже прибавляет ход.

А., С.

Все торопятся узнать,
Как их правильно писать.

ВСЕ.

Эти сложные слова
Не выносят букву А.
А поставишь букву О —
Скорость будет ого-го!

С.

Кашу варит КАШЕВАР,

А

Сталь нам варит СТАЛЕВАР,

Н.В.

Водит лошадь КОНЕВОД,

А

В море МОРЕХОД плывет.

ВСЕ.

Все названья хороши,
Только правильно пиши.

А., С.

Мы у этих слов внутри
Не поставим букву И, —

Н.В.

А напишем Е, тогда
Каждый скажет: «Это да!»

А. Николай Владимирович, а про те слова, которые пишут с черточкой?

Н.В. Не торопитесь, всему свое время.

ТЕМНО-РУСЫЙ паренек
Шел на СЕВЕРО-ВОСТОК,
Так он к вечеру устал,
Что ЛИМОННО-ЖЕЛТЫМ стал.
Но зато успел понять,
Где в словах дефис вставлять.

ВСЕ.

Будешь помнить наш урок,
Скажет в школе педагог:
«Этот парень — голова,
Знает сложные слова».

Переменка

Учитель рассказывал о разных планетах, а потом спросил:

— Если бы на Венере жили люди, как бы их называли?

— Венегретами! — ответил Ваня.

На уроке ребята рассуждали о том, почему раньше не было пароходов, самолетов, автомобилей... Вдруг один мальчик закричал:

— Я знаю! Потому что раньше ученые были недо-развитые!

Непроизносимые согласные

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Скажите, пожалуйста, вы слышали когда-нибудь, что в русском языке есть так называемые НЕПРОИЗНОСИМЫЕ СОГЛАСНЫЕ?

С. Николай Владимирович, ну сами посудите, как мы могли слышать об этих согласных, если они не произносятся?

Н.В. Но между тем они существуют. Есть такие слова, в которых некоторые согласные никогда не произносятся.

А. Почему не произносятся? Они что — неприличные?

Н.В. Абсолютно приличные! Просто в целом ряде слов они не слышатся. Вот, например, что вы слышите в слове СОЛНЦЕ?

С. Так и слышим: СОНЦЕ.

Н.В. А ведь в середине этого слова есть еще буква Л, только она не произносится.

А. Ну, про СОЛНЦЕ каждый знает...

Н.В. Хорошо. А в слове ПАСТБИЩЕ какой буквы мы не слышим?

С. ПАС-Д-БИЩЕ... Я не слышу Д!

А. А по-моему, здесь не произносится согласная Т. ПАС-Т-БИЩЕ. Правильно, Николай Владимирович?

Н.В. Не знаю. Может, там вообще нет никакой буквы. ПАСБИЩЕ, и все. Одна трава.

С. А как же тогда узнать, какая там буква, и есть ли она вообще?

Н.В. Вот для этого, друзья мои, и существует специальное правило. Оно гласит: чтобы проверить написание слов с непроизносимыми согласными, надо подобрать родственное, однокоренное слово, в котором этот согласный произносится. Например: ПАСТБИЩЕ. Родственное слово ПАСТУХ или ПАСТИ. Что слышится?

А., С. Буква Т.

Н.В. Значит, и в слове ПАСТБИЩЕ надо писать Т. Теперь давайте потренируемся. Возьмем знакомые строчки Пушкина:

Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?

Где здесь непроизносимые согласные?

С. В слове ЗДРАВСТВУЙ.

Н.В. Молодец! Какой звук мы не слышим?

С. В.

Н.В. А как можно это доказать?

С. Подобрать однокоренное слово, например ЗДРАВЫЙ, в нем В прекрасно слышится.

Н.В. Еще. «Что ж ты тих, как день ненастный». В слове НЕНАСТНЫЙ Т не произносится, а если взять родственное слово НЕНАСТЬЕ, то Т произносится. Вот и все.

С. Нет, еще в слове ПРЕКРАСНЫЙ я не слышу Т.

Н.В. И правильно делаете, там Т вообще нет.

С. А мне кажется, что есть.

Н.В. Тогда найдите родственное слово, чтобы в нем слышалось Т.

С. ПРЕКРАСНЫЙ-КРАСНЫЙ!.. Нет, КРАСАВЕЦ! Тоже нет...

Н.В. Выходит, что нет.

С. Николай Владимирович, я вообще не понимаю, зачем эти трудности? Можно же проще сделать: раз не слышится, так пусть и не пишется. Говорим СОНЦЕ — надо так и писать. Без всякого Л. Это будет и просто и честно.

А. Да. И кстати, ЧЕСТНО тоже лучше писать без Т.

Н.В. Успокойтесь, я вас понял. Вы предлагаете выбросить непроезжие согласные из таких слов, как СОЛНЦЕ, СЕРДЦЕ, ИЗВЕСТНЫЙ...

С. Да. Чтобы людей не путать.

Н.В. Допустим. Но тогда придется выбросить эти буквы и из всех родственных слов. И что получится? Послушайте такую фразу: «В ясный СОНЕЧНЫЙ день мне пришло ИЗВЕСТИЕ, что приезжает мой СЕРЕЧНЫЙ друг».

А., С. (смеются).

Н.В. Нет, друзья мои, уж лучше постараемся запомнить это простое правило, а заодно и исключения из него.

А. Опять исключения?

Н.В. Не волнуйтесь, их немного. Такие слова, как ЛЕСТНИЦА, ЧУВСТВО, ПРАЗДНИК, СВЕРСТНИК... Послушайте: ЛЕСТНИЦА-ЛЕСТНИЧНЫЙ, ЧУВСТВО-ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ-БЕСЧУВСТВЕННЫЙ — везде согласные остаются непроезжими.

А. Николай Владимирович, теперь нам все ясно и можно петь песенку об этом правиле.

Н.В. Ну, я думаю, правило такое простое, что его и без песенки многие усвоили.

С. Тогда они могут не слушать нашу песенку.

Н.В. Наоборот! Они могут не только слушать, но и танцевать, потому что «Радионяня» поет «Танго о непроезжих согласных».

ВСЕ.

Порой в словах встречаются
Ужасные согласные:

Они не произносятся,
И что писать — неясно нам...

А.

До чего ж сегодня день прелестный,
Солнце в небе празднично горит,

С.

Освещает местность и окрестность
И теплом своим сердца бодрит.

Н.В.

Но лежит на пастбище корова —
Грустно смотрят карие глаза.
Чувствую, что ей пастух суровый
«Здравствуйте» сегодня не сказал.

ВСЕ.

В таких словах согласные
Всегда вы только пишете,
Но чтобы стало ясно вам,
Вы их сейчас услышите.

А.

До чего ж сегодня день прелестный,
Солнце в небе празднично горит,

С.

Освещает местность и окрестность
И теплом своим сердца бодрит.

Н.В.

Но лежит на пастбище корова —
Грустно смотрят карие глаза.
Чувствую, что ей пастух суровый
«Здравствуйте» сегодня не сказал.

ВСЕ.

Порой в словах встречаются
Ужасные согласные:
Они не произносятся,
И что писать — неясно нам.

Н.В.

Тут правило несложное.
Ты хочешь знать, что пишется?

ВСЕ.

Возьми слова похожие,
Где тот согласный слышится.

Переменка

На уроке природоведения.

— Как происходит круговорот воды в природе?

— Ну, это когда идет дождь, на земле образуются лужи. А потом земля переворачивается, и вода выливается обратно.

На уроке геометрии.

— Что такое круг?

— Это квадрат без углов.

На уроке физики.

— Какая разница между молнией и электричеством?

— Молния — это бесплатное электричество.

Чтобы, также, тоже

А., С. Начинаем веселый урок!

С. Какой урок, Николай Владимирович, ведь скоро каникулы!

Н.В. А что, в каникулы можно быть неграмотным? Вот, скажем, летом вы пришлете письмо родителям, а в письме сплошные ошибки — приятно им будет?

С. Почему обязательно ошибки?

Н.В. Потому что вы не хотите учить правила.

С. А я могу и без правил все грамотно написать.

Н.В. Интересно. Это что-то новое. И как вам это удастся?

С. Очень просто. Если я не знаю, как писать какое-нибудь слово, я его беру и заменяю другим.

Н.В. Прекрасно! Тогда возьмем такую фразу: ЧТОБЫ СТАТЬ ГРАМОТНЫМ, НАДО УЧИТЬ ПРАВИЛА. Как вы напишете слово ЧТОБЫ, вместе или отдельно?

С. Никак не напишу. Я иначе скажу: ХОЧЕШЬ БЫТЬ ГРАМОТНЫМ — УЧИ ПРАВИЛА. И все. Коротко и ясно.

Н.В. Да... Вы правы. Я, пожалуй, привел не очень удачный пример. Тогда такое предложение: Я НЕ ЗНАЮ ЭТОГО ПРАВИЛА, И АЛИК ТОЖЕ. Как вы поступите со словом ТОЖЕ? Чем вы его замените?

С. Его и заменять не надо. Просто слово ТОЖЕ.

Н.В. Вместе напишете или отдельно?

С. Отдельно: ТО ЖЕ.

Н.В. Вот и неверно. Тут надо писать вместе.

С. А-а... Понятно. Тогда я его лучше заменю. Так напишу: Я НЕ ЗНАЮ ЭТОГО ПРАВИЛА ТАК ЖЕ, КАК И АЛИК.

Н.В. Ну, а ТАК ЖЕ как писать — вместе или отдельно?

С. Теперь ясно — вместе.

Н.В. Нет, как раз здесь отдельно.

С. Да что это за слова такие! То вместе, то отдельно!

Н.В. Да, такие это трудные слова. Они могут быть в предложении союзом, и тогда они пишутся слитно, а могут быть наречием или местоимением с частицей ЖЕ — тогда они пишутся раздельно.

А. А как же определить, когда как?

Н.В. Вот для этого и надо знать правило. Если слова ТАК ЖЕ, ТО ЖЕ союзы, то их можно заменить простым союзом И. Например: Я ТО ЖЕ УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ. Можно сказать: И Я УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ.

А. Здесь ТО ЖЕ пишется вместе. Я понял.

С. Я также понял.

Н.В. А как здесь пишется ТАК ЖЕ?

С. Вместе. Потому что можно заменить союзом И. Сказать: И я ПОНЯЛ.

Н.В. Верно. А в других случаях слова ТАК ЖЕ, ТО ЖЕ пишутся раздельно. Например: «Я люблю весну ТАК ЖЕ, как и лето».

А. Или: «Мы изучаем сейчас ТО ЖЕ правило, которое учили в школе».

Н.В. Да, здесь ТО ЖЕ раздельно. А чтоб не ошибиться, запомните: если частицу ЖЕ можно отбросить и смысл не изменится — надо писать раздельно. Ну-ка, попробуйте. Наша фраза: «Мы сейчас учим ТО ЖЕ правило, которое учили в школе».

С. Мы сейчас учим ТО правило, которое учили в школе.

А. Смысл остался — значит, раздельно.

С. Вот и разобрались.

Н.В. Еще не до конца. Осталось слово ЧТОБЫ. Оно тоже может писаться слитно и раздельно. Если оно в предложении является союзом — слитно. В этих случаях его можно заменить выражением ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ. Придумайте пример.

А. ЧТОБЫ СТАТЬ СИЛЬНЫМ, НАДО ЗАНИМАТЬСЯ СПОРТОМ.

Н.В. Хорошо. ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ стать сильным, надо заниматься спортом. Пишется слитно. А приведите пример, когда ЧТОБЫ пишется раздельно.

С. ЧТО БЫ ни показывали по телевизору, я все смотрю. Хорошо?

Н.В. Не очень. С точки зрения грамматики все правильно. Нельзя сказать: ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ни показывали по телевизору, я все смотрю. Получается бессмыслица. Но и смотреть все подряд тоже не имеет смысла. Надо погулять, поиграть или, наконец, поучить сложное правило про слова ТАКЖЕ, ТОЖЕ, ЧТОБЫ.

А. А мы его уже выучили.

Н.В. Возможно. Но ЧТОБЫ его окончательно закрепить, надо спеть песенку, ТАК ЖЕ, как мы это делали на других уроках.

С. Согласен.

А. Я ТОЖЕ.

ЧТО БЫ нам ни говорили,
ЧТО Б мы в школе ни учили,
ЧТО БЫ ни писали на доске —
Но боимся мы до дрожи
Слов коварных ТАКЖЕ, ТОЖЕ,
Что грозят нам двойкой в дневнике.

ВСЕ.

Не путай части речи:
Союзы и наречья,
Учись местоименья узнавать.
А песенка поможет
Нам ЧТОБЫ, ТАКЖЕ, ТОЖЕ
Раздельно или слитно написать.

С.

Быть порой союзом могут
Эти ТАКЖЕ, ТОЖЕ, ЧТОБЫ —
Нам нельзя об этом забывать.
Чтобы не было конфуза,
Эти трудные союзы
Только слитно мы должны писать.

ВСЕ.

Не путай части речи:
Союзы и наречья,
Учись местоименья узнавать.
А песенка поможет
Нам ЧТОБЫ, ТАКЖЕ, ТОЖЕ
Раздельно или слитно написать.

Н.В.

ТО ЖЕ, ЧТО БЫ, к сожалению,
Могут быть местоименьем,
ТАК ЖЕ может вдруг наречьем стать
Это грамотным не страшно,
Лишь одно запомнить важно:
Тут раздельно надо их писать.

ВСЕ.

Не путай части речи:
Союзы и наречья,
Учись местоименья узнавать.
А песенка поможет
Нам ЧТОБЫ, ТАКЖЕ, ТОЖЕ
Раздельно или слитно написать.

Переменка

(И еще раз избранные места из школьных сочинений)

«Встреча с Пьером, старым дубом и Наташей возвращает Андрея к жизни».

«Произведения Некрасова носят плачевный характер».

«Когда Половцев снял папаху, на голове у него был голый череп, покрытый редкими волосами».

«Драться вообще не вредно, — учил Жухрай Павку. — Надо только знать, кого бить и за что». После этого определения прямой путь Павки в комсомол и Красную Армию».

Неизменяемые существительные

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Вот сегодня, дорогие мои помощники, у меня для вас совершенно особое задание. Я дам вам слова, а вы из этих слов должны будете составить рассказ, причем рассказ интересный и обязательно веселый.

С. Пожалуйста, хоть целый роман сочиним!

А. А какие слова, Николай Владимирович?

Н.В. Слова такие. Запоминайте: МЕТРО, ПАЛЬТО, КИНО, КАШНЕ, КЕНГУРУ, ШОССЕ, ШИМПАНЗЕ, ДОМИНО, ФОРТЕПИАНО, ПЕНСНЕ, КАФЕ.

С. Тут и запоминать нечего!

А. Мы записали, и сейчас из этих слов не только рассказ, мы поэму в стихах напишем!

С. И не только стихи сочиним, но и песню на эти стихи споем!

А. Правильно!.. Музыка!..

Как-то рано поутру
С другом сели мы в метро.

С.

И поехали в метре
Фильм смотреть о кенгуре.

А.

Вот сидим мы с ним в кине
Без пальта и без кашне...

С.

А вернее — я и ты
Без кашна и без пальты.

Н.В. Вы знаете, друзья мои, мне кажется, что так сочинять и я могу.

Любит кины детвора.
Если в кинах кенгура
Ходит-бродит по шоссу,
Носит в сумке шимпанзу.

А. А у вас тоже получается.

С. Вы тоже молодец.

А.

Кенгуру в кафу зашел,
Занял там свободный стол.

С.

И сидит за доминой
С шимпанзой и какадой.

А.

Вдруг огромный обезьян
Стал играть на фортепьян...

Н.В.

Тут и взрослый, сняв пенсню,
Хохотал на всю киню.

А.

Интересное кино!
Жаль, что кончилось оно!

С.

В гардероб пора бежать —
Будут пальта выдавать!

Н.В. У нас с вами получилась песенка как раз про то, как не надо говорить.

А., С. Почему?

Н.В. Да потому, что все эти слова не изменяются по падежам. Например: пальто — в именительном ПАЛЬТО и в родительном ПАЛЬТО. Без чего? Без ПАЛЬТО. Слово не меняется. И по числам такие слова тоже не меняются. Мы говорим: этот фильм идет в нескольких кинотеатрах. А не в нескольких КИНАХ.

А. Теперь все ясно.

Н.В. Подождите, еще не все. Вот представьте себе: в зоопарке сидят ШИМПАНЗЕ — брат и сестра. Нельзя сказать, что брат — ШИМПАНЗЕ, а сестра — ШИМПАНЗА. Нельзя, потому что по родам такие слова тоже не меняются.

С. Значит, эти слова вообще никогда не изменяются?

Н.В. Никогда! И это надо знать всем ребятам, об этом надо помнить, а нам с вами об этом надо петь...

А.

Чтобы грамотными стать
И писать отлично,
Никогда нельзя менять
В падежах различных
Ни КИНО, ни ДОМИНО,

С.

Ни БЮРО и ни МЕТРО,

Н.В.

Ни КАШНЕ и ни ПЕНСНЕ,

А.

Ни ШОССЕ, ни ШИМПАНЗЕ.

С.

Можно песню распевать
При честном народе,
Если только не менять
Ни в числе, ни в роде
Ни КАКАО, ни ДЕПО.

А.

Ни КАФЕ и ни ПАЛЬТО,

Н.В.

Ни КОЛИБРИ, КАКАДУ,

ВСЕ.

Ни ЖЮРИ, ни КЕНГУРУ.

Переменка

На уроке природоведения учитель спросил:

— Какую пользу приносит нам лес ?

— Он дает нам шкафы и тумбочки.

Мальчик пересказывал сказку «Гуси-лебеди»:

— Из-за леса вылетели гуси. Это были лебеди.

— Вася, — спросил учитель, — вот ты купил себе ворону. И что же ты будешь с ней делать?

— Хочу убедиться, правда ли, что вороны живут триста лет.

Глухие согласные

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. На одном из веселых уроков, если вы помните, мы изучали произносимые согласные, а сегодня займемся такими согласными, которые произносятся, но звучат не очень ясно.

А. Николай Владимирович, как это — не очень ясно? Раз произносятся, значит, все ясно!

Н.В. Хорошо, я объясню на примере. Что вы слышите в конце слова СНЕГ? К или Г?

С. К. СнеК.

Н.В. А в слове хлеБ что в конце?

А. П. ХлеП.

Н.В. Так... А пословицу знаете: «Много снега — много хлеба»?

А., С. Знаем.

Н.В. Выходит, у вас эта пословица будет звучать так: «Много сне-Ка — много хлеПа». Получается нелепо... Нет, друзья мои, я это сделал не для того, чтобы посмеяться над вами, а чтобы вы заметили, что достаточно изменить слово, и согласный звук начинает слышаться четко. Так что у меня к вам небольшая просьба... Кстати, как правильно: проЗьба или проСьба?

А. ПроЗьба... проСьба...

С. (подсказывает). Правильно, правильно — З!

А. Зэ!

Н.В. Какое Зэ?!

А. Небольшое. У вас же небольшая просьба.

Н.В. От какого глагола это слово?

С. Просить.

Н.В. А у вас — от глагола «проЗить»... Тогда «Прозитель спрозил», да?

А. Ясно. Если ПРОСИТЬ, значит — ПРОСЬБА.

Н.В. Верно. А Саша вам подсказал неправильно.

А. Э-э, а еще друг называется! Ты не друг, а враг.

С. Как, как ты сказал?

А. Враг.

С. Какая буква в конце слова?

А. Ка. ВраК.

Н.В. А множественное число — враКи?

А. Нет, враги.

Н.В. Значит, в слове ВРАГ в конце буква Г. А в слове ДРУГ?

С. Ну, ДРУГ, это же не ВРАГ. Здесь все наоборот. На конце К. Друк.

Н.В. А как же слова — ДРУГА, ПОДРУГА?

С. Ясно. В слове ДРУГ тоже Г.

Н.В. Вот именно. И запомните: настоящий ДРУГ всегда пишется с буквой Г в конце слова. Вот видите, мы с вами вплотную подошли к правилу. Попробуем его сформулировать.

С. Можно, я?

Н.В. Пожалуйста.

С. Если согласный звук в конце слова слышен неясно, это слово надо изменить.

А. Или найти родственное слово, где этот согласный будет слышен четко и ясно.

Н.В. Проверим ваше правило. МОРОЗ... З или С в конце?

А., С. МОРОЗЫ, значит, З!

Н.В. ОБРАГ. Г или К?

А., С. ОБРАГИ. Пишется Г.

Н.В. ЗАРЯД. Д или Т?

А., С. ЗАРЯДКА... Нет, неясно...

Н.В. Вот-вот, это очень важный момент. В слове ЗАРЯД вы хотели проверить согласную словом ЗАРЯДКА, и ничего не получилось. Почему, как вы думаете?

С. Я все понял! После согласного, который мы проверяем, должна стоять гласная. Тогда все слышно: ЗАРЯД-ЗАРЯДКА, ЗАРЯДИТЬ.

Н.В. Вот теперь все правильно и можно петь песенку о проверяемых согласных в корне слова.

На дворе стоит МОРОЗ —
Низкая температура.
Стынет ЛОБ,
И мерзнет нос,
СНЕГ валит,
И небо хмуро,
Покрывает землю ЛЕД,
И в машине стынет СМАЗКА,
А в берлоге молодой МЕДВЕДЬ ревет,
Что нельзя ему кататься на САЛАЗКАХ!

Н.В. Ну вот, теперь, я думаю, что все девочки и все мальчики с легкостью поймут, как писать эти слова: МОРОЗ, ЛОБ, СНЕГ, ЛЕД, СМАЗКА, МЕДВЕДЬ, САЛАЗКИ... После припева все будет совершенно ясно.

Чтобы знать,
Как тут быть,
Надо слово изменить —

Чтоб за звуком непонятным
Гласная стояла.
Сделай так поскорей —
Сразу станет веселей —
И послушай нашу песенку
сна-ча-ла!

На дворе стоит МОРОЗ,
Нам МОРОЗЫ надоели,
Стынет ЛОБ,
И мерзнет нос —
ЛБЫ от стужи покраснели.
Покрывает землю ЛЕД,
И по ЛЬДУ скользит прохожий,
А в берлоге молодой МЕДВЕДЬ ревет,
Что к МЕДВЕДЯМ в гости он пойти не может.
Чтобы знать,
Как писать,
Надо слово изменить,
Чтоб за звуком непонятным
Гласная стояла.
Тут уроку конец,
Кто запомнил — молодец,
Не напрасно наша песенка
Зву-ча-ла!

Переменка

На уроке русского языка Петю попросили проспрягать слово «есть». Петя немного подумал и начал спрягать:

— Я «ею»... нет, я «едаю»... ой, нет, я «есть». Нет, я жую!

На уроке физики один школьник так сформулировал закон Архимеда:

— Каждое тело, погруженное в жидкость, становится мокрым.

А другой школьник дал еще более интересный ответ:

— Если тело, погруженное в жидкость, через полчаса не всплывет, считайте, что оно утонуло.

Оба — обе

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Так, друзья мои, попрошу вас поближе подойти ко мне...

А. Николай Владимирович, нам ОБЕИМ подойти?

Н.В. Да, конечно, ОБЕ подойдите.

С. Почему ОБЕ? Мы что, девочки, что ли?

Н.В. Нет, вы не девочки, конечно, но вы же сами сказали: «ОБЕИМ подойти». Значит, выходит, вы женского рода.

А. Почему вдруг женского?

Н.В. Потому что в мужском роде надо говорить ОБОИМ... Вот что получается, когда люди не знают простого правила грамматики: числительное ОБА мужского и среднего рода в косвенных падежах перед окончанием имеет букву О. Теперь вам ясно?

А., С. Ясно.

Н.В. ОБОИМ ясно?

А., С. ОБОИМ.

Н.В. Тогда попрошу вас ОБОИХ ответить мне еще на один вопрос. Вот как вы скажете, что на этой и на этой стене наклеены обои?

А. Очень просто! На ОБОИХ стенах наклеены обои.

Н.В. Вот и неверно.

С. Конечно, неверно. Надо сказать: На ОБЕИХ стенах наклеены обои.

Н.В. Интересно. Какие такие «обеи»?

С. Какие? С цветочками.

Н.В. А где же вы видели такие «обеи»? В «обейном» магазине?

С. Ой, я оговорился! Не «обеи», а обои. ОБОИ стены оклеены обоями. Вот.

Н.В. Друзья мои, стены женского рода, и про них надо говорить: ОБЕ. Об этом тоже есть специальное правило: числительное ОБЕ женского рода в косвенных падежах перед окончанием имеет букву Е. Поэтому мы и говорим: ОБЕ, ОБЕИМ, ОБЕИХ... На ОБЕИХ стенах наклеены обои.

А. А! Теперь все ясно: если мужской род, то ОБА, ОБОИМ, ОБОИХ и так далее — везде О...

Н.В. Прекрасно, друзья мои! Вы делаете успехи. Теперь остается выяснить: как быть, когда одно существительное мужского рода, а другое женского. Ну, например, дедушка и бабушка. Вот как сказать, что им нравится варенье?

А. Дедушке и бабушке ОБОИМ... то есть нет, дедушке и бабушке ОБЕИМ...

Н.В. Ну, ладно, ладно, я вам помогу. По правилу, если одно существительное мужского рода, а другое женского, то про них говорят ОБА и склоняют, как в мужском роде.

С. Что ж, выходит, дедушка главней бабушки?

Н.В. В данном случае да.

А. Николай Владимирович, а бабушка не обидится?

Н.В. Я думаю, что нет. Ведь нельзя обижаться на грамматические правила. Их надо просто-напросто запоминать. А чтоб это легче было сделать, давайте, как всегда, споем песенку.

А., С.

У верблюда два горба,
Два горба, и ОБА
Возвышаются над ним,
Словно два сугроба.

А

И ОБОИМ тем горбам
Рады все верблюды:

С., А

Если пищу не найдут,
То берут оттуда.

Н.В.

Если ты склоняешь слово ОБА,
То запомнить правило легко:

А., С.

Перед окончанием, обрати внимание,
Нужно ставить только букву О.

Н.В., А., С.

О-о-о-о-о!

А

У мартышки две щеки,
Словно два кармана.

Н.В.

За ОБЕИМИ лежат
Сладкие бананы.

С.

Там орехи, карандаш
И клочок бумаги...

А., С.

У мартышки за щекой,
Как в универмаге.

Н.В.

Если ты склоняешь слово ОБЕ,
Мы напомним правило тебе:

А., С.

Перед окончанием, обрати внимание,
Нужно ставить только букву Е.

Н.В., А., С.

Е-е-е-е-е!
Есть мартышка и верблюд
В нашем зоопарке.

А., С.

Им ОБОИМ все несут
Вкусные подарки.

А.

Про ОБОИХ веселей
Распевайте песню,

А., С.

Чтоб грамматику учить
Было интересней.

Н.В.

Если ты склоняешь слово ОБА,
То запомнить правило легко:

А., С.

Перед окончанием, обрати внимание,
Нужно ставить только букву О.

Н.В., А., С.

О-о-о-о-о!

Переменка

На уроке географии учительница попросила перечислить каменноугольные бассейны. Одна ученица встала и уверенно сказала:

— Кузбасс, Донбасс и Карабас.

А этот случай произошел на уроке арифметики. Преподаватель попросил назвать простую дробь. Сережа встал и сказал:

— Дом шестнадцать дробь восемь. Второй этаж, квартира пять. Два звонка.

На уроке природоведения спросили:

— Для чего рыбам нужна чешуя?

— Чтобы зимой им было тепло, — ответил ученик.

Одеть — надеть, кушать — есть

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. Сегодня мы поговорим об употреблении некоторых слов.

С. А каких слов?

Н.В. Это вы сейчас сами увидите. Представьте себе такую картину: на дворе мороз, а я собираюсь выйти на улицу без шапки. Что вы мне скажете?

А. Николай Владимирович, простудитесь!

С. Оденьте шапку!

Н.В. Спасибо, друзья, спасибо за заботу, но только вот «ОДЕНЬТЕ ШАПКУ» или «НАДЕНЬТЕ ШАПКУ»? Как правильно? Начнем с простого. Одевать можно кого-то, например брата, сестру...

А. Куклу!

Н.В. Верно, но кукла — это уже не кто-то, а что-то.

С. Но что-то можно тоже ОДЕВАТЬ. Например, «деревья ОДЕВАЮТСЯ листьями, а горы — снегом».

Н.В. Правильно. И еще ОДЕВАТЬСЯ можно во что-то. Например, «ОДЕЛСЯ во все белое».

А. А можно чем. «Река ОДЕЛАСЬ льдом». Чем оделась? Льдом.

Н.В. Прекрасно. Теперь возьмем слово НАДЕВАТЬ. Надеваем мы всегда что-то на кого-то или на что-то. Значит, если я пошел без шапки, что мне надо сказать?

С. Николай Владимирович, НАДЕНЬТЕ шапку!

Н.В. Правильно. А сейчас что я делаю с очками?

А. НАДЕВАЕТЕ их на нос.

Н.В. Верно.

С. Николай Владимирович, а я придумал свое правило: если подразумевается НА — НА голову, НА себя, НА нос, значит, НАДЕТЬ, если этого НА нет — то ОДЕТЬ.

Н.В. Ну что ж, по-моему, это правило несколько упрощенное, но тоже верное. Теперь, когда вы разобрались в употреблении слов ОДЕТЬ и НАДЕТЬ, можно вернуться к моему упражнению. Смело подсказывайте мне. Итак, я начал одеваться: сначала костюм...

А., С. Надел...

Н.В. Потом ботинки...

А., С. Надел.

Н.В. Затем стал пальто...

А., С. Надевать.

Н.В. А уж потом стал младшего брата тоже...

А., С. Одевать!

Н.В. Молодцы! Вот вам за это по конфетке!

А., С. Спасибо!

Н.В. Саша, что вы делаете?

С. Я кушаю.

Н.В. Не может быть.

С. Как не может быть, вот смотрите, беру конфету и кушаю.

Н.В. Не может такого быть! Алик, возьмите свою конфету, откусите... Что вы теперь делаете?

А. Я ем.

Н.В. Правильно. А вы, Саша, что делаете?

С. Я ничего. Я уже все скушал.

Н.В. Дорогой мой, я вижу, вы просто не знаете, когда употребляется глагол КУШАТЬ!

С. Как это не знаю?! Глагол КУШАТЬ употребляется, когда хочешь есть.

Н.В. Нет, глагол КУШАТЬ употребляется только в повелительном наклонении и в неопределенной форме при вежливом или ласковом приглашении к еде. Например, «КУШАЙТЕ, пожалуйста, дорогие гости!» или «Дети, идите скорее КУШАТЬ!». А во всех остальных формах глагол КУШАТЬ употреблялся только раньше,

в разных подобострастных выражениях. Например, говорили: «Барин кушает...» А уж про себя, в первом лице и раньше глагол КУШАТЬ не употребляли. Так что запомните: никогда нельзя говорить «Я КУШАЮ», а можно только «Я ЕМ». Вы довольны моим объяснением?

А., С. Довольны.

Н.В. А когда человек доволен, он что делает?

С. Ест.

Н.В. Нет, он поет, поет!

Мы вас приглашаем
За стол к нам присесть!
Немножко ПОКУШАТЬ,
Немножко ПОЕСТЬ.
И чтобы не путали
КУШАТЬ и ЕСТЬ,
Хорошее правило есть!
Если «я»,
Значит, «ЕМ»
Простоквашу или джем!
«КУШАТЬ» могут
Ты и он,
Даже если
Это — слон!

С.

Часы, и очки,
И ботинки НАДЕНЬ,
И белую саблю',
И черный ремень,
А можно кого-то
Во что-то ОДЕТЬ,
Пускай это даже медведь!

А.

Всех ОДЕЛ,
Но зато
На себя НАДЕЛ пальто.

ВСЕ.

Надо помнить, как сказать:
НАДЕВАТЬ иль ОДЕВАТЬ.

Переменка

На уроке русского языка спросили:

— Какого рода слова «стол, стул, носок, чулок»?

Мальчик ответил:

— Стол, стул и носок — мужского рода, а чулок — женского.

— Почему?

— Потому что чулки носят только женщины.

На уроке химии учитель спросил:

— Как называется вода, очищенная от примесей?

— Дисциплинированная.

Существительные на -мя

А., С. Начинаем веселый урок!

Н.В. И начинаем наш урок сегодня с письма.

«Дорогая Радионяня! Ты, конечно, не знаешь моего имя, потому что раньше я тебе не писал — не было время...» И так далее. Я не буду называть вам автора письма, скажу одно: это очень способный молодой человек, в одной фразе он сделал две ошибки.

А. А где ошибки, Николай Владимирович?

Н.В. Ну как где? В словах ИМЯ и ВРЕМЯ. Как они должны звучать в родительном падеже?

А. В родительном? Кого, чего? ИМЯ.

С. Нет чего? ВРЕМЯ. Николай Владимирович, в письме все верно. Я бы тоже так написал.

Н.В. Я знаю. Вы бы могли еще и не так написать. Вы бы могли, например, так написать: «Вы не знаете моего ИМЯ и ФАМИЛИИ»...

С. Нет, «не знаете моего ФАМИЛИИ».

Н.В. Фамилия — женского рода, значит, МОЕЙ ФАМИЛИИ. А вот ИМЯ и ВРЕМЯ — среднего рода, и эти слова особые: у них в родительном падеже перед окончанием добавляется ЕН. Нет чего? ВРЕМЕНИ. Не знаю чего? ИМЕНИ. Ясно?

А. Ясно. В родительном падеже добавляется ЕН.

С. А в других падежах у них что-нибудь добавляется?

Н.В. Давайте посмотрим. Возьмем, к примеру, творительный падеж. Скажем, у человека есть свободное время. И он говорит: «Я располагаю свободным...» чем?
С. ВРЕМЕНЕМ.

Н.В. ВРЕМЕНЕМ. Свободным ВРЕМЕНЕМ.

С. Что же, это ЕН добавляется во всех падежах?

Н.В. Во всех, кроме именительного и винительного. Вот просклоняйте, пожалуйста, эти слова. Именительный...

А. ИМЯ.

С. ВРЕМЯ.

Н.В. Родительный...

А. ИМЕНИ.

С. ВРЕМЕНИ.

Н.В. Дательный...

А. ИМЕНИ.

С. ВРЕМЕНИ.

Н.В. Винительный...

А. ИМЯ.

С. ВРЕМЯ.

Н.В. Творительный...

А. ИМЕНЕМ.

С. ВРЕМЕНЕМ.

Н.В. Предложный...

А. О ИМЕНИ.

С. О ВРЕМЕНИ.

Н.В. Молодцы!

С. Николай Владимирович, мы эти два слова на всю жизнь запомнили!

Н.В. Молодцы! Но два слова — этого мало. Надо запомнить десять.

А., С. Десять?

Н.В. Да-да-да. В русском языке есть десять слов среднего рода, которые оканчиваются на -МЯ: ИМЯ, ВРЕМЯ, ЗНАМЯ, СЕМЯ, СТРЕМЯ, ПЛЕМЯ, ПЛАМЯ, БРЕМЯ, ВЫМЯ, ТЕМЯ.

А. Ого! Все эти слова запомнить — такое тяжкое БРЕМЯ!

С. Пока запомнишь, заболит ТЕМЯ.

Н.В. Успокойтесь, пожалуйста. Для молодого ребячьего ПЛЕМЕНИ тут нет никакого БРЕМЕНИ. Ведь правила склонения для всех этих слов одинаковы. Повторите его.

А., С. Хором?

Н.В. Можно хором.

А., С. При склонении существительных на -МЯ во всех падежах, кроме именительного и винительного, перед окончанием добавляется ЕН.

Н.В. Молодцы! Молодцы, друзья мои, вы делаете успехи!.. Но пока мы говорим только про единственное число. А что во множественном?

С. А во множественном гораздо проще. Там не надо ЕН добавлять, оно уже сразу есть. ВРЕМЕНА, ВРЕМЕН, ВРЕМЕНАМИ, О ВРЕМЕНАХ.

А. О ПЛАМЕНАХ, О ВЫМЕНАХ, О ТЕМЕНАХ.

Н.В. Ах, ах, ах! Как во множественном числе слово ПЛАМЯ?

С. Пожар.

Н.В. Да нет, вы мне зубы не заговаривайте, пожалуйста.

С. ПЛАМЯ во множественном числе будет... ПЛАМЕНА... или ПЛАМЕНА.

Н.В. Подумайте, подумайте хорошенько. У одного костра ПЛАМЯ, а у двух костров что?

А. ПЛАМИ... Нет, я не знаю.

С. И я не знаю.

Н.В. И никто не знает. Потому что у слов ПЛАМЯ, ВЫМЯ, БРЕМЯ, ТЕМЯ вообще нет множественного числа. У одного из вас ТЕМЯ, и у вас двоих тоже ТЕМЯ или два...

А., С. ТЕМЕНИ.

Н.В. Правильно. Вот видите, правила про эти слова очень простые.

А. Правила-то простые, но только как сами слова запомнить?

С. Николай Владимирович, а нет какого-нибудь хитроумного способа?

Н.В. Хитроумного?

С. Да.

Н.В. Пожалуй, есть. Специальная песенка про десять слов.

ВСЕ.

В стародавнее древнее ВРЕМЯ
В шалашах без окон и дверей
Жило-было лохматое ПЛЕМЯ
Первобытных людей-дикарей.

Н.В.

Они не знали, для чего корове **ВЫМЯ**,

С.

Как написать свою фамилию и **ИМЯ**,

А.

Зачем на лошадь надевать седло и **СТРЕМЯ** —

ВСЕ.

Необразованное было это **ПЛЕМЯ**.

А.

Трудно было им жить в эти годы,

С.

Угнетало их **БРЕМЯ** забот,

Н.В.

И страдали они от погоды

ВСЕ.

Без плащей, без зонтов и без бот.

Н.В.

Никто не знал, как развевает ветер **ЗНАМЯ**,

С.

Что кислород всегда поддерживает **ПЛАМЯ**.

А.

Над тем, как в булку превратить простое **СЕМЯ**,

ВСЕ.

С утра до вечера они чесали **ТЕМЯ**.

Мы сегодня пропели вам песню

Из истории древних веков.

Чтоб она получилась полезней,

Мы включили в нее десять слов.

Н.В.

Есть в этой песне **ИМЯ**, **ПЛЕМЯ**, **СЕМЯ**, **ПЛАМЯ**,

С.

В нее вошли и **ВЫМЯ**, **ТЕМЯ**, **СТРЕМЯ**, **ЗНАМЯ**,

А.

А для того, чтоб облегчить учебы **БРЕМЯ**,

ВСЕ.

Вы повторяйте эту песенку все **ВРЕМЯ**.

Телефонный разговор

Телефонный звонок.

Н.В. (снимает трубку). Алло.

ТЕЛЕФОНИСТКА. Простите, пожалуйста, это 35-16-47?

Н.В. Да.

ТЕЛЕФОНИСТКА. С вами говорят с телефонной станции. Ваш телефон работает нормально?

Н.В. Вполне.

ТЕЛЕФОНИСТКА. Проверка. Извините, всего хорошего.

Н.В. До свидания. *(Кладет трубку.)* Вот — вежливый человек. Коротко, по-деловому, сразу видно: умеет разговаривать по телефону.

С. А чего тут уметь? Набрал номер и разговаривай.

Н.В. Да? Тогда покажите, как вы умеете разговаривать, а мы послушаем. Позвоните своему приятелю.

С. Зачем ему звонить? Вон же он стоит.

Н.В. А вы как будто позвоните.

С. Пожалуйста. *(Набирает номер.)*

Звонок.

Н.В. Алло.

С. Алика.

Н.В. Вот уже неверно. Невежливо. «Алика»!

С. А кого же, Петю, что ли?

Н.В. Нет, Алика, конечно. Только надо попросить вежливо. Давайте снова. *(С. набирает номер. Звонок.)* Алло.

С. Будьте любезны, Алика, пожалуйста... Ну, теперь вежливо?

Н.В. Вежливо, но не совсем. Вы ведь узнали мой голос?

С. Конечно, узнал.

Н.В. Почему же вы со мной не поздоровались?

С. Но мне же Алик нужен, а не вы.

Н.В. Значит, вы здороваетесь только с теми, кто вам нужен? А если я обижусь и не позову Алика к телефону? Вот тогда вы поймете, что я вам тоже нужен.

С. Извините. *(Звонит снова.)*

Н.В. Алло.

С. Здравствуйте, Николай Владимирович.

Н.В. Здравствуйте.

С. Позовите Алика, пожалуйста.

Н.В. Стоп! Это уже лучше, но вы забыли одну вещь.

С. Какую?

Н.В. Вы забыли себя назвать.

С. Как? Значит, я вас узнал, а вы меня нет?

Н.В. Это неважно, узнал я или нет, но раз вы звоните, вы обязаны себя назвать. Давайте ещё разок. (Звонок.) Алло?

С. Здравствуйте, Николай Владимирович, это Саша говорит.

Н.В. Здравствуйте, Саша.

С. Будьте добры, Алика к телефону.

Н.В. С удовольствием. Теперь все правильно. Алик, вас к телефону.

А. Алло!

С. Алька? Здорово!

А. Привет.

С. Узнаешь?

А. Пока нет.

С. Угадай, кто говорит.

А. Вовка?

С. Не-а.

А. Васька?

С. Не-а.

А. Юрка?

Н.В. Стоп-стоп-стоп! Так вы всех своих знакомых переберете.

С. А что же он, угадать не может!

Н.В. Он и не должен гадать. Тот, кто звонит, должен первым назвать свое имя. Вот так и звоните.

С. звонит.

Н.В. (женским голосом.) Алло.

С. Это кто говорит?

Н.В. (женским голосом.) А кто со мной говорит?

С. Это Саша.

Н.В. (женским голосом.) Здравствуйте, Саша.

С. Здравсьте. Алика можно?

Н.В. (женским голосом.) Здесь, к сожалению, нет такого. Вы не туда попали.

С. Ну вот, зря здоровался. (Бросает трубку.)

Н.В. Ай-ай-ай... А я уже подумал, что вы научились разговаривать по телефону вежливо.

С. А чего вежливо разговаривать, если я не туда попал.

Н.В. Тем более, если не туда попали, значит, вы зря беспокоили незнакомого человека. Надо обязательно извиниться.

С. Сейчас извинюсь. *(Звонит.)* Извините, это Саша говорит, я не туда попал и не извинился, здравствуйте.

А. Здорово! Это Алик. Наконец-то! Ну, как дела?

С. Нормально. А у тебя?

А. И у меня хорошо.

С. Вот здорово!

А. Ты чего звонишь?

С. Просто так. Делать нечего, вот и решил тебе позвонить.

А. Молодец! И мне делать нечего. Давай поговорим.

Н.В. Вот-вот! Это самое ужасное, когда люди звонят друг другу от нечего делать. Или по телефону решают задачки, или рассказывают новый кинофильм. А в это время кто-то пытается дозвониться по важному, неотложному делу — и не может. Занято!

С. Что же, нам вообще звонить нельзя?

Н.В. Почему же? Обязательно звоните. Только при этом помните: телефон — ваш друг и помощник. Но не только ваш, а наш общий. Поэтому говорить по телефону надо кратко, вежливо и по делу!

Книголюбы

Вбегает С.

С. *(зальхавшись).* Ой, извините, пожалуйста, я задержался. Книгу интересную читал.

Н.В. Очень хорошо, что вы любите книги. Жаль только, что вы читаете не вовремя.

С. Все, больше не буду. *(Кладет книгу на стол.)*

Н.В. Что вы делаете? Вы же совершенно не умеете обращаться с книгами.

С. А что с ними обращаться? Прочел, да и все.

Н.В. Вот-вот, так многие и думают. Ну-ка, давайте сюда эту книгу. Покажите нам, как вы умеете читать.

С. Пожалуйста. *(Поплевывает на палец, переворачивает страницу.)*

Н.В. Вот, пожалуйста! Разве можно облизывать пальцы?!

С. А что облизывать? Страницы?

Н.В. Подумайте сами: приятно будет другому читать после вас эту обслюнявленную книгу?

С. Пока другой будет читать, все высохнет.

Н.В. А уголки страниц будут уже испорчены. Нет, это только кажется, что книжку читать просто. Вот скажите, как запомнить, на какой странице вы прервали чтение? Ну, предположим, вы читали-читали, и вдруг к вам зашел приятель...

А. Очень просто. Загнуть уголок и все.

С. Эх ты! Так опять страница испортится! Я по-другому делаю: предположим, я остановился на 24-й странице. Я спокойно закрываю книгу и пишу на обложке: 24. И все страницы как новенькие.

Н.В. А обложка?

С. Обложку же никто не читает.

Н.В. Я думаю, что, кроме вас, все ребята знают, что надо пользоваться закладкой. И можно было бы вам об этом не напоминать, если бы вы всегда помнили слова: «Берегите книгу».

А. Она дорогая.

Н.В. Не в том дело, дорогая она или дешевая, толстая или тонкая.

С. Правильно! Вот у меня была тонюсенькая книжечка, а я ей 23 мухи убил.

А. Стыдно так книгу использовать! Я тоненькие книжки всегда под стол подкладываю, чтоб не шатался.

Н.В. Ну, хватит! От ваших разговоров я уже сам начал шататься. Вы мне напоминаете ребят, которые кидаются книгами и даже бьют ими друг друга по голове. Они, наверное, думают, что так в голове будет больше знаний.

А. Нет, мы не такие. Я, например, книгу люблю и не расстаюсь с ней ни в автобусе, ни за обедом.

Н.В. Плохо! За обедом надо обедать, а не читать. Вот так пообедаешь на книжке, а потом не разберешь, где Онегин, где бульон, где Ленский, где компот.

С. Компот всегда можно узнать, по косточкам.

Н.В. А человека по книге. Вот у меня в руках хрестоматия, которая побывала в руках не то читателя, не то

писателя. Он все страницы исписал своими замечаниями и добавлениями.

А. Зачем?

Н.В. Уж я не знаю. Наверное, этот школьник хотел улучшить Некрасова и Пушкина. Вот, смотрите: «Около леса, как в мягкой постели, выспаться можно: покой и простор». И воспаление легких. Это уже он добавил. Новый Некрасов! А что он сделал со сказкой о царе Салтане!.

«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки царя
Родила богатыря».
Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь».

Можно к этим прекрасным словам еще что-нибудь добавить?

А. Нельзя.

Н.В. А он добавил: «Ай-ай-ай! Царь, а подслушивает!» И так на каждой странице. Вот опять:

«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь,
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Чебурашку, — добавляет наш писатель.

С. Да, это он зря. Если узнают, нагореть может.

Н.В. При чем здесь нагореть! Разве в этом дело? Важно, чтобы каждый относился к книге, как к другу. И помнил, сколько людей стараются для того, чтобы ты мог встретиться со своим другом.

Рассказы для детей

Тактичный человек

Меня родители часто упрекают,

что я нетактичный человек.

— Ты, Женя, все-таки будь повежливей, — говорит отец. — А то пришли к нам гости, а ты Зое Сергеевне при всех кричишь: «Тетя Зоя, у вас чулок рваный!»

— Но он у нее и правда рваный.

— Неважно. Если у человека что-нибудь не в порядке с туалетом, надо сказать вежливо, тактично, чтобы не обидеть. Иногда достаточно просто намекнуть, и человек сам поймет.

— А если не поймет?

— Поймет. Ты только найди правильные слова. Чтобы и вежливо было и тактично.

— Ладно, — говорю, — попробую. — И попробовал.

Вышел я на улицу, а по ней идет сосед наш, дядя Петя. Я смотрю: у него на пальто сзади пуговица оторвана, и хлястик позади болтается, прямо как хвостик.

Хотел я ему об этом прямо сказать, да вспомнил, что это невежливо. Надо, думаю, тактично сказать. Чтобы он сам догадался.

— Здорово, герой! — говорит мне дядя Петя. — Как дела?

— У меня-то хорошо.

— А у кого плохо?

— Да есть, — говорю, — такие люди, которые за собой не следят. Одним словом, неряхи.

— Это плохо, — говорит он. — К порядку себя надо с детства приучать.

— Точно. А то вырастешь и будешь таким, как один мой знакомый дядя.

— Какой дядя?

— Да такой... Высокий... В шляпе... И в пальто... На вас похожий.

— Что-то я тебя не пойму. Загадками ты сегодня говоришь.

Ну что ты будешь делать? Намекаешь ему, намекаешь, а он никак не поймет, что у него сзади хвостик болтается. Я тогда решил с другого бока зайти.

— Дядя Петя, скажите, а у вас когда-нибудь хвост был?

— Ну, если считать, что человек произошел от обезьяны, то был. Не у меня, конечно, а у моего далекого предка.

— Предок здесь ни при чем! Вот у вас самого был хвост? Он задумался на минутку и говорит:

— Один раз действительно был. Серый такой, пушистый. Я на карнавале волка изображал.

— А не на карнавале? Просто по улице вы с хвостом не ходили?

— Что-то не припоминаю такого случая. А почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Да так, — говорю. — Это мы по зоологии сейчас проходим. Зверей с хвостами.

— А какое они ко мне имеют отношение? Я ведь не зверь.

— Не зверь, конечно. Но кое-что зверское у вас имеется.

Тут он, по-моему, немножко обиделся и говорит:

— Ладно, будь здоров. Некогда мне.

— Дядя Петя, — говорю, — постойте. Вы лучше скажите мне такую вещь: ваша жена шить умеет?

— Конечно. И очень хорошо.

— А ее что, сейчас в городе нет?

— Почему? Она дома.

— А вы что, с ней поссорились?

Тут он уже нахмурился:

— Ты меня извини, Евгений, но ведешь ты себя очень невежливо.

Это ж надо, а? Человеку хочешь тактично намекнуть, а он тебя еще в грубости упрекает.

— Зря вы сердитесь, — говорю я. — Чем за моим поведением следить, лучше бы за собой посмотрели.

Тогда он совсем рассердился:

— Ну, хватит,— говорит. — Пока ты со взрослыми разговаривать не научишься, я с тобой общаться не желаю.

Повернулся и пошел. А мне так обидно за него стало. Вот придет он сейчас на работу, войдет в помещение, а все увидят, какой он неряха, и начнут над ним смеяться.

Догнал я его и говорю:

— Дядя Петя, куда же вы идете?

А он мне отвечает:

— Домой иду. Видишь, хлястик у меня оторвался. Пришить надо.

Вот это да!.. Я ему стою, намекаю, а он, оказывается, сам все знает.

— Извините, — говорю, — тогда я пошел.

— Постой,— говорит он,— куда ж ты идешь? У тебя чернильное пятно под носом.

Вынул он носовой платок и вытер мне пятно.

Все-таки странные люди, эти взрослые. Говорят человеку прямо в лицо такие обидные вещи. А им намекаешь вежливо, тактично, от всей души, так они же еще и обижаются.

Честный врун

Как-то после школы пошли мы со старшим братом в кино. Фильм большой попался, двухсерийный. Просидели мы в кино до самого вечера. Возвращаемся домой, уже темно, на небе звезды зажглись. А мой брат Сережка мне и говорит:

— Слушай, Леня, ты родителям не говори, где мы были.

— Ладно,— отвечаю,— если не спросят, то и не скажу.

— А если спросят?

— Тогда скажу.

— Зачем?

— А затем, что обманывать нехорошо.

— Ну что ты за человек! — говорит брат. — Почему ты таким ябедой растешь?

— Я не ябеда.

— Да?.. А кто бабушке сказал, что я все варенье съел?

— Я же не сам сказал. А только когда она спросила.

— Спросила!.. Дать бы тебе раз по шее, да боюсь, ты опять маме наядбедничаешь.

— Ничего я не наядбедничаю. А только, если она спросит, почему я плачу, тогда скажу.

— И в кого ты только такой уродился? — спрашивает брат. — Неужели ты разок соврать не можешь?

— Не могу. Врать — нехорошо. И нечестно.

— Да?.. А вот я в одной книжке читал про шпиона. Он границу перешел и у пионеров спрашивает: «Как пройти к шоссе?» А они заподозрили неладное и показали в другую сторону. Он и пришел прямо на пограничную заставу. Как, по-твоему, хорошо они поступили?

— Конечно.

— А ведь они соврали.

— Ну, то шпиону. А наши мама с папой — не шпионы. И бабушка не шпион.

— Конечно. Только врать можно и не шпиону. Вот представь: стоишь ты на улице, мимо тебя собачка бежит, а за ней дядька с палкой гонится. Если он тебя спросит: «Здесь собака не пробегала?» — ты что ответишь?

— Не пробегала.

— Значит, соврешь?

— Совру.

— Ага! Выходит, не всегда нужно правду говорить!

— Выходит, что так.

— Наконец-то, — обрадовался Сережка, — понял. Правду нужно говорить, когда от нее всем хорошо. А если ты сейчас родителям правду скажешь, от нее всем плохо будет: и мама с папой расстроятся, и нам с тобой нагорит.

— А что же делать? Я врать не умею. Они сразу догадуются.

— Не догадуются. Ты только слушай, что я им буду говорить, и повторяй за мной слово в слово. Сможешь?

— Повторять смогу.

— Только не фантазируй. Что я скажу, то и ты.

Договорились мы с ним, и мне сразу легче стало. Потому что свое вранье трудно придумывать, а чужое повторять — намного легче.

Приходим мы домой. Обстановка тревожная: мама с папой сердятся, бабушка волнуется. Только мы с братом спокойны. Что он будет говорить, то и я.

— Слушай, Сергей, — говорит папа, — ты почему так поздно домой возвращаешься?

— А наша школа сегодня вторичное сырье собирала.

— Ясно, — говорит отец. — И что же ты собирал?

— Макулатуру.

— Какую же это макулатуру? — спрашивает мама.

— Ну, газеты, журналы, тряпки разные.

— И много ты собрал?

— 800 килограмм.

— Молодец! — говорит папа. — Неужели столько один собрал?

— Почему? Мне ребята помогали.

— А учителя? Они тоже помогали?

— Также помогали.

— Дружная у вас школа. Вас всех премировать нужно.

— Ага! Нас за это похвальной грамотой наградят и поездкой в Артек.

— Очень рад за вас, — говорит папа. — Только у меня к тебе, Сергей, такая просьба: если в следующий раз будешь макулатуру собирать или металлолом, обязательно предупреди. Чтобы мы с мамой не волновались.

— Ладно, — говорит брат, — в следующий раз так и сделаю.

Вот молодец Сережка! Так хорошо рассказал, что даже я ему поверил. Тут отец поворачивается ко мне и говорит:

— Ну, а ты, Леня, где был?

Я посмотрел на Сережку и отвечаю точь-в-точь как он:

— А наша школа сегодня собирала вторичное сырье.

Папа головой кивает, мама улыбается — очень хорошо все началось. Но тут бабушка нам всю погоду испортила.

— Внучек, — говорит, — а что же ты после школы ел?

Я смотрю на Сережку, а он отворачивается. Что отвечать? Он же сам фантазировать не велел. Я и говорю:

— Макулатуру.

— Какую такую макулатуру ты ел? — испугалась бабушка. А мне отступить уже некуда.

- Газеты, журналы, тряпки разные.
- И много ты съел? — спрашивает мама.
- 800 килограмм.
- Молодец! — говорит папа. — Неужели столько один съел?
- Почему? Мне ребята помогали.
- А учителя?
- Тоже помогали.
- Бедные вы мои, — говорит бабушка. — Что же теперь с вами будет?
- А нас за это похвальной грамотой наградят и поездкой в Артек.
- Очень рад за вас, — говорит папа. — Только у меня к тебе просьба: в следующий раз макулатуру не ешь. Лучше попробуй металлолом.
- Ладно, — говорю, — в следующий раз так и сделаю.
- В общем, досталось нам с братом по первое число. Ему, конечно, обидно, а мне — вдвойне. Он хотя бы за свое вранье пострадал, а я за чужое. Поэтому я так решил: буду говорить правду. Если и влетит — хотя бы знаешь за что!

Опера

Однажды на уроке литературы Вера Петровна нам говорит:

— Ребята, в следующий вторник у нас занятий не будет. Мы пойдем в Большой театр слушать оперу «Евгений Онегин».

Ну, все, конечно, обрадовались:

— Ура! В театр! Оперу слушать!

А я сижу, молчу. Я эту оперу не люблю. Что в ней хорошего? Поют и поют. Когда один поет, еще ничего, а то бывает, один поет, другой подпевает, а третий их перебивать начинает. Тут уж совсем ничего понять нельзя.

Но учительница сказала, что я просто еще не умею оперу слушать. А когда научусь, то пойму, что театр — это праздник.

Ну, я возражать не стал. Если мы вместо занятий в театр идем, то это, конечно, праздник. Потому что по праздникам мы тоже в школу не ходим.

Во вторник пришли мы всем классом в Большой театр. Театр и вправду очень большой. Потолки высокие, люстры сверкают, и народу много, много. Как на хоккее. Я пока по лестницам ходил, даже заблудился. Только после третьего звонка в зал попал. Вхожу, а свет уже погас — ничего не видно.

— Вера Петровна, — говорю, — ребята! Где вы?

Тут с разных мест на меня как зашикают:

— Тише... Тише... Не мешайте смотреть.

А чего там смотреть? Еще ничего и не показывают: Только одна музыка играет.

Тут откуда-то слева Сашка Попов мне шипит:

— Колька, иди сюда. Мы здесь.

И пошел я к ним пробираться. Иду вдоль кресел, а один старичок мне говорит:

— Молодой человек, надо к людям идти лицом, а не спиной.

Интересное дело! Значит, я должен к нему лицом идти, а к сцене спиной. Как будто я спиной вижу. Я же на сцену пришел смотреть, а не на этого старичка.

С грехом пополам добрался я до своего места, а Сашка меня спрашивает:

— Ты где был?

— В буфете, — говорю. — Там лимонад очень вкусный продают. В маленьких бутылочках.

Тут меня Вера Петровна как дернет сзади за рукав:

— Тише. Немедленно прекратите разговаривать.

Тут открылся занавес, и все запели. Все артисты, конечно. Потому что мы не пели. Мы тихо сидели. Сажу я, слушаю. И наши ребята все сидят, слушают. Даже рты раскрыли, будто им очень интересно. А что может быть интересного, если мы этого «Евгения Онегина» уже в школе проходили? И все знаем, что дальше будет. Один только Сашка не знает, потому что он всю зиму проболел. Вот я и решил ему немножко объяснить. Когда Ленский запел, я Сашке говорю:

— Это Ленский. Он сейчас еще немного попоет, а потом его убьют.

А Сашка спрашивает:

— За что?

— За то, что он лишний. Лишний человек.

— Это не он. Это Онегин — лишний.

А Вера Петровна сзади говорит:

— По-моему, вы оба здесь лишние. Еще слово — и я вас выведу из зала.

А за что меня выводить?.. Человек всю зиму проболел, «Евгения Онегина» не проходил. Могу я отстающему помочь или нет?

Я даже расстроился. Достал из кармана конфету, развернул фантик, только откусил, а Вера Петровна опять шепчет:

— Смирнов, немедленно дай сюда конфету.

А я говорю:

— Вера Петровна, я ее уже надкусил. Давайте, я вам лучше другую дам.

Только я начал второй фантик разворачивать, а она меня как схватит за руку:

— Все, — говорит, — достаточно!

Взяла меня за руку и к выходу потащила. А Ленский нам вслед как запоеет:

— Куда, куда вы удалились?..

А Вера Петровна даже не оборачивается. По-моему, это как раз и невежливо. Если человек спрашивает, надо отвечать. Я и говорю:

— Мы сейчас. Сейчас вернемся!

Тут со всех сторон подскочили билетерши и вывели нас из зала. Вера Петровна прямо чуть не плачет. Довела она меня до гардероба, взяла мое пальто и говорит:

— Вот тебе, Смирнов, твое пальто. Одевайся и уходи. И пока себя вести не научишься, в театр больше не пойдешь.

Вот такая неприятная вещь получилась. Я-то думал, что в театре только артисты себя должны хорошо вести. Потому что они на сцене и все на них смотрят. А оказывается, мы, зрители, тоже должны себя хорошо вести. Даже если на нас никто не смотрит.

История с хронологией

По-моему, самый трудный предмет — история. И не столько история, сколько хронология. Даты разные. Материал еще выучить можно, а вот запомнить, когда

был 1-й крестовый поход, в каком веке правил Иван Грозный, сколько длилась война Алой и Белой розы — это ни один человек не в состоянии. Конечно, кроме нашего учителя истории. Но ему, конечно, проще. Ему ведь, кроме истории, ничего учить не надо. А нам еще и химию, и русский, и географию. Просто с ума сойти можно.

Долго я думал, как нам эти исторические даты друг другу подсказывать. И, наконец, пришла мне одна гениальная мысль.

Вообще подсказывать очень трудно. Учитель ведь лицом к классу сидит. Если кто губами зашевелит или пальцами начнет знаки делать — он сразу заметит. Вот я и придумал новый метод — чихать! Понимаете?.. Как спросит учитель какую-нибудь дату, так ребята будут тебе чихом подсказывать. Только не просто чихом. А то, например, битва на Куликовом поле была в 1380 году. Кто же это станет тысячу раз чихать? От этого сотрясение мозга может быть. Сделать надо проще: с какой парты чихнули — такая и цифра. Вот та же битва на Куликовом поле. Скажем, с первой парты чихнули — значит, единица, потом с третьей — три, с восьмой — восемь. А для нуля специальную парту выделить — последнюю в среднем ряду, где братья Клячкины сидят. Как оттуда чихнули — значит, ноль. Вот вам и 1380. Просто и здорово!

Предложение мое очень ребятам понравилось. Ну, конечно, не всем. Нашлись такие, которые стали говорить, что это неправильно, что каждый должен даты сам выучить... Есть у нас еще такие люди, которые только о себе думают. Но, в конце концов, так решили: кому делать нечего — пусть учит, а все остальные будут пользоваться моим методом. Его так и называли — «метод Брыкина». Потому что у меня такая фамилия — Брыкин.

И пошло у нас дело, как по маслу. В других классах ребята мучаются, двойки получают. А у нас все хорошо: пятерки да четверки. Наш Сергей Фомич прямо не нарадуется: «Поняли, — говорит, — что история — самая важная наука».

Целую неделю так у нас продолжалось. Да испортил все дело Петька Козлов. Пришел он в школу с гриппом. Ему бы дома лежать, лечиться — так нет, явился.

Сел на свою первую парту и сидит. Ну, пока английский был, физика — это еще ничего. А вот как история началась — тут он все испортил.

Вызывает меня Сергей Фомич к доске и говорит:

— Ну, Брыкин, расскажи нам про восстание Болотникова. Когда оно было?

Тут Петька со своей первой парты как чихнет!.. Я думаю — единица. А он опять чихает. И опять. Четыре раза подряд. Значит, четыре единицы. Я и говорю:

— В 1111 году.

— Ты подумай, подумай, — говорит Сергей Фомич.

Тут Петька еще как чихнет, в пятый раз. Понятно: значит, пять единиц. Я и отвечаю:

— В 11111 году.

— Ты что говоришь? — спрашивает меня учитель. — Сейчас-то у нас какой год, знаешь?

Ну, это я знал. Без всяких чихов.

— 1975.

— А как же восстание Болотникова могло быть в 11111 году, когда мы живем еще только в 1975 году?

Я думаю: действительно, как-то странно получается. И смотрю на ребят. А они уже смеяться начинают. Друзья называется. Человеку доски тонет, а им смешно.

— Ну что, — спрашивает Сергей Фомич, — запомнил?

— Сейчас, сейчас... Я вспомню.

Тут Петька опять как чихнет подряд два раза. Я смотрю на него, а он больше не чихает. Я тогда говорю:

— Восстание Болотникова было в 11 году.

— В каком 11? — говорит учитель. — До нашей эры или после?

Тут я совсем растерялся. Потому что эру никаким чихом не подскажешь. Поэтому я так ответил:

— Ни до и ни после. А во время эры.

— Какой?

А Петька опять как чихнет.

— Во время 1-й эры, — говорю.

— Любопытно, любопытно, — говорит Сергей Фомич. — А ты, Брыкин, случайно не заболел?

— Да нет, — отвечаю, — я здоров. Это Петька Козлов заболел.

— Ну и что же?

— А то, что он своим чихом меня все время сбивает. Скажите ему, чтобы не чихал больше.

— Хорошо, — говорит он. — Ты, Петя, сдерживайся как-нибудь. А то товарища сбиваешь.

Закрыв Петька лицо платком и молчит. Тут сразу наша сигнализация заработала. Сначала Ленка Авдеева с шестой парты чихнула, потом Клячкин с нулевой, потом опять с шестой. Значит, 606.

— В 606-м, — говорю.

— Просто в 606-м?

— Просто.

— Нет, — говорит Сергей Фомич, — не просто. Ну-ка, Петя, чихни разок.

Петька чихнул.

— Понял? — говорит Сергей Фомич. — В 1606-м.

А я покраснел, стою и молчу.

— Эх вы, чихунчики, — говорит Сергей Фомич, — и не стыдно вам? Обмануть меня решили. Вы не меня, вы себя обманываете. Садись, Брыкин, тебе даже двойку жалко ставить. За твои успехи, знаешь, что полагается?

А Петька, будь он неладен, опять как чихнет.

— Правильно. Единица.

Так мой метод и закончился. Надо мной еще долго в школе смеялись. А я подумал и пришел к выводу: нехорошо я поступил, неправильно. Не тот знак придумал. Надо было нам на истории не чихать, а вздыхать. Тогда бы ни один учитель не догадался. Потому что на уроке истории каждый ученик имеет право вздыхать. Сами знаете, какая трудная вещь — хронология!

Мои друзья актеры

Мои друзья — актеры

Я люблю, когда поздно вечером

мои друзья-актеры собираются после спектаклей или концертов и начинают рассказывать свои актерские байки: о театральных происшествиях, об актерских розыгрышах, о веселых сюрпризах, которые таит в себе их профессия. И хотя я слышал эти истории тысячу раз, я все равно не устаю удивляться, сколько в моих друзьях куража, жизнелюбия и стремления к радости даже в то тяжелое время, в которое всем нам выпало жить.

Конечно, я не актер, и в моем исполнении многие истории проигрывают, но я все равно хочу вам рассказать об актерах знакомых и незнакомых, чтобы вы хотя бы на несколько минут почувствовали себя в этой удивительной среде.

Меня всегда поражали эстрадные актеры, обладающие даром импровизации, которые умеют прямо на сцене ответить так, что потом все повторяют их слова. Одним из таких актеров был популярный конференсье Олег Милявский.

Однажды, выступая в Новосибирске, он обратился к зрительному залу:

— Друзья! Мы только что приехали из столицы. Так что, если у вас есть какие-то вопросы: политические, любовные, провокационные — милости прошу. Я с радостью отвечу на любой.

Концерт пошел дальше, но никаких вопросов не последовало. Он опять обращается к залу:

— Если есть какие-то вопросы — прошу задавать.

И снова никакой реакции. На третий раз, уже немного взнервленный, он говорит:

— Не понимаю, почему нет вопросов? Неужели вам все ясно? Ну, спросите хоть что-нибудь!

И тут из зала подвыпивший зритель спрашивает:

— Конференсье! А скажите-ка нам громко, что такое аборт?

На секунду Милявский опешил. Такого вопроса он не ожидал.

— Что-что вы сказали? — переспросил он, надеясь, что зритель не рискнет повторить.

Но зритель был хорошо выпивши, поэтому повторил:

— Я тебя спрашиваю: что такое аборт.

Ситуация дурацкая: ты просил что-нибудь спросить — тебя спросили. Теперь отвечай. И в этот трудный момент Милявский нашелся.

— Видите ли, — сказал он, — тут в зале сидят взрослые люди. Думаю, все они прекрасно знают, что такое аборт. И я это знаю, и вы это знаете... Жалко только, что ваша мама этого не знала.

Надо сказать, что в импровизации с Милявским мог соперничать только другой конференсье — Альберт Писаренков. Вернее, Алик Рабинович, в настоящее время живущий в Нью-Йорке. В свое время он довольно часто вел концерты сатиры и юмора, в которых приходилось участвовать и мне.

И вот однажды в Театре эстрады мы все стоим и волнуемся за кулисами, а он выходит на сцену и говорит:

— Начинаем вечер сатиры и юмора. Скажите, вы хотите, чтобы сегодня выступали одни евреи?

Из зала, естественно, кричат:

— Нет, не хотим!

Тогда он поклонился и говорит:

— Концерт окончен!

Среди моих друзей есть удивительно симпатичный человек, наш общий любимец, главный художник театра «Шалом» Миша Ушац. Он не только прекрасный театральный художник, но и очень забавный человек. Все время пишет какие-то стишки, басенки, пословицы. Просто так, для себя, а не для печати.

И вот недавно худрук театра Александр Левенбук собрал актеров и говорит:

— Это безобразие: многие актеры не знают идиш и не хотят его учить. Через неделю будет экзамен. Будете читать стихи или прозу на идиш.

Действительно, через неделю актеры поднимаются на сцену, кто лучше, кто хуже читают что-нибудь на идиш. Тут выходит вперед Миша Ушац:

— А можно мне?

— Зачем тебе? — говорит Левенбук. — Ты же не актер. Тебе не обязательно.

— А я хочу. Я перевел на идиш «Бесы» Пушкина.

— Какие еще «Бесы»?

— Ну что ты, не знаешь? «Прибежали в избу дети, второпях зовут отца...»

— Это я знаю! Я не понимаю, как ты перевел. Ты же всего три слова знаешь на идиш.

— А мне хватило.

— Ну, читай!

Миша вышел на сцену и объявил: Пушкин. «Бесы».

Лойфт ин избу клейне дети
Мит дер новостью такой:
Тятя, тятя, в унзер сети
Лигт генторбене агой.

В последнее время Миша изобрел новый жанр: еврейские страшилки. По примеру русских страшилок. Если вы помните, их было много. Например:

Голые девки по небу летят —
В баню попал реактивный снаряд.

А Миша стал писать еврейские страшилки. Но поскольку евреи живут в арабском окружении, он решил, что еврейские страшилки должны быть еще страшнее. Например, такие:

Моня на пурим опять отхохмил:
Ракету в арабский квартал запустил.
Народ по подвалам сидит там и тут,
А город подумал — ученья идут.

Варила цимес тетя Аза,
Забыла кран закрыть у газа.
В Шабат зажечь решила свечи —
Иных уж нет, а те далече.

Левушка яду насыпал в бокал,
Крикнул «Лехаим» и теще подал.
Быстро откинула лапки старуха —
Долго с той хохмы смеялась мешпуха.

Особо я хочу рассказать о розыгрышах. Меня всегда поражало: до чего же артисты любят розыгрыши. Как они обожают дурачить друг друга и всех окружающих. Среди моих друзей этим всегда отличались двое: Гена Хазанов и так рано нас покинувший Андрюша Миронов.

Ну, с Хазановым дело обстоит проще: его природа наградила даром пародиста. И он разными голосами разыгрывает всех друзей, в том числе и меня. Ну, я с ним вместе уже тридцать лет, мне, как говорится, положено терпеть. Но вот Лева Лещенко — милый человек, прекрасный певец, попал под его розыгрыш буквально ни за что. В 1980 году Лева был выдвинут на Государственную премию СССР. Сами понимаете, что это за премия для артиста. Остается неделя до публикации в газетах, Лева ждет, волнуется: дадут — не дадут, и вдруг утром телефонный звонок:

— Лев Валерианович, говорят из секретариата товарища Брежнева. Пожалуйста, сегодня никуда из дома не уходите. Вам будет звонить Леонид Ильич.

Лева, естественно, никуда не уходит, сидит целый день дома и ждет, когда позвонит вождь. К вечеру, действительно, телефонный звонок:

— Сейчас с вами будет говорить лично Леонид Ильич.

И правда, в трубке слышен до боли знакомый голос:

— Алло? Это Лев Валерьянович? С вами Леонид Ильич говорит.

— Да-да, Леонид Ильич, я слушаю.

— Так вот: вы мой любимый артист, поэтому я вам решил лично позвонить и поздравить с присуждением Государственной премии. Скажу откровенно — это

было нелегко. Но нам удалось убедить товарищей. Словом, через неделю будет во всех газетах, можете начинать праздновать!

Лева на следующий день снял с книжки все деньги, устроил банкет на 100 человек, а через неделю открывает газеты — там его нет и в помине. И, главное, Хазанов до сих пор утверждает, что это звонил не он. А кто? Косыгин?

Словом, он так нам всем надоел своими розыгрышами, что мне друзья говорят:

— Ну, придумай, как его разыграть. Ты же писатель, в конце концов!

И тогда я придумал такой розыгрыш. К нему позвонил мой приятель и говорит:

— Геннадий Викторович, с вами говорят из министерства морского флота. Тут у нас на Черном море спускают на воду новый теплоход. Очень бы хотелось назвать его вашим именем. Вы как, не возражаете?

Тот говорит:

— Ну, что вы! Это нескромно. Не такой уж я артист...

— Нет-нет, народ вас любит, вы достойны. И потом, представьте: по Черному морю будет ходить белый теплоход, и на борту надпись — «ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ».

— Ну, спасибо...

— Ну, пожалуйста.

Через неделю звонит:

— Геннадий Викторович, это опять я, из морского флота. Тут у нас с теплоходом небольшая накладка получается: начальство возражает. Говорят, теплоход очень большой, а он еще не народный артист...

— Ну, не надо! Я же не просил...

— Нет-нет, не спорьте! Мы тут с Баку связались, там они на воду новый танкер спускают. Решили его назвать вашим именем.

— Ну, а к нефти-то я какое отношение имею?

— Неважно! Зато представьте: по Каспийскому морю будет ходить новый танкер, и на борту надпись — «ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ».

— Ну, спасибо...

— Ну, пожалуйста.

Через неделю снова звонит:

— Геннадий Викторович, тут у нас опять накладка — бакинское начальство возражает. Говорят: как это так, у нас еще нет корабля «Муслим Магомаев», «Полад Бюль-Бюль Оглы», а «Хазанов» будет.

— Ну не надо, я же не хотел.

— Не спорьте! Мы тут на Волгу позвонили, там речники на воду новую баржу спускают. Решили ее вашим именем назвать.

Тут он, видно, что-то почувствовал и говорит:

— А что это за баржа такая?

— Ну, это баржа специального назначения: она по Волге дерьмо развозит. Но вы не пугайтесь, если близко не подходить, то даже не почувствуешь. Зато по красавице Волге будет ходить новый дерьмовоз «ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ».

Тут он сразу все понял и говорит:

— Я не возражаю, но пусть капитаном этого дерьмовоза будет Аркадий Хайт.

Что касается Андрюши Миронова, то он так обожал розыгрыши, что у него прямо вспыхивали глаза, как блиц в фотоаппарате, и я сразу понимал — сейчас будет разыгрывать.

Как-то раз мы с ним отдыхали в Сочи, и ему врачи прописали делать в Мацесте радоновые ванны. Он мне говорит:

— Пойдем со мной. Очередь большая, посидим пока, потрепемся.

Очередь действительно большая, а впереди сидит какой-то толстый ответственный работник в пижаме. Из процедурной вышла женщина, и сестра говорит: «Следующий!» Эта пижама встает, дает ей свое направление. Сестра прочитала и говорит:

— Вы раздевайтесь и ложитесь в ванну, а я пока пузырьки с радоном принесу.

Мужчина заходит внутрь и через секунду выскакивает с женскими колготками в руках:

— Сестра! Сестра! Тут больная колготки забыла.

Я смотрю, у Андрюши сразу раз — огонек в глазах.

— Нет-нет, — говорит, — она не забыла. Вы что, первый раз радоновые ванны принимаете?

— Да. А что?

— Так я вам объясню. Дело в том, что радон очень вредно влияет на потенцию. Поэтому, когда ложитесь в ванну, надо на себя надевать эти колготки. Они предохраняют.

— Да? Спасибо большое. Я не знал.

Он зашел внутрь, долго пыхтел, кряхтел, натягивал на себя эти маленькие колготки, потом с шумом плюхнулся в ванну. Через минуту пришла сестра, зашла внутрь и увидела какое-то мохнатое чудовище, которое плавает в женских колготках. Подняла дикий крик, сбежались санитары, а Андрюша мне говорит:

— Теперь бежим! А то он нам голову оторвет.

И потом я ему целый день говорил:

— Как же так! Ты же процедуру не принял.

— Да это ерунда! Жалко другое — что мы не видели, как он там в ванне плавает. Ведь это удовольствие на всю жизнь.

Закончить я хотел бы одной историей, в которой непосредственно участвовал. В 70-х годах в московском Доме журналистов существовал «капустник» под названием «Верстка и правка». В маленький зал всегда набивалось полно народу. Людям хотелось услышать острое, правдивое слово, которое тогда нельзя было услышать на официальной эстраде.

После премьеры спектакля, написанного мною с А. Курляндским, я и наш режиссер Алексей Леонидович Полевой пошли отметить успех в ресторан Дома журналистов. Не успели мы выпить по рюмке, как к нашему столику подошел какой-то мужчина с номенклатурным лицом. Я всегда узнаю эти лица, где бы они ни работали: в ЖЭКе или Совете Министров. Надутые, важные, с красными загрисками и оловянными глазами.

— Здравствуйте, — сказал мужчина. — Я из института международного рабочего движения. Посмотрел ваш «капустник» и думаю, что он вполне достоин выступить у нас в институте. Конечно, придется поработать над текстом: кое-что выкинуть, кое-что изменить. Я вам скажу, что надо!..

Время тогда было другое. Это сейчас мы бы его послали куда подальше, а тогда неизвестно было, откуда ждать неприятностей. Однако Алексей Леонидович,

дядя Леша, человек старой актерской закалки, все равно не смог удержаться.

— Спасибо за доверие! — сказал он. — Но раз вы — институт рабочего движения, мы бы хотели вставить в программу песню о первой маевке.

— О маевке? Это неплохо. А что за песня?

— Я вам сейчас исполню.

Дядя Леша встал во весь свой огромный рост и начал:

Спою вам о первой маевке,
Всего нас собралось шестьсот.
Я их имена перечислю,
Пусть память о них не умрет.
Пришел Козодоев Василий,
Пришел Рахматулин с женой,
Пришел Шмотоваленко Филя
И Васька-конторщик с семьей.
Пришел Досифеев Геннадий,
Пришел Евстигнеев Степан,
Пришел Шинкаренко Аркадий
И восемь марксистов-армян.

Далее на протяжении десяти куплетов честно перечислялись имена и фамилии участников маевки. Наш гость, несмотря на свою тупость, наконец, понял, что над ним издеваются. Он начал медленно наливать кровью, и дядя Леша, поняв, что тот вот-вот взорвется, пошел на финал:

Я пел вам о первой маевке,
Всего нас собралось шестьсот.
Я сто уж из них перечислил,
Теперь мне осталось пятьсот.

Представитель рабочего движения, поняв, что ему нужно выслушать еще не менее сорока куплетов, повернулся и бежал из ресторана. А со мной началась истерика.

И сегодня, рассказывая эту историю, я думаю, сколько же иронии, сколько актерской удали и таланта несут в себе мои друзья.

Конечно, времена меняются, и сегодня со сцены можно говорить то, что раньше боялись сказать дома под одеялом. Но это ничего не значит. Времена, как известно, у нас могут измениться опять, и все вернется на круги своя.

Неизменным остается только одно: внутренняя свобода, веселый глаз и острый ум моих друзей-актеров, которые так любят собираться вечером после спектакля. И неважно, что за окном: диктатура, застой или гласность. Они живут в своем особом мире, мире воображения и игры. Я бесконечно рад, что они приняли меня в этот мир. Там очень хорошо, и оттуда не хочется выходить в этот мир, где все время борются за светлое будущее, где политики пожирают друг друга на огромной территории, которая занимает одну шестую часть света и пять шестых тьмы.

Рыцарь веселого образа

Не знаю почему, но на всех

фотографиях у Андрея Миронова грустные глаза. Это удивительно: даже когда он улыбается, глаза все равно остаются печальными.

А ведь Андрей был самый веселый, самый остроумный человек из всех, кого я встречал в своей жизни. Признанные остряки, профессионалы-юмористы, беспощадные сатирики, попав с ним в одну компанию, сидели тихо, как мыши. Никто не рисковал открыть рот, когда говорил Миронов. Впрочем, нет, не говорил. Он бурлил, кипел, фантазировал. Мы никогда не знали, что он скажет в следующую минуту, и, самое главное, он тоже этого не знал. Он не любил домашних заготовок и припасенных для случая анекдотов — всего этого юмора, взятого напрокат. Конечно, импровизация — дело рискованное, но он всегда шел на этот риск. А когда получалось «не очень» и мы, дождавшись наконец своего часа, начинали язвить и подтрунивать, он никогда не обижался, а, чуть прищулив глаз, произносил свою любимую фразу: «Обидеть художника может каждый, материально помочь — никто!»

Родители Андрея — Миронова и Менакер — это целая эпоха в истории нашей эстрады. А если учесть, что в их доме в разное время бывали Утесов, Ласкин, Дыховичный, Дунаевский, то можно сказать, что Андрей окончил эстрадную академию на дому. И эстрада всегда оставалась его сердечной любовью. Я сам проработал в этом жанре немало лет и могу смело сказать, что не встречал более яркого и разностороннего артиста, который бы так подходил на роль звезды мюзик-холла или варьете. Я не знаю никого, кто мог бы стать таким

блестящим шоуменом, как Миронов. И где-то в глубине души Андрей сам это чувствовал. Даже работая над самыми серьезными ролями, порой сам себе не признаваясь, он все равно представлял, как выходит на ярко освещенную сцену вместе с прекрасным кордебалетом и в черном смокинге на фоне белого рояля танцует, поет и рассказывает зрителям что-то необыкновенно изящное и остроумное. Нет, конечно, он не собирался расставаться с театром, но его всегда тянуло к эстраде, к этому «лобному месту», где актер остается со зрителем один на один.

Телефон в его доме звонил с утра до вечера, и предложения сыпались одно за другим. Он редко отказывался от этих предложений, и мы всегда его за это упрекали, обвиняли в неразборчивости, торопливости, всеядности. Теперь я понимаю, что это была его натура, он не мог ни секунды находиться без работы. Кино, радио, телевидение, театр, сольные концерты, озвучивание мультфильмов, записи на пластинки... Того, что он успел сделать за свои сорок шесть лет, другому хватило бы на все сто. А что касается успехов и неудач, то в искусстве гарантий не бывает. И, начиная работу, никогда не можешь быть уверенным в конечном результате. А уж в самой работе Андрей не халтурил никогда. Ему очень нравилась фраза, которую я ему однажды сказал: «Надо стараться делать хорошо. Плохо — оно само получится».

Будучи популярнейшим артистом, всеобщим любимцем и шармёром, Андрей всегда оставался необычайно деликатным и крайне щепетильным в отношениях с людьми. Среди его друзей были два писателя-юмориста — Горин и я. Казалось бы, с вопросами репертуара у него не должно было возникать никаких проблем. Но Андрей всегда стеснялся эксплуатировать дружеские отношения. Если он хотел, чтобы мы что-то написали для него, он долго мялся, мямлил, ходил вокруг да около, прежде чем обращался с просьбой. Однако если вы говорили «да», то он своими нежными руками брал вас за горло, и эти руки уже не знали жалости.

Первый раз он обратился ко мне по поводу своего выступления на Дне радио в Колонном зале.

— Понимаешь, — сказал он, — мне предлагают спеть песенки из моих кинофильмов. Но я уже столько раз их пел. Ну что я с этим опять вылезу? Вот если бы песенкам придумать какую-то форму...

И он тут же начал предлагать и сам же отвергать.

Я люблю сомневающихся артистов, для которых искусство прекрасно тем, что каждый раз начинаешь все сначала. Сам я по характеру человек не очень уверенный в себе, постоянно сомневаюсь, не верю в придуманное, короче говоря, занимаюсь самоедством. Но такого самоеда, как Андрей, надо было еще поискать. Каждую фразу, каждое слово он пробовал на язык, вертел, крутил, «ставил на попа». Все придуманные шутки он в тот же день проверял на своих родных, близких, знакомых и малознакомых, а вечером звонил мне, чтобы сообщить:

— Аркадий, ты помнишь ту фразу, над которой мы дико веселились? Так вот, оказалось, что это бред си-
вой кобылы...

И все начиналось снова. Когда в своей работе мы отмели вариантов десять, он вдруг сказал:

— Слушай, а нельзя в этом номере с песнями как-то использовать письма?

— Какие письма?

— Ну, которые мне присылают.

И он достал из ящика кипу писем, которых вполне хватило бы для работы почтового отделения небольшого районного городка. Всем популярным артистам пишут поклонники. Естественно, ему писали тоже. Чего только не было в этих письмах! Объяснения в любви, просьбы дать взаймы, ходатайство о снижении срока заключения какого-то расхитителя социалистической собственности, просьбы почаще петь по радио, категорический приказ не петь, а главное, не танцевать. Некоторые писали такую чушь, да еще в таких выражениях, что я, честно говоря, пожалел, что у нас в стране в свое время ликвидировали неграмотность.

Но эти письма натолкнули нас на номер. Мы решили, что Андрей будет читать письма со сцены, а ответами на них будут его песенки. Конечно, в письмах я кое-что изменил, добавил, стараясь сохранять стиль

оригинала. Не могу сказать, что как автор я придумал в этом номере что-то особенное, возможно, у другого артиста это бы и не очень прозвучало. Но ведь это был Миронов! Простенький, незатейливый номер он исполнил с таким блеском, с таким изяществом, что потом этот номер неоднократно показывали по телевидению, передавали по радио, выпустили на пластинке «Кругозора» и даже издали в каком-то сборнике для художественной самодеятельности. Это уже было странно. Как могли другие люди читать со сцены письма, адресованные Миронову?

После этого мы сделали еще несколько номеров, и я каждый раз удивлялся, с какой серьезностью, с какой поразительной ответственностью он относился к любому выступлению, будь то первая программа телевидения или дом культуры швейной фабрики. Он всегда знал, чего ждут от него люди, и очень боялся обмануть их ожидания.

— Андрюша, — говорил я ему иногда, — ты же серьезный театральный актер. Ну, зачем тебе вылезать на эстраду? Ты же знаешь, что критики ее считают жанром второго сорта. Тебе там легче потерять, чем найти.

Он на секунду задумывался, очевидно осознавая, какую удобную мишень для критиков представляет собой, исполняя несерьезную песенку или легкую юмореску. И тут же снова включался:

— Секундоньку (его любимое словечко)! А что если нам в этом номере сделать так...

Неуемный он был человек. Ему всего было мало. Мало ролей, мало путешествий, мало встреч, мало общения. Когда мы в два часа ночи осоловело поглядывали на часы, Андрей только-только расходился. Если встреча Нового года, чей-то день рождения или просто вечеринка получалась вялой и скучной, он себе места не находил, считая себя ответственным за то, чтобы всем нам было весело и хорошо.

Вспоминаю вечер. Мы сидим в квартире Гориных. Андрея еще нет. Он должен прийти после спектакля. За столом много интересных людей, каждому есть что рассказать, но я все время ловлю себя на мысли, что жду Андрюшу.

И вот примерно часов в одиннадцать с лестницы доносится звук гармошки. Открывается дверь, и в квартиру вваливаются Андрей и Марк Захаров в сопровождении какого-то гармониста. На них надеты картузы с ярко-красными цветками. Прямо с порога они начинают залихватски петь специально сочиненные частушки. Я сегодня не могу вспомнить ни одной строчки, но разве дело в частушках? Поражает другое: как он умел при своей загруженности, при своей чудовищной занятости найти время, чтобы договориться с незнакомым гармонистом, сочинить частушки, отрепетировать. И все это ради нескольких минут нашей общей радости...

Только не подумайте, что это был какой-то городской весельчак с навечно приклеенной улыбкой. Нет, бывали и у него минуты сомнений, разочарований, недовольства собой. И еще какого! Но мы все с годами посерьезнели, отяжелели, твердо встали на землю обеими ногами, а в нем оставалась эта удивительная легкость, очаровательная несерьезность, то, что называю почти забытым словом «кураж».

Для него актерство было не просто профессией. Оно стало его сущностью. Он все время горел, фантазировал, дурачился. Простую затею, незамысловатую забаву доводил до уровня эстрадного спектакля.

Помню, как несколько лет назад наш друг Игорь Кваша, слегка захандрив, решил не отмечать свой день рождения. Узнав об этом, Андрей тут же обзвонил всех нас и придумал, как мы будем отмечать этот праздник.

В день рождения Игоря без всякого приглашения мы явились к нему в дом, одетые в самое плохое, что у нас было. Горин даже одолжил ватник у слесаря-сантехника и повесил на груди табличку: «Да, я незванный гость!»

Жена Игоря, Таня, была предупреждена, но честно не сказала мужу ни слова. Мы, не поздоровавшись, прошли мимо слегка оторопевшего хозяина в маленькую комнатку, постелили на полу специально принесенные из дома газеты и улеглись на них, дабы выказать свое полное презрение к хозяйским стульям. За-

тем достали из кошелок собственные судки, кастрюли, тарелки. Разложили на полу хлеб, винегрет, голубцы и поставили бутылку вина. Даже соль и перец мы принесли с собой. Игорь, конечно, сновал возле нас, но мы делали вид, что с ним незнакомы. Такова была режиссерская установка Андрея.

Затем Андрей поднял свой стакан и стал произносить тост. Он красиво и цветисто говорил о том, как мы все любим Игоря Квашу (и это, действительно, была правда), он говорил, как много в нашей жизни значит дружба, и как мы все огорчены, что наш общий друг оказался такой большой сволочью. И торжественно предложил нам всем выпить за здоровье «сволочи».

Игорь хохотал как безумный. Пытался к нам присоединиться, но не тут-то было. Раз нас никто не приглашал, то мы никого и не замечали. У нас была своя компания и свое веселье. Андрей провозглашал один тост за другим. Мы выпили за маму «сволочи», за жену, за папу «сволочи». Принесенная бутылка вина быстро кончилась, и тогда Андрей поинтересовался, нельзя ли в этом доме приобрести бутылку вина.

Танечка, наша общая миротворица, хотела уже, чтобы розыгрыш кончился и Игорь был прощен. Она достала из шкафа бутылку вина, принесла какие-то соблазнительные закуски, но Андрей был неумолим. Закуски он отверг, а бутылку вина мы все, «скинувшись», приобрели. Причем, учитывая позднее время, заплатили за нее двойную цену.

Затем Андрей пригласил нас всех пройти в большую комнату на «вернисаж». Игорь увлекается живописью, и вся комната была увешана его картинами. Там Андрей, уже изображая искусствоведа-профессионала, провел нас по «залу» и не оставил от картин камня на камне, охаяв их в худших традициях нашей художественной критики. При этом он вел свою «лекцию» так, будто эти картины написаны не Игорем, а каким-то неизвестным художником второй половины XX века.

В этот вечер Андрюша был в каком-то особенном ударе. Все, что он говорил, было смешно. Мы визжали, хрюкали и катались по полу. И громче всех хохотал Игорь. Было у Андрея это удивительное качество:

он никогда не переходил грань, отделяющую шутку от обиды. Он просто кожей чувствовал, где нужно остановиться.

В общем, часа через два хозяин был прощен, и ему разрешили присоединиться к нашему веселью. Сам Игорь говорит, что у него никогда не было такого замечательного дня рождения. И этот праздник он, как и мы, думаю, запомнил навсегда.

Есть что-то глубоко символичное в том, что Андрей ушел из жизни в тот день, когда играл на сцене Фигаро — самого близкого и самого похожего на него из всех сыгранных им героев. Такого же озорного, искрометного, никогда не впадающего в уныние, склонного к розыгрышам и мистификациям, язвительно-насмешливого по отношению к сильным мира сего и трогательно-нежного с друзьями.

Я был удивлен, что на похороны Андрея пришло столько же народа, сколько в свое время пришло проститься с Владимиром Высоцким. Конечно, этих двух людей никак нельзя сравнивать. Ведь в прощании с Высоцким каждый, помимо дани уважения к замечательному артисту, нес еще свой социальный протест и поддержку позиции поэта и гражданина. В прощании с Андреем было нечто иное. В тот день Москва в последний раз пришла на встречу со своим любимцем, который в наше холодное и жестокое время умел дарить людям радость и тепло.

Проходят дни, и острое чувство потери сменяется тупой болью, постоянно ноющей где-то возле сердца. Время идет, приходят новые актеры, может быть более талантливые и более глубокие. Но никогда у нас не будет Андрея Миронова, человека, который так любил жизнь и умел это делать как никто другой.

Райкин и Утесов

Райкин и Утесов — какие

удивительно теплые и красивые слова. Невольно начинаешь улыбаться, когда произносишь эти фамилии. Конечно, каждый из них достоин отдельной главы. Да что там главы — отдельной книги!

Но здесь я хотел бы объединить их вместе, потому что долгие годы два этих артиста, как два атланта, поддерживали балкон советской эстрады. И это было не легко, потому что на этом балконе стояло слишком много паразитов.

Удивительное дело: в стране сплошного обмана даже два самых популярных человека, два истинно народных артиста России — Райкин и Утесов, на самом деле были не Утесовым и не Райкиным.

Настоящая фамилия Утесова — Вайсбейн. Откуда же взялось это звучное имя — Утесов?.. Леонид Осипович мне рассказывал, что во времена его юности в Одесской опере пел популярный певец Скалов. Молодому Лёне Вайсбейну очень нравилась эта звучная фамилия. Но поскольку она уже была занята, он выбрал себе псевдоним, похожий по смыслу: скала, утёс... Утёсов!

Что касается Аркадия Исааковича, то его настоящая фамилия Штипельман. Думаю, что с этой фамилией, да еще в сатирическом жанре, ему бы не дали развернуться. Даже не могу себе представить афишу: народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического труда Аркадий Штипельман!.. Для советского уха звучит крайне раздражающе!

Несмотря на то что Райкин и Утесов были представителями одного поколения, это были абсолютные антиподы. Я не мог найти в них ни одной общей черты. Райкин — седой, красивый, элегантный, чуть усталый от жизни, никогда не позволявший себе в раз-

говоре не то что грубое, даже резкое слово. И Утесов — невысокий, кряжистый, с хитрыми глазками, без конца сыпавший анекдотами и никогда не упускавший случая вставить крепкое словцо.

Помню, после премьеры нашего спектакля «Спасибо, сердце!» мы пошли отметить это событие в ЦДРИ. Заказали немного водочки, закуски и пару бифштексов. Бифштексы оказались, мягко говоря, несъедобными. Леонид Осипович пальчиком подозвал официантку и сказал, показывая на бифштекс:

— Деточка, это не нужно кушать. Это уже говно.

Если бы это сказал я, она бы мне надела бифштекс на голову, но Утесов мог в этой стране сказать всё. Популярность этих двух артистов была поразительной. И особенно поражает то, что она была завоевана без помощи телевидения, которого еще не было, когда они начинали свою карьеру. На моих глазах гардеробщицы боролись за честь подать Утесову пальто, таксисты наперебой предлагали ему сесть в свою машину. А когда на юбилее МХАТа Райкин вошел в зал, то все поднялись и приветствовали его стоя. И это несмотря на то, что в зале и на сцене сидели сплошь народные и заслуженные артисты.

Как они относились к своей популярности?.. Тоже поразному. Райкин чуть устало, снисходительно, принимая ее как должное. Утесову она тоже, конечно, нравилась, хотя он не упускал случая поострить по этому поводу.

Однажды, это было на гастролях, на почте служащая-формалистка отказалась выдать ему бандероль, потому что у него не было с собой паспорта. Он горько пожаловался нам с Женей Петросяном, и в ответ Женя ему рассказал, что аналогичный случай был с Карузо. Он явился в банк, чтобы получить крупную сумму, но документов у него тоже не было.

— Чем вы докажете, что вы Карузо? — спросила его банковская служащая. И тогда он взял и запел «О солимио!»

— Да, вы действительно Карузо! — сказала служащая и выдала ему всю сумму.

— Замечательная байка! — сказал Утесов. — Я ее буду рассказывать про себя. Что мне на почте однажды не хотели выдать деньги без паспорта, и тогда я взял и спел им «Раскинулось море широко»...

— Правильно! — подхватил я. — А она вас послушала и говорит: «Да, это не Карузо!»

— Точно! — сказал Леонид Осипович и захохотал.

Что-что, а шутки он понимал. Даже шутки над собой. Вообще, про Утесова и Райкина ходило много легенд и разных историй. Часть из них соответствовала действительности, часть была придумана ими самими или их ближайшим окружением. Одну историю, связанную с Райкиным, я сочинил сам.

В 60-х годах, выступая в Киеве, Райкин исполнял свой знаменитый монолог: «Вот ты, ушастый, скажи, кто я такой? Кто?..» А из зала кто-то взял и ответил: «Жид!» После этого Райкин перестал приезжать в славный город Киев. Прошло 15 лет — и вот в Киеве была объявлена декада искусства России. Среди многочисленных артистов и коллективов был заявлен и театр Райкина.

Театр уже давно приехал, а Аркадий Исаакович все еще сидел в Москве, и до последней минуты никто не знал: приедет он или нет. Директор театра Леня Сарочан каждый день звонил в Москву, Райкин крутил, вертел, капризничал, но окончательного ответа не давал.

Я тоже был в это время в Киеве с Геной Хазановым и однажды вечером взял и сочинил телефонный разговор Райкина с его директором. Мы исполнили его перед райкинской труппой. Я изображал директора, а Гена — он хорошо это умеет — Аркадия Райкина.

— Алло, алло, Аркадий Исаакович! Это я, Сарочан!

— Мда, слушаю вас, Леня. Что там у вас?

— Всё готово, Аркадий Исаакович! Будете выступать в самом лучшем зале. Называется «Украина».

— Украина... Ум-му... Нет, я не приеду.

— Да вы что, Аркадий Исаакович! Все билеты давно проданы, интерес огромный!

— Огромный... Ну, тогда конечно... А скажите, Леня, где я буду жить? В городе? Там ведь, наверное, шумно?

— Нет-нет, вы будете жить за городом. В санатории Министерства здравоохранения...

— СССР?

— Нет, Украины.

— Украины... Ну да... Не, я не приеду.

— Но почему? Это замечательный санаторий! У вас будет отдельный коттедж.

— Совсем отдельный?

— Ну, там еще будет один сосед. Кстати, замечательный человек: милый, интеллигентный... Это их секретарь ЦК по идеологии.

— По идеологии... Угу... Не, я не приеду.

— Но почему?!

— Ну, вы же знаете, Леня! Пятнадцать лет назад мне в этом городе крикнули «жид»... Кстати, вы нашли этого человека? Он ведь может опять прийти на концерт.

— Да не волнуйтесь, Аркадий Исаакович, не придет он! Его вообще не будет в городе.

— А где же он будет?

— Да за городом, в одном коттедже с вами. Это же и есть их секретарь по идеологии.

Мне всегда было интересно, как они относились к своему еврейству. Мы никогда не говорили на эту тему, но один случай, которому я был свидетелем, говорит сам за себя.

Аркадий Исаакович пришел в еврейский камерный театр на спектакль «Белая уздечка на черной кобылице». После спектакля группа артистов подошла с афишей и попросила Райкина что-нибудь написать на память. Он взял ручку и вдруг стал что-то быстро-быстро писать справа налево на еврейском языке. Перехватив мой удивленный взгляд, он грустно сказал:

— Да-да, я умею... Но я всю жизнь боялся это показывать.

Утесов же, напротив, никогда этого не скрывал и при каждом удобном случае довольно прилично говорил на идиш. Его друг, режиссер Давид Гутман, рассказывал, что однажды Утесов остался у него ночевать. Спали они в одной комнате на соседних кроватях. Ночью в постель к Утесову забралась немецкая овчарка Гутмана. Такая огромная, что Утесов боялся пошевелиться. Он стал потихоньку окликать Гутмана по-еврейски:

— Додик, цу мир хот зих гелейгт а хунд! (Что в переводе означает: «Додик, ко мне легла собака».)

Наконец Гутман проснулся, прогнал собаку и спрашивает Утесова, почему он вдруг заговорил на идиш?

— Специально, — ответил Утесов. — Чтобы собака не поняла.

Часто спрашивают: были ли они в жизни веселыми людьми?.. Что касается Райкина, то нет. Он был очень серьезный, никогда не острил и почти не улыбался, когда авторы читали ему свои произведения. Словно хотел показать, что он уже устал от смешного. Утесов — наоборот, по каждому поводу, как Швейк, сыпал шутками, байками и анекдотами. Во время репетиций оркестра часто приходили певцы или артисты на предмет поступления в труппу. Тогда Утесов со своими музыкантами садился в партер и слушал выступления новичков. И пройти у него было весьма непросто.

Помню, как-то раз пришла пара певцов. По-моему, братья. Пели они в унисон, при этом старший никак не мог попасть в тональность и все время пел где-то рядом. Даже мне было тяжело слушать, представляю, каково было музыкантам с их обостренным слухом. После прослушивания к старшему брату подходит Утесов и спрашивает:

— Молодой человек, а вы знаете, чем унисон отличается от унитаза?

— Нет.

— Так я вам скажу: в унитаз легче попасть!

Или еще пример. Мы с ним зашли перекусить в маленькое кафе. Он торопился на совещание в Министрство культуры и говорит:

— Аркаша, давайте закажем только супчик. У меня мало времени.

Официантка, довольно неприятная девица, крашенная перекистью, недовольно морщась, приняла наш заказ.

— Девушка, только побыстрей, — сказал Утесов. — Мы торопимся.

Она, не ответив, шаркая, ушла на кухню. Прошло 10 минут, 15... Леонид Осипович уже нервничает. Наконец она приносит. Утесов схватил ложку, но суп был такой горячий, что он обжег рот.

— Девушка, что вы мне принесли такой раскаленный суп? Я же вам сказал: мы торопимся.

— А вы на него подуйте.

— Значит, так, — сказал Утесов, — когда я хочу дуть, я заказываю тромбон. А вы мне принесите нормаль-

ный суп. Иначе, как говорят в Одессе, вас буду видеть на одной ноге, а вы меня — одним глазом!

Так получилось, что я никогда не видел Райкина и Утесова вместе. Хотя они очень нежно относились друг к другу, были на «ты» и называли друг друга Леня и Аркаша. Я увидел их вместе только однажды в концертном зале «Россия» на 70-летию Аркадия Райкина. Был большой, праздничный, довольно нудный вечер, где, сменяя друг друга, выступали деятели культуры. Наконец замминистра культуры РСФСР, поздравляя Райкина, назвал его Аркадий Игнатьевич. Мы подумали, что ослышались, но нет. Продолжая речь, вторично назвал его Игнатьевич. Тут же на сцену вышел Утесов.

— Дорогой Аркаша, — начал он. — Наш уважаемый Аркадий Исаакович...

Он хитро посмотрел на замминистра и добавил:

— Да-да, Исаакович! И не вижу в этом отчестве ничего страшного. Между прочим, в городе Ленинграде есть даже Исаакиевский собор, но почему-то никто его не называет Игнатьевским.

К сожалению, мне довелось встретиться с этими артистами в конце их творческого пути. Оба они уже были немолодыми и бесконечно усталыми от постоянного битья. Утесов — за свое увлечение джазом, а Райкин, конечно, за свою сатиру, трижды получавший инфаркты по милости чиновников, дрожавших за свою шкуру.

Я бесконечно благодарен судьбе, которая свела меня с этими замечательными артистами, с этими удивительными людьми, которых я считаю своими учителями. И не потому, что они меня специально чему-то учили. Нет, просто, находясь с ними рядом, я учился каждый день. Учился их мастерству, настоящему профессионализму, любви и уважению к публике, которая пришла на твой концерт.

Идут годы. Уходят из нашей жизни великие артисты. Уходят раньше времени, и это не удивительно. Они проживают на сцене столько жизней, что на свою уже не остается времени и сил. Они умирают на сцене и оживают в воспоминаниях. Их нет, но они с нами, в нашей душе, в нашем сердце. И будут там всегда, пока существует волшебное слово — сцена и ее главное чудо — актер!

ПРИТЧИ

Три медведя

Э тот номер был, безусловно.

лучшим во всей цирковой программе: «Женщина и три медведя». Хотя у медведей были большие сложности: эта женщина очень плохо поддавалась дрессировке. И они никак не могли понять, в чем дело: то ли глупость и упрямство вообще лежат в основе человеческой природы, то ли им попался такой неудачный экземпляр?

— Я ей тысячу раз объяснял, как нужно ездить на велосипеде! — жаловался первый медведь. — Так нет, все равно делает по-своему: становится головой на седло и руками крутит педали. Так ей, видите ли, интереснее.

— А хождение по канату? — спрашивал второй. — Я же ее учил ходить по канату вдоль, а она все время — поперек!

— И что самое удивительное, — добавляет третий, — не падает.

— Да, необыкновенно бестолковая дама! Видно, придется нам все-таки искать другую.

— А с этой что делать?

— Ничего! Отдадим ее обратно в зоопарк. Пусть сидит там, раз ничего не умеет.

Рисунки и коллажи к этим текстам выполнены сыном Аркадия Хайта — Алексеем, профессиональным художником, выпускником Баварской академии художеств. (Прим. ред.)

Свадьба, или Сплошной обман

История была довольно банальной.

Проезжий коммивояжер пообещал на ней жениться, а затем сбежал, оставив ее в «интересном положении».

Когда все выяснилось, освободиться от ребенка было уже поздно, и родители решили отдать ее за первого встречного, конечно, ничего ему не сказав.

Первый встречный сразу же согласился, сделав вид, что невеста ему страшно нравится. Хотя на самом деле родители обещали дать за ней хорошее приданое.

Пастор, который их венчал, знал, что родители обманут, потому что находятся на пороге банкротства. Но ничего не сказал, потому что они передали приличную сумму на церковные нужды.

Кстати, эту историю по секрету рассказал мне пастор, и я твердо пообещал ему держать рот на замке. Но, как видите, слова не сдержал.

Супружеская пара

Она вошла и сказала:

— Хотите стать моим мужем?

Он отказался, мотивируя это тем, что он уже давно на ней женат.

— Это не причина для отказа, — сказала она. — Может, я вам не нравлюсь?

Он сказал, что она ему очень нравится, но не настолько, чтобы жениться на ней второй раз.

— Боже, как грубо! — сказала она. — Все вы, мужчины, одинаковы: вам лишь бы добиться своего.

Увидев, что она собирается заплакать, он сразу сказал:

— Хорошо, хорошо, я согласен. Одевайтесь и пойдем в мэрию.

— Нет, — сказала она, — не торопитесь, я еще должна подумать. Уж очень вы похожи на моего предыдущего мужа.

Человек с гитарой

Жил на свете человек, у которого

ничего не было. У него не было ни дома, ни квартиры, ни комнаты. И автомобиля не было, и велосипеда. Жены и детей у него тоже не было. Не было собаки, кошки, даже аквариума с рыбками. Не было у него работы и медицинской страховки, счета в банке и подписки на газеты. Была у него только одна гитара, на которой он не мог играть, потому что рук у него тоже не было.

Может, вы не поверите, но у него не было даже лица. Вместо него была какая-то грустная маска. Люди, которые не верили в это так же, как и вы, однажды схватили его и содрали с него маску. И что же? Под ней оказалась маска еще более грустная. Тогда его оставили в покое, потому что под второй маской могла оказаться третья, еще более печальная. А ведь это ужасно, что в тот момент, когда нам всем весело, по улицам бродит человек с таким неприятно-грустным лицом.

Игроки в карты

Они играли в покер всю ночь.

Ему не везло, как никогда в жизни. Он проигрывал все подряд: деньги, ценные бумаги, автомобиль, загородный дом. И все это выигрывал неизвестно откуда взявшийся странный господин с отталкивающей внешностью.

— Это все компенсация, господа, — приговаривал он после каждого выигрыша. — Если Бог наградил человека такой рожей, он должен ему компенсировать хотя бы в деньгах.

И тогда проигравший решил рискнуть, чтобы отыграть все разом. Он поставил на кон свой химический завод. Правда, завод был не только его, а всей их многочисленной фамилии, но сейчас это уже не имело никакого значения. Сдали карты, и фортуна в очередной раз от него отвернулась.

Победитель отозвал его в сторону и, глядя на его помертвевшее лицо, сказал:

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете, но не отчаивайтесь. Я могу вам предложить один неплохой вариант.

— Что это за вариант?

— Взаимовыгодный. Я отдаю вам все, что я у вас выиграл, но за это мы меняемся с вами лицами.

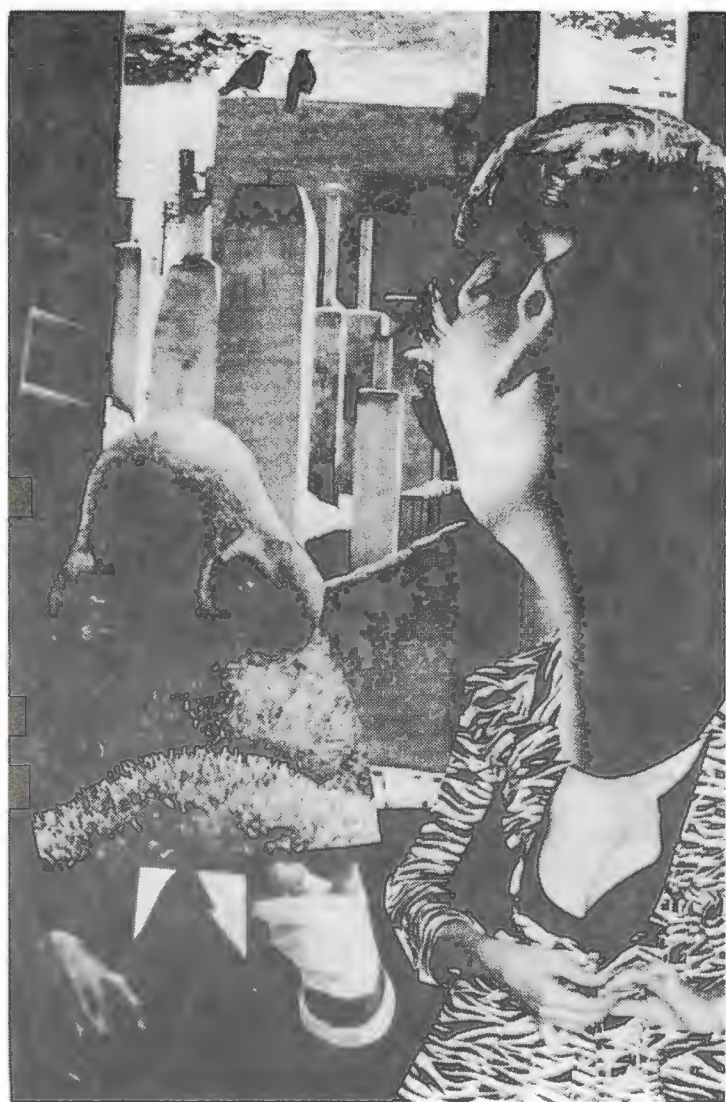
— Как?.. Что вы сказали?.. Да разве это возможно?

— Возможно, возможно... Это уже было однажды.

Лет двадцать назад один юноша из богатой и уважаемой семьи проиграл все, что мог, одному прожженному картежнику с кошмарным лицом. И тогда тот предложил юноше поменяться внешностью.

— И вы согласились? — спросил он одними губами.

— Я-то да, но тот соплик вдруг взял и застрелился. И мне пришлось еще двадцать лет жить на свете с этой жуткой непотребной рожей!

Нара на фоне весеннего пейзажа

Он ворвался и заорал с порога:

— Где? Где вы прячете своего любовника?

— Какого любовника? У меня нет никакого любовника.

— Не лгите! У женщин с таким выражением лица обязательно должен быть любовник.

— А вот у меня нет.

— Тогда почему у вас такое счастливое лицо?

— Потому что весна, потому что я молода, хороша собой...

— Сударыня, я уже слишком стар, чтобы слушать эти басни! Я плачу за вашу квартиру, покупаю наряды, оплачиваю счета... И я хочу за это хотя бы знать, кто он?

— Но у меня...

— Перестаньте! — он затопал ногами. — Немедленно говорите, кто он? Где вы его прячете?

— Хорошо, — сдалась она. — Может быть, так даже лучше. Видите, слева на крыше сидит птица? Так вот, когда вы звоните в дверь, мой любовник сразу превращается в птицу и вылетает в окно.

— Ну вот, — сказал он. — Это уже похоже на дело. Конечно, мне неприятно это слышать, но всегда лучше знать правду, пусть даже горькую.

«Боже, — подумала она, — какой же он болван. Как он легко верит в сказки. Ведь мой любовник — это правая птица».

Художник Алексей Хайт (Климов) с отцом

**Друзья
вспоминают...**

Геннадий Хазанов

Встречи — первая и последняя

В 1964 году я поступил в МИСИ —

Московский инженерно-строительный институт и сразу же окупился в художественную самодеятельность. Репертуара у меня не было. А незадолго до этого МИСИ окончил Аркадий Хайт, и о нем в институте ходили легенды, как об исключительно остроумном человеке. Я с ним знаком не был, но читал в прессе очень смешные рассказы за подписью Александра Курляндского и Аркадия Хайта. Решил обратиться к Хайту. Узнал, где он живет, и стал караулить у дома. И вот идет по улице Щусева высокий молодой человек с приветливым лицом. Почему-то я сразу понял, что это Хайт. Мы познакомились. Он привел меня домой в коммуналку. Познакомил с родителями. Его отец был очень остроумным человеком, все это перешло к Хайту. Я объяснил, зачем пришел, попросил, чтобы он мне что-нибудь написал.

А через год я поступил в Эстрадно-цирковое училище и, естественно, снова обратился к Хайту, дескать, нужен репертуар. Он мне сказал: не волнуйся, тебе будет с чем выпускаться и работать. Они с Сашей Курляндским написали мне пародийный номер на голоса Озерова, а также ряда известных артистов, с чем я начал выступать на эстраде и получил первую известность. Хайт продолжал меня опекать. Две мои первые сольные программы написаны им.

Летом 1999 года я выступал в Клайпеде и должен был ехать в Таллинн. Хайт в это время отдыхал в Эстонии, на хуторе, где он проводил каждое лето. Я позвонил ему и сказал, что заеду к нему, хоть это и было совсем не по дороге. На машине я проскочил лишние

сто километров и даже подумал, что, видимо, не судьба свидеться. Однако нашел его. Мы провели вместе вечер, говорили обо всем. В это время я уже работал в Театре эстрады и предложил ему, блестяще знавшему английский, сделать авторизованные переводы английских комедий. Он согласился. Мне пора было ехать, я выскочил из дома, сел в машину и тут только понял, что не попрощался как следует. Хайт с улыбкой сказал: ты и уходишь по-английски.

Через два месяца я уезжал в Германию и собирался заехать в Мюнхен, где жил Хайт. Собирая вещи, взял в руки список аннотаций английских пьес, и тут меня словно что-то толкнуло... В голове мелькнуло: это уже не надо. В Германии я позвонил в Мюнхен и узнал, что Хайт в больнице. И когда мне сказали диагноз, я вспомнил ту мою внутреннюю фразу. Такая между нами была телепатическая связь, что он дал мне знать, что ему это больше не понадобится. Моя поездка на хутор оказалась последней нашей встречей.

Чтобы не заканчивать на столь грустной ноте об этом всегда веселом человеке, вот еще одна история. В 1976 году вся страна отмечала 70-летие Брежнева. Меня пригласили выступить на юбилейном вечере, и, конечно, с монологом студента кулинарного техникума. Брежнев обожал эти номера. Я говорю Хайту: «Наверно, надо сначала как-то поздравить его, как-то неудобно встать и сразу забарабанить текст». Хайт говорит: «У них там протокол. Говорят лишь то, что уже зафиксировано». Тут он засмеялся и говорит: «Но если ты хочешь сначала поздравить, то скажи так: Леонид Ильич, вы на 11 лет старше Советской власти, а выглядите гораздо лучше, чем она».

Я посмеялся этому, кому-то рассказал, и уже на следующий день эта шутка ходила по Москве как безымянный анекдот.

Александр Курляндский

Мы начинали вместе

Последний раз мы встретились

в самолете. Совершенно случайно. Сели отдельно от жен. У меня была фляжка джина.

— Ты как? — спросил я, зная, что он не очень любит спиртное.

— Давай, — сказал он. — За все хорошее! Есть что вспомнить.

Так и прошло три с лишним часа. В хохоте, трепе обо всем хорошем. А хорошего было немало. «Капустники», которые мы вместе писали, кубок КВНа, «Фитили», «Ералаши», эстрадные спектакли, поездки к морю, посиделки в веселых компаниях. Сочинять мы стали еще в институте. Он был на первом курсе, я — на втором. Однажды по комсомольской разнарядке мне поручили писать «капустник». И сказали: «На первом курсе есть очень остроумный парень». Им оказался Аркадий Хайт. Через какое-то время, тоже по комсомольской разнарядке, меня вновь отправили писать «капустник». И сказали: «На первом курсе есть очень остроумный парень». Конечно, им оказался все тот же Хайт. С этого момента мы были неразлучны. Писать и сочинять было для нас самым большим кайфом. Этим мы занимались на лавочках в парках, в холлах гостиниц. В автобусах и электричках. Потихонечку стали профессионалами. Не самыми последними в этом жанре. Потом решили писать отдельно. Каждый выбрал свой путь. Нас связывало только «Ну, погоди!». Но каждый раз, встречаясь для очередной серии, мы становились теми прежними, безудержно веселыми и молодыми.

Считается, что юморист должен быть мрачным. Хайт был не из таких. Он постоянно шутил, хохотал.

Я никогда не видел человека, который бы так весело и заразительно смеялся. И своим шуткам, и чужим. Казалось, все давалось ему легко. И в жизни, и в творчестве. Он был строен, красив, обаятелен, прекрасно танцевал, знал несколько языков... Но ничто настоящее не дается легко. Он очень много трудился. Всегда был в работе. За свою жизнь Аркадий рассмешил не одно поколение маленьких и взрослых читателей, радиослушателей, зрителей. Его смех звучал в монологах Хазанова, Петросяна, передачах «Радионяня», многочисленных «Фитилях» и «Ералашах», в «Коте Леопольде» и «Ну, погоди!». Надеюсь, его юмор долго еще будет звучать и радовать нас. И мы каждый раз будем с благодарностью вспоминать Аркадия Хайта.

Эдуард Успенский

Он умел рассмешить

Я начинал как эстрадный автор.

Писали мы вдвоем с Феликсом Канделем, ныне живущим в Израиле. Мы дружили с еще одним тандемом юмористов — Хайтом и Курляндским. У нас четверых была игра — рассмешить незнакомого человека. Лучшее всего это удавалось Хайту. Приехали мы в один город. Пошли обедать в ресторан при гостинице. Хайт говорит: «Сейчас я рассмешу официантку».

Он заказывает обед и просит принести побольше хлеба.

- По три кусочка? — спрашивает официантка.
 - Больше.
 - По пять?
 - Больше.
 - По полбуханке, что ли?
 - Еще больше.
 - Куда вам столько хлеба?
 - У нас в номере поросенок, надо кормить.
- Официантка так и прыснула.

С Аркашей Хайтом мы познакомились

на юге, во время отдыха, такие курортные знакомства, как правило, в Москве обрываются. Но в этом человеке было столько обаяния, дружелюбия, неподдельной веселости, личность его была так привлекательна, что знакомство переросло в дружбу на всю жизнь. Жил он тогда в маленькой квартирке у Речного вокзала. В его доме всегда было весело. Это он умел устроить. Жена Люся отлично готовила. Ее хобби было придумать для гостей какую-нибудь вкуснятину. И это ей всегда удавалось. А однажды произошло вот что. Поехали мы летом на машине в Эстонию: Аркаша, художник Лева Збарский и я. Люся нам наготовила всего на дорогу. Проезжая мимо придорожных кафе, я или Лева предлагали остановиться перекусить. Аркадий отвечал: никаких кафе, у нас все с собой. Наконец, выбрали полянку, устроили привал, у всех слюнки текут. Полез Аркадий за провизией. И оказалось, что он все забыл дома. Злиться на него можно было не более минуты, он так заразительно расхохотался, что оставалось только присоединиться к нему.

Я горд тем, что в какой-то мере поспособствовал выбрать его сыну Алеше свою специальность. Мальчик хорошо рисовал, но родители не придавали этому значения. Я повел Алешу к нашему общему другу художнику Борису Биргеру, тот увидел талант мальчика, дал нужные советы. Потом Алеша поступил в мюнхенскую Академию художеств и окончил ее. Сейчас он профессиональный художник.

На юбилейных торжествах друзей Аркаша писал очень смешные поздравления. Расскажу об одном, ибо

считаю его шедевром остроумия. В ресторане Дома архитекторов Гриша Горин отмечал свое 50-летие. Было это в 1990 году. Естественно, юмора было навалом. Но всех превзошел Хайт. Он зачитал письмо Горину, но... к его 60-летию. То есть якобы написанное в 2000 году. В письме многие злободневности того времени рассматривались через призму будущего десятилетия. Он не ставил перед собой задачу что-то предсказать, а просто едко подтрунивал над событиями своего времени. Тут и проводы последнего еврея, которых принимали уже только в Конго со столицей Браззавиль, и новый переход к цивилизованному рынку, который на этот раз будет подземным, и новое разделение МХАТа — теперь их четыре, и многое другое, о чем гудели в то время. Письмо так мне понравилось, что я попросил его у Аркаши, и на наших творческих вечерах с Вале́й Гафтом мы зачитывали его на два голоса под гомерический хохот зрителей.

И все же Хайт не был просто остряком. Нет, он был человеком глубоким и пронизательным. Он был очень пессимистичен по отношению к окружающей жизни, особенно ее советскому периоду. Он видел весь репертуар «Современника», и, пожалуй, ни от кого я не слышал таких глубоких и точных суждений о наших спектаклях, как от него.

Дружить с ним было одно удовольствие. Это подарок судьбы.

Считаю Аркадия Хайта одним

из самых выдающихся юмористов нашего времени. Говорю это с полной ответственностью, ибо сотрудничал с ним на эстраде более двух десятков лет и следил за его успехами в других сферах юмора. Общался с ним и в работе, и на отдыхе. Он все время комментировал события жизни — политической, хозяйственной — через призму своего восприятия, находя в них массу нелепого и смешного. Мыслил он удивительно парадоксально, импровизировал на любую тему. Все это давало ему материал для работы сатирика. Хохолющий, добродушный, открытый, извергающий массу шуток, он при этом был очень глубоким человеком. Всегда заглядывал в суть явления. Много предвидел, предупреждал. Он написал мне монолог «Сеятели». Там такой текст:

- Эй, сеятели!
- Мы не сеятели, мы разбрасыватели.
- Что разбрасываете?
- Что под руку попадет, то и разбрасываем: трактора, запчасти...
- И не жалко?
- А что жалеть. Завтра новые дадут.
- А заканчивался номер песенкой:

Эх, полна, полна моя корбушка,
Ничего не жалко нам.
Даже синхрофазотрушку
Разбрасаем по частям.

Написано это было за полгода до Чернобыля.

Он не обижался, когда я ему говорил: «Аркаша, вот это место не получилось».

Сразу же садился и сочинял новые варианты, да и сам он был очень критичен к своей работе. Монолог «Пугало огородное» переделывал восемь раз. От первоначального варианта не осталось ни единого слова. Это монолог о начальнике, который везде проваливал свою работу, но поскольку он — номенклатура, его не выгоняют, а перебрасывают на новое место... Так он доходит до пугала на огороде. Но и тут он именует себя «начальником огорода». И секретарша есть на цепи: на всех лает и кидается. На каждом своем новом поприще он проявляет инициативу. Будучи директором обойной фабрики, стал выпускать вместо обоев с цветочками обои с денежными купюрами. Вздуроражил весь город. Из этой ситуации Хайт извлек целую уйму реприз, от которых зрители хохотали до слез. А будучи директором овощной базы, этот начальник послал коров пастись на поле, где растет хмель. Опять возникла ситуация, где Хайт буквально резвился со своими репризами. Например: трактористы напились молока и не только вспахали и засеяли поле, но еще его и заасфальтировали. Этот его монолог дал целое тематическое направление на эстраде — об «энтузиастах», от которых, кроме бед, ничего.

А чего стоит вошедшая в нашу жизнь фраза «Ребята, давайте жить дружно»! Это и девиз его жизни, и его завещание нам, особенно актуальное в нынешнее время.

Как-то мы летели из Сочи, рейс задерживался. Пошли погулять по парку. В глубине, в лесном массиве, на очень высоком постаменте стояла непропорционально маленькая фигурка Ленина. Бронза от времени и неухоженности позеленела, Ленин сливался с зеленым ландшафтом. Хайт, увидев это, засмеялся и сказал: «Если бы я увидел эту фигуру раньше, то еще до Шаинского написал бы песню «В лесу живет кузнечик...».

Просматривая для «Смехопанорамы» старые пленки, вижу, что многое устарело и уже не смешно. А номера Хайта ничуть не потеряли своей актуальности

и все так же смешны. Он копал всегда глубоко. Он выражал точку зрения рядового, здравомыслящего человека, который точно отмечает все негативные стороны времени.

Он написал мне более 25 монологов, сценок и небольших пьесок. Это мой золотой запас и сегодня.

(По материалам журнала «Алеф»)

Литературно-художественное издание

Аркадий Хайт

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том тридцать пятый

Ответственный редактор *М. Яновская*

Художественный редактор *А. Мусин*

Компьютерная верстка *Л. Кузьмина*

Корректор *Е. Коротаева*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.09.2004.

Формат 84x108¹/32. Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 35,28 + вкл.

Тираж 7000 экз. Заказ № 5147.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

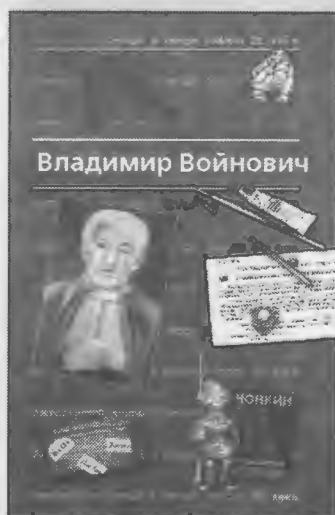
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2004 года!

**АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА
РОССИИ XX ВЕКА
В 50 ТОМАХ**

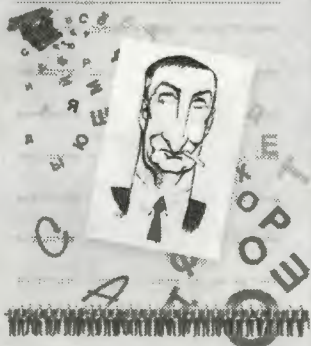
Keywords: *depression, mood, mood disorder, mood disorder, mood disorder*

Chlorophyll *a* > Chlorophyll *b* > Carotenoids

2000's *Travels* for me.

Семен Альтов

Самостоятельно: Картина в Метрополитен Музеи Нью-Йорк

Notes

Source: U.S. Census Bureau, *Current Population Reports*, TV series.

Саша Чёрный

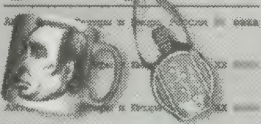

~~COPYRIGHT © 1980 BY THE UNIVERSITY OF CHICAGO~~

Antony and Cleopatra 2. 1. 100-101

ЭФИМ ЕМОЛИН

ANTON: *Yes, I am.*

1998

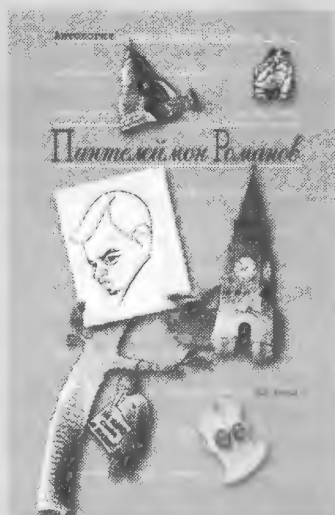
...and the ...

© 1999 Blackwell Science Ltd *Journal of Internal Medicine* 245: 151–157

ОДЕССКИЙ ЮМОР

**В ближайшее время увидят свет книги
Антологии**

**ЛЕОНИД ФИЛАТОВ
ВЛАДЛЕН ВАХНОВ
ЭПИГРАММА
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ
ЮЛИЙ КИМ**

1. Паровые Двиг
Виды и
2. Двигатели Кинем
в сб.

I'm all right.
- The - I mean, first
- I understand, now
- Can you?
- One more time
- He says me too
- A woman who is
- There's a girl
- All
- The best
- There because
- He says it to

1. Паровозы Дворе
Билдинг сеп
2. Дворе Кинне
в сфр. т

-
- Just in the house. In
- The - House, per K
 - Dumbass, the
 - Can you?
 - One up to 1
 - a see for see
 - he type me to see
 - see me: see
 - See me for the
 - A man me, see
 - see me for the
 - The same man. Ch
 - no more, a per the
 - There to take
 - 211
 - House. The per
 - y the up to see
 - The same
 - The he up to see

Сенюсено
Татееве
ст. та Геление
трошнее.

хензе америк
кеманде?
и лев ред.

реду абелитис бсу него,
не момени.
бу. и лев в урине
и урине
момени.

срив, лев та момени
евоарно и лев
и лев и лев
и лев и лев
ред.

добре то сеп, то
ред лев. Значи та
и лев и лев
и лев и лев.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

АРКАДИЙ ХАЙТ

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Вся страна отмечала 70-летие Брежнева. Меня пригласили выступить на юбилейном вечере с монологом студента кулинарного техникума, написанным Хайтом. Брежнев обожал эти номера. Я говорю Хайту: «Наверное, надо сначала как-то поздравить его, как-то неудобно встать и сразу забарабанить текст». Тут Аркадий засмеялся и говорит: «Если ты хочешь сначала поздравить, то скажи так: «Леонид Ильич, вы на одиннадцать лет старше Советской власти, а выглядите гораздо лучше, чем она». На следующий день эта шутка ходила по Москве как безымянный анекдот.

Геннадий Хазанов

ISBN 5-699-08446-0

9 785699 084463 >

Антология Сатиры и Юмора России XX века